ПЭЛЕМ ГРЭНВИЛ
ВУДХАУЗ

Annotation

В этой книге мы вновь встречаемся с героями П.Г. Вудхауза в романах, ранее не публиковавшихся, и с уже известными по прежним публикациям персонажами.

Пэлем Грэнвил Вудхауз
Собрание сочинений
Том 10. Дживс и Вустер

Ваша взяла, Дживс

Перевод с английского И. Шевченко
Редактор Ю. Жукова

1

— Дживс, — сказал я, — могу я говорить откровенно?
— Вне всякого сомнения, сэр.
— Боюсь, то, что я скажу, будет вам неприятно.
— Ничуть, сэр.
— Видите ли…
Хотя нет, постойте. Минуту терпения. Я начал не с того конца.

Не знаю, как вы, а я вечно ломаю себе голову, с. чего начать рассказ. Чертовски трудная для меня задача. Тут ни в коем случае нельзя оплошать. Один неверный шаг, и все пропало. Если вы, ради того чтобы создать настроение, подходящую атмосферу и прочий вздор, слишком затянете со вступлением, то слушатели разбредутся.

С другой стороны, если рвануть с места в карьер, публика растеряется и не сможет взять в толк, о чем речь.

Начав излагать эту весьма запутанную историю, где замешаны Гасси Финк-Ноттл, Мадлен Бассет, кузина Анджела, тетушка Далия, дядя Томас, Таппи Глоссоп и повар Анатоль, с вышеприведенного диалога, я впал во вторую крайность.

Придется себя осадить. Взяв во внимание только главное и не отвлекаясь на мелочи, скажу, что, пожалуй, история эта началась с поездки в Канны. Не отправься я в Канны, не встретить бы мне эту самую Бассет и не купить белый клубный пиджак, Анджеле в глаза бы не видеть акулы, а тетушке Далии не пуститься играть в баккара.

Да, вне всяких сомнений, Канны — point d'appui.[1]

Ну вот, теперь полный порядок. Приступаю к рассказу.

Итак, в начале июня я устремился в Канны без Дживса — он намекнул, что не хотел бы пропустить скачки в Аскоте. Вместе со мной поехали тетушка Далия и ее дочь Анджела. Таппи Глоссоп, с которым Анджела была помолвлена, тоже хотел ехать с нами, но в последний

момент что-то задержало его в Лондоне. Дядюшка Том, муж тети Далии, остался дома — его на юг Франции калачом не заманишь.

Это завязка: в начале июня мы отбываем в Канны в следующем составе — тетушка Далия, кузина Анджела и ваш покорный слуга.

Вроде бы пока все ясно, правда?

Мы пробыли на Ривьере около двух месяцев, и, если не считать того, что тетушка Далия в пух и прах проигралась в баккара, а кузину Анджелу — она каталась на акваплане — едва не проглотила акула, можно сказать, прекрасно провели время.

Двадцать пятого июля, полный сил и бронзовый от загара, в обществе тети Далии и ее чада я отправился в Лондон. Двадцать шестого в семь вечера мы вышли из поезда на вокзале «Виктория». А примерно в семь двадцать обменялись любезностями и распрощались — они уселись в автомобиль и укатили в Бринкли-Корт, тетушкино Вустерширское поместье, куда через день-другой должен был явиться Таппи, а я поехал к себе оставить багаж, привести себя в порядок, переодеться к обеду и ринуться в «Трутни».

Когда я промокал торс полотенцем после столь необходимого и обязательного омовения и болтал о том о сем с Дживсом, вновь входя в привычный крут столичных новостей, в разговоре вдруг всплыло имя Гасси Финк-Ноттла.

Если память мне не изменяет, у нас состоялся приблизительно такой диалог.

Я: Ну, такие вот дела, Дживс.

Дживс: Да, сэр.

Я: В том смысле, что наконец-то я дома.

Дживс: Безусловно, сэр.

Я: Кажется, сто лет прошло.

Дживс: Да, сэр.

Я: Приятно провели время в Аскоте?

Дживс: В высшей степени приятно, сэр.

Я: Что-нибудь выиграли?

Дживс: Вполне удовлетворительную сумму, благодарю вас, сэр.

Я: Рад за вас. Ну, Дживс, что новенького? Кто-нибудь мне звонил? Или, может, заходил?

Дживс: Довольно часто заходил мистер Финк-Ноттл, сэр.

Я вытаращил глаза. Не будет преувеличением сказать, что я даже разинул рот.

— Мистер Финк-Ноттл?

— Да, сэр.
— Вы имеете в виду мистера Финк-Ноттла?
— Да, сэр.
— Разве мистер Финк-Ноттл в Лондоне?
— Да, сэр.
— Провалиться мне на этом месте!

Сейчас объясню, почему я так удивился. Вообще-то я просто ушам своим не верил. Видите ли, Финк-Ноттл — один из тех чудаков, кто не выносит Лондона, подобные экземпляры нет-нет да и попадаются вам на жизненном пути. Если Финк-Ноттл проводит в Лондоне год, то потом на год забирается в глушь, в свое имение где-то в Линкольншире, обрастает мхом и не является даже на традиционные спортивные соревнования между Итоном и Хэрроу. Однажды я его спросил, не тоскливо ли ему в этакой-то глуши, а он говорит, ничуть, ведь у меня в саду есть пруд, я наблюдаю за тритонами и изучаю их повадки.

Я не представлял себе, чего ради Гасси вдруг прикатил в Лондон. Готов был поспорить, что, пока тритоны у него в пруду не вымрут все до последнего, никакая сила не заставит его покинуть милый его сердцу медвежий угол.

— Дживс, вы уверены?
— Да, сэр.
— Может быть, вы что-то перепутали? Точно Финк-Ноттл?
— Да, сэр.
— Совершенно невероятный случай! Ведь он уже лет пять не был в Лондоне. Как известно, здесь он не в своей тарелке. Все время торчит у себя в деревне в обществе тритонов.
— Прошу прощения, сэр?
— Да, представьте себе, Дживс, именно тритонов. Видите ли, мистер Финк-Ноттл помешан на тритонах. Вы, должно быть, слышали о тритонах. Это такие маленькие ящерицы, они водятся в прудах.
— Как же, как же, сэр. Водоплавающая разновидность семейства саламандровых, биологический подвид Molde.
— Вот именно. Понимаете, Гасси с детства души в них не чает. Он и в школе всегда с ними возился.
— Думаю, среди юных джентльменов, сэр, подобные увлечения не редкость.
— Он держал их у себя в комнате в большой стеклянной банке. Довольно противное зрелище. Уже тогда было ясно, чем все это кончится, но вы ведь знаете, Дживс, что такое мальчишки. В голове ветер, на все

плевать, заняты только собой. Мы и значения не придавали тихому помешательству Гасси. Так, иногда, кто-нибудь походя бросит, что на свете еще и не такое увидишь, вот и все. Можете себе представить последствия. Дурь все больше и больше захватывала Гасси.

— В самом деле, сэр?

— Увы, Дживс. Он совсем спятил. Им овладела тритономания. А когда стал взрослым, забился в глушь и посвятил жизнь этим дурацким тварям. Наверное, поначалу думал, что, если захочет, может в любую минуту их бросить. Но не тут-то было — слишком поздно.

— Явление довольно распространенное, сэр.

— Совершенно верно, Дживс. Словом, последние пять лет он безвылазно живет в своем Линкольнширском поместье, отшельник отшельником, людей избегает, через день меняет воду своим тритонам и видеть никого не желает. Вот почему я так удивился, когда услышал от вас, что Гасси вдруг всплыл на поверхность. Просто не верится. Может быть, все-таки вышла ошибка, может быть, приходил какой-то другой Финк-Ноттл? Гасси носит очки в роговой оправе, лицо, как у рыбины. Ну что, сходится?

— Джентльмен, который сюда приходил, носит очки в роговой оправе, сэр.

— И похож на экспонат рыбного прилавка?

— Кажется, в его лице действительно можно усмотреть нечто рыбье, сэр.

— Значит, это Гасси. Но, черт побери, чего ради его занесло в Лондон?

— Вероятно, я мог бы объяснить, сэр. Мистер Финк-Ноттл посвятил меня в причины, побудившие его посетить столицу. Он приехал сюда из-за молодой леди.

— Из-за молодой леди?

— Да, сэр.

— Уж не думаете ли вы, что он влюбился?

— Да, сэр.

— Ну, знаете, Дживс, это уж слишком. Чтобы я такому поверил? Да никогда.

Я и в самом деле был ошарашен. То есть шутки шутками, но надо и честь знать!

Однако мое внимание привлекла и другая сторона этого странного дела. Даже если допустить, вопреки всем законам логики и здравого смысла, что Гасси влюблен, почему он повадился ходить именно ко мне?

Когда человек влюбляется, ему необходимо дружеское участие, но почему он выбрал в поверенные меня?

Будь мы с ним закадычными друзьями, тогда другое дело. Конечно, когда-то мы виделись довольно часто, но за последние два года он не удосужился прислать мне ни одной открытки.

Я изложил свои соображения Дживсу.

— Странно, что он зачастил ко мне. Впрочем, чего не бывает, приходил и приходил. Дело не в этом. Должно быть, бедняга огорчился, узнав, что я в отъезде?

— Нет, сэр. Мистер Финк-Ноттл приходил не к вам.

— Полно, Дживс! Вы только что сказали, что он ко мне приходил, и не один раз.

— Мистер Финк-Ноттл желал побеседовать со мной, сэр.

— С вами? Я не знал, что вы знакомы.

— Я познакомился с мистером Финк-Ноттлом, когда он пришел сюда, сэр. До этого момента я не имел удовольствия его знать. Оказывается, мистер Сипперли, университетский товарищ мистера Финк-Ноттла, порекомендовал мистеру Финк-Ноттлу посвятить в свои дела меня.

Тайна раскрылась. Я все понял. Надеюсь, вы помните, что среди моих друзей за Дживсом давно установилась репутация непревзойденного мастера по части мудрых советов. Если кто-то из нас попадал в передрягу, то первым делом бежал к Дживсу и выкладывал ему свои заботы. Стоило Дживсу вытащить из беды мистера А., как тот отправлял к нему мистера В. Спасенный мистер В. посылал к Дживсу мистера С. Ну и пошло, и поехало.

Думаю, подобным же образом сделали себе карьеру все крупные консультанты. Старина Сиппи, я знаю, был потрясен тем, как ловко Дживс устроил его помолвку с Элизабет Мун. Ничего странного, что Сиппи посоветовал Гасси обратиться за помощью к Дживсу. По проторенной, так сказать, дорожке.

— А, значит, вы ему помогаете?

— Да, сэр.

— Понял. Теперь мне все ясно. А что стряслось с Гасси?

— Как ни странно, сэр, но в точности то же самое, что с мистером Сипперли, которому я имел удовольствие оказать помощь. Вы, безусловно, помните, в чем заключались затруднения мистера Сипперли, сэр. Испытывая глубокую привязанность к мисс Мун, он страдал от неуверенности в себе и потому не мог с ней объясниться.

Я кивнул.

— Как же, помню. Отлично помню. У бедняги Сиппи не хватало

мужества решиться. Душа уходила в пятки. Помнится, вы тогда сказали, что ему чего-то очень хочется, что… не помню, как дальше. Там еще кошка замешана, если не ошибаюсь.

— И хочется, и колется, сэр.

— Вот-вот. А кошка при чем?

— Как кошка в пословице, сэр.

— Точно. И как это вы все помните, поразительно. Значит, говорите, Гасси тоже трусит?

— Да, сэр. Всякий раз, как он соберется сделать предложение юной леди, мужество его покидает.

— Однако, если он желает, чтобы девица стала его женой, ему все-таки придется ей об этом сообщить, как вы считаете? Как-никак, но приличия этого требуют.

— Вне всякого сомнения, сэр. Я задумался.

— Знаете, Дживс, по-моему, так и должно было случиться. Признаться, я не ожидал, что Финк-Ноттл падет жертвой нежной страсти, но уж коль так вышло, ничего удивительного, что он струсил.

— Да, сэр.

— Вспомните, какую жизнь он ведет.

— Да, сэр.

— Думаю, он лет сто ни с одной девушкой не разговаривал. Дживс, какой урок всем нам — нельзя сидеть сиднем у себя в поместье, в глуши, и глазеть на аквариум с тритонами. Эдак никогда не станешь настоящим мужчиной. Одно из двух: или вы сидите с тритонами у себя в глуши, или кружите головы девицам. Таков выбор.

— Да, сэр.

Я снова задумался. Мы с Гасси, как я уже упоминал, вроде бы давно потеряли связь друг с другом, и все равно я искренне сочувствовал бедному тритономану, как, впрочем, и всем моим друзьям, и далеким, и близким, кому судьба кидает под ноги банановую кожуру. По-моему, Гасси сейчас был, как никто, близок к тому, чтобы на этой самой кожуре поскользнуться.

Я стал вспоминать, когда мы с ним виделись последний раз. Кажется, года два назад. Я путешествовал на автомобиле и завернул к нему в поместье. Помнится, он мне вконец испортил аппетит — притащил за стол пару этих зеленых тварей с лапками и кудахтал над ними — ни дать, ни взять молодая мамаша со своими малютками. В конце концов один из гадов сбежал от Гасси и нырнул в салат. Признаться, когда эта картина вновь встала у меня перед глазами, я засомневался, что несчастный

придурок способен ухаживать за барышней и тем более добиться в этом деле успеха. Особенно если его пленила современная девица, развязная, с накрашенными губами и дерзким насмешливым взглядом.

— Послушайте, Дживс, — сказал я, готовясь узнать, что мои наихудшие предположения оправдываются, — что представляет собой девица?

— Я не имею чести знать молодую леди, сэр. По словам мистера Финк-Ноттла, она чрезвычайно привлекательна.

— Он ведь в нее влюблен, да?

— Да, сэр.

— Не называл ли он ее имени? Возможно, я с ней знаком.

— Это некая мисс Бассет, сэр. Мисс Мадлен Бассет.

— Что?!

— Да, сэр.

У меня от изумления челюсть отвисла.

— Разрази меня гром! Подумать только! Как тесен мир, а?

— Молодая леди вам знакома, сэр?

— Не то слово. Ну, Дживс, камень упал с души. Кажется, положение Гасси не совсем безнадежно.

— Вот как, сэр?

— Уверен. Признаться, пока вы не сообщили мне эту новость, я сильно сомневался, что бедняге Гасси удастся повести к алтарю хоть какую-нибудь завалящую девицу. Ведь он не из тех, о ком говорят «красавец мужчина», надеюсь, вы не станете со мной спорить?

— Нет, сэр. Ваши слова исполнены тонкой наблюдательности, сэр.

— Клеопатре он бы вряд ли понравился.

— Пожалуй, что так, сэр.

— Сомневаюсь, что он приглянулся бы и Теллуле Банкхед.[2]

— Да, сэр.

— Но когда вы мне сказали, что предмет его страсти мисс Бассет, во мне возродилась надежда. За такого, как он, Мадлен Бассет ухватится с большим удовольствием.

Эта самая Бассет, должен вам сказать, нередко по-приятельски захаживала к нам в гости в Каннах. У них с Анджелой сразу завязалась пылкая дружба — между девицами это принято, — поэтому я виделся с Мадлен Бассет довольно часто. Когда на меня нападала хандра, мне даже казалось, что я шагу не могу ступить, чтобы не наткнуться на упомянутую Мадлен Б.

Но самое скверное — чем чаще мы с ней встречались, тем труднее мне

становилось поддерживать разговор.

Сами знаете, как бывает, когда общаешься с некоторыми барышнями. Вас как будто выпотрошили. В их присутствии голосовые связки вам не повинуются, а в голове словно бы опилки. Именно такие ощущения вызывала у меня эта Бассет. Доходило до того, что Бертрам Вустер переминался с ноги на ногу, теребил галстук, словом, вел себя как последний болван и тупица. Поэтому легко представить, как обрадовался Бертрам, когда Мадлен Бассет отбыла в Лондон двумя неделями раньше нас.

Заметьте, вовсе не ее несказанная красота вызывала у меня этот столбняк. Хотя надо отдать ей должное, она была красива — этакая томная блондинка с огромными глазищами, однако от ее прелестей дух у меня не захватывало.

Нет, причина, по которой Бертрам, непревзойденный мастер изящной светской болтовни с представительницами прекрасного пола, лишался при виде Мадлен Бассет дара слова, крылась в странном, мягко говоря, образе мыслей означенной девицы. Не хочу ни на кого возводить напраслину, поэтому не стану утверждать, что она кропает стишки, но ее манера разговаривать вызывает живейшие подозрения на этот счет. Когда девица ни с того, ни с сего брякает вам, что звезды на небе — это ромашки на лугах Господа Бога, тут невольно призадумаешься.

Поэтому ни о каком слиянии душ у нас с этой Бассет и речи не шло. А вот Гасси — иное дело. Если меня ставит в тупик, что девица по уши набита всякими бреднями и сентиментальным вздором, то Гасси наверняка придет от этого в восторг.

Он всегда был мечтателем и размазней, иначе не заточил бы себя в глуши и не посвятил свою жизнь тритонам. Если какое-то чудо поможет Гасси прошептать слова признания, уверен, они с Бассет составят идеальную пару, вроде яичницы с ветчиной.

— Она создана для него, — сказал я.

— Чрезвычайно приятно это слышать, сэр.

— А он создан для нее. Дело стоящее, и надо во что бы то ни стало его провернуть. Дживс, напрягите интеллект.

— Слушаюсь, сэр, — отвечал усердный малый. — Я немедленно примусь выполнять ваше поручение.

До этой минуты — думаю, вы со мной согласитесь, — у нас с Дживсом царило совершенное согласие. Мы дружески болтали о том о сем, в доме тишь, гладь и Божья благодать. Однако, — говорю об этом с сожалением, — в один миг все резко переменилось. В воздухе повеяло

грозой, налетели тучи, и не успели мы опомниться, как послышались раскаты грома. Подобные сцены случаются в доме Вустера.

Первым намеком на то, что обстановка накаляется, было раздавшееся в окрестностях кофра удрученно-осуждающее покашливание. Надо вам сказать, что во время приведенного ранее разговора я, обтеревшись после ванны, начал неспешно одеваться — носки, брюки-гольф, туфли, сорочка, жилет, галстук, а Дживс, стоя на коленях и находясь, так сказать, в партере, распаковывал мои вещи.

И вдруг он поднялся на ноги, держа в руках нечто белое. Взглянув на это нечто, я понял, что назревает еще один домашний кризис, еще одно неизбежное столкновение двух сильных личностей, и если Бертрам не вспомнит предков-воинов и не встанет на защиту своих прав, он будет повержен.

Не знаю, были ли вы в Каннах тем летом. Если были, то вы, разумеется, помните: каждый, кто рассчитывал стать душой общества, неизменно посещал вечера в казино в обычных фрачных брюках, к северу от которых располагался клубный пиджак с золотыми пуговицами. И с той минуты, как я сел в Каннах в «Голубой экспресс», меня тревожил вопрос, как примет этот пиджак Дживс.

Понимаете, во взглядах на вечерние костюмы Дживс крайне ограниченная личность, настоящий ретроград. У нас с ним уже случались распри по поводу сорочек с мягкой манишкой. А белые клубные пиджаки были тогда на Лазурном берегу предметом повального увлечения tout ce qu'ilya de chic. И щеголяя в казино «Палм Бич» шикарным белым пиджаком, который, конечно же, был поспешно мною куплен, я отдавал себе отчет, что дома мое приобретение скорее всего будет встречено в штыки. И приготовился дать отпор.

— Да, Дживс? — сказал я. И хотя голос у меня звучал мягко, внимательный наблюдатель заметил бы в моих глазах стальной блеск. Никто не питает к интеллекту Дживса большего почтения, чем я, однако следует искоренить эту его привычку направлять руку, которая его кормит. Белый пиджак был дорог моему сердцу, и я приготовился сражаться за него с мужеством, достойным моего великого предка сеньора де Вустера, отличившегося в битве при Азенкуре.[3]

— Да, Дживс? Вы хотели что-то сказать? — спросил я.

— Боюсь, что, покидая Канны, вы нечаянно захватили одежду, принадлежащую другому джентльмену, сэр.

Я добавил в свой взгляд еще немного стального блеска.

— Нет, Дживс, — спокойно возразил я, — предмет, о котором вы

говорите, принадлежит мне. Я купил его в Каннах.

— И вы его надевали, сэр?

— Каждый вечер.

— Но вы, вне всяких сомнений, не предполагаете носить его в Англии, сэр?

Вот мы и подобрались к главному.

— Собираюсь, Дживс.

— Но, сэр…

— Вы хотите что-то сказать, Дживс?

— Данный предмет — совершенно неподобающая для вас одежда, сэр.

— Дживс, я с вами не согласен. Представляю, какой колоссальный успех будет иметь этот пиджак. Завтра на вечеринке по случаю дня рождения Понго Туистлтона я намерен его обнародовать. Уверен, все будут визжать от восторга. И не спорьте со мной, Дживс. Довольно обсуждать эту тему. Я надену пиджак вопреки всем вашим возражениям.

— Очень хорошо, сэр.

И он снова принялся разбирать вещи. Я не проронил больше ни слова. Победа осталась за мной, а мы, Вустеры, не торжествуем над поверженным противником. Завершив туалет, я весело попрощался с Дживсом и от доброты душевной отпустил его на весь вечер, — ведь я обедаю в клубе, — пусть малый развлечется, посмотрит, например, какой-нибудь возвышающий душу фильм. Словом, протянул ему оливковую ветвь.

Однако он ее не принял.

— Благодарю вас, сэр. Я останусь дома. Я изучающе на него посмотрел.

— Что, обиделись?

— Нет, сэр. Мне нельзя отлучаться. Мистер Финк-Ноттл известил меня, что придет сегодня вечером.

— А, так вы ждете Гасси? Привет ему.

— Передам, сэр.

— Предложите ему виски с содовой и прочее.

— Слушаюсь, сэр.

— Так держать, Дживс.

Я отбыл в клуб «Трутни», где сразу встретил Понго Туистлтона. Он так пространно расписывал предстоящую по случаю своего дня рождения пирушку, о которой я уже знал из писем друзей, что домой я вернулся только около одиннадцати.

Едва отворив дверь, я услышал голоса, а войдя в гостиную, обнаружил, что принадлежат они Дживсу и, как мне сначала показалось,

Сатане.

Приглядевшись, я понял, что это Гасси Финк-Ноттл в костюме Мефистофеля.

2

— Привет, Гасси, — проговорил я.

Разумеется, вида я не подал, однако, честно сказать, почувствовал некоторое замешательство. Такое зрелище кого угодно озадачит. Понимаете, Финк-Ноттл, сколько я его помню, малый робкий, нерешительный — пригласите его на субботнее чаепитие в церкви, он смутится и задрожит, как осиновый лист. Однако, если мои глаза меня не обманывали, это был Гасси, одетый для костюмированного бала, а это развлечение по плечу только самым стойким.

К тому же, заметьте, он надел не костюм Пьеро, как сделал бы на его месте любой уважающий себя англичанин, а вырядился Мефистофелем, то есть на нем были — хочу особо это подчеркнуть — не только обтягивающее красное трико, но и паскудного вида накладная бороденка.

Зрелище, как вы понимаете, не для слабонервных. Однако выставлять на показ свои чувства не принято. Я скрыл пошлое удивление под маской светской непринужденности и дружески поздоровался со старым приятелем.

Он сконфуженно усмехнулся под гадкой растительностью.

— Привет, Берти.

— Давненько мы с тобой не виделись. Выпьем?

— Нет, благодарю. Я, собственно, на минутку. Заехал справиться у Дживса, как я выгляжу. Берти, а ты что скажешь, каков у меня вид?

Разумеется, ответ мог быть только один: «Совершенно непотребный». Однако мы, Вустеры, всегда отличались деликатностью, к тому же роль хозяина дома накладывает ограничения. Под гостеприимной сенью своей квартиры Вустеры не говорят старым друзьям, что они выглядят непотребно. И я уклонился от ответа.

— Слышал, ты живешь в Лондоне? — как бы между прочим сказал я.

— Да.

— Должно быть, сто лет здесь не был.

— Да.

— Решил повеселиться сегодня вечером?

Гасси нервно передернул плечами. Вид у него был затравленный.

— Повеселиться!

— Разве тебе не хочется идти на этот бал?

— Да, наверное, там будет весело, — уныло проговорил он. — Во всяком случае, мне пора. Начало около одиннадцати. Меня ждет такси… Дживс, взгляните, пожалуйста, не уехало ли оно.

— Да, сэр.

Дверь за Дживсом затворилась, и наступило молчание. Несколько натянутое молчание. Я смешал себе коктейль, а Гасси, будто в приступе мазохизма, принялся разглядывать себя в зеркале. Наконец я решил дать ему понять, что готов разделить его трудности. Возможно, ему станет легче на душе, если он поверит свои сердечные тайны доброжелательному и искушенному в таких делах другу. Я давно заметил: если человека поразила любовная лихорадка, ему нужно только одно — чтобы кто-то выслушал его бред.

— Послушай, Гасси, старый греховодник, — начал я, — мне все известно о твоих похождениях.

— А?

— В смысле, о твоих проблемах. Дживс мне рассказал. По-моему, он не слишком обрадовался. Вообще довольно трудно о чем-либо судить, когда человек по уши зарылся в бороду, но мне показалось, что он слегка покраснел.

— Зря Дживс болтает обо мне с каждым встречным-поперечным. Мне казалось, наши беседы строго конфиденциальны.

Я не мог допустить, чтобы Гасси продолжал в том же духе.

— Значит, по-твоему, беседовать со своим господином о разных пустяках означает выбалтывать секреты первому встречному? — с упреком проговорил я. — Как бы то ни было, я в курсе твоих дел, мне известно все. И для начала хочу сказать, что Мадлен Бассет очаровательная барышня, — продолжал я. Чтобы поддержать и поощрить этого придурка, я подавил в себе естественное желание назвать означенную девицу сентиментальной дурочкой. — Экстракласс! И как раз в твоем вкусе.

— Разве ты с ней знаком?

— Разумеется. Меня удивляет, как ты-то с ней познакомился?

— На позапрошлой неделе она гостила у своих друзей в Линкольншире, неподалеку от моего поместья.

— Ну и что? Ведь ты не общаешься с соседями.

— Не общаюсь. Я ее встретил, когда она гуляла с собакой. Видишь ли, животному в лапу вонзилась колючка, и когда Мадлен попыталась ее вытащить, собака едва ее не укусила. Разумеется, я бросился на помощь.

— Вытащил колючку?

— Да.

— И влюбился с первого взгляда?

— Да.

— Господи! Ведь тебе так повезло, почему ты сразу этим не воспользовался?

— Духу не хватило.

— И что дальше?

— Мы немного поговорили.

— О чем?

— О птичках.

— О птичках? С какой стати?

— Понимаешь, кругом как раз порхали птички. Ну и пейзаж, и прочее. Она сказала, что собирается в Лондон и что если я тоже там буду, то могу ее навестить.

— Неужели после этого ты не сжал ее ручку?

— Как можно!

Ну что тут скажешь! Если судьба подносит человеку счастье на серебряном блюде, а он трусит, как заяц, пиши пропало. И все же я напомнил себе, что с этим нескладехой мы вместе учились в школе. Помогать старым школьным друзьям — святая обязанность.

— Ну, ладно, — сказал я, — посмотрим, что тут можно сделать. Еще не все потеряно. Во всяком случае, радуйся, что я к твоим услугам. Можешь рассчитывать на Берти Вустера.

— Спасибо, старик. И тебе, и Дживсу, ему, конечно, цены нет.

Не стану отрицать, меня от этих слов слегка передернуло. Едва ли Гасси хотел нанести мне обиду, но, должен сказать, его бестактное заявление меня здорово задело. Признаться, я все время терплю подобные оскорбления. Мне постоянно дают понять, что Бертрам Вустер — нуль, и единственный в моем доме, у кого есть голова на плечах, — это Дживс.

Мне подобное отношение действует на нервы. А уж сегодня тем более. Сегодня я был сыт Дживсом по горло. Я имею в виду наши расхождения во взглядах на клубный пиджак. Правда, я заставил Дживса уступить, бестрепетно подавил его силой своей личности, однако мною все еще владела легкая досада на то, что он вообще затеял разговор на эту тему. Пора взять Дживса в ежовые рукавицы.

— И что же предложил тебе Дживс? — холодно спросил я.

— Он очень тщательно все продумал.

— Неужели?

— По его совету я еду на бал-маскарад.

— Зачем?

— Там будет она. На самом деле это она прислала мне пригласительный билет. И Дживс счел…

— Но почему не в костюме Пьеро? — спросил я, ибо этот вопрос давно вертелся у меня на языке. — Почему ты пренебрег добрыми старыми традициями?

— Дживс особенно настаивал на том, чтобы я оделся Мефистофелем.

Я чуть не подпрыгнул.

— Дживс? Настаивал? Именно на этом костюме?!

— Да.

— Ха!

— Что?

— Ничего. Просто я сказал «ха!»

Объясню, почему я сказал «ха!» Этот Дживс поднимает шторм из-за обыкновенного белого клубного пиджака, который не только tout ce qu'il a de chic, но совершенно de reguer, а сам, глазом не моргнув, подстрекает Гасси Финк-Ноттла натянуть красное трико, что нельзя расценить иначе, как оскорбление общественному вкусу. Он что, издевается? Такие штуки вызывают подозрение.

— Что он имеет против Пьеро?

— По-моему, в принципе он не против Пьеро. Просто он подумал, что в моем случае Пьеро не годится.

— Почему? Не понимаю.

— Дживс сказал, что костюм Пьеро радует глаз, но ему недостает той значительности, которой обладает наряд Мефистофеля.

— Все равно не понимаю.

— Дживс сказал, все упирается в психологию.

Было время, когда подобное высказывание меня бы озадачило. Но долгое общение с Дживсом сильно обогатило лексикон Берти Вустера. Дело в том, что Дживс — большой знаток в области психологии, в частности психологии личности. Но и я теперь хватаю все на лету, едва он заикнется насчет психологии.

— А, в психологию?

— Да. Дживс убежден, что одежда оказывает воздействие на психику. Он считает, что такой эффектный наряд придаст мне смелости. По его мнению, хорош был бы и пиратский костюм. Вообще-то Дживс с самого начала советовал его надеть, но мне не подходят ботфорты.

Я все понял. В жизни и так хватает огорчений, а тут еще Гасси Финк-

Ноттл в пиратских ботфортах.

— Ну и как, прибавилось у тебя смелости?

— Видишь ли, Берти, старина, если честно, то нет. Меня буквально потряс порыв сострадания к бедному придурку. Пусть в последнее время мы с ним почти не встречались, но разве забудешь, как в школьные годы мы запускали друг в друга дротики, предварительно обмакнув их в чернила.

— Гасси, — сказал я, — послушай совет старого друга и на пушечный выстрел не подходи к этому балу-маскараду.

— Но это единственная возможность ее увидеть. Завтра она уезжает из Лондона. И потом, никто не знает…

— Чего не знает?

— А если расчет Дживса оправдается? Сейчас я чувствую себя как последний дурак, это верно, но кто знает, что случится, когда я смешаюсь с толпой в маскарадных костюмах. Такое со мной было в детстве на Рождество. Меня нарядили кроликом, и я просто сгорал от стыда. Но когда пришел на праздник и оказался в толпе детей, костюмы которых были еще отвратительнее моего, я, к моему удивлению, воспрял духом, веселился вовсю и так объелся за ужином, что по дороге домой меня дважды стошнило в такси. Трудно заранее сказать, как все обернется.

«Звучит довольно убедительно», — подумал я.

— Да и вообще, в принципе, Дживс совершенно прав. В этом экстравагантном мефистофельском одеянии я способен совершить поступок, который всех поразит. Понимаешь, тут цвет делает погоду. Возьмем, например, тритонов. В брачный период окраска самцов становится очень яркой. Великое дело, знаешь ли.

— Но ты-то не самец тритона.

— К сожалению. Известно ли тебе, Берти, как тритон делает предложение своей возлюбленной? Он становится перед ней, изгибается дугой и трясет хвостом. Это я бы сумел. Нет, Берти, будь я самец тритона, все было бы куда проще.

— Но тогда Мадлен Бассет на тебя и не взглянула бы. В смысле, влюбленным взглядом.

— Еще как взглянула бы, если бы была самкой тритона.

— Но она не самка тритона.

— Допустим, она самка тритона.

— Согласен, только ты бы в нее тогда не влюбился.

— Спорим, влюбился бы, если бы был самцом тритона.

У меня в висках застучало, и я понял, что наша дискуссия достигла

точки насыщения.

— Послушай, — сказал я, — к черту фантазии насчет махания хвостами и прочей чепухи, давай рассматривать голые факты. Ты приглашен на бал-маскарад, вот что главное. И я, как искушенный участник этого вида развлечений, предупреждаю тебя, Гасси: никакого удовольствия ты не получишь.

— Но я и не надеюсь получить удовольствие.

— Воля твоя, но я бы не пошел.

— Придется идти. Я же тебе говорю, она завтра уезжает. Я сдался.

— Ладно, ступай, — сказал я. — Дело твое… Да, Дживс?

— Такси для мистера Финк-Ноттла, сэр.

— Что? Ах, такси… Гасси, такси тебя ждет.

— А? Такси? Ну да, конечно, такси… Благодарю вас, Дживс. До скорого, Берти.

Вымученно улыбнувшись — так улыбался цезарю римский гладиатор, выходя на арену, — Гасси удалился. Я обернулся к Дживсу. Пришло время поставить его на место, и я был во всеоружии.

Конечно, всегда трудновато начать. Да, я твердо решил показать ему, где раки зимуют, но мне не хотелось слишком сильно задевать его чувства. Даже демонстрируя железную хватку, мы, Вустеры, сохраняем доброжелательность.

Однако, поразмыслив, я понял, что если примусь за дело слишком уж деликатно, то ничего не добьюсь. Зачем ходить вокруг да около?

— Дживс, — сказал я, — могу я говорить откровенно?

— Вне всякого сомнения, сэр.

— Боюсь, то, что я скажу, будет вам неприятно.

— Ничуть, сэр.

— Видите ли, как я узнал из беседы с мистером Финк-Ноттлом, эта мефистофельская затея принадлежит вам.

— Да, сэр.

— Послушайте, давайте внесем ясность. Насколько я понял, вы считаете, что, обтянув себя красным трико, мистер Финк-Ноттл при виде предмета своего обожания начнет трясти хвостом и гикать от радости.

— По моему мнению, мистер Финк-Ноттл избавится от присущей ему робости, сэр.

— Не могу с вами согласиться, Дживс.

— Не можете, сэр?

— Не могу. Скажу напрямик: много я слышал в жизни глупостей, но эта бьет все рекорды. Ничего у вас не выйдет. И не надейтесь.

Единственное, чего вы добились, — обрекли мистера Финк-Ноттла на кошмарные мучения, и все впустую. И такое вы проделываете уже не в первый раз. Честно говоря, Дживс, я замечаю у вас наклонность к… как это называется?

— Не могу сказать, сэр.

— Вертится на языке… к излишней изо… изобретательности? Нет, не то…

— Изощренности, сэр?

— Вот-вот, именно изощренности. Излишняя изощренность — вот в чем ваша беда, Дживс. Ваши планы лишены простоты и прямоты. Вы все только запутываете своими фантазиями. Единственное, что нужно мистеру Финк-Ноттлу, — мудрый совет более опытного друга, искушенного в тонкостях света. Поэтому теперь этим делом займусь я.

— Очень хорошо, сэр.

— А вы отдохните, Дживс, и посвятите время домашним делам.

— Очень хорошо, сэр.

— Уж я-то буду действовать напрямик, я сразу добьюсь результата. Завтра же повидаюсь с Гасси.

— Очень хорошо, сэр.

— Пока все, Дживс.

Однако наутро посыпались телеграммы, и, занятый своими собственными делами, я, честно говоря, целый день не вспоминал о Гасси.

3

Первая телеграмма пришла вскоре после полудня. Дживс принес ее мне вместе с аперитивом перед ланчем. Телеграфировала тетушка Далия из Маркет-Снодсбери, небольшого городка милях в двух от ее поместья, если ехать по шоссе.

В послании значилось:

«Немедленно приезжай. Траверс».

Сказать, что я был до чертиков озадачен, значит, ничего не сказать. Мне еще не приходилось получать более загадочной телеграммы. Я изучал ее в глубокой задумчивости на протяжении двух стаканов сухого мартини. Прочел справа налево. Прочел слева направо. Помнится, даже понюхал. Но так ничего и не понял.

Послушайте, давайте рассуждать здраво. Ведь мы расстались вчера вечером после двух месяцев непрерывного общения. И вдруг — «немедленно приезжай», хотя мой прощальный поцелуй, можно сказать, еще не остыл на ее щеке. Бертрам Вустер не привык, чтобы кто-то столь алчно домогался его общества. Спросите любого, кто меня знает, и вам скажут: два месяца в моей компании для нормального человека — срок более чем достаточный. Признаться, кое-кто и нескольких дней не выдерживает.

Поэтому, прежде чем сесть за отменно приготовленный ланч, я отправил тетушке следующую телеграмму:

> «Удивлен. Жду объяснений. Берти».

Едва прилег вздремнуть после ланча, пришел ответ:

> «Чем ты, черт подери, удивлен, балда? Немедленно приезжай. Траверс».

Три сигареты, несколько кругов по комнате, и текст эпистолы был готов:

> «Что означает «немедленно»? С уважением. Берти».

Тетушкин ответ гласил:

> «Немедленно» означает немедленно, дуралей несчастный. А что еще, по-твоему, это может означать? Приезжай немедленно, иначе завтра с первой же почтой на твою голову падет теткино проклятие. Целую. Траверс».

Желая расставить все точки над i, я отправил тетушке следующее послание:

> «Когда вы говорите «приезжай», вы имеете в виду «приезжай в Бринкли-Корт»? А когда говорите «немедленно», означает ли это «немедленно»? Растерян. Озадачен до крайности. С наилучшими пожеланиями. Берти».

Телеграмму я отправил по дороге в «Трутни», где провел полдня, состязаясь с достойными противниками в метании карт в цилиндр.

Вернувшись домой в закатной тиши, я обнаружил, что меня ждет ответ:

> «Да, да, да, да, да, да. Неважно, что ты ничего не понимаешь. Просто приезжай немедленно, я тебя прошу. И, ради Бога, хватит со мной пререкаться. По-твоему, у меня денег куры не клюют и я в состоянии посылать тебе телеграммы каждые десять минут? Вот упрямый осел. Немедленно приезжай. Целую, Траверс».

Тут я понял, что мне необходимо с кем-то посоветоваться, и нажал кнопку звонка.

— Дживс, нас накрыл цунами, зародившийся в Вустершире. Прочтите, — сказал я и протянул ему кипу телеграмм.

Он пробежал их глазами.

— Как вы это понимаете, Дживс?

— Думаю, миссис Траверс желает, чтобы вы немедленно к ней приехали, сэр.

— Значит, вы тоже так поняли?

— Да, сэр.

— Вот и я сделал такой же вывод. Но зачем, скажите на милость? Ведь мы с тетушкой только что провели бок о бок почти два месяца.

— Да, сэр.

— Многие считают, что средневзвешенная доза общения для взрослых — два дня.

— Да, сэр. Я понимаю, о чем вы говорите. И тем не менее миссис Траверс проявляет исключительную настойчивость. Мне кажется, было бы разумнее выполнить ее желание.

— То есть мчаться на всех парах в Бринкли-Корт?

— Да, сэр.

— Ну, хорошо. Но я решительно не готов лететь туда сию минуту. Сегодня вечером у нас в «Трутнях» чрезвычайно важная встреча. День рождения Понго Туистлтона. Надеюсь, вы не забыли?

— Нет, сэр.

Наступила небольшая пауза. Мы оба вспомнили о нашей размолвке. «Самое время, — подумал я, — ввернуть что-нибудь этакое».

— Дживс, все-таки вы заблуждаетесь насчет клубного пиджака.

— Дело вкуса, сэр.

— Когда я его надевал в казино в Каннах, самые шикарные дамы подталкивали друг друга локтем и шепотом спрашивали: «Кто это? Кто это?»

— Континентальные казино печально известны своим дурным тоном, сэр.

— А вчера вечером я описал пиджак Понго, и он пришел в дикий восторг.

— В самом деле, сэр?

— И не он один. Все сошлись на том, что я отхватил классную вещь. Подчеркиваю — все.

— В самом деле, сэр?

— Убежден, Дживс, со временем вы этот пиджак полюбите.

— Вряд ли это случится, сэр.

Я выкинул белый флаг. В таких случаях бессмысленно пытаться урезонить Дживса. Так и хочется назвать его тупым упрямцем. Но ничего не поделаешь. Вздохнешь и отступишься.

— Ладно, вернемся к тому, с чего начали. Не могу я сейчас мчаться ни в Бринкли-Корт, ни вообще куда бы то ни было — и точка. Вот что, Дживс. Дайте мне перо и бумагу. Телеграфирую, что буду или на следующей неделе, или еще через неделю. Гори все белым пламенем, пусть тетушка обойдется несколько дней без меня. Надеюсь, у нее хватит силы воли.

— Да, сэр.

— Тогда вперед, Дживс. Значит, так: «Ждите меня завтра через две недели». Это как раз то, что требуется. Прогуляйтесь в ближайшее почтовое отделение, отправьте послание, и дело с концом.

— Хорошо, сэр.

Так я скоротал этот длинный день, а потом пришло время переодеваться и топать на день рождения Понго.

Вчера вечером мы с ним болтали на эту тему, и он меня уверял, что устроит нечто грандиозное. И должен сказать, он в грязь лицом не ударил. Домой я вернулся в пятом часу с единственной мыслью — поскорее спать. Едва помню, как добрался до постели и заполз в нее. У меня было такое чувство, будто, только я коснулся подушки головой, как меня разбудил звук отворяющейся двери.

Вряд ли я что-нибудь соображал в ту минуту, однако ухитрился приоткрыть один глаз.

— Дживс, это что? Чай?

— Нет, сэр. Это миссис Траверс.

Просвистел порывистый ветер, и в спальню на всех парах, со скоростью пятьдесят миль в час влетела моя престарелая родственница.

Бертрам Вустер, как известно, взирает на своих родственников более проницательным и безжалостным оком, чем кто бы то ни было. Тем не менее он охотно отдает дань восхищения тем из них, кто этого заслуживает. Если вы с должным вниманием читали мои мемуары, то, конечно, знаете, что моя тетушка Далия, как я не раз повторял, — прелесть.

Она, как вы, наверное, помните, вышла замуж en secondes noces[4] — так, кажется, говорится, если я ничего не путаю, — за старину Тома Траверса в тот год, когда на Кембриджширских скачках Колокольчик пришел первым. Она же как-то подбила меня написать статью «Что носит хорошо одетый мужчина» для своего журнала «Будуар знатной дамы». Тетушка Далия — добрая душа, проводить время в ее обществе — одно удовольствие. Ей совсем не свойственны ни гнусное коварство, ни подлость, которыми славится, например, другая моя тетка, Агата, ужас и проклятие Мидлсекса, Эссекса, Кента, Суррея, а также Хартфордшира и Суссекса. Тетушку Далию я сердечно люблю и ценю за ее добродушие, спортивный дух и за то, что она такой славный малый.

Ввиду вышесказанного можете себе представить, как я удивился, увидев ее ни свет ни заря у своего ложа. Я сто раз у нее гостил, и ей известны мои привычки. Ведь знает, что я не принимаю по утрам, пока не выпью чашку чаю. А теперь она врывается ко мне в ту минуту, когда я больше всего на свете жажду уединения и покоя. Изменяет нашим старым добрым традициям.

И вообще, с какой стати она явилась в Лондон? Вот вопрос, который я себе задавал. Когда заботливая хозяйка возвращается под родной кров после двухмесячного отсутствия, она не мчится из него прочь на следующий же день. Понимает, что надо сидеть дома, хлопотать вокруг мужа, совещаться с поваром, кормить кошку, расчесывать шпица и прочее. Хотя глаза мне застилал туман, я собрался с силами и бросил на тетушку суровый, укоризненный взгляд. Правда, слипшиеся веки помешали мне добиться нужной выразительности.

Она, казалось, не заметила ни суровости, ни укоризны.

— Да проснись же ты, Берти, дубина стоеросовая! — заорала она голосом, который навылет, от лба до затылка, пробил мне череп.

Если у тетушки Далии и есть недостаток, так это ее манера адресоваться к своему vis-a-vis так, будто он со сворой гончих скачет верхом в полумиле от нее. Атавизм, разумеется, с тех времен, когда она считала день потерянным, если не затравила на охоте несчастную лисицу.

Я снова послал ей суровый, исполненный укоризны взгляд, который на этот раз не остался незамеченным ею, однако особого впечатления на нее не произвел. Она перешла наличности.

— Хватит мне подмигивать! Это даже неприлично, — заявила тетушка. — Послушай, Берти, — продолжала она, разглядывая меня; должно быть, Гасси вот так же разглядывает какого-нибудь второсортного тритона. — Ты хоть представляешь, какой омерзительный у тебя вид? Нечто среднее между классическим забулдыгой — таких обычно в кинематографе изображают — и простейшим земноводным. Наверное, всю ночь кутил?

— Да, был на приеме, — сухо сказал я. — По случаю дня рождения Понго Туистлтона. Не мог же я предать друга. Nobless oblige.

— Ладно, вставай и одевайся. Мне показалось, я ослышался.

— Вставать и одеваться?

— Да.

Со слабым стоном я повернул голову, и в это время вошел Дживс с чашкой живительного китайского чая. Я вцепился в нее, как утопающий в соломенную шляпу. Глоток-другой, и я почувствовал… Нет, не скажу, что я воскрес, ибо день рождения Понго Туистлтона — не такое мероприятие, после которого вас может оживить глоток чая. Однако старина Бертрам оказался в силах сообразить, что на него обрушилось нечто ужасное.

И чем усерднее я старался сообразить, что именно на меня обрушилось, тем меньше понимал, откуда ветер дует.

— Тетя Далия, что такое? — спросил я.

— Мне кажется, чай, — отвечала тетушка. — Впрочем, тебе виднее.

Без сомнения, я бы нетерпеливо взмахнул рукой, но побоялся пролить целебный напиток. Признаться, меня так и подмывало сделать нетерпеливый жест.

— Я не о чае! При чем здесь чай? Вы чуть свет вторгаетесь ко мне, требуете, чтобы я вставал и одевался. Нелепость какая-то.

— Я к тебе, как ты выражаешься, вторглась, потому что телеграммы не произвели на тебя никакого впечатления. А велела тебе встать и одеться, потому что хочу, чтобы ты встал и оделся. Поедешь со мной в Бринкли-Корт. Что за наглость! Заявлять, что явишься ко мне чуть ли не через год! Дудки, поедешь немедленно. Для тебя есть работа.

— Но я не хочу работать.

— Мало ли что! Никто тебя не спрашивает. В Бринкли есть работа для настоящего мужчины. И чтобы через двадцать минут ты был как штык.

— Не могу я через двадцать минут быть как штык. Я при последнем

издыхании.

Тетя Далия задумалась.

— Ладно, — сказала она. — По своей доброте дам тебе день-другой, чтобы ты очухался. Договорились, жду тебя самое позднее тридцатого.

— Но, черт подери, что стряслось? О какой работе вы говорите? Зачем мне работа? Что еще за работа такая?

— Если ты помолчишь минуту, объясню. Работа нетрудная и очень приятная. Тебе понравится. Ты когда-нибудь слышал о маркет-снодсберийской средней классической школе?

— Никогда.

— Это средняя классическая школа в Маркет-Снодсбери. Я довольно сухо заметил, что нетрудно догадаться.

— Откуда мне знать, что ты со своими умственными способностями налету все хватаешь? — парировала тетушка Далия. — Ну, ладно. Маркет-снодсберийская средняя классическая школа, как ты догадался, — это классическая средняя школа в Маркет-Снодсбери. И я — одна из ее попечительниц.

— В смысле, одна из надзирательниц?

— Берти, довольно молоть вздор! Послушай, олух Царя небесного. Помнишь, у вас в Итоне был Попечительский совет? Нечто подобное существует и в маркет-снодсберийской средней классической школе, и я в нем состою. Мне поручено организовать церемонию вручения призов за летний семестр. Она состоится в последний день месяца, то есть тридцать первого. Ты все понял?

Я отпил еще немного живительной влаги и утвердительно кивнул. Столь очевидные вещи были доступны моему пониманию даже после вчерашней попойки.

— Разумеется. Что тут мудреного? Маркет… Снодсбери… средняя школа… Попечительский совет… вручение призов… Уж куда проще… Но при чем тут я?

— Ты будешь вручать призы.

Я захлопал глазами. Бред какой-то. Чтобы ляпнуть такую чушь, надо весь день просидеть на солнцепеке без шляпы.

— Я?

— Ты.

Я еще больше выпучил глаза.

— Вы хотите сказать, я?

— Именно.

Глаза у меня полезли на лоб.

— Вы надо мной смеетесь, тетенька.

— Еще чего! Будто у меня дел других нет. Призы должен был вручать викарий, но, когда приехала домой, я нашла от него письмо: он подвернул ногу и вынужден отказаться. Представляешь, в каком я положении? Всех обзвонила, никто не может. И тогда я вспомнила о тебе.

Я решил в зародыше пресечь эту безумную затею. Бертрам Вустер готов угождать любимым тетушкам, но всему есть предел, есть черта, которую переступать нельзя.

— И надеетесь, я соглашусь раздавать призы в этой вашей «Дотбойз-холл»[5] для придурков?

— Надеюсь.

— И держать речь?

— Само собой.

Я иронически рассмеялся.

— Ради Бога, перестань булькать. Я с тобой серьезно разговариваю.

— Я не булькал. Я смеялся.

— В самом деле? Приятно, что моя просьба так тебя радует.

— Это был иронический смех, — объяснил я. — Никаких призов я вручать не собираюсь. Не буду, и все. Точка.

— Будешь, мой дорогой, или никогда больше тебе не переступить порог моего дома. Ты понимаешь, что это значит. Не видать тебе обедов Анатоля, как своих ушей.

Я содрогнулся. Тетушка говорила о своем поваре, выдающемся маэстро. Царь и бог в своем деле, единственный и непревзойденный, творящий из продуктов нечто божественное, тающее во рту, Анатоль магнитом притягивал меня в Бринкли-Корт. Стоит мне о нем вспомнить — и сразу слюнки текут. Счастливейшие минуты жизни я провел, поедая жаркое и рагу, сотворенные этим великим человеком, и мысль о том, что меня больше никогда не подпустят к кормушке, была невыносима.

— Опомнитесь, тетя Далия! По-моему, вы хватили через край!

— Ага, знала, что тебя проймет, обжора несчастный.

— При чем здесь обжора, — с достоинством возразил я. — Тот, кто отдает должное кулинарному искусству гения, вовсе не обжора.

— Не стану скрывать, я сама в восторге от его стряпни, — призналась тетушка. — Но, имей в виду, если ты откажешься выполнить эту простую, легкую и приятную работу, тебе не перепадет ни кусочка. Даже понюхать не дам. Намотай это себе на ус.

Я понял, что меня, как дикого зверя, загнали в ловушку.

— Но почему я? Кто я такой? Ну, подумайте сами.

— Думала, и не раз.

— Послушайте, я совсем не тот, кто вам нужен. Чтобы вручать призы, надо быть важной птицей. Помнится, у нас в школе это делал, кажется, премьер-министр.

— Ох, ну ты же учился в Итоне. Мы у себя в Маркет-Снодсбери не столь разборчивы. Нам подойдет любой, кто носит краги.

— Почему бы вам не обратиться к дяде Тому?

— К дяде Тому?!

— Ну да. Ведь он же носит краги.

— Ладно, объясню, — сказала тетушка. — Помнишь, в Каннах я спустила в баккара все до нитки? Теперь мне надо подольститься к Тому и выложить все начистоту. Если сразу после этого я приступлю к нему с просьбой надеть пропахшие лавандой перчатки и цилиндр, дабы вручить призы ученикам маркет-снодсберийской классической школы, дело дойдет до развода. Том приколет записочку к игольнику — и был таков. Нет уж, мой милый, ты, и никто другой, так что мужайся.

— Но, тетушка, прислушайтесь к голосу разума. Вы ошиблись в выборе, поверьте мне. В таких делах от меня никакого проку. Спросите Дживса, он вам расскажет, как меня вынудили держать речь в школе для девочек. Я выглядел, как последний идиот.

— От души надеюсь, что тридцать первого ты тоже будешь выглядеть как последний идиот. Именно поэтому я тебя и выбрала. Раз уж процедуры вручения призов все равно обречены на провал, пусть публика хотя бы от души посмеется. Я получу истинное удовольствие, глядя, как ты вручаешь призы. Ну, не стану тебя задерживать, ты, наверное, хочешь заняться шведской гимнастикой. Жду тебя через день-другой.

Произнеся этот безжалостный монолог, тетушка удалилась, оставив меня в растерзанных чувствах. Мало того, что Бертрам не оправился после вчерашней попойки, так его постиг новый сокрушительный удар, и не будет преувеличением сказать, что я совсем скис. В душе у меня царил беспросветный мрак, и тут дверь отворилась, и появился Дживс.

— Мистер Финк-Ноттл, сэр, — возвестил он.

5

Я выразительно на него посмотрел.

— Дживс, уж этого я никак от вас не ожидал. Я вернулся Домой на рассвете, вы это отлично знаете. Вам известно, что я едва успел выпить

чаю. Вы прекрасно понимаете, как громоподобный голос тети Далии действует на больную голову. И тем не менее вы мне докладываете о каких-то Финк-Ноттлах. По-вашему, сейчас время принимать Финков и разных прочих Ноттлов?

— Но разве вы не дали мне понять, сэр, что желаете видеть мистера Финк-Ноттла, чтобы дать ему совет касательно его дела?

Признаться, при этих словах мои мысли приняли совсем иной оборот. За собственными неприятностями я напрочь забыл, что взвалил на себя заботу о Гасси. Это в корне меняло дело. Нельзя относиться к своему клиенту наплевательски. Шерлок Холмс никогда бы не отказался принять посетителя только потому, что накануне допоздна кутил по случаю дня рождения доктора Ватсона. Конечно, Гасси мог бы выбрать более подходящее время для визита, но если твой клиент-жаворонок ни свет ни заря покинул свое теплое гнездо, ты не имеешь права ему отказывать.

— Вы правы, Дживс, — сказал я. — Делать нечего. Впустите его.

— Хорошо, сэр.

— Но прежде принесите мне этот ваш коктейль для воскрешения из мертвых.

— Хорошо, сэр.

Не успел я и глазом моргнуть, как Дживс вернулся с живительным бальзамом.

Кажется, я уже рассказывал о Дживсовых коктейлях для воскрешения из мертвых и об их влиянии на несчастного, чья жизнь в похмельное утро висит на волоске. Не берусь сказать, из чего состоит это чудотворное зелье. Некий спиртной напиток, говорит Дживс, в него добавляется сырой яичный желток и чуть-чуть кайенского перца, однако, сдается мне, все не так просто. Как бы то ни было, стоит проглотить этот напиток, и вы немедленно ощутите его чудотворное действие.

Возможно, в первую долю секунды вы ничего не почувствуете. Все ваше естество будто замрет, затаит дыхание. Потом внезапно раздается трубный глас, и вы понимаете, что настал Судный день со всеми вытекающими отсюда страстями.

В каждой косточке вашего тела вспыхивает пожар. Чрево наполняется расплавленной лавой. Шквальный ветер сотрясает окружающую среду, и нечто вроде парового молота колотит вас по затылку. В ушах оглушительно бьют колокола, глаза вылетают из орбит, лоб покрывается испариной.

Вы осознаете, что пора позвонить юристу и отдать ему последние распоряжения, и тут вдруг наступает просветление Стихает ураганный

ветер. Смолкает колокольный звон в ушах. Птички щебечут. Играют духовые оркестры. Над горизонтом вскакивает солнце. И воцаряется великий покой.

Осушив стакан, я почувствовал, как во мне распускается бутон новой жизни. Знаете, хотя Дживс частенько попадает пальцем в небо, когда речь идет, скажем, об одежде или о сердечных делах, но за словом в карман он не полезет. Однажды, например, здорово сказанул об одном несчастном, который, ступив на прежнего себя, вознесся в высшие приделы. Точь-в-точь как я сейчас. Бертрам Вустер, который лежал, бессильно откинувшись на подушки, стал сейчас не только более здоровым и сильным, но и более совершенным.

— Благодарю вас, Дживс, — сказал я.

— Не за что, сэр.

— Ваше снадобье действует безотказно. Теперь я готов щелкать, как орешки, любые задачи, которые ставит перед нами жизнь.

— Рад это слышать, сэр.

— И почему я не принял ваше снадобье перед разговором с тетей Далией! Непростительная глупость. Впрочем, после драки кулаками не машут. Скажите мне, что там с Гасси? Как прошел бал-маскарад?

— Он не был на балу, сэр.

Я неодобрительно посмотрел на Дживса.

— Дживс, — сказал я, — не стану скрывать, после вашего коктейля для воскрешения из мертвых мне стало значительно лучше, но не настолько, чтобы я мог выслушивать вздор, который вы тут несете. Мы запихнули Гасси в такси и отправили прямиком на костюмированный бал. Значит, он туда прибыл.

— Нет, сэр. Насколько я понял из рассказа мистера Финк-Ноттла, он думал, что увеселительное мероприятие, на которое его пригласили, состоится по адресу Саффолк-сквер, 17, между тем как на самом деле мистеру Финк-Ноттлу надлежало прибыть на Норфолк-террас, 71. Подобные аберрации памяти весьма характерны для тех, кого, как и мистера Финк-Ноттла, можно назвать мечтателями.

— А также олухами Царя Небесного.

— Да, сэр.

— Ну, а потом?

— Прибыв по адресу Саффолк-сквер, 17, мистер Финк-Ноттл хотел достать деньги, чтобы заплатить шоферу.

— Что же ему помешало?

— То обстоятельство, что денег у него при себе не оказалось, сэр. Он

понял, что оставил и бумажник, и пригласительный билет на каминной полке в спальне, в доме своего дядюшки, где он обычно останавливается, когда приезжает в Лондон. Мистер Финк-Ноттл позвонил в дверь, а когда появился дворецкий, объяснил ему, что приглашен на бал и попросил заплатить шоферу. Дворецкий заявил, что ни о каком бале не знает и что в доме никого не ждут.

— И отказался раскошелиться?

— Да, сэр.

— Ну, а дальше?

— Мистер Финк-Ноттл велел шоферу отвезти его обратно в дом дяди.

— Как, разве на этом его злоключения не кончились? Осталось только взять кошелек, пригласительный билет и спокойно ехать на бал-маскарад.

— Я забыл упомянуть, сэр, что мистер Финк-Ноттл также оставил на каминной полке в спальне и ключ от парадной двери.

— Мог бы позвонить.

— Он и звонил, сэр, целых пятнадцать минут. А потом вспомнил, что разрешил сторожу — в доме в это время никто не живет, и вся прислуга в отпуске — съездить в Портсмут навестить сына-матроса.

— Ну и ну, Дживс!

— Да, сэр.

— Ох уж эти мечтатели, верно, Дживс?

— Да, сэр.

— Ну, а дальше?

— Тут мистер Финк-Ноттл понял, что попал в затруднительное положение. Показания на счетчике такси достигли довольно значительной суммы, а расплатиться мистеру Финк-Ноттлу было нечем.

— Он мог все объяснить шоферу.

— Объяснять что-либо шоферу такси бесполезно, сэр. Когда мистер Финк-Ноттл попытался это сделать, шофер усомнился в его честных намерениях.

— Я бы просто удрал.

— Именно такой образ действий показался мистеру Финк-Ноттлу наиболее предпочтительным. Он ринулся прочь, но таксист успел схватить его за полу. Мистеру Финк-Ноттлу удалось сбросить с себя плащ. Вид мистера Финк-Ноттла в маскарадном костюме вызвал у таксиста шок. Мистер Финк-Ноттл услышал, по его словам, у себя за спиной что-то вроде предсмертного хрипа, оглянулся и увидел, что парень закрыл лицо руками и привалился к ограде. Мистер Финк-Ноттл решил, что он молится. Чего же еще от него ждать, сэр. Необразованный, суеверный малый. Возможно,

пьяница.

— Даже если он не был пьяницей, то, уверен, теперь станет. Наверное, едва дождался, когда откроются пивные.

— Возможно, ему действительно требовалось средство, чтобы привести себя в чувство, сэр.

— Думаю, Гасси оно бы тоже не помешало. Что еще, черт побери, с ним стряслось? Лондон ночью — впрочем, и днем тоже, — не то место, где можно разгуливать в красном трико.

— Да, сэр.

— Вас не поймут.

— Да, сэр.

— Представляю, как бедняга крался переулками, прятался во дворах, шмыгал за мусорные ящики.

— Из рассказа мистера Финк-Ноттла, сэр, я понял, что так все и было. В конце концов на исходе этой мучительной ночи ему удалось достичь особняка мистера Сипперли, где его приютили и где он смог переодеться.

Я поудобнее устроился в подушках, чело у меня было слегка нахмурено. Облагодетельствовать старого школьного друга — занятие весьма похвальное, однако я понял, что зря взялся устраивать дела такого придурка, как Гасси. Он способен погубить на корню все благие начинания, а я взваливаю на свои плечи непомерную ношу. Гасси нужны не столько советы бывалого светского льва, сколько обитая войлоком палата в психушке и парочка дюжих надзирателей, чтобы он не устроил там пожар.

Честно говоря, у меня мелькнула мысль выйти из игры и снова передать дело Дживсу. Но фамильная гордость Вустеров удержала меня от этого шага. Мы, Вустеры, не вкладываем меч в ножны, даже если идем за плугом. Кроме того, после инцидента с пиджаком всякое проявление слабости с моей стороны будет иметь роковые последствия.

— Надеюсь, Дживс, вы отдаете себе отчет, что сами кругом виноваты? — холодно проговорил я, ибо подобные поступки нельзя спускать с рук, хотя, честно сказать, терпеть не могу сыпать соль на раны.

— Сэр?

— Что толку твердить «сэр»? Вы прекрасно все понимаете. Если бы вы не заставили Гасси идти на бал — вот уж дурацкая затея, я с самого начала говорил, — ничего бы не случилось.

— Да, сэр, я должен признаться, что не мог предвидеть…

— Всегда и все следует предвидеть, Дживс, — строго сказал я. — Другого не дано. Если бы вы хоть не возражали против костюма Пьеро,

события не приняли бы такого печального оборота. В костюме Пьеро имеются карманы. Однако, — продолжал я менее суровым тоном, — что было, то прошло. Теперь вы представляете, во что выливаются прогулки по Лондону в красных трико, и это уже неплохо. Так вы говорите, Гасси в гостиной?

— Да, сэр.

— Немедленно подайте его сюда. Посмотрим, чем ему можно помочь.

6

Облик Гасси все еще хранил следы злоключений, которые ему пришлось претерпеть. Лицо бледное, глаза воспаленные, уши поникли, вид такой, будто его сунули в пещь огненную, а потом подвергли машинной обработке. Я приподнялся на подушках и испытующе на него посмотрел. Недотепе необходимо оказать первую помощь, это ясно, и я приготовился вплотную заняться его делами.

— Привет, Гасси.

— Здравствуй, Берти.

— Салют!

— Салют!

Обмен любезностями закончился, и я понял, что пора осторожно коснуться больного места.

— Слышал, тебе здорово не повезло.

— Да.

— И все по вине Дживса.

— Дживс не виноват.

— Еще как виноват.

— Не понимаю, при чем здесь Дживс. Я забыл деньги и ключ от парадной двери…

— А теперь, сделай милость, забудь и о Дживсе. Тебе, я думаю, интересно будет узнать, — сказал я, сочтя, что лучше сразу ввести его в курс дела, — что Дживс больше не будет заниматься твоими проблемами.

Эта весть поразила Гасси. Он разинул рот, уши у него совсем опали. Он стал похож на дохлую рыбину. Не просто дохлую, а давно протухшую, ее еще в прошлом году выбросило на пустынный берег, а там ветры, дожди…

— Как?!

— Так.

— В смысле, Дживс больше не собирается…

— Не собирается.

— Но, черт подери…

Я был доброжелателен, но тверд.

— Прекрасно обойдешься без него. Дживсу надо отдохнуть. Разве ужасный опыт нынешней ночи не убедил тебя в этом? Даже самый острый ум порой дает сбой. Вот и с Дживсом случилось нечто подобное. Я еще раньше заметил, что он сдает. Теряет форму. Ему следует заново отточить свой интеллект. Понимаю, для тебя это удар. Ведь ты сюда пришел, чтобы посоветоваться с Дживсом, так?

— Конечно.

— О чем?

— Понимаешь, Мадлен уехала в поместье к своим друзьям, и я хотел спросить Дживса, что мне теперь делать.

— Послушай, я ведь тебе уже сказал — Дживс отстранен от дела.

— Но, Берти, черт побери…

— С этой минуты Дживс здесь ни при чем, — сказал я довольно резко. — Я беру все в свои руки.

— Берти, ради Бога! Ну какой от тебя прок?

Я подавил чувство обиды. Мы, Вустеры, великодушны. Мы готовы сделать скидку тем, кто всю ночь разгуливал по Лондону в обтягивающем красном трико.

— Посмотрим, — спокойно парировал я. — Садись, и давай все обсудим. Твое дело, должен сказать, яйца выеденного не стоит. Значит, барышня отправилась в поместье к своим друзьям. Совершенно очевидно, что ты должен последовать за ней и пчелкой роиться вокруг своей избранницы. Просто, как дважды два.

— Не могу я навязывать свое общество совершенно посторонним людям.

— Разве ты с ними не знаком?

— Конечно, нет.

Я поджал губы. Дело несколько осложнялось.

— Знаю только, что их фамилия Траверс, а поместье называется Бринкли-Корт, это где-то в Вустершире.

Лоб у меня сразу разгладился.

— Гасси, — начал я, отечески улыбаясь, — благослови тот день, когда Бертрам Вустер занялся твоими проблемами. Я с самого начала знал, что мне это раз плюнуть. Ты сегодня же отправишься в Бринкли-Корт в качестве почетного гостя.

Бедняга затрясся, как малиновое желе. Ничего удивительного — когда новичок впервые видит, как Бертрам Вустер властной рукой берет быка за рога, он должен испытывать трепет.

— Берти, неужели ты знаком с этими самыми Траверсами?

— Эти самые Траверсы — моя тетушка Далия и мой дядюшка Том.

— Вот это да!

— Теперь, надеюсь, ты понял, как тебе повезло, что я занимаюсь твоими делами? — веско сказал я. — Ты обратился к Дживсу, и что из этого вышло? Он уговорил тебя вырядиться в красное трико, наклеить гнуснейшую бороденку и отправиться на бал-маскарад. Результат — муки смертные и никакого продвижения к цели. Но тут я беру все в свои руки и вывожу тебя на верную дорогу. Мог ли Дживс отправить тебя в Бринкли-Корт? Никогда. Тетя Далия не его тетушка, а моя. Я просто констатирую факты.

— Честное слово, Берти, не знаю, как тебя благодарить.

— Пустяки, мой друг.

— Но послушай, Берти…

— Ну что еще?

— Как мне себя вести, когда я приеду в Бринкли-Корт?

— Если бы ты бывал в Бринкли-Корте, ты бы об этом не спрашивал. В таком райском уголке все пойдет как по маслу. Уже не один век самые грандиозные любовные страсти обязаны своим зарождением именно Бринкли-Корту. Атмосфера там просто пагубная. Ты прогуливаешься с девицей по тенистым аллеям. Сидишь с ней на зеленых лужайках. Катаешь ее на лодке по озеру. Сам не заметишь, как ты…

— Ей-богу, Берти, ты прав.

— Конечно, прав. Я сам уже три раза обручался в Бринкли. Правда, без последствий, но факт налицо. И ведь когда я туда приезжал, я не помышлял об амурах. А уж делать предложение… И тем не менее, стоило мне ступить на эту романтическую землю, как я устремлялся к первой попавшейся девице и шмякал сердце к ее ногам. Видно, там это в воздухе витает.

— Я тебя понял. Это как раз то, что мне нужно. Понимаешь, у меня должно быть время, чтобы собраться с духом. А в Лондоне — будь он проклят! — все несутся сломя голову, и нет никакого шанса добиться успеха.

— Точно. Ты встречаешься с девицей на бегу, в твоем распоряжении каких-нибудь пять минут, и если ты вознамеришься предложить ей руку и сердце, ты должен отбарабанить весь текст с пулеметной скоростью.

— Вот именно. Лондон нагоняет на меня страх. На природе я совсем другой человек. Какое счастье, что эта Траверс оказалась твоей теткой.

— Что значит «оказалась»? Она всегда была моей теткой.

— Я хочу сказать, поразительно, что Мадлен поехала именно к твоей тетке.

— Что тут особенного? Мадлен очень дружна с моей кузиной Анджелой. В Каннах они не расставались ни на минуту.

— А, такты познакомился с Мадлен в Каннах? Боже мой! Берти, — благоговейно проговорил бедный тритономан, — как мне хотелось бы увидеть ее там. Должно быть, в пляжном костюме она выглядит восхитительно. Ах, Берти…

— Само собой, — рассеянно проронил я. Несмотря на то, что я воскрес от Дживсовой взрывной смеси глубинного Действия, все же после такой убойной ночи мне было не до излияний Гасси. Я позвонил и, когда Дживс явился, потребовал у него телеграфный бланк и карандаш. Черкнул учтивое послание тетушке Далии о том, что направляю своего друга Огастуса Финк-Ноттла, дабы он мог насладиться ее гостеприимством, и вручил листок Гасси.

— Отправь из первого же почтового отделения, — сказал я, — тетушка вернется в Бринкли, а телеграмма ее уже ждет.

Гасси ринулся вон, размахивая телеграммой, — ну прямо Джоан Кроуфорд,[6] — а я обратился к Дживсу, чтобы дать ему precis[7] своих действий.

— Видите, Дживс, как все просто. Никакой изощренности.

— Да, сэр.

— Никакой зауми. Ничего вымученного и экстравагантного. Природа сама все устроит.

— Да, сэр.

— Единственно правильный подход, который следовало избрать в данном случае. Как вы думаете, Дживс, что происходит, когда двое людей противоположного пола живут нос к носу в уединенном месте?

— Вы имеете в виду процесс сближения, сэр?

— Именно, Дживс. На него-то я и делаю ставку. В нем, если хотите, весь фокус. Сейчас, как вам известно, Гасси в присутствии девицы дрожит, как желе на ветру. Спросим себя, что произойдет через неделю-другую, если они день за днем будут есть из одной кормушки? Брать за завтраком сосиски из одного блюда, отрезать ломтики от одного куска ветчины, вычерпывать почки и бекон одним половником… Ах ты, черт!

Я осекся на полуслове. На меня нашло озарение, со мной такое

случается.

— Ни в коем случае, Дживс!

— Сэр?

— Вот вам пример того, как надо все предвидеть. Вы слышали, я только что упомянул сосиски, почки, бекон и ветчину?

— Да, сэр.

— Так вот, со всем этим надо покончить. Раз и навсегда. Еще чуть-чуть — и произошло бы непоправимое. Подайте мне телеграфный бланк и карандаш. Надо немедленно предупредить Гасси. Его задача — вбить барышне в голову, что он, Гасси, чахнет от любви к ней. А если он станет обжираться сосисками, ему не достичь цели.

— Да, сэр.

— Ну вот.

Взяв карандаш, я начертал на бланке следующее:

«Финк-Ноттлу
Бринкли-Корт
Маркет-Снодсбери
Вустершир
Откажись от сосисок. Избегай ветчины. Берти».

— Дживс, отправьте немедленно.

— Очень хорошо, сэр.

Я откинулся на подушки.

— Вот видите, Дживс, как я веду дела. Замечаете, какая у меня хватка? Надеюсь, теперь вы поняли, что вам не мешало бы изучить мои методы.

— Вне всякого сомнения, сэр.

— Однако и сейчас вы не в состоянии постичь всей глубины моей необычайной прозорливости. Знаете, зачем сегодня утром пожаловала к нам тетушка Далия? Объявить, что я должен вручать награды в этой дурацкой школе в Маркет-Снодсбери, она там попечительствует.

— Вот как, сэр? Боюсь, вы вряд ли сочтете подобное занятие подходящим для вас.

— Да я и не собираюсь этим заниматься. Хочу спихнуть все на Гасси.

— Сэр?

— Телеграфирую тете Далии, что не смогу приехать, и пусть она натравит на своих малолетних преступников Гасси.

— А если мистер Финк-Ноттл откажется, сэр?

— Откажется? Вы думаете, ему удастся? Представьте себе такую

картину, Дживс. Место действия — гостиная в Бринкли. Гасси забивается в угол, а тетя Далия подступает к нему, издавая охотничьи кличи. Теперь скажите, Дживс, сможет он отказаться?

— Вы правы, сэр, едва ли ему это удастся. Миссис Траверс — очень властная личность.

— У него нет ни малейшего шанса отвертеться. Единственный выход — тихонько улизнуть из Бринкли-Корта. Но он на это не пойдет, потому что не захочет расстаться с мисс Бассет. Нет, Гасси придется подчиниться, а я избавлюсь от теткиного поручения. Признаться, при одной мысли о нем у меня душа в пятки уходит. Выйти на кафедру и держать напутственную речь перед оравой скверных мальчишек! Нет уж, увольте. Однажды мне выпало пройти через подобное испытание. В школе для девочек, припоминаете?

— Весьма живо, сэр.

— Ну и осрамился же я!

— Вне всяких сомнений, это было не самое удачное ваше выступление, сэр.

— Знаете, Дживс, мне бы не помешал еще один коктейль для воскрешения из мертвых. Опасность, которой я чудом избежал, вконец подорвала мои силы.

Должно быть, у тети Далии ушло на обратную дорогу часа три, потому что ее телеграмму я получил сразу после ланча. Видно, старушка настрочила ее под горячую руку через две минуты после того, как прочла мою депешу.

Тетушкино послание гласило:

> «Советуюсь с юристом, дабы выяснить, может ли удушение племянника-идиота квалифицироваться как убийство. Если нет, то берегись. Ведешь себя — хуже некуда. Чего ради ты подсовываешь мне своих мерзких друзей? Считаешь, что Бринкли-Корт — лепрозорий? Кто такой этот твой Спирт-Боттл? Целую. Траверс».

Ничего другого я поначалу и не ожидал. Ответ мой был весьма сдержан:

> «Не Спирт-Боттл, а Финк-Ноттл. С наилучшими пожеланиями. Берти».

Вероятно, сразу после того, как у тетушки вырвался из души приведенный выше вопль, в Бринкли прибыл Гасси, потому что не прошло и двадцати минут, как мне принесли следующее сообщение:

> «Получил шифровку за твоей подписью: «Откажись от сосисок. Избегай ветчины». Немедленно телеграфируй ключ. Финк-Ноттл».

Я ответил:

> «И почек тоже. Салют. Берти».

Я делал ставку на то, что Гасси произведет на тетю Далию благоприятное впечатление, ведь он был застенчивый, безотказный малый, всегда готовый услужить, такие с первого взгляда вызывают неизменное расположение у дам того типа к которому принадлежит моя тетушка. Очередная ее телеграмма, которая, не скрою, весьма меня порадовала, источала бальзам доброты и, бесспорно, свидетельствовала о том что я не переоценил своей проницательности.

Привожу тетушкино послание:

> «Твой протеже прибыл, и, признаюсь честно, он не такой недоумок, как можно было ожидать от твоего друга. Пучеглаз и малость косноязычен, но в целом порядочный и воспитанный юноша, а уж о тритонах знает все на свете. Прикидываю, не пустить ли его с циклом лекций для соседей. Однако какая наглость с твоей стороны! По-твоему, мой дом — курортная гостиница? Когда явишься, выскажу тебе все, что думаю по этому поводу. Жду тебя тридцатого. Прихвати краги. Обнимаю. Траверс».

Я телеграфировал:

> «Просмотрев свой календарь неотложных встреч, убедился, что приехать в Бринкли не смогу. Глубоко сожалею. Привет. Берти».

В тетушкином ответе зазвучали зловещие нотки:

> «А, так ты, стало быть, вот как? Просмотрел, видите ли,

календарь неотложных встреч? Глубоко сожалеешь? Чушь! Позволь сказать тебе, мой милый, если не приедешь, то будешь сожалеть куда сильнее. Если ты вообразил, что сумеешь уклониться от вручения призов, то сильно заблуждаешься. К несчастью, Бринкли-Корт в ста милях от Лондона, не то запустила бы в тебя кирпичом. Целую. Траверс».

Тогда я решил испытать судьбу и поставить все на карту. Сейчас не время думать о мелочной экономии. Я отвечал, не считаясь с расходами:

> «Но послушайте, черт побери! Честное слово, вы прекрасно без меня обойдетесь. Пусть Финк-Ноттл вручает призы. Он прирожденный мастер в этом деле, и заполучить его — большая честь. Будьте уверены, тридцать первого в роли ведущего торжественной процедуры Огастус Финк-Ноттл произведет настоящий фурор. Не упускайте этого редкого шанса, второго не будет. Пока-пока. Берти».

Целый час я, затаив дыхание, томился неизвестностью, и вот наконец пришла благая весть:

> «Ладно уж, так и быть. Кажется, в твоих словах есть резон. Тем не менее ты — жалкий предатель, малодушный размазня и червь презренный. Ангажирую Виски-Боттла. Бог с тобой, сиди в своем Лондоне. Хоть бы тебя омнибус переехал! Целую. Траверс».

Представляете, какое облегчение я испытал. С души свалился увесистый булыжник. Как будто в меня влили бочонок Дживсова зелья для воскрешения из мертвых. Я весело напевал, переодеваясь к обеду. А в «Трутнях» так разошелся, что кое-кто даже попросил меня угомониться. Потом я вернулся домой, улегся в постель и через минуту спал, как младенец. Казалось, все мои тревоги остались позади.

Поэтому вы поймете мое удивление, когда наутро я проснулся, сел в постели, чтобы приникнуть к чашке чаю, и вдруг снова обнаружил на подносе телеграмму.

Сердце у меня упало. Неужели тетушка Далия за ночь передумала? Вдруг Гасси испугался предстоящего ему испытания и удрал, спустившись под покровом ночи по водосточной трубе? Все эти мысли промелькнули в

моей черепушке, пока я разрывал конверт. Прочтя текст, я даже вскрикнул от удивления.

— Сэр? — сказал Дживс, остановившись в дверях.

Я еще раз прочел послание. Да, удивился я недаром. Сомнений быть не могло.

— Дживс, — сказал я, — представляете, что случилось?

— Нет, сэр.

— Вы ведь знаете мою кузину Анджелу?

— Да, сэр.

— А Таппи Глоссопа?

— Да, сэр.

— Ну так вот, они расторгли помолвку.

— Я очень сожалею, сэр.

— Вот телеграмма тети Далии, здесь именно об этом говорится. Не понимаю, в чем дело.

— Не могу сказать, сэр.

— Разумеется, не можете. Не будьте ослом, Дживс.

— Хорошо, сэр.

Я задумался. Известие до крайности меня взволновало.

— Стало быть, Дживс, мы должны сегодня же ехать в Бринкли. Тетушка Далия, видно, совсем выбита из колеи, и мой долг — быть подле нее. Пакуйте чемоданы и поезжайте с вещами поездом, он отходит без четверти час. У меня за ланчем деловая встреча, поэтому я приеду позже на автомобиле.

— Хорошо, сэр.

Я опять задумался.

— Дживс, не стану скрывать, я потрясен.

— Вне всяких сомнений, сэр.

— Страшно потрясен, Анджела и Таппи… Ну и ну! Казалось, они не разлей вода. Жизнь полна печали, Дживс.

— Да, сэр.

— Что поделаешь…

— Несомненно, сэр.

— Держим удар, Дживс… Приготовьте мне ванну.

— Хорошо, сэр.

В тот же день к вечеру я ехал по направлению к Бринкли в своем любимом спортивном автомобиле, без устали размышляя о случившемся. Весть о размолвке или, может быть, даже ссоре между Анджелой и Таппи чрезвычайно меня встревожила.

Понимаете, я всегда смотрел на предстоящий брак весьма одобрительно. Когда твой приятель женится на знакомой тебе барышне, ты, как правило, невольно начинаешь хмурить брови и в сомнении покусывать губы, ибо чувствуешь, что необходимо призвать его или ее, или их обоих одуматься, пока не поздно.

Однако вышесказанное ни в коей мере не относилось к Таппи и Анджеле. Таппи, когда не валяет дурака, классный малый. И Анджела, само собой, классная девица. Что касается их взаимной привязанности, то два их сердца бьются, как одно, точнее не скажешь.

Правда, у них случались маленькие размолвки. Однажды, например, Таппи, движимый похвальной беспристрастностью — это он так считает, лично я назвал бы это непроходимой тупостью, — заявил Анджеле, что в новой шляпке она похожа на китайского мопса. Однако ни одна любовная история не обходится без ссор, и я считал, что Таппи получил хороший урок, и теперь их жизнь польется, как сладостная песнь.

И вдруг внезапный и совершенно непредвиденный разрыв дипломатических отношений.

Все то время, что Бертрам Вустер ехал в Бринкли, отборные силы его незаурядного интеллекта были направлены на решение неожиданно возникшей проблемы. Почему стороны начали военные действия — вот над чем я не переставая ломал себе голову. Тем временем моя нога усердно давила на акселератор — мне не терпелось поскорее увидеть тетю Далию и узнать горячие новости из первых рук. И так как вся мощь шестицилиндрового двигателя отзывалась на мои усилия, я развил приличную скорость, и еще до вечернего коктейля мы с тетушкой уединились для конфиденциальной беседы.

По-моему, тетя Далия мне обрадовалась. Она даже сама сказала, что рада меня видеть, — единственная из всего инвентарного списка моих теток, кто мог решиться скомпрометировать себя подобным признанием. Когда я навещаю моих ближайших и дражайших родственниц, они обычно испытывают ужас и тоску.

— Как мило, что ты приехал, Берти, — сказала она.

— Тетушка, мое место подле вас, — отвечал я.

С первого взгляда мне стало ясно, что печальное событие не прошло для нее бесследно. Всегда сияющая, приветливая физиономия вытянулась,

радушной улыбки как ни бывало. Я сочувственно пожал ей руку, пусть знает, что сердце у меня кровью обливается.

— Скверно, дорогая тетенька, — сказал я. — Боюсь, настали черные дни. Вы, должно быть, совсем выбились из сил.

Она громко фыркнула. Лицо скривилось, будто она проглотила тухлую устрицу.

— Еще бы! С тех пор, как вернулась из Канн, ни минуты покоя. Едва переступила порог этого треклятого дома, — сказала тетушка, — все пошло вверх дном. Сначала морока с вручением призов.

Она сделала паузу и бросила на меня выразительный взгляд.

— Я собиралась хорошенько тебя отчитать за твое поведение, — сказала тетя Далия. — У меня на душе накипело. Но раз уж ты прикатил, так и быть — прощаю. Может быть, оно и к лучшему, что ты нахально уклонился от своего прямого долга. Сдается мне, этот твой Спирт-Боттл пройдет «на ура». Если на минутку выкинет из головы своих тритонов.

— Он рассказывал вам о тритонах?

— Конечно. Уставился на меня, глаза сверкают, как у Старого моряка.[8] Если бы все беды этим ограничились, куда ни шло. Меня больше всего тревожит, что скажет Том, когда рано или поздно разговор зайдет о деньгах.

— Дядя Том?

— Послушай, не называй ты его «дядя Том», придумай что-нибудь другое, — раздраженно сказала тетя Далия. — Каждый раз, как ты произносишь «дядя Том», я жду, что он обернется негром и заиграет на банджо… Ладно, пусть дядя Том, если тебе так хочется. Не сегодня — завтра мне придется ему сказать, что я просадила все деньги в баккара. Он взовьется к потолку.

— Однако время — великий целитель, и, безусловно…

— Пропади оно пропадом, это время. Мне надо не позднее третьего августа получить от Тома чек на пятьсот фунтов для «Будуара знатной дамы».

Тут я тоже встревожился. Мне, как племяннику тети Далии, был небезразличен ее изысканный еженедельник «Будуар знатной дамы», но я и сам питал к этому журналу теплые чувства с тех пор, как написал для него статью «Что носит хорошо одетый мужчина». Какая сентиментальность, скажете вы, но нам, старым журналистам, эти чувства хорошо знакомы.

— Ваш «Будуар» на мели?

— Будет на мели, если Том не раскошелится. Пока мы не окрепнем,

нам требуется помощь.

— Но ведь два года назад вы тоже были на мели.

— Были. И мы все еще нуждаемся в поддержке. Если речь идет о дамском еженедельнике, никто не может сказать, когда он станет на ноги.

— И вы считаете, вам не удастся заставить дядю… моего дядюшку тряхнуть мошной?

— Понимаешь, Берти, до сих пор я легко, не задумываясь, могла обратиться к Тому за деньгами и никогда не получала отказа, как избалованная дочка, которая играючи выманивает У снисходительного отца шоколадку. Но сейчас налоговая инспекция требует у него в дополнение к прежнему еще пятьдесят восемь фунтов один шиллинг и три пенса, и с самого моего приезда он только и говорит, как разрушительно и пагубно для империи социалистическое законодательство, да и вообще, твердит он, ничего хорошего нам ждать не приходится.

Я охотно верил тете Далии. Мой дядюшка отличается той же странностью, какую я нередко замечал за другими толстосумами. Обсчитайте его на пенс, и он завопит как резаный. Денег у него куры не клюют, но он терпеть не может раскошеливаться.

— Если бы не кулинарные изыски Анатоля, не знаю, как бы Том выдержал этот удар. Слава Богу, что у нас есть Анатоль.

Я почтительно склонил голову.

— Старый добрый Анатоль! — сказал я.

— Аминь, — сказала тетя Далия.

Выражение трепетного восторга, которым мгновенно осветилось тетушкино лицо при упоминании об Анатоле, исчезло.

— Давай не будем отвлекаться от главного, — сказала она. — Я говорю об этих треклятых заботах, которые на меня свалились, едва я вернулась домой. Сначала вручение призов, затем объяснение с Томом, а в заключение эта дурацкая ссора между Анджелой и Глоссопом.

Я сочувственно кивнул.

— Не могу передать, как я огорчен. Ужасный удар. В чем все-таки дело?

— В акулах.

— А?

— В акулах. Точнее, в одной отдельно взятой акуле. В той самой, что напала на бедную девочку в Каннах, когда она каталась на акваплане, ты ведь помнишь?

Еще бы мне не помнить. Разве может человек, наделенный тонкими чувствами, забыть, как его кузину чуть не сожрали морские чудовища? Эта

страшная история была еще слишком свежа в моей памяти.

Расскажу вкратце, что произошло. Надеюсь, вы знаете, что такое акваплан. Впереди мчится моторная лодка и тащит за собой веревку. Вы стоите на доске, держитесь за эту веревку, и лодка волочет вас за собой. Вы то и дело выпускаете веревку из рук, плюхаетесь в воду и вплавь добираетесь до доски.

Ничего глупее невозможно придумать, однако многим это занятие нравится.

Так вот, едва Анджела взгромоздилась на доску после очередного плюханья в море, как вдруг откуда ни возьмись огромная, зверского вида акула. Мчится прямо к Анджеле и на полном ходу врезается в доску. Анджела опять летит хлебать соленую воду. К счастью, ей удалось снова вскочить на доску и послать лодочнику сигнал бедствия. Он понял, что произошло, и втащил Анджелу в лодку. Думаю, вам понятно, в каком она была состоянии.

Как потом Анджела рассказывала, чудовище все время пыталось цапнуть ее за ногу, так что, когда подоспела помощь, девочка была ни жива ни мертва. Потрясенная тем, что ей пришлось испытать, она долгое время ни о чем другом не могла говорить.

— Конечно, помню, и очень живо, — сказал я. — Но разве можно из-за этого поссориться?

— Вчера Анджела рассказывала об этом Глоссопу.

— Ну и что?

— Она, бедняжка, так волновалась — глаза блестят, кулачки сжаты, как у ребенка.

— Еще бы!

— Но вместо понимания и сочувствия, на которые девочка по праву могла рассчитывать, этот болван Глоссоп, будь он проклят… Знаешь, как он себя повел? Сидел, как пень, будто она ему о погоде рассказывает, потом вынул изо рта мундштук и говорит: «По-моему, это была не акула, а бревно».

— Не может быть!

— И тем не менее. А когда Анджела дошла до того места, как чудовище выпрыгнуло из воды и чуть ее не укусило, он снова вынимает изо рта мундштук и говорит: «А-а, значит, это камбала. Совершенно безобидное существо. Наверное, ей хотелось поиграть». Представляешь?! Что бы ты сделал на месте Анджелы? Она такая гордая, такая ранимая, и это вполне естественно для добропорядочной девушки. Она ему и выложила: ты, говорит, осел, дурак, идиот и сам не знаешь, что мелешь.

Должен заметить, я вполне разделяю мнение Анджелы. Такое необыкновенное приключение выпадает только раз в жизни, и, уж если вам повезло, вы не хотите, чтобы кто-то покушался на ваши лавры. Помню, в школе нас заставляли читать «Отелло». Так там один тип, Отелло, жалуется знакомой девушке, как невыносимо ему было жить среди каннибалов. Представьте, он ей рассказывает леденящую кровь историю о вожде племени каннибалов и ожидает, само собой, что барышня, охваченная благоговейным ужасом, воскликнет: «Ой! Какая жуть! Просто кошмар!» А она вместо этого спокойненько заявляет, что все его рассказы — сплошное преувеличение и что этот самый вождь, скорее всего, не людоед, а известнейший в округе вегетарианец. Да, я целиком разделял точку зрения Анджелы.

— Неужели старина Глоссоп не пошел на попятную, ведь он видел, что Анджела не в себе?

— Даже не подумал. Стал с пеной у рта доказывать, что он прав. И так слово за слово, пока оба не пришли в бешенство. В конце концов она спросила, понимает ли он, что разжиреет, как свинья, если не перестанет объедаться пирогами и не начнет делать гимнастику по утрам. Он в долгу не остался и начал поносить нынешних девиц, которые накладывают на лицо слишком много косметики, а он этого не переносит. Они продолжали в том же духе, потом раздался громкий треск, и их помолвка разлетелась на мелкие осколки. Разумеется, я этим до крайности огорчена. Слава Богу, Берти, что ты приехал.

— Я просто не мог не приехать, — растроганно отвечал я. — Чувствовал, что я вам нужен.

— Да, очень нужен.

— Понимаю, тетя Далия.

— Не ты, конечно, а Дживс, — сказала она. — Я о нем думаю с той минуты, как все случилось. Без Дживса нам не обойтись. Никто и никогда так остро не нуждался в помощи этого человека с его незаурядным умом.

Если бы я не сидел, а стоял, я бы, наверное, пошатнулся. Однако, сидя в кресле, пошатнуться трудно. Поэтому только по лицу Бертрама можно было заметить, как глубоко уязвили его эти слова.

Пока тетя Далия их не произнесла, в моей душе царили сочувствие и любовь, я был готов на все, лишь бы ей помочь. А сейчас я превратился в ледышку. Лицо у меня окаменело.

— Дживс! — просвистел я сквозь стиснутые зубы.

— Будь здоров, — сказала тетушка. Видно, она ничего не поняла.

— Я не чихнул. Я сказал: «Дживс!»

— Вот именно. Что за ум! Второго такого нет на свете. Хочу изложить ему все как есть.

По-моему, моя холодность стала еще заметнее.

— Позволю себе поспорить с вами, тетя Далия.

— Что-что?

— Поспорить с вами.

— Поспорить? Со мной?

— Вот именно. Дело в том, что Дживс безнадежен.

— Что?!

— Совершенно безнадежен. Он утратил свою былую хватку Не далее как два дня назад я был вынужден отстранить его от дела по причине полной беспомощности. Во всяком случае, ваше утверждение, что Дживс — единственный умный человек на свете, меня возмущает. Терпеть не могу, когда сразу бросаются к нему, нет чтобы сначала посоветоваться со мной, может, я и сам сумею вам помочь.

Тетушка хотела что-то сказать, но я остановил ее властным жестом.

— Не стану отрицать, раньше я иногда считал уместным обращаться к Дживсу за советом. Возможно, и в дальнейшем я когда-нибудь прибегну к его помощи. Однако оставляю за собой право лично вникать в те проблемы, которые могут возникнуть у меня или у моих друзей, и нечего вести себя так, будто Дживс — единственный свет в окошке. Порой мне кажется, что своими успехами — бесспорно, у него случались в прошлом удачные решения — Дживс обязан, скорее, простому везению, чем выдающемуся уму.

— Ты с ним поссорился?

— Ничего подобного.

— Ты на него словно бы дуешься.

— Ничуть не бывало.

Однако, должен признаться, в ее словах была доля правды. В тот день я испытывал к Дживсу довольно сильную неприязнь, сейчас объясню, почему.

Как вы, наверное, помните, он с моим багажом выехал в Бринкли поездом, который отходит в двенадцать сорок пять, а я остался в Лондоне — у меня была назначена встреча за ланчем. Ну, так вот, перед тем как отправиться в путь, я прошелся по квартире, и вдруг — не могу объяснить, почему, мне в душу закралось подозрение, может быть, что-то в поведении Дживса меня насторожило, — таинственный голос мне шепнул: «Бертрам, загляни в платяной шкаф».

Да, мои опасения подтвердились. В шкафу висел белый клубный

пиджак. Коварный малый нарочно его оставил.

Но не тут-то было! Спросите в «Трутнях», вам всякий скажет, что Бертрама Вустера не проведешь. Я упаковал пиджак в пакет из плотной бумаги, положил на заднее сиденье автомобиля, и теперь он лежал на стуле в холле. Однако факт остается фактом — Дживс попытался меня обмануть, и, уверяя тетю Далию, что не сержусь на него, я, признаться, покривил душой.

— Никаких размолвок не было, — сказал я. — Некоторое мимолетное охлаждение, не более того. Понимаете, мы с ним не сходимся во взглядах на белый клубный пиджак с золотыми пуговицами, и мне пришлось настоять на своем. Но…

— Довольно, все это не имеет значения. Ты мелешь вздор. Стало быть, по-твоему, Дживс потерял хватку? Чепуха! Я только что его видела, у него во взгляде, как всегда, светится ум. Положись на Дживса, сказала я себе, и не отступлю от своих слов.

— Тетя Далия, гораздо разумней было бы доверить устройство ваших дел мне.

— Ради Бога, Берти, не вмешивайся не в свое дело. Ты только все испортишь.

— Как раз напротив. Если хотите знать, по дороге сюда я серьезнейшим образом все обдумал и даже разработал план, основанный на изучении психологии личности. Предлагаю привести его в действие, и чем раньше — тем лучше.

— О, Господи!

— Человеческая природа для меня — открытая книга, поэтому мой план даст блестящие результаты.

— Берти! — вскричала тетя Далия в каком-то удивившем меня лихорадочном возбуждении. — Прошу тебя, уймись! Сделай милость, отступись. Знаю я твои планы. Наверняка мечтаешь, чтобы Анджела нырнула в озеро, а Глоссоп бросился ее спасать, или еще какой-нибудь вздор придумал.

— Ничуть не бывало.

— Чего еще от тебя ждать!

— Мой план гораздо изощреннее. Позвольте изложить.

— Спасибо, не стоит.

— Я сказал себе…

— Спасибо, что не мне.

— Да послушайте вы!

— Не хочу.

— Ладно. Я нем, как рыба.

— Давно бы так.

Мне стало ясно, что препираться с тетушкой не имеет смысла. Пожав плечами, я безнадежно махнул рукой.

— Ну что ж, тетя Далия, — с достоинством проговорил я, — раз вы пренебрегаете собственным благом, дело ваше. Но, отказываясь выслушать мои соображения, вы лишаете себя редкого удовольствия, которое способна доставить тонкая игра изощренного ума. Можете сколько угодно прикидываться глухим аспидом из Священного писания, который, как вы, конечно, помните, ни в какую не желал слушать заклинателя, тем не менее я намерен осуществить свой план. Анджела мне очень дорога, и я ничего не пожалею, лишь бы у нее на душе снова стало радостно.

— Берти, урод ты этакий, ради Бога, прошу тебя, уймись. Неужели ты не можешь угомониться? Ты такую кашу заваришь, что потом век не расхлебаешь.

Помнится, в каком-то историческом романе я читал об одном типе, он был аристократ, то ли английский, то ли французский. Ну так вот, когда ему бросали в лицо обидные или оскорбительные слова, он только лениво усмехался и небрежно смахивал пылинку с безупречных манжет брабантского кружева. В тот момент я поступил как он. Поправил галстук и одарил тетушку неизъяснимой улыбкой. Потом поднялся с кресла и не спеша вышел в сад.

Не успел я шагу ступить, как наткнулся на Таппи. Вид у него был хмурый, лоб бороздили морщины. Он уныло швырял камешки в цветочный горшок.

8

Уверен, я уже рассказывал вам о Таппи Глоссопе. Это он, если вы помните, однажды вечером в «Трутнях» поспорил со мной, что мне слабо перебраться через плавательный бассейн, хватаясь руками за кольца, свисающие с потолка, — детская забава при моей-то ловкости, — а когда я почти достиг цели, он, коварно предав нашу детскую дружбу, закинул последнее кольцо за перекладину и тем самым заставил меня прыгнуть в воду в одном из моих лучших фраков.

Сказать, что эта подлая выходка, которую я назвал бы преступлением века, оставила меня равнодушным, значит покривить душой. Я был страшно возмущен, оскорблен до глубины души и месяца два не мог

успокоиться.

Но, сами знаете, — раны затягиваются, душевная боль притупляется.

Только не подумайте, что я упустил бы случай швырнуть Таппи в физиономию мокрую губку, подсунуть в постель ужа или еще как-нибудь отыграться. Подвернись мне такая возможность, я бы с восторгом ею воспользовался в любой момент, но только не теперь. Как ни уязвлен я был коварной Таппиной проделкой, мне не доставляло никакого удовольствия сознавать, что этот балда сломает себе жизнь, если расстанется с девушкой, которую, несомненно, любит без памяти, несмотря на эту глупейшую ссору.

Более того, я от души хотел положить конец их размолвке; кажется, все бы отдал, только пусть у этих двух придурков дело снова пойдет на лад. Вы, наверное, уже догадались об этом из моего разговора с тетей Далией, а если бы у вас оставались какие-то сомнения на этот счет, то полный самого искреннего сочувствия взгляд, который я сейчас послал Таппи, окончательно бы их развеял.

Итак, я бросил на него проникновенный взгляд, крепко пожал руку и дружески похлопал по плечу.

— Привет, Таппи. Как дела, старик?

Я преисполнился к нему еще большего сочувствия, ибо взгляд у него был потухший, на мое рукопожатие он ответил вяло, иными словами, увидев старого друга, он не выразил ни малейшего желания пуститься в пляс. Беднягу будто обухом по черепушке хватили. Видно, меланхолия накрыла его своим крылом, как, помнится, однажды выразился Дживс о Понго Туистлтоне, когда тот пытался бросить курить. Сказать по правде, я не удивился. В сложившихся обстоятельствах подобная хандра была, безусловно, вполне естественна.

Я отпустил его руку, прекратил дружеское похлопывание по плечу и, достав из кармана портсигар, открыл его и протянул Таппи.

Он нехотя взял сигарету.

— Приехал, Берти? — сказал он.

— Приехал.

— Проездом или останешься?

Я медлил с ответом. Можно было бы признаться, что я примчался в Бринкли-Корт с твердым намерением вновь воссоединить их с Анджелой, связать порванные узы и так далее, и тому подобное. Закуривая сигарету, я чуть было не выложил ему все начистоту. Но потом решил, что, пожалуй, не стоит. Брякнуть в открытую, что я собираюсь играть на их чувствах, как на контрабасе, было бы неразумно. Кому понравится, что на нем играют,

будто он какой-нибудь контрабас?

— Пока не знаю, — сказал я. — Может, останусь, может, нет. Как получится.

Он равнодушно кивнул, дескать, останусь я или уеду — ему один черт, и уставился куда-то вдаль, поверх залитых солнцем деревьев. Надо сказать, наружностью и телосложением Таппи здорово похож на бульдога, а в данный момент он был похож на это породистое животное, которому не дали пирожное. Для человека, столь проницательного, как Бертрам Вустер, не составляло труда догадаться, что у него сейчас на уме, поэтому меня совсем не удивило, когда он коснулся вопроса, отмеченного в повестке дня галочкой.

— Наверное, ты уже слышал про нас с Анджелой?

— Да, Таппи, я в курсе, дружище.

— Мы расстались.

— Знаю. Кажется, вы немного не сошлись во взглядах на акулу?

— Да. Я сказал, что это, скорее всего, была камбала.

— Наслышан.

— Кто тебе сказал?

— Тетя Далия.

— Наверное, ругала меня, на чем свет стоит.

— Ничего подобного. Разве что как-то мимоходом обмолвилась: «…этот чертов Глоссоп», — а в остальном, по-моему, ее лексика отличалась исключительной сдержанностью, в особенности если учесть ее охотничье прошлое. Ведь в свое время она состояла в клубах «Куорн» и «Пайтчли». Однако, — ты, конечно, извини меня, старина, — тебе, по мнению тетушки, следовало выказать немного больше такта.

— Такта!

— И я склонен отчасти с ней согласиться. Скажи на милость, Таппи, ну зачем ты развенчал акулу, обозвав ее камбалой? Разве ты поступил великодушно? Эта акула дорога Анджеле, девочка в ней, можно сказать, души не чает. И вдруг человек, которому она отдала свое сердце, утверждает, что это не акула, а камбала. Какой удар для бедного создания!

Я видел, что Таппи обуревают противоречивые чувства.

— А меня ты сбрасываешь со счетов? — спросил он срывающимся от волнения голосом.

— Тебя?

— Да. Меня. Неужели не понимаешь, — проговорил Таппи, все больше распаляясь, — что не будь веских причин, я бы, конечно, не назвал эту чертову акулу камбалой, хотя она и в самом деле была камбала?

Анджела, дерзкая девчонка, сама меня спровоцировала. Каких только гадостей мне не наговорила. Вот я и воспользовался случаем отыграться.

— Каких таких гадостей?

— Самых отвратительных. И все оттого, что я в разговоре мимоходом, только чтобы поддержать беседу, поинтересовался, какие блюда Анатоль приготовил к обеду. И тут она вдруг заявляет, что я только о еде и думаю и что физические потребности для меня главное. Так и ляпнула — физические потребности! Черт подери, Берти, ты же знаешь, я по своей природе человек духовный.

— Бесспорный факт.

— Ну спросил я так, между прочим, что Анатоль собирается приготовить к обеду. По-моему, ничего страшного. А по-твоему?

— По-моему, тоже. Просто дань уважения великому маэстро.

— Конечно.

— И все-таки…

— Что?

— Я хочу сказать, жаль, что хрупкая ладья любви так бездарно идет ко дну, ведь достаточно всего лишь нескольких слов, чуть-чуть раскаяния…

Он вперил в меня подозрительный взгляд.

— Ты, кажется, предлагаешь, чтобы я пошел на уступки?

— Знаешь, Таппи, старина, это было бы просто замечательно и так великодушно с твоей стороны.

— И не мечтай!

— Но, послушай, Таппи…

— Нет. Ни за что.

— Ведь ты ее любишь, правда?

Я наступил на больную мозоль. Он вздрогнул, губы у него задергались. Он явно испытывал нестерпимые душевные муки.

— Не буду отрицать! — пылко воскликнул он. — Я без памяти влюблен в это ничтожество. И тем не менее считаю, что ее надо хорошенько отшлепать.

Ни один Вустер на свете такого не потерпит.

— Таппи, опомнись!

— И не подумаю!

— Повторяю, опомнись, Таппи. Ты меня поражаешь. Впору недоуменно поднять бровь. Где благородный рыцарский дух Глоссопов?

— Не волнуйся, благородный рыцарский дух Глоссопов в полном порядке. А вот как обстоят дела у Анджел? Где их нежная женская душа? Сказать человеку, что у него растет второй подбородок! Как у нее язык

повернулся!

— Так и сказала?

— Вот именно.

— О Господи! Девицы есть девицы, что с них возьмешь. Таппи, забудь об этом. Иди к ней и помирись.

Он помотал головой.

— Нет. Поздно. Она такого наговорила о моем животе… Никогда ей этого не прощу.

— Таппи, это несправедливо. Ты забыл, как сам однажды сказал Анджеле, что она в новой шляпке — вылитый китайский мопс?

— Но это истинная правда. У меня и в мыслях не было ее оскорблять. Я чистосердечно, по-доброму сказал то, что думал. Мною руководило искреннее желание удержать ее и не выставлять себя на посмешище. А она без всяких оснований пустилась обвинять меня, что я пыхчу, когда поднимаюсь по лестнице. Это совсем другое дело.

Тут я понял — чтобы помирить этих двух придурков, от меня потребуются вся моя недюжинная изобретательность, ловкость и такт. Свадебные колокола в маленькой церкви Маркет-Снодсбери прозвонят только в том случае, если Бертрам умно и тонко выполнит свою миссию. Из разговора с тетей Далией мне стало ясно, что высокие договаривающиеся стороны допустили весьма откровенные высказывания в адрес ДРУГ друга, но я не предполагал, что они зашли так далеко.

Эта печальная история глубоко меня тронула. Таппи открыто признался, что любовь к Анджеле по-прежнему живет в его сердце, и я был убежден, что Анджела тоже все еще его любит, несмотря на размолвку. Безусловно, сейчас она жаждет запустить в него бутылкой, но, готов поспорить, в глубине ее души теплится былая нежность. Только уязвленная гордость заставляет двух влюбленных избегать друг друга. Я чувствовал, что стоит Таппи сделать первый шаг, и все у них пойдет на лад.

Я решил предпринять еще одну попытку.

— Таппи, ты разбиваешь сердце Анджелы.

— С чего ты взял? Ты ее видел?

— Нет, но я уверен.

— А по ней не скажешь.

— Притворяется, не сомневайся. Как Дживс, когда я начинаю отстаивать свои права.

— Представляешь, стоит нам встретиться, она морщит нос, будто дохлую крысу увидела.

— Напускное. Уверен, она тебя все еще любит. Одно ласковое слово,

и лед растает.

Я понял, что он дрогнул. Видимо, мне все-таки удалось тронуть его сердце. Он ковырнул дерн носком ботинка и проговорил срывающимся голосом:

— Ты уверен?

— На все сто.

— Г-мм.

— Тебе надо только подойти к ней… Он покачал головой.

— Не могу. Это было бы роковой ошибкой. Я сразу потеряю свой престиж. Знаю я этих девиц. Стоит один раз уступить, и она сядет тебе на шею. — Он помолчал. — Единственный выход — как-то косвенно намекнуть, что я готов с ней поговорить. Может, мне при встрече с ней надо тяжело вздыхать, как ты считаешь?

— Она подумает, что ты отдуваешься.

— Да, ты прав.

Снова закурив сигарету, я принялся напряженно шевелить извилинами. И с первой попытки нашел решение, ибо мы, Вустеры, отличаемся быстротой ума. Мне вспомнился совет, который я дал Гасси по поводу сосисок и ветчины.

— Придумал! Есть один верный способ убедить девицу, что ты ее любишь. Действует безотказно и нам подходит как нельзя лучше. Сегодня за обедом не прикасайся к еде. Увидишь, какое впечатление это произведет на Анджелу. Она же знает, какой ты обжора.

— Ничего подобного! — взвился Таппи. — Я не обжора!

— Ну хорошо, хорошо.

— И вообще я к еде совершенно равнодушен.

— Согласен. Я только хотел…

— Пора положить конец этим разговорам, — кипятился Таппи. — Я молод, здоров, и у меня хороший аппетит, но это не значит, что я обжора. Я восхищаюсь Анатолем как великим мастером своего дела, и мне всегда интересно знать, чем он собирается нас попотчевать, но когда ты называешь меня обжорой…

— Хорошо, хорошо. Я только хотел сказать, если Анджела увидит, что ты отодвигаешь тарелку, не съев ни кусочка, она поймет, как ты страдаешь, и, скорее всего, сама сделает первый шаг.

Таппи задумался, нахмурив брови.

— Говоришь, совсем отказаться от обеда?

— Да.

— От обеда, приготовленного Анатолем?

— Да.

— Не отведав ни кусочка?

— Да.

— Не понял. Давай сначала. Сегодня вечером, за обедом, когда дворецкий поднесет мне зобные железы двухнедельных телят a la financiere или еще что-то, с пылу с жару, прямо из рук Анатоля, по-твоему, я должен отказаться, не попробовав ни кусочка?

— Да.

Таппи задумчиво покусывал губы. Невооруженным глазом было видно, как жестоко он борется с собой. Внезапно лицо у него просветлело. Ну прямо как у первых мучеников-христиан.

— Ладно.

— Ты согласен?

— Согласен.

— Отлично.

— Конечно, это будет пытка.

Я поспешил напомнить Таппи, что у тучки есть светлая изнанка.

— К счастью, недолгой. Ночью, когда все уснут, ты спустишься вниз и совершишь набег на кладовую.

Таппи просиял.

— И правда! Вот это мысль!

— Думаю, там найдутся холодные закуски.

— Конечно, найдутся, — сказал сразу повеселевший Таппи. — Например, пирог с телятиной и почками. Его сегодня подавали на ланч. Один из шедевров Анатоля. Знаешь, что меня в нем особенно подкупает, — благоговейно проговорил Таппи, — и чем я безмерно восхищаюсь? Хоть он и француз, он не привержен исключительно французской кухне, не то что все эти известные повара. Анатоль никогда не пренебрегает старой доброй простой английской пищей, такой, как, например, пирог с телятиной и почками, о котором я тебе говорил. Не пирог, а что-то сказочное. За ланчем мы съели только половину. Знаешь, Берти, этот пирог — как раз то, что надо.

— А от обеда ты отказываешься, как договорились?

— Нет вопросов.

— Отлично.

— Блестящая идея. По-моему, одна из лучших идей Дживса. Передай ему, когда с ним увидишься, что я чрезвычайно ему признателен.

Я выронил сигарету. Меня будто хлестнули по лицу мокрым кухонным полотенцем.

— Неужели тебе взбрело в голову, что этот план предложил Дживс?

— А как же иначе? Знаешь, Берти, не вешай мне лапшу на уши. Тебе до такого век не додуматься.

Я не стал ему отвечать. Только гордо выпрямился во весь рост, но когда понял, что Таппи на меня не смотрит, плечи у меня снова поникли.

— Ладно, Глоссоп, — холодно проговорил я, — идем. Пора переодеваться к обеду.

9

Я шел к себе в комнату, а обидные слова придурка Таппи все еще отдавались болью у меня в сердце. И когда я снимал свитер, и потом, облаченный в халат, шел по коридору в salle de bain,[9] уязвленное самолюбие терзало меня с неослабевающей силой.

Сказать, что обида прошила меня навылет, значит, ничего не сказать.

Я не жду аплодисментов. Низкопоклонство толпы гроша ломаного не стоит. И все равно, когда вы берете на себя труд создать превосходный план, чтобы помочь попавшему в беду другу, то крайне оскорбительно обнаружить, что этот придурок приписывает все заслуги вашему камердинеру, да еще такому, который всячески норовит не уложить в чемодан ваши белые клубные пиджаки с золотыми пуговицами.

Однако, поплескавшись в ванне, я вновь обрел душевное спокойствие. В те минуты, когда у вас на сердце тяжело, ничто так не успокаивает, как хорошая ванна, это я всегда знал. Не скажу, что я сейчас запел во весь голос, но, кажется, был к этому весьма близок.

Гнев и обида, вызванные наглым заявлением этого придурка Таппи Глоссопа, заметно поутихли.

К тому же гуттаперчевый утенок, видимо, забытый каким-то малышом и обнаруженный мною в мыльнице, немало способствовал тому, чтобы я вновь развеселился. Вот уже много лет мне по разным причинам не случалось играть в ванне гуттаперчевыми утятами, и теперь я понял, какое это увлекательное занятие. Для тех, кого оно заинтересует, сообщаю, что если вы с помощью губки погрузите утенка в воду, а потом отпустите, он тотчас вынырнет на поверхность, и, уверяю, ничто другое так не утешает измученную заботами душу. Десять минут такой забавы, и к Бертраму вернулась его прежняя жизнерадостность.

В спальне я застал Дживса, который готовил вечернюю выкладку. Он, как всегда, учтиво со мной поздоровался:

— Добрый вечер, сэр.

Я ему ответил столь же любезно:

— Добрый вечер, Дживс.

— Надеюсь, поездка была приятной, сэр.

— Благодарю вас, Дживс, весьма приятной. Дайте мне, пожалуйста, носок или, если вас не затруднит, сразу оба.

Я начал одеваться.

— Ну что, Дживс, — сказал я, надевая белье, — вот мы и снова в Бринкли-Корте, графство Вустершир.

— Да, сэр.

— Хорошенькая кутерьма заварилась в этой сельской глуши.

— Да, сэр.

— Таппи Глоссоп и кузина Анджела, кажется, не на шутку рассорились.

— Да, сэр. В людской сложившуюся ситуацию расценивают как весьма серьезную.

— И вы, конечно, считаете, что я не в состоянии уладить дело, а потому умываю руки?

— Да, сэр.

— А вот и ошибаетесь, Дживс. У меня все схвачено.

— Я удивлен, сэр.

— Знал, что вы удивитесь. Да, Дживс, пока ехал сюда, я все время напряженно думал, и вот результат налицо. Только что мы с мистером Глоссопом побеседовали. Считайте, дело в шляпе.

— Вот как, сэр? Могу ли я поинтересоваться…

— Дживс, вы знаете мою методу. Попытайтесь ее использовать. А вы сами, Дживс, — сказал я, надев рубашку и приступая к завязыванию галстука, — вы вообще-то всем этим обеспокоены?

— О да, сэр. Я очень привязан к мисс Анджеле и был бы чрезвычайно рад оказаться ей полезным.

— Весьма похвальные чувства, Дживс. Но, полагаю, так ничего и не придумали?

— Не совсем так, сэр. У меня родилась одна мысль.

— Интересно, какая же?

— Мне показалось, что можно достичь примирения между мистером Глоссопом и мисс Анджелой, если воззвать к инстинкту, который в минуту опасности заставляет джентльмена бросаться на помощь…

Я был потрясен. Мне даже пришлось отвлечься от завязывания галстука и негодующе воздеть руки.

— Неужели вы предлагаете затасканную схему вроде «она тонет, а он ее спасает»? Неужели вы опустились до такой пошлости? Дживс, я крайне удивлен. Удивлен и огорчен. Когда я сюда приехал, мы с тетей Далией обсуждали создавшееся положение, и она презрительно сказала, что я наверняка придумал какую-нибудь ахинею, например утопить Анджелу в озере, а потом столкнуть туда Таппи, чтобы он ее спас. Я недвусмысленно дал тетушке понять, что считаю подобное предположение оскорбительным для себя. А теперь, если я вас правильно понял, именно это вы и собираетесь предложить. Опомнитесь, Дживс!

— Нет, сэр. Не совсем так. Прогуливаясь по парку, я заметил строение, где висит пожарный колокол, и у меня мелькнула мысль, что если вдруг ночью раздастся сигнал тревоги, то мистер Глоссоп, без сомнений, приложит все усилия, чтобы помочь мисс Анджеле укрыться в безопасном месте.

Меня всего передернуло.

— Бредовая мысль, Дживс.

— Тем не менее, сэр…

— Бесполезно. Все это чепуха.

— Мне кажется, сэр…

— Нет, Дживс. Довольно. Хватит. Оставим эту тему.

Я молча завязал галстук. Меня обуревали чувства, которые невозможно выразить словами. Конечно, я знал, что в последнее время Дживс потерял былую хватку, но не подозревал, до чего он докатился. Вспоминая его прошлые выдающиеся находки, я содрогнулся от ужаса при виде его нынешней беспомощности. Или глупости? Я говорю об этой его крайне неприятной манере вбить себе в голову совершенный вздор и с ослиным упорством настаивать на своем. Впрочем, по-моему, случай весьма банальный. Человеческий интеллект подобен автомобилю, который годами мчится с предельной скоростью. И вдруг, представьте себе, что-то ломается в коробке передач, и автомобиль летит в кювет.

— Сложновато, Дживс, — сказал я мягко, делая вид, что не замечаю полной несостоятельности его плана. — Вы всегда этим грешите. Разве вы сами не видите, что он сложноват?

— Вероятно, предложенный мною вариант решения может быть подвергнут критике, но faute de mieux…

— Дживс, я вас не понимаю.

— Французское выражение, сэр, означает «за неимением лучшего».

Минуту назад я испытывал к бедняге, утратившему свой некогда блистательный интеллект, лишь глубокую жалость. Однако это его

замечание уязвило гордость Вустеров, и я заговорил довольно резко.

— Дживс, мне отлично известно, что означает выражение faute de mieux. Я не зря недавно провел два месяца у наших галльских соседей. К тому же я со школьной скамьи помню это выражение. Меня повергло в недоумение совсем другое — почему вы его употребили, прекрасно зная, что это ваше Идиотское faute de mieux, черт его побери, совершенно неуместно. Откуда вы его взяли? Разве я вас не заверил, что у меня все схвачено?

— Да, сэр, однако…

— Что значит «однако»?

— Но, сэр…

— Валяйте, Дживс. Я готов вас выслушать, более того, с нетерпением жду, что вы скажете.

— Видите ли, сэр, если бы я взял на себя смелость напомнить вам, что в прошлом ваши планы не всегда оказывались одинаково успешными…

Наступило напряженное молчание, во время которого я с подчеркнутой неторопливостью надел жилет, аккуратно поправил пряжку на спине и только тогда заговорил.

— Вы правы, Дживс, — холодно проговорил я. — В прошлом, возможно, я раз-другой попадал впросак. Однако я отношу эти провалы исключительно на счет невезения.

— В самом деле, сэр?

— Что касается данного случая, то здесь неудача исключается, и я вам объясню, почему. Дело в том, что мой план основан на знании человеческой природы.

— В самом деле, сэр?

— Он элементарно прост. Никаких выкрутасов. И, более того, он учитывает психологию личности.

— В самом деле, сэр?

— Дживс, — сказал я, — ну что вы заладили это ваше «В самом деле, сэр?» Не сомневаюсь, что вы не намерены выразить ничего, кроме заинтересованности, однако ваша привычка проглатывать первое слово и делать ударение на втором приводит к тому, что мне каждый раз слышится: «Обалдели, сэр?» Возьмите это на заметку, Дживс.

— Хорошо, сэр.

— Итак, повторяю, у меня все схвачено. Хотите знать, какие шаги я предпринял?

— Я весь внимание, сэр.

— Тогда слушайте. Я посоветовал Таппи отказаться сегодня вечером

от обеда.

— Сэр?

— Полно, Дживс! Вы прекрасно понимаете, о чем речь, хотя вам самому никогда бы до этого не додуматься. Вы ведь помните мою телеграмму Гасси Финк-Ноттлу, где я предписывал ему отказаться от сосисок и ветчины? Здесь то же самое. Отодвигать блюда, не попробовав ни кусочка, — во всем мире это считается верным признаком того, что человек умирает от любви. Действует безотказно. Теперь вам понятно?

— Видите ли, сэр…

Я нахмурился.

— Дживс, пусть вам не покажется, будто я постоянно подвергаю критике вашу манеру выражать свои мысли, — сказал я, — однако должен довести до вашего сведения, что выражение «Видите ли, сэр…» со всех точек зрения почти столь же неприятно, как и «В самом деле, сэр?» Оно тоже изрядно отдает скепсисом. В нем сквозит неверие в мою проницательность. Услышишь раз-другой это ваше «Видите ли, сэр…», и складывается впечатление, будто все, что я говорю, с вашей точки зрения, не более чем бред сумасшедшего, и если бы не старый добрый феодальный дух, который вас сдерживает, вы, наверное, вместо «Видите ли, сэр…» говорили бы «А идите-ка вы, сэр…»

— О нет, сэр.

— Но звучит именно так. Почему вы считаете, что мой план провалится?

— Боюсь, мисс Анджела сочтет, что мистер Глоссоп воздерживается от пищи по причине расстройства пищеварения, сэр.

Признаться, я упустил из виду подобную возможность и в первый момент дрогнул. Однако мне удалось быстро овладеть собой. Я понял, откуда ветер дует. Уязвленный сознанием собственной беспомощности, Дживс попросту пытается сорвать мой блестящий план. Я решил сразу же сбить с него спесь.

— Да? Вы полагаете? — сказал я. — Ладно, оставим эту тему, я хочу обратить ваше внимание, что вы мне подали совсем не тот пиджак. Будьте столь добры, Дживс, — продолжал я, указывая на вечерний пиджак, или смокинг, как мы его называли на Лазурном берегу, висящий на вешалке на ручке гардероба, — засуньте это черное страшилище в чулан и принесите мой белый клубный пиджак с золотыми пуговицами.

Дживс многозначительно на меня посмотрел. В том смысле, что его взгляд был полон уважения, и все же глаза у него дерзко блеснули, а по лицу скользнула затаенная улыбка. В то же время он негромко кашлянул.

— Весьма сожалею, сэр, но я ненароком забыл упаковать упомянутый вами предмет одежды.

Мысленным взором я увидел бумажный пакет, лежащий в холле, и лукаво ему подмигнул. Кажется, я даже промурлыкал себе под нос такт-другой. Впрочем, не уверен.

— Знаю, что забыли, Дживс, — сказал я и усмехнулся, устало опуская веки и стряхивая пылинку с безукоризненных манжет брабантского кружева. — Зато я не забыл. Бумажный пакет с пиджаком лежит на стуле в холле.

Известие о том, что его коварные уловки не удались и что упомянутый предмет числится в списочном составе, должно быть, потрясло Дживса, но в его тонко очерченном лице не дрогнул ни один мускул. Признаться, игра чувств редко отражается у Дживса на лице. Попадая в неловкое положение, он, как я уже говорил Таппи, надевает на себя маску и становится похож на чучело американского лося, такой же безразличный и напыщенный.

— Не могли бы вы спуститься в холл и принести пакет?

— Очень хорошо, сэр.

— Вперед, Дживс!

И вот я уже не спеша направляюсь в гостиную, с удовольствием ощущая, как любимый белый пиджак уютно облегает мне плечи.

В гостиной я застал тетю Далию, она бросила в мою сторону внимательный взгляд.

— Привет, чучело, — сказала она. — На кого ты похож? Ну и вырядился!

Я не понял, на что она намекает.

— Это вы про пиджак? — с удивлением осведомился я.

— Ну да. Точь-в-точь хорист из провинциального мюзик-холла.

— Вам не нравится пиджак?

— Конечно, нет.

— Но в Каннах нравился.

— Здесь не Канны.

— Но, черт подери…

— Да нет, пожалуйста. Если хочешь насмешить моего дворецкого, о чем речь. Впрочем, все это не имеет значения. Теперь ничто уже не имеет значения.

«Смерть, где твое спасительное жало!»[10] — вот что мне послышалось в тоне, каким были сказаны эти слова. Тетушкино настроение неприятно меня поразило. Не часто мне удается так классно обставить Дживса, я торжествовал победу, и мне хотелось видеть вокруг веселые, улыбающиеся

лица.

— Тетя Далия, держите хвост пистолетом, — жизнерадостно вскричал я.

— К черту хвост вместе с пистолетом, — мрачно сказала она. — Я только что говорила с Томом.

— И все ему рассказали?

— Нет, это он мне рассказывал. У меня пока язык не повернулся.

— Возмущался подоходными налогами?

— Не то слово. Говорит, что цивилизация катится в пропасть и все мыслящие люди уже могут прочесть начертанные на стене письмена.

— На какой стене?

— Вспомни Ветхий Завет, осел. Валтасаров пир.[11]

— Ах, да, конечно. Меня всегда интересовало, как они проделали такую штуку? Наверное, с помощью системы зеркал.

— Вот бы мне такую систему. Чтобы Том сам как-нибудь догадался о моем проигрыше.

У меня были в запасе слова утешения для тетушки Далии. После нашей с ней последней беседы я все время ломал себе голову и наконец понял, как ей выкрутиться. Ее ошибка, на мой взгляд, состояла в том, что она хочет все рассказать дядюшке Тому. А по-моему, ей следует спокойно хранить молчание.

— Не понимаю, зачем вам нужно заводить разговор о вашем проигрыше в баккара.

— А что ты предлагаешь? Пусть «Будуар знатной дамы» катится в пропасть вместе со всей цивилизацией? Этим и кончится, если на следующей неделе я не получу от Тома чек. В типографии и так уже несколько месяцев мною недовольны.

— Послушайте, тетя Далия, вы меня не поняли. Дядюшка Том, ясное дело, оплачивает счета вашего «Будуара». Если этот ваш журнальчик два года не может стать на ноги, дядюшка за это время, должно быть, уже привык выкладывать Денежки. Вот и попросите у него денег для типографии.

Просила. Как раз перед отъездом в Канны.

— И он отказал?

— Ну, что ты. Нет, конечно. Был щедр, как истинный джентльмен. Именно эти деньги я и спустила в казино.

— Да ну? Я не знал.

— Много ли ты вообще знаешь.

Из любви к тетушке я пропустил эту колкость мимо ушей.

— Уф! — сказал я.

— Что ты сказал?

— Я сказал: «Уф!»

— Еще раз скажешь, и я тебя отшлепаю. Нечего тут пыхтеть. У меня и без того забот хватает.

— В самом деле.

— Право говорить «уф» оставляю за собой. То же относится и к цоканью языком, учти это.

— Непременно.

— То-то же.

Я задумался. Тревога сжала сердце. Оно, если вы помните, сегодня один раз уже обливалось кровью от сострадания к тетушке. И сейчас снова принялось обливаться. Я знал, как глубоко тетя Далия привязана к своему журналу. Ужасно сознавать, что он идет ко дну, как будто любимое дитя у тебя на глазах в третий раз тонет в озере или, например, в пруду.

Само собой, дядя Том гроша ломаного не даст, если его как следует не подготовить, пусть хоть сто журналов пойдут ко дну.

И тут я понял, что надо делать. Тетушка должна стать в строй наравне с другими моими клиентами. Таппи Глоссоп отказывается от обеда, чтобы тронуть сердце Анджелы. Гасси Финк-Ноттл отказывается от обеда, чтобы произвести впечатление на дуреху Бассет. Тетя Далия должна отказаться от обеда, чтобы умилостивить дядю Тома. Вся прелесть этого метода в том, что число моих подопечных не ограниченно. Хоть десять, хоть двадцать, чем больше, тем веселее, и каждому гарантируется успех.

— Придумал! — сказал я. — У вас есть только один выход. На диету надо сесть и поменьше мяса есть.

Тетя Далия вперила в меня жалобный взгляд. Не уверен, но, по-моему, в ее глазах стояли невыплаканные слезы. Однако могу засвидетельствовать со всей определенностью, что она умоляюще заломила руки.

— Берти, не довольно ли нести чушь? Хоть сегодня ты можешь угомониться? Доставь своей тетке такое удовольствие.

— Но я несу совсем не чушь.

— Если подходить с твоими высокими мерками, может, и не чушь, но…

До меня наконец дошло. Просто я недостаточно ясно выразился.

— Все в порядке, — сказал я. — Оставьте свои опасения. То была риторическая фигура, только и всего. Когда я сказал «и поменьше мяса есть», я подразумевал, что сегодня за обедом вам надо отказаться от пищи. Будете сидеть с видом страдалицы и бессильным мановением руки

отсылать все блюда нетронутыми. Увидите, что будет. Дядюшка заметит, что у вас нет аппетита, и, готов спорить, в конце обеда подойдет к вам и скажет: «Далия, дорогая», — по-моему, он вас называет «Далия» — «Далия, дорогая, — скажет он, — я заметил, что сегодня за обедом ты ничего не ела. Что-нибудь случилось, Далия, дорогая?» — «Ах, Том, дорогой, да, случилось, — ответите вы. — Как мило, что ты так внимателен, дорогой. Дорогой, я ужасно встревожена». — «Моя дорогая», — скажет он…

В этом месте тетя Далия меня прервала, заметив, что, судя по их диалогу, эти самые Траверсы — пара сюсюкающих кретинов. Она пожелала узнать, когда я перейду к делу.

Я только посмотрел на нее и продолжал:

— «Моя дорогая, — нежно скажет он, — могу ли я чем-нибудь помочь?» Вы ответите, что да, конечно, а именно — пусть он возьмет чековую книжку и начнет писать.

Говоря это, я внимательно наблюдал за тетушкой и, к своему большому удовольствию, вдруг обнаружил, что она смотрит на меня с уважением.

— Берти, это просто гениально.

— Я же говорю, не у одного только Дживса голова на плечах.

— Думаю, номер пройдет.

— Еще как пройдет. Я и Таппи его рекомендовал.

— Глоссопу?

— Ну да, чтобы разжалобить Анджелу.

— Потрясающе!

— А также Гасси Финк-Ноттлу, чтобы произвести впечатление на Бассет.

— Ну и ну! Ты, я смотрю, хорошо поработал.

— Стараюсь, тетя Далия, стараюсь.

— Ты совсем не такой балда, как я думала.

— Это когда же вы думали, что я балда?

— Ну, прошлым летом, например. Правда, не помню, почему именно. Берти, твой план — просто блеск. Сдается мне, без Дживса тут не обошлось.

— Как раз напротив. Дживс здесь вообще ни при чем. Ваши подозрения просто оскорбительны.

— Ладно, ладно, успокойся. Да, думаю, все получится. В конце концов Том мне предан.

— Еще бы.

— Решено.

Тут подоспели остальные чада и домочадцы, и мы направились в столовую.

При сложившихся в Бринкли-Корте обстоятельствах — имеется в виду, что это благословенное место было выше ватерлинии нагружено разбитыми сердцами и страждущими душами, — я не ожидал, что вечерняя трапеза будет искриться весельем. Так оно и случилось. За столом царило мрачное молчание, ну прямо рождественский обед на Дьявольском острове.[12]

Я едва дождался, когда он кончится.

Поскольку напасти, обрушившиеся на тетю Далию, увенчались еще и необходимостью держаться подальше от обеденного стола, моя дорогая родственница совсем утратила свойственную ей живость и блестящее остроумие. Дядюшка Том и всегда смахивал на птеродактиля, снедаемого тайной печалью, теперь же он окончательно впал в черную меланхолию, ибо понес убыток, исчисляемый пятьюдесятью соверенами, и с минуты на минуту ожидал гибели цивилизации. Девица Бассет молча крошила хлеб. Анджела походила на мраморное изваяние. У Таппи был вид преступника перед казнью, который добровольно отказывается от положенного в таких случаях обильного завтрака.

Что до Гасси Финк-Ноттла, то, глядя на него, даже искушенный в своем деле гробовщик наверняка бы обманулся и принялся его бальзамировать.

Гасси я видел впервые с тех пор, как мы расстались у меня дома, и, должен признаться, его поведение крайне меня разочаровало. Я ожидал, что в Бринкли-Корте этот придурок хоть немного оживится.

Во время нашей последней встречи у меня дома Гасси, если вы помните, клятвенно заверял, что его может расшевелить только сельская обстановка. Однако я не заметил ни малейших признаков того, что он собирается выйти из спячки. Всем своим видом он по-прежнему напоминал ту самую кошку, которая так долго не могла на что-то там осмелиться, что даже вошла в пословицу.[13] Поэтому, сразу решил я, как только улизну из этой покойницкой, отведу олуха Гасси в сторонку и постараюсь вселить в него боевой дух.

Если кто-то нуждался в призывном звуке горна, так это Финк-Ноттл.

Однако во время исхода участников похоронной трапезы из столовой я потерял его из виду и не смог тотчас броситься на поиски, так как тетя Далия усадила меня играть в триктрак. И только когда вошел дворецкий и

сообщил тетушке, что с ней хотел бы поговорить Анатоль, мне удалось дать деру. Минут десять спустя я убедился, что в доме и не пахнет Финк-Ноттлом, забросил сети в саду и вскоре выловил этого дуралея в розарии.

Он стоял и с отсутствующим видом нюхал розу, но, увидев меня, отпрянул от цветка.

— Салют, Гасси.

Я приветливо просиял, я всегда приветливо сияю, когда встречаю старого друга. Однако он, вместо того чтобы приветливо просиять мне в ответ, бросил на меня неприязненный взгляд. Я был озадачен. Казалось, он совсем не рад Бертраму. Постояв еще с минуту и по-прежнему не сводя с меня неприязненного взгляда, он заговорил.

— Только тебя здесь не хватало! — процедил он.

Когда человек цедит слова сквозь зубы, это верный признак отсутствия с его стороны дружеского расположения. Тут я почувствовал, что совсем сбит с толку.

— В каком смысле меня здесь не хватало?

— Нравится мне эта наглость. Прискакать ко мне со своим «Салют, Гасси». Очень нужен мне твой «Салют», Вустер. И нечего таращить на меня глаза. Ты прекрасно понимаешь, о чем речь. О вручении призов, будь оно трижды проклято! Какова подлость, спихнуть это на меня. Скажу тебе прямо, без обиняков, — ты поступил трусливо и нечестно.

Хотя, как я уже упоминал, по дороге в Бринкли мои умственные усилия сосредоточивались главным образом на деле Анджелы — Таппи, я не упускал из виду, что мне предстоит объяснение с Гасси. Более того, я предвидел, что, когда мы встретимся, могут возникнуть временные недоразумения, а Бертрам Вустер любит вступать в неприятные объяснения во всеоружии.

Поэтому теперь я мог ответить на упреки Гасси смело и обезоруживающе искренне. Правда, неожиданное вступление темы вручения призов застало меня врасплох, ибо под давлением недавних событий эта тема, само собой, отошла у меня на задний план; однако я быстро нашелся и-, как уже упомянул, отвечал Гасси смело и обезоруживающе искренне.

— Послушай, старик, — сказал я, — я-то думал, ты понимаешь, что вручение призов — главная составная часть моего плана.

Он буркнул что-то насчет моего плана, но я не разобрал.

— Неужели ты не врубился? Спихнуть на тебя — как тебе такое в голову пришло? Неужели ты мог подумать, что я уклоняюсь от вручения призов? Да если хочешь знать, для меня нет более приятного занятия. Но я

великодушно пожертвовал собой и уступил почетное право тебе. Я же знаю, как это важно для тебя. Неужели ты не понимаешь, какой успех тебя ждет?

В ответ он грубо выругался. Я даже не подозревал, что ему известны подобные выражения. Оказывается, можно зарыть себя в глуши и тем не менее успешно пополнять свой словарный запас. Конечно, чего-то нахватаешься от соседей — викария, доктора, разносчика молока и так далее.

— Черт подери, Гасси, — сказал я, — неужели ты не понимаешь, как тебе повезло? Твои акции взлетят до небес. Представь себе, ты стоишь на кафедре, романтическая, яркая личность, гвоздь программы, к тебе прикованы все взоры. Мадлен Бассет будет в восхищении. Она увидит тебя совсем в ином свете.

— Как же, увидит!

— Конечно, увидит. Ты ей известен как Огастус Финк-Ноттл, друг тритонов. Она также знает тебя как отважного) мозольного оператора, способного вынуть занозу из собачьей лапы. Но Огастус Финк-Ноттл в роли оратора убьет ее наповал, или я совсем не знаю женщин. Девицы помешаны на общественных деятелях. Ты даже не представляешь себе, какую услугу я тебе оказываю, возложив на тебя столь почетную миссию.

Кажется, мое красноречие на него подействовало. Конечно же, он не смог устоять. Перестал метать в меня молнии из-за очков в роговой оправе, в глазах появилось прежнее выражение — как у испуганной рыбины.

— М-м, да, — задумчиво произнес он. — Послушай, Берти, а тебе когда-нибудь приходилось держать речь?

— Сто раз. Для меня это пара пустяков. Плевое дело. Например, однажды я выступал в школе для девочек.

— И не трусил?

— Ни капельки.

— Ну и как сошло?

— Барышни смотрели мне в рот. Они были в моих руках, как мягкий воск.

— Неужели не закидали тебя яйцами?

— Еще чего!

Гасси испустил глубокий вздох и сколько-то времени стоял, молча уставившись на ползущего слизня.

— Вообще-то, — заговорил он наконец, — может, и обойдется. Наверное, я просто зациклился на этом дурацком вручении призов. Может, я не прав, но мне казалось, легче умереть. Понимаешь, мысль о

предстоящей тридцать первого процедуре превратила мою жизнь в сплошной кошмар. Я не могу ни спать, ни думать, ни есть… Кстати, вспомнил. Ты так и не объяснил мне, что означает твоя шифровка по поводу сосисок и ветчины.

— Это не шифровка. Я не хотел, чтобы ты объедался, тогда Мадлен поймет, как сильно ты в нее влюблен.

Он глухо рассмеялся.

— Понял. Можешь не волноваться, старик, у меня совсем аппетит отшибло.

— Да, за обедом я это заметил. Высший класс.

— При чем тут высший класс, какой мне от него прок! Я никогда не решусь сделать ей предложение. Духу не хватит, даже если до конца жизни просижу на одних сухарях.

— Послушай, Гасси, так нельзя. Ведь вокруг сплошная романтика. Я думал, шелест листвы…

— Можешь думать что угодно. Не решусь, и все тут.

— Глупости!

— Не могу я. Она такая далекая, такая неприступная.

— Чепуха.

— Нет, не чепуха. Особенно если смотреть на нее сбоку. Берти, ты смотрел на нее сбоку? Какой тонкий, благородный профиль. Сердце так и замирает.

— Ничего подобного.

— А я тебе говорю, замирает. Как посмотрю на нее в профиль, так теряю дар речи.

Он говорил с безнадежным отчаянием, я не видел в нем ни намека на воодушевление и боевой дух. Признаться, я стал в тупик. Эту заливную рыбину расшевелить невозможно. Однако внезапно у меня мелькнула догадка. С присущей мне молниеносной быстротой я понял, что надо делать, чтобы у этого тюфяка развязался язык.

— С ней надо провести артподготовку, — сказал я.

— Что провести?

— Артподготовку. Или удобрить почву. Или протоптать тропинку. Необходима кропотливая подготовительная работа. Вот что я тебе предлагаю: сейчас я вернусь в дом и вытащу твою Бассет на прогулку. Начну толковать о разбитых сердцах, намекну, что одно из них находится неподалеку, прямо здесь, в доме. Не жалея сил, распишу ей все как можно красочней, тут не надо бояться преувеличений. Ты тем временем будешь сидеть в засаде, а примерно через четверть часа появишься на сцене и

вовсю пустишься флиртовать. К этому времени чувства у барышни взыграют, и ты с легкостью довершишь дело. Это как вскочить в автобус на ходу.

Помню, нас в школе заставляли учить стихотворение про одного типа по имени Пигмалион, он был скульптор и изваял статую девицы. А эта чертова девица в одно прекрасное утро вдруг возьми да оживи. Представляете, какое страшное потрясение для Пигмалиона. Впрочем, вспомнил я эту историю вот к чему. В стихотворении были такие строчки, если только я ничего не напутал:

Трепет. Легкое движенье. Глядь — уж шквал
У нее в крови взыграл.

Вы поняли, куда я клоню: чтобы описать разительную перемену, произошедшую на моих глазах с Гасси, лучше не скажешь. Лоб у него разгладился, глаза загорелись, рыбьего взгляда как ни бывало; он посмотрел на слизня, который все еще вершил свой бесконечно долгий путь, почти дружелюбно. Чудесное превращение!

— Да, понял. Ты протопчешь тропинку.

— Совершенно верно. Проведу кропотливую подготовительную работу.

— Потрясающая мысль, Берти. Совсем другое дело.

— Верняк. Но помни, потом ты сам должен постараться. Не зевай, не трусь, куй железо, пока горячо, иначе все мои усилия пойдут прахом. Главное, не молчи.

Гасси снова сник. Задышал с трудом, как выброшенная на берег рыбина.

— Понятно. Но о чем, черт побери, мне говорить?

Я с трудом сдержал раздражение. Ведь мы с этим дуралеем вместе учились в школе.

— Господи! Существуют сотни тем. Заговори, например, о закате.

— О закате?

— Вот именно. Половина из твоих женатых знакомых начинала с разговора о закате.

— Но что я скажу о закате?

— Знаешь, на днях Дживс такое о нем отмочил— закачаешься. Мы с ним встретились вечером, когда он выгуливал собаку в парке, и он мне говорит: «Мерцая гаснет вечерний свет, сэр, торжественным покоем воздух

дышит».[14] Можешь прямо так ей и выложить.

— Как-как гаснет?

— Мерцая. Мясо, ель, растяпа…

— А-а, мерцая? Да, неплохо. Мерцая гаснет… торжественным покоем… Очень даже неплохо.

— Потом скажи, что, по-твоему, звезды — это ромашки на лугах Господа Бога. Признайся ей, что ты часто об этом думаешь.

— Но мне подобный вздор никогда в жизни в голову не приходил.

— Разумеется, не приходил. Зато ей приходил. Сморозь ей эту чушь, и пусть только она попробует не почувствовать, что вы с ней родственные души.

— Ромашки на лугах Господа Бога, говоришь?

— Да. Именно. Потом продолжай в том же духе, скажи, что сумерки всегда навевают на тебя грусть. Знаю, ты сейчас возразишь, что ничего они тебе не навевают. Но в данном случае должны навевать как миленькие.

— Почему?

— Вот и она тоже спросит, почему. Тут ты воспользуешься случаем. Скажешь, что влачишь одинокую жизнь. Неплохо бы описать ей вкратце, как ты проводишь вечера в своем Линкольнширском поместье, как уныло бродишь по лугам.

— Обычно я сижу дома и слушаю радио.

— Ничего подобного. Ты уныло бродишь по лугам, грезя о родственной душе, которая бы тебя любила. Потом заговори о том дне, когда она впервые появилась в твоей жизни.

— Как сказочная принцесса.

— Умница, — одобрил я. Признаться, не ожидал подобной прыти от такого сапога. Сказочная принцесса! Здорово завернул!

— А дальше?

— Дальше проще простого. Признайся, что хочешь ей сказать нечто важное, и вперед. Уверен, все пойдет, как по маслу. На твоем месте я бы проделал все эти глупости здесь, в розарии. Общеизвестно, что самый разумный шаг — в сумерки затащить предмет своего обожания в розарий. А тебе неплохо бы для начала немного взбодриться.

— Взбодриться?

— Ну да, пропустить рюмку-другую.

— В смысле, выпить спиртного? Но я не пью.

— То есть как?

— За всю жизнь ни капли не выпил.

Признаться, мною овладели сомнения. Насколько мне известно, чтобы

развязать язык, настоятельно рекомендуется влить в себя умеренный мех вина.

Однако, если дело действительно обстоит так, как утверждает Гасси, ничего не попишешь.

— Ладно, придется перебиться газировкой, но тебе необходимо показать все, на что ты способен.

— Я пью только апельсиновый сок.

— Хорошо, пусть будет апельсиновый сок. Скажи, Гасси, положа руку на сердце, неужели ты действительно любишь эту мерзость?

— Очень люблю.

— Тогда и говорить не о чем. А теперь давай вкратце повторим, надо убедиться, что ты правильно запомнил основные положения. Итак, мерцая гаснет вечерний свет.

— Затем — звезды — ромашки на лугах Господа Бога.

— Сумерки навевают на тебя грусть.

— Потому что я влачу одинокую жизнь.

— Далее следует описание одиноких вечеров.

— Затем вспоминаю день, когда впервые ее увидел.

— Не забудь ввернуть про сказочную принцессу. Потом скажи, что хочешь сообщить ей нечто важное. Испусти пару тяжелых вздохов. Затем хватай ее за руку и приступай к делу. Молодец, все запомнил.

Удостоверившись, что недотепа усвоил сценарий, и процесс, можно надеяться, пойдет в предусмотренном мною направлении, я припустил к дому.

Войдя в гостиную и бросив беспристрастный взгляд на девицу Бассет, я почувствовал, что благодушное легкомыслие, с которым я ввязался в эту авантюру, слегка пошло на убыль. Узрев ее перед собой в непосредственной близости, я внезапно осознал, что влип по уши. При одной мысли о прогулке с этой малохольной особой я ощутил крайне неприятную слабость. Невольно мне вспомнилось, как в Каннах, оказываясь в ее обществе, я тупо на нее таращился, втайне мечтая, чтобы какой-нибудь спасительный автомобилист-лихач избавил меня от мучений, врезавшись в несносную зануду пониже спины. Кажется, я уже яснее ясного дал понять, что эту барышню никак нельзя отнести к числу моих приятельниц, о которых так и хочется сказать: свой в доску парень.

Однако слово Вустера нерушимо. Вустеры могут дрогнуть, но никогда не отступят от взятых на себя обязательств. Только самое изощренное ухо уловило бы дрожь у меня в голосе, когда я спросил Мадлен, не хочет ли она немного погулять.

— Чудный вечер, — сказал я.
— Да, прелестный, не правда ли?
— Прелестный. Прямо как в Каннах.
— Ах, какие прелестные вечера стояли в Каннах!
— Прелестные, — сказал я.
— Прелестные, — вздохнула девица.
— Прелестные, — сказал я.

Тема погоды вообще, и на французской Ривьере в частности, была исчерпана. Тем временем мы вышли на открытые просторы, и Бассет принялась ворковать, восхищаясь красотами пейзажа, а я бубнил: «О, да… Чудно… Изумительно… Прелесть…», — а сам ломал голову, как ловчее приступить к делу.

10

Все сложилось бы иначе, невольно думал я, будь на месте придурочной Бассет нормальная девушка, которой можно запросто звякнуть по телефону и пригласить прокатиться с ветерком в моем спортивном авто. Я бы тогда, глазом не моргнув, сказал: «Послушай!», а она бы ответила: «Что?» И я бы сказал: «Знаешь Гасси Финк-Ноттла?», а она бы сказала: «Да», и я бы сказал: «Он в тебя по уши влюблен», а она бы захихикала: «Как! Этот недотепа? Ну, спасибо, ты меня насмешил», или, может быть, заинтересовалась: «Слушай, вот здорово! Выкладывай подробности».

В любом случае я бы в два счета все выяснил. А с Бассет так не поговоришь, и думать нечего. С ней надо тянуть резину, и чем дольше, тем лучше. Из-за вечных глупостей с переходом на летнее время мы вышли на открытые просторы в тот час, когда сумерки не спешат уступать место вечерним теням и краешек солнца все еще выглядывает из-за горизонта. Звезды только начинают проклевываться, в воздухе снуют летучие мыши, сад полон удушающего аромата тех белых цветов, которые только к концу дня дружно принимаются за работу, — словом, «мерцая гаснет вечерний свет, торжественным покоем воздух дышит», и на Бассет все это, видимо, производило самое пагубное действие. Глаза у нее расширились и на физиономии откровенно обозначилась готовность к восторгам, которых вожделела ее душа.

Весь ее вид недвусмысленно говорил, что она ждет от Бертрама чего-то упоительного.

При таком раскладе разговор, сами понимаете, не клеился. В тех случаях, когда обстоятельства требуют от меня душевных излияний, я не могу выжать из себя ни слова, как, впрочем, и все мои приятели по клубу «Трутни». Помнится, Понго Туистлтон рассказывал, как однажды лунной ночью они с барышней плыли в гондоле, и он всего один раз заставил себя открыть рот — рассказал бородатый анекдот об итальянце, который так хорошо плавал, что его взяли регулировщиком уличного движения в Венеции.

Понго уверял, что чувствовал себя последним идиотом, а девица вскоре заявила, что становится прохладно и пора возвращаться в гостиницу.

Итак, наша беседа увяла на корню. Легко было наобещать Гасси, что подготовлю девицу разглагольствованиями о разбитых сердцах, однако теперь я не представлял себе, как завести разговор. Между тем мы подошли к пруду, и тут ее, наконец, прорвало. Представьте себе мою досаду — эта дуреха принялась восхищаться звездами.

Мне-то какой от них толк.

— О посмотрите! Посмотрите! — верещала она.

Как вы, наверное, уже догадались, девица Бассет была профессиональной созерцательницей красот. Я заметил за ней эту черту еще в Каннах, где она со свойственной ей глупой восторженностью непрерывно привлекала мое внимание к разным разностям: «О, посмотрите, французская актриса! Ой, посмотрите, бензоколонка! Ах, какой закат! О, Мишель Арлен![15] О, продавец темных очков! О, какое бархатно-синее море! Ой, смотрите, бывший мэр Нью-Йорка в полосатом купальном костюме.

— О, посмотрите, какая хорошенькая звездочка, там, в вышине, совсем одна!

Я посмотрел, куда она указывала, и действительно увидел небольшую звезду, обособленно болтавшуюся над купой деревьев.

— Ну да, — сказал я.

— Наверное, она ужасно одинока.

— Ну, это вряд ли.

— Должно быть, какая-нибудь фея лила слезы…

— А?

— Разве вы не знаете? «Когда фея роняет слезинку, на Млечном пути рождается звездочка». Вы когда-нибудь размышляли над этим, мистер Вустер?

Не размышлял, но, по-моему, это весьма маловероятно, к тому же

никак не вяжется с прежними утверждениями этой дурехи о том, что звезды — это ромашки на лугах Господа Бога. Не могут же звезды быть и тем и другим одновременно.

Однако мне не хотелось ни анализировать, ни подвергать критике эту абракадабру. Впрочем, я ошибался, полагая, что звезды — не подходящий предмет, чтобы навести разговор на интересующую меня тему. До меня вдруг дошло, что они Дают прекрасную зацепку.

— Когда говоришь о слезах…

Но девица уже переключилась на кроликов, которые прыгали в траве справа от нас.

— О, посмотрите! Малютки крольчата!

— Я хотел заметить, что, говоря о слезах…

— Вы любите этот час, мистер Вустер, когда солнышко ложится спать, а малютки кролики выбегают из норок, чтобы полакомиться травкой? Когда я была маленькая, я думала, что кролики — это гномики, и если затаить дыхание и не шевелиться, то можно увидеть сказочную принцессу.

Сдержанно кивнув в знак того, что ничего другого я от нее и не ожидал, я вернулся на исходные позиции.

— Так вот, если говорить о слезах, — твердо произнес я, — то вам, наверное, будет интересно узнать, что в Бринкли-Корте есть разбитое сердце.

Кажется, ее задело за живое. Она тотчас закрыла кроличью тему. Лицо, до этой минуты пылавшее, надо полагать, восторгом, сразу приняло кислое выражение. Она надрывно вздохнула, издав шипяще-свистящий звук, будто кто-то сжал рукой резинового утенка.

— О, да! Жизнь полна печали, правда?

— Да. Например, для того, у кого разбито сердце.

— Ах, у бедняжки такая тоска в глазах! Теперь они полны невыплаканных слез, а прежде так и сияли от счастья. И все это из-за глупого недоразумения с акулой. Боже, как печальны эти недоразумения. Такой чудный роман трагически оборвался только потому, что мистер Глоссоп осмелился утверждать, что это камбала.

Все ясно, дуреха ничего не поняла.

— Я говорю не об Анджеле.

— Но ведь это у нее разбито сердце.

— Знаю. Но не только у нее. Она тупо уставилась на меня.

— У кого же еще? У мистера Глоссопа?

— Нет, я говорю не о нем.

— Значит, у миссис Траверс?

Меня удержал только строжайший кодекс изысканной вежливости Вустеров, иначе я непременно врезал бы ей по уху. Тупица будто нарочно задалась целью не понимать моих намеков.

— Нет, и не у тетушки Далии.

— Я уверена, она ужасно страдает.

— Это правда. Но сердце, о котором я говорю, разбито не оттого, что Таппи и Анджела поссорились. Оно разбито совсем подругой причине. В смысле… проклятие! Ну вы же знаете, отчего разбиваются сердца!

Она прямо вся затряслась и проговорила срывающимся шепотом:

— вы говорите о… о любви?

— Точно. Не в бровь, а в глаз. Конечно, о любви.

— О-о! Мистер Вустер!

— Я думаю, вы верите в любовь с первого взгляда?

— О! Конечно, верю.

— Ну вот, это самое и произошло с тем разбитым сердцем, о котором я говорю. Оно влюбилось с первого взгляда и с тех пор буквально сгорает от любви.

Последовала немая сцена. Она отвернулась и сделала вид, что наблюдает за уткой, жадно поедающей водоросли в пруду. Никогда не понимал, как может нравиться такая гадость. Впрочем, уж если на то пошло, чем водоросли хуже шпината? Внезапно утка встала на головку и нырнула в воду. И тут у Бассет развязался язык.

— О, мистер Вустер! — простонала она, и по ее голосу я понял, что довел ее до нужной кондиции.

— Сгорает от любви к вам, — внес я уточняющую подробность.

Думаю, вы поняли, что в подобных обстоятельствах самое главное — внедрить в сознание основополагающую идею, закрепить, так сказать, общий ее абрис. Все остальное — детали. Не буду утверждать, что ко мне вернулась прежняя бойкость речи, но, безусловно, с этой минуты я стал гораздо красноречивее.

— Испытывает адские муки. Не может ни есть, ни спать, и все из-за любви к вам. А самое скверное, что оно — я имею в виду разбитое сердце — не может набраться смелости и открыться вам, потому что когда оно, то есть сердце, видит ваш профиль, у него душа уходит в пятки. Только оно соберется заговорить, как посмотрит на вас сбоку — и тотчас лишается дара речи. Глупость, разумеется, но ничего не попишешь.

Девица громко сглотнула, и я увидел, что глаза у нее повлажнели. Полны непролитых слез, если вы ничего не имеете против данного

выражения.

— Позвольте предложить вам носовой платок?

— О нет, благодарю вас. Со мной все в порядке.

О себе я бы этого не сказал. Я совсем выбился из сил. Не знаю, знакомы ли вам подобные муки, но у меня от всей этой слащаво-сентиментальной дребедени возникают колики, я сгораю от стыда и вдобавок обливаюсь потом.

Помню, однажды у тети Агаты, в ее Хартфордширском поместье, я попал в дурацкое положение — меня заставили играть в живых картинах на исторические темы роль короля Эдуарда Третьего, который прощается с дамой сердца, прекрасной Розамундой. Театральное представление давалось в пользу бедствующих дочерей лиц духовного звания. Помнится, в моей роли были довольно пикантные реплики, характерные для простодушно-откровенного средневековья, ведь тогда вещи называли своими именами. К тому времени, когда прозвучал гонг, я находился в состоянии куда более жалком, чем самая бедствующая из упомянутых дочерей. Я так вспотел, что на мне нитки сухой не было.

Вот и сейчас случилось то же. Моя собеседница, икнув пару раз, кажется, собралась говорить, и Бертрам, который, можно сказать, перешел в жидкое состояние, навострил уши.

— Мистер Вустер, умоляю вас, не продолжайте!

Вообще-то я и не собирался.

— Я поняла.

До чего приятно было это слышать.

— Да, я поняла. Я не настолько глупа, чтобы притворяться, будто не понимаю, о чем вы говорите. Я еще в Каннах догадывалась, когда вы стояли и смотрели на меня, не говоря ни слова, но ваши глаза вас выдавали.

Если бы акула отхватила Бертраму ногу, он бы, наверное, не испытал такого шока, как сейчас. Я слишком увлекся, помогая Гасси, и мне в голову не пришло, что мои слова можно истолковать столь пагубным для меня образом. Пот, покрывавший мой лоб, превратился в Ниагарский водопад.

Я прекрасно понимал, что моя судьба висит на волоске. В том смысле, что дороги назад нет.

Если барышня решила, что молодой человек предлагает ей руку и сердце и на этом основании считает его своей собственностью, может ли порядочный человек пуститься объяснять, что она попала пальцем в небо и что у него ничего подобного и в мыслях не было? Нет, он должен просто сказать: будь что будет. Но перспектива обручиться с девицей, которая

всерьез разглагольствует о феях, которые рождаются в тот момент, когда звездочки чихают, повергла меня в ужас. Барышня продолжала тарахтеть, а я молча слушал, сжав кулаки так, что костяшки пальцев у меня, должно быть, побелели. Похоже, она никогда не доберется до сути.

— Да, в Каннах я все время чувствовала, что вы собираетесь со мной поговорить. Девушки всегда это чувствуют. А потом вы последовали за мной сюда, и когда мы встретились, я снова поймала устремленный на меня немой, умоляющий взгляд. И вы стали так настойчиво приглашать меня погулять с вами. И вот теперь вы, робко заикаясь, произнесли слова признания. Да, я ждала этого признания. Но, к сожалению…

Последние ее слова подействовали на меня, как Дживсов коктейль для воскрешения из мертвых. Я будто осушил стакан чудодейственной смеси из пряного соуса, красного перца и яичного желтка — впрочем, между нами, я убежден, что дело здесь не только в перечисленных ингредиентах, — и расцвел, как цветок под лучами солнца. Слава Богу, я спасен. Мой ангел-хранитель не дремал на своем посту.

— …боюсь, не смогу ответить вам согласием. Девица помолчала.

— Увы, не смогу, — повторила она.

Я был поглощен ощущением счастья, как осужденный, чудом избежавший эшафота, и не сразу сообразил, что девица ждет от меня ответа.

— Да-да, само собой, — торопливо проговорил я.

— Ах, мне так жаль!

— Ничего, все в порядке.

— У меня нет слов, чтобы выразить, как мне грустно.

— Да не берите в голову.

— Но мы можем остаться друзьями.

— Непременно.

— Не надо больше об этом говорить. Пусть это будет маленькой трепетной тайной, сокрытой в глубине наших душ, согласны?

— Еще бы!

— Мы станем вечно хранить ее, эту нежную и благоуханную тайну.

— Именно — благоуханную.

Последовала долгая пауза. Девица уставилась на меня с такой жалобной миной, будто я улитка, случайно раздавленная кончиком ее французской туфельки. Я же всей душой хотел дать ей понять, что все отлично, что Бертрам и не думает отчаиваться, напротив, он никогда еще не испытывал такой пьянящей радости. Но, разумеется, брякнуть ей все это напрямую я не мог. И потому молчал, всем своим видом показывая, что

мужественно принял удар.

— Ах, мне бы так хотелось… — чуть слышно проговорила она.

— Хотелось бы? — переспросил я рассеянно, не понимая, к чему она клонит.

— Испытывать к вам те чувства, о которых вы мечтаете.

— О! Аа…

— Но я не могу. Мне так жаль…

— Да бросьте, какой разговор.

— Потому что вы мне нравитесь, мистер… нет, не могу, так хочется называть вас Берти. Можно, я буду называть вас Берти?

— Нет вопросов.

— Ведь мы настоящие друзья.

— Бесспорно.

— Я так искренне к вам привязана, Берти. И если бы все сложилось по-другому… не знаю, не знаю, может быть…

— А? Что?

— В конце концов мы с вами настоящие друзья… И у нас есть наша маленькая тайна… Вы имеете право знать… Я не хочу, чтобы вы думали… Жизнь так запутана, так сложна, не правда ли?

Несомненно, подобное сбивчивое высказывание кое-кому показалось бы полной чепухой, которую можно пропустить мимо ушей. Но Вустеры отличаются редкой проницательностью и умеют читать между строк. Я сразу смекнул, что у нее на уме.

— Вы хотите сказать, что у вас уже есть избранник? Она кивнула.

— Вы в него влюблены? Она снова кивнула.

— И уже обручились?

На этот раз она отрицательно потрясла головой.

— Нет, мы не обручены.

Так, подумал я, это уже что-то. Тем не менее, судя по ее тону, старине Гасси придется, скорее всего, вычеркнуть свое имя из списка претендентов на ее руку и сердце, и меня совсем не радовала перспектива оглушить бедолагу дурной новостью. Я его слишком хорошо знаю и убежден, что несчастный придурок не выдержит такого удара.

Понимаете, Гасси не такой, как остальные мои приятели. Первым из них на ум приходит, конечно, Бинго Литтл, который, потерпев неудачу, говорит себе: «Не беда, перебьемся!» — и бодро отправляется на поиски новой пассии. Гасси же, совершенно очевидно, получив один раз от девицы отставку, поставит на этом деле крест и всю оставшуюся жизнь посвятит разведению тритонов. Обрастет длинной седой бородой, прямо

как герой какого-нибудь романа, который, удалившись от света, живет затворником в огромном белом доме, скрытом от любопытных глаз купами деревьев, и на его бледном лице лежит печать страдания.

— Боюсь, он не питает ко мне никакого интереса. Во всяком случае он ничего не говорит. Понимаете, я вам об этом рассказываю только потому…

— О, конечно-конечно.

— Удивительно, что вы меня спросили, верю ли я в любовь с первого взгляда. — Она опустила ресницы. — «Разве тот, кто влюблен, усомнится ли он, что влюбляются с первого взгляда?»[16] — провыла она дурным голосом, и я снова вспомнил благотворительные живые картины, о которых уже рассказывал, и тетю Агату в роли Боадицеи.[17] — Все началось с маленького трогательного происшествия. Я гостила у друзей в их поместье и вышла погулять с моим песиком. И представьте, Берти, мой ужас, когда мерзкая острая заноза вонзилась в лапку моему бедному малютке. Я совсем растерялась. И вдруг появляется молодой человек…

Мне снова вспомнилось благотворительное представление в поместье у тети Агаты. Описывая связанные с ним чувства, я открыл для вас только мрачную их стороны. Однако следует упомянуть и о радостном завершении столь тягостного для меня события, когда я выкарабкался из кованой кольчуги, улизнул в ближайший трактир, направился прямиком в бар и потребовал хорошую порцию горячительного. Минуту спустя я уже держал в руках огромную кружку особого напитка местного приготовления. Восторг, охвативший меня после первого глотка, до сих пор жив в моей памяти. Воспоминание о муках, через которые мне пришлось пройти, придавало этому восторгу особую остроту.

Примерно те же чувства охватили меня и сейчас, когда я сообразил, что она говорит о Гасси, — вряд ли в тот день целый взвод молодых людей вытаскивал занозы из лапы ее пса, в конце концов он же не подушечка для булавок, — шансы которого всего минуту назад, судя по всему, приближались к нулю и который, как теперь оказалось, вышел победителем. Меня охватила такая радость и с моих губ невольно сорвался такой громкий возглас «Вот здорово!», что девица Бассет подскочила на добрых полтора дюйма над земной твердью.

— Простите? — сказала она. Я беспечно махнул рукой.

— Да нет, ничего, — сказал я. — Просто так. Вспомнил, что надо непременно сейчас же, не откладывая, написать письмо. Если вы не против, я, пожалуй, пойду. Кстати, вот идет Гасси Финк-Ноттл. Он с радостью составит вам компанию.

В этот момент Гасси робко выглянул из-за дерева.

Я убрался, оставив их вдвоем. Теперь за этих двух придурков душа у меня была спокойна. Не терять присутствия духа и не торопить события — вот все, что Гасси должен был делать. Шагая к дому, Бертрам предчувствовал, что счастливый конец не за горами. Я хочу сказать, если девица и молодой человек остаются наедине в непосредственном соседстве друг с другом, да к тому же еще в сумерках, и если она (он) допускает с большей долей вероятности, что он (она) к ней (к нему) неравнодушен, то им ничего не остается, как начать объясняться в любви.

Я решил, что мои усилия, увенчавшиеся успехом, заслуживают вознаграждения в виде небольшой попойки.

И посему направился в сторону курительной.

11

Разнообразные напитки были заботливо приготовлены и расставлены на столике у окна, и плеснуть в стакан на четверть неразбавленного виски и немножко содовой было делом одной секунды. Я развалился в кресле, задрал ноги на журнальный столик и принялся с наслаждением потягивать освежающий напиток — прямо Цезарь, отдыхающий в своей палатке от ратных подвигов в день победы над нервиями.[18]

Когда я обратился мыслями к тому, что происходит сейчас в благоуханном саду, то почувствовал, как меня охватывает восторг. Я ни минуты не сомневался, что Природа сказала свое последнее слово, сотворив такого отпетого олуха, как Огастус Финк-Ноттл, но я искренне его любил, желал ему счастья и так страстно надеялся, что эпопея ухаживания завершится успешно, будто не он, а я сам мечтал об этой малохольной девице.

Мысль, что он, наверное, уже покончил с предварительными pourparlers[19] и теперь они вовсю пустились строить планы на медовый месяц, доставляла мне огромную радость.

Конечно, с учетом особенностей девицы Бассет — я имею в виду звездочки, малюточек кроликов и все прочее, — вы можете сказать, что сдержанные соболезнования были бы куда уместнее. Однако не следует забывать, что о вкусах не спорят. При виде Мадлен Бассет любой здравомыслящий человек бросился бы бежать куда глаза глядят, лишь бы подальше от нее. Но по неведомой причине придурка Гасси неудержимо

влекло к указанной девице, и тут уж ничего не попишешь.

Только я пришел к этому выводу, как мои размышления были прерваны стуком отворившейся двери. Кто-то вошел и стремительным шагом направился к столику с напитками. Я опустил ноги, обернулся и узрел Таппи Глоссопа.

При виде его я почувствовал угрызения совести — целиком захваченный устройством сердечных дел Гасси, я совсем забыл о том, что у меня есть еще один клиент. Такое случается сплошь и рядом, когда берешься сразу за два дела.

Однако Гасси я теперь мог, слава Богу, выбросить из головы, и поэтому решил полностью посвятить себя делу «Глоссоп — Анджела».

Я был весьма удовлетворен тем, как Таппи выполнил свою задачу во время обеда. А задача была не из легких, могу вас заверить, ибо все без исключения яства и напитки отличались превосходными качествами, в особенности, одно блюдо, а именно nonnettes de poulet Agnes Sorel,[20] перед которым не устоял бы даже человек с железной волей. Но Таппи выдержал испытание, будто всю жизнь только и делал, что постился. Признаться, я был горд за него.

— А, Таппи, привет, — сказал я. — Ты-то мне и нужен.

Он со стаканом в руке повернулся в мою сторону, и по его лицу я понял, какие жестокие страдания он испытывает. Вид у него был, как у голодного степного волка, на глазах которого его жертва — русский крестьянин — стрелой взмывает на дерево.

— Да? — недовольно буркнул он. — Я тут.

— Ну, и как?

— Что «как»?

— Давай отчитывайся.

— В чем?

— Разве тебе нечего рассказать об Анджеле?

— Нечего, кроме того, что она зануда. Я пришел в замешательство.

— Разве она еще не толпится вокруг тебя?

— И не думает.

— Странно.

— Что тут странного?

— Она должна была заметить, что у тебя нет аппетита. Он надрывно кашлянул.

— Нет аппетита! Я бы съел столько, сколько может вместить Большой Каньон.

— Мужайся, Таппи. Вспомни Ганди.

— При чем здесь Ганди?

— Он годами ничего не ел.

— Я тоже. Могу поклясться, что сто лет ничего не ел. Твой Ганди мне в подметки не годится.

Я понял, что разумнее оставить тему Ганди и вернуться к исходному пункту.

— Может быть, она тебя как раз сейчас ищет.

— Кто? Анджела?

— Ну да. Она не могла не заметить, что ты жертвуешь собой.

— Как же! По-моему, ничего она не заметила. Готов поспорить, она в мою сторону и не взглянула.

— Послушай, Таппи, — наставительно проговорил я, — нельзя быть таким впечатлительным. Чего ты раскис? Вспомни, ведь ты отказался от nonnettes de poulet Agnes Sorel, уж что-что, а это Анджела должна была отметить. Отречься от nonnettes! Неслыханный подвиг! Он вопиет, как больная мозоль. А crepes a la Rossini…[21]

Хриплый вопль сорвался с трясущихся Таппиных губ:

— Берти, заткнись! По-твоему, я каменный? Представляешь, что я испытал, когда один из лучших обедов, приготовленных Анатолем, уносили блюдо за блюдом, а я не мог воздать ему должное! И не говори мне о nonnettes. Мне этого не выдержать.

Я постарался ободрить и утешить его.

— Крепись, Таппи. Думай о пироге с телятиной и почками который ждет тебя в кладовой. Как сказано в Библии, радость придет поутру.[22]

— Вот именно, поутру. А сейчас только половина десятого вечера. И к чему ты приплел пирог, я только и делаю, что стараюсь о нем не думать!

Мне были понятны его чувства. Действительно, должно пройти несколько часов, прежде чем он сможет добраться до пирога. Я прекратил разговор на эту тему, и мы довольно долго сидели в молчании. Потом он встал и принялся нервно расхаживать по комнате, как лев в зоопарке, который заслышал звон гонга и с опаской ждет, как бы смотритель о нем не забыл. Я деликатно отвел взгляд, но слышал, как Таппи пинает стулья и другие предметы, попавшиеся ему под руку, точнее, под ногу. Очевидно, он испытывал тяжкие душевные страдания, а кровяное давление у него зашкаливало.

Наконец он бросился в кресло и вперил в меня пристальный взгляд. По его виду я понял, что он собирается сообщить мне нечто важное.

И я не ошибся. Похлопав меня по колену для пущей выразительности,

он сказал:

— Берти.

— Да?

— Могу я говорить с тобой откровенно?

— И ты еще спрашиваешь, старик! — сердечно ответил я. — Мне как раз кажется, нам с тобой есть что сказать друг Другу.

— Это касается Анджелы и меня.

— Да?

— Я много об этом думал.

— Правда?

— Я подверг ситуацию строгому анализу, и кое-что мне стало ясно, как день. Тут затевается скверное дело.

— Не понял.

— Послушай, давай по порядку. До отъезда в Канны Анджела меня любила. Души во мне не чаяла. Я был для нее свет в окошке в полном смысле слова. Согласен?

— Безусловно.

— А как только она вернулась, все полетело в тартарары.

— Верно.

— Из-за пустяка.

— Нет уж, извини, старик. Как это из-за пустяка? Ты не слишком деликатно поступил с Анджелой, точнее, с ее акулой.

— Зато искренне и честно. Убежден. Неужели ты вправду считаешь, что из-за такого вздора девица может отвергнуть человека, которого она по-настоящему любит?

— Разумеется, может.

Меня поражало, как он этого не понимает. Впрочем, старина Таппи всегда отличался тупостью по части восприятия тонких материй. Он был из породы крупных, крепких молодых людей — как правило, хороших футболистов, — явно обделенных деликатными чувствами, так однажды отозвался о них Дживс. Отбить лобовой удар или съездить тяжеленной бутсой по физиономии противника — это пожалуйста, но понять тонкую женскую психологию — нет уж, увольте. Ему даже невдомек, что девица скорее пожертвует счастливым будущем, чем откажется от своей мифической акулы.

— Вздор! Это всего лишь предлог.

— Что «это»?

— Акула. Ей просто нужно от меня отделаться, вот она и хватается за первую попавшуюся акулу.

— Ничего подобного.

— А я тебе говорю, акула — только предлог.

— Черт побери! Зачем ей от тебя отделываться?

— Вот именно. Именно этот вопрос и я себе задал. Ответ: она в кого-то влюбилась. Это видно невооруженным глазом. Другого объяснения нет. Когда она уезжала в Канны, она была влюблена в меня, а теперь разлюбила. Видно, за эти два месяца втрескалась в какого-то гнусного негодяя, которого там встретила.

— Ничего подобного!

— Что ты твердишь «ничего подобного», когда я знаю точно. Слушай, я тебе сейчас скажу одну вещь. Считай, что это официальное заявление. Если мне встретится этот подонок, змея подколодная, пусть он заранее заказывает себе место в инвалидном доме, потому что я намерен с ним разделаться. Я сверну ему шею, вытрясу из него душу, переломаю кости и выпущу из него кишки.

С этими словами Таппи выскочил вон, а я, выждав минуту чтобы он убрался с дороги, пошел в гостиную. Зная дамскую привычку торчать после обеда в гостиной, я рассчитывал застать там Анджелу. Хотел перемолвиться с ней словом.

В Таппины измышления насчет того, что какой-то тип втерся в доверие к Анджеле и похитил ее сердце, я, как уже говорилось, не слишком верил. По-моему, бедолага от огорчения немного тронулся умом. Разумеется, из-за акулы, и только из-за акулы любовная лихорадка временно пошла на убыль, и я не сомневался, что в два счета все улажу, надо только поговорить с кузиной.

Чтобы девица с таким добрым сердцем и нежной душой не была потрясена и растрогана тем, что происходило сегодня за обедом? Никогда не поверю. Даже Сеппингс, дворецкий тети Далии, холодный, бесчувственный истукан, разинул рот и пошатнулся, когда Таппи отверг nonnettes de poulet Agnes Sorel, а ливрейный лакей, державший блюдо с картофелем, побледнел, будто увидел привидение. Не допускаю и мысли, что такая тонкая чувствительная девушка, как Анджела, не заметила всего этого. Я твердо знал, что сердце у нее обливается кровью и что она вполне созрела, чтобы немедленно начать примирение.

Однако в гостиной я узрел одну лишь тетю Далию. Когда я показался на горизонте, она бросила на меня ядовитый взгляд, который я, только что наблюдавший мучения Таппи, отнес на счет недоедания за обедом. В конце концов голодная тетушка не может быть такой же приветливой, как тетушка, сытно пообедавшая.

— А-а, это ты, — сказала она. Разумеется, это был я.

— Где Анджела? — спросил я.

— Легла спать.

— Уже?

— Сказала, у нее голова болит.

— Хм.

Не стану утверждать, что обрадовался, услышав это. Девица, на глазах которой отвергнутый ею возлюбленный только что произвел фурор, демонстративно отказавшись от пищи, не отправится спать, сославшись на головную боль. При условии, конечно, что любовь возродилась в ее сердце. Напротив, она будет увиваться вокруг него, бросать на него нежные, полные раскаяния взгляды из-под полуопущенных ресниц и всеми способами даст ему понять, что, если он желает сесть за стол переговоров, она вполне к этому готова. Да, признаться, я счел укладывание спать тревожным симптомом.

— Пошла спать, говорите? — озадаченно произнес я.

— Зачем она тебе понадобилась?

— Подумал, может, она захочет прогуляться со мной и поболтать.

— Ты хочешь прогуляться? — живо заинтересовалась тетя Далия. — Куда?

— Ну, туда-сюда.

— Тогда, если ты не против, сделай мне одолжение.

— Охотно, только скажите.

— Это не займет у тебя много времени. Ты ведь знаешь тропинку, которая идет мимо теплиц к огороду. Если по ней пойдешь, то выйдешь к пруду.

— Ну да.

— Прихвати с собой прочную веревку или шнур и дойди по этой тропинке до пруда…

— До пруда. Понял.

— …найди тяжелый камень. Кирпич тоже подойдет.

— Понял, — сказал я, хотя на самом деле не мог взять в толк, куда она клонит. — Значит, найти камень или кирпич. А потом?

— А потом, — сказала тетя Далия, — потом, как пай-мальчик, обвяжи кирпич веревкой, сделай петлю, накинь ее на свою дурацкую шею, прыгни в пруд и утопись. Через несколько дней я велю тебя выловить и похоронить, потому что хочу сплясать на твоей могиле.

Тут я пришел в полное замешательство. Кроме того, был. обижен и возмущен. Помню, где-то читал, цитирую: «Девушка поспешно выбежала

из комнаты в страхе, что с ее губ сорвутся ужасные слова. Она не желала долее оставаться в доме, где ее никто не понимает и где она подвергается оскорблениям». Я сейчас испытывал те же чувства.

Но потом напомнил себе, что следует проявить снисхождение к женщине, у которой в желудке плещется разве что пол-ложки супа, и подавил полные едкого сарказма слова, которые вертелись у меня на языке.

— О чем вы, тетушка? — мягко сказал я. — Кажется, Бертрам вас чем-то огорчил?

— Огорчил!

— Ну да. Откуда эта плохо скрытая враждебность?

Из глаз ее вырвалось пламя и чуть не опалило мне волосы.

— Кто этот осел, чурбан, идиот, который уговорил меня вопреки здравому смыслу отказаться от обеда? Мне следовало предвидеть…

Я понял, что правильно угадал причину ее странного поведения.

— Тетя Далия, не волнуйтесь. Мне понятны ваши чувства. Вы голодны, правда? Но все можно уладить. На вашем месте я бы прокрался в кладовую, надо только дождаться, когда прислуга уляжется спать. Мне говорили, там есть превосходный пирог с телятиной и почками, ради него стоит предпринять вылазку. Поверьте, тетя Далия, — убежденно говорил я, — еще немного — и дядя Том, исполненный сочувствия, начнет вас заботливо расспрашивать…

— Как бы не так! Знаешь, где он?

— Нет, я его не видел.

— Сидит у себя в кабинете, обхватил руками голову и завел свою старую песню о цивилизации, которая катится в пропасть.

— Да? Почему?

— Потому что Анатоль от нас уходит. Я собралась с духом и сообщила об этом Тому.

Признаться, я едва удержался на ногах.

— Что?!

— Да, уведомил, что уходит. А все ты со своей дурацкой затеей! Ну чего еще можно ждать от чувствительного, пылкого француза, ведь ты всех убедил отказаться от обеда. Мне сообщили, что, когда первые два блюда вернулись на кухню нетронутыми, Анатоль был потрясен, он расплакался, как ребенок. А когда за первыми двумя последовали все остальные блюда, он счел, что все это — заранее продуманная, спланированная акция с целью нанести ему оскорбление, и заявил об уходе.

— С ума сойти!

— Ты уже давно сошел. Анатоль, этот подарок судьбы, утешение

наших желудков, испарился, как роса с лепестка Розы, и все из-за твоей дурости. Может, теперь поймешь, почему я хочу, чтобы ты утопился. Когда ты явился сюда со своими бредовыми затеями, мне следовало догадаться, какая страшная беда разразится над нашим домом.

Горько слышать такие слова от родной тетки, но я не затаил на нее обиды. Все зависит от того, с какой стороны посмотреть надело, и, наверное, можно было счесть, что Бертрам попал впросак.

— Тетя Далия, я не хотел.

— Мне от этого не легче.

— Я ведь действовал из лучших побуждений.

— В другой раз попробуй действовать из худших. Тогда мы, возможно, отделаемся царапинами.

— Так вы говорите, дядя Том расстроен?

— Вздыхает так, что сердце разрывается. Теперь никаких денег от него не дождешься.

Я задумчиво потер подбородок. Она была права. Уж мне-то известно, что уход Анатоля для дяди Тома — настоящая трагедия.

Я уже упоминал в своих записках, что этот уморительный представитель класса земноводных, с которым тетя Далия связала себя брачными узами, похож на страждущего птеродактиля. Причина его страданий заключается в несварении, которое он приобрел, сколачивая миллионы на Ближнем Востоке. Единственный повар, способный протолкнуть пищу через дядюшкин пищеварительный тракт, не вызывая в области третьей пуговицы жилета жжения, сравнимого по силе с пожаром в Москве, это несравненный Анатоль. Теперь, когда дядя Том лишился услуг Анатоля, тетя Далия может получить от него разве что полный укоризны взгляд. Да, слов нет, кругом воцарились хаос и запустение. Признаться, в эту минуту, когда следовало предпринять срочные меры, у меня в голове не было ни одной толковой мысли.

Однако нос я не вешал, ибо был уверен, что вскоре меня осенит какая-нибудь блестящая идея.

— Скверно, — сочувственно сказал я. — Хуже некуда. Тяжелый удар для всех нас. Но не отчаивайтесь, тетя Далия, я все устрою в лучшем виде.

Кажется, я уже раньше упоминал, что очень трудно пошатнуться, если ты сидишь, во всяком случае, я не в состоянии проделать подобный трюк. К моему изумлению, тетя Далия проделала его без всяких усилий. Сидя в глубоком кресле, она не моргнув глазом пошатнулась. На лице появилось испуганное выражение.

— Посмей только еще раз влезть со своими дурацкими планами…

Я понял, что бесполезно ее урезонивать. Она сейчас не в таком настроении. Поэтому, выразив улыбкой свою любовь и сочувствие, я молча покинул комнату. Не берусь утверждать наверное, но, по-моему, тетушка швырнула в меня увесистый том сочинений лорда Алфреда Теннисона в красивом кожаном переплете. Я видел, что книга лежала рядом на столике, а когда я затворял дверь, мне послышалось, что с другой стороны в нее ударили тяжелым предметом, однако я был слишком занят своими мыслями и не обращал внимания на то, что творится вокруг.

Я обвинял себя в том, что не подумал об Анатоле с его горячим провансальским нравом, не предвидел, как на него подействует внезапная и почти всеобщая голодовка. Как я мог забыть, что галлы не выносят подобного обхождения. Их склонность вспыхивать по пустячным поводам общеизвестна. Анатоль, несомненно, вложил всю душу в эти nonettes de poulet, и вернуть их на кухню нетронутыми было все равно что пырнуть его ножом.

Но что пользы махать кулаками после драки и без конца пережевывать одно и то же. Сейчас передо мной стоит задача уладить недоразумение, и я мерил шагами лужайку, обдумывая, как приняться задело, когда вдруг услышал душераздирающий стон. Наверное, подумал я, его издал дядя Том, наверное, ему надоело сидеть взаперти и он вышел стонать в сад.

Я посмотрел вокруг, но птеродактилей поблизости не обнаружил. Несколько озадаченный, я вернулся было к своим размышлениям, но стон повторился. Приглядевшись, я увидел на одной из скамеек, разбросанных тут и там, неясную фигуру. Рядом с ней маячила вторая неясная фигура. Еще один столь же внимательный взгляд, и я все понял.

Неясные фигуры принадлежали: первая Гасси Финк-Ноттлу, вторая Дживсу. Что Гасси здесь делает и почему оглашает окрестности стонами, было выше моего понимания.

Может, он поет, подумал я. Но нет, ошибиться было невозможно, потому что, когда я подошел, он снова испустил стон. Более того, теперь я хорошо разглядел беднягу, вид у него был, точно его дубиной оглушили.

— Добрый вечер, сэр, — сказал Дживс— Мистер Финк-Ноттл не слишком хорошо себя чувствует.

Я, кстати, тоже не слишком хорошо себя чувствовал. Теперь Гасси начал издавать низкие булькающие звуки. Я не мог долее обманывать себя — должно быть, случилось что-то ужасное. Конечно, женитьба — шаг ответственный, и когда понимаешь, что пути назад нет, можно немного взгрустнуть, но мне еще не случалось видеть, чтобы сразу же после помолвки жених так запаниковал.

Гасси поднял голову и посмотрел на меня. Взгляд у него был мутный. Он схватился за голову.

— Прощай, Берти, — сказал он и встал со скамьи. Мне показалось, он оговорился.

— Ты хочешь сказать: «Привет, Берти!»?

— Нет, не хочу. Я говорю: прощай, Берти. Я ухожу.

— Куда?

— В огород. Топиться.

— Что за глупые шутки!

— Я не шучу… Дживс, я ведь не шучу?

— Возможно, вы хотите совершить немного опрометчивый поступок, сэр.

— Опрометчивый?

— Да, сэр.

— Считаете, мне не стоит топиться?

— Я бы не советовал, сэр.

— Хорошо, Дживс. Как скажете. Миссис Траверс, наверное, огорчится, если в пруду будет плавать распухшее тело.

— Да, сэр.

— Она была так добра ко мне.

— Да, сэр.

— И вы, Дживс, были так добры ко мне.

— Благодарю вас, сэр.

— И ты, Берти, был так добр ко мне. Очень добр. Все были очень добры ко мне. Очень, очень добры. По-настоящему добры. Мне не на что пожаловаться. Хорошо, не пойду топиться. Пойду погуляю.

Вытаращив глаза, я смотрел, как он неверной походкой движется прочь и исчезает во тьме.

— Дживс, — взволнованно сказал, точнее, проблеял я, как ягненок, который хочет привлечь к себе внимание родительницы, — ради Бога, что все это значит?

— Мистер Финк-Ноттл немного не в себе, сэр. Ему пришлось испытать тяжелое нервное потрясение.

Я второпях стал припоминать, что произошло сегодня вечером.

— Я оставил их здесь вдвоем с мисс Бассет.

— Да, сэр.

— Предварительно подготовил ее к разговору.

— Да, сэр.

— Гасси точно знал, что ему следует делать. Я с ним основательно все

отрепетировал.

— Да, сэр. Мистер Финк-Ноттл информировал меня об этом.

— Но в таком случае…

— С сожалением должен констатировать, сэр, что произошла небольшая заминка.

— В смысле, все пошло прахом?

— Да, сэр.

Я ничего не понимал. В голове у меня помутилось.

— Но как оно могло пойти прахом? Ведь мисс Бассет его любит.

— Вот как, сэр?

— Она сама мне об этом сказала. Ему надо было только сделать ей предложение.

— Да, сэр.

— Он его не сделал?

— Нет, сэр.

— Тогда о чем же, черт побери, он с ней говорил?

— О тритонах, сэр.

— О тритонах?

— Да, сэр.

— О тритонах?!

— Да, сэр.

— Почему вдруг его потянуло на тритонов?

— Он не хотел говорить о тритонах, сэр. Как я понял из объяснений мистера Финк-Ноттла, он был весьма далек от мысли начинать о них разговор.

Честно сказать, я никак не мог врубиться в суть.

— Нельзя же силой заставить человека говорить о тритонах.

— К несчастью, мистер Финк-Ноттл стал жертвой внезапного нервного срыва, сэр. Оставшись наедине с юной леди, он, по его признанию, утратил контроль над своим душевным состоянием. В подобных обстоятельствах джентльмены довольно часто действуют наобум и начинают говорить на первую попавшуюся тему. В рассматриваемом нами случае такой темой оказались тритоны, уход за ними и их лечение в случае болезни.

Пелена спала с моих глаз. Я все понял. Со мной тоже в чрезвычайных обстоятельствах случалось нечто подобное. Помню, однажды я никак не давал дантисту, вооруженному бором, начать сверлить мне пятый нижний зуб — минут десять подряд рассказывал ему анекдот о шотландце, ирландце и еврее. Причем я совершенно этого не желал. Как только он

подступался ко мне, я кричал: «Тьфу! Проклятие! Ой-ёй-ёй!» Когда сдают нервы, несешь что попало.

Я легко мог представить себя на месте Гасси. Вся сцена будто стояла у меня перед глазами. Вот они с Бассет вдвоем в саду. Сумерки. Тишина. Он по моему совету отливает ей пулю о закатах, сказочных принцессах и тому подобных материях. Потом подходит момент, когда он произносит реплику: «Мадлен, я должен вам что-то сказать…» Она опускает глаза и лепечет: «Да?»

Тут он, вероятно, уточняет: «…что-то очень важное». Можно предположить, она в ответ произносит: «Правда?» или «Неужели?», или глубоко, со всхлипом вздыхает. Их глаза встречаются, как тогда у меня с дантистом, и внезапно Гасси ощущает спазм под ложечкой, в глазах у него темнеет, и он слышит свой собственный голос, несущий несусветную чушь о тритонах. Да, психологическая сторона явления мне понятна.

Тем не менее я не мог не винить Гасси. Сообразив, что тритоновая тема доминирует в его монологе, он обязан был остановиться, на худой конец замолчать совсем. В каком бы нервном возбуждении он ни находился, ему следовало понимать, что он своими руками роет себе могилу. Девица ждет, что молодой человек в пылу страсти начнет изливать душу, а он вдруг пускается читать лекцию о водных представителях отряда саламандр.

— Скверно, Дживс.

— Да, сэр.

— И как долго этот абсурд продолжался?

— Насколько я могу судить, довольно долго, сэр. Мистер Финк-Ноттл, как он мне сообщил, снабдил мисс Бассет исчерпывающей информацией, касающейся не только обычных тритонов, но также двух их разновидностей, а именно, гребешковых тритонов и тритонов, оснащенных плавательной перепонкой. Мистер Финк-Ноттл дал достаточно полное описание превращения личинки в тритона, рассказал, как они живут в воде, питаясь головастиками, личинками насекомых и ракообразными, как потом они выходят на сушу и начинают питаться слизнями и червями, и о том, что новорожденные тритоны имеют три пары длинных, похожих на перья наружных жабер. Далее мистер Финк-Ноттл обратил внимание мисс Бассет на то, что тритоны отличаются от саламандр, в частности, формой хвоста, который у них как бы сдавлен, и на то, что у большинства видов преобладает выраженный половой диморфизм, но в этот момент молодая леди поднялась со скамьи и сказала, что хочет вернуться в дом.

— А потом?

— Она ушла, сэр.

Я задумался. Видно, такому олуху, как Гасси, ничем уже не поможешь. Он начисто лишен энергии и напористости. С невероятным трудом протаптываешь для него тропинку, ему остается только шагать по ней до счастливого конца, а он сворачивает в сторону — и никаких тебе счастливых концов.

— Плохо дело, Дживс.

— Да, сэр.

При более благоприятных обстоятельствах я, разумеется, выяснил бы мнение Дживса по этому поводу. Но после его возмутительной выходки по отношению к моему белому пиджаку на мои уста легла печать молчания.

— Что ж, надо все обдумать.

— Да, сэр.

— Поломать голову и найти выход.

— Да, сэр.

— Покойной ночи, Дживс.

— Покойной ночи, сэр.

И он растворился, оставив Бертрама Вустера, задумчивого и неподвижного, как изваяние, в ночной тишине. Я даже отдаленно не представлял себе, с чего начать.

12

Не знаю, случалось ли такое с вами, но за собой я не раз замечал, что, когда меня мучает, казалось бы, неразрешимая задача, стоит мне ночью хорошенько выспаться, как наутро решение приходит само собой.

Вот и теперь произошло то же самое. Ученые утверждают, что эти фокусы проделывает наше подсознание, и, возможно, они правы. Я бы не взялся с ходу уверять вас, что у меня есть это самое подсознание, но, должно быть, все-таки есть, хоть я сам ничего о нем не знаю. И, несомненно, этой ночью мое подсознание трудилось в поте лица, тогда как материальное воплощение Бертрама Вустера было погружено в безмятежный восьмичасовой сон. Наутро, едва открыв глаза, я узрел свет. И в прямом смысле, так как было утро, и в переносном, так как увидел мысленным взором готовое решение вчерашней проблемы. Мое доброе старое подсознание произвело именно то, что нужно, и теперь я отчетливо понимал, какие шаги следует предпринять, чтобы поставить Огастуса Финк-Ноттла в ряды неусыпных Ромео.

Хотелось бы, если вы можете уделить мне минуту вашего драгоценного времени, напомнить вам разговор, который мы с Гасси вели в саду накануне вечером. Не тот его фрагмент, где речь идет о гаснущем вечернем свете и прочих глупостях, а заключительный пассаж. Помните, Гасси мне сообщил, что в рот не берет алкогольных напитков. Я тогда только покачал головой и про себя подумал, что Гасси сам себе враг, ибо нечего соваться к барышне с предложением, пока не приложился к бутылке.

Дальнейшие события показали, что мои опасения были не напрасны.

Гасси пошел на подвиг, не имея за душой ничего, кроме апельсинового сока, и потерпел позорное фиаско. Тут требовались речи, исполненные кипящей страсти и способные пронзить сердце Мадлен Бассет с легкостью, с какой раскаленный докрасна нож пронзает брусок масла, а он не смог выжать из себя ни слова, от которого бы ее щеки вспыхнули стыдливым румянцем. Куда там, вместо этого он прочел блестящую, но совершенно неуместную лекцию о тритонах.

Романтическую девицу подобными приемами не проймешь. Ясно, как дважды два, прежде чем приступать к дальнейшим действиям, Огастуса Финк-Ноттла надо отучить от пагубных привычек и хорошенько накачать горячительным. Во втором раунде поединка Финк-Ноттл — Бассет должен уступить уверенный в себе, по горлышко заправленный и готовый к бою Гасси.

Только тогда Morning Post сможет разжиться десятью шиллингами, или сколько там полагается, за публикацию объявления о предстоящей свадьбе.

Придя к такому выводу, я почувствовал блаженное облегчение. Когда Дживс вплыл в спальню с утренним чаем, я приготовился изложить ему разработанный до мельчайших подробностей план и уже произнес вступительные слова: «Послушайте, Дживс…», но был прерван появлением Таппи.

Он вошел, едва передвигая ноги, и у меня сжалось сердце при виде его несчастной физиономии, на которой явственно читались следы бессонной ночи. Вообще-то я бы даже сказал, что сегодня он выглядит еще более изможденным, чем вчера. Вообразите бульдога, который схлопотал хороший пинок под ребра и который к тому же еще и голоден, потому что его обед съела кошка, и вы получите представление о Гильдебранде Глоссопе, каким он явился передо мной в то утро.

— Черт подери, Таппи, старая калоша, — озабоченно сказал я, — на тебе лица нет.

Дживс со свойственной ему деликатностью тотчас неслышно, как угорь, выскользнул из комнаты, а я жестом пригласил останки Таппи сесть в кресло.

— Что стряслось? — спросил я.

Он плюхнулся на кровать и принялся молча теребить одеяло.

— Берти, я прошел сквозь ад, — наконец произнес он.

— Сквозь что?

— Сквозь ад.

— Ах, ад! Каким ветром тебя туда занесло?

Он снова замолчал, уставясь в пространство невидящим взором. Проследив его взгляд, я понял, что он смотрит на увеличенную фотографию дяди Тома в странном, вроде бы масонском одеянии, стоящую на каминной полке. Я много лет уговариваю тетю Далию, предлагая ей на выбор два варианта: первый — сжечь эту мерзость, второй — если она непременно желает ее сохранить, то отводить мне, когда я приезжаю в Бринкли-Корт, другую комнату. Но тетушка упрямо отклоняет оба варианта. Тебе полезно, говорит она, смотреть на эту фотографию. Она тебя дисциплинирует, напоминает, что в жизни не одни только цветочки и что мы приходим в этот мир не ради собственного удовольствия.

— Если тебе очень противно, поверни ее лицом к стенке, — великодушно предложил я.

— А? Что?

— Я говорю про фотографию дяди Тома в костюме капельмейстера.

— К черту фотографии. Я не затем к тебе пришел. Я пришел за сочувствием.

— И ты его сполна получишь. Что случилось? Анджела снова тебе насолила? Не волнуйся. У меня созрел еще один превосходный план, как справиться с этой девчонкой. Ручаюсь, еще до захода солнца она в слезах бросится тебе на шею.

Он хрипло хохотнул.

— От нее дождешься!

— Не кипятись, Таппи. Обещаю, я все улажу. Как раз перед твоим приходом я собирался изложить Дживсу свой новый план. Хочешь, расскажу?

— Не хочу. Какая польза от твоих дурацких планов? Говорю тебе, она меня бросила, влюбилась в какого-то типа, теперь ей и смотреть на меня тошно.

— Чушь.

— Нет, не чушь.

— Послушай, Таппи, для меня женское сердце — открытая книга, и я тебе говорю: Анджела все еще тебя любит.

— Что-то я этого не заметил, когда ночью встретил ее в кладовой.

— А, ты ходил в кладовую?

— Ходил.

— И там была Анджела?

— Да. И твоя тетушка. И твой дядя.

Я понял, что многого не знаю. Это что-то новенькое. Столько раз бывал в Бринкли-Корте, но даже не подозревал, что теперь по ночам в кладовой собирается общество. Похоже, это уже не кладовая, а что-то вроде бистро на ипподроме.

— Расскажи мне все по порядку, — сказал я, — во всех подробностях, пусть даже на первый взгляд незначительных, ведь иногда какой-нибудь пустяк оказывается решающим.

Он снова с мрачным видом уставился на фотографию дяди Тома.

— Ладно, — сказал он. — Дело было так. Ты знаешь, как мне хотелось пирога.

— Конечно.

— Ну вот, около часа ночи я решил, что время настало. Выскользнул из комнаты и спустился вниз. Пирог меня манил.

Я кивнул. Мне известно, как умеют манить пироги.

— Вошел в кладовку. Достал пирог. Сел за стол. Взял нож и вилку. Приготовил соль, горчицу, перец. Там еще оставалась холодная картошка. Я ее тоже взял. Только собрался приналечь, как слышу за спиной какой-то шум. Оборачиваюсь — в дверях твоя тетка в голубом халате с желтыми цветочками.

— Ты, конечно, смутился.

— Еще бы.

— Наверное, не знал, куда глаза девать.

— Знал. Я смотрел на Анджелу.

— Она пришла с тетей?

— Нет. С дядей, минуты две спустя. На нем был лиловый шлафрок, в руке револьвер. Ты когда-нибудь видел своего дядю в шлафроке и с револьвером?

— Никогда.

— Ты ничего не потерял.

— Подожди, Таппи, — сказал я озабоченно, так как хотел выяснить все до конца, — а что Анджела? Когда она тебя увидела, у нее хоть на миг взгляд потеплел?

— Она на меня не смотрела. Она смотрела на пирог.

— Что-нибудь сказала?

— Не сразу. Сначала заговорил твой дядя. Он сказал твоей тете: «Господи, помилуй! Далия, что ты здесь делаешь?» А она отвечает: «Если на то пошло, что здесь делаешь ты, лунатик этакий?» Тогда твой дядюшка говорит: «Я услышал шум и подумал, в дом влезли грабители».

Я снова понимающе кивнул. За дядюшкой такое водится. С тех пор как окно в буфетной оказалось настежь распахнутым, а случилось это в ту осень, когда на скачках в Нью-Маркете дисквалифицировали Ясный Свет, у дяди Тома появился пунктик — грабители. Помню свои ощущения, когда приехал в Бринкли-Корт после того, как дядюшка приказал установить решетки на всех окнах, и захотел подышать деревенским воздухом, сунулся в окно и чуть не проломил себе череп о железные прутья, какими запирали средневековые тюрьмы.

— «Что за шум?» — спрашивает тетушка. «Какие-то странные звуки», — отвечает твой дядя. И тут Анджела, дерзкая девчонка, говорит таким противным, металлическим голоском: «По-моему, это мистер Глоссоп чавкает, когда ест». И меряет меня взглядом. Удивленным, презрительным взглядом, так смотрят интеллектуальные дамы на толстых мужчин, жадно заглатывающих еду в ресторанах. Сразу чувствуешь себя тушей шестидесятого размера, у которой складки жира на шее свешиваются сзади на воротник. А потом добавляет таким же противным тоном: «Хочу сказать тебе, папочка, что мистер Глоссоп имеет обыкновение раза три-четыре за ночь как следует поесть. Чтобы продержаться до завтрака. У него чудовищный аппетит. Посмотри, он уже доедает этот огромный пирог с телятиной и почками».

Когда Таппи произнес эти слова, его охватило лихорадочное возбуждение. В глазах загорелся дикий огонь, он изо всей силы двинул кулаком по кровати и чуть не раздробил мне ногу.

— Берти, ты хоть понимаешь, как мне обидно! Как оскорбительно! Я ведь еще не притронулся к пирогу. Вот они, женщины.

— Все они таковы.

— Представляешь, она на этом не успокоилась и говорит: «Ты не знаешь, папочка, как мистер Глоссоп любит поесть. Он только для того и живет на свете. Ест шесть-семь раз в день, а когда все лягут спать, он снова начинает есть. Это просто поразительно!» Твоя тетушка тоже заинтересовалась и сказала, что я напоминаю ей боа-констриктора. «А может, питона?» — говорит Анджела. И они принялись спорить, на кого я больше похож. А дядюшка знай размахивает своим чертовым револьвером,

того и гляди ухлопает. Да еще и пирог лежит на столе, а я не могу к нему притронуться. Теперь ты понимаешь, что я прошел сквозь ад?

— Еще бы. Ну и досталось же тебе.

— Потом твоя тетка и Анджела закончили дискуссию, решили, что Анджела права, я напоминаю им питона, и мы пошли наверх. Причем Анджела все время уговаривала меня не спешить, поднимаясь по лестнице. После семи-восьми плотных трапез, говорила она, человек моей комплекции должен быть очень осторожен, ибо ему угрожает апоплексический удар. И собакам тоже, говорит. Когда они слишком раскормлены и жирны, они не могут бегать вверх по лестнице, они пыхтят, задыхаются, и у них случается разрыв сердца А потом спрашивает у твоей тетушки, помнит ли она покойного спаниеля Амброуза. Тетушка говорит: «Бедный Амброуз, его, бывало, от помойки не оттащишь». И тогда Анджела снова мне говорит: «Вот именно, так что, пожалуйста, мистер Глоссоп, будьте поосторожнее». А ты уверяешь, что она меня любит!

Я попытался его приободрить.

— Да она просто тебя дразнит.

— Ничего себе, дразнит! Нет, она меня разлюбила. Раньше она во мне видела героя, а сейчас воротит нос. Какой-то тип в Каннах вскружил ей голову, теперь она и вида моего не выносит.

Я недоуменно поднял брови.

— Таппи, дорогой, все, что ты говоришь об Анджеле и каком-то типе, — вздор. Где твой здравый смысл? У тебя, извини за выражение, idee fixe.[23]

— Что?

— Idee fixe, ну, знаешь, такая штука, она с любым может случиться. Например, дяде Тому кажется, будто все, кто на примете у полиции, сидят в засаде у него в саду и ждут случая ворваться в дом. Ты все твердишь о каком-то типе в Каннах, а там не было никакого типа, я скажу тебе, почему так в этом уверен. Все эти два месяца на Ривьере мы с Анджелой были неразлучны. Если бы кто-то увивался вокруг нее, я бы сразу заметил.

Он вздрогнул. Казалось, мои слова его поразили.

— Значит, все это время в Каннах вы были неразлучны?

— Думаю, она и слова ни с кем не сказала, если не считать пустой болтовни за обеденным столом. Ну, может, бросит иной раз замечание в толпе в казино.

— Понимаю. Значит, во время морских купаний и прогулок при луне ты был ее единственным спутником?

— Вот именно. В отеле над нами даже подшучивали.

— И тебе это было приятно?

— Конечно. Я всегда очень нежно относился к Анджеле.

— В самом деле?

— В детстве Анджела любила говорить, что она моя невеста.

— Так и говорила?

— Вот именно.

— Понимаю.

Он погрузился в задумчивость, а я, довольный тем, что рассеял его сомнения, продолжал чаепитие. Вскоре внизу зазвонил гонг, и Таппи встрепенулся, как боевой конь при звуках трубы.

— Завтрак! — сказал он, и его как ветром сдуло, а я принялся размышлять и обдумывать планы. И чем больше я размышлял и обдумывал, тем яснее мне становилось, что все идет на лад. Таппи, как я убедился, несмотря на ужасную сцену в кладовой, с прежним пылом любит Анджелу.

Значит, чтобы добиться успеха, мне надо придерживаться того плана, о котором я уже упоминал. А так как решение проблемы Гасси — Бассет я тоже нашел, то мне было не о чем больше беспокоиться.

Поэтому я с легкой душой заговорил с Дживсом, который пришел, чтобы унести поднос.

13

— Дживс, — сказал я.

— Сэр?

— Я только что беседовал с Таппи. Вам не показалось, что сегодня у него не слишком радостный вид?

— Да, сэр. Мне показалось, что лицо мистера Глоссопа болезненно и на челе его печать тяжелой думы.

— Точно. Ночью в кладовой он лицом к лицу столкнулся с кузиной Анджелой, и она ему наговорила гадостей.

— Я огорчен, сэр.

— А уж как огорчен Таппи. Анджела застала его в кладовой один на один с пирогом и пустилась язвить насчет толстых мужчин, которые живут на свете только ради того, чтобы объедаться.

— Крайне тревожные сведения, сэр.

— Крайне. Многие сказали бы, что у Анджелы и Таппи дело зашло слишком далеко и уже невозможно навести мосты через пропасть. Многие

сказали бы, что любовь давно умерла в сердце девицы, которая может сравнить своего возлюбленного с питоном, заглатывающим пищу по десять раз в день, и посоветовать ему помедленнее подниматься по лестнице во избежание апоплексического удара. Вы согласны, Дживс?

— В высшей степени, сэр.

— И они, те самые многие, ошиблись бы.

— Вы так думаете, сэр?

— Убежден. Ибо я знаю женщин. Никогда нельзя верить тому, что они говорят.

— Вы полагаете, что высказывания мисс Анджелы нельзя воспринимать au pied de la lettre, сэр?

— А?

— По-английски мы бы сказали «буквально», сэр.

— Буквально. Именно это я и имел в виду. Вы же знаете, каковы девицы. Маленькая размолвка, и они кричат, что все кончено. Но в глубине их души живет прежняя любовь. Я прав?

— Совершенно правы, сэр. Поэт Скотт…

— Проехали, Дживс.

— Хорошо, сэр.

— Чтобы вытащить эту любовь на поверхность, необходимы соответствующие меры.

— Под «соответствующими мерами», сэр, вы понимаете…

— Умный и тонкий подход к делу, Дживс. Кропотливая работа и немного хитрости. Я знаю, как вернуть Анджелу к состоянию влюбленности. Изложить вам мою точку зрения?

— Если вы будете столь добры, сэр.

Я закурил сигарету, выпустил облачко дыма и устремил на Дживса проницательный взгляд. Он замер в почтительном ожидании, приготовившись на лету хватать мои мудрые мысли. Должен сказать, что Дживс, если он не начинает, по своему обыкновению, ставить мне палки в колеса, придираться и подвергать критике все, что я делаю, — очень благодарный слушатель. Главное, он жадно ловит каждое мое слово, правда, я не уверен, что он не притворяется, но все равно приятно.

— Представьте себе, Дживс, что вы гуляете в джунглях, и вдруг встречаете тигренка.

— Вероятность подобной встречи ничтожно мала, сэр.

— Не имеет значения. Давайте себе это представим.

— Очень хорошо, сэр.

— Теперь давайте представим, что вы окатили этого тигренка грязью,

а затем представим, что слух о вашем поступке дошел до тигрицы-мамы. Как она к вам отнесется? Какое расположение духа у нее будет, когда вы увидитесь?

— Я бы рискнул предположить, что она выкажет некоторое неудовольствие, сэр.

— И правильно сделает. Это называется материнский инстинкт.

— Да, сэр.

— Прекрасно, Дживс. Теперь вообразим, что недавно тигрица и тигренок немного повздорили. Скажем, они несколько дней не разговаривают друг с другом. Как вы считаете, будет тигрица столь же яростно защищать тигренка?

— Вне всякого сомнения, сэр.

— Вот-вот. Следовательно, мой план в кратком изложении таков. Уведу кузину Анджелу в какое-нибудь уединенное место и примусь за Таппи — разнесу его в пух и прах.

— Разнесете, сэр?

— Начну его ругать, поносить, высмеивать, оскорблять. Обвиню во всех смертных грехах. Буду лапидарен. Скажу, что он похож на африканского кабана, а не на выпускника одной из лучших и старейших привилегированных школ Англии. А в результате? Когда Анджела все это услышит, сердце у нее обольется кровью. В ней проснется тигрица-мать. Не имеет значения, в чем они там не сошлись взглядами, она будет помнить только, что это человек, которого она любит, и бросится его защищать. Следующий шаг — размолвка предана забвению, она падает в его объятия. Что вы на это скажете?

— Очень остроумная мысль, сэр.

— Мы, Вустеры, остроумны, Дживс, на редкость остроумны.

— Да, сэр.

— Кстати, я почерпнул эту премудрость не только из книг. Я на опыте ее проверил.

— В самом деле, сэр?

— Да, лично проверил. И получил блестящее подтверждение. Как-то месяц назад стою я на скале Эдем в Антибе и слежу рассеянным взглядом, как в воде резвятся купальщики. Вдруг девица, с которой я был едва знаком, указывает на одного типа и говорит: «Смотрите, до чего смешные ноги, в жизни не видела ничего подобного». Я с ней согласился и принялся глумиться над нижними конечностями этого типа. И вдруг меня будто смерч подхватил. Девица охаяла мои конечности, о которых, по ее словам, при всем желании ничего хорошего не скажешь, потом взялась за мои

манеры, нравственность, внешность, ум и привычку жевать спаржу с громким хрумканьем. В общем, когда она закончила, стало ясно: Бертрам повинен во всех смертных грехах, разве что пока еще он никого не убил и не поджег сиротского приюта. Как я выяснил впоследствии, девица была помолвлена с тем типом и накануне они слегка повздорили насчет того, стоило или не стоило пойти с двойки пик, имея на руках семерку, но без туза. В тот же вечер я видел, как они вместе сидят за обедом, довольные и веселые, размолвки как не бывало. Они не могли наглядеться друг на друга. Вот, Дживс, очень поучительный пример.

— Да, сэр.

— Думаю, кузина Анджела поведет себя так же, когда услышит, как я последними словами крою Таппи. К ланчу, надеюсь, помолвка снова войдет в силу и бриллиант в платине опять засверкает у нее на безымянном пальце. Или на среднем?

— К ланчу едва ли, сэр. Горничная мисс Анджелы мне сообщила, что мисс Анджела сегодня утром отбыла в своем автомобиле с намерением провести день в компании друзей, живущих поблизости.

— Хорошо, тогда через час после того, как она вернется. Какая разница, Дживс. Не будем размениваться на мелочи.

— Хорошо, сэр.

— Главное, мы можем быть уверены, что вскоре у Анджелы и Таппи все снова будет тип-топ. Эта мысль согревает мне душу, Дживс.

— Истинная правда, сэр.

— Чего я не выношу, так это разрыва двух любящих сердец.

— Я могу оценить ваши чувства, сэр.

Я положил окурок в пепельницу и закурил новую сигарету, знаменуя таким образом окончание первой главы.

— Итак, Западный фронт нам тревог не внушает. Перейдем к Восточному

— Сэр?

— Я говорю иносказательно, Дживс. Это означает, что теперь мы переходим к делу Гасси и Мадлен Бассет.

— Да, сэр.

— Здесь требуются радикальные меры. Когда имеешь дело с Огастусом Финк-Ноттлом, следует помнить, что он придурок.

— Или мимоза стыдливая, если воспользоваться более мягким выражением, сэр.

— Нет, Дживс, он придурок. А с придурками следует придерживаться жесткой, крутой политики, политики с позиции силы. Психологией здесь

не обойдешься. Мне не хотелось бы задевать ваши чувства, но позвольте вам напомнить, что вы впали в ошибку — развели психологию в случае с этим самым Финк-Ноттлом и потерпели сокрушительный провал. Вы пытались заставить его разговориться, нарядив Мефистофелем и послав на бал-маскарад, надеялись, что красное трико придаст ему храбрости. Тщетно, Дживс.

— Но ведь до дела не дошло, сэр.

— Не дошло, потому что он не попал на маскарад, это только подтверждает мою позицию. Человек, который садится в такси, чтобы ехать на бал, и в конце концов туда не попадает — придурок высшего разбора. Второго такого я не знаю. А вы?

— Я тоже, сэр.

— Не забывайте об этом, потому что я хочу, чтобы вы поняли следующее: даже если бы Гасси приехал на бал; даже если бы красное трико вкупе с очками в роговой оправе не довели девицу Бассет до судорог; даже если бы она оправилась от шока и пошла с ним танцевать; даже если бы ему удалось с ней заговорить, то и тогда ваши усилия оказались бы напрасны, потому что в костюме ли Мефистофеля или без костюма Огастус Финк-Ноттл не в состоянии расхрабриться и сделать ей предложение. Все равно кончилось бы лекцией о тритонах, только на несколько дней раньше. А почему, Дживс? Хотите скажу, почему?

— Да, сэр.

— Потому что на апельсиновом соке далеко не уедешь. И пытаться не стоит.

— Сэр?

— Гасси — апельсиновый сокоголик. Ничего больше не пьет.

— Я этого не знал, сэр.

— А я знаю от него самого. То ли наследственная болезнь, то ли он поклялся своей матушке не брать в рот горячительных напитков, а может, ему просто не нравится вкус спиртного, только Гасси Финк-Ноттл никогда в жизни не проглотил ни капли элементарного джина с тоником. И он надеется — этот придурок надеется, Дживс, — этот косноязычный, малодушный, трусливый кролик в человечьем обличье надеется сделать предложение девице, которую любит. Тут не знаешь, то ли плакать, то ли смеяться.

— Вы считаете, что полное воздержание от употребления спиртных напитков является препятствием для джентльмена, который желает сделать брачное предложение, сэр?

Вопрос поставил меня в тупик.

— Какого черта! — удивился я. — Вам следовало бы это знать. Подумайте хорошенько, Дживс. Что значит, сделать предложение? Достойный, уважающий себя молодой человек вынужден произносить Бог знает что, услышь он такое с экрана кинематографа, бросился бы без оглядки в кассу и потребовал назад свои деньги. Попробуйте проделать это на апельсиновом соке. Каков будет результат? От стыда и рта не раскроете, а если и раскроете, то в тот же миг растеряетесь и начнете лопотать неведомо что. Гасси, как мы знаем, мелет вздор о тритонах с козырьками.

— С гребешками, сэр.

— С козырьками, с гребешками — не имеет значения. Загвоздка в том, что он мелет вздор и, если представится случай, то снова будет молоть вздор. До тех пор, пока — теперь, Дживс, следите очень внимательно за ходом моей мысли, — пока не будут приняты соответствующие меры. Только немедленные и решительные действия помогут несчастному малодушному придурку обрести храбрость. Вот почему я намерен завтра запастись бутылкой джина и щедро разбавить им апельсиновый сок, который Гасси пьет за ланчем.

— Сэр?

Я поцокал языком.

— Дживс, мне уже случалось высказывать вам свое мнение, — укоризненно сказал я, — по поводу того, как вы произносите эти ваши «Да, сэр, но…» и «В самом деле, сэр?» Пользуясь случаем, хочу вам сказать, что столь же решительно возражаю против вашего «Сэр?» Вы произносите его таким тоном, будто я, по вашему мнению, несу чепуху, от которой у вас уши вянут. В данном случае ваше «Сэр?» вообще ни к селу, ни к городу. План, который я предложил, исключительно разумен, безупречен с точки зрения логики и не может вызывать у вас никаких «сэров?» Согласны?

— Да, сэр, но…

— Дживс!

— Прошу прощения, сэр. Это выражение вырвалось у меня нечаянно. Я только хотел сказать, коль скоро вы на этом настаиваете, что действие, которое вы намерены предпринять, представляется мне несколько необдуманным.

— Необдуманным? Дживс, я вас не понимаю.

— Оно несет в себе, как мне кажется, некоторый элемент риска, сэр. Влияние алкоголя на субъект, не приученный к подобным видам стимуляции, зачастую с трудом поддается прогнозированию. Насколько мне известно, на попугаев, например, алкоголь оказывает пагубное воздействие.

— На попугаев?

— Да, сэр. Я имел в виду случай, которому был свидетелем еще до того, как поступил в услужение к вам. В то время я служил у покойного лорда Бранкастера. Этот джентльмен был очень привязан к своему попугаю. Однажды его светлости показалось, что птица несколько вялая, и его светлость с самыми добрыми намерениями, желая вернуть своему любимцу обычную живость, дал ему бисквит с тмином, пропитанный портвейном урожая 1884 года. Птица благосклонно отнеслась к лакомству и с удовольствием проглотила кусочек бисквита. Однако почти сразу же в ее поведении появились признаки болезненного возбуждения. Укусив его светлость за палец и проорав куплет из хоровой матросской песни, она опрокинулась на дно клетки лапами кверху и довольно долго пролежала без движения. Я рассказал об этом случае, сэр, чтобы…

Я сразу нашел слабое место в его рассуждениях.

— Но Гасси не попугай.

— Да, сэр, но…

— По-моему, сейчас самое время хорошенько разобраться в том, кто такой на самом деле Гасси Финк-Ноттл. Он сам, похоже, думает, что он самец тритона, а вы сейчас предположили, что он попугай. На самом же деле он обычный заурядный придурок и позарез нуждается в бодрящей дозе горячительного. Поэтому довольно дискутировать, Дживс. Я принял решение. Случай трудный, к нему существует только один правильный подход, и я наметил в общих чертах, что следует предпринять.

— Очень хорошо, сэр.

— Итак, решено. Вперед, Дживс! И вот еще что: из моих слов вы, наверное, уже поняли, что я собираюсь осуществить свой план завтра. Вы, должно быть, спрашиваете себя, а почему именно завтра. Так почему, Дживс?

— Вероятно, потому, что коль суждено тебе свершенье, верши его без промедленья, сэр?

— Отчасти, Дживс, только отчасти. Главная причина, почему я назначил именно завтрашний день, состоит в том, что завтра — вы, конечно, об этом забыли — состоится вручение призов в классической средней школе в Маркет-Снодсбери, на котором, как вы знаете, Гасси должен быть звездой первой величины, распорядителем торжества. Таким образом, разбавив сок джином, мы не только придадим придурку храбрости, чтобы он сделал предложение мисс Бассет, но и приведем его в такое состояние, что он очарует всю маркет-снодсберийскую публику.

— Вы убьете сразу двух зайцев, сэр.

— Правильно, Дживс. Вы уловили самую суть. Теперь поговорим о мелочах. Хорошенько подумав, я решил, что будет гораздо лучше, если не я разбавлю сок джином, а вы.

— Сэр?

— Дживс!

— Прошу прощения, сэр.

— И я вам объясню, почему это гораздо лучше. Потому что вам куда легче получить доступ к излюбленному напитку Гасси. Как я заметил, его подают отдельно, в кувшине. Завтра перед ланчем этот кувшин будет стоять, скорее всего, в кухне или где-то поблизости от нее. И вам ничего не стоит плеснуть туда на три-четыре пальца джина.

— Да, сэр, но…

— Дживс, я вас просил избегать этих слов.

— Боюсь, сэр…

— «Боюсь, сэр…» ничем не лучше.

— Я хотел бы вам сказать, сэр, что мне очень жаль, но, боюсь, я должен выдвинуть nolle prosequi.[24]

— Что-что?

— Данное выражение — юридический термин, сэр, означающий, что одна из сторон решает прекратить ведение дела. Другими словами, хотя я обычно с готовностью выполняю ваши приказания, сэр, в данном случае я должен почтительнейше отклонить ваше предложение о сотрудничестве.

— Вы отказываетесь?

— Совершенно верно, сэр.

Я был поражен. Теперь я понимал, что чувствует генерал, когда отдает приказ стрелять, а ему говорят, что полк сегодня не в духе.

— Дживс, этого я от вас не ожидал.

— Вот как, сэр?

— Никак не ожидал. Естественно, я понимаю, что разбавление джином апельсинового сока не входит в ваши повседневные обязанности, за которые вы ежемесячно получаете жалованье, и если вы желаете строго придерживаться буквы нашего соглашения, я ничего не могу с вами поделать. Но позвольте заметить, ваш поступок не укладывается в рамки, предписываемые добрым старым кодексом вассальной верности.

— Мне очень жаль, сэр.

— Ничего, Дживс, все в порядке. Я не сержусь, я только немного огорчен.

— Да, сэр.

— Пока, Дживс.

14

Расследование показало, что друзья Анджелы, некие Стретчли-Бадды, у которых она провела день, обитали в своем старинном поместье в Кингем-Мэнор, примерно в восьми милях от Бринкли, если ехать по направлению к Першору. Не знаю, что они за люди, но, должно быть, их общество очень приятно, раз Анджела проторчала у них почти до самого вечера и едва успела переодеться к обеду. Так что мне удалось приступить к выполнению своего плана только после кофе. Анджелу я застал в гостиной и не теряя времени взялся за дело.

Сейчас мною владели совсем иные чувства, чем сутки назад, когда я здесь же, в гостиной, приближался к Бассет с теми же намерениями, как теперь к Анджеле, а именно — затащить девицу в укромный уголок в саду. Как я говорил Тап-пи, я всегда обожал Анджелу, и прогуляться с ней — для меня одно удовольствие.

Едва на нее взглянув, я понял, что ей как воздух нужны мои поддержка и утешение.

Честно сказать, ее вид меня поразил. В Каннах это была истинная юная англичанка в своем лучшем воплощении, счастливая, полная жизни и искрящегося веселья. Теперь лицо у нее побледнело и осунулось, как у центрфорварда девчачьей хоккейной команды, которой чуть не перебили ногу да еще и наказали за подсечку. В любой нормальной компании ее вид тотчас привлек бы всеобщее внимание, однако в Бринкли-Корте царил такой мрак, что никто на нее и не взглянул. Я бы не удивился, если бы дядя Том, скукожившийся в своем углу в ожидании конца света, упрекнул Анджелу в разнузданной веселости.

Я приступил к делу со свойственной мне непосредственностью:

— Привет, Анджела, привет, старушка!

— Привет, Берти, дорогой.

— Рад, что ты, наконец, вернулась. Я по тебе соскучился.

— Правда, дорогой?

— Конечно. Не хочешь прогуляться?

— С большим удовольствием.

— Мне надо так много тебе сказать, однако разговор не для посторонних ушей.

В этот момент старину Таппи поразил приступ какой-то болезни, вроде падучей. Он сидел неподалеку от нас, рассеянно глядел в потолок, а

тут вдруг затрепыхался, как пойманный на крючок лосось, и опрокинул столик, на котором стояли ваза, блюдо с ароматической смесью из сухих цветочных лепестков, две фарфоровые собачки и лежал томик рубайи Омара Хайяма в мягком кожаном переплете.

Тетя Далия издала испуганный охотничий клич. Дядя Том, видимо, решил, что светопреставление уже началось, и внес в него свою лепту, вдребезги расколотив кофейную чашку.

Таппи начал извиняться. Тетя Далия с предсмертным вздохом заверила его, что ничего страшного не случилось. Анджела бросила на Таппи надменный взгляд, будто принцесса, удивленная неловкой выходкой плебея, и мы с ней вышли за дверь. Я повел ее в парк, усадил на скамейку, сел рядом и приготовился действовать по разработанному мною плану.

Однако, подумал я, прежде чем приступить к делу, стоит непринужденно поболтать. Нельзя же так, с плеча замахнуться на столь деликатную тему. И сколько-то времени мы говорили о том о сем. Анджела объяснила, почему она так долго гостила у Стретчли-Баддов. Оказывается, Хилда Стретчли-Бадд попросила Анджелу помочь с устройством завтрашнего бала для слуг, и Анджела не могла ей отказать, поскольку весь штат домашней прислуги Бринкли-Корта тоже должен был присутствовать на празднике. Я сказал, что веселая пирушка как нельзя более кстати — поможет Анатолю развеселиться и выбросить из головы черные мысли. Анджела ответила, что Анатоль не собирается идти на бал. На все уговоры тети Далии он только печально качал головой и твердил, что хочет вернуться в родной Прованс, где его ценят по достоинству.

Мы грустно помолчали, и Анджела сказала, что трава мокрая и лучше вернуться в дом.

Это, разумеется, совсем не входило в мои планы.

— Нет, подожди. С тех пор, как ты приехала, мы так и не поговорили.

— Я испорчу туфли.

— Положи ноги мне на колени.

— Идет. Можешь растереть мне лодыжки.

— С большим удовольствием.

Таким образом мы переключились на другие темы и несколько минут вели бессвязный разговор, который постепенно иссяк. Я промямлил что-то насчет живописной тишины, царящей в сумерках, мерцания звезд, блеска воды в озере, и Анджела мне поддакнула. В кустах перед нами что-то зашуршало, и я сказал, что это, наверное, ласка, и она вяло проронила: «Да, наверное». Несомненно, мысли ее витали где-то далеко. И я решил не терять больше времени.

— Анджела, старушка, я слышал, у вас случился небольшой скандальчик. Похоже, теперь свадебные колокола не прозвонят?

— Не прозвонят.

— Это окончательно?

— Да.

— Ну, старушка, если хочешь знать мое мнение, то невелика потеря. Думаю, ты счастливо отделалась. Не понимаю, как ты могла так долго терпеть этого Глоссопа. Ни рыба, ни мясо, тряпка, а не человек. А вид-то какой — настоящая свиная туша. Мне жаль ту дурочку, которая свяжет свою жизнь с этим боровом.

Я коротко презрительно хохотнул.

— А я думала, вы друзья, — сказала Анджела.

Я снова хохотнул, на этот раз еще презрительнее.

— Друзья? Ничего подобного. Конечно, я с ним учтив, но назвать его своим другом? Никогда. Клубное знакомство, не более того. К тому же мы с ним учились в школе.

— В Итоне?

— Ну что ты. Таких, как он, у нас в Итоне не держали. Я говорю про начальную школу. Как сейчас помню, он был неряха и грубиян. Вечно в грязи и чернилах, никогда не мылся. Настоящий изгой, никто не хотел с ним знаться.

Я умолк. Мне было сильно не по себе. Говорить такие гадости о закадычном друге, которого я люблю и ценю — когда он, конечно, не завязывает веревки с кольцами и не заставляет меня нырять в бассейн в полной вечерней выкладке, — само по себе уже мука мученическая, к тому же еще я, по-моему, ничего не добился. Дело оказалось дохлое. Анджела сидела, уставясь в кусты, и молчала, как рыба об лед. Мои гнусные выпады и мерзкую клевету выслушала совершенно невозмутимо, даже бровью не повела.

Я решил сделать еще одну попытку.

— Одним словом, неряха. В жизни такого не видел. Спроси любого, кто знавал его в то время, и каждый тебе скажет: неряха. Он и теперь такой же. Обычная история. Мальчик — отец мужчины.

Она, казалось, не слышит.

— Мальчик, — повторил я, чтобы она могла оценить мою мысль, — отец мужчины…

— О чем это ты?

— О Глоссопе.

— Мне послышалось, ты говоришь о каком-то отце.

— Я говорю, мальчик — отец мужчины.

— Какой мальчик?

— Глоссоп.

— У него нет отца.

— Я и не говорю, что у него есть отец. Я говорю, он — отец мальчика… Э-э, постой, наоборот — отец мужчины.

— Какого мужчины?

Я понял, что мы уперлись в стену и если не принять пожарных мер, мы заблудимся в трех соснах.

— Анджела, послушай, я хочу тебе объяснить, — сказал я, — что мальчик Глоссоп — отец мужчины Глоссопа. Другими словами, все отвратительные пороки, из-за которых другие мальчики сторонились Глоссопа, живут теперь во взрослом Глоссопе, из-за них все от него с презрением отворачиваются — я сейчас говорю уже о взрослом Глоссопе — в таких местах, как, например, «Трутни», где от членов клуба требуется определенный уровень благопристойности. Спроси любого в «Трутнях» — и тебе скажут, что для старого респектабельного клуба тот день, когда Глоссоп втерся в наши ряды, стал черным днем. Кому-то противна его физиономия, другому наплевать на физиономию, но ужасают его манеры. Однако все сходятся во мнении, что он развязен, шумлив, несносен и что в тот момент, когда он выразил намерение вступить в клуб, следовало прибегнуть к nolle prosequi и единодушно его забаллотировать.

Тут я снова умолк, отчасти перевести дух, отчасти собраться с силами, потому что говорить такие гадости про старину Таппи — настоящая пытка.

— Знаешь, встречаются чудаки, — проговорил я, заставив себя снова взяться за свою тошнотворную работу, — у которых такой вид, будто они спят не раздеваясь, и все же с ними приятно иметь дело, потому что они дружелюбны и обходительны. Бывают нескладные толстяки, про которых не грех отпустить ехидную шутку, но они при этом вполне симпатичны благодаря, например, уму и чувству юмора. Но Глоссоп, с сожалением должен сказать, не относится ни к тем, ни к другим. Урод уродом, так еще и туп, как пень. Ни поговорить с ним по душам, ни поболтать, ни посмеяться. Короче, девушка, которая, сгоряча обручившись с ним, вовремя опомнится и сбежит, должна считать, что ей крупно повезло.

Я опять умолк и скосил глаза на Анджелу, стараясь понять, как на нее действует курс лечения. Пока я говорил, она молча смотрела на кусты перед собой. И все равно я ждал, что она бросится на меня, подобно разъяренной тигрице, как положено по сценарию. Удивительно, почему она уже давно не бросилась. Наговори я тигрице про любимого тигра

малую толику того, что наговорил Анджеле, она — я имею в виду тигрицу — уже пробила бы потолок.

Однако минуту спустя она — я имею в виду Анджелу — сразила меня наповал.

— Да, — сказала она, задумчиво кивнув, — ты совершенно прав.

— Что?

— Я и сама так думаю.

— Как?!

— Туп, как пень. Этим все сказано. Второго такого во всей Англии не сыщешь.

Я молчал и отчаянно призывал все свои умственные способности, чтобы оказать себе неотложную медицинскую помощь.

Признаться, такого сюрприза я не ожидал. Обдумывая свой блестящий план, который только что привел в действие, я не учел одного обстоятельства: мне и в голову не приходило, что Анджела может меня поддержать. Я был готов к взрыву чувств. Ожидал слез, истерики, обвинений и прочих мер устрашения, которые имеются в запасе у девиц.

Но никак не предвидел, что она охотно со мной согласится, и теперь потерял дар речи.

А она продолжала в том же духе, да так горячо, с воодушевлением, будто села на любимого конька. Дживс бы тотчас нашел слово, которого мне не хватает. Кажется, «ажитация» (не путать с агитацией, это вроде бы предвыборная пропагандистская кампания). И если я ничего не напутал, то Анджела именно в ажитации всячески поносила бедного Таппи. Вслушавшись в ее голос и интонации, можно было подумать, что это придворная поэтесса, слагающая вирши в честь какого-то восточного монарха, или на худой конец Гасси Финк-Ноттл, изливающий свои чувства по поводу последней полученной им партии тритонов.

— Ах, Берти, как приятно поговорить с человеком, который может здраво судить об этом самом Глоссопе. Мама считает, что он порядочный молодой человек, но это просто абсурд! Невооруженным глазом видно, что он совершенно невыносим. Тщеславен, самодоволен, все время спорит и пререкается, даже когда сам понимает, какую несет околесицу, и без конца курит, и все время ест, и слишком много пьет, и вообще мне не нравится цвет его волос. Не говоря уж о том, что через год-другой он совсем облысеет, у него и сейчас уже макушка светится, скоро голова станет голая, как коленка, представляешь, как ему пойдет лысина? И, по-моему, просто отвратительно, что он все время объедается. Знаешь, Берти, я застала его в кладовой в час ночи, он буквально погряз в пироге с

телятиной и почками. Весь его умял до последней крошки. А ты помнишь, сколько он съел за обедом? Просто омерзительно… Послушай, Берти, не могу же я тут всю ночь сидеть и говорить о людях, которые и одного слова не заслуживают и у которых не хватает ума отличить акулу от камбалы. Все, иду домой.

Поправив на хрупких плечиках шаль, которую она накинула, чтобы уберечься от ночной прохлады, Анджела упорхнула, оставив меня в одиночестве среди ночной тишины.

Как вскоре выяснилось, не совсем в одиночестве, потому что минуту спустя кусты передо мной раздвинулись и появился Таппи.

15

Я уставился на него во все глаза. Темнота сгущалась, и видимость была не слишком хорошая, но достаточная, чтобы отчетливо его разглядеть. Я сразу смекнул, что мне будет куда спокойнее, если мы окажемся по разные стороны массивной садовой скамьи. Я снялся с места, взмыл, как фазан, и приземлился по другую сторону упомянутого объекта.

Неожиданное проворство, с каким был проделан этот маневр, произвело на Таппи впечатление. Он растерялся. Замер на месте и все то время, которое потребовалось, чтобы капля пота сползла у меня со лба на кончик носа, стоял и молча глядел на меня.

— Sic![25] — наконец произнес он, и я удивился, что человек способен в обыденной жизни сказать «Sic!» Я привык думать, что подобные выражения можно вычитать только в книгах. Наравне с «Sic passim»[26] или «Vide supra».[27]

Человек менее проницательный, чем Бертрам Вустер, может, и не заметил бы, что его старый приятель Таппи разводит пары: глаза горят, кулаки сжимаются, челюсти мерно ходят, будто он все еще пережевывает ужин.

В волосах у него запутались веточки и листья, а сбоку свисал жук, который наверняка заинтересовал бы мистера Огастуса Финк-Ноттла. Однако все это я заметил краем глаза. Ибо есть время замечать жуков, а есть время их не замечать. — Sic! — снова проговорил Таппи.

Тот, кто хорошо знает Бертрама Вустера, скажет вам, что в момент опасности он не теряет головы, напротив, становится еще более проницательным и сообразительным. Кто несколько лет назад, в ночь

после гребных гонок, будучи схвачен служителем закона и доставлен в полицейский застенок на Вайн-стрит, с ходу назвался Юстасом Г. Плимсоллом, Лабурнум, Аллейн-Роуд, Вест Далидж, и тем самым не позволил замарать грязью и придать широкой огласке нежелательного толка древнее благородное имя Вустеров? А кто, скажите…

Впрочем, не стоит продолжать. Моя репутация говорит сама за себя. Будучи три раза задержан железной рукой закона, я ни разу не понес наказания под своим настоящим именем. Спросите кого угодно в «Трутнях».

Вот и теперь, когда мое положение с каждой минутой становилось все более сложным, я не потерял головы. Напротив, сохранял полное хладнокровие. Искренне и дружелюбно улыбаясь в надежде, что сейчас еще не слишком темно и моя улыбка будет зафиксирована, я весело проговорил:

— Привет, Таппи. Ты тут? Он ответил, что да, он тут.

— И давно ты тут?

— Давно.

— Вот и славно. Я как раз хотел тебя повидать.

— Твое желание исполнилось. Выходи из-за скамьи.

— Да нет, спасибо, старик. Мне удобно на нее опираться. Позвоночный столб отдыхает.

— Через две минуты, — сказал Таппи, — я вышибу твой позвоночный столб через макушку.

Я поднял брови. При таком освещении — не слишком действенный прием, зато хорошо вписывается в общую композицию.

— И это говорит Гилдебранд Глоссоп? — осведомился я. Он самый, сказал Таппи, добавив, что если я желаю в этом удостовериться, то могу подойти поближе, при этом он непотребно обложил меня. Я снова поднял брови.

— Ну-ну, Таппи, не будем браниться. Как ты думаешь, Таппи, глагол «браниться» тут к месту?

— Не знаю, — буркнул он и начал бочком обходить скамейку.

Если я хочу успеть что-нибудь сказать, подумал я, нельзя терять ни минуты. Он уже продвинулся футов на шесть. И хотя я, в свою очередь, тоже бочком двигался вдоль скамейки в противоположном направлении, кто мог предвидеть, долго ли сохранится столь благополучное равновесие.

Поэтому я приступил к делу.

— Догадываюсь, что у тебя на уме, Таппи, — сказал я. — Если ты сидел в кустах, когда мы с Анджелой болтали, то наверняка слышал, что я

о тебе говорил.

— Слышал.

— Понял. Давай не будем углубляться в обсуждение этической стороны дела. Конечно, некоторые назвали бы твой поступок подслушиванием и подглядыванием. Я уверен, строгие блюстители нравственности сурово осудили бы тебя. Ибо твой поступок, Таппи, — мне не хочется задевать твои чувства — не типичен для англичанина. Не типичен и не достоин англичанина. И ты, старик, не можешь не признать этого.

— Я шотландец.

— Да ну? Вот не знал. Странно, живешь и не подозреваешь, что твой друг — шотландец, если он, конечно, не Мак-как-его-там. Кстати, — продолжал я, чувствуя, что научная дискуссия на нейтральную тему способна разрядить обстановку, — не поможешь ли ты разрешить проблему, которая давно меня занимает. Что шотландцы кладут в телячьи рубцы? Я часто задаюсь этим вопросом.

Вместо ответа он перемахнул через скамейку и попытался вцепиться в меня, и я догадался, что тема телячьих рубцов его совсем не увлекает.

— Однако, — сказал я, в свою очередь, перепрыгивая через скамейку, — я не тороплю тебя с ответом. Давай вернемся к нашему разговору. Значит, ты сидел в кустах и слышал, что я 0 тебе говорил…

Таппи начал двигаться вокруг скамейки в направлении северо-северо-восток. Я последовал его примеру, взяв курс на юго-юго-запад.

— Представляю, как ты удивился.

— Ничуть не удивился.

— Как? Разве мои высказывания не показались тебе странными?

— А чего еще ожидать от предателя, труса и фискала!

— Таппи, старик, — сказал я, — ты сегодня не в себе. Туговато соображаешь. Я думал, ты сразу догадаешься, что это часть моего тщательно разработанного плана.

— Сейчас я с тобой разделаюсь, — сказал Таппи, покачнувшись после внезапной попытки схватить меня за горло.

Тут я понял, что нельзя медлить ни секунды, и стал поспешно выкладывать ему все по порядку, не забывая между тем двигаться на юго-юго-запад.

Я ему рассказал, как огорчился, получив телеграмму от тети Далии; как сломя голову бросился на театр военных действий, обдумывая дорогой, что предпринять, чтобы помочь ему, Таппи; как составил свой окончательный блестящий план. Говорил я хоть и быстро, но четко и ясно,

и потому был сильно озадачен, когда Таппи процедил сквозь зубы, что не верит ни единому моему слову.

— Ну почему, Таппи? — сказал я. — Почему? Ведь это все чистая правда. Почему ты не веришь? Объясни.

Он остановился, тяжело переводя дух. Вопреки издевательским утверждениям Анджелы, Таппи совсем нетолстый. Всю зиму он оголтело гоняет в футбол, а летом не выпускает из рук теннисную ракетку.

Но сегодня за вечерней трапезой он наверстал упущенное, понимая, что после безобразной сцены в кладовой воздержание потеряло смысл. А после обеда, приготовленного Анатолем, человек, даже столь сильный и тренированный, как Таппи, на какое-то время теряет привычную подвижность. Пока я излагал свой план, как осчастливить их с Анджелой, в нашем хождении вокруг скамейки наметилось видимое оживление, так что последние несколько минут мы гонялись друг за другом, будто заведенные, — так огромная механическая борзая и хитрый механический заяц носятся по кругу на потеху толпе.

В конце концов Таппи заметно выдохся, что меня порадовало. Я и сам забегался, и временная передышка была мне очень кстати.

— Слушай, Таппи, меня поражает, почему ты мне не веришь. Ведь мы с тобой столько лет дружим. За исключением того раза, когда мне по твоей милости пришлось нырять в бассейн во фраке, — случай, который я давно выкинул из головы и предал забвению, надеюсь, ты следишь за ходом моей мысли, — так вот, за исключением того случая, черная кошка ни разу не пробегала между нами, и я всегда дорожил твоей дружбой, ты и сам знаешь. Ну скажи, зачем мне было чернить тебя перед Анджелой, если не для твоей же пользы? Ответь мне. Только выбирай выражения.

— В каком таком смысле «выбирай выражения»? Вообще-то я понятия не имел, в каком смысле. Эту фразу произнес судья, когда я стоял перед ним под именем Юстаса Плимсолла, и она произвела на меня сильное впечатление; сейчас я ее ввернул, чтобы придать разговору должную значительность.

— Ладно, говори, как умеешь. Просто ответь мне на один вопрос. Если бы я не принимал твои интересы близко к сердцу, зачем мне было плести все эти небылицы?

Таппи задрожал всем телом. Жук, который все это время гнездился в волосах у Таппи, видно, потерял надежду устроиться получше и решил оставить убежище. Он снялся с насиженного места, и ночь его поглотила.

— Ой! Жук! — объяснил я. — Ты, наверное, ничего не подозревал, а у тебя на голове уже давно припарковался жук. Сейчас ты его согнал.

Таппи фыркнул.

— Что еще за жуки!

— Нет-нет, всего один жучок.

— Какая наглость! — заорал Таппи, вибрируя всем телом, точно Гассин тритон, у которого наступил брачный период. — Он еще смеет говорить о жуках! Предатель! Трусливая собака!

Вопрос, по-моему, спорный. Если ты предатель и трусливая собака, это не значит, что ты лишен права говорить о жуках. Полагаю, в компетентных кругах могли бы дать по этому поводу пространный комментарий.

Но я не стал спорить.

— Послушай, ты второй раз называешь меня предателем и трусом. И я настаиваю, — твердо проговорил я, — на объяснении. Тебе ведь уже было сказано, что только из самых лучших и самых добрых побуждений я в разговоре с Анджелой ругал тебя последними словами. Думаешь, мне было легко? Я сносил эти адовы муки только во имя нашей многолетней дружбы. А ты заявляешь, что не веришь мне, и оскорбляешь меня; притащи я тебя в суд, тебе за такие слова припаяли бы штраф на кругленькую сумму. Надо бы проконсультироваться у моего юриста, но я и так знаю, что дело верное. Послушай, Таппи, ну пошевели ты мозгами. Зачем мне было затевать всю эту канитель, если не во имя твоего блага? Назови причину. Хоть одну.

— И назову. Думаешь, я не знаю? Ты сам влюблен в Анджелу.

— Что?!

— Ты меня очернил, чтобы настроить ее против меня и убрать соперника с дороги.

Ничего более абсурдного я в жизни не слышал. Черт побери, я же знаю Анджелу с пеленок. Нельзя влюбиться в близких родственниц, которых знаешь с пеленок. Кроме того, закон запрещает жениться на кузинах. Или я что-то перепутал? Может, речь идет о бабушках?

— Таппи, старый осел! — воскликнул я. — Что ты мелешь? Видно, совсем рехнулся.

— Да?

— Я влюблен в Анджелу? Ха-ха-ха!

— Ты своими «ха-ха-ха» не отделаешься. Она называла тебя «дорогой».

— Ну и что? Кстати, я этого не одобряю. Меня коробит, когда современные девицы расточают «дорогой» направо и налево. По-моему, это распущенность.

— А кто растирал ей лодыжки?

— Таппи, но ведь я растирал исключительно по-братски. Даже не придал этому никакого значения. Послушай, черт тебя подери, с теми намерениями, в которых ты меня подозреваешь, я к Анджеле и близко бы не подошел.

— Это почему? Недостаточно хороша для тебя?

— Нет, ты не понял, — торопливо сказал я. — Когда я говорю, что и близко не подойду к Анджеле, я имею в виду, что питаю к ней только теплые родственные чувства. Другими словами, ты можешь быть совершенно уверен: между нами нет и не может быть никаких других отношений, кроме дружеских.

— Наверняка это ты ей намекнул, что я ночью собираюсь в кладовку, хотел, чтобы она меня там застукала один на один с пирогом и чтобы я окончательно упал в ее глазах.

— Таппи! В своем ли ты уме? — Я был потрясен. — Неужели ты думаешь, что Вустер на такое способен?

Он тяжело перевел дух.

— Послушай, — сказал он, — спорить бессмысленно. Против фактов не пойдешь. В Каннах кто-то у меня ее похитил. А ты сам мне признался, что там она все время была с тобой и, кроме тебя, ни с кем не виделась. Ты бахвалился, что вы вместе купались, гуляли при луне…

— Совсем не бахвалился. Просто упомянул — и все.

— Надеюсь, теперь ты понял, почему я собираюсь с тобой разделаться, вот только вытащу тебя из-за проклятой скамейки? И зачем их в саду нагородили? — злобно сказал Таппи. — Не понимаю. Торчат повсюду и мешают.

И он снова на меня набросился, чуть не схватил за горло.

Надо было немедленно что-то придумать. В такие минуты, как я уже упоминал, Бертрам Вустер на высоте. Мне вдруг вспомнился дурацкий казус с этой Бассет, и в мгновенном озарении я увидел, как он мне может сейчас пригодиться.

— Таппи, ты не так все понял, — проговорил я, огибая скамейку. — Мы с Анджелой действительно все время были неразлучны, но отношения у нас с ней от начала до конца самые что ни на есть товарищеские, чистые и абсолютно целомудренные. Могу это доказать. Когда мы были в Каннах, я влюбился совсем в другую девушку.

— Что?!

— Влюбился. В другую девушку. В Каннах. Наконец-то я подобрал ключик к этому придурку. Он перестал кружить вокруг скамьи. Руки у него

разжались.

— Это правда?

— Официально заявляю: чистая правда.

— Кто она?

— Таппи, разве джентльмен может позволить себе всуе упоминать имя дамы?

— Может, если не хочет получить по шее.

Я понял, что тут клинический случай.

— Мадлен Бассет, — сказал я.

— Кто?!

— Мадлен Бассет. Он был потрясен.

— Неужели ты хочешь сказать, что любишь это ходячее недоразумение?

— Таппи, я бы не стал называть ее «ходячее недоразумение». Это неуважительно.

— А мне плевать. Мне нужны факты. Значит, ты, будучи в здравом уме, утверждаешь, что любишь эту малохольную Бассет, пронеси меня, Господи?

— Не понимаю, почему ты ее называешь «малохольная Бассет, пронеси меня, Господи». Очаровательная девушка, красавица. Может, самую малость странная. Между нами, довольно трудно разделить ее точку зрения на звезды и кроликов, но «малохольная Бассет, пронеси меня, Господи» — это уж слишком.

— Ладно, значит, ты утверждаешь, что влюблен в нее?

— Само собой.

— Не верится, Вустер, ох, не верится.

Я понял: надо нанести на полотно последний мазок.

— Прошу тебя, Глоссоп, это строго конфиденциально, но уж, так и быть, скажу тебе. Двадцать четыре часа назад я сделал ей предложение, и она меня отфутболила.

— Отфутболила?

— Как мяч. На этом самом месте.

— Двадцать четыре часа назад?

— Может, двадцать пять. Неважно. Теперь ты понимаешь, что я не тот тип — если он вообще существует, — который похитил у тебя Анджелу в Каннах.

Я снова чуть было не брякнул, что и близко к ней не подойду, но вспомнил, что уже произносил эту фразу и, кажется, попал пальцем в небо. Поэтому решил воздержаться.

Моя мужественная откровенность вроде бы произвела на Дуралея Таппи впечатление. Он перестал кровожадно сверкать глазами. У него был вид наемного убийцы, который остановился, чтобы еще раз подумать.

— Понятно, — наконец проговорил он. — Извини, что набросился на тебя.

— Ладно, забудем, старик, — великодушно сказал я.

С тех пор как кусты начали извергать Глоссопов, Бертрам Вустер впервые смог перевести дух. Нет, из-за скамьи я не вышел, но перестал за нее хвататься и почувствовал облегчение, как те трое ветхозаветных молодчиков, которым удалось слинять из пещи огненной.[28] Я даже попытался нащупать в кармане портсигар. Однако Таппи вдруг громко фыркнул, и я отдернул руку, будто коснулся раскаленного утюга. К моему ужасу, придурок снова впал в неистовство.

— Какого дьявола ты натрепался Анджеле, что в детстве я был неряхой?!

— Но, Таппи, старик…

— Я же был патологический чистюля, можно сказать, образец стерильной чистоты.

— Да-да, конечно. Но…

— А этот вздор, будто я лишен духовности?! Да у меня ее хоть отбавляй! А уж про то, что в «Трутнях» со мной знаться не хотят…

— Таппи, дорогой, я же тебе объяснил. Все это не более чем уловка, составная часть моего плана.

— Да? Сделай милость, в дальнейшем избавь меня от твоих идиотских уловок.

— Как скажешь, старик.

— Ладно. Надеюсь, ты меня понял.

Он снова замолчал. Стоял, скрестив руки на груди, и глядел в пространство, как романтический герой, сильный и немногословный, которому дама сердца дала отставку, и вот он решает отправиться в Скалистые горы и завалить десяток-другой медведей. У него был такой убитый вид, что я, преисполнившись сострадания, отважился его утешить.

— Послушай, Таппи, хоть тебе и незнакомо выражение au pied de la lettre, но, по-моему, ты не должен принимать близко к сердцу весь тот вздор, который Анджела только что тут несла.

Он, кажется, немного оживился.

— О чем, черт подери, ты толкуешь?

Я понял, что следует высказаться яснее.

— Не надо понимать буквально весь этот вздор. Ты же знаешь, на что

способны девицы.

— Знаю. — Он снова фыркнул, причем с таким звуком, который, казалось, идет от самых его подошв. — Но лучше бы мне этого не знать.

— Я хочу сказать, она наверняка догадалась, что ты сидишь в кустах, и нарочно принялась тебя пиявить. Видишь ли, с точки зрения психологии, ее поведение понятно. Девицы всегда поддаются порывам. Она воспользовалась случаем и решила тебя подразнить, но в каждой шутке есть доля правды, горькой правды.

— Горькой правды?

— Ну да.

Он опять фыркнул, и я почувствовал себя членом королевской фамилии, в честь которой флотилия дает двадцать один залп. Кажется, не встречал человека, который бы так замечательно фыркал из обоих стволов.

— В каком смысле «горькая правда»? Я не толстый.

— Конечно, нет!

— И что плохого в цвете моих волос?

— Ничего плохого, Таппи. Волосы у тебя — что надо.

— И макушка у меня не светится… Какого черта ты скалишь зубы?

— Я не скалю. Просто слегка улыбаюсь. Представил, как ты, по словам Анджелы, выглядишь. Пузатый и с лысиной на макушке. Довольно забавно.

— Значит, тебе забавно?

— Нет-нет, что ты!

— То-то же. Не советую забавляться на мой счет.

— Как скажешь, Таппи, старина.

Мне показалось, наша беседа вновь принимает дурной оборот. Больше всего я хотел положить ей конец. И мое желание сбылось, ибо в этот момент сквозь заросли лавра замаячила неясная фигура, в которой я без труда узнал Анджелу.

Лицо у нее сияло ангельской добротой, а в руке она держала тарелку с сандвичами. Как я выяснил позже, это были сандвичи с ветчиной.

— Берти, если ты встретишь мистера Глоссопа, — проговорила она, мечтательно глядя прямо на Таппи, — пожалуйста, передай ему это. Боюсь, он, бедняжка, голоден. Ведь уже почти десять часов, а у него после ужина крошки во рту не было. Я оставлю тарелку здесь, на скамейке.

Она направилась к дому, и я подумал, что мне лучше пойти с ней. Здесь мне делать было нечего. Едва мы отошли, ночную тишину прорезал звук разлетевшейся на куски тарелки, по которой, должно быть, изо всей силы поддали ногой, и приглушенные злобные проклятия.

— Какая тишина и покой вокруг, — сказала Анджела.

16

Когда я утром пробудился навстречу новому дню, солнце золотым светом заливало Бринкли-Корт, и ухо ловило щебетанье птиц в зарослях плюща. Однако Бертрам Вустер, который, сидя в постели, потягивал душистый чай, не находил у себя в душе ответного щебетанья, равно как и золотого солнечного света. Перебирая в памяти события вчерашнего вечера, Бертрам не мог не признать, что в деле Таппи — Анджела он сел в лужу. Как ни старался я увидеть у тучки светлую изнанку, мне становилось все более понятно, что пропасть между этими двумя гордецами стала бездонной, и навести через нее мосты не под силу даже мне.

Судя по тому, в каком бешенстве Таппи растоптал тарелку с сандвичами, я, как человек проницательный, понял, что он долго не простит Анджеле ее выходку.

В сложившихся обстоятельствах я счел за лучшее временно отложить проблему Таппи — Анджела и вернуться к делу Гасси, которое рисовалось мне в более радужном свете.

Тут у меня все шло, как по маслу. Патологическая щепетильность Дживса, не пожелавшего сдобрить джином апельсиновый сок, доставила мне массу хлопот, но я со свойственной Вустерам твердостью преодолел все препятствия. В избытке запасся спиртным, бутылка которого была припрятана в моей комнате, в ящике туалетного стола. Кроме того, я убедился, что около часа дня кувшин, должным образом наполненный соком, будет стоять на полке в буфетной. Взять его с полки, прокрасться к себе в комнату, влить джина и в нужное время, к дневной трапезе, вернуть на место — задача, несомненно, требующая ловкости, но отнюдь не обременительная.

Испытывая удовольствие сродни тому, с каким припасаешь лакомство для ребенка, заслуживающего поощрения, я допил чай и устроился поудобнее в подушках, чтобы хорошенько отдохнуть. Когда предстоит серьезная мужская работа и голова должна быть ясной, нет ничего лучше, как еще немного вздремнуть.

Спустившись вниз эдак через час, я убедился, что был трижды прав, когда разрабатывал свой блистательный план по оживлению Гасси. С этим дуралеем я столкнулся на лужайке и с первого взгляда понял, что ему, как воздух, необходимо стимулирующее средство мгновенного действия. В то

утро, как я уже упоминал, солнце своими лучами золотило окружающий мир, птички щебетали и все в природе сияло улыбкой. Все, кроме Гасси Финк-Ноттла. Он ходил кругами по лужайке и бормотал себе под нос, что не хотел бы злоупотреблять вниманием почтеннейшей аудитории, однако, пользуясь столь благоприятным случаем, чувствует себя обязанным сказать несколько слов.

— А-а, Гасси, — проговорил я, останавливая его, ибо он собирался начать новый круг. — Чудесное утро, правда?

Даже не знай я заранее, что бедный придурок сам не свой, я тотчас бы все понял по той грубости, с какой он послал к черту чудесное утро. Я немедленно приступил к выполнению нелегкой задачи — вернуть румянец на щеки злосчастного тритономана.

— Послушай, Гасси, я принес тебе хорошие вести.

Он взглянул на меня с внезапно пробудившимся живым интересом.

— Сгорела школа в Маркет-Снодсбери?

— С чего ты взял?

— Разразилась эпидемия свинки? Или началась корь, и школу закрыли?

— Да нет же, нет.

— Тогда почему ты мелешь про хорошие вести? Я попытался его успокоить.

— Гасси, не стоит делать из всего трагедию. Зачем так убиваться из-за такого пустяка, как вручение призов в школе?

— По-твоему, это пустяк? Как ты не понимаешь, я целыми днями мучаюсь, сочиняя свою речь, и ничего не могу придумать, кроме одной фразы о том, что не хотел бы злоупотреблять вниманием почтеннейшей аудитории. Я прохронометрировал свою речь, она занимает пять секунд. Черт подери, Берти, что я должен говорить? Что, например, говоришь ты, когда вручаешь призы?

Я задумался. Однажды, еще в начальной школе, я получил приз за отличное знание Библии, и предполагалось, что вся подноготная этой процедуры должна быть мне знакома до мельчайших подробностей. Увы, я ничего не мог вспомнить.

Внезапно из тумана всплыла одна фраза.

— Скажи, например, что тише едешь — дальше будешь.

— Почему?

— Ну-у… не знаю, все так говорят. Звучит здорово.

— Я не о том. Я хочу знать, почему. Почему если тише едешь, то дальше будешь?

— Послушай, что ты ко мне пристал? Все умные люди так говорят.

— Но что это означает?

— По-моему, считается, что эта мысль должна утешить тех, кто не получил призов.

— Плевал я на них. Мне-то какая польза от этой мысли? Я должен думать о тех, кто получил призы, о тех обормотах, которые выйдут на сцену. А если они начнут строить мне рожи?

— Не начнут.

— Откуда ты знаешь? Они только об этом и думают. И даже если не начнут, то… Берти, можно, я скажу тебе одну вещь?

— Валяй.

— Я решил последовать твоему совету и пропустить глоток спиртного.

Я не смог сдержать улыбки. Если бы дуралей догадывался, что я задумал.

— Брось, Гасси, все будет хорошо, — сказал я. Его снова затрясло в лихорадке.

— Откуда ты знаешь? Я уверен, что собьюсь.

— Тьфу!

— Или уроню приз.

— Глупости!

— Или еще чего-нибудь натворю. Я это нутром чувствую. Сегодня что-то произойдет, и все будут надо мной смеяться до коликов. Уже сейчас слышу, как они смеются. Как гиены… Берти!

— Берти слушает, старик.

— Помнишь ту школу, где мы учились перед тем, как поступить в Итон?

— Еще бы. Там я получил приз за знание Библии.

— Отстань ты со своим призом. Не о нем речь. Помнишь случай с Бошером?

— Как не помнить. Одно из самых ярких впечатлений детства.

— Помнишь, как генерал-майор сэр Уилфред Бошер приехал к нам в школу вручать призы, — продолжал Гасси тусклым безжизненным голосом. — Он уронил книгу. Наклонился ее поднять. И в этот момент брюки у него на заду лопнули.

— Как мы тогда хохотали!

У Гасси по лицу прошла судорога.

— Негодники! Свиньи! Хохотали, вместо того, чтобы промолчать, выказать сочувствие доблестному генералу. Он тогда так смутился, а мы

вопили и вовсю веселились. И я громче всех. Берти, сегодня со мной будет то же самое. Бог меня покарает, и надо мной будут хохотать, как мы хохотали над генерал-майором сэром Уилфредом Бошером.

— Брось, Гасси. Не лопнут у тебя брюки.

— А ты откуда знаешь? Брюки лопаются у таких людей — не чета мне. Возьми генерала Бошера — кавалер ордена «За отличную службу», доблестно защищал северо-западные границы Индии, а брюки лопнули. Вот увидишь, из меня сделают посмешище, козла отпущения. Поверь, Берти, я это чувствую. А ты, прекрасно понимая, что меня ждет, болтаешь о каких-то хороших новостях. Сейчас единственная радость для меня — это весть о том, что среди школьников вспыхнула эпидемия бубонной чумы, и им всем предписан строгий постельный режим.

Настал момент, когда я должен был сказать Гасси свое веское слово. Я мягко положил руку ему на плечо. Он ее сбросил. Я повторил свой жест. Он снова сбросил мою руку. Когда я в третий раз попытался мягко положить руку ему на плечо, он отпрянул от меня и с явным раздражением осведомился, уж не вообразил ли я себя, черт подери, остеопатологом.

Я счел его поведение вызывающим, однако сделал скидку на его невменяемое состояние. Я напомнил себе, что совсем скоро, после ланча, передо мной предстанет иной, преображенный Огастус Финк-Ноттл.

— Слушай, старик, я сказал «хорошие новости», имея в виду Мадлен Бассет.

Лихорадочный блеск в его глазах погас, уступив место глубочайшей скорби.

— Ни о каких хороших вестях не может быть речи. Я потерпел полный провал.

— Ничего подобного. Убежден, если ты еще раз попытаешь счастья, у тебя все получится.

И я торопливо пересказал наш вчерашний разговор с дурехой Бассет.

— Тебе нужно еще раз с ней увидеться, и при всем желании ты уже не сможешь завалить это мероприятие. Пойми она только о тебе и мечтает.

Он покачал головой.

— Нет.

— Что «нет»?

— Все бесполезно.

— В каком смысле «бесполезно»?

— Не стоит и пытаться.

— Но ведь она сама сказала…

— Не имеет значения. Может, она когда-то меня и любила. А вчера я

убил ее любовь.

— Ничего ты не убил.

— Нет, убил. Теперь Мадлен меня презирает.

— Ничуть не бывало. Она понимает, что у тебя от волнения душа в пятки уходит.

— И снова уйдет, если попытаюсь с ней увидеться. Бесполезно, Берти. Я безнадежен, и это конец. По своей природе я из тех, кто и мухи не обидит.

— Дело не в мухе. Муха здесь ни при чем. Вопрос в том…

— Понимаю, понимаю. Но все бесполезно. У меня ничего не получится. Это конец. Не хочу еще раз пережить вчерашний позор. Ты говоришь, надо снова попытаться, но ты не представляешь, что это такое. Ты не прошел через этот ужас, когда готовишься сделать девушке предложение и вдруг ни с того, ни с сего начинаешь молоть о плюмажеобразных наружных жабрах новорожденных тритонов. Второй раз я такого не вынесу. Нет, я смирился со своей судьбой. Все кончено. А теперь, Берти, будь другом, проваливай отсюда. Мне надо сочинить речь. Я не могу сочинять, когда ты мозолишь мне глаза. Но раз уж ты все равно мозолишь, подкинь мне пару каких-нибудь историй. Эти маленькие негодники, конечно, ждут чего-нибудь такого.

— Ты слышал анекдот про…

— Не надо. Мне не нужны твои скабрезные анекдоты из курительной «Трутней». Мне надо что-нибудь возвышенное. Что поможет им в дальнейшей жизни. Хотя, само собой, плевал я на их дальнейшую жизнь, пусть подавятся.

— На днях мне рассказали один забавный анекдот. Подробностей не помню, но речь об одном типе, который храпел, потому что у него были аденоиды, и мешал соседям. А конец такой: «Он своим храпом взял всех нахрапом».

Гасси безнадежно махнул рукой.

— И ты хочешь, чтобы я вставил этот анекдот в свое выступление перед мальчишками? Да каждый из них наверняка напичкан этими самыми аденоидами. Они же сцену разнесут. Ради Бога, Берти, уймись, оставь меня в покое. Давай чеши отсюда… Леди и джентльмены, — возопил Гасси низким утробным голосом, — я не хотел бы злоупотреблять вниманием столь благоприятного случая…

Оставив несчастного придурка в одиночестве, мудрый Вустер удалился, от души поздравляя себя с тем, что у него хватило здравого смысла сделать необходимые приготовления, теперь остается только в

нужный момент нажать кнопку, чтобы запустить в действие тонко разработанный план.

Видите ли, до настоящей минуты я питал надежду, что, если открою Гасси глаза на то, как относится к нему Мадлен Бассет, остальное доделает сама природа — Гасси воспарит, и искусственные стимуляторы ему не потребуются. Потому что кому хочется носиться по дому с кувшином апельсинового сока, если в этом нет острой необходимости.

Но сейчас, как я убедился, следовало привести мой план в действие. Ни живости, ни бодрости духа, ни нравственных сил — ничего этого Гасси во время нашего разговора не выказал, и я решил принять самые суровые меры. Расставшись с несчастным, я направился к буфетной, дождался, когда дворецкий выйдет по какой-то своей надобности, проскользнул внутрь и завладел заветным кувшином. Украдкой поднялся по лестнице, шмыгнул к себе в комнату и первом Делом увидел Дживса, колдовавшего над моими брюками.

Он бросил на кувшин взгляд, который показался мне — как потом выяснилось, ошибочно — осуждающим. Я выпрямился во весь рост. Не потерплю от Дживса никаких глупостей.

— Да, Дживс?

— Сэр?

— У вас такой вид, будто вы хотите высказать свое мнение.

— О нет, сэр. Как я заметил, у вас в руках кувшин с апельсиновым соком для мистера Финк-Ноттла. Я хотел бы заметить, что, по моему мнению, было бы неосмотрительно добавлять в сок алкогольный напиток…

— Это и есть высказывание своего мнения, Дживс, и…

— Потому что я уже об этом позаботился, сэр.

— Как?!

— Да, сэр. В конечном счете я решил согласиться с вами.

Я смотрел на него, вытаращив глаза. Я был глубоко тронут. Думаю, любой на моем месте был бы тронут, если бы вдруг обнаружил, что старый добрый дух вассальной верности, который он считал давно похороненным, на самом деле живехонек.

— Дживс, — сказал я, — я тронут.

— Благодарю вас, сэр.

— Тронут и обрадован.

— Я очень вам благодарен, сэр.

— Однако почему вы переменили решение?

— Я случайно встретил в саду мистера Финк-Ноттла, сэр, когда вы

еще спали, и мы с ним немного побеседовали.

— И вы почувствовали, что живительная влага ему необходима?

— В высшей степени, сэр. Его настроение крайне меня огорчило. Он себя ведет, как капитулянт.

Я кивнул.

— У меня точно такое же чувство. Именно капитулянт, очень подходящее слово. А ему вы сказали, что его настроение показалось вам капитулянтским?

— Да, сэр.

— Но все бесполезно?

— Да, сэр.

— Ну что ж, Дживс. Надо действовать. Сколько джина вы влили в кувшин?

— Полную стопку, сэр.

— Достаточно ли этого для взрослого капитулянта, как вы считаете?

— Думаю, вполне достаточно, сэр.

— Сомневаюсь. Каши маслом не испортишь. Добавлю-ка и я столько же.

— Я бы не советовал этого делать, сэр. Например, попугай лорда Бранкастера…

— Дживс, вы повторяете прежнюю ошибку. Гасси не попугай. Вам необходимо последить за собой. Итак, я добавлю унцию.

— Очень хорошо, сэр.

— Да, кстати, Дживс. Чтобы оживить свою речь, мистеру Финк-Ноттлу нужна парочка свеженьких анекдотов. Не знаете чего-нибудь подходящего?

— Я знаю анекдот о двух ирландцах, сэр.

— Пэт и Майк?

— Да, сэр.

— Они еще гуляют по Бродвею?

— Да, сэр.

— То, что надо. А еще чего-нибудь в том же духе?

— Нет, сэр.

— Ладно, обойдется. А сейчас можете пойти рассказать ему про Пэта и Майка.

— Хорошо, сэр.

Дживс вышел, а я открутил пробку и щедро плеснул в кувшин из бутылки. Едва я успел это проделать, в коридоре послышались шаги. Мне ничего не оставалось, как сунуть кувшин за фотографию дяди Тома,

стоящую на каминной полке. Дверь отворилась, и хорошим аллюром, пригарцовывая, как цирковая лошадь, в комнату ворвался Гасси.

— Привет, Берти! — крикнул он. — Привет! Привет! И еще раз привет! Берти, как прекрасен мир! Никогда не видел таких прекрасных миров!

Я лишился дара речи и только в изумлении таращил глаза. Мы, Вустеры, соображаем со световой скоростью, и я тотчас понял: что-то произошло.

Я ведь вам рассказывал, как он кружил по лужайке. Описал сцену, которая там между нами произошла. И если я проделал это с надлежащим мастерством, вы должны были понять, что Огастус Финк-Ноттл — нервнобольной, с дрожащими коленками, что вид у него — краше в гроб кладут и что в припадке малодушного страха он все время судорожно теребит лацкан пиджака. В общем, законченный капитулянт. Лягушка, по которой проехала борона, — таков был Гасси, когда мы с ним разговаривали на лужайке.

Теперь передо мной предстал совсем другой человек. Уверенность в себе, казалось, сочится из каждой его поры. Лицо пылает, глаза радостно блестят, рот растянут в самодовольной ухмылке. А когда он добродушно хлопнул меня по спине — к несчастью, я не успел увернуться, — мне показалось, что меня лягнул мул.

— Ах, Берти, спешу тебя обрадовать — ты был совершенно прав, — весело затарахтел он, прямо как коноплянка, у которой нет ни единой заботы. — Твоя теория, проверенная практикой, блестяще подтвердилась. Я чувствую себя, как бойцовый петух.

Я перестал хлопать ушами. Я все понял.

— Значит, ты пропустил стаканчик?

— Ну да. Как ты советовал. Препротивная штука. Похожа на лекарство. Обжигает горло, после нее чертовски хочется пить. Удивляюсь, как люди пьют эту гадость и еще получают удовольствие, вот ты, например. Но не буду отрицать — действует безотказно. Кажется, я мог бы укусить тигра.

— Что ты пил?

— Виски. По крайней мере, судя по этикетке, это был виски, и у меня нет оснований подозревать, что такая женщина, как твоя тетушка — благородная, высоконравственная, истинная британка, — станет преднамеренно вводить публику в заблуждение. Исключено. И если в ее доме на графине этикетка «Виски», считаю, что в графине виски.

— Виски с содовой, да? Молодец! Лучшего и выдумать невозможно.

— Содовая? — задумчиво проговорил Гасси. — То-то мне казалось, будто я забыл что-то важное.

— Выходит, ты не разбавил виски?

— Даже в голову не пришло. Зашел в столовую и выпил прямо из графина.

— Много?

— Ну, глотков десять… Может, двенадцать. Или четырнадцать. Ну, скажем, шестнадцать средних глотков. Фу, черт, умираю от жажды.

Он подошел к умывальному столу, взял бутылку с водой и отпил прямо из горлышка. Я украдкой бросил взгляд на фотографию дяди Тома за спиной Гасси. Впервые с того времени, как это страшилище вошло в мою жизнь, я порадовался, что оно такое крупномасштабное. Оно надежно хранило тайну. Если бы Гасси увидел графин с апельсиновым соком, он бы вцепился в него, как черт в грешную душу.

— Я рад, что ты ожил, — сказал я.

Гасси пружинистым шагом отошел от раковины и снова попытался похлопать меня по спине. Однако я ловко подставил ему подножку, он пошатнулся и с размаху плюхнулся на кровать.

— Ожил! Я тебе говорил, что могу укусить тигра?

— Говорил.

— Я себя недооценивал. Подайте сюда двух тигров. Или стальную дверь, я ее изжую до дыр. Послушай, тогда в саду я должно быть, показался тебе настоящим ослом. Теперь я понимаю, что ты надо мной смеялся про себя.

— Ну что ты, Гасси.

— Да-да, — настаивал он. — Еще как смеялся. Но я тебя не осуждаю. Не представляю, почему я так паниковал из-за вручения каких-то дурацких призов в какой-то дурацкой занюханной школе. А ты представляешь, Берти?

— Нет.

— Правильно. И я не представляю. Такой пустяк. Влезу на сцену, скажу несколько благосклонных фраз, вручу маленьким негодяям их призы и соскочу со сцены под восторженные аплодисменты. И никаких лопнувших брюк, ни-ни. И почему брюки должны лопнуть? Не представляю. А ты представляешь?

— Нет.

— Вот и я тоже не представляю. Уж я в грязь лицом не ударю. Я знаю, что нужно публике — простое, мужественное, полное здорового оптимизма слово, а главное — рубить с плеча. С этого плеча, — сказал

Гасси, похлопывая себя по лацкану пиджака. — И чего я так утром разнервничался, не представляю. Что может быть проще — раздать несколько дешевых книжонок кучке чумазых детей. И все же, Берти, я себе не представляю, почему я так разнервничался. Но теперь я в порядке — в порядке! в полном порядке! — говорю тебе как старому другу Потому что ты — мой старый друг, я теперь ясно вижу, что ты — мой старый друг. По-моему, ты мой самый старый друг. Берти, ведь ты давно мой старый друг?

— Давно, давно.

— Подумать только! Хотя, конечно, наверняка было время, когда ты был моим новым другом… А! Гонг на ланч. Идем, дружище.

И, вскочив с кровати, как дрессированная блоха, бросился к двери.

Я в задумчивости последовал за ним. Конечно, то, что произошло с придурком, можно записать в доходную часть гроссбуха. В том смысле, что я хотел преобразить Гасси. Преображенный Финк-Ноттл был моей конечной целью. Но теперь, видя, как он съезжает по перилам, я немного встревожился, не переборщил ли он с преображением. Пожалуй, еще начнет за ланчем швыряться хлебом, с него станется.

К счастью, всеобщее уныние, царившее за столом, немного охладило его пыл. Чтобы веселиться в таком обществе, следовало наклюкаться более основательно. Я говорил этой малохольной Бассет, что в Бринкли-Корте навалом страдающих сердец, однако, похоже, в скором времени здесь будет навалом страдающих желудков. Анатоль, как я узнал, слег в постель с приступом меланхолии, и ланч приготовила судомойка — самая бездарная особа из всех, кто когда-либо стоял у плиты.

Эта последняя капля в чаше горестей, постигших обитателей Бринкли-Корта, повергла всех нас в молчание, и гробовую тишину в столовой не рискнул нарушить даже Гасси. Если не считать, что он все-таки промурлыкал куплет какой-то песенки, ничем из ряда вон выходящим наша трапеза отмечена не была, и вскоре мы поднялись из-за стола, напутствуемые тетей Далией, которая велела всем облачиться в праздничные одеяния и явиться в Маркет-Снодсбери не позднее половины четвертого. У меня хватило времени выкурить сигарету-другую под сенью беседки на берегу пруда, и я вернулся к себе в комнату около трех.

Дживс трудился, наводя последний лоск на мой цилиндр, и только я собрался известить его о новостях в деле Огастуса Финк-Ноттла, как он меня опередил, сообщив, что мистер Финк-Ноттл недавно покинул мою спальню.

— Когда я пришел в вашу комнату, чтобы приготовить для вас одежду, мистер Финк-Ноттл сидел в кресле, сэр.

— В самом деле? Значит, Гасси сюда заходил?

— Да, сэр. Мистер Финк-Ноттл вышел отсюда несколько минут назад. Он поехал в школу с мистером и миссис Траверс в их автомобиле.

— Вы рассказали ему анекдот о двух ирландцах?

— Да, сэр. Он оглушительно смеялся.

— Хорошо. А еще что-нибудь для него придумали?

— Я взял на себя смелость, сэр, посоветовать мистеру Финк-Ноттлу, чтобы он напомнил юным джентльменам, что науки сокращают нам опыты быстротекущей жизни. Покойный лорд Бранкастер был большой любитель процедуры раздачи призов в школах, и каждый раз непременно произносил эту фразу.

— А как Гасси к ней отнесся?

— Он оглушительно смеялся, сэр.

— Вы, наверное, удивились, что он веселится напропалую?

— Да, сэр.

— Наверное, подумали, с чего бы это. Ведь когда вы с ним виделись в последний раз, он был законченным капитулянтом.

— Да, сэр.

— Хотите объясню, Дживс? С тех пор, как вы видели Гасси в последний раз, он ударился в разгул. Когда он сюда приходил, он был под мухой.

— В самом деле, сэр?

— Несомненно. У него сдали нервы, он прокрался в столовую и приложился к бутылке. Накачался виски по самую ватерлинию. Опорожнил, я думаю, полграфина. Вот счастье, Дживс, что он не добрался до апельсинового сока с джином!

— Вне всякого сомнения, сэр.

Я посмотрел на кувшин. Фотография дяди Тома валялась на каминной решетке, и кувшин стоял на виду, так что Гасси не мог его не заметить. Слава Богу, он был пуст.

— Если позволите, сэр, вы поступили чрезвычайно благоразумно, вылив апельсиновый сок.

Я выпучил глаза.

— Как?! Разве его вылили не вы?

— Нет, сэр.

— Дживс, давайте внесем ясность. Значит, вы говорите, что сок вылили не вы?

— Да, сэр. Когда я вошел в спальню и увидел, что кувшин пуст, я предположил, что апельсиновый сок с джином вылили вы.

Мы в ужасе уставились друг на друга. Два разума, но мысль одна их гложет.

— Я очень боюсь, сэр…

— И я боюсь, Дживс.

— Вряд ли можно сомневаться…

— Можно не сомневаться. Давайте взвесим факты. Проанализируем данные. Кувшин стоял на каминной полке, доступный для всеобщего обозрения. Гасси все время жаловался, что умирает от жажды. Вы застали его здесь, и он оглушительно смеялся. Боюсь, Дживс, что сомневаться не приходится — в данный момент все содержимое кувшина лежит поверх того груза, который находился в желудке этого уже и так не в меру раскованного субъекта. Весьма тревожно, Дживс.

— Крайне тревожно, сэр.

— Давайте не будем терять головы и еще раз сопоставим факты. Вы влили в кувшин, ну, скажем, стопку?

— Полную стопку, сэр.

— И я от всей души добавил не меньше.

— Да, сэр.

— Не успеем мы и глазом моргнуть, как Гасси вместе со всей взрывоопасной смесью, что плещется у него внутри, выйдет вручать призы перед самой достойной и изысканной публикой в графстве.

— Да, сэр.

— Дживс, кажется, нам предстоит довольно занимательное зрелище.

— Да, сэр.

— Как по-вашему, что будет?

— Боюсь, довольно трудно представить себе эту картину, сэр.

— Воображение отказывает?

— Да, сэр.

Тогда я обратился к собственному воображению. Дживс был прав. Мне оно тоже отказало.

17

— И все-таки, Дживс, — говорил я, в задумчивости крутя баранку, — нет худа без добра.

Минут через двадцать после нашего разговора, я в своем двухместном авто подъехал к парадной двери, где меня ждал Дживс, и мы покатили в живописный городок под названием Маркет-Снодсбери. После того как мы

с Дживсом расстались — он направился в свою комнату за шляпой, а я остался в спальне, чтобы облачиться в парадный костюм, — я продолжал напряженно думать.

И вот теперь излагал свои выводы Дживсу.

— В каком бы мрачном свете ни рисовалось нам будущее, какие бы черные тучи ни собирались над нашими головами, проницательный взгляд всегда различит вдали синюю птицу счастья. Скверно, разумеется, что через десять минут Гасси придется вручать призы в состоянии сильного алкогольного отравления, но мы не должны забывать, что каждое явление имеет как минимум две стороны.

— Вы полагаете, сэр…

— Совершенно верно. Думаю, у него прибавилось шансов добиться успеха у Мадлен Бассет. Предложить ей руку и сердце теперь для него раз плюнуть. Я буду сильно удивлен, если Гасси не превратится в пещерного человека, эдакого Джеймса Кагни. Вы когда-нибудь его видели в кинематографе?

— Да, сэр.

Я услышал характерное покашливание и скосил на Джив-са глаза. Он явно хотел что-то мне сообщить.

— Значит, вы еще не знаете, сэр?

— А?

— Вы не слышали, что в скором будущем состоится свадьба мистера Финк-Ноттла и мисс Бассет?

— Что?!

— Да, сэр.

— Когда он успел?

— Сразу после того, как покинул вашу комнату, сэр.

— О! Значит, в постапельсиновую эру?

— Да, сэр.

— А вы уверены? Откуда вам известно?

— Информация получена мною от самого мистера Финк-Ноттла, сэр. У меня сложилось впечатление, что мистеру Финк-Ноттлу очень хотелось объявить мне эту новость. Он говорил несколько бессвязно, но у меня не возникло трудностей с пониманием сути. Предварив свой рассказ замечанием о том, что этот мир прекрасен, он оглушительно расхохотался и сообщил, что официально помолвлен.

— А подробности?

— Мистер Финк-Ноттл на них не останавливался.

— Картину нарисовать нетрудно.

— Да, сэр.
— Думаю, в данном случае воображение не подведет.
— Да, сэр.
И правда, воображение меня не подвело. Я отчетливо видел мысленным взором, что произошло. Если залить щедрую порцию смеси двух спиртных напитков в недра непьющего субъекта, он обретает сокрушительную силу. Он не стоит столбом, стараясь скрыть дрожь в руках, не заикается на каждом слове. Он действует. Гасси, должно быть, отыскал эту Бассет и сгреб ее в охапку, наподобие того, как портовый грузчик хватает мешок с углем. Легко представить, какое впечатление производят такие приемы на романтическую девицу.
— Ну и ну, Дживс.
— Да уж, сэр.
— Отличные новости.
— Да, сэр.
— Теперь видите, что я был прав.
— Да, сэр.
— Ловко я справился с этим делом, вы, должно быть, удивились.
— Да, сэр.
— Простой, прямой подход никогда не даст сбоя.
— Да, сэр.
— Не то, что сложный и надуманный.
— Да, сэр.
— Вперед и прямо, Дживс!
Мы подъехали к главному входу классической школы. Я припарковал автомобиль и вошел в здание. Настроение у меня было превосходное. Правда, проблема Таппи — Анджела по-прежнему требовала решения, и пятьсот фунтов для тети Далии даже не маячили на горизонте, но утешало, что, по крайней мере, дело старины Гасси благополучно уладилось.
Классическая средняя школа Маркет-Снодсбери была построена в тысяча четыреста шестнадцатом году, и ее парадный зал, где сегодня проходила торжественная церемония, хранил, как часто случается в старинных зданиях, ощутимый дух веков. День стоял знойный, и хотя кто-то попробовал отворить окна, характерный неистребимый смрад так и бил в нос.
В этом зале день за днем на протяжении пятисот лет ученики поедали свои насущные ланчи, запах которых, казалось, пропитал все вокруг. Тяжелая духота зала пахнула на меня Старой Англией, вареной говядиной и морковкой.

Тетя Далия, сидевшая во втором ряду в обществе местной знати, увидела, как я вошел, и замахала рукой, подзывая к себе, но меня не проведешь. Я затесался среди публики, стоявшей в задних рядах, и прислонился к какому-то парню, судя по запаху, булочнику. Когда попадаешь на подобные мероприятия, главное — держаться как можно ближе к выходу.

Зал был ярко украшен флажками и цветной бумагой; глаз радовался при виде пестрой толпы мальчиков, их родителей и еще невесть кого. Дети сияли лицами и накрахмаленными отложными воротничками, дамы демонстрировали приверженность черному атласу, у джентльменов был такой вид, точно фраки жмут им под мышками.

Вскоре раздались жидкие — спорадические, как потом назвал их Дживс, — аплодисменты, и я увидел Гасси, которого какой-то бородатый тип в мантии подводил к креслу в центре сцены.

Я представил себе, что если бы не милость Божья, то на месте Гасси был бы Бертрам Вустер, и меня всего затрясло. Вспомнилось, как я держал речь в школе для девиц.

Подходя беспристрастно, должен отметить, что сидевшая в зале публика, которую почти без натяжки можно было назвать доброжелательной, не шла ни в какое сравнение с диким сборищем малолетних девиц с косичками, и это чистая правда. Тем не менее представшее моим глазам зрелище вызывало во мне чувство, будто я наблюдаю, как Гасси засунули в бочку и сбросили в Ниагарский водопад, и при мысли, что я чудом избежал подобной участи, голова у меня закружилась и в глазах потемнело.

Когда я вновь обрел способность видеть, Гасси уже сидел в кресле. Руки на коленях, локти в стороны, взгляд уставлен в пространство, на губах застыла улыбка. Думаю, ни у кого не возникло ни малейших сомнений на его счет — бедняга залил в себя столько горячительной жидкости, что она чуть не плещется о его передние зубы.

Тетя Далия, в свое время непременная участница всех охотничьих обедов и потому слишком хорошо осведомленная о печальных симптомах сильного алкогольного опьянения, вздрогнула и уставилась на Гасси изучающим взглядом. Потом повернулась к дяде Тому, который сидел слева от нее, и начала что-то ему говорить. В это время бородатый тип подошел к рампе и стал держать речь. Говорил он так, будто у него во рту лежала горячая картофелина, но никто в зале даже не фыркнул, из чего я заключил, что это директор школы. Едва он начал говорить, аудитория впала в состояние изнеможенной покорности. Я уютно привалился к

своему булочнику и рассеянно слушал бормотание директора. Он бубнил о том, что делалось в школе в прошлом семестре, и о том, кому и за что будут розданы призы. Подобные сведения обычно ускользают от внимания случайных посетителей. Вы, конечно, представляете себе, как это происходит. Публике сообщают, например, что Д.Б.Браун получает стипендию для изучения латыни и греческого в Кембридже, в колледже Св. Екатерины, но вам невдомек, сколько всяких забавных событий может быть связано с этим самым Брауном, потому что вы его в глаза не видели. Так же, как и Д.Биллета, удостоенного стипендии леди Джей Уикс в Бирмингемском ветеринарном колледже.

Признаться, мы с булочником, который казался таким утомленным, будто все утро до упаду торговал булками, уже начали подремывать, но аудитория вдруг встрепенулась — в игру вступил Гасси.

— Сегодня мы счастливы приветствовать гостя, почтившего своим присутствием наше скромное торжество. Позвольте представить вам мистера Фитц-Чтоттла…

С начала выступления бородача Гасси, видимо, погрузился в состояние трансцендентальной медитации и сидел, как истукан, с открытым ртом. Однако где-то к середине торжественной речи он начал подавать признаки жизни. А последние пять минут тщетно силился положить ногу на ногу, но, увы, нога все время падала. При последних словах бородача Гасси продемонстрировал беспримерную активность. Он, судорожно дернувшись, выпрямился и открыл глаза.

— Финк-Ноттла, — сказал он.

— Фитц-Ноттла.

— Финк-Ноттла.

— Вот я и говорю, Финк-Ноттла.

— Давно бы так, старый осел, — добродушно сказал Гасси. — Ладно, валяй дальше.

Он закрыл глаза и снова принялся укладывать ногу на ногу.

По-моему, эта маленькая стычка немного смутила бородача. Он постоял с минуту, теребя дрожащими пальцами растительность у себя на подбородке. Но, видно, директора школ — ребята не робкого десятка. Бородач быстро оклемался и снова пошел чесать как по-писаному:

— Мы все счастливы приветствовать гостя, почтившего своим присутствием наше скромное торжество. Позвольте представить вам мистера Финк-Ноттла, который любезно согласился принять участие в церемонии раздачи призов. Эта почетная обязанность, как вы знаете, была возложена на уважаемого и всеми любимого видного деятеля

Попечительского Совета преподобного Уильяма Пломера, и все мы, с уверенностью заявляю, глубоко сожалеем, что болезнь в последний момент помешала ему присутствовать здесь сегодня. Но если мне будет позволено позаимствовать известный афоризм, то я вам напомню: нет худа без добра.

Он умолк и лучезарно улыбнулся, желая показать, что это была шутка. Но не тут-то было. Зря стараешься — вот что я сразу мог бы сказать бородачу. В зале ни смешка. Правда, булочник наклонился ко мне и тихонько спросил: «Чегой-то

он?» Вот и все.

Да, приятного мало — ты ждешь, что публика будет смеяться и рукоплескать, а в ответ гробовая тишина. Бородач заметно скис. Однако он бы, наверное, снова вышел сухим из воды, если бы, на свою беду, не потревожил Гасси.

— Иными словами, хоть мы и лишились мистера Пломера, зато приобрели мистера Финк-Ноттла. Уверен, что имя мистера Финк-Ноттла — одно из тех славных имен, которые не нуждаются в представлении. Оно, смею выразить уверенность, всем нам знакомо…

— Кроме тебя, — ввернул Гасси.

В следующую минуту я понял, как прав был Дживс, назвав смех Гасси оглушительным. Оглушительный — вот mot juste. Гасси буквально взорвался хохотом, как баллон с газом.

— Ты его, похоже, слыхом не слыхивал, что? — сказал Гасси. Произнеся «что?», он, видимо, вспомнил, как бородач окрестил его мистером Чтоттлом, и раз пятнадцать кряду, забирая все выше, проорал: «Чтоттл!»

— Ладно, валяй дальше, осел, — заключил он.

Но бородач, видимо, себя исчерпал. Выдохся наконец. Я за ним внимательно наблюдал, и мне было ясно, что он не знает, как поступить. Я так четко представлял себе, о чем он думает, будто он сам нашептал мне это на ухо. Ему до смерти хотелось сесть на свое место и умыть руки, но одна мысль заставляла его держать паузу — если он сядет, то надо или выпустить Гасси на волю, то есть дать ему слово, или считать, что тот уже произнес свой спич, и перейти прямо к раздаче призов.

Конечно, задача хитрая, экспромтом ее не решить. На днях я читал в газете о деятелях, которые пытаются расщепить атом. Суть в том, что они даже отдаленно не представляют себе, что их ждет, если они его расщепят. Возможно, все сойдет им с рук. Но, с другой стороны, может и не сойти. Довольно глупо расщепить атом и при этом самому вместе со своим домом взлететь на воздух, расщепившись на мелкие атомы.

Примерно в таком же положении пребывал и бородач. Не знаю, была ли ему известна вся подоплека происходящего, но, очевидно, к этому времени он уже догадался, что здорово влип. Пробы показали, что Гасси предпочитает свой собственный стиль ведения торжественной церемонии. Его реплики по ходу не оставляли сомнений для проницательного наблюдателя, что на сцене сидит пьяный в стельку субъект, и если дать ему слово, он пойдет нетрадиционным путем и, скорее всего, внесет эпохальные перемены в избитую процедуру вручения призов.

С другой стороны, если сковать инициативу этого субъекта, накинуть, так сказать, на него смирительную рубаху, к чему это приведет? Торжественное мероприятие окажется урезанным почти на полчаса.

Да, сложная задача, и не знаю, к какому решению пришел бы бородатый, будь он предоставлен самому себе. Вероятно, предпочел бы более безопасный вариант. Однако он был лишен права выбора, так как в этот момент Гасси потянулся, зевнул, включил на лице лучезарную улыбку, встал и взял курс на рампу.

— Речь, — радостно сообщил он, заложив большие пальцы за вырезы жилета под мышками и стал терпеливо ждать, когда смолкнул аплодисменты.

А смолкли они не сразу, ибо публика принимала Гасси на «ура». Думаю, не так уж часто ученикам классической школы в Маркет-Снодсбери удавалось встретить человека, настолько проникшегося духом демократии, что ему ничего не стоит назвать их директора старым ослом, поэтому они не скупились в выражении своих чувств. Им было плевать, что Гасси лыка не вяжет, для них он стал героем.

— Мальчики, — начал Гасси, — в смысле, леди, джентльмены и мальчики, я не хотел бы злоупотреблять вниманием почтеннейшей аудитории, однако, пользуясь случаем, чувствую себя обязанным сказать несколько благоприятных слов. Леди!., и мальчики, и джентльмены… мы все с большим интересом прослушали выступление нашего друга, который сегодня утром забыл побриться. Я не знаю его имени, но ведь и он моего не знал…Фитц-Чтоттл, по-моему, чушь, совершенный бред… Так что мы с ним почти чтоттл квиты… И мы все страшно огорчены, что преподобный — как-его-там — умирает, потому что у него аденоиды, но, в конечном счете, никуда не денешься: сегодня ты жив, а завтра — коньки отбросил, и всякая плоть — трава и чего-то там еще,[29] но это совсем не то, что я хочу вам сказать. А хочу я вам сказать вот что… я говорю это с полной уверенностью, не боясь, что меня могут опровергнуть… Говорю, я счастлив, что я здесь, пользуясь благоприятной возможностью, и для меня

несказанное удовольствие наградить вас призами в виде хорошеньких книжек, они выложены здесь, на столе. Как сказал Шекспир, в книгах — поучения, а в бегущих ручьях — каменья,[30] или, может, наоборот. Короче, все это яйца выеденного не стоит.

Выступление Гасси произвело на аудиторию самое благоприятное впечатление, что меня совсем не удивило. Правда, я не всегда улавливал его мысль, но и ежу понятно, что речь Гасси — плод зрелого мастерства. Меня потрясло, что курс алкогольной терапии, пусть даже не совсем удачной, сделал из такого косноязычного придурка, как Гасси, заправского оратора.

Любой член Парламента скажет вам то же самое: хочешь покорить аудиторию — первым делом пропусти стаканчик-другой. Пока хорошенько не приложишься к бутылке, не надейся овладеть вниманием публики.

— Джентльмены, — произнес Гасси, — то есть леди и джентльмены и, конечно, мальчики тоже, как прекрасен мир. Прекрасен и полон счастья, откуда на него ни посмотри. Позвольте рассказать вам маленькую историю. Два ирландца, Пэт и Майк, гуляли по Бродвею, и один говорит другому: «Гром и молния! Тише едешь — дальше будешь», а другой отвечает: «Тысяча чертей! Образование сокращает нам опыты быстротекущей жизни».

Не буду скрывать, более нелепой истории в жизни не слыхивал, и меня поразило, что Дживс счел возможным вставить подобную чушь в Гассину речь. Но когда я потом начал отчитывать Дживса, он объяснил, что Гасси в корне изменил фабулу, и мне все стало ясно.

Однако вышеизложенная версия вызвала в зале радостный смех, из чего вы поймете, что Гасси стал настоящим любимцем масс. Вероятно, бородачу, а также определенному кругу лиц во втором ряду, хотелось, чтобы Гасси угомонился и сел на место, однако аудитория стояла за него горой.

Раздались аплодисменты, голос из зала крикнул: «Браво! Браво!»

— Да, — сказал Гасси, — мир прекрасен. Небо голубеет, птички поют, и все радуются. А почему нам не радоваться, мальчики, и леди, и джентльмены? Я счастлив, вы счастливы, мы все счастливы. Счастлив даже кретин ирландец, который гуляет по Бродвею. Хотя, кажется, их там было двое — Пэт и Майк, один спешил, другой смешил. Мальчики, я хочу, чтобы вы по моей команде прокричали троекратное «ура» этому прекрасному миру. Давайте все вместе.

Когда пыль осела и с потолка перестала сыпаться штукатурка, Гасси продолжал:

— Тот, кто говорит, что мир не прекрасен, сам не знает, что мелет. Когда я сегодня ехал сюда в автомобиле вручать призы, я был невольно вынужден хорошенько пропесочить старину Тома Траверса, джентльмена, у которого я гощу. Вот он тут сидит во втором ряду рядом с представительной дамой в бежевом.

Для наглядности Гасси ткнул указующим перстом, и сотня с лишним обитателей Маркет-Снодсбери вытянули шеи и уставились на покрасневшего, как рак, дядю Тома.

— Уж я его отделал, будьте уверены. Представляете, он заявил, что мир катится в пропасть. «Не мелите вздор, старина», — сказал я ему. «Я никогда не мелю вздора», — отвечает он. «Однако для начинающего у вас это здорово получается», — говорю я. Думаю, вы со мной согласитесь, мальчики, и леди, и джентльмены, вправил я ему мозги.

Аудитория радостно согласилась и горячо поддержала оратора. Из зала снова закричали «Браво! Браво!», а мой булочник принялся яростно колотить в пол своей увесистой тростью.

— Ну вот, мальчики, — проговорил Гасси с противной самодовольной ухмылкой и одернул манжеты. — Вот и наступил конец летнего семестра, и многие из вас, без сомнения, покинут школу. И я вас не обвиняю, потому что невооруженным глазом видно: скука тут у вас смертная. А впереди вас ждет огромный мир. Скоро многие из вас пойдут гулять по Бродвею. Хочу, чтобы вы зарубили себе на носу: как бы ни досаждали вам аденоиды, упаси вас Бог стать пессимистами, которые мелют вздор, как старина Том Траверс. Посмотрите, вот он во втором ряду, с багровой физиономией.

Гасси умолк, чтобы дать возможность желающим еще раз взглянуть на дядю Тома и освежить в памяти его образ, а я, ощущая некоторую растерянность, невольно задумался вот о чем. Не первый год общаясь с завсегдатаями «Трутней», я успел хорошо изучить, как по-разному влияет на людей чрезмерная доза сока Иппокрены,[31] но еще ни разу не видел, чтобы кто-нибудь распоясался так, как Гасси.

С нокаутирующей раскованностью он откалывал такие номера, что, по-моему, переплюнул самого Барми Фотерингея-Фиппса, блиставшего в канун Нового года.

Позже мы с Дживсом обсуждали выходки Гасси, и Дживс объяснил, что тут весь фокус в торможении и в подавлении эго, если я ничего не перепутал. Насколько я понял, он хотел сказать, что в течение пяти лет строгого уединения среди тритонов в Гасси копился весь тот идиотизм, который должен был бы в эти годы понемногу растрачиваться, и вот теперь он, идиотизм, в одночасье выплеснулся наподобие девятого вала или

приливной волны, как вам больше нравится.

Видимо, так оно и случилось. Обычно Дживс знает, что говорит.

Как бы то ни было, я радовался, что у меня хватило ума не сесть во втором ряду. Возможно, я нанес некоторый урон престижу Вустеров, затесавшись в среду пролетариев, стоявших в задних рядах, но, по крайней мере, чувствовал, что нахожусь вне опасности. Гасси так разошелся, что если бы увидел меня, то мог бы, наплевав на нашу старую школьную дружбу, отпустить на мой счет какую-нибудь подлую шуточку.

— Чего я не выношу, так это пессимизма, — разглагольствовал Гасси. — Мальчики, будьте оптимистами. Вы все знаете разницу между оптимистом и пессимистом. Оптимист — это человек, который… Впрочем, возьмем двух ирландцев, гуляющих по Бродвею. Один оптимист, другой пессимист, также, как один Пэт, другой Майк……Смотрите-ка, Берти! Привет, не знал, что ты здесь.

Я хотел спрятаться за булочника, но обнаружил, что его и след простыл. Наверное, вдруг вспомнил, что его ждут приятели, а может, обещал жене вернуться домой к чаю. Короче говоря, пока я зевал по сторонам, он слинял, оставив меня без прикрытия.

Между мной и Гасси, который самым оскорбительным образом тыкал в мою сторону пальцем, зияло пустое пространство, все повернули головы и с любопытством уставились на меня.

— Вот перед вами наглядный пример, — обрадованно заорал Гасси, продолжая тыкать пальцем, — того, о чем я говорил. Мальчики, леди и джентльмены, внимательно посмотрите на этого типа, он стоит там, позади: визитка, брюки, все с иголочки, респектабельный серый галстук, гвоздика в петлице — ошибиться невозможно. Это Берти Вустер, самый гнусный пессимист из всех, кого я знаю. Говорю вам, я презираю этого типа. А почему я его презираю? Я вам скажу, мальчики, и леди, и джентльмены. Потому что он пессимист. У него психология капитулянта. Когда я ему сообщил, что намерен сегодня выступить перед вами, он пытался меня отговорить. Вы знаете, почему он пытался меня отговорить? Потому, сказал он, что брюки у меня на заду непременно лопнут.

Зал взорвался бурными аплодисментами. Тема лопнувших брюк нашла живой отклик в простодушных сердцах юных воспитанников классической школы. Мальчики, сидевшие в последнем ряду, покраснели, начали перешептываться, и один из них, малыш с веснушками на лице, попросил у меня автограф.

— Позвольте мне, мальчики, леди и джентльмены, рассказать вам одну историю о Берти Вустере.

Вустеры могут многое вынести, но не потерпят, чтобы их имя сделали предметом публичного обсуждения. Я начал потихоньку просачиваться к двери, когда понял, что бородач все-таки решил положить конец затянувшемуся выступлению многоуважаемого мистера Финк-Ноттла.

Почему он не сделал этого раньше, для меня загадка. Видимо, был в шоке. И, разумеется, если оратор увлек слушателей, как Гасси, чертовски трудно вмешаться и остановить его. Однако перспектива выслушать еще один анекдот в Гассином исполнении заставила бородатого пустить в ход всю свою изобретательность. Вскочив с места не менее стремительно, чем я со скамьи, когда увидел Таппи, вылезающего из кустов, бородач бросился к столу, схватил книгу, устремился к оратору и тронул его за руку.

Гасси круто обернулся, увидел упитанного бородатого молодчика с увесистой книгой в руке и, видимо, решив, что тот собирается его поколотить, отпрянул в сторону и занял оборонительную позицию.

— Время идет, мистер Финк-Ноттл, и, я думаю, нам следует…

— Ах, да, — сказал Гасси с облегчением. — Призы. Ода, конечно. Да-да. Самое время. Приступим. Что там?

— Правописание и орфография. П.К. Первис, — объявил бородач.

— Правописание и орфография. П.К. Первис, — повторил Гасси укоризненным тоном, будто делал П. К. Первису выговор. — П.К. Первис, на выход.

Теперь, когда бесчинствам Гасси положили конец, мне показалось, что уже нет необходимости в стратегическом отступлении, которое я планировал. Мне совсем не хотелось уходить, коль скоро обстоятельства меня к тому не вынуждали. Как я и предсказал в разговоре с Дживсом, зрелище было сногсшибательное. Приемы Гасси действовали на публику безотказно, он приковывал к себе всеобщее внимание, если, конечно, не допускал личных выпадов. Итак, я решил остаться и вскоре услышал мелодичное поскрипывание ботинок — это П.К. Первис карабкался на сцену.

Чемпион по правописанию и орфографии был розовощекий, рыжий малыш трех с половиной футов ростом в новых, со скрипом башмаках. Гасси погладил его по головке. Кажется, он с первого взгляда проникся к ребенку симпатией.

— Вас зовут П.К. Первис?

— Сэр, да, сэр.

— Мир прекрасен, П.К. Первис.

— Сэр, да, сэр.

— А, значит, вы уже успели это заметить? Правильно. Вы, случайно, не женаты?

— Сэр, нет, сэр.

— Женитесь, П.К. Первис, — настоятельно посоветовал Гасси. — Только женившись человек начинает… Впрочем, вот ваша книга. Судя по названию, ужасная чепуха, но уж какая есть. Вот, держите.

П.К. Первис заскрипел прочь, сопровождаемый жидкими аплодисментами, однако нельзя было не заметить, что вслед за ними наступила напряженная тишина, которая неоспоримо свидетельствовала о зреющем в преподавательских кругах Мар-кет-Снодсбери новом настроении. Родители начали переглядываться. У бородатого физиономию перекосило, будто он проглотил тухлую устрицу. У тети Далии был такой вид, который яснее всяких слов говорил, что у нее исчезли последние сомнения и она вынесла приговор. Я видел, как она что-то шепнула дурехе Бассет, которая сидела справа от нее. Девица кивнула с печальным видом и стала похожа на фею, которая вот-вот прольет слезинку, чтобы зажечь на Млечном пути еще одну звездочку.

После ухода П.К. Первиса Гасси снова погрузился в медитативное состояние и стоял, засунув руки в карманы, с открытым ртом. Внезапно обнаружив рядом с собой толстого мальчика в бриджах, он сильно вздрогнул.

— Привет! — сказал он удивленно. — Кто вы такой?

— Это Р.В. Сметерст, — сказал бородатый.

— Что ему здесь нужно? — подозрительно осведомился Гасси.

— Вы награждаете его призом за успехи в рисовании, мистер Финк-Ноттл.

Объяснение показалось Гасси правдоподобным, и лицо у него прояснилось.

— Как же, как же, само собой… — спохватился он. — Ну, вот, держите, пострел вы этакий. Что? Уже уходите? — сказал он, видя, что мальчик собирается покинуть сцену.

— Сэр, да, сэр.

— Погодите, Р.В. Сметерст. Не спешите. Я хотел бы кое о чем вас спросить.

Однако бородатый, видимо, задался целью поскорее свернуть церемонию. Он осторожно вытеснил Р.В. Сметерста со сцены — так трактирный вышибала с сокрушенным видом выставляет из заведения старого почтенного завсегдатая — и стал выкликать Дж. Дж. Симмонса. Мгновение спустя Дж. Дж. Симмонс вскочил и двинулся к сцене.

Представьте себе мои чувства, когда объявили, что предмет, в котором преуспел Дж. Дж. Симмонс, — Священное Писание. В нашем полку прибыло.

Дж. Дж. Симмонс оказался противным, нахального вида юнцом с неровно торчащими передними зубами и очками на носу, но я горячо ему хлопал. Мы, знатоки Священного Писания, горой стоим друг за друга.

С сожалением отмечаю, что Гасси его сразу невзлюбил. Во взгляде, устремленном на Дж. Дж. Симмонса, не было и тени того расположения, которым он так щедро одарил П.К. Первиса и, правда, в меньшей степени, Р.В. Сметерста. Теперь Гасси демонстрировал холодную отстраненность.

— Итак, Дж. Дж. Симмонс.

— Сэр, да, сэр.

— Что это значит — сэр, да, сэр? Черт знает как глупо, если разобраться. Итак, вы получили приз как лучший знаток Священного Писания?

— Сэр, да, сэр.

— Действительно, от вас можно этого ожидать, судя по вашему виду. Однако… — Гасси помолчал и подозрительно посмотрел на юнца, — откуда нам знать, может, вы все списали? Давайте-ка я вас проверю, Дж. Дж. Симмонс. Как звали того, как его там… который родил… как бишь его? Можете вы мне ответить, Дж. Дж. Симмонс?

— Сэр, нет, сэр.

Гасси посмотрел на бородатого.

— Сомнительно, — сказал он. — Очень сомнительно. Похоже, мальчик вообще не знает Священного Писания.

Бородатый отер лоб.

— Мистер Финк-Ноттл, уверяю вас, нами были приняты все меры, чтобы обеспечить объективность оценок, и Симмонс значительно опередил своих конкурентов.

— Что ж, если вы настаиваете, — с сомнением проговорил Гасси. — Ладно, Дж. Дж. Симмонс, получайте свой приз.

— Сэр, благодарю вас, сэр.

— Однако позвольте вам сказать, что не стоит особенно гордиться вашим призом. Берти Вустер…

Вот скотина, надо же нанести такой удар. Я исходил из предположения, что, оборвав выступление Гасси на полуслове, у него, как у змеи, вырвали жало. Я вжал голову в плечи и бочком пробрался к двери. Только меня и видели.

— Берти Вустер получил приз как лучший знаток Священного

Писания, когда мы с ним вместе учились в начальной школе. Вы знаете, что собой представляет Берти Вустер. Конечно же, он смошенничал. Ему удалось похитить награду у более достойных претендентов, потому что он пользовался самыми бесстыдными, нечестными и низкими приемами, редкими даже для тех школ, где подобные методы процветают вовсю. Когда он пришел на экзамен, карманы у него были так набиты шпаргалками, в частности, перечнем царей Иудейских, что…

Продолжения не слышал, так как вышел на свежий воздух. Минуту спустя я уже сидел в автомобиле, нащупывая дрожащей ногой педаль стартера.

Мотор заработал, я включил передачу. Посигналил и рванул.

Когда я загонял автомобиль в конюшни Бринкли-Корта, все мои нервные узлы продолжали вибрировать. Потрясенный до основания Бертрам проковылял к себе в комнату снять визитку. Надев фланелевый костюм, я прилег на кровать и, наверное, задремал, потому что очнувшись увидел Дживса.

Я сел.

— Что, Дживс, чай?

— Нет, сэр. Скоро обед. Дурман рассеялся.

— Должно быть, я спал.

— Да, сэр.

— Когда организм изнурен, природа берет свое.

— Да, сэр.

— И силы восстанавливаются.

— Да, сэр.

— Стало быть, скоро обед? Очень хорошо. Настроение, честно говоря, не обеденное, но тем не менее приготовьте переодеться.

— В этом нет надобности, сэр. Сегодня к обеду никто не переодевается. К столу будут поданы только холодные закуски.

— Это еще почему?

— Так пожелала миссис Траверс, дабы освободить прислугу, которая собирается сегодня вечером посетить танцевальный вечер в имении сэра Персиваля Стретчли-Бадда.

— Ах, да, конечно. Помню. Кузина Анджела мне говорила. Сегодня вечером, да? А вы идете?

— Нет, сэр. Я не слишком привержен подобным развлечениям в сельской глуши.

— Я вас понимаю. Эти деревенские танцульки все одинаковы. Фортепиано, скрипка и шершавый пол. Не знаете, Анатоль идет? Анджела

говорила, он вроде бы не собирается.

— Мисс Анджела права, сэр. Месье Анатоль в постели.

— Ох уж эти французы, до чего чувствительны.

— Бесспорно, сэр. Мы помолчали.

— Да, Дживс, — сказал я, — ну и денек у меня сегодня выдался.

— Совершенно верно, сэр.

— Другого такого не припомню — с утра до вечера напичкан неприятностями. Конца я не дождался, ушел раньше.

— Да, сэр. Я видел, как вы ушли.

— По-моему, мне этого нельзя поставить в вину.

— Да, сэр. Мистер Финк-Ноттл, вне всякого сомнения, самым непозволительным образом перешел наличности.

— И долго вся эта канитель тянулась после моего ухода?

— Нет, сэр. Церемония вскоре завершилась. Высказывания мистера Финк-Ноттла по адресу юного мистера Дж. Дж. Симмонса привели к тому, что торжество пришлось закончить раньше времени.

— Но ведь Гасси разделался с Симмонсом еще до моего ухода.

— Так казалось, сэр. После вашего ухода мистер Финк-Ноттл снова принялся за юного мистера Дж. Дж. Симмонса. Если помните, сэр, он и раньше выражал сомнения по поводу bona fides юного джентльмена, а потом начал его обвинять в самых суровых выражениях, утверждая, что он не завоевал бы приза за хорошее знание Священного Писания, если бы не прибегал к постоянному мошенничеству в крупных масштабах. Мистер Финк-Ноттл даже выразил предположение, что юный мистер Симмонс состоит на заметке в полиции.

— О Господи!

— Да, сэр. Слова мистера Финк-Ноттла произвели сенсацию. Реакцию присутствующих на выдвинутые мистером Финк-Ноттлом обвинения я бы расценил как неоднозначную. Юные учащиеся школы выразили удовлетворение и поддержали оратора бурными аплодисментами, а матушка мистера Дж. Дж. Симмонса встала и в резкой форме выразила мистеру Финк-Ноттлу свое возмущение.

— Неужели Гасси не пошел на попятную?

— Нет, сэр. Мистер Финк-Ноттл заявил, что теперь он все понял, и намекнул на преступную связь матушки юного джентльмена с директором школы, который, по выражению мистера Финк-Ноттла, состряпал хорошие оценки юному мистеру Дж. Дж. Симмонсу, дабы завоевать расположение вышеупомянутой леди.

— Не может быть!

— Увы, сэр.
— Ну и ну, Дживс! А потом?
— Они спели государственный гимн, сэр.
— Что вы говорите?!
— Да, сэр.
— В такой момент?
— Да, сэр.
— Ну да, ведь вы там присутствовали и своими глазами все видели, однако я бы никогда не подумал, что в подобных обстоятельствах Гасси и эта дама начнут петь дуэтом.
— Вы меня не поняли, сэр. Гимн пели все присутствующие. Директор школы подошел к органисту и что-то тихо ему сказал. После чего органист заиграл государственный гимн, и процедура завершилась.
— Очень вовремя.
— Да, сэр. Миссис Симмонс была настроена чрезвычайно агрессивно.
Я задумался. Конечно, то, что я услышал, было крайне неприятно и достойно сожаления. Более того, я упал духом, и меня охватили дурные предчувствия. Короче, я бы погрешил против правды, если бы сказал, что доволен положением дел. Но, с другой стороны, все дурное было уже позади, и мне казалось, что сейчас уместнее не скорбеть о произошедшем, а думать о светлом завтра. В том смысле, что хоть Гасси побил Вустерширский рекорд идиотизма и потерял шансы стать любимцем Маркет-Снодсбери, однако он сделал предложение Мадлен Бассет, и она его предложение приняла, этого нельзя сбрасывать со счетов. Я изложил свои соображения Дживсу.
— Безобразная история, — сказал я, — о ней, наверное, будут здесь рассказывать из поколения в поколение. Но мы не должны забывать, Дживс, что, хотя Гасси выставил себя последним идиотом, зато у него несомненный успех на другом фронте.
— Нет, сэр. Я не понял.
— Дживс, когда вы говорите «Нет, сэр», вы подразумеваете «Да, сэр»?
— Нет, сэр. Я подразумеваю «Нет, сэр».
— То есть он не преуспел на другом фронте?
— Нет, сэр.
— Но ведь он помолвлен.
— Уже нет, сэр. Мисс Бассет расторгла помолвку.
— Вы шутите?
— Нет, сэр.
Интересно, заметили ли вы в моих мемуарах одну странную

особенность? В тот или иной момент практически все действующие лица хватаются за голову. Мне не раз приходилось быть участником самых драматических событий, но чтобы все вокруг то и дело хватались за голову — такого я пока не наблюдал.

Надеюсь, вы помните, как дядюшка Том хватался за голову. И Гасси хватался. И Таппи тоже. И хотя я не располагаю точной информацией, думаю, что Анатоль еще как хватался, а уж плакса Бассет и подавно. Тетя Далия тоже схватилась бы, уверен, только она боится помять свою аккуратную прическу.

Да, так вот, я хочу сказать, что теперь и я схватился за голову. Руки взлетели вверх, голову потянуло вниз, и Бертрам пополнил сплоченные ряды хватающихся за голову.

Я все еще тер свою черепушку, задаваясь вопросом, что теперь делать, когда кто-то забарабанил в дверь, будто вознамерился ее высадить.

— Вероятно, это мистер Финк-Ноттл, сэр, — сказал Дживс.

Однако чутье его подвело. Это был не Гасси, а Таппи. Он ворвался в комнату, дыша с трудом, как астматик. Невооруженным глазом было видно, что придурок взволнован до крайности.

18

Я внимательно в него вгляделся. Его вид мне совсем не понравился. Я хочу сказать, что никогда не считал его красавцем, ибо Природа, творя этого благородного англичанина, подсунула ему нижнюю челюсть куда более массивную, чем требуется, и глаза-буравчики, какие нужны разве что столпу Британской империи да регулировщику уличного движения. А в данный момент его физиономия не только оскорбляла мое эстетическое чувство, но еще и имела явно угрожающее выражение, так что я пожалел, что Дживс, черт его подери, чересчур тактичен.

Разумеется, весьма похвально, что он, как привидение, бесследно растворяется в воздухе, стоит только какому-нибудь визитеру у меня появиться, но бывают минуты — сдается мне, что сейчас как раз именно такая минута, — когда тактичнее всего сплотиться вокруг Бертрама и, случись потасовка, протянуть своему молодому господину руку помощи.

Итак, Дживс испарился. Я не видел и не слышал, как он уходил, но его уже и след простыл. Насколько хватало глаз, везде был только Таппи. И, как я уже упомянул, его вид вселял тревогу. По-моему, он пришел, чтобы вновь поднять вопрос о лодыжках Анджелы, которые я растирал.

Однако его вступительное слово рассеяло мои опасения. Оно звучало вполне миролюбиво, и я вздохнул свободно.

— Берти, — сказал он, — я должен перед тобой извиниться. Для этого и пришел.

Когда я понял, что нет и намека на лодыжки Анджелы, я, как вы уже знаете, почувствовал огромное облегчение. Однако удивился еще больше. Со времени прискорбного случая в «Трутнях» прошло несколько месяцев, и до сих пор Таппи не выказывал никаких признаков раскаяния или сожаления о содеянной им пакости. Более того, как я узнал из достоверных источников, на обедах и званых вечерах он постоянно рассказывает о своей идиотской проделке, хвастает и хохочет как сумасшедший.

Поэтому я не мог взять в толк, как это он столько времени спустя докатился до того, чтобы просить у меня прощения. Возможно, у него совесть заговорила, но с чего бы вдруг?

И тем не менее факт остается фактом.

— Таппи, дружище, — со свойственным мне великодушием сказал я, — забудем об этом.

— Как это «забудем»? Я не забуду.

— В том смысле, что не стоит вспоминать. И думать не стоит. Все мы порой теряем голову и делаем глупости, а потом жалеем. Ты ведь тогда был сильно навеселе.

— О чем, черт подери, мы говорим?

Мне его тон не понравился. Что за бесцеремонность!

— Поправь меня, если я ошибаюсь, — сухо сказал я, — но мне казалось, ты извиняешься за свою дурацкую шутку в «Трутнях», когда ты закинул кольцо за стойку и мне пришлось прыгать в бассейн во фраке.

— Вот осел! Я совсем о другом.

— О чем же?

— Об истории с этой Бассет.

— О какой истории?

— Берти, когда вчера ты мне сказал, что любишь Мадлен Бассет, я сделал вид, будто верю, но на самом деле усомнился. Уж очень невероятно. Но потом я навел справки, и твои слова подтвердились. Я пришел извиниться за то, что не поверил тебе.

— Говоришь, навел справки?

— Я спросил Бассет, делал ли ты ей предложение, и она сказала, да, делал.

— Таппи! Ты с ума сошел!

— Еще чего!

— Это же верх бестактности, неужели ты не понимаешь?

— Нет.

— Нет? Ну, тогда конечно. Хотя, по-моему, тебе следовало бы вести себя деликатнее.

— К черту деликатность. Я должен был убедиться, что не ты похитил у меня Анджелу. Теперь я знаю, что не ты.

Ладно, раз уж речь идет об этом, не стоит его упрекать в отсутствии деликатности.

— А, ну тогда все в порядке, слава Богу.

— Я выяснил, кто похитил Анджелу.

— Что-что?!

Он мне не ответил. В глазах у него разгорался мрачный огонь. Он угрожающе выдвинул челюсть, и теперь она выпирала, не уступая Дживсову затылку.

— Берти, — сказал он, — помнишь мою клятву? Помнишь, что я хотел сделать с тем гадом, который отбил у меня Анджелу?

— Если не ошибаюсь, ты собирался оторвать ему голову…

— …и выпустить кишки. Правильно. Программа остается в силе.

— Но, Таппи, уверяю тебя, никто не похищал у тебя Анджелу в Каннах, готов засвидетельствовать под присягой.

— Ее похитили, когда она вернулась сюда.

— Что?!

— Перестань чтокать.

— Но после возвращения она ни с кем не виделась.

— Ни с кем? А тритонофил?

— Гасси?

— Ну да. Финк-Ноттл, змея подколодная. Нет, это уже полный бред.

— Послушай, ты бредишь! Он влюблен в Бассет.

— Не может быть, чтобы вы все были влюблены в эту малохольную Бассет. По-моему, в нее вообще невозможно влюбиться. Говорю тебе, он влюблен в Анджелу. А она — в него.

— Но Анджела дала тебе отставку еще до Гассиного приезда.

— В том-то и дело, что два часа спустя.

— Не мог же он в нее влюбиться за два часа.

— Почему? Я в нее влюбился за две минуты. Я ее боготворил, эту лупоглазую зазнайку.

— Но послушай…

— Не спорь, Берти. Факты говорят сами за себя. Она любит этого кретина.

— Чушь, старик. Совершеннейшая чушь.

— Да? — Он в ярости топнул ногой. Раньше я про такое только в романах читал, но собственными глазами никогда не видел. — Тогда объясни мне, как вышло, что они помолвлены?

Меня будто дубиной по голове шарахнули.

— Помолвлены?!

— Она сама мне сказала.

— Пошутила.

— Нет, не пошутила. Сразу после того, как закончилась эта дурацкая комедия в школе, он сделал ей предложение, и она согласилась, даже глазом не моргнула.

— Послушай, здесь какая-то ошибка.

— Именно ошибка. Со стороны Финк-Ноттла, змеи подколодной. Сейчас я живо ему это объясню. Вот дай только поймаю. Гоняюсь за ним с половины шестого.

— Гоняешься?

— Все обегал. Хочу оторвать ему голову.

— Ага. Понимаю.

— Ты случайно его не видел?

— Нет.

— Если увидишь, поскорей с ним простись и беги заказывать похоронный венок… А-а, Дживс.

— Сэр?

Я не слышал, как отворилась дверь, но Дживс уже снова оказался в спальне. Лично я уверен, как уже раньше упоминал, что Дживсу двери вообще не нужны. Он вроде индийских йогов, которые могут зашвыривать свои астральные тела куда им заблагорассудится — например, растворится в воздухе где-нибудь, скажем, в Бомбее, а потом соберет свои составные части и через пару минут, глядишь, появился уже в Калькутте. Только такая гипотеза может объяснить, как Дживс ухитряется возникать там, где его только что не было. Видимо, просто-напросто перемещает свое эфирное тело из точки А в точку В, вот и все.

— Дживс, вы не видели мистера Финк-Ноттла?

— Нет, сэр.

— Хочу его прикончить.

— Очень хорошо, сэр.

Таппи выскочил вон, хлопнув дверью, а я изложил последние новости.

— Представьте себе, Дживс, мистер Финк-Ноттл обручился с моей кузиной Анджелой.

— В самом деле, сэр?

— Что вы на это скажете? Вам понятен этот психологический феномен? В чем тут фокус? Ведь всего несколько часов назад он был помолвлен с мисс Бассет.

— Весьма распространенный случай, сэр. Джентльмен, получивший отставку у одной молодой леди, сразу же устремляется к другой и начинает добиваться ее расположения. Иными словами, становится в позу.

До меня начало доходить.

— А-а, понимаю. Становится в позу и бросает вызов.

— Да, сэр.

— Вроде того, что, мол, пожалуйста, не хочешь — не надо, найдутся другие.

— Совершенно верно, сэр. Мой кузен Джордж…

— Дживс, давайте сейчас не будем вспоминать о вашем кузене Джордже.

— Хорошо, сэр.

— Поговорим о нем в долгие зимние вечера, идет?

— Как пожелаете, сэр.

— Во всяком случае, готов поспорить, что ваш кузен Джордж не был такой трусливой медузой, как Гасси. И этот наш Гасси оказался способен стать в позу и бросить вызов! Вот что меня особенно поражает, Дживс.

— Вы, вероятно, помните, сэр, что мистер Финк-Ноттл впал в состояние болезненного нервного возбуждения.

— Что правда, то правда. Он теперь сам не свой.

— Очень точно подмечено, сэр.

— Знаете, что я вам скажу, Дживс? Если Таппи до него доберется, он впадет в куда более болезненное состояние… Который час?

— Ровно восемь, сэр.

— Стало быть, Таппи гоняется за ним вот уже два с половиной часа. Дживс, мы должны спасти нашего незадачливого дуралея.

— Да, сэр.

— Все-таки человеческая жизнь это человеческая жизнь, верно?

— В высшей степени, сэр.

— В таком случае первым делом надо отыскать придурка. А затем мы сможем обсудить план дальнейших действий. Приступайте к делу, Дживс, и хорошенько прочешите окрестности.

— В этом нет необходимости, сэр. Если вы обернетесь, вы увидите мистера Финк-Ноттла. Он выбирается из-под вашей кровати, сэр.

Клянусь Юпитером, Дживс был совершенно прав.

Гасси собственной персоной выползал, как справедливо заметил Дживс, из-под моей кровати. Весь в пыли, он напоминал черепаху, высунувшую голову, чтобы глотнуть воздуху.

— Гасси! — сказал я.

— Дживс, — прошептал Гасси.

— Сэр?

— Дживс, дверь заперта?

— Нет, сэр, но я немедленно ее запру.

Гасси рухнул на кровать, и на миг мне показалось, что он собирается по примеру прочих обитателей Бринкли схватиться за голову. Но оказалось, он просто смахнул со лба дохлого паука.

— Дживс, вы заперли дверь?

— Да, сэр.

— Кто может поручиться, что этому чертову Глоссопу не взбредет в голову снова сюда я…

Гасси хотел сказать «явиться», но слово замерло у него на губах. Едва он произнес «я…», как дверная ручка залязгала и задергалась. Гасси вскочил с кровати и замер, живо напомнив картину Ландсеера «Загнанный олень», висящую в столовой у тетки Агаты. Мгновение постояв в нерешительности, Гасси нырнул в платяной шкаф и забился в угол, прежде чем мы с Дживсом поняли, что происходит. По-моему, пассажиры, опаздывающие к поезду в 9.15, мчались бы не столь стремительно.

Я взглянул на Дживса. Он слегка приподнял правую бровь, только так он и позволял себе проявить обуревавшие его чувства.

— Кто там? — рявкнул я.

— Открывай, черт подери, — заорал Таппи за дверью. — Зачем ты заперся?

Я проконсультировался с Дживсом на языке мимики, то есть с помощью бровей. Он вздернул одну бровь. Я тоже вздернул одну бровь. Он вздернул вторую. Я проделал то же самое. Потом мы оба вздернули обе брови. Что ж, делать нечего — я отворил дверь, и в спальню ворвался Таппи.

— Ну что там еще? — спросил я как можно беспечнее.

— Почему дверь была заперта? — прорычал Таппи. Находясь в отличной форме по части вздергивания бровей, я с успехом продемонстрировал свое умение.

— По-твоему, человек лишен права уединиться, Глоссоп? — строго осведомился я. — Хочу переодеться, поэтому распорядился, чтобы Дживс запер дверь.

— Подходящий предлог! — злобно прошипел Таппи и, кажется, еще добавил: «Идиот несчастный!» — Думаешь, я поверю, будто ты боишься, что толпы любопытных вдруг нагрянут полюбоваться тобой в исподнем? Ты запер дверь потому, что прячешь Финк-Ноттла, эту змею подколодную. Я сразу тебя заподозрил и вернулся проверить. Обшарю всю комнату дюйм за дюймом. Уверен, он где-то здесь… Что у тебя в шкафу?

— Одежда, — сказал я, снова пытаясь взять небрежный тон, хотя вряд ли моя попытка увенчалась успехом. — Обычная одежда английского джентльмена, приехавшего погостить в загородный дом.

— Лжешь!

Вряд ли ему удалось бы уличить меня во лжи, замешкайся он со своим обвинением секунду-другую, потому что едва оно успело сорваться с его губ, как Гасси в шкафу уже не было. Я высказывался по поводу скорости, с которой он нырнул в шкаф. Так вот, она была ничтожно малой в сравнении со скоростью, с которой Гасси оттуда вынырнул. Что-то неясное со свистом пронеслось мимо меня, и оказалось, что Гасси уже нет среди нас.

Думаю, Таппи удивился. Вообще-то я даже в этом уверен. Несмотря на апломб, с которым он заявил, что в шкафу хранится Финк-Ноттл, он был явно ошарашен, когда Гасси просвистал мимо нас со скоростью света. Таппи громко булькнул и отскочил футов на пять. Однако в следующий миг самообладание к нему вернулось, и он стремглав вылетел из комнаты в погоне за Гасси. Не хватало только тетушки Далии, вопящей «Ату его!» или что там у них полагается вопить в таких случаях, чтобы вы получили картину под названием «Члены охотничьего клуба «Куорн» на лисьей травле».

Я рухнул в первое попавшееся кресло. Бертрам не из тех, кого можно с легкостью обескуражить, но тут заварилась такая каша, которую вовек не расхлебаешь.

— Дживс, — сказал я, — это уж слишком.

— Да, сэр.

— Голова идет кругом.

— Да, сэр.

— Думаю, будет лучше, если вы меня оставите. Надо хорошенько все обдумать.

— Да, сэр.

Дверь затворилась. Я закурил сигарету и принялся размышлять.

Уверен, любой на моем месте весь вечер ломал бы голову без всякого толку, но мы, Вустеры, одарены сверхъестественной способностью ухватывать суть вещей, и, думаю, от силы минут через десять я уже знал, что надо делать.

По моему разумению, дело можно было уладить, только поговорив с Анджелой по душам. Ведь именно она устроила весь этот тарарам, повела себя, как глупая гусыня, сказав «да» вместо «нет», когда Гасси под воздействием спиртного, с одной стороны, и нервного возбуждения — с другой, предложил ей соединиться в браке. Надо всыпать Анджеле по первое число и заставить ее дать Гасси отставку. Четверть часа спустя я набрел на негодницу в беседке, где она пила что-то прохладительное, и сел с ней рядом.

— Анджела, — начал я, и если вы сочтете, что мой голос звучал слишком сурово, хотел бы я послушать, как звучал бы на моем месте ваш голос, — все это совершенный бред.

Она вышла из задумчивости. Потом вопросительно на меня посмотрела.

— Прости, Берти, я не слышала. Ты сказал, что у тебя бред?

— Я говорю не о себе.

— Ох, прости, значит, мне показалось.

— Если бы у меня был бред, я пришел бы разговаривать с тобой?

— Конечно.

Я понял, что лучше отступиться, и взялся за дело с другого конца.

— Я только что видел Таппи.

— Да?

— И Гасси Финк-Ноттла.

— Вот как?

— Оказывается, ты наплевала на Таппи и обручилась с Гасси.

— Совершенно верно.

— Именно в этом смысле я и сказал, что все это полный бред. Не можешь ты полюбить такого идиота, как Гасси.

— Почему же?

— Не можешь — и все тут.

Я хочу сказать, что, конечно же, не могла она полюбить Гасси. Никто не может полюбить этого малохольного придурка, разве что такая же малохольная и придурочная девица вроде Мадлен Бассет. На черта он Анджеле? Нет, конечно, Гасси отличный малый во всех отношениях, обходительный, дружелюбный, и окажись у вас на руках больной тритон, никто лучше Гасси не посоветует, какие процедуры нужно ему делать до

прихода доктора. Что же до свадебных колоколов и марша Мендельсона, тут Гасси не находка. Нисколько не сомневаюсь, можно часами метать камешки в самых густонаселенных местах Англии без малейшего риска попасть в девицу, которая бы согласилась стать миссис Огастус Финк-Ноттл, разве что под наркозом.

Я изложил Анджеле эти свои соображения, и она вынуждена была признать их справедливость.

— Пусть так. Может, и правда не люблю.

— Тогда зачем вы с ним обручились, дитя ты неразумное?

— Да так, шутки ради.

— Шутки ради?!

— Именно. Меня это ужасно позабавило. Посмотрел бы ты, какое у Таппи было лицо, когда я ему все выложила.

Внезапно меня осенило.

— А! Так ты стала в позу?

— Что?

— Обручилась с Гасси, чтобы насолить Таппи?

— Да.

— Вот я и говорю, ты стала в позу.

— Да. Наверное, можно выразиться и так.

— Знаешь, как еще это называется? Низкий обман. Барышня, вы меня удивляете.

— Почему? Не понимаю. Я скривил губы.

— Не понимаешь, потому что ты женщина. Все вы таковы. Режете по живому, и совесть вас не мучает. И еще гордитесь собой. Вспомни Хеверову жену Иаиль.[32]

— Где это ты слышал про Иаиль?

— Разве тебе неведомо, что в школе я получил приз за отличное знание Библии?

— Ах, да. Действительно, Огастус об этом упоминал в своем выступлении.

— Ну да, — торопливо сказал я. У меня не было ни малейшего желания вспоминать речь Гасси. — Вот я и говорю, посмотри на Иаиль, Хеверову жену. Вонзила острый кол в голову спящего гостя и пошла бахвалиться везде своим подвигом, тоже мне скаут. Недаром говорят: «О женщины, женщины!»

— Кто говорит?

— Мужчины, кто же еще! Да, жалкие вы создания. Однако ты не собираешься упорствовать, правда?

— Упорствовать в чем?
— В этой бредовой затее с вашим обручением.
— Очень даже собираюсь.
— Просто чтобы выставить Таппи в глупом свете.
— Думаешь, он выглядит глупо?
— Да.
— Так ему и надо.
Я понял, что топчусь на месте. Помнится, приз за знание Библии я получил, когда отвечал на вопросы о Валаамовой ослице. Что это были за вопросы, не могу точно сказать, однако вроде бы речь шла о животном, которое упиралось всеми ногами, прядало ушами и отказывалось внять уговорам. По-моему, сейчас Анджела вела себя точь-в-точь как Валаамова ослица. По-моему, они с Анджелой просто сестры-близнецы. Упрямы до глупости. В общем, Анджела показала себя во всем блеске.
— Вздорная девчонка, вот ты кто, — сказал я. Она слегка покраснела.
— Никакая я не вздорная девчонка.
— Нет, ты вздорная девчонка. Сама знаешь.
— Ничего подобного.
— Ломаешь жизнь Таппи, ломаешь жизнь Гасси, только чтобы потешить свое самолюбие.
— А это не твое дело. Я с жаром ее осадил.
— Как это не мое дело? На моих глазах разбиваются жизни моих школьных друзей! Ха! К тому же ты по уши влюблена в Таппи, и тебе самой это отлично известно.
— Ничего подобного!
— Да? Если бы каждый раз, как я ловлю полные любви взгляды, которые ты на него бросаешь, я получал по соверену…
Она смерила меня взглядом, в котором светилась отнюдь не любовь.
— Слушай, Берти, катись ты ко всем чертям! Я выпрямился во весь рост.
— Именно это и собираюсь сделать, — с достоинством сказал я, — Во всяком случае, я ухожу. Я все сказал.
— И слава Богу.
— Однако позволь заметить…
— Не позволю.
— Очень хорошо, — холодно сказал я. — В таком случае, пока-пока.
Я надеялся, что уязвил Анджелу.
Подавленный и обескураженный — этими словами можно было бы описать мое состояние, когда я покидал беседку. Не стану отрицать, от

разговора с Анджелой я ожидал куда более утешительных результатов.

Признаться, она меня удивила. Мы почему-то всегда забываем, что любая девица становится настоящей мегерой, если сердечные дела у нее не ладятся. Мы с кузиной Анджелой, можно сказать, неразлучны с тех пор, когда я еще носил матросский костюмчик, а она была малявкой, у которой менялись молочные зубы, однако только теперь я начал прозревать тайные глубины ее души. Милая добрая резвушка, она всегда меня поражала своим простодушием. И вот теперь она, Анджела, безжалостно смеется — у меня в ушах стоит холодный издевательский смех, который никак не вяжется со свойственной ей деликатной и изысканной манерой общения. Казалось, я вижу, как она потирает руки в предвкушении, что сведет в могилу поседевшего от горя Таппи.

Всегда говорил и снова готов повторить: девицы — странные создания. Ох, прав был старик Киплинг, когда шутил, что слабый пол куда более непреклонен, чем сильный.

В сложившихся обстоятельствах, как мне показалось, единственное, что я мог сделать, это направиться в столовую и ударить по холодной закуске, о которой говорил Дживс. Я чувствовал настоятельную необходимость подкрепиться, ибо разговор с Анджелой вконец меня измотал. Эти беседы на обнаженном нерве выкачивают из человека всю его энергию и рождают сильное желание наброситься на бифштексы и ветчину.

Вот я и потащился в столовую и, едва переступив порог, заметил тетушку Далию, которая стояла у буфета и уплетала лососину под майонезом.

В смущении я пробормотал «Ой, аи, ах!» Когда мы с дражайшей родственницей последний раз имели удовольствие говорить tete-a-tete, она, должен вам напомнить, изъявляла желание утопить меня в пруду за огородами, и я не знал, чем для меня обернется эта встреча.

Увидев, что тетушка пребывает в добром расположении духа, я почувствовал большое облегчение. Невозможно описать ту сердечность, с которой она помахала мне вилкой.

— Привет, Берти, оболтус ты эдакий, — дружелюбно сказала она. — Так и знала, что встречу тебя у кормушки. Попробуй лососины. Знатная штука.

— Анатоль? — спросил я.

— Нет, он все еще в постели. Но судомойка была в ударе. До нее вдруг дошло, что она обслуживает не стаю канюков в пустыне Сахара, и она состряпала нечто вполне пригодное для человека. Славная девушка.

Надеюсь, на танцах она от души повеселится.

Я положил себе порцию лососины, и мы принялись оживленно болтать о бале для прислуги у Стретчли-Баддов и упражняться в остроумии, прикидывая, как будет смотреться дворецкий Сеппингс, отплясывающий румбу.

Я покончил с первой порцией и собирался положить себе еще, когда всплыла тема Гасси. С учетом нынешних событий в Маркет-Снодсбери, я ожидал, что тетушка коснется ее раньше. Когда же она заговорила, я понял, что ей ничего не известно о помолвке Анджелы.

— Послушай, Берти, — сказала она, задумчиво пережевывая фруктовый салат, — этот твой Виски-Боттл…

— Финк-Ноттл.

— Виски-Боттл, — настойчиво повторила она. — После его сегодняшнего представления он во веки веков Виски-Боттл, так я теперь и буду его звать. Когда увидишь его, скажи, что он отлично меня повеселил. Когда он прямо со сцены вдруг начал шерстить Тома — это было потрясающе, ничего забавнее не видела с тех пор, как викарий наступил на развязавшийся шнурок и растянулся на ступенях кафедры. В самом деле, твой Виски-Боттл устроил нам первоклассное представление.

Я не мог с ней согласиться.

— А выпады в мой адрес…

— Они мне тоже понравились. Молодец он. Признайся, ведь ты смошенничал, когда получил приз за знание Библии?

— Ну что вы. Победа далась мне ценой всемерных и непрестанных усилий.

— А как насчет пессимизма, о котором нам толковал Виски-Боттл? Берти, ты пессимист?

То, что творится в этом доме, мог бы я ответить тетушке, успешно превращает меня в пессимиста, но я сказал, нет, я не пессимист.

— Вот и славно. Не будь пессимистом. Все к лучшему в этом лучшем из миров. Жизнь прожить — не поле перейти. Перед рассветом всегда тьма сгущается. Наберись терпения, и все будет хорошо. Туманен день, однако солнце воссияет… Отведай этого салата.

Я последовал ее совету, и хотя усердно работал вилкой, мысли мои были далеко. Я был сильно озадачен. Оттого, что в последнее время мне так часто приходилось водить компанию с разбитыми сердцами, теткина жизнерадостность казалось неуместной, да, именно неуместной.

— Я думал, вы будете немного раздосадованы, — сказал я.

— Раздосадована?

— Ну да, выходками Гасси на сцене. Признаюсь, я ожидал, что вы станете топать ногами и метать молнии.

— Ерунда. Почему я должна досадовать? Напротив, я польщена и горжусь, что вина из моих подвалов могут произвести такое магическое действие. Это мне возвращает веру в послевоенный виски. Кроме того, сегодня вечером я не могу ни на что досадовать. Я как дитя, которое хлопает в ладоши и пляшет под солнцем. Наконец-то оно выглянуло из-за туч. Пусть звонят колокола радости. Анатоль остается.

— Что?! Поздравляю, тетенька.

— Благодарю. Да, едва я вернулась домой, я принялась уговаривать его, трудилась, как усердный бобер, и наконец Анатоль, клянясь, что не уступит, уступает.[33] Он остается, хвала Господу, и, по-моему, теперь можно сказать: «Улыбается Бог в небесах, в этом мире все так хорошо…»[34]

Тетушка не успела договорить, как двери отворились, и к нашей честной компании присоединился дворецкий.

— Привет, Сеппингс, — сказала тетя Далия. — Я думала, вы ушли.

— Пока еще нет, мадам.

— Надеюсь, вы хорошо повеселитесь.

— Благодарю вас, мадам.

— Вы зачем-то хотели меня видеть?

— Да, мадам. Дело касается месье Анатоля. Разве вы бы позволили, мадам, мистеру Финк-Ноттлу корчить гримасы месье Анатолю из окна в крыше?

20

Наступило долгое молчание. Кажется, такое молчание называется немой сценой. Тетушка смотрела на дворецкого. Дворецкий смотрел на тетушку. Я смотрел на них обоих. Жуткая тишина ватным одеялом накрыла комнату. У меня на зубах хрустнул ломтик яблока, который попался во фруктовом салате, и раздался такой звук, будто с Эйфелевой башни сбросили булыжник на стеклянную теплицу для выращивания огурцов.

Тетя Далия тяжело привалилась к буфету и хрипло проговорила:

— Гримасы?

— Да, мадам.

— Из окна в крыше?

— Да, мадам.

— Вы хотите сказать, Финк-Ноттл сидит на крыше?

— Да, мадам. Это обстоятельство чрезвычайно огорчает месье Анатоля.

Думается, именно глагол «огорчает» задел тетю Далию за живое. Она по горькому опыту знала, что бывает, когда Анатоля огорчали. Мне было известно, что тетушка скора на ногу, но я не подозревал, что она способна совершить столь стремительный бросок. Помедлив ровно столько, сколько потребовалось, чтобы выпалить облегчающий душу залп отборной охотничьей брани, она вылетела из комнаты и бросилась вверх по лестнице, я даже не успел проглотить кусочек какого-то фрукта, кажется, банана. Как и в тот раз, когда я получил телеграмму об Анджеле и Таппи, мне показалось, что мое место — подле тетушки, и поэтому, оставив салат, я помчался за ней. Позади нас тяжелым галопом скакал Сеппингс.

Мое место, как я только что сказал, — подле тетки, однако выполнить это намерение было чертовски трудно, ибо она развила невероятную скорость. К концу первого пролета она вела забег, опережая участников на добрые десять корпусов, и когда повернула на второй пролет, я бы все еще не рискнул бросить ей вызов. Однако на следующем марше изнурительная гонка начала сказываться, тетушка слегка замедлила темп, обнаружив признаки запала, и на финишную прямую мы вышли почти ноздря в ноздрю. В комнату к Анатолю мы влетели вместе, во всяком случае наблюдатель затруднился бы отдать кому-либо из нас пальму первенства. Результат забега таков:

1. Тетушка Далия.
2. Бертрам.
3. Сеппингс.

Победитель оторвался на полголовы. Номер второй опередил номер третий на половину лестничного марша.

Вбежав, мы все воззрились на Анатоля. Магистр поваренного искусства был мал ростом, толст и пузат, с неимоверными усами, причем между ними и эмоциональным состоянием их владельца прослеживалась прямая зависимость. Если носитель усов пребывал в добром расположении духа, их кончики загибались кверху, как у старшего сержанта. Когда же в душе Анатоля царил мрак, усы опадали.

Сейчас они совсем обвисли, что служило зловещим знаком. И если бы

на этот счет оставалась хоть тень сомнения, то поведение Анатоля ее бы тут же развеяло. Он стоял возле кровати в розовой пижаме и, глядя в окно, потрясал кулаками. Сквозь стекло на Анатоля пялился Гасси. Глаза у него были выпучены, рот широко разинут, весь его вид поражал сходством с диковинной аквариумной рыбиной, которую хотелось поскорее накормить муравьиными яйцами.

Если сравнивать махавшего кулаками Анатоля и глазеющего на него Гасси, то, должен сказать, мои симпатии, безусловно, принадлежали первому. По-моему, он имел полное право махать всеми имеющимися у него в наличии кулаками.

Давайте обратимся к фактам. Вот Анатоль лежит в постели у себя в спальне, лениво размышляя о том, о чем обычно размышляют повара-французы, лежа в постели, и вдруг видит за окном жуткую физиономию. Такое зрелище способно вывести из себя самого закоренелого флегматика. Я бы просто взбесился, если бы, лежа в постели, вдруг узрел перед собой физиономию Гасси. Ваша спальня — ваша крепость, надеюсь, вы не станете этого оспаривать, и вы имеете все основания выказать неодобрение, если какая-то горгулья[35] пялится на вас в окно.

Пока я предавался раздумьям, тетушка Далия со свойственной ей решительностью перешла к делу.

— Что это значит?

В ответ Анатоль проделал нечто вроде упражнения из шведского гимнастического комплекса — сначала затряс задом, потом плечами и в заключение встряхнул своими черными волосами.

Потом заговорил.

Мне не раз приходилось беседовать с этим выдающимся человеком, и я всегда считал, что он говорит по-английски свободно, но не слишком вразумительно. Если помните, прежде чем появиться в Бринкли, он состоял в услужении у миссис Бинго Литтл и, без сомнения, кое-чего поднабрался у старины Бинго. А перед этим пару лет прожил в одном американском семействе в Ницце, где прошел курс языкового обучения у хозяйского шофера, в прошлом борца-тяжеловеса из Бруклина. Таким образом, соединив школы старины Бинго и бруклинца, Анатоль обрел способность изъясняться по-английски бегло, но непонятно.

Итак, великий человек изрек следующее:

— Браво! Вы спрашиваете, что это? Слушайте. Имейте немного внимания. Я ложился на боковую, но я не спал хорошо, и сейчас пробудился, в окно смотрел, а через окно, черт побери, он строит гримасы на меня. Разве так хорошо? Разве так удобно? Если вы думаете, мне

нравится, вы сильно заблуждаете себя. Я взбесился, как мокрая курица. Разве нет? Я не какой-нибудь! Это спальня или что? Или дом для обезьян? Зачем эти негодники так нахально, как огурцы, на мой окно садятся и корчат гримасы?

— Справедливо, — сказал я. — По-моему, он совершенно прав.

Анатоль сверкнул глазом на Гасси и проделал экзерсис номер два, состоящий в том, что вы хватаете себя за ус, дергаете, а затем принимаетесь ловить мух.

— Однако немного ждите. Я не собираюсь закончить. Говорю, вижу этот тип в окошке, который строит несколько рож. Но что затем? Разве он удаляется, когда я испускаю крик, и оставляет меня миролюбивым? Нет, никогда в жизни. Он остается, населенный здесь, плевать с высокого дерева, сидит и смотрит на меня, как кот в сметане. Он делает гримасы против меня и опять делает гримасы против меня, и я сильно приказывал ему идти к черту, а он совсем не идет к черту отсюда. Он кричит и кричит мне, а я требую узнать, что он желает, но он не объяснял. О нет, это не наступает никогда на свете. Он только и знает пожимать своей головой. Какая чертова глупость! Думаете, это для меня забава? Думаете, я это обожаю? Я недоволен совсем этим глупым выход-ком. Я думаю, этот глупый дурак сильно помешанный. Je me fiche de ce type infect. C'est idiot de faire comme ca l'oiseau… Allez-vous-en, louffier…[36] Велите этому глупому дураку идти вон прочь. Он совсем полоумный, как мартовский кошка.

Должен сказать, Анатоль прекрасно изложил суть вопроса, и тетя Далия, кажется, вполне разделяла мою точку зрения. Она положила дрожащую руку ему на плечо.

— Велю, непременно велю, месье Анатоль, незамедлительно велю, — сказала тетя Далия, и я не поверил своим ушам — ее трубный голос звучал, как нежное голубиное воркование. Не тетя Далия, а горлица, зовущая своего голубка. — Теперь все будет хорошо.

Увы, тетушка совершила ошибку. Анатоль выполнил экзерсис номер три.

— Хорошо?! Norn d'un nom d'un nom![37] Какой шерт вы говоришь «все хорошо!» Разве польза тянуть резину пока горячо? Ждать одну половину момента. Совершенно не так быстро, мой славный малый. Никоим образом ни дать ни взять хорошо все. Однако снова повидайте в окно немного. Видите, это есть ужасные рыбные блюда на моем окошке. Но я не таков, я еду-еду не пищу, а наеду — освищу. Это чистая правда, я не нахожу

приятно, когда в мое окно корчат рыбные блюда против меня. Нельзя это делать. Неприятно, нет. Я серьезный человек. Я не желаю смотреть шутки в моем окне. Лучше горькая редька, чем эти шутки. Совсем мало хорошего. Если этот рыбный витрин продолжается, я не остаюсь в доме больше навек. Быстро убегаю и никогда не поселяюсь.

Да, это была страшная угроза, и я не удивился, что после таких слов тетушка завопила, как доезжачий, на глазах которого застрелили лису.[38] Анатоль снова начал потрясать кулаками, тетя Далия тоже присоединилась к акции протеста. Сеппингс, почтительно пыхтевший в сторонке, кулаками не размахивал, но бросал на Гасси суровые, осуждающие взгляды. Любому здравомыслящему человеку было ясно, что, взобравшись на крышу, Огастус Финк-Ноттл совершил ужасный, непростительный проступок. Должно быть, даже в доме Дж. Дж. Симмонсов его реноме не упало столь низко, как в Бринкли-Корте.

— Пошел прочь, сумасшедший! — заорала тетя Далия набатным голосом, от которого особо впечатлительные члены «Куорна», бывало, теряли стремена и вылетали из седел.

В ответ Гасси обреченно вздернул брови, и тут я понял, что именно несчастный тщится нам сообщить.

— По-моему, — сказал мудрый Бертрам, никогда не упускающий случая вылить бочку масла в бушующие волны, — он хочет сказать, что не может убраться прочь, а если попытается, то свалится с крыши и сломает шею.

— Ну и что из того? — сказала тетя Далия.

Ее, конечно, можно было понять, но, по моим представлениям, существовало и более гуманное решение. Как известно, все окна в доме, кроме слухового, дядя Том распорядился забрать этими дурацкими решетками. Думаю, дядюшка рассудил, что раз грабитель набрался храбрости вскарабкаться на эдакую высоту, то пусть расплачивается.

— Если открыть окно, Гасси сможет сюда спрыгнуть. Тетя Далия схватила идею на лету.

— Сеппингс, как открывается окно?

— С помощью шеста, мадам.

— Принесите шест! Два шеста! Десять шестов!

Вскоре Гасси присоединился к нашей компании. Пользуясь расхожим газетным выражением, замечу, что несчастный глубоко осознавал свою вину.

Должен сказать, ни взгляд, ни поза тети Далии отнюдь не способствовали тому, чтобы к бедному придурку вернулось

самообладание. От дружелюбия, которое она источала, когда мы с ней за фруктовым салатом обсуждали речь Гасси, не осталось и следа, поэтому я не удивился, что у него язык прилип к гортани. Тетя Далия, с неизменным добродушием воодушевлявшая на подвиг свору гончих, редко дает волю гневу, но когда такое случается, даже отчаянные смельчаки, опережая друг друга, карабкаются на деревья.

— Ну?! — сказала она.

В ответ Гасси только сдавленно пискнул.

— Ну?!!

Лицо у тети Далии потемнело. Охота, если не отказывать себе в этом удовольствии много лет, обычно придает лицу весьма насыщенный цвет, и самые преданные тетушкины друзья не посмели бы отрицать, что даже в благостные минуты ее лицо напоминает переспелую клубничину. Но такой густо-красной я тетю Далию еще никогда не видел. Сейчас она была похожа на помидор, который желает во весь голос заявить о себе.

— Ну?!!

Гасси старался изо всех сил. На мгновение мне показалось, что он вот-вот заговорит. Но попытка закончилась чем-то вроде предсмертного хрипа.

— Берти, уведи его прочь, да положи ему на голову лед, — не выдержав, распорядилась тетя Далия. Теперь ей предстоял непосильный труд — умилостивить Анатоля, который торопливо вполголоса продолжал разговаривать сам с собой.

Сообразив, что в данном случае Бинго-бруклинским англо-американским гибридом не обойдешься, он отдал предпочтение родному языку. Словечки вроде marmiton de Domange, pignout, hurluberlu и roustisseur[39] вылетали из него, как летучие мыши из амбара. Правда, для меня все это пустой звук. Хоть в Каннах я и попотел над французским, но дальше est-que vous avez не пошел. А жаль, потому что звучали эти словечки классно.

Я свел Гасси по лестнице. Не такая горячая голова, как тетя Далия, я уже угадал тайные мотивы и движущие силы, которые загнали несчастного на крышу. Тетушка видела в Гасси распоясавшегося гуляку, отколовшего с пьяных глаз дурацкий номер, а я — затравленного оленя.

— За тобой гнался Таппи? — сочувственно спросил я. Его пробрал frisson,[40] если я не путаю.

— Чуть не сцапал меня на верхней площадке. Я вылез через окно в коридоре и взобрался наверх по какому-то выступу.

— Таппи остался с носом?

— Да. Но я сам попал в ловушку. Крыша, куда ни посмотри, очень крутая. Назад я вернуться не мог. Пришлось карабкаться по этому выступу. А потом оказался у слухового окна. Что это был за тип?

— Анатоль, повар тети Далии.

— Француз?

— До мозга костей.

— Теперь ясно, почему я не мог ничего ему объяснить. Ну и ослы эти французы. Простых вещей не понимают. Если человек видит, что человек заглядывает в слуховое окно, человек должен понять — этого человека надо впустить. Не тут-то было — стоит, как пень.

— И размахивает дюжиной кулаков.

— Вот именно. Полный идиот. Кажется, я выпутался.

— Да, выпутался — временно.

— А?

— Думаю, Таппи тебя где-то тут подстерегает. Гасси подпрыгнул, как барашек по весне.

— Что же делать?

У меня с ходу возник план.

— Прокрадись к себе в комнату и забаррикадируй дверь. Как настоящий мужчина.

— А если он меня подстерегает в моей комнате?

— Тогда забаррикадируйся в другой комнате.

Но никакого Таппи в спальне не обнаружилось, видимо, он кишел где-то в другом месте. Гасси юркнул в комнату, и я услышал, как поворачивается ключ. Сочтя, что мне здесь больше делать нечего, я вернулся в столовую, чтобы все хорошенько обдумать за фруктовым салатом. Едва успел наполнить тарелку, как дверь отворилась, вошла тетя Далия и плюхнулась в кресло. Вид у нее был измученный.

— Берти, налей мне.

— Чего именно?

— Все равно, лишь бы покрепче.

Дайте Бертраму Вустеру подобное поручение — и увидите, на что он способен. Альпийские сенбернары, самоотверженно спасающие путешественников, вряд ли действуют проворнее. После того, как я исполнил приказание, несколько минут царила тишина, нарушаемая лишь звучным хлюпаньем, — это тетушка восстанавливала изрядно подорванные силы своего организма.

— Плюньте, тетя Далия, — сочувственно сказал я. — Не то можно свихнуться. Конечно, умасливать Анатоля — задача не из легких, —

продолжал я развивать тему, намазывая на тост анчоусный паштет. — Но теперь, надеюсь, полный порядок?

Тетушка посмотрела на меня долгим, тяжелым взглядом, задумчиво хмуря лоб.

— Аттила, — наконец вымолвила она. — Слово найдено. Гуннов царь Аттила.

— Что-что?

— Все старалась вспомнить, кого ты мне напоминаешь. Был такой негодяй, он сеял вокруг разруху и запустение, превращал в руины дотоль счастливые и мирные жилища. Его звали Аттила. Удивительно, — продолжала она, вновь смерив меня взглядом. — Глядя на тебя, можно подумать, что ты просто безобидный кретин, клинический идиот, но при этом совершенно безвредный. А на поверку выходит, ты хуже чумы. Когда я о тебе думаю, на меня будто обрушиваются все мирские скорби и горести, да с такой силой, точно я в фонарный столб врезалась.

Пораженный и уязвленный в самое сердце, я хотел было заговорить, но то, что я считал паштетом из анчоусов, залепило мне рот клейкой и вязкой субстанцией, обволокло язык, и я не смог издать ни звука, будто у меня кляп во рту. Пока я тщетно пытался прочистить голосовые связки, тетя Далия снова заговорила:

— Понимаешь ли ты, что учинил, запустив сюда своего Виски-Боттла? Бог с ним, что напился в стельку и превратил церемонию вручения призов в комический сериал, тут я молчу, потому что от души повеселилась. Но едва я с великим трудом, проявив чудеса дипломатического искусства, уговорила Анатоля отозвать свое уведомление об уходе, твой Виски-Боттл начал строить ему гримасы сквозь слуховое окно. Он привел Анатоля в ярость, тот теперь и слышать не хочет, чтобы остаться…

Тут я проглотил замазку и наконец подал голос:

— Что?!

— Да, Анатоль завтра уходит, и теперь бедный Том до конца своих дней обречен на несварение. Но это еще не все. Я только что говорила с Анджелой. Она обручилась с твоим Виски-Боттлом.

— Да, но это ненадолго, — нехотя признался я.

— Как бы не так. Всерьез обручилась и нахально объявила мне, что свадьба в октябре. Вот так-то. Явись сюда пророк Иов, мы бы с ним до ночи наперебой пеняли друг другу на свои несчастья. Хотя этому Иову до меня далеко.

— У него были чирей.

— Какие еще чирей?

— Ужасно болезненные, насколько я знаю.

— Ерунда. Готова взять все чирей в мире в обмен на свои заботы. Неужели ты не понимаешь? Я лишилась лучшего повара в Англии. Муж, несчастный страдалец, теперь умрет от несварения. Единственная дочь, счастливое будущее которой всегда было моей заветной мечтой, собирается выйти замуж за одержимого тритономана. А ты мне толкуешь о каких-то чиреях!

Я немного поправил тетю Далию:

— Не о чиреях. Просто я упомянул, что Иов ими страдал. Да, тетушка, согласен с вами, дела у нас сейчас далеко не тип-топ, однако не теряйте бодрости духа. Бертрам тотчас все уладит.

— Собираешься преподнести очередной план?

— Всегда готов.

Она обреченно вздохнула.

— Так я и думала. Только этого не хватало. Кажется, хуже некуда, но ты сумеешь все окончательно погубить. С твоими способностями это раз плюнуть. Давай, Берти. Принимайся задело. Мне уже безразлично. Отчасти даже любопытно, как тебе удастся ввергнуть наш дом в еще более темные и глубокие бездны ада. Вперед, мой мальчик… Что ты там ешь?

— Трудно сказать. Тост с каким-то паштетом. Похоже на клей с запахом говяжьего экстракта.

— Дай, — вяло проронила она.

— Только жуйте осторожно, — предупредил я. — К зубам прилипает теснее, чем брат.[41] Что, Дживс?

Дживс материализовался на ковре. Как всегда, совершенно бесшумно.

— Записка для вас, сэр.

— Для меня, Дживс?

— Для вас, сэр.

— От кого, Дживс?

— От мисс Бассет, сэр.

— От кого от кого, Дживс?

— От мисс Бассет, сэр.

— От мисс Бассет, Дживс?

— От мисс Бассет, сэр.

Тут тетя Далия, проглотив кусочек тоста то ли с замазкой, то ли с клеем, отложила его в сторону и, по-моему, несколько раздраженно попросила нас, ради всего святого, не разыгрывать водевильных сцен, ибо она и так слишком много выстрадала, чтобы выслушивать, как мы

подражаем двум макам.[42] Желая, как всегда, услужить тетушке, я кивком отпустил Дживса, и он, мелькнув, испарился. Любое привидение позавидует.

— Интересно, о чем может писать мне эта барышня? — удивился я, вертя конверт в руках.

— Вскрой, черт подери, и прочти.

— Прекрасная мысль, — сказал я и последовал совету.

— А если тебе интересно, что собираюсь делать я, — продолжала тетя Далия, направляясь к двери, — то знай: пойду в свою комнату, выполню несколько дыхательных упражнений по системе йогов и постараюсь забыться.

— Хорошо, — рассеянно отвечал я, пробегая глазами страницу номер один. Перевернув ее, я не смог сдержать дикого вопля, сорвавшегося с моих губ. Тетя Далия шарахнулась от меня, как испуганный мустанг.

— Перестань орать! — воскликнула она, вся дрожа.

— Но, черт побери…

— До чего же ты несносен, урод несчастный, — вздохнула тетушка. — Помню, много лет назад тебя оставили в колыбели одного и ты чуть не подавился пустышкой, весь посинел. И я, дурища такая, вытащила пустышку и спасла тебе жизнь. Вот что, Берти, случись тебе еще раз подавиться пустышкой, на мою помощь не рассчитывай.

— Но, черт побери! — вскричал я. — Вы даже не представляете, что случилось! Мадлен Бассет пишет, что выходит за меня замуж!

— Поделом тебе, — выходя из комнаты, бросила тетушка. Прямо что-то такое из рассказа Эдгара Аллана По.

21

Я и сам, наверное, сильно походил сейчас на что-то такое из рассказа Эдгара Аллана По, поскольку полученное последнее известие, как вы сами понимаете, чувствительно меня потрясло. Раз эта чертова Бассет, исходя из ложного предположения, будто сердце Вустера издавна и безраздельно принадлежит ей и готово выйти на замену по первому свистку, надумала выпустить запасного игрока, значит я, согласно требованиям душевной тонкости и чести, обязан сделать шаг вперед и соответствовать. Другого выбора нет. Тут просто так не отмахнешься. Налицо все признаки того, что пришел мой конец, притом навеки.

И все-таки, хоть я и сознавал, что ситуация сложилась не совсем так,

как хотелось бы, я не терял надежды найти путь к спасению. Человек более ничтожный, угодив в подобную передрягу, наверняка сразу же выбросил бы на ринг полотенце и прекратил борьбу; но в том-то и дело, что мы, Вустеры, не из таких.

Начал я с того, что перечитал записку. Не то чтобы я рассчитывал при повторном прочтении найти для нее иное истолкование, но это помогло мне убить время, пока мозг как следует раскочегарится. Затем, чтобы стимулировать мыслительный процесс, я съел еще порцию фруктового салата, а заодно и ломоть торта. И только когда дошел до сыра, колесики заработали. Я понял, что делать. На вставший передо мной вопрос, а именно: под силу ли Бертраму справиться с этой трудностью, я теперь уверенно мог ответить: запросто!

Главная штука в таких делах, как разбой на большой дороге, — это не потерять голову, сохранить хладнокровие и постараться определить заводилу. Когда главари известны, можно правильно оценить обстановку.

В данном случае заводилой была, бесспорно, Бассет. Она начала первая, изгнав Гасси, и, совершенно очевидно, чтобы все распутать и прояснить, надо первым делом заставить ее пересмотреть свою позицию и вернуть Гасси на прежнюю роль. Тем самым освободится Анджела, Таппи частично спустит пары, и можно будет надеяться, что все постепенно придет в порядок.

Я принял решение, что вот сейчас, только съем еще кусочек сыра, сразу же разыщу эту злосчастную Бассет и пущу в ход все свое красноречие.

И тут как раз входит она. Этого, конечно, следовало ожидать. Ну, то есть понятное дело — сердечная драма и все такое, но если знаешь, что на столе в столовой выставлены разные холодные закуски, рано или поздноты туда явишься, как ни крутись.

Взор ее с порога устремился на семгу под майонезом, и она рванула бы к столу прямо с места, если бы в эту минуту я от волнения не опрокинул стакан с виски, которым пытался успокоить душевное волнение. Она обернулась на звон, и воцарилось минутное замешательство. Лицо ее несколько порозовело, глаза вылупились.

— О! — произнесла она.

Я давно замечал, что в минуту неловкости главное — заняться делом. Займи чем-нибудь руки, и битва наполовину выиграна. Я схватил тарелку и бросился наперерез.

— Положить вам семги?

— Благодарю.

— И чуточку салата?
— Если вам не трудно.
— И налить что-нибудь выпить? Какого яду?
— Я бы выпила апельсинового соку.

Тут она вдруг задохнулась — не поперхнулась апельсиновым соком, я еще не успел ей поднести, а от избытка чувств под наплывом нежных воспоминаний, которые в ней пробудили эти два слова: «апельсиновый» и «сок». Все равно как если бы упомянуть спагетти в разговоре со старым шарманщиком из Италии. Лицо ее порозовело еще гуще, в чертах выразилась мука, и стало очевидно, что дальше ограничивать разговор такой нейтральной тематикой, как семга под майонезом, не получится. Она, видимо, это тоже поняла, так как, когда я собрался было взять быка за рога и перейти к делу и произнес уже: «Э-э-м-м-м», — она в это же самое время тоже произнесла: «Э-э-м-м-м», — и оба эти невнятных возгласа, прозвучав одновременно, столкнулись в воздухе на полпути.

— Извините.
— Прошу прощения.
— Вы хотели что-то сказать?
— Вы хотели что-то сказать?
— Нет, вы, пожалуйста, договорите.
— Ну, ладно.

Я поправил галстук, я всегда его поправляю, когда разговариваю с барышнями, и, очертя голову, выговорил:

— Гм, по поводу вашей записки от сегодняшнего числа…

Она снова покраснела и с великим напряжением отправила в рот кусок семги.

— Вы получили мою записку?
— Да, я получил вашу записку.
— Я поручила Дживсу вам передать.
— Ну да. Он мне и передал.

Снова последовало молчание. А так как она демонстративно не желала заговорить по существу, мне пришлось взять это на себя. Кому-то же надо было перейти к делу. А то глупо получается: стоят друг против друга двое, он и она, и жуют в два рта, не произнося ни слова.

— Так что я ее получил.
— Понятно. Значит, вы ее получили.
— Угу. Получил. Сейчас только прочел. И как раз собирался спросить, если бы мы случайно повстречались, — как же так?
— Как же так?

— Ну да, я и хотел спросить, как же так?
— Но ведь там все ясно сказано.
— О, да. Вполне. Четко выражено, прекрасный слог. Но… я имею в виду… я, конечно, глубоко тронут, сознаю оказанную честь, и все такое. Но… черт меня подери!
Она разделалась с семгой и поставила на стол пустую тарелку.
— Фруктового салата?
— Нет, спасибо.
— Ломтик пирога?
— Нет, благодарю.
— Может, вот этой замазки на тосте?
— Нет, спасибо.
Она взяла сырную палочку. Я нашел холодное яйцо, которого раньше не заметил. А потом собрался с духом и проговорил:
— Я хочу сказать…
Одновременно и она тоже собралась с духом и проговорила:
— Мне кажется, я знаю…
Получилось опять столкновение в воздухе.
— Пардон.
— Прошу прощения.
— Говорите, пожалуйста.
— Нет, это вы говорите.
Я галантно повел недоеденным яйцом в знак того, что уступаю трибуну ей. И тогда она сказала:
— Мне кажется, я знаю, что вы начали говорить. Вы очень удивлены.
— Да.
— Вы думаете о…
— Именно.
— …о мистере Финк-Ноттле.
— О нем самом.
— И находите мое решение странным.
— Крайне странным.
— Я не удивляюсь.
— А я удивляюсь.
— Между тем, все объясняется очень просто. — Она взяла еще одну сырную палочку. Видно, они ей нравились. — Очень просто, поверьте. Я хочу осчастливить вас.
— Чрезвычайно любезно с вашей стороны.
— Я намерена остаток жизни посвятить вашему счастью.

— Вот это по-дружески!

— По крайней мере, это я могу. Но… можно мне говорить с вами совсем откровенно, Берти?

— Валяйте.

— Тогда я должна вам сказать вот что. Я к вам хорошо отношусь. Я пойду за вас замуж. И постараюсь быть вам хорошей женой. Но моя симпатия к вам никогда не сравнится с той пламенной страстью, какую я питала к Огастусу.

— Я как раз эту тему и хотел затронуть. Тут-то и есть вся закавыка. Почему бы вам не выкинуть из головы мысль о том, чтобы выйти за меня? Забудьте об этом. Ведь если вы любите старину Гасси…

— Уже нет.

— Ну что вы.

— Нет, после того, что произошло сегодня, моя любовь умерла. Безобразное пятно затмило то, что было так прекрасно, и я уже никогда не смогу любить его как прежде.

Разумеется, я понял, о чем она. Гасси швырнул свое сердце к ее ногам, и она его подобрала. А после этого выясняется, что все это время он был в стельку пьян. Для нее это, конечно, был жестокий удар. Какой девушке понравится, если жених должен был напиться до одури, чтобы сделать ей предложение? Это уязвляет ее самолюбие.

Тем не менее я не отступился.

— А вы не подумали, — сказал я, — что вы могли неверно истолковать его сегодняшнее поведение? С виду и вправду все улики налицо, ну а вдруг это просто солнечный удар? У мужчин ведь тоже бывают солнечные удары, особенно когда жарко.

Она посмотрела на меня, и я увидел, что сейчас произойдет новое глазное наводнение.

— Как это похоже на вас, Берти. Я вас за это бесконечно уважаю.

— Ну что вы.

— Да-да. У вас прекрасное, благородное сердце.

— Вовсе нет.

— Я знаю, кого вы мне напоминаете. Сирано.

— Кого-кого?

— Сирано де Бержерака.

— Это у которого нос?

Сказать честно, это мне не очень-то понравилось. Я украдкой пощупал свой паяльник. Немного, может быть, и выдающийся, но, черт побери, до Сирано ему далеко. Я все-таки не Шноззл Дуранте.[43]

— Он любил, но хлопотал за другого.

— А-а, тогда понятно.

— Это мне в вас нравится чрезвычайно, Берти. Это прекрасно. Прекрасно и великодушно. Но бесполезно. Есть вещи, которые убивают любовь. Я никогда не забуду Огастуса, но моя любовь к нему умерла. Я буду вашей.

Ну, что тут скажешь? Надо быть вежливым.

— Отлично, — говорю я ей. — Благодарю.

На этом диалог наш опять как-то выдохся, и вот мы стоим и молча жуем каждый свое: она — сырную палочку, я — крутое яйцо. И чувствуется некоторая неопределенность насчет того, что же дальше.

По счастью, неловкость еще не успела занять доминирующие позиции, как входит Анджела, и на этом кончился наш тет-а-тет. Чертова Бассет объявила ей о нашей помолвке, Анджела ее расцеловала и сказала, что Бассет обязательно будет очень-очень счастлива, а Бассет расцеловала Анджелу и сказала, что и она будет очень-очень счастлива с Гасси, и Анджела сказала, что обязательно будет, ведь Огастус такой душка, Бассет поцеловала ее еще раз, а Анджела — ее, и, словом, дело приняло такой беспросветно женский оборот, что я рад был потихоньку унести ноги.

Я бы все равно был бы рад удрать, при любых обстоятельствах, ибо если и пришло время Бертраму задуматься, и задуматься хорошенько, то именно теперь.

По-моему, это был конец. Еще ни разу в жизни, даже когда несколькими годами раньше по оплошности обручился с Гонорией, ужасной кузиной Таппи, у меня не было такого ощущения, будто я провалился по пояс в трясину и вот-вот бесследно уйду в нее с головой. Я побрел прочь, вышел в сад, нервно мусоля в зубах дымящуюся сигарету и чувствуя, как клинок все глубже вонзается в сердце. Я шел как во сне и пытался представить себе, каково это будет — постоянно, до конца дней лицезреть перед собой эту самую Бассет, и одновременно прилагал усилия, чтобы не представлять себе этого, если вы меня понимаете, и вдруг наткнулся на что-то, что могло быть деревом, но не было — потому что это был Дживс.

— Прошу прощения, сэр, — произнес он. — Мне следовало вовремя посторониться.

Я не ответил. Я просто стоял и молча смотрел на него, так как его вид изменил направление моих мыслей.

Кого мы видим перед собой? Дживса, — думал я. Правда, последнее время, как мне казалось, хватка у него стала уже не та, и он частично

утратил былое могущество, но ведь возможно, что я ошибался, разве нет? — спрашивал я себя. Что если подтолкнуть его на поиски ходов и выходов, а вдруг он нащупает путь, по которому я смогу выбраться на свободу, и всем привет? Я сам же себе ответил, что да, это вполне возможно.

Ведь вон как у него затылок сзади выпирает, ничуть не меньше, чем прежде. И глаза так осмысленно поблескивают.

Конечно, после всего, что произошло между нами из-за белого клубного пиджака с золотыми пуговицами, я не расположен был так уж безоглядно на него полагаться. Но можно ведь просто выслушать его мнение. Вспоминая его былые триумфы — дело Сипперли, эпизод с тетей Агатой и собачкой Макинтошем, и блестяще проведенная операция с дядей Джорджем и племянницей барменши среди прочих первыми встают в памяти, — я решил, что будет, пожалуй, только справедливо, если я дам ему шанс прийти на помощь молодому хозяину в час смертельной опасности.

Но прежде всего надо, чтобы между нами была полная ясность, и никаких недомолвок.

— Дживс, — вымолвил я. — Мне надо вам кое-что сказать.

— Сэр?

— Тут у меня возникли некоторые сложности.

— Мне грустно это слышать, сэр. Могу ли я быть полезен?

— Не исключено. Если только вы не утратили хватку. Признайтесь честно, Дживс, вы сейчас в хорошей форме, умственно?

— Вполне, сэр.

— По-прежнему заправляетесь рыбой?

— Да, сэр.

— Тогда возможно, что все еще устроится. Но сначала я должен обговорить с вами одну деталь. В прошлом, когда вы выручали из затруднений меня самого или кого-нибудь из нашей компании, вы нередко норовили воспользоваться моим чувством благодарности в своих личных целях. Вспомните, например, фиолетовые носки. Или итонские гамаши. Хитрейшим образом выбрав момент, когда я размяк от облегчения, вы вынудили меня от них отказаться. Так вот, я предупреждаю: если вы и теперь добьетесь успеха, то чтобы никаких разговоров насчет моего белого клубного пиджака.

— Очень хорошо, сэр.

— Вы не явитесь ко мне после всего с просьбой, чтобы я его выбросил вон?

— Ни в коем случае, сэр.

— Ну, тогда, при этом условии, продолжим разговор. Дживс, я обручен.

— Желаю вам большого счастья, сэр.

— Не придуривайтесь. Я обручен с мисс Бассет.

— Вот как, сэр? Мне не было известно, что…

— И мне тоже. Это оказалось для меня полной неожиданностью. Но как бы то ни было, что есть, то есть. Официальное уведомление содержалось в той записке, которую вы мне передали.

— Это странно, сэр.

— Что именно?

— Странно, если содержание записки было таково, как вы говорите. У меня сложилось впечатление, что мисс Бассет, отдавая мне ее, была далеко не в радостном настроении.

— Она так и есть, далеко не в радостном настроении. Думаете, она в самом деле хочет выйти за меня? Да вы что, Дживс?! Она просто притворяется. В Бринкли-Корте вообще от бесконечного притворства уже нет житья ни зверю, ни человеку. Долой притворство, вот мое глубокое убеждение.

— Да, сэр.

— Ну, так что же делать?

— Вы полагаете, сэр, что мисс Бассет, несмотря на последние события, все еще питает сердечную склонность к мистеру Финк-Ноттлу?

— Да она только о нем и думает.

— В таком случае, сэр, по-видимому, самое лучшее — это чтобы они помирились.

— Но как? Как это сделать? Вот видите, Дживс. Вы молчите и только крутите пальцами. У вас нет ответа.

— Напротив, сэр. Я крутил пальцами просто потому, что это стимулирует мысль.

— Тогда крутите дальше.

— В этом нет необходимости, сэр.

— То есть рыбка уже на крючке?

— Да, сэр.

— Я потрясен, Дживс. Выкладывайте скорее.

— Напомню, что о способе, который я имею в виду, я вам уже говорил, сэр.

— Когда это вы мне говорили о каких-то способах?

— Если вы обратитесь мыслью к вечеру нашего приезда сюда, сэр, то

вспомните, что вы тогда поинтересовались, как я собираюсь помирить мисс Анджелу с мистером Глоссопом, и я позволил себе выдвинуть предложение…

— Господи! Вы снова про пожарный колокол?

— Именно так, сэр.

— Вы все еще не отказались от этой мысли?

— Нет, сэр.

Можете себе представить, как меня оглоушил перенесенный удар: вместо того, чтобы просто отмахнуться, сказать: «Тьфу!» или что-то в этом роде, я всерьез задумался, а вдруг тут все же что-то есть.

Когда он в первый раз выдвинул свой план пожарной тревоги, я, если помните, сразу же его пресек, решительно и бесповоротно. «Чепуха!» — так я сформулировал свое мнение и с прискорбием усмотрел тут признак деградации некогда великого ума. Но вот теперь мне показалось, что, может быть, не так уж это и бессмысленно. Дело в том, что я уже дошел до такой крайности, когда человек готов испробовать любую идею, даже самую бредовую.

— Ну-ка, еще раз напомните мне, Дживс, что именно вы тогда предложили, — призадумавшись, попросил я. — Помнится, я тогда счел, что это вздор, но, возможно, какой-то нюанс от меня ускользнул.

— Вы тогда раскритиковали мой план, сэр, как слишком замысловатый, но я полагаю, что на самом деле это не так. Как я себе представляю, сэр, обитатели дома, услышав колокол, решат, что где-то горит.

Я кивнул. Это показалось мне убедительным.

— Да, пожалуй.

— И тогда мистер Глоссоп бросится спасать мисс Анджелу, а мистер Финк-Ноттл с тем же намерением поспешит к мисс Бассет.

— Это все основано на психологии, Дживс?

— Да, сэр. Быть может, вы припомните, что, согласно аксиоме Шерлока Холмса, вымышленного героя книг покойного сэра Артура Конан Дойла, при пожарной тревоге каждый человек инстинктивно бросается спасать то, что ему всего дороже.

— А не может получиться, что Таппи вынесет из горящего дома большой кус пирога с телятиной и почками? Однако продолжайте, Дживс. Вы думаете, что таким образом все разрешится?

— После такого происшествия взаимоотношения внутри двух пар едва ли могут остаться холодными, сэр.

— Возможно, вы и правы. Но черт подери, если мы поднимем трезвон

среди ночи, мы ведь можем до родимчиков перепугать домашний персонал. Тут есть одна горничная — кажется, ее зовут Джейн, — она и так уже подпрыгивает до потолка, когда столкнешься с ней в коридоре.

— Нервная девушка, сэр, ваша правда. Я тоже заметил. Но если приступить к делу не откладывая, такой неприятности удастся избежать. Сегодня весь штат, исключая месье Анатоля, будет до полуночи на балу в Кингем-Мэноре.

— Ну, конечно! Видите, до чего меня довели все эти переживания. Хорошо еще своего имени не забыл. Ну, ладно, давайте представим себе, как это все будет. Звонит колокол: бумм, бумм! Гасси бежит и хватает в охапку Бассет… Одну минуточку. Почему бы ей просто не сойти вниз по лестнице?

— Вы упускаете из виду воздействие внезапной тревоги на женский темперамент, сэр.

— Да, верно.

— Первым порывом мисс Бассет, вероятно, будет выброситься в окно.

— Нет, это уж никуда не годится. Нельзя допустить, чтобы она разбилась в лепешку на газоне. Недостаток вашего плана, Дживс, состоит в том, что так мы весь парк усеем искалеченными трупами.

— Нет, сэр. Вы забываете, что мистер Траверс из страха перед грабителями все окна забрал толстыми решетками.

— Ах, да, верно. Что ж, тогда у меня вопросов больше нет, — сказал я не совсем уверенным голосом. — Может быть даже, все и получится. Но у меня такое предчувствие, что где-нибудь что-нибудь да сорвется. Впрочем, в моем положении не приходится пренебрегать хотя бы одним шансом из ста. Я принимаю ваш план, Дживс, пусть, как я уже сказал, и не без некоторых сомнений. В котором часу будем звонить?

— После полуночи, сэр.

— То есть в начале первого ночи, вы хотите сказать?

— Да, сэр.

— Заметано. Ровно в двенадцать тридцать я ударю в колокол.

— Прекрасно, сэр.

22

Не знаю, в чем тут дело, но в загородных домах после наступления темноты мне становится как-то не по себе. В Лондоне я могу, не дрогнув, провести вне дома хоть всю ночь напролет и явиться под утро вслед за

молоком; но в сельской местности оставьте меня одного в саду, когда основной состав гостей уже расселся по насестам и все двери на запоре, и у меня расползаются мурашки по коже. Ночной ветер раскачивает верхушки деревьев, сучья потрескивают, в кустах шуршит, оглянуться не успел, как уже всякое присутствие духа у тебя испарилось, того и жди, сзади подкрадется, рыдая, фамильное привидение.

Чертовски неприятное чувство. А от сознания, что тебе вскоре предстоит ударить в самый голосистый пожарный колокол, какой есть в Англии, и поднять в этом тихом, затененном доме панику и военную тревогу, легче на душе не становится, можете мне поверить.

Что собой представляет пожарный колокол в Бринкли-Корте, я знал. Трезвон он поднимает такой, что не дай Бог. Дядя Том мало того что недолюбливает грабителей, но еще решительно не согласен испечься заживо в своей постели, поэтому, купив дом, он позаботился, чтобы у здешнего пожарного колокола был голос, от какого человека может хватить инфаркт, уж во всяком случае не подумаешь, что это чирикает сонная пташка в плюще.

Когда я в детстве приезжал погостить в Бринкли, нам нередко устраивали после отбоя учебную пожарную тревогу, и я, бывало, вскакивал очумелый ото сна словно при звуке трубы архангела.

Признаюсь, при воспоминании о том, на что способен этот колокол, если возьмется за дело всерьез, я замедлил шаги у будки, в которой он помещался. При взгляде на веревку на фоне белой стены я представил себе, какой зверский рев сейчас разорвет мирную тишину ночи, и меня с новой силой охватило вышеописанное неприятное чувство.

Более того, поразмыслив на досуге, я вовсе разуверился в удачном осуществлении Дживсова замысла. Он-то был убежден, что перед лицом страшной опасности у Гасси и Таппи будет только одно на уме: спасти Бассет и Анджелу. Я не мог разделить его оптимизма, как ни старался.

Я ведь знаю, как поступают мужчины, когда им в лицо' смотрит страшная опасность. Помню, мне рассказывал Фредди Уиджен, один из самых галантных наших «трутней», как в одном приморском отеле, где он отдыхал, случился пожар, так он не то что не бегал по этажам, спасая женщин, а за десять секунд съехал по пожарной лестнице на землю, и на уме у него было только одно: личное благополучие Ф. Уиджена.

А что до заботы о представительницах нежного пола, то, о его словам, он был согласен стоять под окнами и ловить их в растянутое одеяло, но не более того.

Почему же, в таком случае, от Огастуса Финк-Ноттла и 1ильдебранда

Глоссопа следует ждать иного?

Так я размышлял, теребя конец веревки, и, наверное, отменил бы всю эту затею, если бы мне вдруг не пришло в голову, что ведь чертова Бассет никогда еще не слышала нашего колокола, может быть, он как взревет, так она струсит и сразу на попятный? И до того мне это показалось соблазнительно, что я не стерпел, ухватился, не откладывая, за веревку, поустойчивее расставил ноги и рванул изо всех сил.

Я, естественно, не ждал, что после удара колокола воцарятся тишина и спокойствие. И ни спокойствие, ни тишина не воцарились. Последний раз, когда этот колокол звонил на моей памяти, я спал в дальнем флигеле; но даже и там я вылетел из постели, словно пушечное ядро. Теперь же, стоя с ним нос к носу, я получил полный заряд, и могу вас уверить, что в жизни не слышал ничего оглушительнее.

Вообще-то я люблю громкие звуки. Как-то раз Китекэт Поттер-Перебрайт принес в клуб полицейский свисток и заверещал в него прямо у меня над ухом — а я лежу себе в кресле с блаженной улыбкой, откинулся на спинку, глаза прикрыл, как в оперной ложе. И то же самое, когда сынок моей тети Агаты, юный Тос, поджег в гостиной связку цветных ракет, посмотреть, что получится.

Но пожарный колокол в Бринкли-Корте — это уж слишком, даже для меня. Я дернул веревку всего несколько раз и, решив, что все хорошо в меру, пошел к парадному крыльцу лично наблюдать зримые плоды своих дел.

Бринкли-Корт меня не подвел. Я с одного взгляда удостоверился, что народу собралось полно. Смотрю, там виднеется дядя Том в лиловом шлафроке, сям — тетя Далия все в том же желто-голубом. А вон Анатоль, Таппи, Гасси, Анджела, Бассет и Дживс в порядке перечисления. Все на месте как миленькие.

Однако — и это сразу же внушило беспокойство — никаких признаков начала спасательных работ не наблюдалось.

Я-то надеялся увидеть, как в одном углу Таппи заботливо склонился над Анджелой, а в противоположном Гасси обмахивает полотенцем свою Бассет. Вместо этого смотрю: Бассет вместе с тетей Далией и дядей Томом толпятся вокруг Анатоля и стараются указать ему на светлую изнанку, а что до Анджелы и Гасси, то они сидят одна с надменным видом на ограде солнечных часов, другой на траве, потирая ушибленное колено. Таппи же прохаживается взад-вперед по дорожке, один-одинешенек.

Тревожная картина, согласитесь. Я довольно властным жестом подозвал Дживса.

— Ну, Дживс?

— Сэр?

Я строго смерил его взглядом с головы до ног. Вот тебе и «сэр».

— Бесполезно говорить «Сэр?», Дживс. Посмотрите вокруг. Видите? Ваш план провалился.

— Действительно, может показаться, что все сложилось не совсем так, как мы предполагали, сэр.

— Мы?

— Как я предполагал, сэр.

— То-то. Говорил я вам, что ничего из этого не получится?

— Помнится, вы действительно выразили некоторое сомнение, сэр.

— Сомнение тут ни при чем, Дживс. Я с самого начала ни на грош не верил в этот ваш план. Когда вы только выдвинули его, я вам сразу же сказал: «Чепуха», — и оказался прав. Я вас не упрекаю, Дживс, не ваша вина, что вы надорвали мозги. Но в дальнейшем — простите, если это прозвучит для вас обидно, — в дальнейшем я буду знать, что на вас можно полагаться только в самых примитивных вопросах. Будем откровенны, так лучше всего, вы согласны? Искренность и прямота — вот истинное милосердие, не правда ли?

— Совершенная правда, сэр.

— Нож хирурга, и все такое прочее.

— Вот именно, сэр.

— Я считаю…

— Простите, сэр, что перебиваю, но, по-моему, миссис Траверс делает вам знаки.

В этот же самый миг в подтверждение его слов раздалось звонкое «Э-гей! Аттила!», которое могло исторгнуться только из глотки упомянутой родственницы.

— Подойди-ка сюда на минутку, чудовище! — прогудел такой знакомый и — при некоторых условиях — такой горячо любимый голос.

Я подошел. На душе у меня не сказать чтобы было совсем уж спокойно. Я только сейчас спохватился, что не придумал никакого убедительного оправдания своему странному поступку: ни с того ни с сего среди ночи поднять такой трезвон. А тетя Далия на моей памяти, бывало, не стеснялась в выражениях по менее значительным поводам.

Однако на этот раз она не выказала склонность к насилию. Ледяное спокойствие — вот что выразилось на ее лице. Сразу понятно, что перед вами женщина, которая много выстрадала на своем веку.

— Ну, дорогой Берти, — промолвила она. — Как видишь, мы все

собрались.

— Вижу, — осторожно кивнул я.

— Отсутствующих нет?

— Кажется, нет.

— Замечательно. Чем киснуть в постели, куда как здоровее дышать свежим ночным воздухом. Я только-только задремала, и тут ты ударил в колокол. Ведь это ты звонил, милое дитя, верно?

— Да, это я звонил.

— С какой-то целью или просто так?

— Я подумал, что пожар.

— Почему же ты так подумал, дорогой?

— Мне показалось, что я вижу огонь.

— Где огонь, миленький? Покажи тете Далии.

— В одном окне, вон там.

— Понятно. Значит, нас всех подняли с постели и напугали до полусмерти просто потому, что у тебя галлюцинации.

На этом месте дядя Том издал восклицание, как будто из горлышка бутылки выдернули пробку, а Анатоль, чьи усы достигли рекордно низкого положения, пробормотал что-то такое насчет макак и еще прибавил одно слово, вроде «рогомье»,[44] уж не знаю, в каком смысле.

— Признаю свою ошибку. Извините.

— Не извиняйся, крошка. Ты что, не видишь, как мы все рады-радехоньки? А что, собственно, ты тут делал?

— Да так, прогуливался.

— Ясно. И собираешься продолжить прогулку?

— Нет, теперь я, пожалуй, пойду спать.

— Чудесно. Потому что я тоже хочу спать, но не смогла бы глаз сомкнуть, зная, что ты бродишь под окнами и можешь в любую минуту снова дать волю своей буйной фантазии. Что если тебе теперь примерещится розовый слон в гостиной на подоконнике и ты примешься швырять в него камнями?.. Ну, ладно, пошли, Том. Спектакль окончен… Хотя погодите, король тритонов хочет нам что-то сказать… Да, мистер Финк-Ноттл?

Подошел Гасси. Вид у него был встревоженный.

— Послушайте.

— Мы вас слушаем, Огастус.

— Послушайте, что вы намерены делать?

— Лично я намерена снова лечь в постель.

— Но дверь закрыта.

— Которая дверь?
— Парадная. Кто-то ее захлопнул.
— Я ее открою.
— Не открывается.
— Войду через другую дверь.
— Закрыты все двери.
— Как? Кто их закрыл?
— Не знаю.
— Наверное, ветер, — выдвинул предположение я. Тетя Далия посмотрела мне в глаза.
— Не испытывай так безжалостно мое терпение, — умоляюще попросила она. — Хотя бы сейчас.
Действительно, я вдруг заметил, что вокруг царит странная тишина.
Дядя Том сказал, что надо пролезть в окно. Тетя Далия со вздохом спросила:
— Каким образом? Теперь это не под силу ни Ллойд Джорджу, ни Уинстону, ни Болдуину, ведь ты забрал все окна железными решетками.
— М-да. Верно. Вот проклятие. В таком случае надо позвонить.
— В пожарный колокол?
— В дверной замок.
— А проку-то что, Томас? В доме никого нет. Все слуги на балу в Кингеме.
— Но, черт возьми, не можем же мы торчать тут всю ночь!
— Почему же? Очень даже можем. Мы ничего, совершенно ничего не способны предпринять для проникновения в Дом, пока у нас тут орудует этот Аттила. Ключ от задней двери Сеппингс, по всей видимости, взял с собой. Так что нам остается коротать время здесь, пока он не возвратится. Тут поступило предложение от Таппи:
— А что если вывести один из автомобилей, съездить в Кингем и взять у Сеппингса ключ?
Эти слова были встречены благосклонно, спорить не приходится. Озабоченное лицо тети Далии впервые осветила улыбка. Дядя Том одобрительно крякнул. Анатоль произнес нечто в положительном смысле на провансальском диалекте, и даже мордочка Анджелы как будто бы слегка оттаяла.
— Хорошая мысль! — сказала тетя Далия. — Просто превосходная. Скорее бегите в гараж.
Таппи удалился, и во время его отсутствия на тему о его находчивости и уме были сказаны очень лестные слова, причем проводились

возмутительно несправедливые сравнения между ним и Бертрамом. Мне, конечно, было больно это слышать. Но страдания мои оказались недолгими: не прошло и пяти минут, как он, крайне огорченный, уже снова был среди нас.

— Ничего не вышло, — понуро признался он.

— Почему же?

— Гараж заперт.

— Отоприте.

— Ключа нет.

— Тогда покричите и разбудите Уотербери.

— Кто такой Уотербери?

— Шофер, бестолковый. Он живет над гаражом.

— Шофер уехал в Кингем на бал.

Это был последний удар. До сих пор тете Далии удавалось сохранять ледяное спокойствие. Но теперь словно плотину прорвало, годы с нее слетели, и она снова стала прежней Далией Вустер, которая гикала и улюлюкала, вставая на стременах, и, переходя на личности, на чем свет стоит честила господ в красном, которые гнали собак.

— Черт бы драл всех танцующих шоферов! Нечего им делать на балах! Этот Уотербери с самого начала мне не понравился. Чуяла я, что он любитель танцев. Ну, все. Это конец. Теперь нам придется пробыть под открытым небом до самого завтрака. И я очень удивлюсь, если они явятся раньше восьми. Сеппингса от танцев не оторвешь, разве только если с лестницы его спустить. Я его знаю. Ему джаз в голову ударит, и он будет кричать «бис» и бить в ладоши, пока не набьет мозолей. Пропади пропадом все дворецкие, которые танцуют! Что он себе думает? Бринкли-Корт — приличный английский загородный дом или красная балетная школа? Не жизнь, а сплошной русский балет. Ну, ладно, ничего не поделаешь. Мы все, конечно, закоченеем, кроме, — она устремила на меня не совсем дружественный взгляд, — кроме нашего дражайшего Аттилы, который, как я вижу, одет тепло и тщательно. Надеяться не на что, мы погибнем, как детки в лесу из баллады,[45] только выразим предсмертное желание, чтобы наш добрый друг Аттила засыпал наши тела сухими листьями. И еще он, конечно, ударит из уважения к нам в свой любимый пожарный колокол… А вам что угодно, любезнейший?

Она оборвала свою речь и обернулась к Дживсу, который появился под самый конец и стоял на почтительном отдалении, делая попытки обратить на себя внимание.

— Не позволите ли мне высказать предложение, мэм?

Не могу сказать, чтобы за долгие годы нашего сотрудничества с Дживсом я всегда и во всем его одобрял. В его характере есть черты, из-за которых между нами порой возникает охлаждение. Он вообще из тех, кому, как говорится, только дай обшлаг, и они стянут весь рукав. Иногда он работает грубо, как-то он даже сказал, что мой ум — «пренебрежимо малая величина». И неоднократно, как я уже рассказывал, мне с сокрушением приходилось подавлять в нем склонность к зазнайству и к обхождению с молодым господином как с лицом подневольным или крепостным.

А это все серьезные недостатки.

Но в одном я всегда отдавал ему должное. В нем есть какой-то магнетизм, он умеет заворожить и успокоить. Насколько я знаю, ему не доводилось сталкиваться нос к носу с разъяренным носорогом, но, если бы такое и случилось, я уверен, что четвероногое, встретившись с ним взглядом, с разгону остановилось бы как вкопанное и повалилось на спину, мурлыча и дрыгая в воздухе ногами.

Во всяком случае, Дживс моментально усмирил тетю Далию, а она больше всех походила на разъяренного носорога. Он просто стоял в почтительной позе и выжидал, и хотя точной цифры я привести не могу, у меня не было при себе хронометра, но приблизительно через три с четвертью секунды в ней уже произошла заметная перемена к лучшему. Она размягчилась прямо на глазах.

— Дживс! Вы что-то придумали?

— Да, мэм.

— Ваш великий ум включился и выдал результат, как всегда, в трудную минуту?

— Да, мэм.

— Дживс, — проговорила тетя Далия дрожащим голосом, — я сожалею, что говорила с вами так резко. Я была сама не своя. Могла бы догадаться, что просто так, поболтать, вы бы не пришли. Сообщите же нам, что вы придумали, Дживс. Присоединитесь к нашей группе мыслителей и откройте нам, что у вас на уме. Не стесняйтесь, мы ждем ваших добрых вестей. Вы вправду знаете, как вызволить нас из этой передряги?

— Да, мэм. Если кто-нибудь из джентльменов согласится проехаться на велосипеде.

— На велосипеде?

— В сарае за огородом стоит велосипед, мэм. Может быть, один из джентльменов будет не против съездить на нем в Кингем-Мэнор и взять у Сеппингса ключ от задней двери?

— Великолепно, Дживс!

— Благодарю вас, мэм.

— Замечательно!

— Благодарю.

— Аттила! — обернувшись, тихо и властно позвала тетя Далия.

Этого я и опасался. С той самой минуты, как Дживс произнес эти необдуманные слова, у меня возникло предчувствие, что козлом отпущения постараются по возможности выбрать меня. И я приготовился воспротивиться и дать отпор.

Но пока я собирался с силами, мобилизуя все свое красноречие, чтобы отговориться, ссылаясь на то, что я и на велосипеде-то ездить не умею и никак не успею выучиться за короткий срок, имеющийся в моем распоряжении, — провалиться мне на месте, если этот злодей не зарезал меня прямо на корню.

— Да, мэм, мистер Вустер прекрасно справится. Он превосходный велосипедист. Он неоднократно рассказывал мне о своих триумфах за рулем.

Ничего подобного! Ни о каких победах я не рассказывал, можно так чудовищно исказить чужие слова! Я всего только один раз, когда мы с ним в Нью-Йорке смотрели шестидневные велогонки, между делом упомянул в разговоре как интересную подробность, что, когда мне было четырнадцать лет, я, живя летом в доме у священника, который должен был подтянуть меня по латыни, вышел победителем в гонке с препятствиями среди альтовых голосов местного церковного хора.

Ну, разве это значит неоднократно рассказывать о своих триумфах? Он же человек бывалый и не мог не понимать, как невысок уровень состязания среди учеников воскресных школ. И помнится, я ему еще специально рассказал, что у меня была фора в пол-круга и что Уилли Пантинг, фаворит, которому все прочили первенство, был снят с дистанции, так как взял без спроса велосипед старшего брата, и старший брат явился как раз когда дали старт, влепил ему затрещину и увел велосипед, из-за чего он не смог стартовать и был вычеркнут из списка участников. Послушать Дживса, так я прямо чемпион, вся грудь в медалях с головы до ног, как на фотографии, что печатают в газете, когда кто-то проехал от уличного перехода у Гайд-Парка до города Глазго на три секунды раньше расписания.

И мало этого, еще Таппи подлил масла в огонь.

— Совершенно верно, — сказал он, — Берти всегда отлично ездил на велосипеде. Помню, в Оксфорде после ужина в честь победителей в

лодочных гонках он катался безо всего с песнями вокруг двора, быстро-быстро.

— Значит, сможет быстро-быстро съездить в Кингем, — удовлетворенно кивнула тетя Далия. — Чем быстрее, тем лучше. Можно даже и с песнями, если ему так больше нравится… И пожалуйста, раздевайся хоть догола, Берти, мой козленочек, сделай одолжение. Но одетый или безо всего, с песнями или без, отправляйся немедленно.

Тут я обрел дар речи:

— Но я не ездил на велосипеде много лет.

— Тем более пора обновить прежние навыки.

— Я уже, наверное, забыл, как на нем ездят.

— Свалишься разок-другой, и все припомнишь. Метод проб и ошибок самый надежный.

— Но до Кингема так далеко.

— Поэтому скорее в путь.

— Но…

— Берти, милый.

— Но, черт подери…

— Берти, голубок.

— Да, но, черт возьми…

— Берти, мое сокровище.

На том и порешили. И я двинулся в ночь по направлению к сараю, сопровождаемый Дживсом, а тетя Далия крикнула мне вдогонку, чтобы я вообразил себя гонцом, который вез добрую весть из Гента в Экс.[46] Не знаю, никогда о таком не слышал…

— Да, Дживс, — проговорил я с горечью и обидой, когда мы подошли к сараю, — вот чем обернулась ваша блестящая идея! Таппи, Анджела, Гасси и эта проклятая Бассет друг с другом не разговаривают, а я должен ехать восемь миль…

— Девять, сэр.

— …девять миль туда, а потом еще девять обратно.

— Мне очень жаль, сэр.

— Что проку теперь жалеть. Где это орудие пытки на колесах?

— Сейчас я его выведу, сэр.

И вывел. Я с тоской душевной его оглядел.

— А где фонарь?

— Боюсь, что фонаря нет, сэр.

— Нет фонаря?

— Нет, сэр.

— Но без фонаря я могу так грохнуться… налечу на что-нибудь…

Я недоговорил и устремил на него леденящий взор.

— Вы улыбаетесь, Дживс? Вам это кажется забавным?

— Прошу прощения, сэр. Я вспомнил историю, которую мне рассказывал мой дядя Сирил, когда я был маленький. Глупая историйка, сэр, но, признаюсь, меня она очень смешила. Двое мужчин, Николс и Джексон, рассказывал дядя Сирил, ехали в Брайтон на двухместном велосипеде и столкнулись на дороге с фургоном пивовара, такая незадача. Когда приехали их спасать, оказалось, что удар был такой силы, что не разберешь, где кто, что осталось от Николса, а что от Джексона. Поэтому собрали, что смогли, и написали на могиле: «Никсон». Помню, я ребенком ужасно смеялся, сэр.

Я не сразу смог взять себя в руки.

— Смеялись, значит? — переспрашиваю.

— Да, сэр.

— Вам это было смешно?

— Да, сэр.

— И вашему дяде Сирилу тоже было смешно?

— Да, сэр.

— Ну и семейка! Когда в следующий раз встретите вашего дядю Сирила, Дживс, передайте ему от меня, что у него нездоровое и отталкивающее чувство юмора.

— Его уже нет на свете, сэр.

— И то хоть слава Богу… Ну, ладно, давайте сюда эту проклятущую машину.

— Слушаю, сэр.

— Камеры накачены?

— Да, сэр.

— Гайки затянуты, тормоза держат, переключение скоростей действует?

— Да, сэр.

— Ну, привет, Дживс.

Утверждение Таппи, будто в наши с ним университетские годы я якобы безо всего катался на велосипеде по окружности нашего внутреннего дворика, все-таки содержало некоторую долю правды. Однако, хотя факты он привел верные, но ведь не в одних фактах дело. Он не упомянул, что во всех таких случаях я неизменно бывал в сильнейшем подпитии, а человек в подпитии способен на подвиги, против которых в трезвые мгновения его разум бы восстал.

Известно, что под воздействием горячительного можно даже на крокодиле верхом проехаться.

Но сейчас, давя на педали, я выехал на простор ночи, трезвый, как стеклышко, и былые велонавыки меня полностью покинули. Кое-как вихляясь, я катил по дороге, а в памяти теснились все когда-либо слышанные рассказы о велосипедных катастрофах со смертельным исходом, и возглавлял это траурное шествие веселый анекдотец Дживсова дяди Сирила про Николса и Джексона.

Еду я с горем пополам сквозь ночную тьму, а сам думаю: ну как устроены мозги у таких людей, как этот дядя Сирил? Что смешного он усмотрел в дорожном происшествии, приведшем к полной гибели человека, вернее — половины одного человека и половины другого? Непонятно. По-моему, так это одна из самых душераздирающих трагедий, о каких мне доводилось слышать.

В таком духе я, наверное, размышлял бы еще долго, если бы ход моих мыслей не прервала внезапно возникшая необходимость сделать резкий поворот рулем, чтобы избежать столкновения с идущей мне навстречу свиньей.

Я уже подумал, что сейчас повторится вся история с Николсом и Джексоном, но, по счастью, мой ловкий финт влево удачно совпал с энергичным свинским финтом вправо, благодаря чему я прорвался и благополучно покатил дальше, только сердце трепыхалось, как пленная пташка.

В результате этого чудесного спасения в последний миг нервы мои совсем расшатались. Оказывается, по ночам тут свиньи бродят на свободе! Только теперь я осознал, как опасна эта поездка. Сколько еще всяких других бед угрожает велосипедисту под открытым небом и без фонаря после наступления темноты? Один знакомый мне когда-то рассказывал, что в некоторых сельских районах козы имеют обыкновение переходить через дорогу, до отказа натягивая веревку, на которой они привязаны, и на проезжей части получается такая ловушка, что не дай Бог. У его приятеля козья веревка намоталась на педаль, так он семь миль проехал на буксире, вроде гонок с прицепом, и с тех пор стал сам не свой, человека узнать нельзя. А еще я слышал, один тип налетел на слона — бродячие циркачи его на дороге забыли.

Словом, как ни посмотри, нет такого вопиющего несчастья, кроме разве акульего укуса, которое не может произойти с человеком, если, уступив настояниям родных и близких, он, вопреки голосу здравого смысла, согласится выехать в неведомые ночные просторы на простом

педальном велосипеде, и мне не стыдно признаться, что, осознав все вышеизложенное, я изрядно струсил.

Впрочем, что касается коз и слонов, то с ними, вопреки ожиданиям, все обошлось. Ни те, ни другие, как ни странно, мне не встретились. Но и только. В прочих же отношениях все складывалось хуже некуда. Мало того, что все время надо смотреть в оба, чтобы не налететь на слона, так где-то еще собаки лают, нагоняют тоску. А какое нервное потрясение я пережил, когда, спешившись, подошел для проверки к дорожному указателю, смотрю, а на нем сидит сова, ну вылитая моя тетя Агата. Я так ужасно разволновался, что сначала даже подумал было, что это и вправду моя тетя. Но потом, поразмыслив здраво и рассудив, насколько не в ее характере лазить на дорожные указатели, я сумел взять себя в руки и унять дрожь в коленках.

Короче говоря, испытав все эти душевные муки да еще чисто физическую боль в икрах и лодыжках и тем более — в выпуклых частях, Бертрам Вустер, который наконец приземлился на пороге Кингем-Мэнора, был уже совсем не тот Берти Вустер, беззаботный весельчак-фланер, широко известный в прежние времена на Пиккадилли и Бонд-стрит.

Даже непосвященные во внутренние обстоятельства сразу поняли бы, что в эту ночь Кингем-Мэнор разгулялся вовсю. Окна ослепительно сияли, гремела музыка, и вблизи слух улавливал шарканье подошв: дворецкие, лакеи, шоферы, горничные и разная подсобная обслуга, а также, несомненно, повара, самоуглубленно плясали и притоптывали. В общем и целом, «гогот и гул — ночной разгул»,[47] как говорится у поэта.

Оргия происходила в одном из двух залов на нижнем этаже, там вдоль стены шли стеклянные двери, открывавшиеся прямо на аллею, и я устремился туда. Внутри играл оркестр, вовсю наяривая что-то танцевальное, при более благоприятных обстоятельствах мои ноги уже бы, конечно, задергались в такт. Но сейчас у меня была забота посерьезнее, чем в одиночестве бить копытом по гравию. Мне нужен был ключ от задней двери, притом безотлагательно.

Разглядывая с порога толпу танцующих, я не сразу заметил в ней Сеппингса. Но постепенно, выделывая умопомрачительные курбеты, он проник в мое поле зрения. Я было окликнул его раз-другой-третий, но он был слишком поглощен своим делом, и только когда общая волна танца вынесла его на расстояние мой вытянутой руки, я сумел ткнуть его под ребро и тем привлечь его внимание.

От неожиданности он споткнулся об ноги своей дамы, грозно обернулся, однако же, сразу признав Бертрама, сменил враждебность на

изумление.

— Ах! Мистер Вустер?!

Но я был не в настроении обмениваться любезностями.

— Поменьше ахов и побольше ключей, Сеппингс, — решительно произнес я. — Давайте сюда ключ от задней двери.

Он как будто бы недопонял.

— Ключ от задней двери, сэр?

— Вот именно. От задней двери Бринкли-Корта.

— Но он там.

Я от досады прищелкнул языком.

— Насмешки тут неуместны, милейший. Не для того я проехал девять миль на велосипеде, чтобы слушать тут ваши малоудачные шутки. Он у вас в брючном кармане.

— Нет, сэр. Я оставил его у мистера Дживса.

— У кого, у кого?

— У мистера Дживса, сэр. Перед тем, как ехать сюда. Мистер Дживс сказал, что хочет перед сном прогуляться в саду. А потом положит ключ на кухонный подоконник.

Я смотрел на Сеппингса и ничего не понимал. Взгляд у него был ясный, руки не дрожали. Ничего похожего на дворецкого, который хватил лишку.

— То есть все это время ключ находился у Дживса?

— Да, сэр.

Я был не в силах больше произнести ни слова. От избытка эмоций у меня пропал голос. Я растерялся и перестал соображать; одно лишь представлялось совершенно очевидным: по какой-то причине, покамест мне неизвестной, — но надо будет разобраться, как только я проеду на этой проклятущей машине девять миль обратно по темной, безлюдной дороге и изловлю Дживса, — по какой-то причине Дживс сделал мне пакость. Прекрасно сознавая, что легко может в любой момент спасти положение, он заставил тетю Далию и всех остальных куковать в *дезабилье* на лужайке перед домом, и мало того, хладнокровно наблюдал, как его молодой хозяин без всякой нужды отправился в восемнадцатимильную велосипедную поездку.

Я не верил сам себе. Другое дело его дядя Сирил, от него, с его извращенным чувством юмора, можно было бы ожидать такого поступка. Но от Дживса!..

Я вскочил в седло, сдержав вскрик боли от соприкосновения жесткой кожи с потертостью на теле, и пустился в обратный путь.

23

Дживс когда-то говорил мне, не помню, по какому поводу, может быть, просто без всякой связи, есть у него такая привычка, мол, хочешь — верь, хочешь — нет, так вот, он говорил, что в аду нет фурии страшней, чем женщина, которую презрели.[48] И я все думал, что в этом что-то есть. Самому мне, правда, не доводилось презреть женщину, но Понго Туистлтон один раз презрел родную тетку — наотрез отказался встретить на Паддингтонском вокзале ее сына Джеральда, накормить его обедом, посадить в поезд и отправить в школу; так потом разговорам и упрекам конца не было. Письма приходили такие, он рассказывал, что своим глазам не поверишь. Да еще две телеграммы укоризненного содержания и одна открытка с фотографией памятника павшим героям в деревне Литтл-Чилбери и с язвительной надписью.

Так что до сегодняшнего вечера я эту истину не подвергал сомнению. Женщины, которых презрели, бьют абсолютный рекорд, а все прочие — Бог с ними, так я считал.

Но нынче вечером я вынужден был пересмотреть свои взгляды. Если хотите знать, что может вам предложить ад по части свирепых фурий, вам надо взглянуть на беднягу, которого обманом заставили темной ночью, без фонаря, отправиться в длинную и никому не нужную велосипедную поездку.

Я специально подчеркиваю слова: «никому не нужную». Именно это обстоятельство особенно больно язвило душу. Конечно, если бы потребовалось съездить за доктором для спасения ребенка, задыхающегося от крупа, или возникла бы нужда прокатиться до ближайшего кабака ради пополнения опустевшего погреба, тогда другое дело, я первый бы схватился за руль велосипеда, как юный Лохинвар.[49] Но когда тебя подвергли такому испытанию просто чтобы удовлетворить нездоровое чувство юмора твоего собственного личного слуги, это уж, знаете ли, слишком, я ехал взбешенный с самого старта и до финиша.

Так что, хотя Провидение, всегда хранящее в пути хорошего человека, и позаботилось о том, чтобы я доехал живой и невредимый (кроме выпуклых частей), убрало с дороги всех коз, слонов и даже сов, похожих на тетю Агату, тем не менее Бертрам, бросивший, наконец, якорь у крыльца Бринкли-Корта, был сердит и расстроен. И при виде темной Фигуры, шагнувшей со ступеней мне навстречу, я уже был готов раскупорить душу и дать излиться всей горечи, которая в ней бурлила.

— Дживс, — строго проговорил я.

— Это я, Берти.

Голос, произнесший это, был как подогретая патока, и даже если бы я не узнал сразу эту чертову Бассет, все равно было ясно, что он не принадлежит мужчине, которого я так жаждал увидеть. Ибо фигура была в простом шерстяном платье и называла меня по имени. А Дживс, при всех его недостатках, никогда не стал бы носить женское платье и звать меня Берти.

Как раз эту особу мне меньше всего хотелось видеть, тем более сейчас, после нескольких часов в седле, но я все же приветливо буркнул в ответ:

— Вот так так!

Последовала пауза, во время которой я тер колени, свои, понятное дело.

— Стало быть, в дом вы проникли? — намекнул я, имея в виду перемену костюма.

— Да, через четверть часа после вашего отъезда Дживс предпринял поиски и нашел ключ от задней двери на кухонном подоконнике.

— Ха!

— Что?

— Ничего.

— Мне показалось, вы что-то сказали.

— Да нет, ничего.

И я так и остался стоять, не говоря ничего. Потому что на этом этапе, как нередко при моем общении с означенной девицей, разговор наш опять иссяк. Лепетал ночной ветерок — но не Бассет. Чирикнула пташка сквозь сон — но ни звука не сорвалось с уст Берти. Поразительно, как уже одно ее присутствие словно лишало меня дара речи, а с другой стороны, мое присутствие так же действовало на нее. Создавалось впечатление, что нашему будущему браку суждено вылиться в двадцать лет среди монахов-траппистов.[50]

— Дживса не видели? — спросил я наконец, всплывая из глубин.

— Видела. Он в столовой.

— В столовой?

— Прислуживает за столом. Все едят яичницу с беконом и запивают шампанским… Что вы сказали?

А я ничего не сказал. Только фыркнул. Меня как отравленной стрелой пронзила мысль, что они там пируют и веселятся, и им горя мало, а меня, быть может, волокут через поля и луга козы или пожирают слоны. Нечто в

этом же духе происходило, помнится, во Франции перед революцией: спесивые аристократы в своих замках обжирались и распивали вина, а снаружи те, кому не повезло, испытывали всякого рода лишения.

Тут, прервав мои укоризненные мысли, Бассет проговорила:

— Берти.

— А?

Молчание.

— Чего? — переспросил я.

Ответа не последовало. Получалось вроде такого телефонного разговора, когда на одном конце ты сидишь и кричишь: «Алло! Алло!» и не подозреваешь, что на другом конце уже ушли пить чай.

Но в конце концов она все же прорезалась:

— Берти, мне нужно вам кое-что сказать.

— Что?

— Мне нужно вам кое-что сказать.

— Это я понял. Я спрашиваю: что?

— А-а. Я подумала, вы не расслышали, что я говорю.

— Что вы говорили, я прекрасно расслышал. Но что вы собираетесь сказать?

— Понятно.

— Вот и хорошо.

С этим мы разобрались. И тем не менее она, вместо того чтобы перейти к делу, опять взяла тайм-аут. Стоит, пальцами крутит и носком туфли разгребает гравий. А когда заговорила, то я едва на ногах устоял.

— Берти, вы читаете Теннисона?

— Только при крайней необходимости.

— Вы очень похожи на одного рыцаря Круглого Стола из «Королевских идиллий».

Я, понятно, слышал про них — Ланселот там, Галахад и вся их компания, но в чем сходство, ума не приложу. Может быть, она подразумевает каких-то других рыцарей?

— То есть, в каком смысле?

— У вас такое щедрое сердце, такой деликатный характер. Вы такой великодушный, бескорыстный, благородный. Я всегда понимала, что вы один из немногих настоящих рыцарей среди всех моих знакомых.

Ну, что можно сказать в ответ на такую лестную аттестацию? Я буркнул: «Вот как?» или что-то в этом смысле и не без смущения принялся растирать выпуклые части. Опять воцарилось молчание, нарушаемое только, когда я взвизгивал, надавив чересчур сильно.

— Берти.

— Да?

Она судорожно сглотнула.

— Берти, вы будете великодушны?

— Сделайте одолжение. Всегда рад. А в чем, собственно, дело?

— Я сейчас подвергну вас самому суровому, самому жестокому испытанию, какое только выпадало на чью-либо долю. Я должна…

Это мне сильно не понравилось. Я поспешил уточнить:

— Я, конечно, всегда готов вам услужить, но я только что после зверски тяжелого велопробега и на мне живого места нет, особенно на… ну да, как я уже сказал, живого места нет. Если требуется что-то принести сверху, я…

— Нет-нет, вы не поняли.

— Д-да, не совсем.

— Видите ли… Ах, мне так трудно сказать… Вы сами не догадываетесь?

— Нет, провалиться мне, ни в одном глазу.

— Берти… Отпустите меня!

— Я вас где-то зацепил, что ли?

— Освободите меня!

— Осво…

И тут вдруг я все понял. Это я, наверное, от усталости так туго соображал.

— Что-о?! — воскликнул я и пошатнулся. Левая педаль провернулась и стукнула меня по голени. Но в порыве восторга я даже не крякнул.

— Освободить вас?

— Да.

Но в этом вопросе мне нужна была полная ясность.

— То есть вы хотите все отменить? Вы решили все-таки выйти за Гасси?

— Только если вы будете так добры и великодушны, что согласитесь.

— Да я пожалуйста.

— Я дала вам обещание.

— Да Бог с ними, с обещаниями.

— Так, значит, вы в самом деле…

— Вполне.

— О, Берти!

Она вся затрепетала сверху донизу, как молодое деревце. Кажется, это молодые деревца трепещут сверху донизу, если я не ошибаюсь.

— О, чистейший, безупречнейший рыцарь! — пролепетала она умирающим голосом. И поскольку больше тут добавить было нечего, я откланялся, сославшись на то, что две-три песчинки все же засыпались мне за шиворот и надо, чтобы слуги принесли мне перемену просторной одежды. А ей я порекомендовал немедленно отправиться к Гасси и сообщить ему, что все улажено.

В ответ она вроде как икнула, подскочила и чмокнула меня в лоб. Противно, конечно, но, как сказал бы Анатоль, можно перетерпеть неприятности вместе с приятностями. Через мгновение она уже умчалась в сторону столовой, а я, свалив велосипед в кусты, рванулся вверх по лестнице.

Как я ликовал, нет нужды распространяться, это легко себе представить. Человек стоит с петлей на шее, и палач уже готов выбить из-под него доску, и вдруг мчится гонец на взмыленной лошади, размахивая повелением об отмене казни, — все это не идет в сравнение с тем, что пережил я. Ни в какое сравнение. Я был полон такого блаженства, что, идя через холл, даже про Дживса думал миролюбиво.

Но только ступил на первую ступеньку, как сзади меня окликнули, и я обернулся. Посреди холла у меня за спиной стоял Таппи. Похоже, он ходил в подвал за подкреплениями: под мышкой у него виднелось несколько бутылок.

— Привет, Берти, — сказал Таппи. — Вернулся, наконец? — Он весело рассмеялся. — Ну и вид у тебя, прямо «Гибель "Геспера"».[51] Паровой каток тебя переехал, что ли?

В другое время его дурацкая грубая шутка меня бы возмутила. Но сейчас я был в таком приподнятом настроении, что только отмахнулся и сообщил ему радостную весть:

— Таппи, старина, чертова Бассет выходит за Гасси Финк-Ноттла.

— Да? Пожалуй, можно посочувствовать обоим.

— Ты что, совсем глупый? Не соображаешь, что из этого следует? Из этого следует, что Анджела опять свободна, тебе надо только продумать ходы, и…

Он жизнерадостно загоготал. Я заметил, что он чрезвычайно весел. Я сразу обратил на это внимание, еще раньше, но сначала приписал его настроение воздействию алкоголя.

— Господи! Как же ты отстал от жизни, Берти! Ничего удивительного, конечно, если кататься на велосипеде всю ночь напролет. Мы с Анджелой уже несколько часов как помирились.

— Ну? Правда?

— Мир, мир навсегда, все забыто, да-да-да. Минутная размолвка, и только. В таких случаях требуется лишь немного уступчивости и гибкости с обеих сторон, и все. Мы встретились с глазу на глаз, все обсудили. Она взяла назад мой двойной подбородок, я согласился с ее акулой. Проще простого. Всего-то дел на две минуты.

— Но…

— Прости, Берти. Некогда мне болтать с тобой всю ночь. Там в столовой затеялся славный выпивон, и меня ждут с боезапасами.

В подтверждение его слов из столовой сквозь закрытую дверь донесся громкий клич, и я узнал — да и кто бы затруднился узнать? — зычный голос моей тети:

— Глоссоп!

— Ау!

— Несите выпивку!

— Иду!

— Вот и идите! Гоните коней во весь опор!

— Да-да, улю-лю! И, конечно, ату-ату! Твоя тетя, Берти, сейчас вне себя от счастья. Как и что было, я точно не знаю, но, в общем и целом, Анатоль заявил об уходе, а потом согласился остаться, и, кроме того, твой дядя дал ей чек на журнал. Подробности мне не известны, но она просто ожила. Ладно, увидимся позже. Мне надо бежать.

Сказать четко и ясно, что Бертрам остался как в тумане, значит выразить самоочевидную истину. Я совершенно ничего не понимал. Когда я выехал из Бринкли-Корта, там царила беда, всюду, куда ни глянь, — разбитые сердца; но вот теперь, вернувшись, застаю здесь прямо-таки райское благоденствие. С ума можно сойти.

Растерянный, я плюхнулся в ванну. В мыльнице по-прежнему лежал гуттаперчевый утенок, но я впал в такую задумчивость, что мне было не до него. Возвращаюсь, недоумевая, к себе в комнату, а там — Дживс. Можете себе представить, в каком я был умственном помрачении, если вместо того, чтобы бросить ему слова сурового укора, я обратился к нему с вопросом:

— Послушайте, Дживс…

— Добрый вечер, сэр. Меня уведомили о вашем возвращении. Надеюсь, вы приятно прокатились?

В любое другое время подобная шутка пробудила бы в Бертраме Вустере зверя. Но сейчас я пропустил ее мимо ушей. Мне нужна была разгадка тайны, а прочее не имело значения.

— Послушайте, Дживс, как же так?

— Сэр?

— Что все это значит?
— Вы имеете в виду, сэр…
— Еще бы я не имел в виду! Вы же понимаете, о чем я. Что тут произошло после моего отъезда? Дом под завязку набит счастливыми концами.
— Да, сэр. Рад вам сообщить, что мои усилия увенчались успехом.
— Что значит, ваши усилия? Уж не хотите ли вы сказать, что это все результат вашей дурацкой затеи с пожарным колоколом?
— Именно так, сэр.
— Не будьте ослом, Дживс. Ваш план провалился.
— Не совсем, сэр. Боюсь, что я был не вполне искренен, побуждая вас позвонить в колокол. Я не предполагал, что этого одного окажется достаточно для достижения желаемого эффекта. По моему замыслу, пожарная тревога должна была послужить лишь, так сказать, увертюрой, а далее воспоследовало бы собственно действие.
— Не заговаривайтесь, Дживс.
— Отнюдь, сэр. Было важно, чтобы дамы и господа покинули дом и я бы мог устроить так, чтобы они в течение необходимого времени оставались снаружи.
— Да зачем же?
— Мой план основывался на психологии, сэр.
— Как это?
— Общеизвестно, сэр, что никакие усилия так не сплачивают людей, имевших несчастье поссориться между собой, как совместная антипатия к третьему лицу. Скажем, в моем родном доме, если мне будет дозволено сослаться на столь ничтожный пример, при возникновении трений между домочадцами достаточно было пригласить в гости тетю Анни, и тут же происходило всеобщее примирение. Аксиома, сэр. Рассорившиеся члены семьи немедленно объединялись в общей вражде к тете Анни. Вот я и подумал, если дамы и господа окажутся обреченными на ночевку под открытым небом и виновником подобного неудобства удастся выставить вас, то они исполнятся к вам такого недоброжелательства, что это общее чувство в конце концов их помирит.
Я хотел было возразить, но он продолжал:
— Так и получилось. Как видите, сэр, теперь все улажено. Когда вы уехали, рассорившиеся стороны принялись так дружно вас ругать, что возникло, как говорится, в человеках благоволение, и вскоре мистер Глоссоп уже прогуливался под деревьями с мисс Анджелой и рассказывал ей всякие неприятные случаи из вашей университетской жизни, а она ему

— истории из вашего детства; мистер же Финк-Ноттл тем временем, облокотившись о солнечные часы, очень успешно развлекал мисс Бассет воспоминаниями о ваших школьных годах; а миссис Траверс, между тем, живописала месье Анатолю…

Тут уж я не вытерпел и сказал:

— Все понятно. В результате вашей проклятой психологии тетя Далия, конечно, так на меня разозлилась, что теперь пройдут годы и годы, прежде чем я осмелюсь снова здесь объявиться, — годы, Дживс, в течение которых Анатоль ежедневно будет создавать свои шедевры, а я…

— Нет, сэр. Именно в этих видах я и предложил, чтобы в Кингем-Мэнор поехали на велосипеде вы. Когда я объявил, что ключ нашелся, и все прониклись сознанием, что вы попусту прокатились среди ночи в такую даль, общее недоброжелательство немедленно улетучилось и сменилось веселым, добродушным смехом.

— Ах, смехом.

— Да, сэр. Возможно, что вы станете на некоторое время объектом беззлобных насмешек, но и только. Все, если мне будет дозволено так выразиться, прощено и забыто, сэр.

— М-да?

— Да, сэр.

Я задумался.

— Выходит, вы все уладили.

— Выходит, что да, сэр.

— Таппи с Анджелой снова жених и невеста. Гасси со своей Бассет тоже. Дядя Том раскошелился и выдал денег на «Будуар знатной дамы». И Анатоль остается.

— Да, сэр.

— Похоже, все хорошо, что хорошо кончается, а?

— Очень метко сказано, сэр. Я еще немного поразмыслил.

— Но все равно, Дживс, ваши приемы грубоваты.

— Невозможно приготовить омлет, не разбив яиц, сэр. Я встрепенулся.

— Омлет! Как вы думаете, вы не могли бы мне его соорудить прямо вот сейчас?

— Конечно, сэр.

— И к нему полбутылочки чего-нибудь такого?

— Несомненно, сэр.

— Тогда давайте, да поскорее!

Я улегся в постель, откинулся на подушки. Мой праведный гнев, надо

признать, заметно утих. Все тело, с ног до головы, у меня болело, особенно посередине. Но зато я уже больше не был обручен с Мадлен Бассет. А ради хорошего дела можно и пострадать. Да, как ни посмотри на вещи, Дживс поступил правильно. И, придя к такому заключению, я встретил его одобрительной улыбкой, когда он возвратился с подносом.

Но он на мою улыбку не откликнулся. Выражение лица у него, как мне показалось, было довольно сумрачное. Я доброжелательно поинтересовался:

— Что-нибудь не так, Дживс?

— Да, сэр. Мне следовало признаться раньше, но сегодня вечером столько всего произошло, что из головы выскочило. Боюсь, я допустил небрежность, сэр,

— Вот как, Дживс? — отозвался я, уплетая за обе щеки.

— В связи с вашим клубным пиджаком.

Меня пробрал холодный ужас, и я чуть не подавился куском омлета.

— Весьма сожалею, сэр, но сегодня после обеда, когда я его гладил, я нечаянно оставил на нем горячий утюг. Боюсь, что больше вы уже не сможете его надеть, сэр.

Комнату наполнила так называемая многозначительная тишина.

— Я крайне сожалею, сэр.

Признаюсь, на мгновение меня снова охватил прежний праведный гнев, поигрывая мышцами и храпя ноздрями, но, как говорили на Ривьере, a quoi sert-il.[52] Праведный гнев был теперь совершенно бесполезен.

Мы, Вустеры, умеем мужественно переносить неудачи. Я печально кивнул и нацепил на вилку еще кусок омлета.

— Да ладно, Дживс.

— Благодарю вас, сэр.

Тысяча благодарностей, Дживс

Перевод с английского Л. Мотылевой и Л. Мотылева

1

Удобно усевшись за стол и приступив к яичнице с ветчиной, которую Дживс дал мне от щедрот своих, я испытывал, если можно так выразиться, странную экзальтацию. Обстановка казалась благоприятствующей. Я снова был в своей старой насиженной цитадели, и сама мысль, что я больше не увижу Тотли-Тауэрс, сэра Уоткина Бассета, его дочь Мадлен и, главное, презренного Спода, или лорда Сидкапа, как он теперь себя называет, действовала на меня как средняя взрослая доза одного из тех общедоступных лекарств, которые поднимают общий тонус и вселяют в человека бодрость.

— Яичница, Дживс, — объедение, — сказал я. — Вкусней не бывает.

— Да, сэр?

— Без сомнения, эти яйца откладывали довольные жизнью несушки. И кофе отменный. Не премину пропеть хвалу и бекону. Скажите, вам не кажется, что со мной сегодня утром что-то творится?

— По-моему, вы в хорошем настроении, сэр.

— Да, Дживс, сегодня я чувствую себя счастливым.

— Очень рад это слышать, сэр.

— Можно сказать, я на седьмом небе, и радуга висит у меня через плечо.

— Прекрасное положение вещей, сэр.

— Помните то слово, начинается с «эй», я слышал, как вы иногда говорите его?

— Эйфория, сэр?

— Вот именно. У меня давно не было такого острого приступа эйфории. Я полон до краев витамином «Б». Хотя, конечно, как долго это продлится, неизвестно. Бывает, только развеселишься, а тут уже тучи начинают делать свое черное дело.

— Совершенно верно, сэр. «Я наблюдал, как солнечный восход ласкает горы взором благосклонным, потом улыбку шлет лугам зеленым и золотит поверхность бледных вод. Но часто позволяет небосвод слоняться

тучам перед светлым троном. Они ползут над миром омраченным, лишая землю царственных щедрот.»[53]

— Вот именно, — согласился я, подумав, что сам не смог бы сказать складнее. — Всегда нужно быть готовым к перемене погоды. Но пока она не произошла, будь счастлив в полную меру.

— Абсолютно точно, сэр. Carpe diem,[54] советовал римский поэт Гораций. Английский поэт Геррик выразил те же мысли и чувства, сказав, что «нужно розы рвать, пока они свежи». Ваш локоть в масленке, сэр.

— Ой, спасибо, Дживс.

Что ж, пока неплохо. Начало удачное. Но как вести повествование дальше, просто не знаю. Не представляю себе, как писать новую главу Истории Бертрама Вустера — а именно на это я собираюсь замахнуться, — не углубляясь в прошлое, не упоминая событий, случившихся в предыдущих главах и не объясняя, кто есть кто и что, где, когда и почему произошло; но начни я объяснять все это, что скажут те читатели, которые идут со мной рука об руку с самого начала? Они закричат: «Старье!» или, как говорят французы: «Deja vu».[55]

С другой стороны, я не должен забывать и о новичках. Нельзя допустить, чтобы бедолаги бились над решением ребусов. А то между нами может состояться примерно следующий обмен репликами:

Автор: Я почувствовал огромное облегчение, улизнув из Тотли-Тауэрс.

Новичок: Что это, Тотли-Тауэрс?

Автор: Дело шло к тому, что мне придется жениться на Мадлен.

Новичок: Кто это, Мадлен?

Автор: Понимаете, Гасси Финк-Ноттл сбежал с кухаркой.

Новичок: Кто это, Гасси Финк-Ноттл?

Автор: Но, к счастью, поблизости оказался Спод и перехватил ее, чем спас меня от эшафота.

Новичок: Кто это, Спод?

Сами видите, положение безнадежное. Бестолковщина, одним словом. Я вижу единственный выход: попросить читателей со стажем отвлечься ненадолго, есть множество дел, которыми они могли бы заняться — помыть машину, разгадать кроссворд, выгулять собаку, — пока я введу в курс дела начинающих.

Коротко говоря, в силу обстоятельств, о которых здесь нет нужды распространяться, Мадлен Бассет, дочь сэра Уоткина Бассета из Тотли-Тауэрс, графство Глостершир, долгое время полагала, что я безнадежно в

нее влюблен, и уведомила меня, что если ей когда-нибудь представится случай дать своему нареченному Гасси Финк-Ноттлу от ворот поворот, она выйдет за меня замуж. Такой поворот нисколько меня не устраивал, ведь хотя я и сознавал, что она писаная красавица, она отвращала меня тем, что была сладко-слезливой барышней, звезды на небе считала Божьими цветочками и верила, будто всякий раз, как высморкается фея, на свет появится младенец. А это, как вы сами понимаете, последнее, что захочешь иметь у себя в доме.

Так вот, когда Гасси неожиданно сбежал с кухаркой, казалось, что Бертраму уже недолго осталось гулять на свободе. Если девушка думает, что вы в нее влюблены, и выражает желание выйти за вас замуж, не скажете же вы ей, что с большей радостью сдохнете в канаве. Конечно, это при условии, что вы, как говорится, истый preux chevalier,[56] а быть таковым я всегда стремлюсь.

Но в тот момент, когда я уже был готов надеть терновый венец, вдруг, как я сказал, появился Спод, теперь живущий под именем лорда Сидкапа. Он давно любил ее за одухотворенность, но все не мог собраться об этом сказать, и теперь, когда он объяснился, они тут же спелись. Возможно, сознание того, что она нашла себе пару и больше не представляет угрозы, было важнейшей составляющей моей теперешней эйфории.

Надеюсь, после этих разъяснений все стало ясно и дураку. Итак, продолжим. На чем мы остановились? Ах, да, я сказал Дживсу, что пребываю на седьмом небе и радуга висит у меня через плечо, но усомнился в том, что это продлится долго, и оказался прав: не успел я дважды поднести вилку ко рту, как жизнь дала мне почувствовать, что она не сладкозвучная песня, а цепь колдобин и суровых испытаний.

— Мне показалось, Дживс, — завел я досужий разговор, потягивая кофе, — или действительно сегодня утром, когда с меня спала пелена сна, я слышал стук вашей пишущей машинки?

— Да, сэр. Я кое-что сочинял.

— Письмо Чарли Силверсмиту по долгу родства или, может быть, стихи в духе того чудака, который призывал срывать розы?

Чарли Силверсмитом звали его дядю, который служил дворецким в Деверилл-холле, где в свое время мы так мило гостили.

— Ни то, ни другое, сэр. Я записывал недавние события в Тотли-Тауэрс для клубной книги.

Здесь — вот ведь незадача! — я снова должен попросить читателей-ветеранов отвлечься, пока я буду растолковывать что к чему новобранцам.

Дживс, да будет вам известно (это я уже обращаюсь к новобранцам),

состоит в клубе дворецких и камердинеров, расположенном в районе Керзон-стрит, а каждый член этого клуба, согласно уставу, обязан заносить в клубную книгу самые свежие сведения о своем хозяине, чтобы желающие найти место, ознакомившись с ними, могли знать, что их ждет. Решивший наняться на работу член клуба заглядывает в клубную книгу, и если выясняется, что интересующий его джентльмен каждое утро оставляет на крыльце крошки для птиц и регулярно спасает золотоволосых детей, бросаясь под колеса автомобилей, то все в порядке, и он соглашается на работу без колебаний. Если же выясняется, что предполагаемый хозяин частенько пинает голодных собак и по утрам запускает овсянкой в прислугу, то искатель места вовремя получает предупреждение, что надо держаться от такого субъекта подальше.

Очевидно, рациональное зерно во всем этом есть, но, по-моему, такая книга — это бомба замедленного действия, и она должна быть запрещена. Дживс сказал, что одиннадцать страниц в ней посвящены мне; а как отреагирует тетя Агата, спросил я, попади книга ей в руки, ведь я у нее и так на плохом счету? Она уже высказывалась обо мне напрямик несколько лет назад, когда я был найден в спальне с двадцатью тремя кошками, — можно подумать, мне их общество было в радость! — и еще раз, когда я был обвинен — как вы понимаете, облыжно, — в том, что бросил на острове посреди озера члена кабинета министров А.Б. Филмера. Какой же простор дадут ее красноречию мои злоключения в Тотли-Тауэрс! Воображение просто пасует, Дживс, сказал я.

На это Дживс заявил, что книга не попадет в руки тете Агате: вряд ли она заглянет в «Подручный Ганимеда», — так называется клуб, — и поэтому нечего, мол, беспокоиться. Его доводы казались убедительными, и ему более или менее удалось унять мой трепет, но все-таки я не мог избавиться от чувства беспокойства, и, когда я обратился к нему, мой голос дрожал от волнения.

— Боже мой! — выпалил я, если слово «выпалил» сюда подходит. — Неужели вы действительно собираетесь записать события в Тотли?

— Да, сэр.

— И как меня подозревали в краже янтарной статуэтки у старика Бассета?

— Да, сэр.

— И что я провел ночь в тюремной камере? Нельзя ли без этого обойтись? Почему бы не предоставить мертвому прошлому погребать своих мертвецов? Почему бы не предать все это забвению?

— Это невозможно, сэр.

— Почему невозможно? Не говорите мне, что вы ничего не забываете. Ваша голова — не бездонная бочка.

Я думал, что положил его на лопатки, но не тут-то было.

— Как член клуба, я не имею права оказать вам эту услугу. Пункты устава, касающиеся клубной книги, очень строги, и за неподачу сведений установлено суровое наказание. Известны прецеденты, когда провинившихся исключали.

— Понимаю, — сказал я. Я вполне сознавал, что он раздираем противоречием: вассальная приверженность побуждала его служить молодому хозяину верой и правдой, в то время как естественное нежелание вылететь из горячо любимого клуба подталкивало его отмахнуться от хозяйских терзаний. Ситуация, как мне казалось, вынуждала искать компромисс. — Не могли бы вы тогда как-то подретушировать свой рассказ? Выкинуть парочку наиболее смачных эпизодов?

— Боюсь, что нет, сэр. От нас требуют полного отчета. Комитет на этом настаивает.

Думаю, я погорячился, когда выразил пожелание, чтобы члены его проклятого комитета поскользнулись на банановой кожуре и свернули себе шеи, потому что, как мне показалось, по его лицу скользнула тень страдания. Но он умел уважать чужое мнение и простил мне этот выпад.

— Понимаю ваши чувства, сэр. Но поставьте себя на место членов комитета. Клубная книга — исторический документ. Она существует уже более восьмидесяти лет.

— Тогда она должна быть величиной с дом.

— Нет, сэр, она состоит из отдельных томов. Записи в последнем ведутся уже около двенадцати лет. И нужно помнить, что не всякий хозяин заслуживает того, чтобы много о нем писать.

— Заслуживает?!

— Я хотел сказать: дает к этому повод. Как правило, нескольких строк бывает достаточно. Ваши восемнадцать страниц — исключение.

— Восемнадцать? Я думал, что одиннадцать.

— Вы забываете про мой отчет о ваших злоключениях в Тотли-Тауэрс, который я уже почти закончил. Предвижу, что он займет примерно семь страниц. Позвольте, сэр, я похлопаю вас по спине.

Он вызвался оказать мне эту любезность, потому что я поперхнулся глотком кофе. Хватило нескольких похлопываний, чтобы я пришел в себя и почувствовал, что разгневан не на шутку, как это бывает всякий раз, когда речь заходит о его литературной работе. Восемнадцать страниц, — как вам это! — и на каждой уйма таких фактов, которые, всплыви они

наружу, отправят на дно мою репутацию. Я испытывал сильное желание отдубасить тех, кто все это выдумал, и в моем голосе зазвучал благородный гнев.

— Ужасно. Просто ужасно. Знаете, чему ваш проклятый комитет способствует? Шантажу, вот чему. Представьте, что книга попала в руки недостойного человека. Чем это может кончиться? Полным крахом репутации, Дживс.

Выпрямился он в этот момент или нет, я не знаю: я зажигал сигарету и не видел, — но он заговорил ледяным тоном, каким говорят, когда вытянутся во весь рост.

— Среди членов клуба «Подручный Ганимеда» нет недостойных людей.

Я запротестовал.

— Это вы так думаете. А как же Бринкли? — спросил я. — Он ведь член клуба?

Этот Бринкли поступил ко мне на службу несколько лет назад по рекомендации агентства, когда наши пути с Дживсом ненадолго разошлись из-за того, что он не одобрял моего увлечения игрой на банджолайке.

— Провинциальный член, сэр. Он редко появляется в клубе. Кстати, сэр, его фамилия не Бринкли, а Бингли.

Я раздраженно отмахнулся мундштуком. Бринкли он или Бингли — погоды не делало.

— Как его зовут, не суть важно, Дживс. А важно, что, отлучившись из дома в свое свободное время, он вернулся в состоянии сильного опьянения, поджег дом и пытался нашинковать меня, как кочан капусты.

— Очень неприятный инцидент, сэр.

— Услыхав шум, я спустился из своей комнаты и стал свидетелем его рукопашной схватки с напольными часами, которые, видно, чем-то ему не угодили. Потом он опрокинул лампу и бросился на меня по лестнице с саблей наголо. Только чудом я остался ныне здравствующим Бертрамом Вустером, воистину только чудом. А вы говорите, что среди членов клуба «Подручный Ганимеда» нет недостойных людей. Ха! — сказал я. Я редко пользуюсь этим междометием, но сейчас не удержался.

Обстановка накалялась. Закипала обида, рвалось наружу недовольство. К счастью, в этот момент заверещал телефон и отвлек мое внимание. Дживс подошел к телефону.

— Миссис Траверс, сэр, — доложил он.

2

Я и сам уже догадался, что на проводе моя добрая почтенная тетушка Далия, имеющая привычку говорить по телефону с таким легочным напором, словно она американский свинопас, скликающий своих подопечных к кормушке на просторах Дикого Запада. Она обрела громогласность еще в юности, когда часто ездила на псовую охоту. Представьте себе, что гончие то норовят попасть под копыта лошадей, то отвлекаются на погоню за кроликами, и вы поймете, что девушка на охоте быстро становится голосистой. Думаю, что когда тетя в голосе, ее слышно в соседних графствах.

Я с радостью подошел к телефону. Мало с кем из друзей и близких мне так приятно общаться, как с этой добродушной сестрой моего покойного отца, и к тому же мы давно не виделись. Она почти безвыездно живет в своем имении в окрестностях Маркет-Снодсбери, графство Вустершир, а я, о чем говорят и записи, только что сделанные Дживсом в клубной книге, в последнее время не приезжал в те края за недосугом. Я поднял трубку, весело улыбаясь. От моей улыбки, конечно, не было проку, — тетка все равно не могла ее видеть, — но ведь важен настрой, в конце концов.

— Привет, пожилая родственница.

— Привет, юное недоразумение. Ты не пьян?

Подозрение, что я могу быть под мухой в десять часов утра, естественно, уязвило мое самолюбие, но я в который раз сказал себе, что такой уж они народ, эти тетушки. Дайте мне тетушку, всегда говорю я, и я вам покажу пожилую даму, которую нимало не заботит, как глубоко ее obiter dicta[57] могут оскорбить племянника. С подчеркнутой холодностью я успокоил ее относительно волновавшего ее вопроса и спросил, чем могу быть полезен.

— Пообедаете у меня?

— Я не в Лондоне. Я звоню из дома. Ты можешь, как ты выражаешься, быть полезен своим приездом ко мне. Сегодня, если у тебя получится.

— До чего приятно это слышать, старая прародительница. Ваше приглашение меня очень обрадовало, — сказал я, всегда готовый воспользоваться ее гостеприимством и вновь переведаться с бесподобными съедобностями, которые стряпает ее замечательный французский повар Анатоль, благодетель пищеварительных трактов. Я всегда жалею, что у меня нет запасного желудка, чтобы поручить и его заботам Анатоля. — Сколько я буду у вас гостить?

— Сколько пожелаешь, беспечный ты мой. Я дам тебе знать, когда пора будет выметаться. Главное — чтобы ты приехал.

Конечно, я был, как и всякий бы на моем месте, тронут той настойчивостью, с которой она добивалась моего визита А то в кругу моих знакомых слишком многие, приглашая меня в гости, специально подчеркивают, что ждут меня только на выходные, и обязательно говорят, что самый удобный обратный поезд отходит в понедельник утром. Я улыбнулся еще шире.

— Очень мило, что вы меня пригласили, ближайшая родственница.

— Ну, разумеется, мило.

— Предвкушаю радость свидания с вами.

— Еще бы.

— Каждая минута до нашей встречи будет казаться мне часом. Как дела у Анатоля?

— Ты только о нем и думаешь, прожорливый поросенок.

— Что делать? Вкусовые ощущения устойчивы. Как поживает его искусство?

— Оно в расцвете.

— Прекрасно.

— Медяк говорит, что кухня Анатоля стала для него откровением.

Я попросил ее повторить. Мне послышалось, будто она сказала: «Медяк говорит, что кухня Анатоля стала для него откровением», хотя я знал, что она не могла так сказать. Но оказывается, все-таки сказала.

— Медяк? — переспросил я, не веря своим ушам.

— Гарольд Уиншип. Он просил называть его Медяком. Он живет сейчас у меня. Говорит, что он твой приятель, в чем он, конечно, никогда не признался бы, если бы не существовали веские улики. Вы ведь знакомы? По его словам, вы вместе учились в Оксфорде.

Я издал возглас радости, а она сказала, чтобы я не смел больше так орать, иначе она взыщет с меня компенсацию за свои лопнувшие барабанные перепонки. В общем, как говорит старинная пословица, горшок стал чайнику за копоть пенять: мои-то барабанные перепонки были на пределе с самого начала переговоров.

— Знакомы? — повторил я. — Знакомы — не то слово. Мы были просто как… Дживс!

— Да, сэр?

— Как звали ту парочку?

— Простите, сэр?

— В Древней Греции, если не ошибаюсь. Ее часто поминают, когда

заходит речь о закадычной дружбе.

— Вы имеете в виду Дамона и Пифия, сэр?

— Точно. Мы были просто как Дамон и Пифий, старая прародительница. Но что он делает в ваших пенатах? Я не знал, что вы с ним знакомы.

— Мы и не были знакомы. Но его мать — моя старая школьная подруга.

— Понимаю.

— И когда я узнала, что он баллотируется в парламент на внеочередных выборах в Маркет-Снодсбери, я написала ему, что он может расположиться у меня. Это гораздо лучше, чем прозябать в гостинице.

— В Маркет-Снодсбери идет избирательная кампания?

— Вовсю.

— И Медяк один из кандидатов?

— Он выдвинут от консерваторов. Ты, кажется, удивлен.

— Еще как. Можно даже сказать, потрясен. Я и не подозревал, что у него есть общественная жилка. Как его успехи?

— Пока трудно сказать. В любом случае, ему необходима всесторонняя помощь, поэтому я хочу, чтобы ты приехал и поагитировал за него.

Я в раздумье пожевал нижнюю губу. В такую минуту следует проявлять осмотрительность, а то еще мало ли что.

— Что от меня потребуется? — осторожно поинтересовался я. — Мне не придется целовать младенцев?

— Конечно, нет, тупица ты беспросветный.

— Я слышал, что предвыборные кампании в основном состоят из целования младенцев.

— Да, но целовать их должен бедняга кандидат. Ты будешь ходить по домам и агитировать жителей за Медяка, больше от тебя ничего не потребуется.

— Тогда можете на меня положиться. С этой задачей я справлюсь. Старина Медяк! — сказал я, растрогавшись. — Встреча с ним согреет мне душу, ну, и все такое.

— Душу и все такое ты сможешь согреть уже сегодня. Он на день приезжает в Лондон и хочет с тобой пообедать.

— Ух ты! Прекрасно. В котором часу?

— В полвторого.

— Где?

— В гриль-баре «Баррибо».

— Я буду там. Дживс, — сказал я, повесив трубку. — Помните Медяка Уиншипа, который был для меня когда-то тем же, чем Дамон был для Пифия?

— Да, сэр, конечно.

— В Маркет-Снодсбери идет избирательная кампания, и он кандидат от консерваторов.

— Так я и понял из слов вашей тети, сэр.

— Вы что, слышали, что она говорила?

— Почти беспрепятственно, сэр. У мадам довольно пронзительный голос.

— Это уж точно, пронзает, — сказал я, потирая ухо. — Не легкие, а прямо кузнечные мехи.

— Исключительная сила звука, сэр.

— Неужели тетя пела мне колыбельные, когда я был крошкой? Наверное, нет, иначе я с перепугу решил бы, что взорвался отопительный котел, и вырос заикой. Но все это несущественно, главное — что мы сегодня отбываем к ее шалашу. Я пообедаю с Медяком. В мое отсутствие упакуйте, пожалуйста, всякие там носки-галстуки.

— Слушаюсь, сэр, — ответил он, и мы больше не возвращались к разговору о клубной книге.

3

Через несколько часов я отправился на свидание, испытывая неподдельную радость. Медяк — мой старинный приятель, может быть, не такой старый, как Копченая Селедка или как Китекэт Поттер-Перебрайт, с которыми я «топтал траву родных полей»[58] в приготовительной школе, пансионе и университете, но, безусловно, очень давнишний. Мы занимали в оксфордском общежитии соседние комнаты, и не будет преувеличением сказать, что с той минуты, как он заглянул ко мне за сифоном для газировки, мы с ним стали как родные братья и оставались столь же близки после того, как покинули этот центр науки.

Долгое время он был видным членом клуба «Трутни», приобретшим широкую известность благодаря своей неуемности и заводному темпераменту, но внезапно он отстранился от дел и переселился в деревню — как ни странно, в Стипл-Бампли, графство Эссекс, где находится обиталище моей тети Агаты. Говорят, виной тому была его помолвка с некой своевольной девицей, которая отрицательно относилась к его

членству в клубе. Подобные девицы встречаются всюду и везде, и, по-моему, лучше держаться от них подальше.

Естественно, эти обстоятельства нас разлучили. Он не приезжал в Лондон, а я, конечно, ни разу не наведался в Стипл-Бампли. В места, где можно повстречать тетю Агату, я не ездок. Лезть в петлю, ей-богу, смысла не вижу. Но Медяка мне очень не хватало. Как говорится, «о если бы коснуться исчезнувшей руки.»[59]

Войдя в «Баррибо», я встретил его в холле, где до обеда пропускают стаканчик, чтобы потом пройти в гриль-бар, и после приветствий вроде «Кого я вижу!» и «Сколько лет, сколько зим» — неизбежных, когда две исчезнувшие руки, которые были разлучены много лет, вновь ощупывают друг друга, — он спросил меня, не хочу ли я прогреть горло.

— Я тебе компанию не составлю, — сказал он. — Не то что я заделался трезвенником — немного легкого вина за ужином выпить могу, — но моя невеста хочет, чтобы я отказался от коктейлей. Говорит, от них сосуды теряют эластичность.

Если вы собираетесь спросить, не поморщился ли я в тот момент, то спешу заверить вас, что поморщился. Его слова косвенно свидетельствовали о том, что, уехав, он оказался под каблуком у красотки с дурным характером и что она и вправду своевольная девица. В противном случае она бы не стала так бесцеремонно отталкивать чашу от его уст. Она явно сумела сделать так, что ему даже нравилось такое обращение: в его словах звучала не мрачная злоба человека, раздавленного железной пятой, а собачья преданность. По-видимому, он смирился и не возражал, чтобы им помыкали.

Я-то, подумалось мне, совершенно иначе вел себя в бытность женихом Флоренс Крэй, властолюбивой дочки моего дяди Перси. Наша помолвка быстро превратилась в размолвку; Флоренс переиграла и обручилась с типом по фамилии Горриндж, который писал верлибры. Однако, пока я был ее женихом, я чувствовал себя одной из тех чернокожих рабынь, над которыми измывалась Клеопатра, и меня это, мягко говоря, раздражало. Медяк же, судя по всему, и не думал раздражаться. Когда человек чем-то раздражен, это сразу видно, а тут я ничего такого не заметил. Похоже, он считал монарший запрет на коктейли лишним доказательством того, что она ангел милосердия, неустанно радеющий о его благе.

Вустеры предпочитают не пить в одиночестве, особенно если кто-то рядом наблюдает, не теряют ли эластичность их сосуды, поэтому я отказался от возлияния (с неохотой, поскольку страдал от жажды) и с ходу перешел к главному вопросу повестки дня. По дороге в «Баррибо», как вы

догадываетесь, я углубился в размышления о баллотировке Медяка в парламент и теперь хотел знать, что за этим начинанием кроется. Оно казалось мне нелепым.

— Тетя Далия говорит, ты поселился у нее на время предвыборной кампании, чтобы легче было добираться до Маркет-Снодсбери и умасливать там избирателей.

— Да, она любезно пригласила меня к себе. Они с моей мамой вместе учились в школе.

— Да, она мне говорила. Интересно, была ли она в то время такая же краснощекая, как теперь? Ну, и как тебе нравится в гостях?

— Там просто чудесно.

— Все по высшему разряду. Песчаная почва, центральное водоснабжение и канализация, большой парк. И, конечно, стряпня Анатоля.

— О! — воскликнул Медяк, и я думаю, он почтительно снял бы шляпу, если бы только она была у него на голове. — Очень одаренный человек.

— Повар божьей милостью, — согласился я. — Его обеды должны придать тебе сил для предвыборной борьбы. Как идет кампания?

— Успешно.

— Ты уже целовал младенцев?

— О! — вновь воскликнул он уже с дрожью в голосе. Я почувствовал, что задел его больное место. — Знал бы ты, Берти, как эти субчики-младенцы пускают слюни. Но отступать нельзя. Мой помощник говорит, чтобы я ни перед чем не останавливался, если хочу победить на выборах.

— А зачем тебе эта победа? Я-то думал, ты к парламенту и на пушечный выстрел не подойдешь, — сказал я, поскольку знал, что общество там не такое уж избранное. — Что толкнуло тебя на этот опрометчивый шаг?

— Моя невеста захотела, чтобы я баллотировался, — ответил он, и когда он произносил слово «невеста», его голос переливчато задрожал, как у воркующего со своей горлицей голубка. — Она решила, что я должен делать карьеру.

— Ты-то сам этого хочешь?

— Не особенно, но она очень настаивает.

Сердечное сжатие, возникшее у меня, когда я узнал, что эта щучка заставила его покончить с коктейлями, теперь усилилось. Мне как человеку бывалому чем дальше, тем яснее становилось, что на этой горячей любви он рискует сильно обжечься, и я даже чуть было не

посоветовал Медяку просто телеграфировать ей: «Между нами все кончено», собрать чемодан и сесть на первый пароход, идущий в Австралию. Но предчувствуя, что такой совет может его обидеть, я ограничился тем, что спросил, из чего состоит процедура выдвижения или, выражаясь по-американски, «проталкивания» кандидата. Не то что бы этот вопрос меня особенно занимал, просто хотелось поговорить о чем-то постороннем, не имеющем касательства к его ужасной невесте.

Тень набежала на его лицо, которое, как я забыл сказать, было достойно лицезрения (ясный взор, загорелые щеки, волевой подбородок, медные волосы, прямой нос). Кроме того, оно венчало собой тело, радовавшее глаз мускулистостью и стройностью. Можно сказать, что обликом он напоминал Эсмонда Хаддока, хозяина Деверилл-холла, который ежемесячно вручал конверт с жалованьем дяде Дживса — Чарли Силверсмиту. С виду такой же лирик, готовый в любую минуту зарифмовать «луну» с «весной», он тем не менее, как и Эсмонд, производил впечатление силача, способного, если потребуется, свалить одним ударом быка. Не знаю, представлялась ли ему такая возможность, ведь быка не так часто можно встретить. Однако людей в студенческие годы он валил без разбора, три года выступая на ринге в тяжелом весе за команду университета. Возможно, среди его жертв попадались и быки.

— Это было похоже на страшный сон, — сказал он, по-прежнему пасмурный из-за воспоминаний о пережитом. — Народу в комнату набилось столько, что не продохнуть, — душегубка, да и только, и я должен был сидеть и выслушивать приветствия до полуночи. Потом я стал выступать повсюду с речами.

— Так почему же ты сейчас не в своем округе, не выступаешь с речами? Тебе дали выходной?

— Я приехал нанять секретаршу.

— Неужели у тебя до сих пор не было секретарши?

— Была, конечно, но моя невеста ее уволила. Они не сошлись характерами.

Помнится, я поморщился, узнав, что его невеста ввела запрет на коктейли, но теперь я скроил еще более кислую мину. Чем больше я слышал о его нареченной, тем меньше она внушала мне симпатий. Вот кто легко нашел бы общий язык с Флоренс Крэй, повстречай они друг друга. Ну прямо родственные души, или «несносные третирщицы», как назвала бы их одна моя знакомая горничная.

Я, разумеется, не сказал этого вслух. Всему свое время: время назвать кого-то «несносной третирщицей» и время промолчать. Стоит нелестно

высказаться о невесте, и уже, как говорится, погладил против шерстки жениха, а кто рискнет погладить против шерстки бывшего боксера-тяжеловеса?

— У тебя есть кто-нибудь на примете? — спросил я. — Или ты отправишься на ярмарку секретарш и будешь смотреть, что есть в наличии?

— Я имею виды на одну американку, с которой свел знакомство до отъезда из Лондона. Мы на двоих снимали квартиру с Литтлуортом по прозвищу Носач, который тогда писал роман, и она каждый день приходила ему помогать. Носач свои сочинения диктует, и он говорил, что она классная стенографистка и машинистка. У меня есть ее адрес, но, возможно, она уже там не живет. Съезжу после обеда проверю. Ее зовут Магнолия Гленденнон.

— Не может быть.

— Почему?

— Что за имя такое, Магнолия!

— Нормальное имя для Южной Каролины, откуда она родом. В Америке в южных штатах этих Магнолий как собак нерезаных. Но я не кончил рассказывать про избрание в парламент. Прежде всего, конечно, твою кандидатуру должны выдвинуть.

— Как ты этого добился?

— Все устроила моя невеста. Она знакома с одним министром, и он пустил в ход свои связи. Его фамилия Филмер.

— А. Б. Филмер?

— Точно. Он твой приятель?

— Я бы так не сказал. Наше мимолетное знакомство произошло на крыше летнего домика, куда нас загнал один желчный лебедь. Опасность сблизила нас ненадолго, но закадычными друзьями мы не стали.

— Где это случилось?

— На острове посреди озера в имении моей тети Агаты в Стипл-Бампли. Ты ведь живешь в Стипл-Бампли и, наверно, бывал у нее.

Тут его посетила ошеломляющая догадка, как тех солдат, которые, по словам Дживса, переглядывались на какой-то Дарьенской вершине.[60]

— Леди Уорплдон твоя тетя?

— Самая что ни на есть.

— Она никогда об этом не говорила.

— И не скажет. Скорее, она постарается это скрыть.

— Боже, значит, она твоя двоюродная сестра.

— Тетя! Нельзя быть тем и другим сразу.

— Я говорю про Флоренс. Флоренс Крэй, мою невесту. Не скрою, новость потрясла меня, и если бы я не сидел, то, наверное бы, пошатнулся. Хотя чему тут удивляться. Флоренс принадлежит к тому сорту девиц, которые всегда найдут с кем обручиться: сперва она вверила себя Стилтону Чезрайту, потом мне, и наконец Перси Горринджу, автору инсценировки ее романа «Морские брызги». Пьеса, кстати, недавно была показана публике в Театре герцога Йоркского, но провалилась и была снята с репертуара в первую же субботу. Один критик заявил, что этот спектакль лучше смотрится при опущенном занавесе. Интересно, как Флоренс при ее самомнении перенесла все это?

— Ты обручился с Флоренс? — воскликнул я, все еще ошеломленный посетившей меня догадкой.

— Да. Ты не знал?

— Никто мне ничего не рассказывает. Значит, обручился с Флоренс. Ну-ну.

Менее деликатный человек, чем Бертрам Вустер, возможно, прибавил бы: «Попал ты в переплет» или что-нибудь из той же оперы, поскольку не приходилось сомневаться, что дело этого несчастного плохо; но уж чего-чего, а деликатности Вустерам не занимать. Я только схватил его руку, потряс ее и пожелал ему счастья. Он поблагодарил меня.

— Тебе можно позавидовать, — сказал я лицемерно.

— Я сам себе завидую.

— Она очаровательная девушка, — продолжал я лицемерить.

— Вот именно.

— Умна к тому же.

— На редкость. Романы пишет.

— Один за другим.

— Ты читал «Морские брызги»?

— Просто из рук не выпускал, — соврал я: на самом деле я и не брал его в руки.

— Ты видел пьесу?

— Дважды. Жаль, что она не пошла. Инсценировка Горринджа — детище глупца.

— Да, и непроходимого: я как первый раз его увидел, так сразу и раскусил.

— Жалко, что Флоренс не раскусила.

— Да. Кстати, какова судьба Горринджа? Когда я слышал о нем в последний раз, он был еще женихом Флоренс.

— Она разорвала помолвку.

— И очень мудро поступила. У него были длинные бакенбарды.

— Она считала его виновным в провале пьесы и прямо так ему и сказала.

— Да уж, она не из тех, кто смолчит.

— Что ты имеешь в виду?

— Что искренность, честность и прямодушие у нее в крови.

— Да, это правда.

— Она открыто высказывает свое мнение.

— Всегда.

— Прекрасное свойство.

— В высшей степени.

— Такая девушка, как Флоренс, никому спуску не даст.

— Точно.

Воцарилось молчание. Он сплетал и расплетал пальцы, и я чувствовал по каким-то признакам в его поведении, что он хотел бы что-то сказать, но не может решиться. Помню, такую же робость выказывал его преподобие Пинкер (он же Свинкер), когда собирался с духом, чтобы пригласить меня в Тотли-Тауэрс; или взять собак — они кладут вам лапу на колено и заглядывают в лицо, тихо, без всякого тявканья, но давая понять, что есть тема, на которую у них язык чешется высказаться.

— Берти, — произнес он наконец.

— Ау.

— Берти.

— Да.

— Берти.

— Да здесь я. Прости, но не в родстве ли ты с какой-нибудь испорченной граммофонной пластинкой? Может быть, ею была напугана твоя мать?

И тут слова полились потоком, как будто кто-то вынул затычку.

— Берти, я должен сказать тебе кое-что о Флоренс, хотя ты ее двоюродный брат и, наверное, все это и без меня прекрасно знаешь. Она чудесная девушка и в общем безупречная во всех отношениях, но у нее есть одна черта, довольно неудобная для тех, кто ее любит и помолвлен с ней. Не подумай, что я ее осуждаю.

— Что ты, что ты.

— Я говорю об этом так, между прочим.

— Конечно.

— Так вот, она не прощает поражений. Чтобы она не разочаровалась в тебе, ты должен выйти победителем. Она ведет себя, как сказочные

принцессы, которые заставляли добрых молодцев исполнять желания: то заберись им на хрустальную гору, то добудь волосок из бороды татарского хана, а не справился — катись колбаской.

Я припомнил, что это за принцессы, о которых говорил Медяк: я всегда считал их дурехами. Почему, собственно, умение жениха забираться на хрустальные горы — залог счастливого брака? Вряд ли это умение будет требоваться чаще, чем раз в десять лет.

— Горриндж, — продолжал Медяк, — потерпел неудачу, и она стала для него роковой. Мне рассказывали, что когда-то Флоренс была помолвлена с жокеем-аристократом, и забраковала его, потому что он упал с лошади, беря препятствие на скачках «Гранд нэшнл». Она очень требовательна к людям. Разумеется, я восхищаюсь этим.

— Ну, разумеется.

— Такая девушка имеет право высоко держать планку.

— Несомненно.

— Но, как я уже сказал, ее требовательность ставит меня в затруднительное положение. Бог знает почему, она вбила себе в голову, что я должен победить на этих выборах в Маркет-Снодсбери (мне-то всегда казалось, что она равнодушна к политике), так что если я проиграю, то прости-прощай наша любовь. Поэтому…

— Настал момент, когда все люди доброй воли должны прийти на помощь партии?

— Вот именно. Ты будешь за меня агитировать. Так агитируй и в хвост и в гриву и позаботься, чтобы Дживс от тебя не отставал. Я просто обязан победить.

— Можешь на нас положиться.

— Спасибо, Берти, я всегда знал, что ты настоящий друг. А сейчас пойдем пообедаем.

4

Обогатив клеточный материал отличным обедом, который всегда подают в отеле «Баррибо», и условившись, что Медяк заедет за мной ближе к вечеру (мой собственный спортивный автомобиль слег с нервным расстройством), мы двинулись в разные стороны: он — на поиски Магнолии Гленденнон, а я — обратно в фамильную цитадель.

Понятно, что я шел по лондонским улицам в глубоком раздумье. На днях я читал приключенческий роман, где про героиню было сказано, что

от удара в глаз у нее мысли разбежались в разные стороны, и я подумал, что мы с ней два сапога пара.

На душе у меня было муторно. Тяжело узнать, что твой старинный приятель, и притом закадычный, стал женихом Флоренс Крэй. Я вспомнил, что ощущал я сам, оказавшись в этой неприятной роли. Я тогда чувствовал себя замурованным в подземелье узником «Тайной девятки».

Хотя скажу справедливости ради, что ее облицовка была просто загляденье. В кладовой моей памяти сохранилась картина, относящаяся ко времени жениховства Стилтона Чезрайта: высокая пепельная блондинка с гибкой фигурой и потрясающим профилем. Девушка с такими внешними данными вполне могла стать украшением гарема одного из султанов, что посолиднее. Я хоть и давно ее не видел, но предлагал, что все эти достоинства по-прежнему при ней. Недаром Медяк, говоря о своей возлюбленной, с такой легкостью перевоплотился в воркующего голубка!

Но смазливая внешность — еще не все. Взвешивая все «за» и «против», надо учитывать, что Флоренс — командирша по природе и видит своего суженого этаким расторопным мальчиком на побегушках. С самого детства она была… как это… начинается с «д»… нет, вылетело слово… но сейчас вы поймете, что я хочу сказать. Еще в школе я выиграл конкурс на лучшее знание библейских текстов, для чего мне, естественно, потребовалось как следует изучить Священное Писание, и во время своих занятий я как-то наткнулся на рассказ про военного, который говорил одному: «пойди», и тот шел; и другому: «приди», и тот приходил.[61] Ну, в точности как Флоренс. Уж она бы задала жару тому, кто осмелился бы прийти, когда она сказала: «пойди», или наоборот. Деспотичная — вот слово, которое я пытался вспомнить. Она была деспотичной, как уличный регулировщик. Неудивительно, что на душе у меня было муторно. Я считал, что Медяк сорвал в саду любви лимон, по ошибке приняв его за персик.

Но потом мои мысли приняли менее мрачное направление. Такое частенько случается после хорошего обеда, даже если за ним вы не выпили ни капли. Я напомнил себе, что многим мужьям даже нравится, когда жены заставляют их крутиться, и, возможно, Медяк был как раз из таких. Не исключено, что он придерживался той точки зрения, что если жена учит тебя сидеть смирно, служить и по команде брать кусочки сахара, положенные тебе на нос, этому надо радоваться, ведь, значит, она проявляет к тебе интерес.

Приободрившись, я потянулся за портсигаром, но не успел я открыть его, как уже — растяпа этакий! — выронил на мостовую. Я сошел с

тротуара, чтобы поднять его, но тут за моей спиной раздался автомобильный гудок, и, начав делать пируэт, я увидел, что через какие-нибудь две секунды борт мне протаранит мчащееся такси.

Сложность пируэта — говорю это для непосвященных — состоит в том, что если вы не танцовщик, у вас могут заплестись ноги; как раз это со мной и произошло. Мой левый ботинок зацепился за правую лодыжку, я потерял равновесие, покачнулся и через долю секунды повалился, словно какое-нибудь величественное дерево под топором дровосека; я сидел на мостовой с разбежавшимися мыслями в голове, и тут чья-то незримая рука вцепилась в мой локоть и вытащила меня на безопасный берег. Такси проехало и свернуло за угол.

Разумеется, первое, что делает в таких случаях человек, наделенный тонкими чувствами, это благодарит своего храброго спасителя. Я повернулся, чтобы так поступить, и увидел, что мой храбрый спаситель — вот так сюрприз! — не кто иной, как Дживс. Свалился как снег на голову. Я понятия не имел, что он тут делает, и в первый момент даже подумал, что это не он, а его астральное тело.

— Дживс! — выпалил я. Я почти уверен, что это слово сюда подходит. В общем, пусть будет так: выпалил.

— Добрый день, сэр. Надеюсь, вы не пострадали. Вы были на волосок от гибели.

— Вот именно. Не скажу, что целая жизнь промелькнула в этот миг перед моим мысленным взором, но уж добрая ее половина — точно. Но вы…

— Не стоит благодарности, сэр.

— Если бы не вы, завтра мое имя фигурировало бы в колонке некрологов.

— Рад был помочь, сэр.

— Удивительное дело, вы как американская морская пехота: всегда словно из-под земли вырастаете в критический момент. Помню, как вы появились в тот раз, когда А. Б. Филмер и я выясняли отношения с лебедем, и подобным случаям несть числа. Когда буду в следующий раз молиться, обязательно распишу в красках ваши благодеяния. Но что вас занесло в эти края? Кстати, где мы находимся?

— На Керзон-стрит, сэр.

— Да, конечно. Я бы сам сообразил, если бы не погрузился в размышления.

— Вы были погружены в размышления, сэр?

— С головой. Я расскажу об этом после. Кажется, здесь неподалеку

находится ваш клуб?

— Да, сэр, за углом. В ваше отсутствие я упаковал вещи и решил пойти туда пообедать.

— На мое счастье. Если бы вы не пошли в клуб, я был бы сейчас… Как там в вашей прибаутке? Где про колесо.

— «Всего лишь пыль под колесом твоей повозки»,[62] сэр.

— Или, скорее, повозки таксиста. Почему вы так испытующе на меня смотрите, Дживс?

— Мне кажется, что после этого неприятного происшествия у вас несколько взъерошенный вид, сэр. Если вы позволите, я бы предложил вам сейчас направиться вместе со мной в клуб «Подручный Ганимеда».

— Понял. Вы меня там умоете и почистите.

— Именно так, сэр.

— И, может быть, дадите виски с содовой?

— Разумеется, сэр.

— Мне это будет очень кстати. Медяк без пяти минут трезвенник, так что коктейлей мы до обеда не пили. И знаете, почему он не пьет? Потому что девица, с которой он помолвлен, неразумно толкает его к воздержанию от спиртного. И знаете, кто эта девица? Моя двоюродная сестра Флоренс Крэй.

— В самом деле, сэр?

Разумеется, я не рассчитывал, что он выпучит глаза и запрыгает по тротуару: он сдержанно реагировал на любую новость, какой бы сногсшибательной она ни была; но я понял по тому, как изогнулась и поднялась на три миллиметра его бровь, что мое сообщение его заинтересовало. И его реплика «В самом деле, сэр?» несла, что называется, большую смысловую нагрузку. Он подразумевал под этим, что такой поворот событий мне на руку, потому что как только бывшая невеста заключает новую помолвку, она перестает представлять потенциальную угрозу для бывшего жениха, и можно больше не опасаться, что она вдруг передумает. Я разгадал подтекст и полностью согласился с Дживсом, хотя, естественно, не заявил об этом вслух.

Дело в том, что Дживс всегда помогает мне выпутываться из недоразумений с прекрасным полом, и он знает всю подноготную про разнообразных женщин, которым время от времени едва не удается затащить меня под венец; но, разумеется, мы с ним не обсуждаем их. Обсуждать женщину, на наш взгляд, значит трепать ее имя, а трепать имя женщины не в правилах Вустеров. И Дживсов тоже. Не поручусь за Чарли Силверсмита, но думаю, что и он не нарушает в этом отношении

моральный кодекс. Подобные неписаные правила впитываются с молоком матери.

Словом, я просто сообщил Дживсу, что Флоренс заставила Медяка баллотироваться в парламент и что мы будем агитировать за него избирателей, и попросил его не жалеть сил, чтобы сформировать у них надлежащее мнение. После того, как он ответил: «Да, сэр», «Слушаюсь, сэр» и «Понимаю, сэр», — мы проследовали в клуб «Подручный Ганимеда».

В клубе было как нельзя уютней. Неудивительно, что Дживс предпочитает проводить здесь большую часть свободного времени. По сравнению с клубом «Трутни» этот клуб, конечно, был пресноват. Я справедливо предполагал, что не увижу здесь в обеденное время ни разбросанного хлеба, ни рассыпанного сахара: это никак не вязалось бы с тем, что здешняя публика — пожилые дворецкие и камердинеры в летах, однако в отношении комфорта пожаловаться было не на что. Грохнувшись на мостовую, я ушиб мягкие места, и я почувствовал себя лучше только после того, как, умытый и почищенный, снова в полном параде, погрузился в глубокое кресло в курительной комнате.

Потягивая виски с содовой, я вернулся к разговору о баллотировке Медяка, которая, естественно, была темой дня.

— Думаете, он имеет шансы, Дживс?

Он ответил не с кондачка, а все взвесив, как будто решался на вложение денег.

— Трудно сказать, сэр. Маркет-Снодсбери, как и многие другие провинциальные городки Англии, можно назвать чопорным. Там придают большое значение респектабельности.

— Медяк достаточно респектабелен.

— Вы правы, сэр, но вам же известно: он человек с прошлым.

— Так, мелкие грешки.

— Однако узнай о них избиратели — и он лишится их поддержки.

— Но ведь узнать им неоткуда. Правда, он есть в клубной книге…

— Одиннадцать страниц, сэр.

— Но вы уверяете, что ее содержание никогда не будет разглашено.

— Никогда, сэр. На этот счет мистер Уиншип может быть совершенно спокоен.

От слов Дживса я вздохнул свободнее.

— Дживс, — сказал я, — от ваших слов я вздохнул свободнее. Вы же знаете, я всегда тревожусь из-за клубной книги. Ее ведь хранят под замком?

— В общем, нет, сэр, но она надежно пристроена в кабинете секретаря.

— Тогда не о чем беспокоиться.

— Я бы так не сказал, сэр. У мистера Уиншипа, наверное, были товарищи по проделкам, и они могут по неосторожности поделиться с кем-нибудь воспоминаниями, которые попадут в светскую хронику крупных газет и оттуда — в газеты Маркет-Снодсбери. По-моему, их всего две, и одна из них — непримиримый противник консерваторов, которых представляет мистер Уиншип. Такое может произойти, и последствия будут катастрофическими. В данный момент я не имею возможности узнать, кто именно соперник мистера Уиншипа, но я уверен, что он — образец респектабельности и что его прошлое можно без ущерба для него подвергнуть самому дотошному расследованию.

— Что за мрачность, Дживс? Почему вы не рвете розы? Поэт Геррик осудил бы вас.

— Простите, сэр. Я не знал, что вы принимаете судьбу мистера Уиншипа так близко к сердцу, иначе я был бы более осторожен в высказываниях. Для него очень важно победить на выборах?

— Жизненно необходимо. Флоренс укажет ему на дверь, если он проиграет.

— Вы шутите, сэр?

— Он сам так говорит, и думаю, он прав. Его доводы весьма убедительны. Он говорит, она очень требовательна к людям и не прощает поражений. Доподлинно известно, что она дала отставку Перси Горринджу из-за того, что пьеса, которую он написал по ее роману, выдержала только три представления.

— В самом деле, сэр?

— Проверенный факт.

— В таком случае будем надеяться, что мои опасения не оправдаются, сэр.

В то время, когда мы тешили себя надеждой на то, что его опасения не оправдаются, на мой стакан с виски упала тень, и я увидел, что около нас стоит еще один член клуба — человечек из разряда «спасайся, кто может» с брюшком, одетый скорее по-загородному, чем по-городскому, в галстуке, говорящем о его принадлежности к Сторожевой бригаде, хотя вряд ли это могло быть так. В отношении его манер мне в тот момент не пришло на ум более точного эпитета, чем «фамильярные», но, заглянув потом в словарь синонимов из библиотеки Дживса, я обнаружил, что они были «панибратскими, развязными, нахальными, несдержанными,

непочтительными, хамскими, бесцеремонными и назойливыми». Если я скажу вам, что первым делом он ткнул Дживса под ребра корявым указательным пальцем, вы поймете, что я имею в виду.

— Привет, Реджи, — сказал он, и я замер в кресле, потрясенный открытием, что Дживса зовут Реджинальдом. Мне раньше и в голову не приходило, что у Дживса есть имя. Хорошо еще, что не Берти, а то какая возникла бы путаница.

— Добрый день, — ответил Дживс, и мне стало ясно, что этот господин не входит в круг его ближайших друзей. В голосе Дживса сквозила холодность, которой мог пренебречь разве что такой несдержанный и непочтительный человек, как его знакомец.

Тип «спасайся, кто может», казалось, не заметил, что ему не рады. Он продолжал вести себя так, как будто встретил старинного приятеля.

— Как делишки, Реджи?

— Спасибо, пребываю в добром здравии.

— Ты что, похудел? Тебе нужно жить в деревне, как я, и питаться настоящим деревенским маслом. А вам, голубок, — обратился он ко мне, — нужно быть поосторожней с танцами на проезжей части. Я ехал в том такси и подумал, что вам крышка. Вы Вустер?

— Да, — изумленно ответил я. Я и не знал, что стал знаменитостью.

— Я так и думал. У меня хорошая память на лица. Ладно, заболтался я с вами. Мне нужно зайти к секретарю по одному делу. Рад был увидеться, Реджи.

— До свидания.

— Вустер, старина, рад был увидеться.

Я попрощался с ним, и он нас покинул. Я обратился к Дживсу; ошеломляющая догадка, о которой я говорил раньше, неслась на всех парусах.

— Кто это был?

Он ответил не сразу: очевидно, он был так шокирован, что не мог вести беседу. Только после глотка ликера к нему вернулось самообладание. Когда он все-таки заговорил, по его тону было понятно, что он вообще предпочел бы не высказываться на эту тему.

— Тот человек, о котором вы упомянули за завтраком, сэр. Бингли, — он произнес это имя так, как будто оно оскверняло его рот.

Я обомлел. Меня бы мог сейчас сразить наповал даже удар зубочисткой.

— Бингли? Нипочем бы его не узнал. Он совершенно изменился. Когда-то он был худой и очень мрачный, просто туча тучей. Казалось, он

вечно погружен в мысли о грядущей революции, которая предоставит ему свободу гнаться за мной по Парк-лейн с обагренным кровью ножом.

Ликер, казалось, возвратил Дживсу душевное равновесие. Теперь в его голосе слышалось привычное спокойствие.

— Думаю, в то время, когда он работал у вас, он придерживался крайне левых взглядов. Они поправели, когда он стал собственником.

— Собственником?

— Его дядя, владелец лавки, умер и оставил ему в наследство дом и круглую сумму.

— Думаю, перемена взглядов под влиянием полученного наследства — частое явление среди таких людей, как Бингли.

— Очень распространенное. Они начинают смотреть на грядущую революцию с другой точки зрения.

— Понимаю вашу мысль. Они не хотят, чтобы за ними гнались по Парк-лейн с обагренными кровью ножами. Он все еще камердинер?

— Он удалился на покой. Ныне он праздный обыватель Маркет-Снодсбери.

— Маркет-Снодсбери? Забавно.

— Простите, сэр?

— Я хотел сказать, странно, что он живет именно в Маркет-Снодсбери.

— Многие люди живут в Маркет-Снодсбери, сэр.

— Но ведь мы сейчас как раз туда едем. Интересное совпадение. Там, судя по всему, находится дом его дяди.

— Надо полагать.

— Возможно, мы увидимся с ним.

— Надеюсь, что нет, сэр. Я о нем плохого мнения. Бесчестный человек. На него нельзя положиться.

— Почему вы так решили?

— Интуиция.

Но это уже не моя забота. Занятому человеку, вроде меня, некогда разбираться, можно положиться на Бингли или нет. Если нашим дорогам суждено пересечься, я хотел бы только, чтобы он оставался трезвым и держался подальше от холодного оружия. Живи сам и давай жить другим — вот девиз Бустеров. Я допил виски с содовой и встал.

— Вот что я думаю, — сказал я. — Если он такой ярый консерватор, нам будет легко убедить его голосовать за Медяка. А сейчас нам пора. Медяк повезет нас на своей машине, и я не знаю, когда он за нами заедет. Спасибо за королевский прием, Дживс. Вы вдохнули новую жизнь в мою

изможденную оболочку.

— Не стоит благодарности, сэр.

5

Медяк заехал за мной, как и обещал, и, выходя к машине, я увидел, что ему удалось сговориться с Магнолией: на заднем сиденье сидела девушка, и когда он сказал: «Знакомьтесь: мистер Вустер, мисс Гленденнон», все для меня окончательно прояснилось.

Хорошая девушка, подумал я, и собой хороша. Но все-таки не настолько, чтобы отнести на ее счет прибаутку Дживса: «Так вот краса, что в путь суда подвигла»,[63] и, вероятно, это было даже к лучшему, потому что Флоренс, я думаю, выказала бы недовольство, возвратись Медяк из поездки с приобретением, от которого глаз не отвести. Человек в его положении должен проявлять большую осмотрительность при выборе секретарши и отсеивать кандидаток, которые могли бы победить на последнем конкурсе «Мисс Америка». Но, безусловно, у нее была приятная внешность. Она производила впечатление тихой, участливой девушки, которая, только поделись с ней своим горем, и за руку тебя возьмет, и по головке погладит. Если придешь к ней и скажешь: «Я только что совершил убийство, и мне как-то не по себе», — то услышишь в ответ: «Ничего страшного, постарайтесь не думать об этом. С кем не бывает». Короче, маленькая мама, к тому же классная машинистка. Чего еще можно было желать для Медяка?

Дживс вынес чемоданы и сложил их в багажник, и Медяк попросил меня вести машину, потому что ему нужно было обсудить с новой секретаршей много вопросов, касающихся, видимо, ее должностных обязанностей. Дживс сел впереди рядом со мной, и мы отправились; о поездке как таковой не могу сказать ничего интересного. Всю дорогу я пребывал в веселом расположении духа, как всегда, когда не за горами новая встреча со стряпней Анатоля. Дживс, вероятно, испытывал те же чувства: он такой же горячий поклонник этого сковородного самородка, как и я, но если я распевал за рулем, то он, по своему обыкновению, был нем, как чучело лягушки, и не подтягивал, хотя я настойчиво приглашал его петь со мной на два голоса.

Достигнув цели путешествия, мы разошлись по своим делам. Дживс занялся багажом, Медяк повел Магнолию Гленденнон в свой кабинет, а я направился в гостиную, где никого не застал. Дом показался мне

вымершим; в предвечернее время загородные усадьбы часто производят такое впечатление на новоприбывшего гостя. Ни тети Далии, ни ее супруга дяди Тома нигде не было видно. Я подумал, не заглянуть ли в ту комнату, где дядя Том хранит свою коллекцию старинного серебра, но решил, что не стоит. Дядя Том представляет собой тип страстного коллекционера, который будет часами напролет рассказывать своей бедной жертве о канделябрах, лиственном узоре, рельефном изображении венков из лент и орнаменте «годрон» в виде цепи овалов — что, конечно, никому не интересно.

Можно было нанести визит Анатолю, но и от этой мысли я отказался. У него тоже есть свой конек — состояние его здоровья, и он не преминет излить на беззащитного слушателя длинный монолог на эту тему. У него случаются приступы того, что он называет mal au foie,[64] и его рассуждения представляют интерес, скорее, для специалиста-медика, чем для профана вроде меня. Не знаю, отчего так, но когда кто-то начинает рассказывать мне о своей печени, я всегда слушаю без особого наслаждения.

В общем, мне ничего не оставалось, как отправиться на прогулку по обширному парку и земельным угодьям.

В этот предвечерний час было душно и знойно, и казалось, Природа колеблется, нагнать ей страху на людишек сильнейшей грозой или не стоит, — но я пренебрег опасностью. Неподалеку от дома находится лесок, в который я всегда любил ходить; туда-то я и направился. Там к услугам тех, кто желает посидеть и поразмышлять, есть пара деревянных лавочек, и, двигаясь прямым курсом вдоль первой из них, я увидел, что на ней лежит дорогой фотоаппарат.

Я несколько удивился: я понятия не имел, что тетя Далия пристрастилась к фотографии, хотя, конечно, тетушки — народ взбалмошный, от них только и жди сюрпризов. Почти сразу же мне пришла в голову здравая мысль, что без дождя грозы не бывает, а от дождя фотоаппарат может испортиться. Поэтому я взял его и зашагал обратно к дому, предвкушая радость пожилой родственницы, которая будет благодарить меня за заботу со слезами на глазах, но тут раздался вопль, и из-за кустов появился какой-то человек. Не скрою, я порядком струхнул.

Это был на редкость толстый мужчина с большим розовым лицом и в панаме с розовой лентой. Я никогда его раньше не видел и задался вопросом, что он тут делает. Что такого субъекта могла пригласить тетя Далия, было маловероятно, тем более его не мог пригласить дядя Том, который настолько не жалует гостей, что, узнав об их приближении,

обычно бросается наутек и исчезает, по словам Дживса, так, что и следов не найдешь. Но, как я уже говорил, тетушки — народ взбалмошный, от них только и жди сюрпризов, и не приходилось сомневаться, что у прародительницы есть веские причины якшаться с этим типом. Поэтому я вежливо улыбнулся и добродушно поприветствовал его: «Салют».

— Хороший денек, — сказал я, все еще вежливо улыбаясь. — Хотя не такой уж хороший. Похоже, будет гроза.

Казалось, он был чем-то раздражен. Его лицо стало таким же ярко-розовым, как лента на панаме, и щеки его слегка затряслись.

— К черту грозу! — ответил он, скажем так, несколько отрывисто, и я сказал, что и сам не люблю грозу. Особенно, добавил я, мне не по душе молния.

— Говорят, она никогда не ударяет дважды в одно и то же место, но ведь хватит и одного раза, правда?

— К черту молнию! Что вы делаете с моим фотоаппаратом?

Этот вопрос, естественно, повернул мои мысли в другое русло.

— Так это ваш фотоаппарат?

— Да, мой.

— Я собирался отнести его в дом.

— Отнести в дом?

— Я боялся, что его замочит дождь.

— Хм. Кто вы такой?

Я был рад, что он спросил об этом. Такому сообразительному малому, как я, не стоило большого труда догадаться, что он полагает, будто схватил меня с поличным, и я был рад возможности вручить ему свои верительные грамоты. Я понимал, что прежде чем мы вместе сможем весело посмеяться над этим забавным недоразумением, мне придется немало попотеть.

— Моя фамилия — Вустер, — сказал я. — Я тетин племянник. В смысле, — продолжил я, потому что мне показалось, что мои последние слова прозвучали как-то не совсем так, — миссис Траверс — моя тетка.

— Вы живете в ее доме?

— Да. Я только что приехал.

— Хм, — сказал он снова, но уже с меньшей враждебностью в голосе.

— Да, — лишний раз подтвердил я.

Наступила пауза, во время которой он, вероятно, мысленно переоценил произошедшее в свете моих заявлений и подверг его тщательному разбору; затем он еще раз хмыкнул и заковылял прочь.

Я не сделал ни шага, чтобы последовать за ним. Я был сыт по горло нашим общением, несмотря на его краткость. Живя под одной крышей,

решил я, мы, безусловно, будем иногда раскланиваться, но только в том случае, если столкнемся нос к носу. Весь этот эпизод напомнил мне о моей первой встрече с сэром Уоткином Бассетом и о недоразумении с его зонтиком. Я был потрясен, как в тот раз. Хорошо, что в двух шагах от меня стояла деревянная лавочка и я мог посидеть и успокоить нервы. Небо становилось все более сумрачным и — как бы это сказать — чреватым грозой, но я не трогался в путь. Только после того, как у меня над головой раздался грохот, точно пятьдесят семь грузовиков проехали по деревянному мосту, я понял, что малейшее промедление будет неразумно. Я поднялся и припустил к дому, добежал до застекленной двери гостиной и уже собирался войти, но тут изнутри до меня донесся человеческий голос. Даже, пожалуй, не то чтобы человеческий: это был голос моего нового знакомого, с которым мы болтали о фотоаппаратах.

Я замер. Когда-то я любил, лежа в ванне, петь песню, рефрен или припев которой начинался со слов: «Я стоял, я смотрел и я слушал», и как раз этим я сейчас и занимался, только вот смотреть было некуда. Дождь не шел, да и грохот грузовиков на деревянном мосту больше не раздавался. Казалось, Природа махнула на все рукой, решив, что затевать грозу слишком хлопотно. Так что я не только не был убит молнией, но даже не промок и пребывал в прежнем состоянии.

Владелец фотоаппарата говорил с невидимым собеседником и сказал вот что: «Его фамилия — Вустер. Говорит, он племянник миссис Траверс».

Было ясно, что к началу разговора я опоздал. Должно быть, до этого был задан какой-то вопрос, скажем: «Вы случайно не знаете, кто этот высокий, стройный, симпатичный, я бы даже сказал — очаровательный, молодой человек, с которым я разговаривал неподалеку от дома?» Или, возможно, вопрос был задан чуть-чуть иначе. Суть от этого не меняется. А второй собеседник подал реплику, что, мол, понятия не имею. После чего владелец фотоаппарата и произнес услышанную мною фразу. Не успел он договорить, как в комнате кто-то громко фыркнул и раздался возглас, полный ужаса и отвращения: «Вустер!» Я весь задрожал от макушки до пят. Возможно, я даже охнул, но, к счастью, не настолько громко, чтобы меня услышали в гостиной.

Дело в том, что я узнал голос лорда Сидкапа, или Спода, как я всегда буду его называть, сколько бы титулов он ни унаследовал. А ведь я-то думал и надеялся, что навсегда отряс прах Тотли-Тауэрс от своих ног и больше не увижу Спода. Этого живоглота, который своими поступками еще с раннего детства заставлял всех добропорядочных людей хвататься за головы. Неудивительно, что у меня на секунду потемнело в глазах и я,

чтобы не упасть, вынужден был ухватиться за поплывший мимо розовый куст.

Этот Спод — здесь необходимы разъяснения для новичков, которые не читали предыдущих разделов моего жизнеописания, — многократно встречался мне на жизненных, так сказать, перекрестках, и никогда эти встречи добром не кончались. Я сказал, что сомневаюсь в возможности нежной дружбы между мной и владельцем фотоаппарата, но было еще менее вероятно, чтобы такое, как выражается Дживс, слияние душ произошло у нас со Сподом. Наши взгляды друг на друга были вполне определенными. Он был убежден, что, пока английскую землю топчут Вустеры, она никогда не станет землей героев, а я, в свою очередь, полагал, что тонна кирпичей, брошенная с высоты на голову Спода, — верное средство от всех недугов Англии.

— Вы с ним знакомы? — спросил владелец фотоаппарата.

— К сожалению, да, — ответил Спод таким тоном, точно он Шерлок Холмс и его спросили, знаком ли он с профессором Мориарти. — А вы как с ним столкнулись?

— При его попытке удрать с моим фотоаппаратом.

— Ха!

— Естественно, я подумал, что он хочет его украсть. Но если он действительно племянник миссис Траверс, это меняет дело.

Спод скептически отнесся к такому умозаключению, на мой взгляд, достаточно убедительному, и снова фыркнул — даже оглушительнее, чем в первый раз.

— То, что он племянник миссис Траверс, ровным счетом ничего не значит. Будь он племянником архиепископа, он вел бы себя точно так же. Тихой сапой Вустер украдет все, что только не прибито гвоздями. Он знал о вашем присутствии?

— Нет. Я стоял за кустом.

— А фотоаппарат у вас хороший.

— Уйму денег стоил.

— Тогда он, конечно, собирался его украсть. Решил, должно быть, что ему подфартило. Позвольте мне рассказать вам о Вустере. Наша первая встреча произошла в антикварном магазине. Я пришел туда с сэром Уоткином Бассетом, моим будущим тестем. Он коллекционирует старинное серебро. Сэр Уоткин поставил там среди мебели свой зонтик. Вустер был в магазине, но где-то прятался, и мы его не видели.

— Небось, в каком-нибудь темном углу?

— Или за каким-нибудь шкафом. Мы только тогда его заметили, когда

он уже крался к выходу с зонтиком сэра Уоткина.

— Наглый какой.

— Ну, еще бы. Им без этого нельзя.

— Пожалуй. В таких делах нужны дерзость и хладнокровие.

Не будет преувеличением сказать, что я вскипел праведным гневом. Как я уже имел случай писать, тот мой поступок объяснялся просто. Выходя в то утро из дома, я не взял зонтик и в магазине по рассеянности схватил чужой, следуя естественному закону, согласно которому человек безотчетно тянется к тому зонтику, что поближе, как цветок — к солнцу.

Потом снова заговорил Спод. Я не сомневался, что пауза в их разговоре была занята размышлениями о моем проступке. Теперь его голос звучал так, словно готовил слушателя к кульминационному моменту.

— Хотите верьте, хотите нет, но вскоре после этого он появился в Тотли-Тауэрс, имении сэра Уоткина в Глостершире.

— Поразительно!

— Я знал, что вы удивитесь.

— Конечно, загримированный? В парике? С приклеенной бородой? С накрашенными щеками?

— Нет, он приехал, ни от кого не таясь, по приглашению моей будущей жены. У нее к нему какая-то сентиментальная жалость. Думаю, она надеется его перевоспитать.

— Таковы девушки.

— Да, но лучше бы они не были такими.

— Вы отругали свою будущую жену?

— Тогда я не мог этого сделать.

— Может, оно и к лучшему. Однажды я отругал девушку, на которой хотел жениться, а она взяла и вышла за биржевого маклера. Так что же было дальше?

— Он украл одну ценную вещь. Серебряный кувшинчик для сливок. Такой сливочник в виде коровы.

— Мне лично врач запрещает есть сливки. Его, конечно, арестовали?

— Как его арестуешь. Никаких улик.

— Но вы знали, что это его рук дело?

— Мы были уверены.

— Да, неприятно. И больше вы его не видели?

— Вы не поверите, но он еще раз приехал в Тотли-Тауэрс.

— Потрясающе!

— Снова по приглашению моей будущей жены.

— Вы говорите о мисс Бассет, которая приехала вчера вечером?

— Да, о Мадлен.

— Прелестная девушка. Я встретил ее в саду перед завтраком. По рекомендации врача я выхожу подышать свежим воздухом рано утром. Вы знаете, она думает, что пелена тумана в ложбине — не что иное, как фата феи.

— У нее очень прихотливое воображение.

— С этим, по-видимому, ничего не поделаешь. Но вы начали рассказывать о его втором посещении Тотли-Тауэрс. Украл он что-нибудь на этот раз?

— Янтарную статуэтку, оцениваемую в тысячу фунтов.

— Вот умелец! — сказал владелец фотоаппарата, как мне показалось, с затаенным восхищением. — Надеюсь, его арестовали?

— Да. Он провел ночь в местной тюрьме. Но на следующее утро сэр Уоткин смягчился и отпустил его с миром.

— Неуместная снисходительность.

— Вот именно.

Владелец фотоаппарата больше не высказывался на эту тему, хотя про себя, вероятно, подумал, что он в жизни не видел такого сиропного семейства, как эти Бассеты.

— Что ж, я глубоко вам признателен, — сказал он, — что вы рассказали мне о Вустере и предостерегли на будущее. Я привез с собой одну очень ценную антикварную вещь, которую надеюсь продать мистеру Траверсу. Если Вустер о ней узнает, он непременно попытается ее украсть, и если он попадется на этой краже, то, обещаю вам, одной ночью в тюрьме он не отделается. Его накажут по всей строгости закона. Кстати, как насчет партии в бильярд перед ужином? Врач прописал мне небольшую физическую нагрузку.

— С удовольствием.

— Тогда пойдемте в бильярдную.

Подождав, пока они уйдут, я вошел и опустился на диван. Я был глубоко взволнован: если вы думаете, что кому-нибудь приятно услышать слова, которые говорил обо мне Спод, вы ошибаетесь. У меня подскочил пульс, и на лбу выступил трудовой пот, как у деревенского кузнеца. Я остро нуждался в глотке спиртного, и в тот самый момент, когда мой язык уже начал присыхать к гортани, на сцене появился Дживс, держа в руках поднос со всем необходимым. Вот так же — вы, наверное, слышали — в Альпах приходят на помощь людям сенбернары, за что их и ценят так высоко.

К. исступленному восторгу, который я испытал при виде Дживса,

примешалось удивление по поводу того, что он выступил в роли виночерпия. По всем правилам, это была компетенция Сеппингса, дворецкого тети Далии.

— Привет, Дживс! — выпалил я.

— Добрый вечер, сэр. Я распаковал ваш багаж. Можно налить вам виски с содовой?

— Конечно, можно. Вы что, теперь здесь за дворецкого? Я в полном недоумении. Где Сеппингс?

— Он слег в постель, сэр, с острым несварением желудка, произошедшим из-за злоупотребления яствами месье Анатоля за обедом. Я временно исполняю его обязанности.

— Очень благородно с вашей стороны, и очень благородно было прийти мне на помощь именно сейчас. Я испытал потрясение, Дживс.

— Сочувствую вам, сэр.

— Вы знали, что Спод здесь?

— Да, сэр.

— И мисс Бассет?

— Да, сэр.

— Мы как будто снова попали в Тотли-Тауэрс.

— Понимаю ваше замешательство, сэр, но нежелательных контактов легко избежать.

— Да, но пока вы будете избегать нежелательных контактов, о вас нарасскажут всяким типам в панамах, что вы — нечто среднее между аристократом-взломщиком и вокзальным воришкой, — сказал я, хлестко сформулировав идею Спода.

— Весьма огорчительно, сэр.

— Еще бы. Мы-то с вами знаем, что все мои действия в Тотли-Тауэрс имеют разумное объяснение, но я боюсь, как бы Спод не рассказал что-нибудь тете Агате.

— Маловероятно, сэр.

— И я так думаю.

— Но мне понятны ваши чувства, сэр. «Кто тащит деньги — похищает тлен. Что деньги? Были деньги, сплыли деньги. Они прошли чрез много тысяч рук. Иное — незапятнанное имя. Кто нас его лишает, предает нас нищете, не сделавшись богаче».[65]

— Точно. Сами придумали?

— Нет, сэр. Шекспир.

— У вашего Шекспира есть несколько метких высказываний.

— По-моему, все его высказывания таковы, сэр. Налить вам еще

виски?

— Непременно, Дживс, и с подобающей расторопностью. Вновь выполнив спасительную миссию сенбернара, он удалился, и когда я, уже не испытывая острой жажды, медленно потягивал вторую порцию виски, дверь распахнулась, и в гостиную влетела тетя Далия, вся веселие и румянец.

6

Встречаясь с этой родственницей, я каждый раз думаю, как странно, что одна сестра — назовем ее сестрой А — может быть так непохожа на другую — назовем ее сестрой Б. Если тетя Агата рослая, худощавая и, скорее, напоминает стервятника из пустыни Гоби, то тетя Далия коренастая, как регбист, чья задача — вводить мяч в схватку. И по характеру они совершенно разные. Тетя Агата холодная и высокомерная, что, вероятно, не мешает ей оживляться в полнолуние, когда, по слухам, она совершает человеческие жертвоприношения. Со мной она всегда обращается так, словно она строгая воспитательница, а я — ее шестилетний подопечный, которого она только что застала ворующим варенье из буфета. Тетя Далия, напротив, веселая и добродушная, как «дама» из рождественской комедии.[66] Загадка природы, да и только.

Я обратился к ней с громким приветом, в каждом звуке которого чувствовались родственная любовь и почтение, и даже запечатлел на ее лбу нежный поцелуй. Сейчас было не время песочить ее за то, что она напустила полный дом всяких Сподов, девиц Бассет и хамоватых пузанов в панамах.

В ответ, она приветствовала меня грубоватым охотничьим улюлюканьем. Очевидно, псовая охота приучает выражаться междометиями.

— Кого я вижу: молодой Берти.

— Он самый. Бодр и весел, готов к любым превратностям судьбы.

— И, как обычно, томится жаждой. Я так и думала, что застану тебя хлебающим виски.

— Я пью исключительно в лечебных целях. Я испытал потрясение.

— Из-за чего?

— Случайно мне стало известно о пребывании в доме этого фрукта Спода, — сказал я, почувствовав, что настал удобный момент для того, чтобы перейти к изложению претензий.

— Чего ради вы пригласили сюда этого дьявола в образе человеческом? — спросил я, зная, что она разделяет мое мнение о седьмом графе Сидкапе. — Вы много раз говорили мне, что считаете его грубейшей ошибкой Природы. И тем не менее лезете из кожи вон, чтобы, как это сказать, подмазаться к нему, что ли. Уж не спятили ли вы, старая прародительница?

Казалось бы, после такого нагоняя она должна была залиться краской, которую, правда, едва ли удалось бы разглядеть, — у нее и без того красные щеки, потому что в свое время она охотилась в сильные морозы, — но ни о каких угрызениях совести в ее случае речь не шла. Пользуясь выражением из репертуара Анатоля, можно сказать, что вся моя ругань была ей как об стенку горох.

— Меня попросил Медяк. Он хочет, чтобы Спод выступал с речами в его поддержку. Он шапочно с ним знаком.

— Избави Бог ему познакомиться с ним поближе.

— Медяку нужна всемерная помощь, а Спод не уступает в красноречии легендарным ораторам. Прямо златоуст. Ему не пришлось бы ударить пальцем о палец, чтобы попасть в парламент.

Наверное, она была права, но меня задевала любая похвала в адрес Спода. Я парировал с обидой в голосе:

— Что же мешает ему баллотироваться?

— То, что он лорд, лопух ты этакий.

— А лорда нельзя избрать в парламент?

— Конечно, нет.

— Понятно, — сказал я, удивившись, что кому-то все-таки заказан путь в палату общин. — Что ж, выходит, ваша вина не так серьезна, как я думал. Как вы с ним ладите?

— Я стараюсь его избегать.

— Разумно. Такой же линии поведения буду придерживаться и я. Теперь, что касается Мадлен Бассет. Она тоже здесь. Почему?

— Мадлен приехала за компанию. Хочет быть рядом со Сподом. Странное желание, не правда ли? Можно сказать, нездоровое. И Флоренс Крэй, само собой, приехала, чтобы участвовать в избирательной кампании Медяка.

Я вздрогнул. Вернее, даже не вздрогнул, а подскочил сантиметров на пятнадцать, как будто мое сиденье проткнули снизу шилом или вязальной спицей.

— Неужели и Флоренс здесь?

— Еще как здесь. Ты, кажется, взволнован.

— Я весь на взводе. Вот уж не думал, что, приехав сюда, окажусь в зоне демографического взрыва.

— Откуда ты знаешь про демографические взрывы?

— Дживс рассказал. Это его конек. Он говорит, что если в скором времени ничего не будет сделано…

— Уверена, он сказал так: «Если в сжатые сроки не будут приняты надлежащие меры».

— Точно, его слова. Он сказал: «Если в сжатые сроки не будут приняты надлежащие меры, то одной половине человечества в недалеком будущем придется держать на плечах другую половину».

— Предпочтительней оказаться в верхнем ярусе.

— Кто спорит.

— Хотя и верхние будут терпеть неудобства, балансируя на чужих плечах, как акробаты.

— Точно.

— И прогуляться не смогут, чтоб ноги размять. И поохотиться вволю.

— О чем разговор.

На какое-то время мы предались размышлению о том, что нас ждет в перспективе, и, помнится, я подумал, что теперешнее житье под одной крышей со Сподом, Мадлен и Флоренс выглядит сравнительно завидным. Тут мои мысли легко перенеслись к дяде Тому. Бедный старик сейчас, наверное, на грани нервного истощения. Даже появление одного гостя он порой воспринимает болезненно.

— Как же дядя Том переносит это вторжение в его хижину? — спросил я.

Она посмотрела на меня сомнительно, нет, наверное, надо говорить — с сомнением.

— Бедное слабоумное дитя, ты что, думал застать его здесь играющим на банджо? Он уехал на юг Франции, как только узнал об угрожающей опасности. Вчера от него пришла открытка. Он прекрасно проводит время и жалеет, что меня нет рядом.

— И вы не имеете ничего против, чтобы все эти люди наводняли ваш дом?

— Конечно, я бы предпочла их здесь не видеть, но я проявляю по отношению к ним ангельскую кротость, потому что они могут быть полезны Медяку.

— Какие у него шансы?

— Я бы сказала, пятьдесят на пятьдесят. Любая мелочь может дать преимущество той или другой стороне. На днях состоятся предвыборные

дебаты, и многое, если не все, зависит от них.

— Кто соперник Медяка?

— Местное дарование. Адвокат.

— Дживс говорит, что Маркет-Снодсбери — очень чопорный город и что если избиратели узнают о прошлом Медяка, они выгонят его взашей без всяких церемоний.

— У Медяка есть прошлое?

— Прошлое — сильно сказано. Ничего из ряда вон выходящего. Когда он еще не подпал под обаяние Флоренс, его регулярно вышвыривали из ресторанов за то, что он бросал яйцами в вентилятор, и редкое состязание по гребле между Оксфордом и Кембриджем обходилось без того, чтобы Медяка не замели за срывание касок с полицейских. Он может потерять из-за этого голоса избирателей?

— Потерять голоса? Да если об этом узнают в Маркет-Снодсбери, я сомневаюсь, что он получит хотя бы один голос. На такие вещи могли бы смотреть сквозь пальцы в Содоме и Гоморре, но не в Маркет-Снодсбери. Поэтому, ради Бога, не болтай об этом с каждым встречным.

— Дорогая старая прародительница, неужели я похож на балаболку?

— По-моему, очень похож. То, что ты несешь, ни в какие ворота не лезет.

Я бы встал на защиту своей чести, но выражение, которое она употребила, навело меня на мысль, что я до сих пор не спросил ее про владельца фотоаппарата.

— Кстати, — сказал я, — что это за толстяк, который не лезет ни в какие ворота?

— Наверное, какой-то любитель мучного, не следивший за своим весом. Да о чем ты вообще?

Я понял, что вопрос поставлен неудачно, и поспешил объясниться:

— Гуляя по парку и земельным угодьям, я только что столкнулся с жирным господином в панаме с розовой лентой и задался вопросами, кто он и что он тут делает. Он не выглядел как ваш приятель, которому вы всегда готовы сказать: «Добро пожаловать». Он произвел на меня впечатление злодея высшей пробы.

Мои слова, казалось, нашли отклик. Легко поднявшись, тетя Далия подошла сначала к внутренней двери и отворила ее, потом — к наружной, застекленной, и посмотрела сквозь стекло, очевидно, с целью убедиться, что никто — за исключением меня, конечно, — ее не слышит. Точно так же поступают шпионы в детективах перед тем как начать переговоры, не предназначенные для чужих ушей.

— Пожалуй, надо ввести тебя в курс дела, — сказала она. Я дал ей понять, что буду внимательным слушателем.

— Это Л.П. Ранкл, и я хочу, чтобы ты постарался его обаять. Надо его всячески ублажать и умасливать.

— Он что, важная птица?

— Еще бы. Крупный финансист, компания «Ранклз энтерпрайзез». Денег — куры не клюют.

Мне показалось, что эти слова могут значить только одно.

— Вы надеетесь его растрогать?

— Да, это моя цель. Но я не для себя стараюсь. Я хочу получить от него кругленькую сумму для Таппи Глоссопа.

Таппи Глоссоп — племянник сэра Родерика Глоссопа, широко известного невропатолога и психоведа, превратившегося из пугала для Бертрама в одного из моих лучших друзей. Он зовет меня Берти, я его — Родди. Таппи тоже принадлежит к кругу моих близких приятелей, несмотря на то, что однажды подложил мне свинью: я на спор лез по висящим кольцам из одного конца плавательного бассейна клуба «Трутни» в другой и уже находился почти у цели, когда обнаружил, что Таппи отвел в сторону последнее кольцо, так что мне ничего не оставалось как плюхнуться в воду в безукоризненном вечернем туалете. Его поступок был мне как нож в сердце, но Время, великий целитель, врачует все раны, и в конце концов я простил Таппи. Уже много лет он помолвлен с Анджелой, дочкой тети Далии, и долго я не мог взять в толк, за чем дело стало и почему все никак не зазвонят свадебные колокола. Я целую вечность ждал, когда меня призовут вооружиться сервировочной лопаткой, но приглашение так и не пришло.

Естественно, я поинтересовался, не бедствует ли Таппи, и она сказала, что он не пошел по миру и не подбирает в канавах окурки, но у него нет денег, чтобы жениться.

— Все из-за Л.П. Ранкла. Я расскажу тебе, в чем дело.

— Да, пожалуйста.

— Ты когда-нибудь видел покойного отца Таппи?

— Один раз. Такой старичок не от мира сего, типичный профессор.

— Он был химиком-экспериментатором, кажется, так это называется, и работал в «Ранклз энтерпрайзез», в кинофильмах такие всегда ходят в белых халатах и вглядываются в пробирки. И однажды он изобрел лекарство от головной боли, впоследствии получившее название «Волшебные таблетки Ранкла». Тебе они наверняка попадались.

— Я хорошо их знаю. Прекрасно помогают от похмелья, хотя,

конечно, им далеко до фирменного эликсира Дживса. Они очень популярны в «Трутнях». Я знаю человек десять, которые только на них и уповают. Должно быть, эти таблетки — золотая жила.

— Конечно. Они такой же ходкий товар, как теплые свитера в Исландии.

— Тогда почему у Таппи туго с деньгами? Разве таблетки не перешли к нему по наследству?

— Какое там.

— Ничего не понимаю. Вы говорите загадками, пожилая родственница, — сказал я с легким раздражением в голосе, потому что если я чего не переношу, так это манеру тетушек говорить загадками. — Если эти таблетки, будь они неладны, принадлежали отцу Таппи…

— Л.П. Ранкл так не считал. Отец Таппи получал у него жалованье, и в примечании к контракту сказано, что все изобретения, сделанные за время работы в «Ранклз энтерпрайзез», становятся собственностью «Ранклз энтерпрайзез». 1ак что покойный старик Глоссоп не оставил сыну большого наследства, а Л.П. Ранкл продолжал здравствовать, как

вечнозеленый лавр.

Я никогда не видел вечнозеленый лавр, но понял мысль тетушки.

— А если Таппи подаст в суд?

— Он обязательно проиграет. Контракт есть контракт.

Я понимал, что она имеет в виду. Я сам оказался в подобной ситуации, когда написал статью или, как говорят, дал материал под названием «Что значит хорошо одеваться» в ее еженедельную газету «Будуар миледи». Тетя дала мне за работу пачку сигарет и получила статью в полную собственность. Мне не присылали просьб о ее публикации из Франции, Германии, Италии, Канады и Соединенных Штатов, но если б прислали, я не мог бы их удовлетворить. Мой приятель, профессиональный литератор Литтлуорт по прозвищу Носач, говорит, что мне надо было продать тете только право на публикацию в периодическом издании, но я тогда до этого не додумался. Сам, конечно, наделаешь ошибок. Тут нужно, чтобы твои интересы защищал агент.

Тем не менее я считал, что Л.П. Ранкл должен был пренебречь формулировкой контракта и поделиться с отцом Таппи. Я сказал об этом прародительнице, и она согласилась.

— По совести, конечно, должен.

— Его поведение в этой ситуации лишний раз доказывает, что он жлоб.

— Всем жлобам жлоб. У него есть сведения, что на Новый год ему

присвоят рыцарское звание.

— Как же можно такого посвящать в рыцари?

— А как раз таких и посвящают. Видный бизнесмен. Делец, каких мало. Крупный наш экспортер.

— И при этом жлоб.

— Первостатейный.

— Тогда что ему здесь делать? Вы обычно не лезете из кожи вон, обхаживая жлобов. Спод — это еще ладно. Я понимаю, почему вы миритесь с его вредоносным присутствием, хотя оно мне и не по душе. Он агитирует за Медяка и, по вашим словам, делает это хорошо. Но зачем здесь Ранкл?

Тут она воскликнула: «Ах!» — и когда я спросил ее, почему она ахнула, она ответила, что подумала о своей хитроумной затее, а когда я спросил, что она подразумевает под «хитроумной затеей», она снова ахнула. Неизвестно, сколько еще могло бы так продолжаться, но она вторично выглянула в коридор, а потом сквозь стеклянную дверь внимательно посмотрела в сад и все объяснила.

— Ранкл приехал сюда, чтобы продать Тому какой-то антиквариат для его коллекции, но поскольку Том исчез, а Ранклу добираться сюда не ближний свет, я оставила его переночевать, и за ужином меня осенила идея. Если задержать его в гостях и потчевать день и ночь яствами Анатоля, он вполне может смягчиться.

Она перестала говорить загадками. Теперь я ее понимал.

— И тогда вы уговорите его откупиться от Таппи неправедно нажитыми деньгами?

— Вот именно. Я жду подходящего момента. Как только он наступит, я буду действовать с быстротой молнии. Я сказала ему, что Том возвратится через пару дней, — а это неправда, потому что он не приблизится к дому и на пятьдесят миль, прежде чем я дам ему знать, что опасность миновала, — И; таким образом, Ранкл согласился остаться.

— Ну, и как ваши успехи?

— Перспективы, кажется, хорошие. Ранкл смягчается с каждым приемом пищи. Вчера вечером Анатоль баловал нас цыпленком «пти-дюк», и Ранкл уплетал его за обе щеки, как ленточный червь, месяц сидевший на диете. Я заметила огонь в его глазах, когда он проглотил последний кусок. Еще несколько ужинов — и он готов.

Вскоре после этих слов она покинула меня, чтобы переодеться к ужину. Я нисколько не сомневался, что успею облачиться в вечерний туалет за десять минут, и поэтому медлил, погрузившись в размышления.

Поразительно, что я находился в глубоком раздумье не первый раз за день. Это говорит только о том, как сильно изменилась жизнь. Полагаю, в прежние времена я погружался в размышления не чаще чем раз в месяц.

7

Само собой, мне угодил в самое сердце рассказ пожилой родственницы о бедственном положении Таппи. Кто-то скажет, что человек, способный отвести в сторону последнее кольцо, когда вы лезете на спор на другой конец бассейна «Трутней», не стоит сочувствия, но, повторяю, старая обида Давно прошла, и сейчас мне было больно за Таппи. Ведь идея прародительницы задобрить Л.П. Ранкла сразу показалась мне несостоятельной, хотя я и сделал вид, что отношусь к ней всерьез. Человека, который носит такую панаму, не разжалобишь, сколько и чем ни корми. Чтобы жук вроде Л.П. Ранкла раскошелился, его нужно похитить, упрятать в подвал заброшенной мельницы и вставлять ему между пальцев ног зажженные спички. Да и то он еще, пожалуй, подсунет вам фальшивый чек.

То, что Таппи еле сводит концы с концами, было для меня открытием. Ведь если когда-нибудь и задумаешься о материальном положении близкого знакомого, то, скорее всего, решишь, что у него все благополучно. Мне и в голову не приходило, что Таппи может ощущать острый дефицит дублонов, и теперь я понимал, что мешает собрать духовных лиц во главе с епископом и приступить к церемонии. Вероятно, дядя Том взял бы на себя все расходы, получи он на это «добро»: денег у него хоть лопатой греби, — но Таппи — человек гордый, и он не захотел бы одалживаться перед тестем. Конечно, ему не следовало связывать Анджелу обещанием верности, раз у него дела в таком расстройстве, но что поделать с любовью. Она все побеждает, как сказал поэт.

Подумав минут пять о Таппи, я переключился на размышления об Анджеле, к которой всегда питал родственные чувства. Милая молоденькая глупышка, у которой есть все, чтобы стать хорошей женой, но беда в том, что нельзя стать хорошей женой, если у твоего избранника нет денег, чтобы жениться на тебе. По сути дела, тебе остается только слоняться из угла в угол, барабанить пальцами по столу и надеяться на лучшее. Жизнь превращается в томительное ожидание, и как должен быть печален удел Анджелы, думал я, горевать дни напролет и орошать подушку слезами.

Размышляя о чем-нибудь, я всегда закрываю лицо руками, потому что это помогает сконцентрировать мысль и отвлечься от всего постороннего. Я поступил так и сейчас и уже вовсю размышлял, когда мое уединение было мистическим образом нарушено. Я ощутил, если хотите, чье-то незримое присутствие и не ошибся. Убрав руки от лица и подняв глаза, я увидел перед собой Мадлен Бассет.

Я был потрясен. Не скажу, что мне хотелось ее видеть меньше, чем кого бы то ни было: само собой, черный список возглавлял Спод, за ним с небольшим отрывом шел Л.П. Ранкл, — но я охотно уклонился бы от общения с ней. Тем не менее, увидев ее, я вежливо поднялся, и, полагаю, ничто в моем поведении не давало поводов думать, что я обуреваем желанием швырнуть в нее кирпичом: я ведь вообще человек сдержанный. Однако за внешним спокойствием скрывалась тревога, которая всегда овладевает мной, когда мы встречаемся.

Ошибочно полагая, что я безнадежно в нее влюблен и чахну в разлуке, эта Бассет, когда наши дорожки пересекаются, не упускает случая взглянуть на меня с жалостливой нежностью, и именно такой взгляд я сейчас на себе почувствовал. В нем было столько жалостливости, что, лишь напомнив себе о ее крепком союзе со Сподом, я смог сохранить самообладание и присутствие духа. Пока она была помолвлена с Гасси Финк-Ноттлом, всегда существовала опасность, что она еще передумает; Гасси — чудаковатый очкарик, коллекционирующий тритонов, которому девушка в любой момент может дать отставку, но от ее союза со Сподом веяло надежностью. Ведь, как к Споду не относись, нельзя не признать, что он седьмой граф Сидкап, а ни одна девица, если ей посчастливилось поймать в свои сети седьмого графа, у которого замок в Шропшире и годовой доход в двадцать тысяч фунтов, так просто не откажется от своего счастья.

Насмотревшись на меня, она заговорила медоточивым голосом.

— О, Берти, как я рада вас видеть. Как поживаете?

— Хорошо. А как ваши дела?

— Хорошо.

— Приятно слышать. А как ваш папа?

— Хорошо.

Ее слова огорчили меня. Мои отношения с сэром Уоткином Бассетом были таковы, что я, скорее, порадовался бы, узнав, что он заразился бубонной чумой и дни его сочтены.

— Слышал о вашем приезде, — сказал я.

— Да, я здесь гощу.

— Слышал об этом. Хорошо выглядите.

— О, у меня все очень-очень хорошо, и я так счастлива.

— Рад за вас.

— Просыпаясь каждое утро, я начинаю новый день с мыслью, что такого хорошего дня еще никогда не было. Сегодня перед завтраком я танцевала на лужайке, а потом пошла по саду, чтобы пожелать цветочкам доброго утра. На одной клумбе спала прелестная черная кошечка. Я взяла ее на руки и стала танцевать.

Я ничего не сказал Мадлен, но она вела себя крайне бестактно. Чего Огастус — так зовут кота, о котором она говорила, — терпеть не может, так это когда нарушают его сон. Должно быть, он вовсю чертыхался, но спросонья был не в голосе, и она подумала, что он мурлычет.

Она замолчала, видимо, ожидая моей реакции на рассказ о ее дурачествах, поэтому я сказал:

— Эйфория.

— Эй-что?

— Дживс говорит, что так называется это состояние.

— А, тогда понятно. Я называю это состояние просто — счастье, счастье, счастье.

Сказав это, она вздрогнула, затряслась и поднесла руку к лицу, как будто проходила кинопробу, и ей велели показать угрызения совести.

— Ах, Берти!

— Да-да?

— Простите меня.

— А?

— Так нечутко с моей стороны рассказывать вам о своем счастье. Я должна была помнить, что вам-то совсем несладко. Войдя, я увидела, что ваше лицо перекошено от боли, и вы представить себе не можете, как для меня огорчительно быть причиной ваших страданий. Жизнь ведь нелегкая штука?

— Не слишком.

— Даже тяжелая.

— Местами.

— Нельзя терять мужество.

— Вроде того.

— Не падайте духом. Кто знает? Может, ваше счастье где-то ждет вас. Однажды вы встретите ту, чья любовь заставит вас забыть о вашей любви ко мне. Нет, вы не совсем забудете. Я навсегда останусь сладостным воспоминанием, которое будет жить в вашей душе и являться вам нежным

и хрупким видением в часы заката летними вечерами, когда пташки поют свои прелестные песенки, отходя ко сну.

— Это было бы на вас похоже, — сказал я, потому что промолчать было бы невежливо. — Вы, кажется, промокли, — добавил я, меняя тему. — Гуляли под дождем?

— Он только моросил, и потом, я не боюсь дождя. Я желала цветочкам доброй ночи.

— Вы им и доброй ночи желаете?

— А как же. Иначе бедняжечки обиделись бы.

— Хорошо, что вы вернулись в дом. А то, чего доброго, наживете прострел.

— Я вернулась не из-за этого. Я увидела вас в окне и решила задать вам один вопрос. Очень-очень серьезный.

— Вот как?

— Вот только ума не приложу, как его сформулировать. Наверное, попробую спросить, как в книжках. Ну, вы знаете, как в книжках говорят.

— Кто и что говорит в книжках?

— Ну, сыщики всякие. Берти, вы встали на честный путь?

— В смысле?

— Вы знаете, о чем я. Вы больше не воруете? Я весело рассмеялся.

— Ни-ни.

— Вы уже не чувствуете позывов к воровству? Вы побороли в себе эту страсть? Я говорила папуле, что это своего рода болезнь и вы ничего не можете с собой поделать.

Я вспомнил, как она развивала перед ним эту теорию, — я тогда в очередной раз прятался за диваном, не по собственному желанию, а в силу обстоятельств, — и сэр Уоткин сделал вульгарное замечание на мой счет — мол, виной всему моя дурная привычка тащить все, что попадается под руку.

Любая другая девушка не стала бы приставать с расспросами — любая другая, но не Мадлен. Ее разобрало любопытство.

— Вы победили свой недуг с помощью психиатра? Или просто усилием воли?

— Просто усилием воли.

— Как это замечательно. Я горжусь вами. Должно быть, вы выстояли в страшной борьбе?

— Борьба как борьба, ничего особенного.

— Я обязательно напишу папуле…

Недоговорив, она приложила руку к левому глазу, и столь

проницательному человеку, как я, не составило труда догадаться, что произошло. Застекленная дверь была открыта, и мошкара залетала в гостиную и вилась вокруг нас роем. Находясь в сельской Англии, всегда нужно быть готовым к встрече с ней. В Америке пользуются москитными сетками, налетев на которые крылатые насекомые в замешательстве ретируются, но эти сетки никак не привьются в Англии, где на мошкару нет никакой управы. Мошки носятся как угорелые, и время от времени попадают кому-нибудь в глаз. Очевидно, сейчас одна из них попала в глаз Мадлен.

Я первый скажу, что возможности Бертрама Вустера ограничены, но в одной области приложения человеческих сил я достиг вершины. Я никому не уступлю первенства по части вытаскивания посторонних предметов из глаз. Я знаю, что сказать и что делать.

Посоветовав Мадлен не тереть глаз, я приблизился к ней с носовым платком в руке.

Я помню, как мы обсуждали техническую сторону этой операции с Гасси Финк-Ноттлом в Тотли, после того как он вытащил мошку из глаза Стефани Бинг, ныне миссис Свинкер-Пинкер. Мы были единодушны в том, что успеха можно достичь, только если для большей устойчивости придерживать рукой подбородок пациента. Стоит забыть об этом предварительном условии, и ваши усилия будут тщетными. Поэтому я поспешил его выполнить, и Спод, как можно было от него ожидать, выбрал для своего появления именно тот момент, когда мы с Мадлен находились, что называется, в непосредственном контакте.

Не скрою, в моей жизни бывали минуты, когда я чувствовал себя раскованней. В добавок к тому, что Спод — живой слепок с очень большой гориллы, он наделен нравом вспыльчивого тигра джунглей и грязным воображением, из-за которого он легко становится жертвой того, что Дживс, я слышал, называет «зеленоглазой ведьмой, которая смеется над добычей»,[67] иными словами — ревности. Если такой человек застанет вас придерживающим подбородок его любимой девушки, он, безусловно, попробует выпустить вам кишки, и, чтобы предотвратить кровопролитие, я поздоровался с ним так беспечно, как только мог в тот момент.

— Привет, старина Спод, я хотел сказать, старина лорд Сидкап. Вот мы все и встретились. Дживс сказал мне, что вы здесь, и тетя Далия говорит, что ваши выступления в поддержку консерваторов переворачивают души избирателей вверх тормашками. Как, должно быть, это замечательно — владеть словом. Это, конечно, дар божий. Тут либо дано, либо нет. Я не смог бы выступить на митинге даже ради умирающей

бабушки. Я бы стоял, беззвучно открывая и закрывая рот, как рыба. А вам нужно только откашляться, и золотые слова польются из ваших уст, как елей. Я ужасно вами восхищаюсь. Умиротворяюще, не правда ли. Казалось, осыпанный с ног до головы льстивыми похвалами, он должен был самодовольно ухмыльнуться, шаркнуть ножкой и пробормотать что-то вроде: «Мне очень приятно слышать ваши слова». Но вместо этого он только и сделал, что издал какой-то гортанный звук, как оперный бас, подавившийся рыбной костью, и мне пришлось нести разговор на своих плечах.

— Я сейчас вытаскивал мошку из глаза Мадлен.

— Хм.

— Беда с этими мошками! С ними надо умеючи.

— Хм.

— Сейчас, по-моему, все в порядке.

— Да, огромное вам спасибо, Берти.

Это уже сказала Мадлен, а не Спод. Он все так же мрачно смотрел на меня в упор. Но Мадлен продолжала талдычить свое.

— Берти такой молодец.

— Хм.

— Не знаю, что бы я без него делала.

— Хм.

— Он выказал удивительное присутствие духа.

— Хм.

— Но мне очень жалко бедную мошечку.

— Она сама виновата, — твердо сказал я. — Мы только приняли ответные меры.

— Да, я согласна, но…

Тут ее прояснившийся после удаления мошки взор привлекли часы на каминной полке, и она всполошилась.

— О Господи, времени-то сколько. Я должна бежать. Она ретировалась, и я был готов последовать ее примеру, но тут Спод остановил меня, буркнув: «Минутку!» Одно и то же слово можно сказать совершенно по-разному. Можно, как Спод, то есть на редкость неприятно, со скрипом в голосе.

— Я хочу поговорить с вами, Вустер.

Я не любитель бесед со Сподом, но, знай я наверняка, что он и дальше будет только хмыкать в ответ на мои реплики, я бы не отказался от общения с ним. Однако что-то подсказывало мне, что он собирается продемонстрировать куда больший словарный запас, и я бочком двинулся

к двери.

— Может, как-нибудь в другой раз?

— Никакого другого раза. Сейчас.

— Я опоздаю к ужину.

— Какое мне дело до ваших опозданий. Советую вам внимательно меня выслушать, потому что в противном случае я выбью вам все зубы, и тогда вы уже точно не сможете поужинать.

Его слова звучали убедительно. Я решил, что называется, склонить к нему слух. «Говорите», — сказал я, и он заговорил, понизив голос до какого-то грохочущего рыка, так что его речь стала совершенно невнятной. Тем не менее два слова «прочитанная книга» мне удалось разобрать, и я воспрял духом. Если Спод затеял литературную дискуссию, я был не прочь обменяться мнениями.

— Книга? — переспросил я.

— Книга.

— Вы хотите, чтобы я порекомендовал вам хорошую книгу? Само собой, это дело вкуса. Дживса, например, хлебом не корми, только дай прилечь с томиком Спинозы или Шекспира. Что до меня, я — поклонник детективов и приключенческих романов. Из детективов предпочитаю Агату Кристи. Из приключений…

Тут я осекся, потому что Спод наградил меня нелестным эпитетом и сказал, чтобы я перестал болтать, а я всегда перестаю болтать, если этого требует верзила двух с половиной метров роста и соответствующих габаритов. Я умолк, а он продолжал говорить:

— Я сказал, что вы для меня прочитанная книга, Вустер. Мне известно, что вы задумали.

— Не понимаю вас, лорд Сидкап.

— Тогда вы и правда такой идиот, каким кажетесь, а внешность ваша говорит сама за себя. Речь идет о том, как вы вели себя с моей невестой. Я вошел в комнату и застал вас ласкающим ее лицо.

Здесь мне пришлось его поправить. В таких вещах желательна точность.

— Во-первых, не лицо, а подбородок.

— Тьфу! — сказал он, если я правильно расслышал.

— Мне пришлось взять ее за подбородок, чтобы вытащить из глаза мошку. Я просто придерживал его.

— Вы придерживали его любовно.

— Неправда!

— Простите. Я не слепой, и я вижу, когда придерживают подбородок

любовно, а когда нет. Вы, очевидно, были в восторге от того, что вам представился случай замусолить ее подбородок своими грязными пальцами.

— Вы ошибаетесь, лорд Сподкап.

— Повторяю, мне известно, что вы задумали. Вы собираетесь расправиться со мной, отбить у меня Мадлен при помощи своих коварных подкопов, но я хочу, чтобы вы крепко-накрепко запомнили: если подобное повторится, вам лучше заблаговременно оформить страховку от несчастных случаев. Возможно, вы думаете, что как гость вашей тетки я не решусь размазать вас по лужайке перед домом и потом станцевать на ваших потрохах в сапогах с подковами, но вы заблуждаетесь. Я сделаю и то и другое с превеликим удовольствием. Я как раз совершенно случайно привез с собой пару кованых сапог!

Решив, что это хорошая реплика под занавес, он удалился, и после короткого напряженного размышления я двинулся за ним. Направившись в свою спальню, я застал там Дживса, который встретил меня с укоризненным видом. Он знает, что я могу переодеться к ужину за десять минут, но не одобряет спешки, потому что она, на его взгляд, всегда сказывается на состоянии галстука: даже если он и правильно подобран, настоящая бабочка все равно не получается.

Меня не смутил упрек в его глазах. После того как я смотрел в глаза Спода, черта с два я испугаюсь взгляда Дживса.

— Дживс, вы наверняка хорошо знаете «Гимны старинные и современные». Кто были эти люди, про которых в гимне сказано, что они «рыщут и рыщут повсюду»?[68]

— Воины Мадиама, сэр.

— Точно. А не был ли среди них упомянут Спод?

— Сэр?

— Я спрашиваю, потому что он рыщет и рыщет повсюду, как будто он родом из Мадиама. Давайте я все вам расскажу.

— Боюсь, сэр, сейчас не время. Слышите звонок к ужину?

— Правда. Кто же звонит? Вы говорили, Сеппингс слег в постель.

— Горничная, сэр, по поручению Сеппингса.

— У нее хорошо поставленная рука. Ладно, я расскажу потом.

— Очень хорошо, сэр. Простите, ваш галстук.

— С ним что-то не так?

— Абсолютно все, сэр. Если вы позволите.

— Конечно, валяйте. Но я не могу не задаваться вопросом, неужели в такое время, как сейчас, галстуки имеют какое-то значение?

— Галстуки имеют значение в любое время, сэр.

Я спускался в столовую в мрачном расположении духа. Анатоль, размышлял я, без сомнения, попотчует нас одним из своих коронных блюд, — может быть, сладким мясом в тесте по-тулузски или сильфидами в раковом соусе — но за ужином я встречусь со Сподом, Мадлен, Флоренс и Л.П. Ранклом.

Всегда что-то отравляет радость, думал я.

8

Справедливо замечено, что если уж Бертрам Вустер берется за дело, оно будет гореть у него в руках, а не отлеживаться в долгом ящике. Другой на моем месте, согласившись поагитировать избирателей задруга, жаждущего попасть в парламент, повременил бы приступать к работе до второй половины следующего дня и, сказав себе, что несколько часов ничего не решают, направился бы в бильярдную, чтобы раз-другой сразиться в снукер. Мое поведение резко контрастировало, как выразился бы Дживс, с общим фоном, и вскоре после завтрака я уже был в дороге. Еще не перевалило за одиннадцать, когда я, подкрепив силы парой копченых селедок, тостами, джемом и тремя чашками кофе, приближался к ряду домов у реки, который кто-то меткий на язык так и окрестил: Ривер-роу, то есть «Речной ряд». Много раз бывая в Маркет-Снодсбери, я знал, что это один из фешенебельных районов города, где полным-полно домовладельцев — потенциальных приверженцев консерваторов, и поэтому мой первый заход был именно в этот порт. Ведь бессмысленно начинать обход с менее дорогих районов, жители которых, заведомо расположенные голосовать за лейбористов, не только останутся глухи к вашим уговорам, но могут и кирпичом швырнуть. У Медяка, конечно, имелся специальный отряд сторонников-амбалов, привыкших говорить сплевывая, вот пусть этот отряд и занимается избирателями, кидающими кирпичи.

Дживс вышел вместе со мной, но я направлялся в дом № 1, а он избрал своей целью дом № 2. Потом я занялся бы домом № 3, а он — домом № 4. Мы условились не агитировать на пару и не заявляться в чужой дом вместе, а то его обитатели еще подумают, что мы переодетые полицейские, и будут зря нервничать. Многие люди, живущие в таких районах, как Ривер-роу, от сытой жизни приобретают склонность к апоплексическим ударам, а если с избирателем сделается удар и он испустит дух на полу, это

будет означать, что одним избирателем в списке станет меньше. О таких вещах всегда надо помнить.

— Хоть убей, не понимаю, Дживс, — сказал я, потому что был настроен поразмышлять вслух, — почему люди спокойно относятся к тому, что кто-то совершенно незнакомый вламывается к ним в дом, даже не говоря при этом… как же это… На языке вертится…

— «Простите за вторжение», сэр?

— Ну да. Даже не говоря: «Простите за вторжение», и указывает им, за кого голосовать. Мне это кажется бесцеремонным.

— Таков предвыборный обычай, сэр. А как сказал некогда один мудрец: «Обычай может примирить нас с чем угодно».

— Шекспир?

— Берк,[69] сэр. Это афоризм из его трактата о возвышенном и прекрасном. Думаю, что избиратели, успевшие за многие годы привыкнуть к предвыборной агитации, почувствовали бы себя разочарованными, если бы никто к ним не зашел.

— Значит, мы внесем свежую струю в их будничную жизнь?

— Приблизительно так, сэр.

— Что ж, возможно, вы правы. Вы когда-нибудь раньше агитировали на выборах?

— Один или два раза, сэр, до поступления к вам на службу.

— Какова была ваша тактика?

— Я излагал свои аргументы так кратко, как только мог, прощался со слушателями и удалялся.

— А предисловие?

— Сэр?

— Вы не выступали с какой-нибудь речью, прежде чем перейти к делу? Не ссылались на Берка, Шекспира или на поэта Бернса?

— Нет, сэр. Это могло бы вызвать раздражение.

Тут я с ним был не согласен. Мне казалось, что он на совершенно ложном пути и вряд ли возвратится из дома № 2 со щитом. Избиратель, может, только того и ждет, чтобы ему рассказали, что слышно новенького про Берка и его трактате о возвышенном и прекрасном, а Дживс почему-то не хочет воспользоваться собственной ученостью. Я был не прочь напомнить Дживсу притчу о зарытых в землю талантах, которую я штудировал во время подготовки к выигранному мной школьному конкурсу на лучшее знание библейских текстов. Однако время шло, и я оставил эту мысль. Я просто сказал Дживсу, что, на мой взгляд, он ошибается. В предисловии, утверждал я, как раз вся соль. Оно должно, что

называется, разбить лед недоверия. Нельзя же нагрянуть к совершенно незнакомому человеку и выпалить с бухты-барахты: «Привет. Надеюсь, что вы проголосуете за моего кандидата!» Гораздо лучше начать так: «Доброе утро, сэр. Я понял с первого взгляда, что вы человек высокой культуры, которого, может, хлебом не корми — только дай почитать Берка. Интересно, изучили ли вы его трактат о возвышенном и прекрасном?» Ну, а после такого предисловия можно перейти к делу.

— Тут надо найти подход, — сказал я. — Лично я целиком на стороне веселости и добродушия. Я собираюсь приветствовать своего домовладельца веселым восклицанием: «Салют, мистер Такой-то, салют», чтобы сразу расположить его к себе. Потом я расскажу ему анекдот. И только после этого — подождав, конечно, пока он отсмеется, — перейду к делу. Уверен, меня ждет успех.

— Я в этом не сомневаюсь, сэр. Мне такой метод не подходит, но тут все дело в личной склонности.

— В психологии индивидуума?

— Совершенно верно, сэр. «Различны люди меж собой и их пристрастья».

— Берк?

— Чарльз Черчилл, сэр, поэт, творивший в начале восемнадцатого века. Это цитата из его «Послания Уильяму Хогарту».

Мы остановились, потому что уже подошли к двери дома № 1. Я нажал кнопку звонка.

— Решающая минута, Дживс, — сказал я со значительным видом.

— Да, сэр.

— Полный вперед.

— Слушаюсь, сэр.

— Бог в помощь вашей агитации.

— Спасибо, сэр.

— И моей.

— Да, сэр.

Он прошел вперед и поднялся на крыльцо дома № 2, а я, стоя у закрытой двери, чувствовал себя так же, как когда-то в отрочестве в доме моего дяди-священника, готовясь выступить в велосипедных соревнованиях среди мальчиков-певчих, чей голос еще не начал ломаться к первому воскресенью января, — взволнованным, но полным решимости победить.

Пока я бегло повторял про себя анекдот, который собирался рассказать для затравки, дверь отворилась. Передо мной стояла горничная,

и можете себя представить, как я обрадовался, признав в ней бывшую горничную тети Далии, работавшую в доме во время моего прошлого визита; читатели-ветераны помнят, как мы судачили с ней о коте Огастусе и его манере спать все дни напролет вместо того, чтобы шнырять по дому в поисках мышей.

Увидев знакомое лицо, я приободрился. Мой боевой дух, начавший было угасать с уходом Дживса, теперь получил сильное подкрепление и приблизился к норме. Я чувствовал, что даже если господин, к которому я пришел, спустит меня с лестницы, знакомая горничная проводит меня до дверей и скажет в утешение, что испытания посылаются нам для того, чтобы отвратить нас от всего суетного.

— Привет! — сказал я.

— Доброе утро, сэр.

— Вот мы и снова встретились.

— Да, сэр.

— Вы меня помните?

— Конечно, сэр.

— И вы не забыли Огастуса?

— Нет, сэр.

— Он все такой же соня. Сегодня утром мы завтракали вместе. Он бодрствовал из последних сил, пока расправлялся с порцией селедки, потом погрузился в безмятежный сон на краю кровати, свесив голову вниз. Значит, вы махнули рукой на свою карьеру у тети Далии. Очень жаль. Мы все будем скучать по вас. Вам здесь нравится?

— О, да, сэр.

— Вот и отлично. А теперь к делу. Я пришел к вашему хозяину по одному важному вопросу. Что он за человек? Не слишком вспыльчивый? Надеюсь, не бросается на посетителей?

— Это не джентльмен, сэр, а леди. Миссис Мак-Коркадейл.

Эта новость значительно умерила мою эйфорию. Я рассчитывал, что, рассказав заготовленный анекдот, с налету завоюю симпатию слушателя и избегу таким образом неловкости первых минут, когда жертва насильственного посещения смотрит на вас в упор, как будто спрашивая, чему она обязана честью вашего визита, а теперь выяснялось, что анекдот мой останется нерассказанным. Я слышал эту пикантную историю от Китекэта Поттера-Перебрайта в «Трутнях»; ее духовная родина — курительная комната лондонского клуба или мужская уборная американского поезда, и никакими купюрами ее нельзя адаптировать для дамского слуха, в особенности для слуха дам, которым впору руководить

комитетами по охране нравственности.

Поэтому горничная проводила в гостиную несколько обескураженного Бертрама Вустера, и вид хозяйки дома, которая предстала передо мной, ничуть не прибавил мне бодрости. Я бы отнес миссис Мак-Коркадейл к разряду мрачных женщин. Вероятно, она уступала в мрачности моей тете Агате, чего и следовало ожидать, но, безусловно, была того же поля ягода, что Иаиль, жена Хеверова,[70] и некая дама, которая вязала, сидя под гильотиной, во время Французской революции. У нее был крючковатый нос, тонкие, плотно сжатые губы, а ее глазами можно было раскалывать бревна в тиковых лесах Борнео. Оценивая ее, как говорится, в общем и целом, оставалось только подивиться бесстрашию мистера Мак-Коркадейла, взявшего ее в жены, — очевидно, этого человека ничем нельзя было запутать.

Но я пришел сюда с намерением быть веселым и добродушным, и от своего намерения отступаться не собирался. Актеры говорят, что если вы перевозбуждены и нервная система у вас не так свежа, как у новорожденного, необходимо сделать глубокий вдох. Я сделал их три и сразу почувствовал себя гораздо лучше.

— С добрым утром, с добрым утром, с добрым утром, — проговорил я. — С добрым утром, — подчеркнул я лишний раз, потому что считал, что моя вежливость не должна иметь пределов.

— С добрым утром, — ответила она, и это могло означать, что пока мои дела обстоят неплохо. Но я покривил бы душой перед читателями, если бы сказал, что в ее голосе послышалась сердечность. У меня создалось впечатление, что мой облик поразил ее в чувствительное место. Очевидно, эта женщина была согласна со Сподом в вопросе о том, как сделать Англию страной героев.

Лишившись подспорья в виде заготовленного анекдота и стоя под ее взглядом, проходящим сквозь меня, как доза слабительного, и подтачивающим мое и без того хрупкое самообладание, я, наверное, затруднился бы продолжить разговор, но, к счастью, я был начинен полезными сведениями, которые так и просились на язык. Вчера вечером, когда мы курили после ужина, Медяк разъяснил мне, что именно он и его команда намерены делать, придя к власти. Они собирались, по его словам, сократить до минимума налоги, выправить нашу внешнюю политику, в два раза увеличить экспорт, сделать так, чтобы у каждого было по два автомобиля в гараже и по две курицы на обед, и обеспечить фунту приток свежей крови, в котором он так давно нуждается. Мы с ним сошлись во мнениях, что это великолепная программа, и я не видел причин, почему бы

и мымре Мак-Коркадейл не согласиться с такой оценкой. Поэтому я первым делом спросил ее, имеет ли она право голоса, и она ответила: конечно, и я сказал, что это прекрасно, потому что иначе мои доводы пропали бы втуне.

— По моему глубокому убеждению, это просто замечательно, что во время выборов каждая женщина имеет голос, — продолжал я с жаром, и она ответила, как мне показалось, довольно ехидно, что мое одобрение ее радует.

— Когда вы будете его, если так можно выразиться, подавать, горячо вам рекомендую подать его за Медяка Уиншипа, — сказал я.

— На чем основана ваша рекомендация?

Задав этот вопрос, она дала мне прекрасную возможность начать заготовленную речь. Преподнесла, можно сказать, на блюдечке. Я молниеносно пустился в рассуждения и разрекламировал программу Медяка, упомянув о налогах, внешней политике, экспорте, машинах в гараже, курицах на обед и первой помощи бедному старику фунту, но был потрясен полным отсутствием заинтересованности с ее стороны. Ни одной новой складки не появилось на суровом каменистом плато ее лица. Она была похожа на тетю Агату, которая выслушивает оправдания мальчишки Вустера, разбившего крикетным мячом окно гостиной.

Я решил нажать на нее — в смысле, прижать к стенке.

— Неужели вы не хотите, чтобы сократились налоги?

— Хочу.

— И чтобы наша внешняя политика пошла в гору?

— Разумеется.

— А экспорт увеличился в два раза, и фунт подбросило вверх? Не сомневаюсь, что хотите. В таком случае, голосуйте за Медяка Уиншипа — кандидата, который, стоя у кормила власти, поведет Англию к процветанию и счастью и воскресит славную эпоху королевы Елизаветы.

В своем выступлении я придерживался шпаргалки, заготовленной для меня Дживсом. В ней было еще что-то полезное про «державный этот остров» и «сей новый рай земной, второй Эдем»,[71] но это вылетело у меня из головы.

— Согласитесь, что это было бы неплохо, — сказал я. Секундой раньше мне бы и в голову не пришло, что ее сходство с тетей Агатой может еще усилиться, но теперь она добилась этого потрясающего результата у меня на глазах. Хмыкнув, если не фыркнув, она сказала следующее:

— Молодой человек, не будьте идиотом. «Стоя у кормила власти», ха!

Если произойдет чудо и мистер Уиншип победит на выборах, а этого чуда не произойдет, он будет скромным заднескамеечником, чей голос слышен в парламенте, только когда требуется поддержать ораторов из собственной фракции репликами «Правильно, правильно!» или атаковать выступающих от оппозиции репликами «Ближе к делу!» И таким же парламентарием буду я, — продолжила она, — если выиграю выборы, что я твердо намерена сделать.

Я моргнул.

— Что, что вы сказали? — вырвалось у меня, и она разъяснила мне сложившуюся ситуацию или, как выражается Дживс, пролила свет.

— Вы, как я вижу, не слишком наблюдательны. Иначе вы обратили бы внимание, что Маркет-Снодсбери сплошь оклеен плакатами «Голосуйте за Мак-Коркадейл». Хоть и в лоб, но доходчиво.

Не скрою, это был удар, от которого я дрогнул, как осина, если об осине можно так выразиться. Вустеры способны вынести многое, но всему же есть предел. Единственно, о чем я связно подумал, это о том, что вот, надо же, как мне всегда не везет: едва начав агитировать, я с ходу налетел на соперничающего кандидата. А ведь, займись Дживс домом № 1 вместо дома № 2, он, пожалуй, убедил бы мамашу Мак-Коркадейл проголосовать против самой себя.

Если бы Наполеона спросили, как ему удалось выбраться из Москвы, он бы, наверное, ответил не очень вразумительно. Вот и я тоже. Я не помнил, как очутился на крыльце, и нервы мои были в ужасном состоянии. Чтобы восстановить душевные силы, я зажег сигарету и закурил, но тут меня панибратски окликнули, и я ощутил рядом с собой присутствие какого-то инородного тела. «Привет, старина Вустер», — сказал голос, и когда пелена тумана у меня перед глазами рассеялась, я увидел, что это Бингли.

Я холодно взглянул на этого молодца. Зная, что это пятно на роде людском живет в Маркет-Снодсбери, я предвидел возможность нашей с ним встречи, и потому его появление меня нисколько не удивило. Но и не обрадовало. Потрясенный до глубины души встречей с Мак-Коркадейл, я меньше всего был расположен беседовать с человеком, который поджигал дома и замахивался саблей на свою дойную корову.

Он вел себя так же фамильярно, нахально, бесцеремонно, назойливо и непочтительно, как в клубе «Подручный Ганимеда». По-приятельски хлопнул меня по спине и, наверняка, ткнул бы пальцем под ребра, приди это ему в голову. И не подумаешь, что когда-то в наших отношениях фигурировало холодное оружие.

— Что поделываете в этих краях, голубок? — спросил он. Я ответил, что гощу у своей тети миссис Траверс, которая живет неподалеку, и он сказал, что знает этот дом, но не знаком со старушкой.

— Я пару раз ее видел. Такая краснощекая бабуля?

— У нее довольно яркий румянец.

— Наверное, от повышенного кровяного давления.

— Или оттого, что она много ездила на охоту. Мороз грубит кожу.

— В противоположность барменше. Она грубит клиенту.

Если он надеялся рассмешить меня своей топорной шуткой, то просчитался. Я был холоден, как публика на дневном спектакле в будний день, и он продолжил:

— Да, вполне возможно. У нее спортивный вид. Надолго вы приехали?

— Не знаю, — ответил я, потому что продолжительность моих визитов к старой прародительнице всегда неизвестна. Все зависит от того, когда она скажет мне выметаться. — Вообще-то я здесь, чтобы агитировать избирателей за кандидата от консерваторов. Он мой приятель.

Бингли присвистнул. Если раньше он был отвратительно веселым, то теперь стал отвратительно серьезным. Видно, спохватившись, он теперь все-таки ткнул меня пальцем под ребра.

— Вустер, старина, вы впустую тратите время. У него нет ни малейшего шанса.

— Ну да? — сказал я дрогнувшим голосом. Конечно, это было всего-навсего личное мнение, но убежденность в его тоне на меня подействовала. — Почему вы так думаете?

— Неважно, почему я так думаю. Можете мне поверить. Будьте благоразумны, позвоните своему букмекеру и поставьте крупную сумму на Мак-Коркадейл. Не пожалеете. Еще придете и будете благодарить меня за подсказку со слезами…

Во время этого формального обмена мнениями в устной форме, по определению толкового словаря из библиотеки Дживса, он, должно быть, нажал кнопку звонка, потому что в этот момент дверь отворилась, и я увидел свою знакомую горничную. Он быстро добавил: «на глазах» — и повернулся к ней.

— Миссис Мак-Коркадейл дома, дорогуша? — спросил он и, получив утвердительный ответ, покинул меня, а я направился домой. Конечно, я должен был и дальше агитировать жителей Ривер-роу, неся свое слово в дома под нечетными номерами, пока Дживс занимался четными, но сейчас я был не в духе.

Я испытывал беспокойство. Кто-то скажет, если владеет такой лексикой, что, мол, прогнозист вроде человека-прыща Бингли не заслуживает доверия, но он говорил с такой убежденностью, будто где-то что-то проведал, и тут уж я не мог так легко отмахнуться.

В глубоком раздумье я дошел до старого поместья и застал прародительницу, полулежащую в шезлонге, за разгадыванием кроссворда в газете «Обсервер».

9

Было время, когда эта почтенная мать семейства, корпя над решением кроссворда в «Обсервер», отдувалась, рвала на себе волосы и оглашала комнату необычными ругательствами, которым научилась у своих дружков по охоте, но, как она ни силилась, ей никогда не удавалось угадать больше пятнадцати процентов слов, и постепенно ее раж сменился апатичным смирением, и теперь она просто сидит, уставившись в газету, потому что знает: сколько ни лижи она кончик карандаша, из этого не выйдет никакого или почти никакого проку.

Входя, я слышал, как она разговаривает сама с собой, точно какой-нибудь персонаж Шекспира: «Вымеренное шествие святого вокруг жилища с пристройкой, о Господи», из чего можно было заключить, что ей попался крепкий орешек, и думаю, она обрадовалась любимому племяннику, чей приход позволил ей с чистой совестью оторваться от осточертевшего занятия. Во всяком случае, приветствовала она меня радушно. Для чтения она обычно надевает очки в черепаховой оправе, которые делают ее похожей на рыбу в аквариуме. Она взглянула на меня сквозь них.

— Привет, мой скачущий Берти.

— Доброе утро, старая прародительница.

— Ты уже встал.

— Давно.

— Тогда почему ты сидишь дома, вместо того чтобы агитировать? И почему у тебя такой вид, словно тебя принесла в зубах кошка?

Я вздрогнул. Я намеревался умолчать о недавнем прошлом, но со свойственной тетушкам проницательностью, она по каким-то признакам поняла, что я прошел через горнило испытаний, и она стала бы выпытывать и выспрашивать, пока бы я во всем не сознался. Любая толковая тетушка может дать фору инспекторам Скотланд-Ярда по части

допрашивания подозреваемого, и я знал, что запираться бессмысленно. Или немыслимо? Надо будет справиться у Дживса.

— У меня такой вид, словно меня принесла в зубах кошка, потому что я чувствую себя как то, что она принесла в зубах, — сказал я. — Пожилая родственница, я расскажу вам одну странную историю. Вы знаете здешнюю кикимору по фамилии Мак-Коркадейл?

— Ту, что живет на Ривер-роу?

— Ту самую.

— Она адвокат.

— Похоже.

— Ты с ней познакомился?

— Познакомился.

— Она соперница Медяка на выборах.

— Знаю. А мистер Мак-Коркадейл до сих пор жив?

— Давно умер. Попал под трамвай.

— Я не осуждаю беднягу. На его месте я поступил бы точно так же. Это единственный выход, если ты взял в жены такую женщину.

— Как ты с ней познакомился?

— Я пришел к ней, чтобы агитировать ее за Медяка, — ответил я, после чего коротко и сбивчиво рассказал свою странную историю.

Номер прошел на «ура». Прошел как по маслу. Я сам вообще-то не находил в своем рассказе ничего смешного, но ближайшая родственница нашла, он, без сомнения, ее здорово позабавил. В жизни не слышал, чтобы женщина заливалась таким гомерическим хохотом. Было бы ей куда катиться, она покатилась бы со смеху. Ирония судьбы: я столько раз терпел неудачу, пытаясь развеселить публику веселым анекдотом, а тут, по сути, трагическая история — и такой хохот в зале.

Тетя все еще изображала смех гиены, которая только что услышала хорошую шутку от другой гиены, и тут вошел Спод, как всегда, выбрав для своего появления неподходящий момент. Спода никогда не хочешь видеть, но особенно его не хочешь видеть в ту минуту, когда кто-то от души смеется над тобой.

— Я где-то оставил конспект завтрашнего выступления, — сказал он. — Над чем вы смеетесь?

Несмотря на припадок судорожного смеха, прародительнице все-таки удалось выговорить пару слов.

— Это Берти.

— Хм, — сказал Спод, взглянув на меня так, словно ему не верилось, что какое-то мое слово или действие может вызвать смех, а не ужас и

отвращение.

— Он только что был у миссис Мак-Коркадейл.

— Хм.

— Агитировал ее за Медяка Уиншипа.

— Хм, — снова сказал Спод. Я уже отмечал, что хмыканье было его слабостью. — Этого от него и следовало ожидать.

Бросив на меня еще один взгляд, в котором презрение примешивалось к враждебности, и сказав, что, возможно, он оставил свои записи в павильоне у озера, он избавил нас от своего тошнотворного присутствия.

По-видимому, до сознания пожилой родственницы дошло, что мы со Сподом относимся друг к другу не как Дамон и Пифий. Она перестала изображать смех гиены.

— Спода не назовешь любезным.

— Нет.

— Он тебя не любит.

— Нет.

— Может, он и меня не любит?

— Нет, — сказал я и подумал — ведь для Вустеров справедливость прежде всего, — что вот я критикую Спода за хмыканье, а сам заладил: нет да нет. И что ты смотришь на сучок в глазу брата твоего, а бревна в твоем глазу не чувствуешь, Вустер? Я задал себе этот вопрос, который почерпнул из Библии наряду с прочими полезными сведениями, когда готовился к конкурсу на лучшее знание библейских текстов.

— Ему вообще кто-нибудь нравится? — спросила родственница. — Мадлен Бассет если только.

— Он, кажется, в восторге от Л.П. Ранкла.

— С чего ты взял?

— Я случайно подслушал их разговор по душам.

— Хм, — сказала родственница, потому что чужие междометия прилипчивы. — Что ж, по-моему, тут нечему удивляться. Рыбак рыбака…

— Видит издалека?

— Именно. А у грибов даже поганка к поганке тянется. Кстати, напомни мне, чтобы я тебе кое-что сказала про Л.П. Ранкла.

— Ладно.

— Мы вернемся к Л.П. Ранклу позднее. А Спод на тебя злится по старой памяти или ты опять чем-то ему не угодил?

В этот раз я рассказал ей все без колебаний. Я знал, что она мне посочувствует. Я изложил ей все факты с тем чистосердечием, на которое может подвигнуть племянника надежда на тетушкино участие.

— Все эта мошка.
— Не понимаю тебя.
— Мне пришлось прийти на помощь.
— Да объясни ты толком.
— Споду не понравилось.
— Что ему не понравилось? Мошка? Что это еще за мошка? Расскажи, что произошло, последовательно, а не задом наперед.
— Конечно, если вам интересно. Дело было так.
Я рассказал ей о мошке в глазу Мадлен, о том, как я полностью вернул ей зрение, и как Спод неправильно истолковал мои действия. Она присвистнула. Сегодня все как сговорились и не упускают случая присвистнуть на Вустера. И даже давешняя горничная, узнав меня, надула губки, как будто собиралась сделать то же самое.
— Больше так никогда не делай, — посоветовала мне тетя.
— А если понадобится? Куда же деваться?
— Найди куда деться. А то будешь вытаскивать у нее из глаза посторонние предметы, а потом еще придется на ней жениться.
— Это мне больше не грозит, ведь она невеста Спода.
— Не знаю, не знаю. По-моему, у них что-то разладилось. Я бы удивился, узнав, что во всем лондонском почтовом округе «З.1» сыскался человек, умеющий лучше, чем Бертрам Вустер, противостоять тому, что Дживс, я слышал, называет «пращами и стрелами яростной судьбы»;[72] но не скрою, на эти страшные слова я снова отреагировал, как осина, причем даже с большим вживанием в образ, чем во время разговора с вдовой Мак-Коркадейл.
На то были свои причины. Во главу угла всей своей внешней политики я поставил предположение, что этот двойственный союз застрахован не только от краха, но даже от серьезных потрясений. Спод, по его собственным словам, боготворил Мадлен за одухотворенность, а она, как я уже имел случай заметить, не стала бы бросаться таким выгодным женихом. Мне казалось, что если есть на свете пара, которой с полной уверенностью можно прочить золотую свадьбу на широкую ногу, то это их пара.
— Разладилось? — повторил я хриплым шепотом. — Вы имеете в виду, что когда… как же это…
— О чем ты?
— «Когда та лютня трещину дала, недолго музыка играть могла».[73] Это не мое, это Дживс.

— Похоже, что так. Вчера за ужином я заметила, что он отказался от коронного блюда Анатоля, а она сидела бледная, смиренная, как монашка, и крошила хлеб. Раз уж я заговорила о коронном блюде Анатоля, скажу тебе то, что собиралась, про Л.П. Ранкла: решающая минута близится. Я сгруппировалась для прыжка и крепко надеюсь, что Таппи скоро разбогатеет.

Я прищелкнул языком. Я первый стоял за то, чтобы Л.П. Ранкл поделился с Таппи своими миллионами, но сейчас было не время менять тему разговора.

— Забудьте пока о Таппи. Подумайте о щекотливом положении Бертрама Уилберфорса Вустера.

— Уилберфорса, — пробормотала она, насколько ей позволял бормотать ее выдающийся голосовой аппарат. — Я когда-нибудь рассказывала тебе, как ты получил это прозвище? Это была идея твоего отца. За день до того как тебя поднесли к купели — ты был похож при этом на исполнителя эпизодической роли в гангстерском фильме, — твой родитель сорвал куш на скачках «Гранд нэшнл», поставив на аутсайдера по кличке Уилберфорс, и поэтому настоял, чтобы тебя назвали в его честь. Сочувствую тебе, но нам всем приходится нести свое бремя. Второе имя твоего дяди Тома — Портарлингтон, а мне при крещении чуть не дали имя Филлида.

Я шлепнул ее по кумполу ножом для бумаг, похожим на восточный кинжал, какими убивают людей в приключенческих романах.

— Не отвлекайтесь. Тот факт, что вас чуть не окрестили Филлидой, без сомнения, займет достойное место в вашей автобиографии, но обсуждать его сейчас совершенно необязательно. Мы говорим о том, какая страшная опасность будет мне угрожать, если ось Мадлен—Спод развалится.

— Ты считаешь, если Мадлен разорвет помолвку, тебе придется заполнить образовавшуюся пустоту?

— Вот именно.

— Она не сделает этого. Нив жизнь.

— Но вы сказали…

— Я только хотела построже тебя предупредить, чтобы ты впредь не вытаскивал мошек из глаз Мадлен. Может быть, я переусердствовала.

— Вы меня насмерть перепугали.

— Прости, что сгустила краски. Тебе не о чем беспокоиться. Это одна из тех легких размолвок, которые бывают у не в меру сюсюкающих парочек.

— Из-за чего же она произошла?

— Почем я знаю. Может быть, он оспорил ее утверждение, что звезды на небе — это Божьи цветочки.

Что ж, это было вполне возможно. С Гасси Финк-Ноттлом Мадлен рассорилась! Барышню с ее взглядами легко ранить небрежным отношением к звездочкам и цветочкам.

— Возможно, они уже помирились, — сказала прародительница. — Но все-таки тебе лучше держаться от Мадлен подальше. Спод — человек порывистый. Может разукрасить тебе физиономию.

— Он уже угрожал это сделать.

— Так и сказал: разукрашу физиономию?

— Нет, он обещал размазать меня по лужайке перед домом и потом станцевать на моих потрохах в сапогах с подковами.

— Один черт. Так что на твоем месте я соблюдала бы осторожность. Будь с Мадлен холодно-вежливым. Если ты увидишь, что еще какие-нибудь мошки летят в ее сторону, заботливо подай им пальто и пожелай счастливого пути, но не вздумай вмешиваться.

— Не буду.

— Надеюсь, я рассеяла твои страхи.

— Рассеяли, старая кровинка.

— Тогда почему ты морщишь лоб?

— Хм, почему? Да вот Медяк.

— Что, Медяк?

— Это из-за него я морщу лоб.

Весть о возможном возвращении Мадлен Бассет на ярмарку невест настолько меня встревожила, что я лишь сейчас вспомнил про Бингли и его предсказание неминуемого поражения Медяка. Мне было стыдно и совестно, что под влиянием своих личных неприятностей я так позорно отодвинул Медяка в конец повестки дня. Я уже давно должен был заострить внимание тети Далии на вопросе о его шансах на выборах. Не сделав этого, я подвел друга, а друзей, с гордостью могу сказать, я подводить не привык. Неудивительно, что я мучался угрызениями совести.

Я поспешил реабилитироваться — если я не ошибаюсь, именно это делают люди, подложившие свинью тому, кого любят как брата.

— Я когда-нибудь говорил вам о человеке по фамилии Бингли?

— Если и говорил, то я не помню.

— Он недолгое время служил у меня камердинером, когда у нас с Дживсом возникло разногласие по поводу моей игры на банджолайке. Тогда у меня был дом в Чафнелл-Риджис.

— И он его, кажется, спалил?

— Нализавшись в стельку. Дом сгорел дотла, и моя банджолайка тоже.

— Теперь я поняла, о ком ты. Ну, и что этот Бингли?

— Он живет в Маркет-Снодсбери. Я встретил его сегодня утром и случайно упомянул о том, что агитирую за Медяка.

— Если это можно назвать агитацией.

— И он сказал, что я впустую трачу время. Он посоветовал мне поставить кругленькую сумму на мамашу Мак-Корка-Дейл. Сказал, у Медяка нет ни малейшего шанса.

— Он дурак.

— Я тоже так всегда считал, но он говорил как человек, Располагающий сведениями.

— Какими это еще сведениями он может располагать? Выборы не скачки, где получают информацию от жучка. Не спорю, возможно, борьба будет упорной, но Медяк должен выйти победителем. У него есть секретное оружие.

— Не могли бы вы повторить? Мне кажется, я плохо расслышал.

— Медяку не страшна никакая конкуренция, потому что у него есть секретное оружие.

— Какое?

— Спод.

— Спод?

— Милорд Сидкап. Ты слышал когда-нибудь, как он говорит?

— Только что.

— На публике, дурак.

— А, на публике. Нет, не слышал.

— Я уже говорила тебе, что он потрясающий оратор, только ты, наверное, забыл.

Это показалось мне вполне правдоподобным. Спод в свое время был настоящим диктатором и всюду появлялся во главе отряда сторонников в футбольных трусах, скандирующих «Хайль Спод», а чтобы сделать такую карьеру, нужно обладать даром слова.

— Ты не питаешь к нему симпатии, я тоже, но ему нельзя отказать в красноречии. Аудитория слушает его, затаив дыхание, а когда он заканчивает, разражается громом аплодисментов.

Я кивнул. Мне самому устраивали овации после исполнения «Свадебной песни пахаря» на загородных концертах. Я бисировал по два, а то и по три раза, даже когда забывал слова и вынужден был вставлять отсебятину вроде «ля-ляля, пам-пам-пам, я спешу по делам». Я сказал

тетушке, что у меня с плеч полгоры свалилось, и она ответила: «Голова у тебя свалилась, а не полгоры».

— Вы зарядили меня бодростью, — сказал я, пропуская мимо ушей ее подковырку— Вы же понимаете, победа на выборах нужна Медяку, как воздух.

— Ему втемяшилось в голову представлять Маркет-Снодсбери в Вестминстерском зоопарке?

— Не совсем так. Ему самому парламент не ахти как сдался. Но он думает, что Флоренс укажет ему на дверь, если он потерпит поражение.

— Возможно, он прав. Она не выносит неудачников.

— Он сказал мне то же самое. Вспомните, какая участь постигла Перси Горринджа.

— Не его одного. Англия усеяна бывшими женихами Флоренс, которых она уволила в запас из-за несоответствия ее стандартам. Их насчитываются десятки. Думаю, у них есть свои клубы и общества.

— Возможно, в честь Флоренс они именуют себя Старыми Флорентийцами.

— И устраивают ежегодные банкеты!

Некоторое время мы размышляли о Флоренс; потом тетушка сказала, что должна удалиться, чтобы обсудить с Анатолем меню сегодняшнего ужина — надо уговорить его приготовить нечто из ряда вон выходящее. Жизненно важно, сказала она, чтобы он превзошел самого себя.

— Пока ты не прервал меня и не привлек мое внимание к имени Уилберфорс, я говорила про Л.П. Ранкла.

— Вы сказали, у вас создалось впечатление, что он готов к сотрудничеству.

— Совершенно верно. Знаешь, каким становится питон после нескольких обильных трапез?

— Понятия не имею.

— Он становится умиротворенным. Подобревшим, смягчившимся, питоном-милягой. И если только я не глубоко заблуждаюсь, те же изменения происходят с Л.П. Ранклом под влиянием кухни Анатоля. Ты видел его за ужином вчера вечером.

— К сожалению, нет, я не смотрел. Всеми фибрами своего существа я отдался поглощению пищи. А что, я много потерял? На него стоило посмотреть?

— Он просто сиял. Ему было, конечно, не до застольной беседы, но и без слов становилось ясно, что он — само дружелюбие и сама благосклонность. Видно было: он только и ждет сигнала, чтобы

приступить к раздаче подарков. От Анатоля зависит, угаснет этот рождественский запал или разгорится еще пуще. Я знаю, на него можно положиться.

— Добрый старый Анатоль, — сказал я, зажигая сигарету.

— Аминь, — благочестиво подытожила прародительница, а затем, сменив тему, добавила:

— Унеси эту вонючую сигарету из дома, чертенок. От нее так пахнет, как будто прорвало канализацию.

Всегда готовый потакать малейшей ее прихоти, я вышел из комнаты через застекленную дверь совсем не в том настроении, в котором входил. В душе Вустера царил оптимизм. У Медяка, говорил я себе, все будет хорошо, у Таппи все будет хорошо, и в самом ближайшем будущем веселый Купидон помирит Мадлен и Спода, даже если последний сделал какое-то неуместное замечание о звездочках и цветочках.

Докурив сигаретку, я был не прочь вернуться и продолжить разговор с пожилой родственницей, но тут до меня донесся голос уже успевшего выздороветь Сеппингса, и от того, что я услышал, кровь застыла у меня в жилах. Я остолбенел, как Лотова жена, чью печальную повесть я изучил во время подготовки к конкурсу на лучшее знание библейских текстов.

Услышанная мной реплика Сеппингса звучала так:

— Миссис Мак-Коркадейл, мадам.

10

Прислонясь к стене дома, я, словно загнанный олень, жадно хватал прохладный воздух. Сознание того, что я чуть было снова не столкнулся нос к носу с этой бой-бабой адвокатшей, привело меня в состояние Лотовой жены, как мне показалось, на целый час, хотя на самом деле, наверное, прошло не больше нескольких секунд. Потом мало-помалу я утратил свойства соляного столпа и уже мог сосредоточиться на вопросе, с чего бы это мамаше Мак-Коркадейл, сопернице Медяка на выборах, вздумалось нанести нам визит. Где-где, а тут я ее никак не ожидал увидеть. Все равно как если бы Наполеон зашел поболтать с Веллингтоном накануне битвы при Ватерлоо.

Я уже говорил о позиции у застекленной двери как выигрышной для подслушивания. Можно присутствовать при разговоре незримо для его участников, чем я и воспользовался во время беседы Спода с Л.П. Ранклом. Голоса обоих звучали громко и отчетливо, и никто из них не догадывался,

что Бертрам Вустер находится неподалеку и все слышит.

Мне повезло, что у Мак-Коркадейл был такой мощный голос, ведь в случае необходимости я вряд ли мог бы войти и переспросить ее, ну, а уж тетя Далия, само собой, говорила так зычно, что скажет в Гайд-парке — на Пиккадилли-сёркес слышно. Я часто думаю о том, что до глухого аспида,[74] про которого я читал, чтобы выиграть конкурс на лучшее знание библейских текстов, прекрасно дошли бы слова заклинателя, если бы им была моя пожилая родственница. Словом, я мог и дальше стоять, привалившись к стене, в полной уверенности, что не пропущу ни единого звука из реплик главных действующих лиц.

Разговор начался с пожелания друг другу доброго утра и фразы тети Далии, соответствующей общепринятому выражению «Какого черта?», после чего Мак-Коркадейл, как будто поняв, что от нее ждут объяснений, сказала, что пришла к мистеру Уиншипу по очень важному делу.

— Есть у меня шансы его видеть?

Тут прародительнице представилась возможность позлить гостью, с блеском ответив, что, мол, у вашей кандидатуры вообще нет никаких шансов, но она не воспользовалась ею, а просто сказала: нет, его нет дома; и Мак-Коркадейл выразила сожаление.

— Я предпочла бы побеседовать с ним лично, но, как я понимаю, он ваш гость, поэтому я могу сказать вам, а уж вы передадите ему.

Ее рассуждение показалось мне здравым, и, помню, я подумал, что этим адвокатам не откажешь в умении выражать свои мысли, но оно, кажется, рассердило пожилую родственницу.

— Извините, но я не вполне понимаю вас, — сказала она, и это означало, что она начинает выходить из себя, потому что в спокойном состоянии она сказала бы: «Простите, не соображу, о чем вы».

— Позвольте, я все объясню. Буквально в двух словах. Только что мне нанес визит скверный скользкий слизняк.

Я с достоинством выпрямился. Этого все равно никто не мог видеть, но такая реакция показалась мне уместной. Одно дело — справедливо критиковать человека, и совсем другое — оскорблять его. Ничто в наших отношениях, по-моему, не давало ей повода так отзываться обо мне. Мои взгляды на адвокатов и их умение выражать свои мысли резко переменились.

Не могу сказать наверняка, но думаю, что тетя Далия взбеленилась, потому что теперь ее слова были как из морозилки.

— Вы имеете в виду моего племянника Бертрама Вустера?

Мак-Коркадейл постаралась сгладить то неприятное впечатление,

которое произвела на меня ее предыдущая реплика. Она сказала, что ее посетитель не назвал своего имени, но она уверена, что он не может быть племянником миссис Траверс.

— Он не был похож на джентльмена, — сказала она, и со свойственной мне живостью ума я сразу догадался, что она имеет в виду Бингли, который был допущен к ее особе сразу после моего ухода. Я мог бы подписаться под теми нелестными эпитетами, которыми она наградила Бингли. И слизняком она обозвала его метко. Снова я подумал, что адвокатам не откажешь в умении выражать свои мысли.

Старая прародительница теперь тоже казалась настроенной… что это за слово начинается с «п» и означает «менее воинственно»? Пацифистски — вот. Предположение, что она не может иметь племянника, непохожего на джентльмена, вызвало у нее прилив пацифизма. Не то чтобы она уже была готова пригласить мамашу Мак-Коркадейл на длительную прогулку, но ее тон стал заметно дружелюбнее.

— Почему вы называете его слизняком? — спросила она, и Мак-Коркадейл ответила:

— Потому что я люблю называть вещи своими именами. Это слово наиболее точно передает его сущность. Он сделал мне неприличное предложение.

— Что? — спросила тетя Далия довольно бестактно.

Я сам был удивлен не меньше. Трудно было вообразить мужчину, столь жадного до любовных побед, чтобы делать неприличные предложения миссис Мак-Коркадейл. Я не предполагал, что Бингли способен на такое. Он никогда мне не нравился, но я не мог, хотя бы до некоторой степени, не восхититься его отчаянной храбростью. «Вот они, наши скромные герои», — подумал я.

— Вы шутите, — сказала пожилая родственница. Мак-Коркадейл тут же парировала:

— И не думаю. Я рассказываю вам все, как было. Я сидела в гостиной и перечитывала речь, которую написала для завтрашних дебатов, и тут явился этот человек и оторвал меня от работы. Я, естественно, почувствовала досаду и спросила его, по какому он делу, и он заявил с гадкой ухмылкой, что он Санта-Клаус и принес мне манну небесную в пустыню и благие вести. Я уже хотела позвонить в колокольчик, чтобы его выпроводили, потому что я, конечно, решила, что он пьян, но тут он сделал мне это странное предложение. Ему удалось завладеть информацией, компрометирующей моего соперника, и он хотел продать ее мне. Сказал, что тогда моя победа на выборах — дело решенное. Верняк, как он

выразился.

Я встрепенулся. Не опасайся я, что меня услышат, я бы сказал: «Так-то вот!» При других обстоятельствах я вошел бы комнату, похлопал прародительницу по плечу и сказал: «Предупреждал я вас, что Бингли располагает сведениями? Может быть, в следующий раз вы прислушаетесь ко мне». Но поскольку пришлось бы возобновлять знакомство с женщиной, одной встречи с которой мне хватит по гроб жизни, это исключалось. Я остался на месте, только еще больше навострил уши, чтобы не пропустить остальную часть диалога. После того как прародительница произнесла: «О Господи!» или «С ума сойти!» — в общем, что-то, из-за чего стало ясно, что рассказ гостьи сильно ее заинтересовал, Мак-Коркадейл продолжила. И продолжение рассказа, бесспорно, довершило удар. Роковая весть, иначе и не назовешь:

— Оказывается, этот человек — бывший камердинер, и он состоит в лондонском клубе дворецких и камердинеров, каждый член которого обязан, согласно уставу, делать записи в клубной книге о своем хозяине. Мой гость объяснил, что в свое время он служил у мистера Уиншипа и надлежащим образом записал многие его похождения, которые, стань они достоянием гласности, произвели бы самое неблагоприятное впечатление на избирателей Маркет-Снодсбери.

Я был удивлен. Я понятия не имел, что Бингли когда-то состоял на службе у Медяка. Что ж, права старинная пословица: «Полмира не знает, как живут остальные три четверти».

— Потом он без тени стыда признался, что в свой последний приезд в Лондон украл эту книгу и теперь она находится в его распоряжении.

У меня перехватило дух от ужаса. Особенно горько было сознавать, уж не знаю сам, почему, что Бингли стащил книгу как раз когда мы с Дживсом потягивали напитки в соседнем помещении. Даже если бы не это, так и так все равно было бы горько. Многие годы я трепетал при мысли, что клубная книга со всей содержащейся в ней взрывоопасной начинкой попадет в плохие руки, и вот теперь она в таких руках, что хуже е придумаешь. Не знаю, понятно ли я выражаюсь, но я просто хочу сказать, что, если б я мог выбирать мерзавца для совершения этой кражи, Бингли стоял бы в списке кандидатур на последнем месте. Помню, Дживс говорил о ком-то, кто «способен на грабеж, измену, хитрость»,[75] ну, так это вылитый Бингли. Он напрочь лишен всех благородных чувств, а от такого человека бессмысленно ждать пощады.

Пожилая родственница верно оценила драматичность ситуации. Она испуганно воскликнула: «Страсти-мордасти!», и Мак-Коркадейл сказала,

что она согласна с этим восклицанием, хотя сама она выразилась бы иначе.

— Ну, и как вы поступили? — спросила прародительница, горя от нетерпения, и Мак-Коркадейл ответила характерным для себя хмыканьем-фырканьем. В нем слышались и утечка пара, и случайная встреча двух-трех кошек с двумя-тремя собаками, и шипение кобры, вставшей поутру не с той ноги. Интересно, как реагировал на этот звуковой эффект покойный мистер Мак-Коркадейл? Может быть, находясь под впечатлением от него, он решил, что попасть под трамвай — не самое худшее в жизни.

— Я вышвырнула его поганой метлой. С гордостью могу сказать, что собираюсь победить в честной борьбе, и его предложение было мне глубоко противно. Если надумаете добиваться его ареста, хотя не представляю, как он мог бы осуществиться на практике, его адрес: Ормонд-креснт, 5. Он, кажется, положил глаз на мою горничную и дал ей свой адрес. Но повторяю, серьезных оснований для ареста нет. Наш разговор проходил без свидетелей, и он может преспокойно отказаться от своих слов. Жаль. Я испытала бы истинное наслаждение, увидев, как его повесят и четвертуют.

Она снова фыркнула, и прародительница, знающая толк в правилах хорошего тона, поспешила задобрить ее комплиментом. Она сказала, что мамаша Мак-Коркадейл заслуживает ордена.

— Ну, что вы.

— Так благородно было с вашей стороны отказать этому человеку.

— Как я уже говорила, я собираюсь победить в честной борьбе.

— Вам было не только глубоко противно выслушивать его предложение, но и досадно отрываться от работы над речью.

— Особенно если учесть, что за несколько минут до того меня оторвал от работы странный молодой человек, показавшийся мне слабоумным.

— Ну, это, должно быть, мой племянник Бертрам Вустер.

— Ах, простите.

— Ничего, ничего.

— Возможно, у меня сложилось превратное впечатление о его умственных способностях. Наша беседа была очень краткой. Мне только показалось странным, что он пытается убедить меня голосовать за моего соперника.

— Он вечно носится с нелепыми идеями. Он у нас такой, с заскоками. «Движется таинственно и чудеса творит».[76] Но, безусловно, ему не следовало мешать вашей работе над речью. Хорошо она у вас получилась?

— Я довольна.

— За вас остается только порадоваться. Вы, наверное, ждете не

дождетесь начала дебатов?

— Да, жду с нетерпением. Я горячая сторонница их проведения. Все упрощается, когда два кандидата публично встречаются лицом к лицу и избиратели получают возможность сравнить их платформы. Конечно, при условии, что соперники будут скрещивать шпаги в рамках парламентской этики. Но сейчас я должна вернуться к своей работе.

— Минуточку. — Без сомнения, слово «скрещивать» навело прародительницу на мысль. — Вы случайно не решаете кроссворды в «Обсервер»?

— Решаю. В воскресенье за завтраком.

— Но не все отгадываете?

— Да, нет, все.

— Каждое слово?

— До сих пор проблем не возникало. По-моему, там все до смешного просто.

— Тогда что значит вся эта абракадабра насчет вымеренного шествия святого вокруг жилища с пристройкой?

— А, это я сразу догадалась. Ответ, конечно, педометр. Шаги меряют педометром. Посередине «дом», то есть жилище, плюс пристройка «е» и «Петр», имя святого, вокруг. Элементарно.

— Да, действительно просто. Спасибо вам. Вы сняли груз с моей души, — сказала тетя Далия, и они мирно расстались — исход, которого трудно было ожидать, зная мамашу Мак-Коркадейл.

После того как я снова примкнул к человеческому стаду в лице сестры моего покойного отца, мне некоторое время не удавалось вставить ни словечка: старая прародительница без умолку костерила составителя кроссворда в «Обсервер», поминая недобрым словом дома и педометры. Выговорившись на эту тему, она с грустью принялась воздавать дань уму Мак-Коркадейл и заявила, что, по ее мнению, в борьбе с такой соперницей у Медяка меньше шансов удержаться, чем у парика на сильном ветру. Хотя теперь, добавила она с большей долей оптимизма, когда клубная книга уже не представляет опасности, он может выехать за счет речистости Спода. Все это время я безуспешно пытался прорваться к ее слуху со своей репликой, смысл которой заключался в том, что нет резона выезжать, когда тебя уже обскакали, но только с третьего раза мне удалось добиться внимания тетушки.

— Дело труба, — попробовал я выразиться иначе. Казалось, она была удивлена, как будто эта мысль раньше не приходила ей в голову.

— Труба?

— Разве нет?

— С чего ты взял? Ты же слышал, она сказала, что собирается победить в честной борьбе, поэтому отвергла потуги искусителя и вышвырнула его поганой метлой, а быть вышвырнутым подобным образом вдвойне неприятно. Бингли раздавлен.

— Он еще внесет свою лепту.

— Детский лепет.

— Не «лепет», а «лепту», что совсем не одно и то же. Думаю, Бингли оправится после нанесенного ему сокрушительного поражения. Что, если он продаст клубную книгу со всей заложенной в ней взрывчаткой «Маркет-снодсберийскому Аргусу»?

Я имел в виду влиятельную газету, которая из кожи вон лезет, чтобы очернить консерваторов, и охотится за жареными фактами, заставляя людей консервативных взглядов чувствовать себя как под микроскопом. Если бы она взялась публиковать в каждом номере подробности о прошлом Медяка, то, безусловно, устроила бы его кандидатуре кислородное голодание.

Я недвусмысленным образом заявил об этом ближайшей родственнице. Я бы добавил, что, может быть, теперь с ее лица все же сойдет, наконец, глупая улыбка, но в этом не было нужды. Она сразу оценила правоту моих слов, и у нее вырвалось смачное охотничье ругательство. Она вытаращилась на меня в неприкрытом смятении, словно по неосторожности надкусила протухшую устрицу.

— Мне это раньше и в голову не приходило!

— Так задумайтесь сейчас.

— Репортерские ищейки ни перед чем не остановятся.

— Они обнаглели просто до небес.

— Ты, кажется, говорил, что Медяк сидел в тюрьме?

— Я говорил, что его всегда заметали во время межуниверситетских гребных гонок. И, разумеется, в вечер регби.

— Что это еще за вечер регби?

— Традиционная встреча регбийных команд Оксфордского и Кембриджского университетов. Многие повесы приходят тогда в еще больший раж, чем в праздник гребных гонок. В том числе и Медяк.

— Он действительно попадал в тюрьму?

— Неизменно. Благодаря стойкой привычке срывать каски с полицейских. Наутро, после уплаты штрафа, его выпускали, но ночь он определенно проводил на нарах.

Без сомнения, мне удалось убедить тетю Далию, что положение

нешуточное. Она взвизгнула, словно такса, которой наступили на лапу, и ее румянец приобрел сизый оттенок, как всегда в минуты сильного волнения.

— Пиши пропало!

— Согласен, положение серьезное.

— Серьезное?! Да стоит только пройти слуху о таких шалостях Медяка, и от него отвернутся все избиратели. Медяку крышка.

— А вы не думаете, что они могут простить его, потому что тогда в нем бурлила молодая кровь?

— Исключено. Плевать они хотели на его кровь. Ты не знаешь здешний народ. В основном это нонконформисты, придерживающиеся моральных заповедей, которые отпугнули бы своей суровостью самого Торквемаду.

— Торквемаду?

— Такой испанский инквизитор.

— А, тот Торквемада.

— А сколько, ты думаешь, их всего было?

Я согласился, что это действительно редкая фамилия, и она продолжила:

— Мы должны действовать!

— Как?

— Вернее, действовать должен ты. Ты должен пойти к этому человеку и уговорить его.

Я хмыкнул. Я сомневался, что на такого корыстолюбивого человека, как Бингли, могут подействовать уговоры.

— Что я ему скажу?

— Ты найдешь, что сказать.

— Найду?

— Взывай к его лучшим чувствам.

— У него их нет.

— Не упрямься, Берти. Что за дурацкая привычка всегда спорить. Ты ведь хочешь помочь Медяку?

— О чем разговор.

— Вот и славно.

Если уж тетушка приняла какое-то решение, обжалованию оно не подлежит. Я направился к выходу. По дороге мне пришла в голову мысль. Я сказал:

— А как же Дживс?

— Что с ним?

— Мы должны по мере сил щадить его чувства. Я неоднократно предупреждал его, что клубная книга начинена взрывчаткой и должна быть уничтожена. Что, если она попадет не в те руки, спросил я, и он ответил, что этого не может произойти. И теперь она как раз попала в совершенно не те руки. У меня не хватит духу сказать Дживсу: «Я же говорил вам» — и смотреть потом, как он корчится от стыда и смущения. Дело в том, что до сих пор Дживс ни разу не ошибался. Известие о том, что он наконец дал промах, принесет ему ужасные страдания. Не удивлюсь, если он даже упадет в обморок. Я не могу показываться ему на глаза. Скажите ему сами.

— Хорошо, скажу.

— Сделайте это поделикатней.

— Постараюсь. Когда ты слушал за дверью, ты уловил адрес этого Бингли?

— Уловил.

— Тогда отправляйся. И я отправился.

11

Казалось бы, штаб-квартира Бингли, этого аморального типа, готового в любую минуту строить козни, должна была представлять собой зловещее подземелье, освещаемое свечными огарками, вставленными в горлышки пустых пивных бутылок, — вроде тех подвалов, которыми, я думаю, изобилуют такие неприглядные районы Лондона, как Уайтчепел и Лаймхаус Но не тут-то было. № 5 по Ормонд-креснт оказался богатым особняком с разбитым перед ним хорошеньким садиком, где были и герань, и купальни для птиц, и терракотовые гномы — словом, вполне похоже на обиталище какого-нибудь добропорядочного отставного полковника или безупречного во всех отношениях биржевого маклера. Выходит, покойный дядя Бингли был не простым лавочником, развешивающим паштеты и изюм для покупателей, у которых каждый пенс на счету, а кем-то посолидней. Впоследствии я узнал, что он владел сетью магазинов, один из которых был аж в Бирмингеме, но почему дураку вздумалось оставлять свои деньги такому человеку, как Бингли, сказать не берусь, хотя не исключено, что Бингли, прежде чем уморить его с помощью какого-нибудь малоизвестного азиатского яда, предусмотрительно подделал завещание.

Дойдя до порога, я остановился. Помню, как в пору моей учебы в частной школе, где я выиграл конкурс на лучшее знание библейских

текстов, наш директор магистр искусств Арнольд Эбни иногда объявлял, что хотел бы видеть Вустера у себя в кабинете после утренней службы, и, одолеваемый беспокойством и дурными предчувствиями, я каждый раз медлил перед его дверью, желая отдалить неприятные минуты. Сейчас происходило нечто подобное. Я съежился при мысли о предстоящей встрече. Но если в школьные годы я тянул время из страха перед наказанием в виде шести ударов тростью, жгучих, как змеиные укусы, то теперь мое мешканье объяснялось естественным нежеланием обращаться с просьбой об услуге к человеку, один вид которого вызывал омерзение. Не скажу, что Вустеры такие уж гордецы, но мы ни в какую не хотим лебезить перед всяким отребьем.

Однако, взявшись за дело, нужно доводить его до конца, а, как сказал однажды Дживс, «о, будь конец всему концом, все кончить могли б мы разом».[77] «Я разжег кровь и напряг мышцы»,[78] если перефразировать еще одну прибаутку Дживса, и нажал кнопку звонка.

Оставайся у меня хоть какие-то сомнения в том, что Бингли теперь при деньгах, они рассеялись бы при виде дворецкого, который открыл мне дверь. Бингли не стоял за ценой при найме домашней прислуги и мог по праву гордиться ее классом. Не скажу, что его дворецкий вполне достигал уровня дяди Дживса Чарли Силверсмита, но он был так близок к этому уровню, что дух захватывало. Так же, как дядя Чарли, он придерживался стиля помпезного, с соблюдением формальностей. Я спросил его, могу ли я видеть мистера Бингли, и он холодно ответил, что хозяин не принимает.

— Думаю, меня он примет. Я его старинный приятель.

— Я доложу. Ваше имя, сэр?

— Мистер Вустер.

Он удалился и, возвратившись через несколько минут, объявил, что мистер Бингли ждет меня в библиотеке. При этом тон у него был неодобрительный, как бы подразумевающий, что по долгу службы он выполняет хозяйские приказания, даже самые сомнительные, но, будь на то его воля, он бы такого типа, как я, и на порог не пустил.

— Соблаговолите пройти, сэр, — сказал он с важным видом.

Я уже и отвык, по честности сказать, от таких церемоний и в несколько растрепанных чувствах вошел в библиотеку, где, положив ноги на журнальный столик, в кресле сидел Бингли. Он поздоровался со мной дружелюбно, но несколько покровительственно, что я отметил еще в две наши предыдущие встречи.

— А, Вустер, касатик, проходите. Я велел Бастеблу говорить всем, что не принимаю, но вы — особый случай. Всегда рад видеть старинного

приятеля. Чем могу служить, Вустер?

Я подумал, что после такого вопроса мне будет легче обратиться к теме, которую я так жаждал обсудить. Я уже открыл было рот, но тут Бингли спросил, не хочу ли я выпить. Я ответил: нет, спасибо; и он с отвратительным самодовольством сказал: может быть, и правильно.

— Живя с вами в Чафнелл-Риджис, я часто думал, что вы слишком много пьете, Вустер. Помните, как вы спалили дом? Такого не сделаешь на трезвую голову. Должно быть, вы были пьяны в стельку, голубок.

С моих губ готова была сорваться гневная отповедь. Получать выговоры за поджоги домов от того самого человека, который предал их огню, — это уже слишком. Но я сдержался. С этим человеком, напомнил я себе, нужно жить в мире. Если та страшная ночь в Чафнелл-Риджис запечатлелась в его памяти так, не мне разрушать его иллюзии. Я смолчал, и он предложил мне сигару. Когда я отказался, он одобрительно кивнул, как отец, довольный любимым сыном.

— Рад, что вы изменились к лучшему, Вустер. Мне всегда казалось, что вы слишком много курите. Умерять себя во всем — вот мое кредо. Но вы хотели рассказать, зачем пришли. Просто поболтать о старых временах?

— Я по поводу клубной книги, которую вы украли. Пока я говорил, он пил виски с содовой, и прежде чем ответить, он осушил свой бокал до дна.

— Напрасно вы называете это «кражей», — сказал он, напыжившись. Было ясно, что я нанес ему оскорбление. — Я просто позаимствовал книгу, потому что она нужна мне для дела. Я верну ее.

— Миссис Мак-Коркадейл сказала моей тете, что вы пытались продать эту книгу ей.

Он рассердился еще больше. У него был такой вид, словно он вынужден выслушивать безмозглого невежу, который, сколько его ни вразумляй, все равно будет талдычить свое.

— Речь не шла о продаже. В контракте ставилось бы условие, что Мак-Коркадейл обязуется возвратить книгу, после того как ею воспользуется. Я собирался дать ей книгу только на время, чтобы она сделала фотокопии со страниц, относящихся к молодому Уиншипу. Но сделка не состоялась. Мак-Коркадейл не заинтересовало мое предложение. К счастью, у меня есть другие рынки сбыта. На такой товар покупатели всегда найдутся. Но почему это вас так интересует, старина? Вам-то какое дело?

— Я друг Медяка Уиншипа.

— Да я и сам хорошо к нему отношусь. Он всегда казался мне симпатичным малым. Правда, размер у него не тот.

— Размер не тот? — удивился я.

— Я не мог носить его рубашки. Но я не виню его. Ведь размеры не выбирают. Только не думайте, что я злопамятен и хочу поквитаться за какую-то обиду, причиненную мне в его доме. Мы хорошо с ним ладили. Он мне нравился, и, не будь мой личный расчет связан с исходом выборов, я бы спокойно отнесся к его победе. Но прибыль — дело святое.

Все обдумав, я крупно поставил на Мак-Коркадейл и должен защищать свои капиталовложения, старина. Я руководствуюсь здравым смыслом, и только.

Он замолчал, очевидно, ожидая бурных аплодисментов в награду за свое благоразумие. Но я как воды в рот набрал, и он продолжил:

— Вустер, старина, если хотите преуспеть в этом мире, не упускайте возможностей. Я, например, какая бы ситуация ни возникла, спрашиваю себя: «Чем я могу тут поживиться? Как, — спрашиваю я себя, — извлечь отсюда пользу для Руперта Бингли?»— и только в редких случаях не нахожу ответа. В этот раз даже думать не надо было. Вот молодой Уиншип, пытающийся попасть в парламент, вот выигрыш в двести фунтов в случае его поражения и вот клубная книга, содержащая информацию, которая обеспечит его поражение. Я сразу понял: тут деньги сами в руки плывут. Оставалось только раздобыть книгу, и вскоре я придумал, как это сделать. Не знаю, обратили ли вы внимание, что в тот день, когда мы встретились в «Подручном Ганимеда», я был с большим портфелем. И я сказал, что мне нужно зайти к секретарю по одному делу. Книга и была этим делом. И мне даже не пришлось изобретать хитроумного маневра, чтобы скрыть свои действия от секретаря: я знал, что в это время он уходит обедать. Так что я прокрался в кабинет, украдкой сунул книгу в портфель и выкрался обратно. Никто не видел, как я вошел. Никто не видел, как я вышел. Проделать все это было не сложней, чем отнять леденец у ребенка.

Есть рассказы, которые способны вызвать у тонкой натуры ужас, гадливость, омерзение и отвращение. Я имею в виду не такие анекдоты, как тот, что рассказал мне Китекэт Поттер-Перебрайт в «Трутнях», а чудовищные саморазоблачения вроде того, что я сейчас выслушал. Не будет преувеличением сказать, что я чувствовал себя так, словно душа Вустера забрызгана грязью из-под колес проезжавшего автомобиля. И еще я чувствовал, что продолжать эту тошнотворную беседу нет резона. Первоначально у меня была мысль обратить его внимание на то, что книгу может прочитать тетя Агата и что в этом случае меня ожидает беспросветная участь, но понял, что это было бы бессмысленно или немыслимо. Этот человек не способен к сочувствию и милосердию, он

просто поднял бы меня на смех. Теперь я был совершенно уверен, что он убил своего дядю и подделал завещание. Такому человеку это раз плюнуть.

Поэтому я повернулся к двери, но не успел я дойти до нее, как Бингли окликнул меня и спросил, привез ли я с собою к тете Далии Реджи Дживса. Я дал утвердительный ответ, и он сказал, что хотел бы повидать старину Реджи.

— Какой он киса! — весело сказал Бингли.

Эпитет показался мне странным, но, подумав и решив, что его надо понимать как комплимент и дань уважения многочисленным достоинствам Дживса, я согласился, что Дживс — киса в полном смысле слова.

— Будете уходить, скажите Бастеблу: если придет Реджи, пусть посылает его наверх. Но больше никого не принимать.

— Ладно.

— Хороший малый Бастебл. Он делает ставки для меня. Да, кстати. Вы послушались моего совета, поставили на маркет-снодсберийских скачках на мамашу Мак-Коркадейл? Нет? Вустер, старина, непременно поставьте — не пожалеете. Это все равно что найти деньги на улице.

Я ехал обратно с тяжелым сердцем. Я уже описывал, в какой тоске-кручине я приближался после утреннего богослужения к двери кабинета Арнольда Эбни в пору моего пребывания, выражаясь по-латыни, in statu pupillari,[79] и так же полон дурных предчувствий я был теперь, когда мне предстояло держать ответ перед старой прародительницей за невыполненное поручение. Я не думал, что она наградит меня шестью ударами тростью, как делал в свое время А. Эбни, но она, безусловно, не преминет выразить мне свое фэ. В большинстве своем тетушки похожи на Наполеона, если я его с кем-то не путаю: они требуют, чтобы их приказания исполнялись без проволочек, и не желают слушать никаких оправданий.

Так все и вышло. Пообедав в закусочной, чтобы по возможности отдалить встречу с тетушкой, я возвратился в старое поместье и, представ перед ней, доложил обстановку. На мою беду, она в это время как раз читала Рекса Стаута в твердом переплете. Метко брошенная натренированной рукой книга задела краем обложки за кончик моего носа, так что я Даже зажмурился.

— Мне следовало знать, что ты все испортишь, — сказала она загробным голосом.

— Я не виноват, пожилая родственница, — сказал я. — Я сделал все возможное. На моем месте, — добавил я, — никто не добился бы большего.

Я думал, что на том дело и кончится, но не тут-то было. Обычно такая аргументация действовала на собеседника умиротворяюще, но на этот раз вышла осечка. Тетка фыркнула. Ее фырканье не похоже на хмыканье-фырканье мамаши Мак-Коркадейл, оно, скорее, напоминает взрыв на складе боеприпасов, и от него бросает в дрожь даже бывалых людей.

— Что значит, ты сделал все возможное? По-моему, ты вообще ничего не сделал. Ты пригрозил ему арестом?

— Нет, не пригрозил.

— Ты взял его за жабры, как селедку?

Я согласился, что эта идея не приходила мне в голову.

— То есть ты абсолютно ничего не сделал, — сказала она, и, поразмыслив, я присоединился к ее мнению. Как ни странно, в подобных оплошностях не отдаешь себе отчета сразу. Только сейчас я осознал, что практически ничем не ответил на разглагольствования Бингли. Да будь я хоть упоминавшимся уже здесь глухим аспидом, мой вклад в разговор вряд ли мог быть меньшим.

Тетя Далия встала с шезлонга. Она не скрывала досады. Со временем обида, конечно, уляжется, и тетушка снова будет любить своего Бертрама, но сейчас приходилось мириться с охлаждением в наших отношениях. Она мрачно сказала:

— Делать нечего, пойду сама.

— Вы собираетесь идти к Бингли?

— Да, я собираюсь идти к Бингли, и я собираюсь поговорить с ним, и если потребуется — взять его за жабры…

— Как селедку?

— Да, как селедку, — сказала она со спокойной уверенностью, точно с пеленок только тем и занималась, что брала селедок за жабры. — Вперед, на Ормонд-креснт, 5!

События в Маркет-Снодсбери и его окрестностях так глубоко затронули мое сознание, что только через десять минут после ухода тети Далии я спохватился насчет Бастебла и пожалел, что не предупредил ее. Этот ревностный слуга Руперта Бингли получил указание никого не пускать к высокой особе, и у меня не было оснований полагать, что он пренебрежет служебным долгом ради старой прародительницы. Он не будет применять физическую силу — да это было бы и неразумно по отношению к спортсменке, — он просто не скажет ей: «Соблаговолите пройти, сударыня» — и таким образом вышвырнет ее, по выражению мамаши Мак-Коркадейл, поганой метлой. Я предвидел, что она возвратится через четверть часа, огорошенная и уничтоженная.

Я оказался прав. Минут через двадцать, когда я читал Рекса Стаута, которого она использовала как метательное оружие, у входа в дом послышалось пыхтение, и вскоре я увидел приближение тетушки — ни дать ни взять вымеренное шествие святого вокруг жилища с пристройкой. Куда менее проницательный человек, чем я, понял бы, что ей пришлось иметь дело с Бастеблом.

Возможно, вежливей было бы промолчать, но я чувствовал, что ситуация требует слов.

— Ну как, успешно? — спросил я.

Тетушка опустилась в шезлонг, все еще продолжая кипеть. Она ткнула кулаком подушку, и было видно, что ей хотелось, чтобы на месте подушки оказался Бастебл. Он был как раз из тех, по ком плачет, я бы даже сказал, ревмя ревет палка.

— Нет, — сказала она. — Я не смогла войти.

— Почему? — лицемерно поинтересовался я.

— Амбал-дворецкий захлопнул дверь у меня перед носом.

— Сочувствую.

— Я даже не успела просунуть ногу в дверь.

— В таких случаях нельзя зевать. Тут надо действовать молниеносно. Странно, что меня дворецкий пустил. Наверное, на него подействовал мой вид, преисполненный спокойного достоинства. Ну, и что же вы сделали?

— Ушла. Что тут можно было сделать?

— Понимаю. Задача не из легких.

— И что самое обидное: я была уже решительно настроена подкатиться сегодня насчет денег к Л.П. Ранклу. У меня было такое чувство, что сегодня — благоприятный день. Но, похоже, началась полоса невезения, и, пожалуй, будет лучше отложить этот разговор.

— То есть не ковать железо, пока горячо?

— Возможно, оно еще недостаточно горячее.

— Что ж, вам видней. Но знаете, — сказал я, возвращаясь к главной теме, — для ведения переговоров с Бингли лучшего посредника, чем Дживс, нам не найти. Это дело следовало поручить ему. В то время как я немею в присутствии Бингли, а вы не можете даже попасть в дом, он и в дом войдет и наговорит с три короба, прежде чем вы успеете открыть рот. Кроме того, у него есть дополнительное преимущество: Бингли, кажется, питает к нему слабость. Он считает, что Дживс — киса.

— А что значит «киса»?

— Не знаю, но это что-то, от чего Бингли без ума. Когда он говорил, что Дживс киса, в его голосе слышался неподдельный восторг. Вы сказали

Дживсу, что клубная книга у Бингли?

— Да, сказала.

— Как он воспринял это известие?

— Ты же знаешь, как Дживс может воспринять известие. Одна его бровь чуть приподнялась, и он сказал, что потрясен и изумлен.

— Для него это бурная реакция. Обычно он ограничивается фразой: «Очень огорчительно».

— Странно, — сказала пожилая родственница, задумавшись, — но когда я отъезжала в машине, мне показалось, что я видела Дживса, выходящего из дома Бингли. Хотя я не уверена, что это был он.

— Скорее всего, он. Узнал от вас о клубной книге и, не мешкая, отправился к Бингли. Интересно, он уже вернулся?

— Вряд ли. Я ехала, а он шел пешком. Он не успел бы так быстро.

— Я вызову Сеппингса и спрошу у него. А, Сеппингс, — сказал я, когда он пришел по моему звонку. — Дживс дома?

— Нет, сэр. Он ушел и еще не вернулся.

— Будьте добры, когда он вернется, скажите ему, что я хотел его видеть.

— Слушаюсь, сэр.

Я думал спросить его, не был ли Дживс, когда уходил, похож на того, кто направляется на Ормонд-креснт, 5, но, решив, что такой вопрос может оказаться слишком трудным для Сеппингса, я снял его. Сеппингс удалился, и какое-то время мы сидели и разговаривали о Дживсе. Потом, осознав, что мы занимаемся только толчением воды в ступе и что наша беседа будет совершенно беспредметной, до тех пор пока не вернется Дживс, мы снова заговорили о Л.П. Ранкле. Во всяком случае, о нем заговорила пожилая родственница, и я задал ей вопрос, который еще раньше пришел мне в голову.

— По вашим словам, вы чувствовали, — сказал я, — что сегодня — благоприятный день, чтобы подкатиться к Ранклу. Отчего вам так казалось?

— Я судила по тому, как Л.П. Ранкл уписывал кушанья за обедом и по тому, как он потом говорил о них. С умилением, другого слова не подберешь, и я не вижу в этом ничего удивительного. Анатоль превзошел самого себя.

— Сюпрем из гусиной печенки с шампанским?

— И «Альпийские перлы и снега».

При мысли о яствах Анатоля я испустил немой вздох. Отбросы, которыми я осквернил свой желудок в закусочной, скорее походили на

смертельную отраву. Загородные закусочные в большинстве своем не дают поводов для критики, но мне, к несчастью, попалось заведение, содержателем которого был какой-то отпрыск семейства Борджиа. Во время еды я подумал, что если бы Бингли угостил здесь своего дядю обедом, ему не пришлось бы тратить силы и деньги, добывая малоизвестные азиатские яды.

Я уже хотел рассказать все это старой родственнице, надеясь на ее участие, но тут дверь отворилась, и вошел Дживс. После деликатного кхеканья, похожего на откашливание дряхлой овечки на окутанной туманом вершине горы, — он сказал:

— Вы хотели меня видеть, сэр?

Его возвращению не обрадовались бы сильней, будь он блудным сыном, чью биографию я выучил назубок во время подготовки к конкурсу на лучшее знание библейских текстов. Небеса, в той их части, которая имелась в гостиной, огласились нашим взбудораженным тявканьем.

— Входите, Дживс, — подала голос пожилая родственница.

— Да-да, входите, Дживс, входите, — заорал я. — Мы ждали вас… как это говорится?

— Затаив дыхание, — сказала прародительница.

— Точно. Затаив дыхание и…

— Трепеща от волнения. Ну и, само собой, дергаясь от тика и кусая ногти. Скажите, Дживс, это вы выходили из дома № 5 по Ормонд-креснт около часа назад?

— Да, мадам.

— Вы навещали Бингли?

— Да, мадам.

— По поводу клубной книги?

— Да, мадам.

— Вы сказали, чтобы он ее немедленно возвратил?

— Нет, мадам.

— Тогда зачем же вы ходили к нему?

— За книгой, мадам.

— Но вы сказали, что не говорили ему…

— Не было необходимости поднимать этот вопрос, мадам. К тому времени Бингли еще не очнулся. Я объясню, если позволите. Когда я пришел, он предложил мне выпить, и я ответил согласием. Он налил и себе. Какое-то время мы беседовали на разные темы. Потом мне удалось отвлечь на минуту его внимание, и, пока его бдительность была притуплена, я успел подмешать ему в питье вещество, благодаря действию

которого он на время лишился сознания. Таким образом, у меня было вдоволь времени, чтобы обыскать комнату. Я предполагал, что книга, скорее всего, находится там, и не ошибся. Она оказалась в нижнем ящике письменного стола. Я забрал ее и покинул его жилище.

Сраженный наповал таким проявлением инициативы и расторопности, я совершенно онемел, зато старая прародительница испустила такой крик, или клич, от которого на широких просторах охотничьих угодий любители псовой охоты подскочили бы в своих седлах, как прыгающие семена.

— Вы хотите сказать, что подсыпали ему «микки финн»?

— На сленге эти порошки называются именно так, мадам.

— Они у вас всегда имеются при себе?

— Небольшой запас я, как правило, ношу с собой, мадам.

— Заранее не угадаешь, когда они могут пригодиться, да?

— Абсолютно верно, мадам. Поводы к их использованию возникают постоянно.

— Что ж, мне остается только поблагодарить вас. Вы добились победы на краю поражения.

— Весьма признателен, мадам.

— Тысяча благодарностей, Дживс.

— Не за что, мадам.

Я ждал, что пожилая родственница сейчас начнет чихвостить меня за то, что я сам не догадался подсыпать Бингли снотворного, а я знал: тетушек не переубедишь и бесполезно будет оправдываться тем, что у меня нет подобных снадобий. Однако она пришла в жизнерадостное настроение и браниться не стала. Снова вернувшись к теме Л.П. Ранкла, она сказала, что все-таки, оказывается, ей сегодня везет, и поэтому она не собирается сидеть сложа руки.

— Сейчас же иду к нему, — громогласно заявила она, — и нисколько не сомневаюсь, что сыграю на нем, как на мандолине. Прочь с дороги, молодой Берти, — крикнула она, направляясь к двери, — или я затопчу тебя в пыль. Улюлю! — добавила она, переходя на язык своей охотничьей молодости. — Ату! Вперед! Ищи!

Или что-то в этом роде.

12

После того как тетушка покинула гостиную со скоростью приблизительно 60 миль в час, наступила дрожащая тишина, какая бывает

во время урагана в Америке, когда воющий ветер, чуть не вытрясший из вас душу, устремляется дальше на запад, чтобы и в тех краях проверить жителей на прочность. А вы остаетесь ошарашенные. Я повернулся к Дживсу и, разумеется, нашел его безмятежным и невозмутимым, как устрица в створке раковины. Возможно, он с детства привык видеть вопящих теток, которые пулей вылетают из комнаты.

— Что она такое сказала, Дживс?

— Если не ошибаюсь, «улюлю», сэр. По-моему, мадам также добавила «ату, вперед и ищи».

— Думаю, члены охотничьих обществ все время говорят что-нибудь в этом роде.

— Полагаю, что так, сэр. Это побуждает гончих бросаться в погоню с удвоенной энергией. Лисе, естественно, приходится нелегко.

— Ни за что не хотел бы быть лисой. А вы, Дживс?

— Безусловно, есть уделы и позавидней, сэр.

— Беднягу заставляют не только бежать во весь дух по пересеченной местности, но и слушать, как люди в цилиндрах издают эти грубые возгласы.

— Совершенно верно, сэр. Очень нелегкая доля.

Я вынул батистовый платок и промокнул лоб. Из-за последних событий мои поры струили влагу, как версальские фонтаны.

— Жаркие дела, Дживс.

— Да, сэр.

— Вгоняют в пот.

— Да, сэр.

— Сейчас здесь кажется так тихо.

— Да, сэр. «И тишины бальзам пролился, чтоб залечить ушибы звука».

— Шекспир?

— Нет, сэр. Американский писатель Оливер Уэнделл Холмс. Это цитата из его стихотворения «Шарманщики». Одна из моих тетушек читала его мне, когда я был маленьким.

— Вот не думал, что у вас есть тетушки.

— Три, сэр.

— И они такие же взвинченные, как та, что сейчас нас покинула?

— Нет, сэр. У всех троих одинаково умиротворенный взгляд на жизнь.

Я и сам несколько умиротворился. Стал благодушней, если хотите. А благодушие прибавило мне снисходительности.

— Да я и не осуждаю пожилую родственницу за взвинченность, — сказал я. — Ее всю поглотило начинание, сделавшее что-то там мощно.

— «Начинанье, взнесшееся мощно», сэр?

— Точно.

— Тогда давайте надеяться, что оно не будет «сворачивая вбок от замыслов высоких, словно горы, терять имя действия».

— Да, давайте. Словно горы?

— Да, сэр.

— Это Бернс, что ли?

— Нет, сэр. Цитата из пьесы Шекспира «Гамлет».

— А, «Гамлета» я знаю. Тетя Агата когда-то заставила меня вести на него в театр «Олд Вик» ее сына Тоса. Спектакль, по-моему, был неплохой, хотя и несколько заумный. Вы уверены, что «Гамлета» написал не Бернс?

— Уверен, сэр. Это общеизвестный факт.

— А, ну тогда ладно. Но мы отвлеклись от сути вопроса, которая заключается в том, что тетя Далия по уши погружена в это «начинанье, взнесшееся мощно». Оно касается Таппи Глоссопа.

— В самом деле, сэр?

— Это должно быть вам интересно: вам же, я знаю, всегда нравился Таппи.

— Очень приятный молодой джентльмен, сэр.

— Да, когда не отводит в сторону последнее кольцо над бассейном в «Трутнях». Подробности дела в двух словах не изложишь, но я скажу о главном. Л.П. Ранкл, прикрывшись буквой договора… можно сказать, буква договора?

— Да, сэр.

— Обманул отца Таппи, заключившего с ним сделку, нет, не совсем сделку, отец Таппи работал у него, и Л.П. Ранкл воспользовался формулировкой примечания к их договору, чтобы отнять у него доходы от его изобретения.

— Обычная история, сэр. Финансисты склонны наживаться за счет изобретателей.

— А тетя Далия надеется, что уломает его и он отстегнет некоторую сумму Таппи.

— Под действием угрызений совести, сэр?

— Не то чтобы угрызений. Скорее, под действием гастрономических чар Анатоля, во власти которых он находится уже продолжительное время, благодаря чему, как ей кажется, стал мягким и добрым финансистом, готовым оказывать услуги и поступать по справедливости. У вас скептическая мина, Дживс. Думаете, не получится? Тетушка уверена в успехе.

— Я, к сожалению, не могу разделить уверенность мадам, напротив…

— Напротив, вы, подобно мне, считаете, что сыграть на Л.П. Ранкле, как на мандолине, у нее… сколько шансов? Восемь из ста?

— Даже меньше, сэр. Мы должны учитывать тот факт, что мистер Ранкл…

— Ну? Договаривайте, Дживс, мистер Ранкл — что?

— Мне не удается вспомнить выражение, сэр, которым вы иногда пользовались, чтобы подчеркнуть недостаток обаяния в ком-нибудь из джентльменов вашего круга. Вы употребляли его по отношению к мистеру Споду или, как теперь следует его называть, лорду Сидкапу и к сэру Родерику, дяде мистера Глоссопа, когда ваши отношения с ним еще не приняли характера сердечной привязанности. Оно вертится у меня на языке.

— Жлоб?

— Нет, — сказал он, — не жлоб.

— Крепкий орешек?

— Нет.

— Прошлогодний сухарь?

— Вот именно, сэр. Мистер Ранкл — прошлогодний сухарь.

— Но достаточно ли вы его знаете, чтобы делать такие выводы? Вы же только что с ним познакомились.

— Да, сэр, это правда, но Бингли, узнав, что он гостит у мадам, привел мне некоторые факты, иллюстрирующие его черствость и безжалостность. Бингли одно время служил у него.

— Боже мой, у кого он только не служил.

— Да, сэр, он был склонен перебегать с места на место. Не задерживался подолгу ни у одного хозяина.

— Меня это не удивляет.

— Но его отношения с мистером Ранклом были более продолжительными. Он ездил с ним в Соединенные Штаты Америки и находился у него на службе несколько месяцев.

— Тогда-то он и понял, что Ранкл — прошлогодний сухарь?

— Совершенно верно, сэр. Так что я очень опасаюсь, что усилия мадам не приведут к желаемым результатам. Она надеется получить от мистера Ранкла крупную сумму?

— По-видимому, изрядную. Ведь отец Таппи изобрел не что-нибудь, а «Волшебные таблетки», и Ранкл, должно быть, заработал на них порядочный куш. Думаю, она будет добиваться пятидесяти процентов.

— В таком случае я вынужден признать, что рассудительный

букмекер, скорее всего, оценил бы ее шансы достичь цели, как один к ста.

Согласитесь, малообнадеживающий прогноз. Можно даже сказать, абсолютно убийственный. Я бы назвал Дживса пессимистом, но никак не мог припомнить это слово, а сказать про такого достойного человека, что он каркает, язык не поворачивался, и пока я пытался придумать что-нибудь другое, через застекленную дверь вошла Флоренс, и Дживс, разумеется, испарился. Когда наши с ним разговоры прерывает появление так называемых знатных особ, он всегда исчезает, как фамильный призрак, растворяющийся в воздухе на рассвете.

Все это время я виделся с Флоренс только за едой: она, так сказать, мчалась по скоростному шоссе, а я тихо плелся по обочине. Я подразумеваю под этим, что она проводила целые дни в Маркет-Снодсбери, хлопоча ради своего жениха, кандидата от консерваторов, а я после душераздирающей встречи с вдовой покойного Мак-Коркадейла забросил агитацию, предпочтя чтение хорошей книжки в уютном кресле. Я извинился перед Медяком за такое… годится ли здесь слово «дезертирство»?.. а он воспринял мои слова на удивление хорошо и сказал, что, мол, конечно, конечно, он бы и сам, если бы мог, поступил так же.

Флоренс была все такой же красивой, если еще не красивей обычного, и по крайней мере девяносто шесть процентов членов «Трутней» не пожелали бы для себя ничего лучшего, как оказаться с ней вот так наедине. Я, однако, рад был бы улизнуть, потому что мои натренированные чувства подсказывали, что у нее сейчас опять такое настроение, что всякий, кроме безрассудного смельчака, полезет от нее на первое попавшееся дерево и оторвет его от земли вместе с корнем. Несносное третирство, о котором я уже говорил и которое является яркой чертой ее натуры, уже готово было проявиться во всей своей красе.

— Почему вы сидите взаперти в такую чудную погоду, Берти? — строго спросила она.

Я объяснил, что совещался с тетей Далией, но она сразу опровергла меня, сказав, что совещание, очевидно, закончилось, и тетя Далия блистает своим отсутствием, так почему же я не дышу свежим воздухом?

— Вы просто обожаете сидеть в духоте. Вот почему у вас землистый цвет лица.

— Я не знал, что у меня землистый цвет лица.

— Конечно, землистый. Чему тут удивляться? Вы бледны, как брюхо дохлой рыбы.

Казалось, мои наихудшие опасения подтвердились. Я предчувствовал, что она сорвет злость на ни в чем не повинном первом встречном, и такое

уж мое везение, что этим первым встречным оказался я. Пригнув голову, я приготовился встретить бурю, но, к моему удивлению, Флоренс сменила тему.

— Я ищу Гарольда, — сказала она.

— Да?

— Вы не видели его?

— А кто такой Гарольд?

— Не будьте идиотом. Гарольд Уиншип.

— А, Медяк, — сказал я, поняв, о ком речь. — Он не заплывал в мои широты. Зачем он вам? У вас что-то важное?

— Важное для меня, и, надеюсь, для него. Если он не возьмется за ум, он проиграет выборы.

— Почему вы так думаете?

— Я сужу по его поведению сегодня на обеде.

— А, он водил вас обедать. Куда? Лично я обедал в закусочной, и вы представить себе не можете, какими отбросами там кормят. Но, может быть, вы пошли в какой-то приличный ресторан?

— Мы были на званом обеде в ратуше, который давали бизнесмены города. Ответственейшее мероприятие, и он произнес на нем самую слабую речь, какую мне только доводилось слышать. Умственно отсталый ребенок выступил бы лучше. Даже вы выступили бы лучше.

Ничего себе комплимент. Сравнила меня с умственно отсталым ребенком! Я, понятно, не стал расспрашивать, и она продолжила, а из ноздрей у нее вырывалось пламя.

— Бе-ме, бе-ме!

— Простите, не понял?

— Он все бекал и мекал. Я еле сдержалась, чтобы не запустить в него чайной ложкой.

На это я, конечно, мог бы возразить, что гораздо хуже, если человек ни бе ни ме ни ку-ка-ре-ку, но я чувствовал, что сейчас не время для остроумных ответов.

Вместо этого я сказал:

— Нервничал, наверное.

— Именно этим он и оправдывается. Я сказала ему, что он не имеет права нервничать.

— Значит, вы говорили с ним?

— Говорила.

— После обеда?

— Сразу же после обеда.

— Но вы снова хотите его видеть?

— Да.

— Мне пойти поискать его?

— Да, и передайте ему, что я буду его ждать в кабинете мистера Траверса! Там нам никто не помешает.

— Может быть, он сидит в павильоне у озера.

— Ну, так передайте ему, чтобы он не сидел там, а шел в кабинет, — сказала она так, словно она директор школы Арнольд Эбни, объявляющий о своем желании видеть Вустера после утреннего богослужения. Я сразу вспомнил старые времена.

Чтобы попасть в павильон, нужно пересечь как раз ту лужайку, по которой Спод грозился меня размазать, и первыми, кого я увидел, идя по ней, если не считать птиц, пчел, бабочек и другой живности, проводившей здесь свой досуг, были спящий в гамаке Л.П. Ранкл и тетя Далия, сидящая рядом на стуле. Заметив меня, она встала, подошла поближе и отвела меня в сторону, приложив палец к губам.

— Он спит, — сказала она.

Храп, доносившийся из гамака, подтверждал справедливость ее слов, и я ответил: вижу, что он спит, и какое он, добавил я, представляет собой отвратительное зрелище, и она сказала, чтобы я ради всего святого так не вопил. Я был несколько задет, что меня обвинила в громогласности та женщина, чей шепот звучал так, словно кто-то «зовет коров домой, придя на берег Ди»,[80] и я сказал, что я не воплю, и она сказала: «Ну, вот и не вопи».

— Он может оказаться не в духе, если его внезапно разбудить.

Это звучало убедительно и свидетельствовало о том, что тетя неплохо разбирается в стратегии и тактике, но со свойственной мне проницательностью я заметил неувязку и поспешил заострить на ней внимание тетушки.

— Но ведь, с другой стороны, если его не разбудить, то как вы сможете ходатайствовать перед ним за Таппи?

— Я сказала, *внезапно* разбудить, олух. Лучше всего оставить его пробуждение на усмотрение Природы.

— Да, возможно, вы правы. И скоро Природа решит, что пора?

— Почем я знаю!

— Я просто подумал, не можете же вы сидеть здесь до вечера.

— Могу, если будет нужно.

— В таком случае, не стану вам мешать. Я должен найти Медяка. Вы его не видели?

— Он только что проходил здесь со своей секретаршей, они направлялись в павильон. Сказал, что ему нужно кое-что надиктовать. Зачем он тебе понадобился?

— Понадобился он, собственно, не мне, хотя я всегда рад его видеть. Это Флоренс велела, чтобы я нашел его. Она уже задала ему перцу и жаждет задать еще. Оказывается…

Тут тетя перебила меня, сказав: «Тссс!», потому что Л.П. Ранкл пошевелился во сне и можно было подумать, что жизнь начала возвращаться в косную оболочку. Но это была ложная тревога, и я продолжил:

— Оказывается, ему не удалось завоевать сердца публики на обеде, устроенном бизнесменами города, а она рассчитывала, что он покажет себя там вторым… Как звали того древнего грека?

— Берти, я боюсь разбудить Ранкла, а то бы я ударила тебя тупым предметом, будь он у меня под рукой. Что за древний грек?

— Это я у вас спрашиваю. Он набивал рот галькой.

— Демосфен, что ли?

— Может, и он. Я потом справлюсь у Дживса. Флоренс ожидала, что Медяк покажет себя вторым Демосфеном, если его действительно так звали, что маловероятно, хотя у нас в школе учился парень по имени Джанбаттиста, а Медяк не оправдал ее надежд, и она рассердилась. А вы знаете, как разговаривает Флоренс, когда сердится.

— Она не выбирает выражений, — строго сказала родственница. — Как Медяк это терпит?

Так случилось, что я был готов ответить на вопрос, приводящий ее в недоумение. Законы, которым подчиняются взаимоотношения мужчин и женщин, давно ясны мне как день. Когда-то я подверг эту проблему тщательному рассмотрению, а когда я подвергаю проблему тщательному рассмотрению, недоумения быстро разрешаются.

— Он терпит это, пожилая родственница, потому что любит ее, и вы не будете далеки от истины, если скажете, что любовь все побеждает. Я, конечно, понимаю, о чем вы. Вас удивляет, что мужчина богатырского сложения съеживается под прищуренным взглядом Флоренс и выслушивает ее, мягко говоря, нелицеприятную критику кротко, как спаниель, которого отругали за то, что он принес гнилую кость в гостиную. Вы недооцениваете тот факт, что Флоренс красива, как на картинке: светло-пепельные волосы, гибкая фигура и точеный профиль, — а для людей такого склада, как Медяк, это очень много значит. Судя о Флоренс беспристрастно, мы с вами скажем, что ее командирские замашки

совершенно неудобоваримы, но у него другая точка зрения. Тут все дело, выражаясь словами Дживса, в психологии индивидуума. Очень может быть, семена бунта начинают зреть в душе Медяка, когда она режет ему все, что о нем думает, но он видит ее профиль и пепельные волосы, — допустим для удобства рассуждения, что она без шляпки, — или снова замечает, что ее фигура имеет столько же изгибов, сколько горный серпантин, и приходит к выводу: ради того, чтобы обладать этой девушкой, можно перенести небольшую дозу откровенных высказываний. Ведь его любовь к ней не целиком духовная. К его чувству примешивается физическое влечение.

Я бы еще говорил и говорил, потому что на эту тему я готов разливаться соловьем, но старая прародительница, которая уже какое-то время была как на иголках, сказала, чтобы я пошел и утопился в озере. Поэтому я ретировался, а она снова села на стул рядом с гамаком и склонилась над Л.П. Ранклом, как мать над спящим ребенком.

Думаю, она ничего не заметила, тетки ведь редко уделяют внимание мимической игре на лице племянников, но в течение всего нашего разговора у меня был мрачный вид, и несложно было догадаться, что меня что-то гнетет. Я думал о шансах тетушки заставить этого скупердяя Л.П. Ранкла тряхнуть мошной, которые, по словам, Дживса, рассудительный букмекер оценил бы, как один к ста, и с болью в душе я представлял себе смятение и разочарование, которые постигнут ее, когда, пробудившись, он откажется раскошелиться. Этот удар выбьет у нее почву из-под ног, ведь она так уверена в своем успехе.

И, разумеется, я был также озабочен делами Медяка. Я по собственному опыту знал, какой разнос Флоренс может устроить отбившемуся от рук жениху, и, судя по внешним приметам, на этот раз она должна была закатить беспрецедентную сцену. Я понимал значение ее нахмуренного лба, прикушенной губы и огненного взора, а также бившей ее гибкое тело дрожи, которая, если только это был не озноб, свидетельствовала о том, что Флоренс достигла точки кипения. С каким же треском, думал я, должен был провалиться мой старинный приятель, чтобы вызвать такой накал эмоций. Надо будет — разумеется, деликатно — расспросить его об этом.

Однако такая возможность мне не представилась, потому что, войдя в павильон, я увидел следующую картину: Медяк и Магнолия Гленденнон сжимали друг друга в столь крепком объятии, что, казалось, разнять их могла бы только нечеловеческая сила.

13

Но я ошибся: только я вскрикнул от удивления, как милашка Гленденнон, вскрикнув в свою очередь, точно нимфа, застигнутая врасплох во время купания, высвободилась из объятий и на спринтерской скорости, сравнимой разве со скоростью старой прародительницы, со свистом пронеслась мимо меня и исчезла в большом мире. Словно она сказала: «Вот бы мне крылья голубки», — и ее желание исполнилось.

Я стоял как вкопанный, приоткрыв рот и выпучив глаза. Что это за слово, которое начинается с «обес»? Обескрыленный? Нет, не обескрыленный. Обессиленный? Нет, не обессиленный. Обескураженный, вот оно. Точно. Я был обескуражен. Если бы вы случайно забрели в парилку турецкой бани в дамский день, вы, наверное, испытали бы приблизительно те же чувства, что я сейчас.

Казалось, Медяку тоже как-то не по себе. Я бы даже сказал, что он был ошарашен. Он задыхался, как астматик, в его взгляде не было ни капли дружелюбия, какое ожидаешь увидеть во взгляде старинного приятеля, и когда он заговорил, его голос напоминал сердитый рев гималайского медведя. Та же хрипота, если вы понимаете, что я имею в виду, тот же брюзгливый тон. Он начал с того, что чеканными фразами отругал меня за бестактный выбор момента для визита в павильон. Сказал, что он не хотел бы, чтобы я шнырял вокруг, как какой-то поганый сыщик. И спросил меня, не прихватил ли я с собой лупу и не намерен ли, ползая на четвереньках, собирать мелкие предметы и бережно складывать их в конверт? И вообще, что я, собственно говоря, здесь делаю?

На это я мог бы ответить, что я имею полное право в любое время входить в павильон, который является собственностью моей тети Далии, а значит, в силу родственных уз и мне не чужой, но я почувствовал, что лучше будет соблюдать учтивость. Поэтому в свою защиту я просто сказал, что я не шныряю вокруг, как какой-то поганый сыщик, а выступаю твердым и решительным шагом и что я всего-навсего искал Медяка по поручению Флоренс и получил сведения из обычно хорошо информированного источника о том, что он находится именно здесь.

Как я и рассчитывал, мои доводы оказали умиротворяющее действие. Поведение Медяка в корне изменилось, его голос утратил сходство с ревом гималайского медведя, и он снова заговорил вполне дружеским тоном. Учтивость, не устаю повторять я, лучшее средство для усмирения бурь. Из слов его стало ясно, что он опять считает меня свояком и союзником.

— Тебе, наверное, все это кажется странным, Берти.

— Отнюдь нет, старина, отнюдь нет.

— Но существует простое объяснение. Я люблю Магнолию.

— Я думал, ты любишь Флоренс.

— Я тоже так думал. Но ведь, сам знаешь, человеку свойственно ошибаться.

— Разумеется.

— Я имею в виду, когда он ищет свой идеал.

— Конечно.

— Мне кажется, и с тобой случаются подобные истории.

— Время от времени.

— Думаю, от этого никто не застрахован.

— Само собой.

— Когда ищешь идеал, нельзя останавливать на чем-то свой выбор, пока не ознакомишься со всем ассортиментом. Ты встречаешь девушку с точеным профилем, светло-пепельными волосами и гибкой фигурой и думаешь, что поиски закончены. Стоп! — говоришь ты себе. — Вот она, твоя единственная. Тебе и невдомек, что ты связываешь свою жизнь с фельдфебелем в юбке, строго следящим за дисциплиной, и что, пройдя еще два шага, ты найдешь самую милую, добрую и кроткую девушку, которая когда-либо стенографировала исходящую почту, и что она полюбит тебя, обогреет и ни при каких обстоятельствах даже не подумает тебя пилить. Я говорю о Магнолии Гленденнон.

— Я это понял.

— Не могу передать словами, что я чувствую к ней, Берти.

— И не пытайся.

— Сразу, как мы сюда приехали, у меня возникло смутное подозрение, что она создана для меня и что, заключив помолвку с Флоренс, я совершил роковую ошибку. Только что я убедился в этом окончательно.

— Что же сейчас произошло?

— Она погладила меня по затылку. От разговора с Флоренс, произошедшего в довершение отвратительного званого обеда, у меня сильно разболелась голова, и она погладила меня по затылку. Тут мне все стало ясно. Когда эти нежные пальчики коснулись моей кожи, как изящные бабочки, парящие над цветком…

— Так-так.

— Я прозрел, Берти. Мне стало ясно, что я у цели своих поисков. Я сказал себе: «Начало хорошее. Не останавливайся на достигнутом». Я повернулся. Взял ее руку. Заглянул ей в глаза. Она заглянула в мои. Я

сказал, что люблю ее. Она сказала, что любит меня. Она упала в мои объятия. Я обнял ее. Мы стояли, шепча друг другу слова любви, и какое-то время все было прекрасно. Как нельзя лучше. Потом мне пришло в голову, что есть одна помеха. Ты, наверное, уже подумал о ней.

— Флоренс?

— Вот именно. Какой бы командиршей она ни была, как бы ни была невоздержанна на язык, когда что-то не по ней, — жаль, ты не слышал, как она распекала меня после званого обеда, — я все еще с ней помолвлен. Девушка может разорвать помолвку, когда ей заблагорассудится, мужчина — нет.

Мне был понятен ход его мысли. Очевидно, он, как и я, стремился быть preux chevalier, а если вы хотите быть истинным рыцарем или кем-то в этом роде, вы не можете, покрасовавшись некоторое время в роли жениха, объявить второй стороне о разрыве помолвки. Мне казалось, что помеха, поднявшая свою безобразную голову, имеет внушительные — можно сказать, исполинские — размеры и что она заставит любое начинание Медяка «сворачивая вбок, потерять имя действия». Но когда я сказал ему об этом с сочувственными нотками в голосе и, кажется, даже пожал ему руку, он, к моему удивлению, ответил мне смехом, похожим на бульканье подтекающего радиатора.

— Ничего страшного, — сказал он. — Это действительно была бы запутанная ситуация, но я знаю выход из нее. Я заставлю Флоренс разорвать помолвку.

Он говорил таким же беззаботным и уверенным тоном, каким старая прародительница предсказывала, что сыграет на Л. П. Ранкле, как на мандолине, поэтому я не имел никаких если так можно выразиться, поползновений сообщать ему'что-то огорчительное и только задал один необходимый

вопрос.

— Как? — поинтересовался я.

— Очень просто. Мы с тобой оба знаем, что она не прощает поражений. Я намерен проиграть выборы.

Мысль, конечно, была неплохая, и я полностью разделял его мнение, что если Мак-Коркадейл наберет большее, чем он, число голосов, Флоренс наверняка даст ему отставку, но мне казалось, что его «начинанье сворачивает вбок», потому что он не мог наперед знать, что проиграет выборы. Разумеется, избиратели непредсказуемы, как тетушки, и всегда могут преподнести сюрприз, но нельзя на это рассчитывать.

Что я ему и сказал, и он опять изобразил бульканье подтекающего

радиатора.

— Не беспокойся, Берти. Я контролирую ситуацию. То, что произошло в кулуарах ратуши после званого обеда, оправдывает мою уверенность.

— Что же произошло в кулуарах ратуши после званого обеда?

— Во-первых, после званого обеда произошел разговор с Флоренс, во время которого она, не стесняясь в выражениях, перешла на личности. Тогда-то я и осознал, что было бы большой глупостью жениться на ней.

Я кивнул в знак солидарности. Когда она разорвала помолвку со мной, я почувствовал себя на седьмом небе и ходил всюду, распевая, как беспечный соловей.

Однако одно обстоятельство озадачило меня и, казалось, требовало разъяснений.

— Почему Флоренс потащила тебя в кулуары, намереваясь перейти на личности? — спросил я. — Проявить столько такта и уважения — это на нее не похоже. Обычно, когда она говорит человеку все, что о нем думает, присутствие публики только подхлестывает ее. Помню, как она чихвостила меня в присутствии семнадцати девочек-скаутов: девочки слушали, развесив уши, а она высказывалась свободней, чем когда-либо.

Он разрешил мои недоумения по данному вопросу. Он сказал, что ввел меня в заблуждение.

— В кулуары меня потащила не Флоренс, а Бингли.

— Бингли?

— Он когда-то служил у меня.

— У меня он тоже когда-то служил.

— Серьезно? Как тесен мир.

— Да уж. Ты знаешь, что он получил богатое наследство?

— Скоро он еще больше разбогатеет.

— Но ты говорил, что он потащил тебя в кулуары. Зачем?

— Потому что он хотел сделать мне одно конфиденциальное предложение. Он… но сначала надо кое-что разъяснить, чтобы дать должное обоснование. Помнишь, как в книжках про Перри Мейсона,[81] когда Перри допрашивает свидетеля, окружной прокурор вскакивает и кричит: «Протестую, ваша честь. Этот сукин сын не дал должного обоснования». Ну так вот, ты должен знать, что этот Бингли состоит в лондонском клубе дворецких и камердинеров «Подручный Ганимеда», а каждый член этого клуба согласно уставу обязан заносить в клубную книгу отчеты о поведении своего хозяина.

Я сказал бы ему, что все это мне хорошо известно, но не успел я

открыть рот, как он продолжал:

— Такая книга, как ты понимаешь, содержит массу компрометирующих материалов, и Бингли сказал мне, что ему тоже пришлось написать туда обо мне несколько страниц, которые, стань они достоянием гласности, так сильно повредят мне во мнении избирателей, что победа на выборах достанется моему сопернику даром. Он добавил, что другой на его месте продал бы книгу оппозиции и заработал большие деньги, но так поступать он не намерен: это было бы низко, и за тот короткий срок, что мы были вместе, он успел привязаться ко мне. Я и не знал, что он такой замечательный парень. Я всегда считал его немного невежей. Видишь, как легко ошибиться в людях.

Я снова хотел вклиниться, но он мне и пикнуть не дал.

— Мне следовало сказать раньше, что комитет клуба, признавая важность этой книги, передал ее на хранение Бингли, чтобы он берег ее пуще зеницы ока, и он все время боится, что злые люди пронюхают об этом и попробуют украсть книгу. Так что, сказал он, я сниму тяжкий груз с его души, если возьму книгу в свое распоряжение. Тогда я смогу быть в полной уверенности, что содержащиеся в ней факты не будут использованы против меня. Я возвращу ему книгу по окончании выборов и, если пожелаю, присовокуплю пару фунтов в знак благодарности. Он говорил это, а я, как ты можешь понять, еле заметно улыбался. Ему было и невдомек, что первым делом я пошлю книгу с нарочным в редакцию «Маркет-снодсберийского Аргуса», преподнося, таким образом, Мак-Коркадейл победу на блюдечке и освобождаясь от своих почетных обязательств перед Флоренс, которая, прочитав этот материал, разумеется, в ужасе отшатнется от меня. Ты знаешь, что представляет собой этот «Аргус»? Крайне левая газета. На дух не переносит консерваторов. На прошлой неделе она напечатала карикатуру на меня, я изображен с обагренными кровью пролетариата руками. Не знаю, как этим газетчикам пришло такое в голову. Если я и проливал чужую кровь, то исключительно на ринге, где лилась и моя, значит, все было по справедливости. Так что мы с Бингли ударили по рукам. Он не мог тогда отдать мне книгу, потому что не взял ее с собой, и он отказался выпить со мной из-за того, что торопился: он думал, что Дживс может прийти и не застать его дома. Оказывается, Дживс — его приятель, так сказать, старый товарищ по клубу. Завтра мы встретимся. Я награжу его по-царски, он отдаст мне книгу, и через пять минут, как только раздобуду оберточную бумагу и бечевку, материал будет отправлен в редакцию «Аргуса». Номер выйдет в свет послезавтра утром. Через час или около того он попадет в руки

Флоренс, минут двадцать уйдет на выяснение отношений после того, как она с ним ознакомится, значит, еще до обеда я стану свободным человеком. Как ты думаешь, каким должно быть царское вознаграждение? Суммы не назывались, но, думаю, фунтов сто, по крайней мере; честность и благородство Бингли, безусловно, этого заслуживают. Как он сам сказал, другой на его месте продал бы книгу оппозиции и отхватил бы приличный куш.

По странному, на мой взгляд, совпадению в этот момент он сделал паузу и спросил, почему у меня такой вид, словно меня принесла в зубах кошка, то есть задал тот же самый вопрос, что и пожилая родственница после моего разговора с мамашей Мак-Коркадейл. Не знаю, что приносят в зубах кошки, но, скорее всего, что-то не слишком радующее глаз, и, по-видимому, когда я нахожусь во власти сильного чувства, я бываю похож на их драгоценные находки. Не было ничего удивительного в том, что я сейчас так выглядел. Противно, когда приходится разбивать надежды и мечты старого друга, а если на сердце такое, то и снаружи заметно. Не было смысла ходить вокруг да около, надо было доводить дело конца. И снова захотелось воскликнуть: «О, будь конец всему концом, все кончить могли б мы разом».

— Медяк, — сказал я, — к сожалению, у меня для тебя плохие новости. Клубной книги у Бингли больше нет. К нему заходил Дживс, подмешал ему в питье «микки финн» и унес ее. Сейчас она хранится в архиве Дживса.

С первого раза он не понял, и мне пришлось объяснить.

— Бингли не такой кристально честный человек, как ты думаешь. Напротив, он гнида из гнид. Его можно назвать скверным скользким слизняком. Он украл клубную книгу и пытался продать ее Мак-Коркадейл. Она вышвырнула его поганой метлой, потому что хочет победить в честной борьбе, и он попытался продать книгу тебе. Но тем временем к нему заглянул Дживс и завладел книгой.

Наверное, целую минуту он переваривал мое сообщение, но, к моему удивлению, нисколько не расстроился.

— Ну что ж, хорошо. Тогда пусть Дживс отнесет ее в редакцию «Аргуса».

Я грустно покачал головой: я-то знал, что на этот раз его надежды и мечты обречены на провал.

— Он не станет этого делать, Медяк. Для Дживса клубная книга священна. Я десятки раз приступал к нему с просьбой уничтожить страницы, касающиеся меня, но он всегда артачился, как Валаамова

ослица, которая, если ты помнишь, упиралась и напрочь отказывалась пойти на уступки. Он никогда не выпустит книгу из рук.

Как я и предвидел, Медяк принял мои слова близко к сердцу. Из него выплеснулся целый поток слов. Он также пнул ногой столик и сломал бы его, не будь столик мраморным. Удар, должно быть, оказался очень болезненным, но страдания Медяка, как можно было понять, были главным образом душевными. Глаза у него блестели, нос дергался, и если он не скрежетал зубами, то я не знаю, что такое зубовный скрежет.

— Не станет? — переспросил Медяк, снова приобретая сходство с гималайским медведем. — Он не станет, говоришь? Ну, это мы еще посмотрим. Отчаливай, Берти. Мне нужно подумать.

Я с радостью отчалил. Когда на тебя выплескивают эмоции, это всегда изматывает.

14

Кратчайший путь к дому лежал через лужайку, но я не воспользовался им. Вместо этого я направился к черному крыльцу. Я чувствовал необходимость срочно увидеться с Дживсом и рассказать ему о том, какие страсти бушуют по его милости, а также предупредить его, что, пока гнев не успел остыть, ему лучше держаться от Медяка подальше. Мне очень не понравилось, как Медяк сказал: «Ну, это мы еще посмотрим», и как он скрежетал зубами. Разумеется, я не допускал мысли, что Медяк, в каком бы он ни был бешенстве, применит против Дживса физическую силу — или, попросту говоря, врежет ему, — но он, безусловно, заденет его словесно и таким образом испортит их взаимоотношения, до сих пор остававшиеся столь дружественными. И, естественно, я не хотел такой развязки.

Дживс сидел в шезлонге у крыльца и читал Спинозу, держа на коленях кота Огастуса. Я подарил ему Спинозу на Рождество, и он постоянно зачитывался им. Сам я в эту книгу не заглядывал, но Дживс говорит, это зрелая вещь, стоящая внимательного прочтения.

Он поднялся бы при моем появлении, но я попросил его не вставать, потому что знал: Огастус, как и Л.П. Ранкл, возмутится, если его внезапно разбудят, а с кошачьими чувствами всегда стремишься считаться.

— Дживс, — сказал я, — нежданно-негаданно возникла странная ситуация, и я был бы счастлив, если бы вы ее прокомментировали. Простите, что оторвал вас от чтения Спинозы, и, возможно, как раз на том месте, когда нашли второй труп, но я должен рассказать вам о событиях,

«взнесшихся мощно», поэтому выслушайте меня внимательно.

— Я к вашим услугам, сэр.

— Вот факты, — сказал я и без пролога, или как это называется, приступил к повествованию. — Таково, — заключил я через несколько минут, — положение дел, и думаю, вы согласитесь, что проблема, вставшая перед нами, в некоторых отношениях небезынтересна.

— Бесспорно, сэр.

— Так или иначе, Медяк должен проиграть выборы.

— Вот именно, сэр.

— Но как?

— Я не готов ответить экспромтом, сэр. Общественное мнение сейчас, кажется, на стороне мистера Уиншипа. Красноречие лорда Сидкапа заметно влияет на избирателей и может сыграть решающую роль. Мистер Сеппингс, который помогал в качестве дополнительного официанта на званом обеде, говорит, что речь его светлости, обращенная к бизнесменам Маркет-Снодсбери, была необычайно яркой. Он говорит, что исключительно благодаря его светлости шансы кандидатов, которые среди завсегдатаев некоторых пивных шли десять к шести в пользу миссис Мак-Корка-дейл, теперь сравнялись.

— Не нравится мне это, Дживс.

— Да, сэр, это выглядит угрожающе.

— Конечно, если бы вы пожелали обнародовать клубную книгу…

— Боюсь, что это невозможно, сэр.

— Я так и сказал Медяку, что вы считаете охрану книги своим священным долгом. Тогда ничего другого не остается, как попросить вас напрячь извилины.

— Безусловно, я сделаю все, что в моих силах, сэр.

— Не сомневаюсь, что в конце концов вы до чего-нибудь додумаетесь. Налегайте на рыбные блюда. И пока по возможности не попадайтесь на глаза Медяку: он очень не в духе.

— Понимаю, сэр. «Неумолим, жесток и злобен».

— Шекспир?

— Да, сэр. «Венецианский купец».

Тут я покинул его, гордый тем, что раз в жизни попал в точку, и направился в гостиную, надеясь в спокойной обстановке возобновить чтение Рекса Стаута, прерванное из-за круговерти событий. Однако я опоздал. Старая прародительница сидела в шезлонге с книжкой в руках, и я знал: отнять ее мне вряд ли удастся. Всякий, кому попал в руки Рекс Стаут, не отдаст его без боя.

Застав ее здесь, я немало удивился. Я думал, она все еще сидит возле гамака, склонившись над его содержимым.

— Привет, — сказал я, — вы закончили с Ранклом? Она подняла глаза, и я заметил, что она немного раздосадована. Я предположил, что Ниро Вулф спустился из оранжереи и сказал Арчи Гудвину, чтобы тот позвонил Солу Пенеру и Орри… как бишь его?.. и что сейчас начала завязываться интрига. Поэтому, естественно, тетку рассердило вторжение даже любимого племянника, которого она часто качала на коленях — конечно, не в последние годы, а когда я был маленьким.

— А, это ты, — сказала она, и, разумеется, так оно и было. — Нет, я не закончила с Ранклом. Я даже не начинала. Он все еще спит.

Мне показалось, что она не в настроении заниматься пустой болтовней, но в таких случаях бывает нужно что-то сказать. Я поднял вопрос, который, по моему мнению, был в некоторых отношениях небезынтересен.

— Вы когда-нибудь обращали внимание на то, как замечательно схожи между собой дневные привычки Ранкла и кота Огастуса? Кажется, они оба только и делают, что спят. Вы не думаете, что у них травматическая симплегия?

— Что это еще такое?

— Я прочел об этом в одной медицинской книге. Это заболевание, при котором все время спишь. Ранкл не подавал никаких признаков жизни?

— Подавал, но только он зашевелился, как пришла Мадлен Бассет. Она попросила разрешения со мной побеседовать, и мне пришлось согласиться. Было трудно разобрать, что она говорит, потому что она все время всхлипывала, но наконец я поняла, в чем дело. Речь шла о ее разрыве со Сподом. Я говорила тебе, что у них размолвка. Все оказалось серьезней, чем я думала. Помнишь, я сказала тебе, что, будучи пэром, Спод не может быть избран в парламент. Так вот, он хочет отказаться от титула, чтобы получить право избираться.

— А разве от титула можно избавиться? Я думал, это крест на всю жизнь.

— Раньше нельзя было. Разве только тебя осудят за государственную измену, но теперь другие правила, и это стало очень модно.

— Глупость какая-то.

— Мадлен тоже так считает.

— Она не сказала, как эта мысль пришла в его пустую голову?

— Нет, но нетрудно догадаться. Его речи имеют такой сногсшибательный успех, что он может сказать себе: «Почему я так

стараюсь ради кого-то еще? Почему бы мне самому не попробовать силы на этом поприще?» Кто это сказал про кого-то, что он «опьянен избытком собственного красноречия»?

— Не знаю.

— Дживс наверняка знает. Может быть, Бернард Шоу, или Марк Твен, или Джек Демпси[82] или кто-нибудь другой. В любом случае, это сказано про Спода. Он не в меру возгордился и считает, что ему нужно более широкое поле деятельности. Он видит себя в роли главного краснобая палаты общин.

— Почему бы ему не попробовать себя в роли трибуна палаты лордов?

— Это далеко не одно и то же. Это все равно что выступать в теннисном турнире Маркет-Снодсбери вместо того, чтобы зажигать публику на центральном корте в Уимблдоне. Я могу понять Спода.

— А я — нет.

— Мадлен тоже не может. Она рвет и мечет, и меня это не удивляет: я могу влезть в ее шкуру. Это не пустяк, знаешь ли, когда девушка рассчитывает стать графиней Сидкап, а жених ей говорит: «Это была первоапрельская шутка, голубушка. На самом деле тебе предстоит стать миссис Спод». Если бы в свое время мне сказали, что Тома сделали пэром, а потом оказалось бы, что он собирается отречься от титула и мне никогда не бывать леди Маркет-Снодсбери, я взбрыкнула бы, как мулица. Титулы для девушки все равно что валерьянка для кошки.

— И ничего нельзя сделать?

— Лучшим вариантом для тебя было бы пойти к нему и сказать, что мы все восхищаемся им как лордом Сидкапом и что было бы жаль, если б он снова стал называться ужасной фамилией Спод.

— Нет ли какого-нибудь другого, лучшего варианта?

— Хм, надо подумать.

Мы погрузились в молчаливое размышление, в моем случае, оно было тревожным. В этот момент я еще не в полной мере оценил подстерегающую меня опасность, но любая трещина в лютне между Сподом и Мадлен всегда заставляла меня недовольно морщиться. Я все еще пытался измыслить некий план, по которому мне не нужно было бы говорить Споду, как было бы жаль, если б он перестал зваться графом Сидкапом и возвратился к ужасной фамилии Спод, когда мое раздумье было прервано: из сада в открытую дверь вошел кот Огастус, на этот раз бодрствующий и в полной мере владеющий всеми способностями, какие у него были. Без сомнения, он видел меня сквозь пелену сна во время моего разговора с Дживсом, и, когда я ушел, он последовал за мной, полагая на

основании опыта наших совместных завтраков, что где я, там его непременно ждет порция копченой селедки. Напрасные надежды, само собой. Не станет прилично одетый мужчина носить в кармане копченую селедку. Но один из уроков, преподанных нам жизнью, заключается в том, что коты всегда остаются котами.

Оказавшись рядом с одним из этих млекопитающих, я, как всегда в таких случаях, сказал: «Кис-кис-кис» — и попробовал почесать своего бессловесного друга за левым ушком, но мысли мои были далеко. Чем больше я раздумывал над недавним разговором, тем меньше мне нравилось сообщение пожилой родственницы. Сказав Огастусу, что через минутку я буду в его распоряжении, я выпрямился и хотел было расспросить тетку поподробней, но ее поблизости не оказалось. Должно быть, вздумала еще раз подкатиться к Л.П. Ранклу, и, возможно, прямо сейчас произносит перед ним речь в защиту интересов Таппи. Конечно, я желал ей удачи и был рад, что у нее полоса везения, но тем не менее пожалел, что ее тут нет. Когда ваш ум отягощен проблемами, «взнесшимися мощно», стоит вам остаться наедине с самим собой, как у вас начинает сосать под ложечкой. Без сомнения, мальчик, который «стоял один на палубе горящей, когда бежали все»,[83] чувствовал то же, что и я.

Однако мое одиночество продлилось недолго. Как только Огастус прыгнул ко мне на колени и продолжил прерванный сон, дверь отворилась, и вошел Спод.

Я вскочил на ноги, и Огастус «упал на землю, где — не знаю»,[84] как сказал поэт. Меня терзали дурные предчувствия. Многие годы наши отношения со Сподом оставались напряженными, и, встречаясь с ним теперь, я всегда опасался, что он засветит мне в глаз. Разумеется, я был не виноват в его ссоре с Мадлен, но это не помешало бы ему выступить с обвинениями в мой адрес. Это как в том анекдоте про заключенного, к которому приходит друг и спрашивает, в чем твоя вина, и заключенный дает ответ, и друг говорит: но за это тебя не имели права посадить, а заключенный отвечает: так и без всякого права обошлись. Спод не нуждался ни в каких доводах логики для того, чтобы накинуться на неугодного ему человека, и, возможно, он, подобно Флоренс, выместит свою обиду на ни в чем не повинном первом встречном. Короче говоря, я чувствовал себя приблизительно так же, как те парни из гимна, которые вздрогнули, когда, оглянувшись, увидели воинов Мадиама, «рыщущих и рыщущих повсюду». Именно поэтому я испытал такое облегчение, когда разглядел, что его облик лишен враждебности. Спод был похож на

человека, только что увидевшего, как лошадь, на которую он поставил все свои сбережения плюс то, что он сумел почерпнуть из казенной кассы, на полголовы отстала на финише от победительницы. Его лицо, о котором даже в лучшие времена ничего веселого не скажешь, было искажено и перекошено, но, скорее, отболи душевной, чем от желания кого-либо изувечить. И, хотя самый приемлемый Спод — это Спод отсутствующий, на втором месте по приемлемости идет Спод искаженный и перекошенный от боли душевной. Неудивительно поэтому, что в моем приветствии прозвучала нота подлинной сердечности.

— А, здравствуйте, Спод, здравствуйте, старина. Рад вас видеть.

— Можно вас на два слова, Вустер?

— Конечно, конечно. Хоть на десять.

Он помолчал с минуту, употребив ее на то, чтобы подвергнуть меня пристальному осмотру. Потом вздохнул и покачал головой.

— Не понимаю, — сказал он.

— Чего вы не понимаете, любезный мой Спод или, скорее, любезный мой лорд Сидкап? — спросил я дружелюбным тоном, искренне желая помочь новому Споду, изменившемуся к лучшему, в решении любой задачи, поставившей его в тупик.

— Как могла Мадлен дойти до мысли о браке с таким, как вы? Она разорвала нашу помолвку и говорит, что собирается теперь за вас. Она высказалась на этот счет вполне определенно. Всё, мол, между нами кончено. Вот, мол, ваше кольцо. Я, мол, выйду за Берти Вустера и сделаю его счастливым. Яснее не скажешь.

Я помертвел с головы до ног. Даже принимая во внимание смутные обстоятельства послевоенной эпохи, я не мог предположить, что вновь на достаточно длительное время обращусь в соляной столп; но случилось именно это. Я не знаю, многие ли из моих читателей получали когда-либо промеж глаз мокрой рыбиной, но те, кто это испытал, поймут, что ощутил я, когда седьмой граф Сидкап сделал это убийственное сообщение. Все вокруг заколыхалось, и сквозь то, что принято называть мглистой мутью, мне привиделся несколько расплывчатый седьмой граф, крутящийся волчком на манер экзотических танцоров-кочевников в Каире, о которых мне рассказывали знакомые любители путешествий. Я был ошеломлен. Казалось невероятным, что Мадлен Бассет вдруг даст отбой их помолвке. Но потом я вспомнил, что Спод заманивал ее в обручальные сети диадемой графини, и все более или менее прояснилось. Уберите диадему — что останется? Спод, больше ничего. Не густо, решит любая. Спод тем временем распространялся о том, почему ему кажется странным, что

Мадлен могла дойти до мысли о браке со мной, и очень быстро мне стало ясно, что я ошибся, не увидев в его облике враждебности. Он произносил слова сквозь сжатые зубы, а это существенный признак:

— Насколько я могу судить, Вустер, вы напрочь лишены привлекательности. Ум? Никакого. Красота? Ни капли. Хватка? Ни Боже мой. Вы даже не можете стащить зонтик, чтобы вас не поймали за руку. Единственное ваше положительное качество состоит в том, что вы не носите усов. Говорят, они у вас были, но вы сжалились над окружающими и сбрили их. Это свидетельствует в вашу пользу, но этого мало, чтобы перевесить все ваши изъяны. Принимая во внимание то, как они многочисленны, остается предположить одно: на романтическую душу Мадлен подействовала ваша темная репутация вора, хапающего все, что плохо лежит. Она идет за вас замуж в надежде перевоспитать вас, и предупреждаю, Вустер: вы горько пожалеете, если обманете ее надежды. Да, она отвергла меня, но я вечно буду любить это одухотворенное создание, как любил до сих пор, и сделаю все, что в моих силах, чтобы ее нежное сердечко не было разбито таким-сяким негодяем, вылитым актеришкой из массовки заштатного разъездного ревю, который что увидит мало-мальски ценное, то тут же обязательно прикарманит. И не рассчитывайте спастись от меня за стенами тюрьмы, когда вас посадят за воровство; кончится ваш срок — я буду ждать на выходе и разорву вас на куски. А потом, — добавил этот зануда, — станцую на ваших потрохах в сапогах с подковами.

Умолкнув, он вынул портсигар, поинтересовался, нет ли у меня спички; я дал, он поблагодарил и вышел.

Даже от самого поверхностного взгляда не укрылось бы, что оставшийся после его ухода Бертрам Вустер находится не в лучшей форме. Перспектива оказаться связанным на всю жизнь с девушкой, которая будет, спустившись к завтраку, закрывать мои глаза ладошками и говорить: «Угадай, кто это», так подорвала мой боевой дух, что я стал похож на трусливого серенького зверька, о котором, как утверждает Дживс, писал поэт Бернс.[85] В критические моменты мое правило — смотреть на дело с лучшей стороны, но это, должен оговориться, возможно лишь, когда она вообще есть, эта лучшая сторона, а в данном случае ею даже не пахло.

Так я сидел, испивая горькую чашу, до тех пор, пока за сценой не послышался шум и мои раздумья не были прерваны возвращением старой прародительницы. Я сказал: «возвращением», но, точнее говоря, она как из пушки ворвалась в комнату и пронеслась сквозь нее, не останавливаясь, и я со свойственной мне зоркостью определил, что она чем-то огорчена.

Поразмыслив, я пришел к заключению, что ее беседа с Л. П. Ранклом, «сворачивая вбок», пошла наперекосяк или, если вам больше нравится, насмарку.

Когда через некоторое время тетя появилась вновь, мой вывод подтвердился. Первым делом она заявила, что Л. П. Ранкл — самое незаконнорожденное из всех незаконнорожденных созданий, и в ответ я поспешил изъявить ей сочувствие. Я и сам бы не отказался от небольшой дозы сочувствия, но неизменный вустеровский девиз гласит: «Пропусти вперед женщину и ребенка».

— Не вышло? — спросил я.

— Нет.

— Зажиливает?

— Ни гроша не дает.

— Вы объяснили ему, что без его поддержки Таппи и Анджела вовек не услышат свадебных колоколов?

— Объяснила, конечно. А он ответил, что молодым людям нечего вступать в брак, пока они не проверили свои чувства.

— Вы могли бы сказать на это, что Таппи и Анджела помолвлены уже два года.

— Я так и сказала.

— А он что?

— Говорит: «Мало».

— И что вы намерены делать?

— Уже сделала, — ответила старая прародительница. — Я украла его супницу.

15

Я уставился на нее, совершенно ошеломленный. В ее словах прозвучало типичное самодовольство тетушки, которая мысленно похлопывает себя по плечу, одобряя какой-то свой особенно хороший поступок, но в чем дело, я не мог взять в толк. Привычка говорить загадками, похоже, прогрессировала у нее, как болезнь.

— Вы… что? — переспросил я. — Что, что вы украли?

— Супницу, супницу. Я же тебе говорила в день твоего приезда. Забыл, что ли? Серебряную, которую он хотел продать Тому.

Ее слова освежили мне память. Я вспомнил этот разговор. Я спросил ее тогда, с какой стати она принимает у себя такой вторпродукт, как Л. П.

Ранкл, и она ответила, что он приехал в надежде продать дядюшке Тому что-то серебряное для его коллекции, а она уговорила его остаться подольше, рассчитывая сперва задобрить его стряпней Анатоля, а потом поставить перед ним, задобренным, вопрос о деньгах для Таппи.

— И вот теперь, когда он ответил мне отказом, мне вдруг пришло в голову, что если я завладею этой штуковиной и объявлю ему, что он получит ее назад лишь в обмен на выполнение справедливых денежных требований, это даст мне сильный козырь в переговорах, которые я готова буду продолжить в любое удобное для него время.

Я был — как это? Ого… ого… хорошо, хоть имя свое еще не забыл. Ах, да — огорошен, хотя с таким же успехом можно было сказать — потрясен до глубины души; не такое уж незаменимое слово. Я не читал ни одной из книг о правилах хорошего тона, которыми был завален весь тетушкин дом, но я готов был отдать голову на отсечение, что сочинившие их столпы общества содрогнулись бы, услышь они ее возмутительное объяснение. Глава «Советы хозяйке» после этого непременно пополнилась бы парой абзацев, объясняющих, что нехорошо приглашать людей погостить к себе в дом с целью похищения супниц, находящихся в их собственности.

— Что же это такое творится! — воскликнул я, огорошенный или, если вам больше нравится, потрясенный до глубины души.

— Ты о чем?

— Сначала пускаете его под свою кровлю…

— Конечно, под кровлю. Не на кровлю же!

— Сначала предлагаете ему хлеб-соль.

— Вот солью-то ему, с его давлением, не стоило бы злоупотреблять. Наверняка врач рекомендовал ему бессолевую диету.

— Вы не имели права так поступить.

— Так я и без всякого права обошлась, — сказала она, прямо как персонаж анекдота, и я понял, что спорить с ней дальше было бы бессмысленно (или немыслимо). Если ты племянник, тебе тетушек не переспорить, ведь они знают тебя с младых ногтей и помнят, каким ты был тогда олухом, ну и не верят, что ты способен произнести что-нибудь стоящее. Я бы не удивился, если бы узнал, что три тетушки Дживса дружно затыкают ему рот, едва он начинает говорить: ведь они помнят его шестилетним, когда он еще не отличал поэта Теннисона от настольного тенниса.

Перестав усовещивать тетушку (усовещать? увещать? как правильно-то?), я встал, чтобы нажать кнопку звонка, а когда тетушка попросила меня

дать пояснения о причине этого нажатия, я сказал, что намерен передать дело в более высокие сферы.

— Я вызвал Дживса.

— Ты получишь только Сеппингса.

— А Сеппингс добудет мне Дживса.

— И что, по-твоему, сможет сделать Дживс?

— Он заставит вас внять голосу разума.

— Сомневаюсь.

— Попытаться все же стоит.

В ожидании Дживса мы приостановили нашу беседу, и воцарилась тишина, слышно было лишь, как всхрапывает по временам прародительница и шумно дышу я, потому что я сильно разволновался. Согласитесь: племяннику не может быть безразлично, что любимая тетушка не ведает разницы между хорошими и дурными поступками. А она есть, эта разница; у нас в школе магистр искусств Арнольд Эбни втолковывал ее ученикам и в будни, и в праздники. Но никто ясное дело, не удосужился объяснить эту разницу моей престарелой родственнице, вследствие чего она могла похищать чужие супницы без малейшего не то чтобы зазрения, но даже писка со стороны ее совести. Это, должен признаться, меня поразило.

При появлении Дживса мне было приятно лишний раз увидеть, как выпячен его затылок: ведь именно в этом месте располагаются главные отделы мозга, а в теперешней ситуации мне позарез нужен был обладатель большого количества серого вещества, способный унять брожение тетушкина ума и расписать ей все так, что она согласилась бы слушаться.

— Вот тебе твой Дживс, — сказала прародительница. — Изложи ему факты, и держу пари, он назовет мой поступок единственно правильным и велит мне идти дальше намеченным путем.

Я рискнул бы ради этого пари пятеркой при ставке, скажем, двенадцать к восьми, но это вряд ли было бы уместно. А вот изложить Дживсу факты — это была разумная мысль, и я принялся излагать их без промедления и заботясь о том, чтобы дать должное обоснование.

— Дживс, — сказал я.

— Сэр? — отозвался он.

— Прошу прощения, что опять вас отвлек. Наверное, читали Спинозу?

— Нет, сэр, писал письмо дяде Чарли.

— Чарли Силверсмиту, — дал я ремарку в сторону прародительницы. — Он дворецкий в Деверилл-холле. Один из лучших в своей профессии.

— Благодарю вас, сэр.

— Я крайне мало знаю людей, достойных столь же высокой оценки, как ваш дядя Чарли. Мы вас надолго не задержим. Просто возникла новая проблема, в некоторых отношениях небезынтересная. В недавнем разговоре я обрисовал вам положение дел, касающихся Таппи Глоссопа и Л. П. Ранкла. Припоминаете?

— Да, сэр. Мадам рассчитывала взыскать с мистера Ранкла некую сумму в пользу мистера Глоссопа.

— Совершенно верно. Так вот, из этого ничего не вышло.

— Я крайне опечален, сэр.

— Но вряд ли удивлены при этом. Вы тогда сказали, что у нее один шанс из ста.

— Около того, сэр.

— Ведь Ранкл не обладает даром сострадания.

— Вот именно, сэр. Прошлогодний сухарь.

Тут прародительница повторила свои сомнения в законнорожденности Л. П. Ранкла и, видимо, охотно развила бы тему, не останови я ее посредством поднятой руки.

— Напрасно она молила, — сказал я. — Он прогнал ее поганой метлой. И вполне возможно, даже поднял ее на смех.

— Жирный старый сын холостяка, — вмешалась прародительница, и мне вновь пришлось ее остановить.

— Думаю, вам ясно, что может произойти, когда гордая женщина подвергается такому обращению. Мысли об ответных мерах начинают тесниться в ее мозгу. Перехожу к сути: она похитила супницу Ранкла. Но я не хочу направлять вас по ложному следу. Она сделала это не в порядке мести — ну, вы понимаете, — но с тем, чтобы получить козырь для переговоров, которые она намерена возобновить. «Расплачивайтесь, — скажет она, вновь призывая его тряхнуть мошной, — иначе не увидите супницы, как своих ушей». Я доходчиво говорю?

— Абсолютно доходчиво, сэр. Я нахожу, что ваши слова ясны как день.

— Теперь мне бы следовало вам растолковать, что это за супница такая, но затруднение состоит в том, что я не имею об этом ни малейшего понятия, знаю только, что она серебряная, старинная и принадлежит к разряду вещей, которые коллекционирует дядюшка Том. Ранкл рассчитывал продать ее ему. Вы можете добавить тут что-нибудь? — спросил я престарелую родственницу.

Она слегка наморщилась и сказала, что не может.

— Знаю только, что ее сработал какой-то голландец в эпоху Карла Второго.

— Тогда мне кажется, я понимаю, о какой супнице идет печь, сэр, — промолвил Дживс, и лицо его оживилось в той степени, в какой оно вообще способно оживиться: ведь он почему-то всегда предпочитает сохранять бесстрастный вид восковой фигуры из музея мадам Тюссо. — Она значилась в каталоге аукциона Сотби, который мне довелось недавно листать. Не имеется ли в виду, — спросил он прародительницу, — серебряная позолоченная супница на круглой литой ножке, низ гравирован акантовым орнаментом, ручки в форме свитка с бугорками, крышка увенчана листвой поверх розетки из переплетенных ветвей аканта, подставка в форме чаши на круглых отвинчивающихся ножках с лиственным орнаментом, край крышки отогнут кверху?

Он умолк в ожидании ответа, но прародительница временно потеряла дар речи, и по лицу ее можно было предположить, что ее переехал городской трамвай. Странно, разве она не привыкла год за годом слушать подобную тарабарщину из уст дядюшки Тома? Наконец она промямлила, что, дескать, вполне возможно, что она не удивилась бы, и так далее.

— Я об этом знаю не больше вашего, — добавила она.

— Я полагаю, мадам, что это то самое изделие. Вы упомянули о мастере голландского происхождения. Не звали ли его случайно Ханс Конрель Брехтель из Гааги?

— Не могу вам сказать. Знаю только, что фамилия его не Смит, не Джонс и не Робинсон. Но к чему все это? Не все ли равно, увенчана крышка листвой или нет и есть ли на ней лиственный орнамент?

— Вот именно, — с жаром согласился я. — И что за важность, если честь создания этих крышек и орнаментов принадлежит какому-то Хансу Конрелю Брехтелю из Гааги? Важно не то, какую именно супницу похитила прародительница, а то, насколько вообще оправдано похищение супницы у человека, находящегося у тебя в гостях. Я считаю, что это нарушение правил гостеприимства и что теперь похищенное следует возвратить. Прав я или нет?

— Видите ли, сэр…

— Валяйте, Дживс, — сказала прародительница. — Объявите меня разбойницей с большой дороги, которую следует вышвырнуть из «Культурно-увеселительного клуба маркет-снодсберийских садовниц».

— Вовсе нет, мадам.

— Тогда что вы хотели сказать, прежде чем замялись?

— Только то, что, по моему мнению, хранение вами этого предмета не

принесет желаемой пользы.

— Я не понимаю вас. А козырь в переговорах?

— Боюсь, вы мало чего достигнете, мадам. Если я правильно понял мистера Вустера, сумма, которую вы рассчитываете получить от мистера Ранкла, исчисляется многими тысячами фунтов.

— Самое меньшее пятьдесят тысяч, а может быть, и все сто.

— Тогда я не могу представить себе, что он согласится с вашими требованиями. Мистер Ранкл — искушенный финансист…

— Рожденный вне брака.

— Вполне возможно, мадам; и тем не менее он — человек, привыкший трезво взвешивать доходы и убытки. Согласно каталогу Сотби, это изделие было продано на аукционе за девять тысяч фунтов. Трудно предположить, что ради его возвращения он готов будет уплатить сто или пусть даже пятьдесят тысяч фунтов.

— Этого ожидать не приходится, — согласился я, поменявшись с ним ролями: теперь уже я был восхищен доходчивостью его слов. За подобную доходчивость адвокаты высшей марки гребут деньги лопатой. — Он просто-напросто скажет: «Подумаешь, важность» — и спишет супницу по разряду непредвиденных потерь, а потом кликнет своего юриста, чтобы соответствующим образом уменьшить подоходный налог. Благодарю вас, Дживс. Вы, как обычно, мастерски разложили все по полочкам. Вы… как это вы на днях выразились?

— Премудрый Соломон.

— Точно. Вы самый настоящий премудрый Соломон.

— Вы очень добры, сэр.

— Вовсе нет. Вполне заслуженная похвала.

Я бросил взгляд на престарелую родственницу. Вообще, какую тетушку ни возьми, изменить ход ее мыслей, когда она что-то забрала в голову, очень непросто, но было сразу видно, что Дживсу это удалось. Я не ждал, что она будет очень довольна, чего не было — того не было, но она явно смирилась с неизбежностью. Я было подумал, что у нее нет слов, но тут она как раз вымолвила словцо, более или менее уместное на охоте, но для салонной беседы чересчур забористое. Я зафиксировал его в памяти, чтобы когда-нибудь употребить в разговоре со Сподом (телефонном, разумеется).

— Я признаю вашу правоту, Дживс, — сказала она с тяжелым сердцем, но не теряя мужества. — Мне показалось тогда, что мой план хорош, но теперь я должна согласиться с вами в том, что в нем есть и сучки, и задоринки. Увы, так разбиваются мечты. Ведь…

— …планы мышек и людей идут насмарку чохом, — подхватил я, помогая ей выпутаться. — Роберт Бернс, «К полевой мыши…». Я не раз задавался вопросом, почему эти деревенские поэты так любят писать «чохом» и тому подобные словечки. Я спрашивал вас об этом, Дживс, — помните? — и вы ответили, что они не потрудились дать вам объяснение. Но вы что-то хотели сказать, прародительница?

— Я говорю…

— Или, к примеру, «намедни».

— Я говорю…

— Или «давеча».

— Я говорю, — сказала родственница, швырнув в меня томик Рекса Стаута, к счастью, с менее точным прицелом, чем в прошлый раз, — что мне ничего другого не остается, как вернуть эту штуку в комнату Ранкла, откуда я ее взяла.

«Откуда я ее умыкнула» звучало бы интереснее, но я возразил не по поводу ее стиля. Я подумал, что если позволить ей вернуть вещь самой, она по пути к спальне Ранкла, чего доброго, передумает и решит все-таки оставить добычу у себя. Доводы Дживса звучали убедительней некуда, но кто знает, не поблекнет ли со временем эта убедительность, особенно в глазах тетушки, которая не ведает разницы между хорошими и дурными поступками; таким образом, можно было опасаться, что ей захочется прикарманить супницу в качестве, так сказать, сувенира, чтобы не остаться вовсе ни с чем. «Вечно приходится ломать голову, что бы подарить Тому на день рождения, — вдруг подумает она. — А почему бы и нет? Как раз то, что надо».

— Я сделаю это сам, — сказал я. — Если только не вызоветесь вы, Дживс.

— Спасибо, нет, сэр.

— Это дело одной минуты.

— Нет, сэр, благодарю вас.

— Ладно, тогда вы свободны, Джявс. Тысяча благодарностей за ваше премудрое соломонство.

— Рад был помочь, сэр.

— Передайте мой поклон дяде Чарли.

— Не премину, сэр.

Как только он затворил за собой дверь, я принялся обсуждать с тетушкой планы и, что называется, порядок действий, причем ближайшая родственница была сама покорность и покладистость. Ранклу, сказала она, отведена Голубая комната, и супницу следует положить там в левый

верхний ящик комода, откуда она ее умыкнула. Я спросил, уверена ли она, что он все еще в гамаке, и она ответила, что сомневаться не приходится: он, конечно, опять заснул, как только она ушла. Должно быть, так оно и было, если судить по коту Огастусу. У страдающих травматической симплегией бодрствование — состояние сугубо временное. Я лично был свидетелем того, как Огастус вернулся в мир сновидений спустя всего пятнадцать секунд после того, как на него упала большая сумка, полная консервных банок с кошачьей едой. Сдавленное проклятие — и вот он уже снова почивает как ни в чем не бывало.

Я поднимался по лестнице весь под впечатлением от того обстоятельства, что Л. П. Ранкл получил Голубую комнату, которая в этом доме доставалась лишь звездам первой величины. Это была самая просторная и роскошная из комнат для холостяков. Как-то раз я намекнул престарелой родственнице, что не прочь бы в ней поселиться, но она ответила на это выразительным «*Ты?*», после чего разговор перешел на другую тему. Тот факт, что Ранклу дали эту комнату, несмотря на присутствие в доме седьмого графа, красноречиво говорил о решимости престарелой родственницы задобрить Ранкла не мытьем, так катаньем; и вот, по иронии судьбы, всем ее тщательно выстроенным планам суждено было пойти насмарку чохом. Это лишний раз подтверждает: Бернс знал, о чем писал. На поэтов вообще, как правило, можно положиться; поэт запульнет словом в самое яблочко, а потом с чистой совестью сидит и покуривает сигару или утоляет жажду кокосовым ликером.

Читатель-ветеран помнит, но новичку надо объяснить, что мне уже приходилось пробираться в Голубую комнату с секретной миссией. Тот, прежний визит, как известно ветеранам, окончился катастрофой и стыдобой, поскольку миссис Гомер Крим, видная писательница, автор приключенческих романов, обнаружила меня лежащим на полу под креслом, за чем последовало нелегкое объяснение. Несомненно, именно поэтому я теперь подходил к заветной двери с чувствами, напоминавшими те, что я испытывал в старые дни, приближаясь к кабинету магистра искусств Арнольда Эбни по завершении утренней молитвы. Некий голос нашептывал мне, что за этой дверью меня не ждет ничего хорошего.

Голос был совершенно прав. Он как в воду глядел. Первым, что я увидел, открыв дверь, был спящий на кровати Л. П. Ранкл, и с обычным для меня проворством я сообразил, что произошло. После того как старая прародительница попыталась взять его за жабры в саду, он, вероятно, решил, что гамак посреди лужайки, открытый для приступа с любой стороны, — не слишком удобное место для человека, стремящегося к

покою и уединению, и что обрести их он сможет только в своей спальне. Туда-то, соответственно, он и направил свои стопы. Voila tout,[86] скажет тот, кто изучал французский.

Увидев этого спящего красавца, я, конечно, был поражен весьма неприятно, до того неприятно, что мое сердце яростно стукнулось о передние зубы, но лишь какая-то секунда потребовалась мне, чтобы достойно встретить то, что Дживс называет интеллектуальным вызовом момента. В кругах, где я вращаюсь, едва ли не все признают, что, хотя Бертрам Вустер не застрахован от нокдауна, нокаутировать его невозможно и, если дать ему время собраться с мыслями и унять головокружение, имеются все шансы на то, чтобы он, как сказал поэт, «ступив на прежнего себя, поднялся в высшие пределы»;[87] так произошло и теперь. Я предпочел бы, конечно, действовать в комнате, совершенно свободной от присутствия Л. П. Ранкла, но я рассудил, что, поскольку он спит, препятствий к исполнению задуманного нет. Нужно только Действовать абсолютно бесшумно. Так я и действовал — скорее подобно призраку или духу, нежели полноправному члену «Трутней», — но лишь до тех пор, пока комната не огласилась внезапным диким воплем, какой может испустить кугуар или снежный барс, ударившись чувствительным местом об острый камень, и тогда я понял, что наступил на кота Огастуса, который все время шел за мной по пятам, ошибочно полагая, что я ношу в карманах копченую селедку и в любой момент могу приступить к выдаче.

В обычных обстоятельствах я поспешил бы принести животному свои извинения и постарался бы, почесывая его за ушком, унять боль в его раненой душе; но тут Л. П. Ранкл сел в кровати, громко зевнул, протер глаза, неприязненно устремил их на меня и поинтересовался, что я, черт подери, забыл в его спальне.

Дать ответ было нелегко. Ничто в наших отношениях с тех самых пор, как мы впервые замаячили в поле зрения друг друга, не давало повода предположить, что я пришел поправить ему подушку или предложить выпить чего-нибудь холодненького; поэтому я не стал выдвигать таких версий. Я подумал о том, как права была прародительница, предсказывая, что, разбуженный внезапно, он будет зол. Действительно, вид его говорил о том, что он питает очень мало нежных чувств к человечеству в целом, и особенно неприязненно относится к Вустерам. Даже Спод не смог бы выразить своего отвращения к ним нагляднее.

Я решил проверить, как на него подействует обходительность. В случае с Медяком она дала неплохие результаты, и кто знает — может

быть, с ее помощью удастся разрядить обстановку и сейчас.

— Прошу прощения, — сказал я с чарующей улыбкой. — Боюсь, я вас разбудил.

— Вот именно, что разбудили. И перестаньте лыбиться, как полоумная обезьяна.

— Конечно-конечно, — отозвался я, убирая с лица чарующую улыбку. Она сошла очень легко. — Я понимаю ваше раздражение. Но я достоин скорее жалости, нежели порицания. Я нечаянно наступил на лапу.

По его лицу распространилось выражение тревоги. Ширь его лица была необъятна, но тревога распространилась во всю эту ширь.

— На шляпу? — крикнул он с дрожью в голосе, и я понял, что он испугался за благополучие своей панамы с розовой лентой.

Я немедленно успокоил его:

— Не на шляпу. На лапу.

— На какую еще лапу?

— На лапу кота. Вы с ним еще не познакомились? Его зовут Огастус, можно Гас краткости ради. Мы с ним дружим еще с тех пор, как он был котенком. По-видимому, он вошел сюда следом за мной.

Этот не самый удачный мой словесный ход вернул его к первоначальной теме.

— А вы что, черт подери, тут забыли?

Человек не столь закаленный, как Бертрам Вустер, стал бы в тупик, и я не постыжусь признаться, что на пару мгновений стал в него тоже. Однако, переминаясь с ноги на ногу и переплетая пальцы, я вдруг увидел на столике фотоаппарат, и на меня накатило вдохновение. На Шекспира, Бернса и даже Оливера Уэнделла Холмса оно, вероятно, накатывало постоянно, но со мной это случалось не так часто. В тот раз это было впервые за несколько недель.

— Тетя Далия послала меня спросить вас, не согласитесь ли вы сделать несколько фотографий — дом, хозяйка и все такое, — чтобы она могла разглядывать их долгими зимними вечерами. Вы ведь знаете, какими долгими бывают зимние вечера в наши дни.

Едва сказав это, я задумался, не обмануло ли меня вдохновение. Ведь этот человек только что провел переговоры со старой прародительницей, которые, в отличие от переговоров между главами государств, прошли отнюдь не в атмосфере полного взаимопонимания, и ему должно показаться странным, что почти сразу же после их завершения она обращается к нему с просьбой о фотографировании. Но все сошло гладко. Он явно воспринял ее просьбу как некий жест примирения. И отозвался

живо и с воодушевлением.

— Сейчас спущусь, — сказал он. — Передайте ей, что я сейчас спущусь.

Я спрятал супницу у себя в спальне, запер дверь и вернулся к престарелой родственнице. Она разговаривала с Дживсом. При моем появлении на ее лице выразилось облегчение.

— А, вот и ты наконец, мой прекрасный поскакун Берти. Хорошо, что ты не пошел в спальню Ранкла. Дживс говорит, что Сеппингс встретил Ранкла на лестнице, и тот попросил через полчаса принести ему чашку чаю. Сказал, что ляжет соснуть. Ты мог налететь прямо на него.

Я засмеялся глухим безрадостным смехом.

— Поздно, старая прародительница. Я на него налетел.

— Он что, *был там?*

— Собственной персоной.

— И как ты вышел из положения?

— Сказал ему, что вы просите его спуститься и сделать несколько снимков.

— Быстро соображаешь.

— Я всегда соображаю молниеносно.

— Он поверил?

— Как будто да. Сказал, сейчас спустится.

— Улыбки моей ему не видать.

Возможно, я попросил бы ее смягчить это жесткое решение и обнажить хотя бы краешки передних зубов перед тем, как Ранкл нажмет на кнопку; однако, пока она говорила, мои мысли приняли другое направление. Возник внезапный вопрос: что его задерживает? Он же сказал, что сейчас спустится. Но прошло довольно много времени, а Ранкла как не было, так и нет. Я уже лелеял мысль о том, что в такой теплый день человека его комплекции может хватить какой-нибудь удар, но тут на лестнице послышался тяжелый топот, и он наконец предстал перед нами.

Но это был другой Л. П. Ранкл, совсем не тот человек, который пообещал мне, что скоро придет в гостиную. Тогда он был весь солнечный и лучащийся — а как же, фотограф-любитель, который не только предвкушает, как будет сейчас отравлять людям жизнь своим фотографированием, но еще и прямо об этом попрошен, что для фотографа-любителя — редкий праздник. Теперь же он был холодный и тугой, как крутое яйцо на пикнике, и глядел на меня с такой ненавистью, словно я и впрямь наступил на его панаму.

— Миссис Траверс!

Это прозвучало так громко и призывно, что напомнило крик уличного торговца, пытающегося привлечь внимание покупателей к апельсинам-королькам и брюссельской капусте. Я увидел, как выпрямилась прародительница, и понял, что сейчас она войдет в роль великосветской дамы. Вышеуказанная родственница, в обычных обстоятельствах столь добродушная и свойская, могла при необходимости мгновенно превратиться в точную копию герцогини былых времен и сделать из любого нижестоящего мокрое место, для чего, добавлю, ей не требовалось даже лорнета — достаточно было простого взгляда. Вероятно, девиц ее поколения учили этому в пансионах.

— Я попросила бы вас не орать на меня, мистер Ранкл. Я не глухая. В чем дело?

Аристократическая льдистость ее тона была такова, что у меня мороз пробежал по коже, но Л. П. Ранкл был субъект из морозоустойчивых. Он извинился за крик, но сделал это кратко и без подлинного раскаяния. А затем перешел к ответу на заданный ему вопрос, с видимым усилием принуждая себя изъясняться тихо. Пусть он не ворковал, как голубок, но, по крайней мере, не повышал голоса.

— Помните ли вы, миссис Траверс, серебряную супницу, которую я показывал вам по приезде сюда?

— Помню.

— Очень ценную.

— Да, вы говорили.

— Она лежала у меня в комнате в левом верхнем ящике комода. Мне не приходило в голову как-либо ее прятать. Я был абсолютно уверен в честности всех, кто находится в этом доме.

— Естественно.

— Даже когда я узнал, что наряду со мной здесь гостит мистер Вустер, я все равно не принял никаких мер предосторожности. Это была моя роковая ошибка. Он только что украл супницу.

Наверное, долго сохранять облик великосветской дамы очень утомительно, ведь это требует каменной неподвижности как лицевых мышц, так и позвоночника; поэтому, услышав его слова, прародительница бросила это занятие и вернулась к вольным манерам своей охотничьей юности.

— Не будьте идиотом, Ранкл. Вы городите несусветную чушь. Берти это и в голову не могло бы прийти, правда, Берти?

— Никогда в жизни.

— Вот осел-то.

— Я бы сказал — безмозглый осел.

— Будешь ослом, если дрыхнуть все время.

— Да, наверное, в этом вся беда.

— Спанье разжижает мозг.

Конечно. То же самое и с котом Гасом. Я люблю Гаса как родного брата, но после стольких лет безостановочного сна у него ума осталось не больше, чем у члена кабинета министров.

— Надеюсь, Ранкл не разозлил тебя своими нелепыми обвинениями?

— Нет, старая прародительница, я не зол, просто очень, очень удручен.

Казалось бы, все это должно было превратить Ранкла в потухший вулкан, в никчемную оболочку его былого «я»; однако его глаза не утратили блеска, а он сам — боевого задора. Подойдя к двери, он приостановился и сказал следующее:

— Мы расходимся с вами, миссис Траверс, в оценке честности вашего племянника. Я лично доверяю словам лорда Сидкапа, который утверждает, что мистер Вустер ворует все, что не привинчено к полу. Лишь по чистой случайности, сказал мне лорд Сидкап, ему при их первой встрече не удалось улизнуть с зонтиком, принадлежавшим сэру Уоткину Бассету, и с той поры он, так сказать, покатился по наклонной плоскости. Хапает все без разбора — зонтики, кувшинчики для сливок, янтарные статуэтки, фотоаппараты. К несчастью, я спал, когда он проник в мою комнату, и до моего пробуждения у него было предостаточно времени, чтобы совершить то, для чего он явился. Только через несколько минут после того, как он унес добычу, мне пришло в голову заглянуть в левый верхний ящик комода. Мои подозрения подтвердились. Ящик был пуст. Вор сделал свое дело. Но знайте: я — человек решительный. Я послал вашего дворецкого в полицейский участок за констеблем, чтобы тот обыскал комнату Вустера. До его появления я намерен стоять у двери, чтобы он не пробрался внутрь и не уничтожил улики.

Произнеся все это тоном чрезвычайно неприятным, Л. П. Ранкл, как говорится, был таков, и прародительница с немалым красноречием принялась распространяться на тему о жирных негодяях сомнительного происхождения, имеющих неслыханную дерзость посылать ее дворецкого с поручениями. Я был не меньше, чем она, взволнован заключительной частью его монолога.

— Не нравится мне это, — сказал я, обращаясь к Дживсу, который в продолжение предыдущей сцены стоял несколько поодаль, являя собой скульптурное воплощение отсутствия.

— Простите, сэр?

— Если легавые обыщут мою комнату, я погорел.

— Не беспокойтесь, сэр. Полицейские не имеют права входить в помещения, принадлежащие частным лицам, без соответствующего ордера, и устав запрещает им просить у владельца разрешения на вход.

— Вы в этом уверены?

— Да, сэр.

Что ж, это давало некоторое успокоение, но я бы обманул читателя, если бы сказал, что к Бертраму Вустеру вернулась прежняя беззаботность. Слишком многое свалилось на него одно за другим, чтобы он мог остаться беспечным гулякой, на которого приятно бросить взгляд. Я понял: для того, чтобы распутать хитросплетение обстоятельств, отнимавших у меня радость жизни, и ликвидировать круги, которые уже начали темнеть у меня под глазами, мне необходимо собраться с мыслями.

— Дживс, — сказал я, выходя вместе с ним из комнаты, — мне надо собраться с мыслями.

— Конечно, сэр, если вы желаете.

— Но это невозможно здесь, среди сплошной чехарды кризисов. Не могли бы вы придумать хороший предлог, чтобы мне смотаться в Лондон на одну ночь? Мне крайне необходимы несколько уединенных часов в мирной обстановке собственной квартиры. Мне надо сосредоточиться. Сосредоточиться.

— А разве вам требуется для этого предлог, сэр?

— Лучше, чтобы он был. Тетя Далия попала в передрягу, и она обидится, если я сейчас брошу ее без уважительной причины. Я не хочу выглядеть предателем.

— Это делает вам честь, сэр.

— Благодарю вас, Дживс. Придумали что-нибудь?

— Вас вызвали в суд в качестве присяжного, сэр.

— Но ведь об этом, кажется, предупреждают задолго.

— Да, сэр, но, когда пришла повестка, я забыл вам ее отдать и вспомнил только сейчас. К счастью, оказалось, что еще не поздно. Желаете отправиться немедленно?

— Если не раньше. Я позаимствую машину Медяка.

— Вы пропустите дебаты, сэр.

— Что пропущу?

— Дебаты между мистером Уиншипом и его соперницей. Они назначены на завтрашний вечер.

— На который час?

— На шесть сорок пять.

— И сколько они будут длиться?

— Вероятно, около часа.

— Тогда я вернусь примерно в половине восьмого. Великое жизненное правило, если вам дорого собственное счастье и благополучие, состоит в том, Дживс, чтобы как можно реже присутствовать на политических дебатах. Не хотите махнуть со мной, а?

— Нет, благодарю вас, сэр. Я непременно хочу услышать выступление мистера Уиншипа.

— Боюсь, дальше «бе-ме» дело не пойдет, — заметил я не без остроумия.

16

Возвращаясь на следующий день тихою вечерней порой, я отчетливо слышал, как на сердце у меня скребет, и видел без всяких зеркал, что темные круги под моими глазами стали еще темней. Мне пришли на ум сказанные когда-то Дживсом слова о «тяжком и томящем гнете неясного и чуждого нам мира» — не им, кажется, придуманные, а неким Вордсвортом, если я верно запомнил фамилию, — и я подумал, что они неплохо описывают то состояние удрученности, которое испытываешь, барахтаясь посреди океана несчастий и не имея в пределах досягаемости ничего похожего на спасательный круг. С этим «тяжким и томящим гнетом» я успел свести знакомство еще несколько лет назад, когда мои двоюродные братья Юстас и Клод без всякого предупреждения запустили ко мне в спальню двадцать три кошки; теперь этот гнет оседлал меня вновь, и как оседлал!

Рассмотрим факты. Я отправился в Лондон, чтобы побороться в тиши со следующими четырьмя проблемами:

1) Как избежать женитьбы на Мадлен Бассет?

2) Как вернуть Л.П. Ранклу супницу прежде, чем вся местная полиция вцепится зубами мне в загривок?

3) Как прародительнице выцарапать у Ранкла деньги?

4) Как Медяку, будучи женихом Флоренс, жениться на Магнолии Гленденнон?

И вот я еду обратно, а проблемы по-прежнему не решены. Целую ночь и целый день я скармливал им сливки вустеровского мозга, но всего-навсего уподобился престарелой девственнице, бьющейся над кроссвордом

из «Обсервера».

Приблизившись к цели путешествия, я свернул на подъездную аллею. На ней, примерно на полпути, был крутой правый поворот, и, сбавив перед ним скорость, я вдруг увидел чью-то смутную фигуру; раздался возглас: «Эй!» — и оказалось, что это Медяк.

Было видно, что он чем-то недоволен. В его кратком возгласе я расслышал какой-то упрек, насколько вообще можно расслышать упрек в кратком возгласе, и, когда он подошел к машине и просунул в окно верхнюю часть туловища, у меня сложилось отчетливое впечатление, что он чем-то раздосадован.

От его слов впечатление укрепилось.

— Берти, гнида ты несусветная, сколько тебя можно ждать? Я не для того дал тебе машину, чтобы ты возвращался в два часа ночи.

— Помилуй, сейчас только полвосьмого. Он изумился.

— Всего-навсего? А я думал, гораздо больше. Столько всего произошло…

— Что, что произошло?

— Некогда мне рассказывать. Я очень спешу.

Только сейчас я разглядел в его внешности нечто странное, чего поначалу не заметил. Это была сущая мелочь, но я довольно наблюдателен.

— У тебя в волосах яичный желток, — сказал я.

— Само собой, — отозвался он нетерпеливым тоном. — А что, по-твоему, должно быть у меня в волосах? «Шанель» номер пять?

— В тебя кто-то кинул яйцом?

— Там все во всех кидались яйцами. Нет, прошу прощения. Некоторые кидались репой и картошкой.

— То есть собрание пошло, как говорится, вразнос?

— Не было еще собрания в истории английской политики, которое бы настолько пошло вразнос. Яйца так и свистели в воздухе. От всевозможных овощей света Божьего не было видно. Сидкап получил фонарь под глазом. Кто-то пульнул в него картошкой.

Я испытывал двойственные чувства. С одной стороны, мне было жаль, что я пропустил столь впечатляющее политическое мероприятие, с другой стороны, услыхать, что Спод получил картофелиной в глаз, было для меня таким же наслаждением, как вонзить зубы в плод редкостного вкуса и аромата. Я ощутил прилив благоговейного почтения к снайперу, достигшему такой меткости. Ведь картофелина — снаряд некруглый и шишковатый, и послать ее точно в цель может лишь подлинный мастер.

— Расскажи подробней, — попросил я, вполне довольный.

— К чертям подробности. Мне срочно надо в Лондон. Завтра мы с утра должны объехать все регистрационные бюро и выбрать самое подходящее.

Это было что-то не похоже на Флоренс, которая, если когда-либо благополучно минует этап помолвки, уж непременно настоит на бракосочетании с епископами, подружками невесты, всеми положенными песнопениями и последующим приемом гостей. Внезапно меня поразила одна мысль, и я чуть не задохнулся. Во всяком случае, послышался звук, похожий на шипение иссякшего сифона для газировки, и источником этого звука был, по-видимому, я.

— «Мы» — это ты и М. Гленденнон? — спросил я.

— Кто же еще?

— Но каким образом?

— Не важно, каким образом.

— Мне очень даже важно. Ты был проблемой номер 4 в моем списке, и я хочу знать, как она разрешилась. Неужели Флоренс объявила тебе амнистию?

— Объявила в недвусмысленных выражениях. Вылезай из машины.

— Но почему?

— Потому что, если ты через две секунды этого не сделаешь, я вышвырну тебя силой.

— Я спрашиваю, почему она объявила тебе амнистию.

— Спроси Дживса, — сказал он и, ухватившись за воротник моего пиджака, вытащил меня из машины, как портовый грузчик — мешок с зерном. Он занял мое место за рулем и миг спустя уже мчался вдаль, спеша свидеться с женщиной, которая, по-видимому, ждала его в условленном месте с сумками и чемоданами.

Он оставил меня в состоянии, которое можно определить словами: смутное, озадаченное, растерянное, недоуменное, заинтригованное. Из его слов я понял следующее: 1) дебаты проходили в обстановке далеко не сердечной; 2) по их завершении Флоренс изменила свои брачные планы; 3) если требуется более подробная информация, ее может предоставить Дживс. Это побольше, конечно, чем заклинатель мог извлечь из глухого аспида, но все же не слишком много. Я чувствовал себя адвокатом — таким, например, как мамаша Мак-Коркадейл, — которому ставит палки в колеса косноязычный свидетель.

Как бы то ни было, он указал на Дживса как на кладезь информации, и поэтому, добравшись до гостиной и увидев, что она пуста, я немедленно надавил указательным пальцем на кнопку звонка.

На мой зов явился Сеппингс. Мы с детства в приятельских отношениях — с моего детства, конечно, а не с его, — и, когда мы встречаемся, беседа обычно льется как вода, в основном касаясь погоды и ее воздействия на его люмбаго; однако на сей раз мне было не до праздной болтовни.

— Сеппингс, — сказал я, — мне нужен Дживс. Где он?

— В помещении для слуг, сэр, утешает горничную.

Я подумал, что он имеет в виду служанку, чей звонок к ужину восхитил меня в первый вечер, и при всей неотложности моих дел я счел своим человеческим долгом выразить ей сочувствие, в чем бы ни заключались ее огорчения.

— Она получила плохое известие?

— Нет, сэр, ее ушибло репой.

— Где?

— Под ребрами, сэр.

— Я хотел узнать, где это случилось.

— В ратуше, сэр, ближе к концу дебатов.

Я судорожно вздохнул. Чем дальше, тем ясней мне становилось, что собрание, которое я пропустил, омрачили буйства, мало чем уступающие любым перехлестам Французской революции.

— В меня самого, сэр, едва не угодили помидором. Он прожужжал у меня над ухом.

— Вы меня просто потрясли, Сеппингс. Неудивительно, что вы так бледны и так дрожите. — Он и вправду был как плохо загустевшее бланманже. — Из-за чего поднялась вся эта суматоха?

— Из-за речи мистера Уиншипа, сэр.

Невероятно. Я вполне мог поверить, что любая речь Медяка будет сильно отличаться в худшую сторону от эталона, заданного Демосфеном, если я не перевираю имя этого древнего оратора, но все-таки не мог же он так опростоволоситься чтобы слушатели принялись швыряться яйцами и овощами; я хотел было продолжить расспросы, но Сеппингс уже двинулся к двери, пообещав, что сообщит мистеру Дживсу о моем желании с ним увидеться. И спустя некоторое время день, если можно так выразиться, явил своего героя.

— Вы хотели меня видеть, сэр? — осведомился он.

— Слабо сказано, Дживс. Я жаждал вас видеть.

— В самом деле, сэр?

— Только что на подъезде к дому меня перехватил Медяк.

— Да, сэр, он дал мне знать, что собирается ждать там вашего

возвращения.

— Он сказал мне, что его помолвка с мисс Крэй расторгнута и теперь он жених мисс Гленденнон. А когда я спросил его, как ему удалось так ловко переметнуться, он посоветовал обратиться за разъяснениями к вам.

— Я буду счастлив дать их вам, сэр. Желаете получить полный отчет?

— Вот именно. Не опускайте ни одной подробности, даже малейшей.

Он немного помолчал — вероятно, собирался с мыслями. А затем приступил к рассказу.

— Было совершенно очевидно, — начал он, — что избиратели придают этим дебатам чрезвычайно важное значение. Число собравшихся в ратуше было весьма внушительно. Присутствовали мэр и городской совет, присутствовал весь цвет аристократии Маркет-Снодсбери, равно как и простонародные элементы в матерчатых кепках и свитерах с высоким горлом, которых вообще не следовало пускать в зал.

На это я счел необходимым возразить:

— Не будьте таким снобом, Дживс. Разве можно судить о людях по одежде? Свитер с высоким горлом может стать царственным одеянием, если носить его ради торжества добродетели, и под матерчатой кепкой может биться благородное сердце. Не исключено, что они отличные ребята, если узнать их получше.

— Я предпочел бы их вовсе не знать, сэр. Именно они впоследствии стали кидать яйца, картофель, помидоры и репу.

Тут он был, пожалуй, прав.

— Верно, — согласился я, — у меня это вылетело из головы. Ладно, Дживс, продолжайте.

— В начале собрания прозвучал наш национальный гимн, сполненный учениками и ученицами городской начальной школы.

— Представляю себе, как это было ужасно.

— Тошнотворно, сэр.

— Ну, а потом?

— Мэр произнес краткое вступительное слово, в котором представил публике кандидатов, после чего на трибуну поднялась миссис Мак-Коркадейл. На ней был модный жакет из высококачественного репса поверх плиссированного по бокам платья из травчатого марокена с длинными рукавами и воротником, отделанным…

— Опустим это, Дживс.

— Прошу прощения, сэр. Я полагал, что вам нужны все подробности, вплоть до малейших.

— Только когда они… как это говорится?

— Идут к делу, сэр?

— Вот-вот. Панцирь миссис Мак-Коркадейл оставим в покое. Как ее выступление?

— Весьма впечатляющее, несмотря на изрядное число выкриков с места.

— Ну, это не должно было выбить ее из седла.

— И не выбило, сэр. Она показалась мне дамой с необычайно сильным характером.

— Мне тоже.

— Вы с ней встречались, сэр?

— Мы говорили всего несколько минут, но мне хватило с избытком. Ее речь была пространной?

— Да, сэр. Не угодно ли вам будет прочитать основные тезисы? Я записал оба выступления стенографическим способом.

— Как-нибудь потом.

— В любое удобное для вас время, сэр.

— Как ей аплодировали? Горячо? Или так себе?

— Одна сторона зала — чрезвычайно горячо. Симпатии простонародных элементов распределились между ней и мистером Уиншипом почти поровну. Одни заняли правую половину, другие левую — без сомнения, умышленно. Ее сторонники выкрикивали одобрительные возгласы, приверженцы мистера Уиншипа шикали.

— А речь Медяка, конечно, сопровождали шиканьем уже ее люди?

— Без сомнения, так и было бы, если бы не общая направленность его выступления. Его появление на трибуне было воспринято частью публики довольно враждебно, но едва он начал говорить, как враждебность сменилась восторженным одобрением.

— Оппозиции?

— Да, сэр.

— Странно.

— Да, сэр.

— Не могли бы вы пояснить?

— С удовольствием, сэр. Позвольте мне только свериться с моими записями. Так. Вступительные слова мистера Уиншипа звучали следующим образом: «Дамы и господа, перед вами стоит изменившийся человек». Голос из зала: «Вот и славненько». Голос из зала: «Заткнись, паразит». Голос…

— Может, голоса не стоит, Дживс?

— Хорошо, сэр. Мистер Уиншип затем сказал: «Первым делом я хочу

обратиться вон к тому джентльмену в свитере с высоким горлом, который неоднократно называл мою соперницу глупой старой каргой. Покорнейше прошу его выйти ко мне на трибуну. Я буду счастлив расшибить его мерзкую башку. Миссис Мак-Коркадейл не глупая, не старая и не карга». Голос… простите, сэр, я позабыл. «Миссис Мак-Коркадейл — не глупая, не старая и не карга, — заявил мистер Уиншип, — она женщина высокого ума и выдающихся способностей. Она вызывает у меня глубочайшее восхищение. Выслушав ее сегодня, я полностью изменил мои политические воззрения. Она обратила меня в свою веру, и я намерен в день выборов отдать за нее свой голос. Всех вас призываю сделать то же самое. Спасибо». И сел на место.

— Не может быть, Дживс!

— Все было именно так, сэр.

— Он действительно это сказал?

— Да, сэр.

— Вот почему его помолвка расстроилась.

— Должен сознаться, что это меня не удивляет, сэр.

Я был поражен. Казалось невероятным, что Медяк, сила которого заключалась более в мышцах, нежели в мозгах, сумел додуматься до такого хитроумного плана, спасавшего его из когтей Флоренс и в то же время не вредившего его репутации preux chevalier. Эта уловка характеризовала его как человека необычайно изворотливого, и я стал думать о том, то никогда не знаешь, какие сюрпризы кроются в глубинах человеческой личности, — как вдруг на поверхность пузырьком всплыла очередная моя внезапная догадка.

— Это ведь ваша работа, Дживс?

— Прошу прощения, сэр?

— Это вы надоумили Медяка так поступить?

— Вполне возможно, что на мистера Уиншипа оказали влияние некоторые мои слова, сэр. Он был чрезвычайно удручен своими матримониальными затруднениями и оказал мне честь, обратившись ко мне за советом. Могу допустить, что оброненное мною неосторожное замечание придало его мыслям именно то направление, какое они приняли.

— Проще говоря, он сделал это по вашему наущению?

— Да, сэр.

Я немного помолчал. Хорошо бы он выдумал что-нибудь столь же действенное в отношении меня и М. Бассет, подумалось мне. И еще мне пришло в голову, что случившееся, при всей его благотворности для Медяка, нанесло вред его сторонникам и последователям, равно как и

консервативному движению как таковому.

Я сказал об этом вслух:

— Большая неприятность для тех, кто на него ставил.

— Во всякой жизни есть свое ненастье, сэр.

— А может, оно и к лучшему. Впредь будут держать деньги в старом дубовом комоде и перестанут биться об заклад. Этот день может стать поворотным в их жизни. Одно меня печалит — что Бингли теперь обогатится. Такой куш сорвет — только держись.

— Он сказал мне сегодня, что рассчитывает именно на это.

— Вы с ним виделись?

— Он приходил сюда примерно в пять часов, сэр.

— «Неумолим, жесток и злобен»?

— Напротив, сэр, полон дружелюбия. О прошлом и речи не было. Я напоил его чаем, и мы с полчаса поболтали.

— Странно.

— Да, сэр. Я подумал, не было ли у него какой-либо задней мысли?

— Какой, например?

— Должен сознаться, что мне ничего не приходит в голову. Разве что он питал какую-то надежду выманить у меня клубную книгу, но в это с трудом верится. Чем еще могу быть вам полезен, сэр?

— Вам не терпится вернуться к ушибленной горничной?

— Да, сэр. Когда вы позвонили, я как раз собирался испытать на ней целебное действие разбавленного водой бренди.

Я благословил его на это милосердное дело, а сам сел размышлять. Вы, наверное, подумаете, что мои мысли оказались заняты необычным поведением Бингли. Я имею в виду, что, когда слышишь о странных действиях человека с репутацией отъявленного мошенника, естественно сказать: «Так, так» — и задаться вопросом, что за игру он ведет. Возможно, минуту-другую я действительно об этом думал. Но в голове у меня теснилось столь многое, что Бингли вскоре был выброшен на обочину. Если память мне не изменяет, я как раз пытался, и вновь безуспешно, решить проблему 2), касающуюся возвращения Л. П. Ранклу супницы, когда мои думы были прерваны появлением старой прародительницы.

С одного взгляда на нее мне сделалось ясно, что передо мной тетушка, которая только что отвела душу, как давно не отводила, — и удивляться было нечему. С тех пор, как она продала свою еженедельную газету — ту самую, где я поместил заметку «Что значит хорошо одеваться», — она вела довольно тихую жизнь, достаточно приятную, но лишенную волнующих, неординарных событий. Приключение, каким стало для нее присутствие на

яично-овощном стрельбище, взбодрило ее не хуже, чем неделя на морском курорте.

Она поздоровалась со мной как нельзя более сердечно. Каждый звук, слетавший с ее губ, источал родственную любовь.

— Привет, чудище, — сказала она. — Вернулся, значит.

— Только-только.

— Твоя отлучка по судебным делам пришлась очень некстати. Ты пропустил такое…

— Знаю, Дживс мне уже рассказал.

— У Медяка окончательно поехала крыша.

Располагая сведениями о закулисной стороне событий, я счел своим долгом оспорить это суждение:

— Крыша у него сидит как никогда крепко, престарелая родственница. Его действия продиктованы самым что ни на есть здравым смыслом. Он хотел развязаться с Флоренс, не говоря ей прямо, чтобы она подыскала себе кого-нибудь другого.

— Не болтай чепухи. Он любит ее.

— Уже нет. Он переключился на Магнолию Гленденнон.

— На эту свою секретаршу?

— Да, именно на эту секретаршу.

— Откуда ты знаешь?

— От него самого.

— Ну и ну! Допекли его все-таки командирские замашки Флоренс.

— Да. Я полагаю, это назревало у него исподволь, Дживс бы сказал — подсознательно. Знакомство с Магнолией сделало тайное явным.

— Она, кажется, симпатичная девушка.

— Более чем симпатичная, если верить Медяку.

— Я хочу его поздравить.

— Придется подождать. Они укатили в Лондон.

— Спод и Мадлен тоже уехали. Ранкл вот-вот уедет. Прямо как в средние века — Великое переселение народов, мы в школе проходили. Что ж, чудесно. Скоро Том сможет без опаски вернуться в родное гнездо. Есть, конечно, еще Флоренс, но, думаю, она тут не засидится. Чаша моя преисполнена, юный мой Берти. Мне очень тяжко без Тома. Когда он тут не околачивается, дом перестает быть домом. Почему ты так на меня пялишься? Прямо палтус на рыбном прилавке.

Я не знал, что имею какое-либо сходство с упомянутой ею рыбой; однако мой взгляд, несомненно, был в ту минуту пытливей, чем обычно, ибо начало ее тирады всколыхнуло мою душу до самых глубин.

— Вы сказали, — не проговорил, а, скорее, даже выкрикнул я, — что Спод и Мадлен Бассет уехали в Лондон?

— Полчаса назад.

— Вместе?

— Да, в его машине.

— Но Спод сказал мне, что она дала ему отставку.

— Дала, но потом они опять поладили. Он уже не хочет отказываться от титула и баллотироваться в парламент. Из-за фонаря под глазом планы его полностью изменились. Он решил, что если ради избрания в палату общин надо будет пройти через такое испытание, то лучше не рисковать и держаться палаты лордов. А Мадлен, убедившись, что он окончательно взялся за ум и она запросто может сделаться леди Сидкап, перестала воротить от него нос. Ты отдуваешься, как твой дядя Том, когда он слишком быстро поднимается по лестнице. Что с тобой, скажи на милость?

Я, собственно, не отдувался, а просто дышал полной грудью и ничем не напоминал дядю Тома, поднимающегося по лестнице; но, видимо, для тетушки нет большой разницы между племянником, дышащим полной грудью, и племянником отдувающимся, и в любом случае я не был настроен обсуждать эту тему.

— А вы случайно не знаете, кто бросил эту картофелину? — спросил я.

— Ту, что угодила в Спода? Не знаю. Она словно из космоса прилетела. А что?

— А то, что если бы я знал, кто этот человек, я бы отправил по его адресу верблюдов с грузом обезьян, слоновой кости и павлинов. Он спас меня от участи, в сравнении с которой смерть — сущая безделица. От бедствия, имя которому — женитьба на Бассет.

— Она что, собиралась за тебя замуж?

— Так утверждал Спод.

В глазах прародительницы я прочел уважение, доходящее до благоговейного ужаса.

— Как ты был прав, — проговорила она, — сказав мне однажды, что твоя счастливая звезда никогда не подводит. Бессчетное число раз мне казалось, что тебе прямая дорога к алтарю и нет надежды на спасение, но всегда что-то такое случалось, и ты ухитрялся выкрутиться. Мистика, да и только.

Было ясно, что она не прочь развить тему. Она начала уже петь дифирамбы моему ангелу-хранителю, который, по ее словам, знал свое дело туго, но тут явился Сеппингс с вопросом, не найдется ли у нее

минутка для беседы с Дживсом, и она отправилась с ним беседовать.

Только я уселся с ногами в шезлонг и предался радостным мыслям о поразительном везении, устранившем из моей жизни бассетовскую угрозу, как вдруг в разгаре того, что французы называют bien etre,[88] меня словно обухом по голове ударило: вошел Л. П. Ранкл, самый вид которого в тех обстоятельствах «кровь обдал стужей и каждый волос водрузил стоймя, как иглы на взъяренном дикобразе»,[89] выражаясь словами Дживса.

Хоть я совершенно не был рад видеть Ранкла, он, казалось, был очень даже рад видеть меня.

— А, вот вы где, — проговорил он. — А мне сказали, вы дали деру. Что ж, разумно с вашей стороны было вернуться. Какой смысл ударяться в бега? От полиции бегать бесполезно, все равно ведь поймают, вы бы только себе сделали хуже.

С холодным достоинством я сказал, что ездил в Лондон по делу. Он пропустил мои слова мимо ушей. Он пялился на меня, уподобляясь тому самому палтусу, с которым прародительница сравнила меня в нашем последнем разговоре.

— Самое странное, — промолвил он, не переставая рассматривать меня в упор, — что вы не выглядите как преступник. У вас глупое, бессмысленное лицо, но все-таки не уголовная рожа. Вы напоминаете мне кавалеров служанок в опереттах.

Так-так, сказал я себе, уже лучше. Спод сравнил меня с участником массовки. А вот по мнению Л. П. Ранкла, я все-таки один из главных персонажей. Чем не прогресс?

— В вашем деле это, видимо, хорошее подспорье. Такое лицо внушает людям ложное чувство безопасности. Они не ждут подвоха от человека с вашей внешностью, и вдруг — бац! Кто зонтика недосчитался, кто фотоаппарата. Нет сомнений, что именно этим объясняются ваши успехи. Но вы ведь знаете старую пословицу про кувшин, который повадился ходить по воду. Пришло время расплаты. Пришло время…

Он замолчал, но не потому, что истощил запас своих оскорбительных замечаний, а потому, что к нам подошла Флоренс, и его внимание тут же привлек ее вид. Этот вид был далеко не изысканным. Сразу стало ясно, что в недавней битве она побывала на переднем крае, ибо, если у Медяка яйцом были вымазаны только волосы, она была, так сказать, вся яичная. Она явно угодила там под перекрестный огонь. На политических собраниях из числа более кипучих это всецело вопрос удачи. Один уносит ноги чистеньким, другой превращается в ходячий омлет.

Человек более тактичный, чем Л. П. Ранкл, притворился бы, что ничего не заметил, но ему, похоже, никогда в жизни еще не приходило в голову притвориться, будто он чего-то не заметил.

— Здравствуйте! — сказал он. — А знаете, вы вся в яйце. Флоренс раздраженно ответила, что она и без него это знает.

— Вы бы переоделись.

— Я собираюсь это сделать. Прошу прощения, мистер Ранкл, я бы хотела побеседовать с мистером Вустером наедине.

По-моему, у Ранкла чуть не сорвалось с языка: «О чем?», но, встретившись с ней взглядом, он счел за лучшее промолчать. Он вывалился из комнаты, а она приступила к беседе, ради которой пришла.

Лишних слов она не тратила. Никакого «бе-ме», бывшего столь яркой отличительной чертой ораторского стиля Медяка. Даже Демосфен не сумел бы так быстро взять быка за рога — хотя справедливости ради мы должны сделать ему скидку, ведь ему приходилось говорить по-древнегречески.

— Как я рада, что разыскала вас, Берти.

Учтивое «О, правда?» было единственным ответом, какой я мог придумать.

— Я тут размышляла обо всем и наконец решилась. Гарольд Уиншип — ничтожество, я больше не имею с ним ничего общего. Теперь я вижу, какую ошибку я сделала, разорвав помолвку с вами. У вас есть свои недостатки, но их легко исправить. Я намерена выйти за вас замуж и убеждена, что мы будем счастливы.

— Придется малость повременить, — сказал Л. П. Ранкл, вновь представший перед нами. Я только что сказал, что он вывалился из комнаты, но человек подобного сорта никогда не вываливается далеко, если есть надежда подслушать чужой приватный разговор. — Сперва ему придется отсидеть немалый срок в тюрьме.

При его новом появлении Флоренс посуровела. Теперь она посуровела еще больше, выражением лица напомнив мне старую прародительницу, входящую в роль великосветской дамы.

— Мистер Ранкл!

— Я за него.

— Я полагала, что вы ушли.

— Вы ошиблись.

— Как вы смеете подслушивать личные разговоры?

— Только такие разговоры и стоит подслушивать. Немалой частью моего крупного состояния я обязан подслушиванию личных разговоров.

— Что это за чушь насчет тюрьмы?

— Никакая не чушь, и Вустер скоро в этом убедится. Он украл у меня серебряную супницу, ценную вещь, которая обошлась мне в девять тысяч фунтов, и с минуты на минуту я жду человека, который предоставит улики, необходимые для задержания. Дело бесспорное, ясное, как Божий день.

— Это правда, Берти? — спросила Флоренс прокурорским тоном, который я помнил весьма живо, и я мог ответить только:

— Видите ли… я… мм… как вам сказать…

Но такому прилежному ангелу-хранителю, как мой, этого оказалось достаточно. Флоренс мигом вынесла вердикт.

— Я не пойду за вас замуж, — сказала она и с высоко поднятой головой отправилась чистить перышки от белков и желтков.

— Весьма разумно с ее стороны, — заметил Л. П. Ранкл. — Только так, и никак иначе. Субъект вроде вас, который все время то на воле, то в тюрьме, не в состоянии быть хорошим мужем. Какие, скажите на милость, у жены могут быть планы… какие званые ужины, поездки на выходные, рождественские развлечения для детей и прочее, и прочее, о чем должна заботиться женщина… когда она живет в неизвестности: того и гляди позвонит телефон, и глава семейства сообщит, что его опять загребли и не выпускают под залог?.. Да? — вдруг сказал Ранкл, и я увидел, что на горизонте возник Сеппингс.

— Вас желает видеть некий мистер Бингли, сэр.

— Да-да, я как раз его поджидаю.

Он убрался, и едва он перестал отравлять атмосферу, как ворвалась старая прародительница.

Под ней словно горел пол — так она была возбуждена, на тяжело дышала, и ее лицо приобрело симпатичный розовато-лиловый оттенок, как всегда бывает, когда на душе у нее неспокойно.

— Берти! — грохнула она. — Когда ты вчера уезжал, ты не забыл запереть дверь спальни?

— Конечно, не забыл.

— Так вот, Дживс говорит, она сейчас открыта.

— Не может быть.

— И тем не менее. Он считает, что Ранкл или какой-нибудь его приспешник отпер дверь отмычкой. Да не кричи ты так, чтоб тебя.

Я мог бы возразить ей, что от человека, которому вдруг все стало ясно, ничего иного и ждать нельзя, но я был слишком поглощен тем, что мне стало ясно, чтобы отвлекаться на обсуждение характеристик моего голоса. Жуткая правда поразила меня аккурат меж глаз, как будто она была яйцом или репой, пущенной меткой рукой одного из маркет-снодсберийских

избирателей.

— Бингли! — воскликнул я.

— И не завывай.

— Да не завываю я, просто я воскликнул или, если хотите, возгласил: «Бингли!» Помните Бингли — субъекта, который стащил клубную книгу, вы еще хотели взять его за жабры, как селедку? Родственница моя престарелая, мы влипли с вами по уши. Бингли — тот самый приспешник Ранкла, о котором вы упомянули. Дживс сказал, что он заходил сегодня на чай. Так чего проще — выпил чашечку, потом прокрался наверх и обшарил мою комнату. Он был в свое время личным слугой Ранкла, и Ранкл, естественно, обратился именно к нему, когда ему понадобился подручный. Да, меня не удивляет, что вы вне себя, — добавил я, ибо она запустила в небо одно из тех ядреных односложных словечек, которые столь часто слетали с ее губ в славные времена псовой охоты. — И я вам еще кое-что скажу, чтобы рассеять ваши последние сомнения, если они еще не рассеялись. Он только что заявился опять, и Ранкл пошел с ним совещаться. О чем, по-вашему, они совещаются? Угадайте с трех раз.

Охотничьи общества отлично школят своих дочерей. Она не хлопнулась в обморок, как могла бы другая тетка на ее месте; она всего-навсего повторила это односложное словцо, на сей раз потише, я бы сказал — раздумчиво, как аристократка времен Великой французской революции при известии о том, что телега до места казни подана.

— Кончен бал, — произнесла она именно те слова, какие могла бы вымолвить (естественно, по-французски) упомянутая аристократка.

— Мне придется сознаться, что я взяла эту чертову супницу.

— Нет, не надо!

— А что еще мне остается? Не могу же я допустить, чтобы тебя засадили в кутузку.

— Пусть засадят.

— Нет, не пусть. Я знаю, что я не ангел, но…

— Нет, нет.

— Да, да. Мне хорошо известно, что мой духовный облик не идеален, что в нем есть изъяны, которые следовало выправить еще в пансионе для благородных девиц, но допускать, чтобы мой племянник отбывал срок за кражу супницы, которую украла я, — это уж слишком. Этому не бывать.

Я понимал, конечно, к чему она клонит. Noblesse oblige,[90] и все такое прочее. Очень похвально. Но у меня был в запасе действенный довод, и я не преминул пустить его в ход.

— Погодите, старая прародительница. В этом деле есть еще одна

сторона. Если будет… забыл слово… обнародовано, что я тут сбоку припеку, что я чист как стеклышко, то моя помолвка с Флоренс опять вступит в силу.

— Твоя — что, твоя — с кем? — спросила тетушка не вполне грамотно, но я простил это ей. — Ты хочешь сказать, что вы с Флоренс…

— Она сделала мне предложение десять минут назад, и мне пришлось его принять, потому что рыцарь должен вести себя по-рыцарски, но потом, когда встрял этот Ранкл и обрисовал ей невыгоды брака с человеком, которому вскоре предстоит шить мешки для почты в тюрьме Уормвуд Скрабз, она пошла на попятный.

Родственница была озадачена, словно напоролась на трудный вопрос в кроссворде из «Обсервера».

— Отчего из-за тебя так девицы млеют — понять не могу. Го Мадлен Бассет, теперь Флоренс, а сколько еще их было раньше. Магнетический ты какой-то.

— Иных объяснений, пожалуй, не найти, — согласился Так или иначе, дело-то вот в чем. Стоит пустить слушок, что на моей репутации нет ни пятнышка, — и прощай, надежда. Тут же настропалят епископа, нагонят пасторов и подружек невесты, органист примется репетировать «Глас, прозвучавший над Эдемом», и в понурой фигуре, уныло плетущейся к алтарю, вы узнаете Бертрама Уилберфорса Вустера. Умоляю вас, ближайшая моя родственница, не вмешивайтесь — и пусть свершится правосудие. Если выбирать между пожизненной отсидкой под башмаком у Флоренс и парой-тройкой мешков для почты, давайте мне мешки и еще раз мешки.

Она понимающе кивнула и сказала, что моя мысль ей ясна.

— Еще бы она не была ясна.

— В твоих словах есть резон. — Она призадумалась. — Впрочем, до мешков-то вряд ли дойдет. Я почти с уверенностью могу предсказать ход событий. Ранкл предложит спустить все на тормозах, если я отдам ему Анатоля.

— Боже мой!

— Вот именно, что Боже мой. Ты знаешь, что такое Анатоль для Тома.

Ей не было нужды продолжать. Дядюшка Том сочетав! неистовую любовь к пище с чрезвычайно капризной пищеварительной системой, и среди всех поваров мира один лишь Анатоль может нагрузить его под завязку, не рискуя спровоцировать его желудочные соки на бесчинства и беспорядки.

— Но разве Анатоль пойдет к Ранклу?

— Он к любому пойдет, кто хорошо будет платить.

— Никакой, значит, вассальной верности?

— Ровно никакой. У него чисто практический взгляд нг вещи. Чего ты хочешь — француз.

— Как же он до сих пор от вас не ушел? У него, наверное, была масса предложений.

— Я всякий раз предлагала ему больше. Если бы это был просто вопрос денег, волноваться было бы нечего.

— Если дядюшка Том вернется и обнаружит блистательное отсутствие Анатоля, это будет ужас, да?

— Даже думать об этом не хочу.

Но думать, увы, пришлось. И ей, и мне. Так мы сидели вдвоем и думали, пока наши размышления не прервал приход Л. П. Ранкла: он ввалился и уставился на нас, выкатив глаза.

Будь он костлявей, я не колеблясь сказал бы, что именно так выглядят вестники рока, но даже и при такой громоздкой комплекции, указывающей на необходимость пройти курс лечебного голодания, он едва не вызвал в моих внутренностях полный переворот, словно кто-то энергично пошуровал в них мутовкой. Он заговорил внушительным тоном. У людей, создающих промышленные империи, голос бывает, по выражению Дживса, полнозвучный. Они развивают голосовые связки, командуя собраниями строптивых акционеров. Начавши словами: «А, вот вы где, миссис Траверс», — он не преминул перейти к сути дела, и рупор его загремел полнозвучней некуда. Сказал он, насколько помню, следующее:

— Я очень хотел вас увидеть, миссис Траверс. В предыдущем разговоре я, как вы помните, со всей убежденностью заявил, что ваш племянник мистер Вустер похитил серебряную супницу, которую я привез с намерением продать вашему супругу, о чьем отсутствии я чрезвычайно сожалею. То, что это не пустое подозрение, теперь полностью подтвердилось. У меня есть свидетель, готовый показать в суде под присягой, что он нашел эту супницу в спальне мистера Вустера в верхнем ящике комода, неумело прикрытую носками и носовыми платками.

На собрании акционеров он бы тут припомнил один забавный случай, про который, возможно, не все из присутствующих слышали; однако в частном разговоре он счел это излишним. И продолжал со всей полнозвучностью:

— Как только я сообщу об этом в полицию и ознакомлю ее с имеющимися в моем распоряжении уликами, арест Вустера последует автоматически, и строгий приговор станет неизбежен.

В том, что он говорил, приятного было крайне мало, но приходилось признать, что он осветил суть дела, как заправский прожектор. Готовьте камеру, тюремщики, сказал я себе. Скоро вы меня увидите.

— Таково положение вещей. Но я человек не мстительный и готов использовать любую возможность, чтобы не причинить неприятностей хозяйке, приложившей немалые старания к тому, чтобы сделать мое пребывание здесь приятным.

На этом месте он облизнулся, и у меня не было сомнений в том, что он вспомнил вкус одного из коронных блюд Анатоля И как раз на Анатоля он теперь и переключился.

— Находясь здесь на правах вашего гостя, я не мог не восхититься мастерством и талантом вашего повара. Я готов не выдвигать обвинений против мистера Вустера, если вы позволите этому даровитому человеку от вас перейти на службу ко мне.

Прародительница огласила комнату фырканьем — одним из роскошнейших его образчиков. Можно, пожалуй, сказать — полнозвучным фырканьем. Пустив ему вдогонку междометие «Ха!», она повернулась ко мне и сделала рукой размашистый жест.

— Я же тебе говорила, Берти! Ведь права я была! Я же говорила, что этот плод внебрачного сожительства примется меня шантажировать!

С такой жировой прослойкой Л.П. Ранклу, конечно, трудно было окаменеть от этого оскорбления, и все же, насколько смог, он окаменел. Словно кто-то из акционеров на собрании высказался нежелательным образом.

— Шантажировать?

— Да, вы верно расслышали.

— Это не шантаж. Ничего подобного.

— Он совершенно прав, мадам, — сказал Дживс, явившись словно бы ниоткуда. Я готов поклясться, что полсекунды назад его еще тут не было. — Шантаж — это вымогательство денег. А мистер Ранкл вымогает всего-навсего повара.

— Вот именно. Это чисто деловая операция, — сказал Ранкл, который явно счел Дживса арбитром не хуже Соломона.

— Дело обстояло бы совсем иначе, — продолжал Дживс, — если бы кто-нибудь захотел получить с него деньги, угрожая предать гласности тот факт, что в Америке он отбыл тюремное заключение за подкуп присяжного в судебной тяжбе, которую он вел.

У Л. П. Ранкла вырвался крик — такой же примерно, как у кота Гаса, когда на него упал пакет с кошачьей едой. Он пошатнулся, и его лицо,

наверное, сделалось бы бледным, как полотно, не будь его кровяное давление таким, что лицу надо было бы приложить сверхусилия, чтобы сделаться бледным, как полотно. Максимум, чего оно смогло достичь, — это стать, как сказала бы Флоренс, землистым.

Прародительница, напротив, ожила, как цветик под влагой из лейки. Не то чтобы она была очень уж похожа на цветик, но вы меня понимаете.

— Что?! — воскликнула она.

— Да, мадам, все эти подробности содержатся в клубной кНиге. Бингли обрисовал их вполне исчерпывающе. В то время он придерживался крайне левых взглядов и, мне думается, получил немалое удовлетворение, занося на бумагу сведения, порочащие такого богача, как мистер Ранкл. С таким же смаком он пишет о том, как мистер Ранкл, имея все основания опасаться нового срока (на сей раз за мошенничество с недвижимостью), махнул рукой на деньги, которые он внес как залог своей явки в суд, и выехал из страны.

— Бежал от правосудия?

— Совершенно верно. Наклеил фальшивую бороду и пересек канадскую границу.

Прародительница испустила глубочайший вздох. Если ее глаза в тот миг не были похожи на две звезды, то я уж и не знаю, что на них похоже. Не будь ее последние танцевальные опыты достоянием столь давнего прошлого, она, наверное, прошлась бы по комнате в залихватской чечетке. Ее нижние конечности дергались так, словно ей стоило больших усилий усидеть на месте.

— Так, — сказала она. — Интересная будет новость для тех, кто заведует рыцарскими титулами. «Ранкл оказался рецидивистом? — спросят они. — Хороши бы мы были, если бы присвоили ему титул. Ребята из оппозиции штаны бы с нас спустили». Вчера мы обсуждали с вами, Ранкл, вопрос о деньгах, которые вы давным-давно должны были отдать Таппи Глоссопу. Пройдемте ко мне в будуар и покалякаем об этом еще разок.

17

На следующий день с раннего утра стояла ясная погода — точнее говоря, можно предположить, что она стояла с раннего утра, ибо я проснулся много позже. Когда я наконец продрал глаза, солнце сияло вовсю, природа ласково улыбалась, и Дживс был тут как тут с завтраком на подносе. Кот Гас, который почивал поблизости на кресле, пошевелился,

открыл один глаз и совершил дальний прыжок из положения сидя прямо ко мне на кровать, не желая, видимо, оставаться в стороне от событий.

— Доброе утро, Дживс.

— Доброе утро, сэр.

— Погода как будто ничего.

— На редкость теплая, сэр.

— Улитка в поднебесье, синичка на листе[91] — или наоборот? Не помню точно, как вы говорите в подобных случаях Судя по запаху, вы принесли селедку.

— Да, сэр.

— Выделите Гасу его долю. Селедку он предпочитает есть из мыльницы, а блюдце лучше оставить для молока.

— Слушаюсь, сэр.

Усевшись в кровати, я утопил спину в подушках. Я ощущал глубочайшую умиротворенность.

— Дживс, — сказал я, — я ощущаю глубочайшую умиротворенность. Помните, я сказал вам несколько дней назад, что у меня острый приступ эйфории?

— Да, сэр. Ваши слова вспоминаются мне очень ясно. Вы сказали, что вы на седьмом небе, и радуга висит у вас через плечо.

— Нынешним утром дело обстоит сходным образом. Мне кажется, вчера вечером все вышло как нельзя лучше. А вам?

— Да, сэр.

— Вашими усилиями.

— Мне очень приятно слышать это от вас, сэр.

— Надо полагать, прародительница достигла удовлетворительного соглашения с Ранклом?

— В высшей степени удовлетворительного, сэр. Мадам только что известила меня, что мистер Ранкл был чрезвычайно сговорчив.

— И Таппи с Анджелой могут пойти, как говорится, под венец?

— Как я понял со слов мадам, они сделают это очень скоро.

— А Медяк и М. Гленденнон, может быть, в эту самую минуту заключают брак в регистрационном бюро.

— Может быть, сэр.

— А Споду засветили в глаз картошкой и, надеюсь, больно засветили. Короче говоря, со всех сторон сквозь тернии продираются счастливые концовки. Жаль только, Бингли здравствует, как что-то там вечнозеленое, но нельзя требовать от жизни всего.

— Нельзя, сэр. Medio de fonte leporum surgit amari aliquid in ipsis

floribus angat.

— Не могу сказать, что хорошо понял вас, Дживс.

— Я процитировал римского поэта Лукреция, сэр. Примерный перевод таков: «Из глубины этого источника радости вздымается горечь и душит ее даже среди цветов».

— Кто, вы говорите, это написал?

— Лукреций, сэр. Годы жизни с 99-го по 55-й до нашей эры.

— Угрюмый субъект.

— Его взгляд на мир был несколько мрачноват, сэр.

— И все же, если отвлечься от Бингли, можно сказать, что радость владычествует безраздельно.

— Очень колоритно сказано, сэр.

— Я это не сам придумал. Прочел где-то. Да, я считаю, мы можем утверждать, что все на свете более или менее ладненько. За одним исключением, Дживс, — сказал я более серьезным тоном, подкладывая Гасу селедки. — В бочке меда имеется ложка дегтя. Это расхожее выражение означает… не знаю точно, что оно означает. Видимо, имеется в виду ситуация, не внушающая особого оптимизма; но чем именно, позвольте спросить, мешает нам эта ложка дегтя? Какой от нее вред? И что такое вообще деготь? Однако вы, конечно, понимаете, к чему я клоню. Клубная книга по-прежнему существует. И это рождает тревогу, которая умеряет мой восторг. Мы видели, что она до отказа начинена взрывчаткой, и нам известно, как легко она может попасть в руки темных сил. Кто может поручиться, что какой-нибудь новый Бингли не выкрадет ее из кабинета секретаря? Я понимаю, что сжечь эту проклятую летопись вы не согласитесь, но не могли бы вы хотя бы уничтожить восемнадцать страниц, на которых фигурирую я?

— Я уже сделал это, сэр.

Я дернулся, как форель за мушкой, — к большому неудовольствию Гаса, который улегся спать на моем солнечном сплетении. Я почти лишился дара речи, но, спустя некоторое время, все же сумел вымолвить три слова:

— Тысяча благодарностей, Дживс.

— К вашим услугам, сэр.

Тетки — не джентльмены

Перевод с английского Н. Васильевой
Редактор И. Бернштейн

1

Я пел в ванне, помнится, это была ария тореадора из оперы «Кармен», и вдруг смотрю, у меня на груди пятнышки, такие розовые, как первый проблеск зари. Я разглядывал их с беспокойством, хотя вообще-то я не из тех, кто поднимает панику по пустякам, но я решительно не согласен быть пятнистым, наподобие пардуса, как выражается Дживс, а пардус — это, кажется, такая собака на букву «л».

— Дживс, — сказал я за завтраком, — у меня на груди появились пятнышки.

— Вот как, сэр?

— Розовые.

— В самом деле, сэр?

— Мне они не нравятся.

— Вполне понятная неприязнь, сэр. Позвольте спросить, они зудят?

— Вроде бы да.

— Я бы не рекомендовал их чесать.

— Тут я не согласен. Против пятнышек надо применять решительные меры. Вспомните, что сказал поэт.

— Сэр?

— Поэт Огден Нэш. Он написал стихи в защиту привычки чесаться. Кто такая Барбара Фритчи, Дживс?

— Это леди, сэр, которая стяжала себе известность во время войны между Севером и Югом в Америке.

— Женщина с сильным характером? И ей можно полностью доверять?

— Насколько мне известно, да, сэр.

— Так вот что написал поэт Нэш. «Барбару Фритчи воспеть я готов — любила старушка в бою потешиться: со знаменем шла на врагов и не боялась чесать, где чешется». Но я не ограничусь чесанием. Я обращусь к услугам опытного медицинского специалиста.

— Весьма благоразумное решение, сэр.

Трудность заключалась в том, что, если не считать кори, перенесенной в младенчестве, я никогда ничем не болел и знакомых врачей у меня не было. Но тут я вспомнил, что мой американский приятель, Типтон Плимсол, с которым мы обедали накануне вечером по случаю его помолвки с Вероникой, единственной дочерью полковника и леди Гермион Ведж из замка Бландингс, что в Шропшире, упомянул как-то в разговоре одного врача, который ему здорово помог. Я решил позвонить Типтону и узнать фамилию и адрес.

Типтон долго не брал трубку, а когда наконец ответил, то принялся возмущаться, что его разбудили ни свет ни заря. Но потом, когда он излил мне душу, я переменил тему и, в свою очередь, тоже излил ему душу, и тут он проявил участие и с готовностью сообщил мне необходимые сведения. Все разузнав, я вернулся к Дживсу.

— Я поговорил с мистером Плимсолом, Дживс, и теперь все ясно. Он настоятельно рекомендует, не теряя времени, обратиться к медику Э. Джимпсону Мергэтройду. По его словам, если мне требуется врач-весельчак, который, тыча в ребра стетоскопом, расскажет сначала анекдот о двух ирландцах по имени Пэт и Майк, а потом о двух шотландцах по имени Майк и Сэнди, то в таком случае Э. Джимпсон мне не подходит. Если же я ищу врача, который знает, как лечить пятнышки, то, бесспорно, именно он мне и нужен, он их изучил вдоль и поперек и лечит их с детских лет. С Типтоном, оказывается, недавно приключилась такая же беда, и Мергэтройд в два счета вернул его к жизни. Так что пока я переодеваюсь в более импозантные одежки, пожалуйста, свяжитесь с ним и узнайте, когда он сможет меня принять.

Едва я скинул свитер и фланелевые брюки, в которых завтракал, как Дживс сообщил мне, что Э. Джимпсон ждет меня в одиннадцать. Я поблагодарил его и попросил позвонить в гараж, чтобы мне подогнали машину без четверти одиннадцать.

— Немного раньше, сэр, если мне позволительно предложить, — сказал Дживс. — По причине пробок на дороге. Не лучше ли взять такси?

— Нет, и вот почему. Я намерен после визита к врачу съездить в Брайтон и глотнуть морского воздуха. Вряд ли заторы будут хуже, чем обычно.

— Боюсь, что хуже, сэр. Сегодня утром проводится демонстрация протеста.

— Как, опять? Ей-богу, такое впечатление, что их устраивают теперь каждый час, правда?

— Безусловно, сэр, редкими их не назовешь.

— Не знаете, против чего протестуют сегодня?

— Затрудняюсь ответить, сэр. Может быть против чего угодно. Народ недоверчив и склонен роптать, и, как повелось, вечно власть проклинать.

— Поэт Нэш?

— Нет, сэр, поэт Геррик.

— Звучит довольно язвительно.

— Да, сэр.

— Интересно, чем его так допекли. Наверное, оштрафовали на пять фунтов за то, что не прочистил трубу у себя на крыше.

— Я не располагаю сведениями на этот счет, сэр. Спустя несколько минут я уже сидел в своем спортивном автомобиле, направляясь на условленную встречу с Э. Джимпсоном Мергэтройдом, и на душе у меня было до странности легко и весело для человека, у которого на груди высыпали пятнышки. Утро было великолепным, я быстро катил вперед. Еще немного, и кажется, запел бы от избытка чувств. Но вскоре мой автомобиль поравнялся с толпой демонстрантов и застрял. Я откинулся на спинку сиденья и стал благодушно наблюдать за происходящим.

2

Не знаю, против чего именно публика протестовала, но явно против чего-то, что ее сильно задевало за живое. К тому времени, когда я оказался среди демонстрантов, многие из них уже решили перейти от зверских воплей к языку бутылок и камней, и полицейским, которые там присутствовали в изрядном количестве, это, похоже, не особенно нравилось. Вот уж кому не позавидуешь в подобных ситуациях, так это полицейскому. Каждый, у кого есть бутылка, может преспокойно запустить ею в него, но только попробуй он швырнуть ее обратно, и назавтра же все газеты поднимут вой про зверства полиции.

Однако терпение даже самого кроткого полицейского не безгранично, и мне показалось, — а я в таких делах имею опыт, — что еще мгновение, и глубины ада содрогнутся. Хоть бы никто не поцарапал мне машину.

Смотрю, оказывается, к моему удивлению, во главе демонстрантов идет девушка, с которой я знаком. Я даже когда-то делал ей предложение. Ее звали Ванесса Кук, мы познакомились на вечеринке с коктейлями, и она была так ослепительно прекрасна, что не прошло и двух минут после того, как я принес ей мартини и порцию маленьких сосисок на шпажках, как я уже сказал себе: «Смотри, Бертрам, дело стоящее. Вперед!» И по

истечении положенного срока я предложил ей слияние фирм. Однако я был не в ее вкусе, и ничего из этого не вышло.

Естественно, в то время сердце Вустера было разбито, но теперь, оглядываясь в прошлое, я вижу, что мой ангел-хранитель знал, что делал: он заботился о моем благе. Ослепительная красота — это, конечно, замечательно, но не в ней одной суть. Представляете, какая семейная жизнь ждала бы меня с этой юной красавицей? Она бы с утра до вечера ходила на демонстрации, а я должен был бы ее сопровождать и бросать бутылки в полицейских. Странно подумать, во что бы я влип, будь я хоть немножко привлекательнее. Этот случай послужил мне хорошим уроком: никогда не теряй веру в своего ангела-хранителя, поскольку они, эти самые ангелы-хранители, совсем не дураки. Рядом с Ванессой Кук топал здоровенный верзила без шляпы, и он тоже оказался мне знаком. Это был О.Дж. (Ор-ло) Портер. В Оксфорде мы жили на одной лестнице, здоровались, встречаясь в подъезде, да иногда одалживали друг у друга чашку сахара, только и всего. Нас никогда не связывала дружба, поскольку Орло был заметной фигурой в профсоюзе, где, по слухам, выступал с пламенными, очень крайне левыми речами, а я отношусь к тому типу людей, которым нравится просто жить в свое удовольствие.

И отдыхали мы тоже по-разному: Орло уединялся с биноклем и наблюдал птичьи повадки, а меня подобное занятие совершенно не увлекало. Не понимаю, какой в нем толк? Встретив птицу, я дружески машу ей рукой в знак того, что не желаю ей худого, но прятаться в кустах и подглядывать за птицами — это увольте. Так что, повторяю, Орло Портер не входил в число моих приятелей. Атак-то мы ладили и порой встречались даже и по окончании университета.

В Оксфорде Орло Портеру предсказывали бурное политическое будущее, но до сих пор оно еще не состоялось, и пока что он служил в Страховой компании Лондона и близлежащих графств, зарабатывая на хлеб насущный тем, что уговаривал несчастных простаков— и меня в том числе— выложить за страховку более значительную сумму, чем входило в их намерение. Из оратора, насобачившегося произносить пламенные, очень крайне левые речи, естественно, получается отличный страховой агент — он всегда найдет mot juste,[92] и словарь у него богатый. Вот и я, как говорится, оказался жертвой его красноречия.

Швыряние бутылками достигло наивысшего накала, я уже не на шутку опасался царапин на боках моего авто, как вдруг случилось нечто, изменившее направление моих мыслей. Дверца автомобиля отворилась, и то, что в газетах называют упитанным мужским телом, плюхнулось на

сиденье рядом со мной. Не скрою, я испытал некоторый испуг: мы, Вустеры, не привыкли к такого рода происшествиям прямо после завтрака. Я уже открыл было рот спросить, чему обязан честью этого визита, но тут узнал в моем госте Орло Портера собственной персоной. Оказалось, что после того, как передовые части демонстрантов прошли, он что-то такое сказал или сделал, на что лондонские полицейские уже никак не смогли закрыть глаза, и ему ничего не оставалось, как уносить ноги. Он был похож на загнанную лань, которая страстно желает к прохладным потокам.[93]

Прохладных потоков посреди большого города, конечно, не найти, но у меня имелось кое-что для поднятия его боевого духа. Я указал ему на шарф клуба «Трутней», лежавший на сиденье, и при этом же протянул свою шляпу. Он задрапировался, и это оказалось как раз кстати: к нам заглянули полицейские, но они искали человека без шляпы, а на голове Орло со всей очевидностью красовалась шляпа, и полицейские прошли мимо. Правда, я остался без шляпы, но одного взгляда на меня было достаточно, чтобы понять, что такой блестящий щеголь никак не может быть тем подозрительным лицом, которого они ищут. А через несколько минут и толпа рассеялась.

— Жми, Вустер, — скомандовал Орло. — Поторапливайся, черт тебя подери.

В его голосе звучало раздражение. Я вспомнил, что он всегда был раздражительным, и можно его понять: человек собирался будоражить Палату Общин пламенными речами, а вместо этого приходится влачить существование под именем Орло, да еще торговать на вынос страховыми полисами. Так что я не стал затаивать на него обиду, если я правильно выражаюсь, а сделал поправку на его душевное состояние и нажал на газ. Орло сказал «У-уф» и вытер пот со лба.

Я не знал, как мне себя вести. Орло все еще отдувался, будто загнанная лань, но некоторые, когда дышат, будто лани, любят сразу же выложить, в чем дело, а другие, наоборот, тактично помалкивают. Я решил рискнуть:

— Небольшое затруднение? — спросил я.

— Да.

— Бывает, когда участвуешь в демонстрациях. Что случилось?

— Я врезал полицейскому.

Теперь понятно, почему он немного взволнован. Врезать полицейскому если и можно, то осторожно, и чем реже, тем лучше. Я стал допытываться дальше:

— Была какая-то особая причина? Или просто так вдруг взбрело в

голову?

Орло слегка заскрежетал зубами. Он рыжий, а мой опыт общения с рыжими подсказывает, что в острые моменты у них всегда подскакивает кровяное давление. Вспомните, как обошлась с Марией Шотландской рыжая Елизавета Первая.

— Он попытался арестовать женщину, которую я люблю.

Тут я его тоже понимаю. Я мог бы назвать немало женщин, которых я любил, правда, не подолгу, но если бы у меня на глазах какую-нибудь из них сцапала полиция, мне бы это было крайне неприятно.

— А что она натворила?

— Она вместе со мной шла во главе демонстрации и громко кричала, что естественно для девушки с горячим нравом, если разволнуют ее благородные чувства. Полицейский велел ей замолчать. Она ему ответила, что живет в свободной стране и имеет право кричать, сколько хочет. Он сказал, что она не имеет права кричать то, что она кричит. Она обозвала его казаком и ударила. Тогда он ее арестовал, и я ему врезал.

Мне стало мучительно жаль побитого полицейского. Как я уже говорил, Орло — парень в теле, да и Ванесса — девица рослая и крепкая, даст поддых — не поздоровится. Полицейский, пострадавший от этой парочки, с полным основанием мог считаться раненным в сражении.

Однако сейчас другое занимало мои мысли. Слова «она вместе со мной шла во главе демонстрации» заставили меня вздрогнуть. В сочетании с предыдущей фразой «женщина, которую я люблю», они могли означать лишь одно.

— Боже Праведный, — произнес я, — Ванесса Кук и есть та женщина, которую ты любишь?

— Да, это она.

— Славная девушка, — кивнул я, поскольку немного лести никогда не повредит. — И по части ослепительной красоты входит в первую десятку.

Я сразу же понял, что перестарался с похвалой, и горько раскаялся. Мои слова подействовали на Орло самым прискорбным образом. Глаза его выпучились и засверкали, словно он вот-вот разразится пламенной, очень крайне левой речью.

— Ты ее знаешь? — спросил он низким сдавленным голосом, похожим на хрип бульдога, у которого застрял в горле полупроглоченный кус мяса.

Я понял, что надо соблюдать осторожность, так как, судя по всему, в душе у Орло зашевелилось, как говорит Дживс, зеленоглазое чудовище, которое потешается над своей жертвой.[94] А когда в дело вступает

зеленоглазое чудовище, можно ждать чего угодно.

— Немного, — ответил я, — совсем немного. Мимолетное знакомство на каком-то приеме.

— И это все?

— Все.

— Между вами не было, как бы это выразиться, в некотоРом смысле, близости?

— Нет-нет. Обычное шапочное знакомство, обмен любезностями, «доброе утро— доброе утро— великолепное утро— не правда ли», если случайно встречались на улице.

— И ничего больше?

— Ничегошеньки.

Я нашел нужные слова. Злоба в нем утихла, и голос, когда он опять заговорил, уже не напоминал о бульдоге, который давится филейным куском.

— Ты назвал ее славной девушкой. И в точности выразил мою мысль.

— Надо думать, она тебя тоже высоко ценит?

— Совершенно верно.

— Вы, должно быть, помолвлены?

— Да.

— Поздравляю.

— Но мы не можем пожениться из-за ее отца.

— Возражает?

— И слышать не хочет.

— Но в наше просвещенное время согласие отца вовсе не требуется.

Его лицо исказила гримаса боли, и он весь перекосился, как лопасти электрического вентилятора. По всей видимости, мои слова причинили ему боль.

— Требуется, если ее отец — одновременно твой опекун, которому доверены твои деньги, а сам ты зарабатываешь недостаточно, чтобы содержать жену. Наследства, оставленного мне дядей Джо, хватит хоть на двадцать жен. Он был компаньоном отца Ванессы в каком-то большом деле, связанном с продовольственными поставками. Но я не могу распоряжаться наследством, потому что дядя назначил старика Кука моим опекуном, и Кук не желает отдавать деньги.

— Почему?

— Не одобряет моих политических взглядов. Говорит, что не намерен поддерживать проклятых коммунистов.

Честно говоря, при этих словах я взглянул на него с опаской. Я

никогда до сих пор не задумывался о том, что он на самом деле собой представляет, и от этой его обмолвки меня всего передернуло, потому что я коммунистов не жалую.

Однако Орло был сейчас, в некотором смысле, мой гость, и я ограничился замечанием, что мол, как это все, должно быть, неприятно, а он сказал: «Еще как неприятно» — и добавил, что Кука спасают только его седины, иначе он давно бы получил в глаз. Выходит, подумал я, в седых волосах есть свои преимущества.

— Мало того, что ему не нравятся мои политические взгляды, он еще считает, что я и Ванессу сбил с толку. Он узнал что она ходит на демонстрации, и виноват у него оказываюсь я. Не будь меня, говорит, ей бы такое в голову не пришло, и если она засветится и ее имя попадет в газеты, он ее отправит в их загородный дом, и она у него будет там сидеть безвылазно как миленькая. У него в деревне большой дом и конюшня со скаковыми лошадьми — окружил себя роскошью, эксплуататор вдов и сирот.

Я мог бы ему возразить, что продавать беднякам мясные консервы и картофельные чипсы по более низкой цене, чем другие торговцы, не значит эксплуатировать, но, как я уже сказал, он был моим гостем, и я счел за благо промолчать. В голове у меня мелькнула мысль, что Ванессе Кук теперь уже недолго оставаться в Лондоне, раз она взяла привычку бить полицейских, но с Орло Портером я не поделился — зачем сыпать соль на раны?

— Ладно, хватит об этом, — сказал он, ставя решительную точку. — Можешь высадить меня, где тебе сподручнее. Спасибо, что подвез.

— Не стоит благодарности.

— Куда направляешься?

— На Харли-стрит,[95] к доктору. У меня на груди пятнышки. Это мое признание оказало на него неожиданное действие. На лице его появилось возбужденное, настырное выражение торгаша. Орло Портер — влюбленный уступил место Орло Портеру — предприимчивому служащему Страховой компании Лондона и близлежащих графств.

— Пятнышки? — алчно переспросил он.

— Розовые, — уточнил я.

— Розовые пятнышки, — повторил он. — С этим не шутят. Тебе следует застраховаться у меня.

Я напомнил ему, что уже сделал это. Орло закивал.

— Да, да, да, но то была страховка от несчастных случаях. А теперь тебе нужно застраховать жизнь, и на твое счастье, — проговорил он,

вынимая из кармана лист бумаги, точно фокусник, достающий из шляпы кролика, — у меня есть при себе такой полис. Подписывайся вот здесь, Вустер, — приказал он, подавая мне авторучку.

И такова была сила его магнетизма, что я послушно подписался там, где он указал.

Орло выразил одобрение.

— Ты поступил мудро, Вустер. Что бы ни сказал тебе доктор после осмотра, сколько бы тебе ни осталось жить на свете, можешь утешаться мыслью, что твоя вдова и малые детки обеспечены. Высади меня здесь, Вустер.

Я высадил его и поехал на Харли-стрит.

3

Хотя демонстрация и задержала меня, все же я приехал несколько раньше назначенного часа, и мне сказали, что целитель пока еще занят с другим джентльменом. Я сел и начал рассеянно листать декабрьский номер «Иллюстрейтед Лондон Ньюс» за прошлый год, как вдруг дверь из берлоги Э. Джимпсона Мергэтройда распахнулась, и на пороге возник немолодой господин с характерным лицом строителя империи, квадратным и загорелым, выдающим любителя сидеть на солнце без зонтика. Завидев меня, он на мгновение замешкался, а затем произнес: «Привет», — и представьте себе мое состояние, когда я узнал в нем майора Планка, путешественника и футбольного болельщика, с которым виделся последний раз в его доме в Глостершире, когда он обвинил меня в том, что я якобы хотел обмануть его на пять фунтов. Само собой, обвинение было безосновательное, я чист, как свежевыпавший снег, если не чище, но тогда дело приняло довольно скверный оборот, и похоже было, что и на сей раз мне не миновать неприятностей. Я замер, ожидая разоблачения и пытаясь представить себе возможные последствия, но, к моему изумлению, майор Планк заговорил со мной в самом благодушном тоне, словно со старинным приятелем.

— Мы с вами встречались. У меня отличная память на лица. Вас ведь зовут Ален, или Алленби, или Александер, или как-то в этом роде?

— Вустер, — уточнил я, с облегчением переводя дух, поскольку воображение уже нарисовало мне ужасную сцену.

Он прищелкнул языком.

— Я готов был поклясться, что ваше имя начинается на «Ал». Это все

малярия. Подхватил ее в Экваториальной Африке, и теперь у меня провалы в памяти. Так вы, значит, изменили имя? Вас преследуют тайные враги?

— У меня нет тайных врагов.

— Обычно имя меняют по этой причине. Мне самому пришлось взять себе другое имя, когда я застрелил вождя племени мгомби. Разумеется, речь шла о самообороне, но это ничего не меняло для его вдов и оставшихся в живых родственников, они устроили на меня настоящую охоту. Попадись я им в лапы, меня бы зажарили живьем на медленном огне. Но я обвел их вокруг пальца. Они старались выследить человека, которого звали Планк, и не догадывались, что некто по имени Джордж Бернард Шоу и есть тот самый парень, который им нужен. В тех краях соображают туго. Итак, Вустер, как вы поживали со времени нашей последней встречи? Весело проводили время?

— Прекрасно, благодарю вас, только вот на груди появились какие-то пятнышки.

— Пятнышки? Скверно. Сколько их?

Я честно признался, что не подсчитывал, но на взгляд вполне достаточно. Он мрачно покачал головой.

— Вероятно, бубонная чума, а может быть, спру или шистосомоз. У одного моего носильщика-туземца появились пятнышки на груди, так мы его закопали еще до захода солнца. Пришлось. Хилые создания, эти туземные носильщики, хотя по виду не скажешь. Подцепляют, что ни попадя, любую заразу— спру, бубонную чуму, шистосомоз, тропическую лихорадку, насморк— всего не перечислить. Что ж, Вустер, приятно было повидаться. Я бы пригласил вас вместе отобедать, да тороплюсь на поезд. Уезжаю в деревню.

С этими словами он удалился, посеяв в моей душе некоторое смятение. Бертрам Вустер, как всем известно, не робкого десятка, и его не так-то просто запугать. Но эти разговоры о туземцах-носильщиках, которых пришлось закопать еще до захода солнца, нагнали на меня страху. И первый взгляд на мистера Э. Джимпсона Мергэтройда не помог мне вновь обрести утраченное душевное спокойствие. Типтон предупреждал меня, что доктор похож на старого угрюмого мизантропа, и таким он и оказался, — старым угрюмым мизантропом. У него были мрачные задумчивые глаза и длинная борода, и вообще он походил на лягушку, которая всегда, начиная еще с головастика, видела одни только темные стороны жизни. Я совсем пал духом.

Однако, как часто бывает, когда узнаешь человека поближе, понимаешь, что внешность обманчива, и доктор оказался не таким уж

безнадежным пессимистом. Сначала он поставил меня на весы, потом перетянул мне бицепс какой-то резиновой штукой, проверил пульс, простучал меня всего с головы до пят, точно бородатый дятел, и после всех этих манипуляций он явно повеселел, и из него полились слова ободрения, как имбирное пиво из бутылки.

— Полагаю, у вас нет оснований для беспокойства, — заключил он.

— Вы так считаете? — воспрял я духом. — Значит, это не спру и не шистосомоз?

— Разумеется, нет. С чего вы взяли?

— Мне сказал майор Планк. Он был здесь передо мной.

— Никогда не слушайте, что вам говорят люди, особенно такие, как Планк. Мы вместе учились в школе. Его звали Придурок Планк. Нет, пятнышки не заслуживают ровным счетом никакого внимания. Через день-другой они пройдут.

— Это большое облегчение, — обрадовался я, и он выразил удовлетворение, что успокоил меня.

— Однако… — продолжил доктор.

И уже владевшая мной joi de vivre[96] слегка померкла.

— Однако, что?

Теперь он стал похож на кого-то из малых пророков, который собрался бичевать грехи своего народа, в основном из-за бороды, но из-за бровей тоже. Я забыл сказать, что у него еще были косматые брови. Мне стало ясно, что сейчас я услышу плохие новости.

— Мистер Вустер, — начал доктор, — вы типичный представитель столичной золотой молодежи.

— О, благодарю вас, — откликнулся я, его слова прозвучали как комплимент, а на вежливость всегда приятно ответить взаимностью.

— И как все молодые люди вашего типа, вы пренебрегаете своим здоровьем. Слишком много пьете.

— Только по важным поводам. Вчера, например, мы с приятелем справляли счастливый конец, увенчавший его юные грезы любви. И, возможно, я немного перебрал, но это случается редко. Меня так и зовут: Вустер — Одно Мартини.

Мергэтройд оставил без внимания мою мужскую откровенность и продолжал:

— Вы слишком много курите. Очень поздно ложитесь спать. Мало двигаетесь. В вашем возрасте вам следует играть в регби в команде выпускников вашей школы.

— Я учился не в Регби.

— А где?

— В Итоне.

— А-а, — произнес он пренебрежительным тоном. — Короче говоря, вот какова картина вашего здоровья. И вот как вы его подрываете всеми возможными способами. В любой момент может наступить полный коллапс.

— В любой момент? — содрогнулся я.

— В любой. Если только…

— Если только? — Вот это уже другой разговор.

— Если только вы не оставите тот нездоровый образ жизни, который ведете в Лондоне. Поезжайте в деревню, на свежий воздух. Ложитесь рано спать. И много двигайтесь. В противном случае я не ручаюсь за последствия.

Он меня здорово напугал. Когда врач, пусть даже и с бородой, говорит вам, что не ручается за последствия, это уже серьезно. Но я не поддался панике, поскольку прикинул, как последовать его совету, не подвергая себя мукам. Таков он, Бертрам Вустер. На ходу соображает.

— А если я поеду к своей тетушке в Вустершир? — спросил я. — Это благотворно скажется на моем здоровье?

Мергэтройд задумался, почесывая нос стетоскопом. Во время нашей беседы он то и дело чесал нос стетоскопом — видно, был сторонником свободы чесания, как Барбара Фричи. Поэт Нэш, несомненно, почувствовал бы к нему симпатию.

— Не вижу причин возражать против того, чтобы вы пожили у своей тети, если там подходящие условия. Где именно в Вустершире она живет?

— В окрестностях города под названием Маркет-Снодсбери.

— Там чистый воздух?

— Туда привозят экскурсантов, специально подышать.

— И вы будете вести там спокойный образ жизни?

— Полуобморочный.

— Будете рано ложиться спать?

— Непременно. Ранний ужин, тихий отдых с хорошей книгой или кроссвордом и отход ко сну.

— Тогда поезжайте.

— Отлично. Сейчас же созвонюсь с ней.

Я имел в виду мою добрую и достойную тетю Далию, — не путать с тетей Агатой, которая жует битые бутылки и, как подозревают, на полнолуние превращается в оборотня. А тетя Далия, добрая душа, в молодые годы часто выезжая в поля в рядах охотничьих обществ «Куорн»

и «Пайтчли», не хуже прочих орала: «Ату! Ату ее!» — и в оборотня если когда и превращалась, то, конечно же, только веселого и озорного, с которым пообщаться — одно удовольствие.

На мое счастье, доктор дал мне зеленый свет, не вникая в дальнейшие детали, поскольку более пристрастный допрос показал бы, что у тети Далии служит французский повар, и не приходится пояснять, что любой врач, узнав про французского повара, немедленно посадил бы вас на диету.

— Итак, решено, — сказал я, довольный и веселый. — Весьма благодарен за участие и помощь. Всего вам наилучшего.

Я вознаградил его кошельком с золотом и отправился звонить тете Далии. От намерения прогуляться в Брайтон пришлось оказаться. Мне предстояла непростая задача — напроситься в гости к тетушке, а порой это требовало определенного искусства. Если тетя Далия пребывала в мрачности из-за каких-то домашних неурядиц, она могла спросить, а что у меня, своего дома нет, что ли? А если есть, то какого черта я в нем не живу?

Я дозвонился до нее с нескольких попыток, что вполне естественно, когда звонишь в такую глушь, как Маркет-Снодсбери, где телефонистов набирают на службу исключительно из местных вустерширских вырожденцев с дебильной наследственностью.

— Привет, старая родственница, — начал я как можно более учтиво.

— Приветствую тебя, позорное пятно на западной цивилизации, — ответила тетя Далия зычным голосом, каким некогда гикала на собак, уклонявшихся от цели ради погони за зайцем. — Что у тебя на уме, если вообще там что-нибудь есть? Говори быстро, потому что я укладываю вещи.

Ее слова заставили меня насторожиться.

— Укладываетесь? — переспросил я. — Вы куда-то уезжаете?

— Да, в Сомерсет, к своим друзьям Брискоу.

— Вот проклятие.

— Это еще почему?

— Я надеялся, что смогу недолго погостить у вас.

— Осечка у тебя вышла, юный Берти, не сможешь. Если только не явишься на подмогу и не составишь компанию Тому.

В ответ я только хмыкнул. Я очень люблю дядю Тома, но перспектива оказаться с ним один на один в его хижине вовсе не вдохновляла меня. Он коллекционирует старинное серебро и имеет обыкновение вцепляться в вас и с лихорадочным блеском в глазах доводить до умопомрачения разговорами о подсвечниках, лиственных узорах и романской

декоративной кайме. У меня же эта тема вызывает, мягко говоря, умеренный интерес.

— Нет, — ответил я, — благодарю за любезное приглашение, но лучше уж я сниму где-нибудь домик.

Ее следующие слова показали, что она не уловила самого главного.

— Что все это значит? — недоуменно спросила она. — Не понимаю. Почему тебе приспичило куда-то ехать? Ты что, скрываешься от полиции?

— Предписание врача.

— Быть не может. Да тебя сроду никакая хворь не брала.

— До сегодняшнего утра. У меня на груди выступили пятнышки.

— Пятнышки?

— Розовые.

— Должно быть, проказа.

— Врач так не считает. По его мнению, они вызваны тем, что я— типичный представитель золотой молодежи и поздно ложусь спать. Он велел мне поскорее ехать в деревню, на свежий воздух, поэтому мне и требуется домик.

— И чтобы жимолость оплетала дверь, и старушка луна заглядывала в окна?

— Вам известно, с чего начинают поиски дома, соответствующего этому описанию?

— Я найду тебе. У Джимми Брискоу их уйма. Мейден-Эгсфорд, где он живет, расположен как раз неподалеку от модного морского курорта Бримута-он-Си, который славится своим бодрящим воздухом. Там даже трупы спрыгивают с катафалка и пляшут вокруг майского шеста.

— Звучит неплохо.

— Я дам знать, когда найду подходящий домик. Тебе понравится Мейден-Эгсфорд. Джимми держит скаковых лошадей, и в Бридмуте вскоре состоятся большие скачки, так что ты будешь не только дышать свежим воздухом, но и развлечешься. Кобыла из конюшни Джимми участвует в скачках, и большинство знающих людей делает ставку на нее, хотя есть и такие, которые считают, что следует опасаться соперничества со стороны лошади, принадлежащей некоему мистеру Куку. А теперь, ради Бога, положи трубку. Мне некогда.

Пока что все складывается удачно, сказал я себе, вешая трубку. Разумеется, я предпочел бы отправиться в дом моей престарелой родственницы, где ее превосходный повар Анатоль не устает изумлять своими блюдами едоков, вызывая у них обильное слюноотделение. Но мы, Вустеры, умеем терпеть лишения и неудобства, и все же жить в

деревенском домике по соседству с престарелой родственницей будет веселее, чем просто в деревенском домике вдали от тетушки, без болтовни с ней, без ее наставлений, ободряющих слов и шуток.

Оставалось только сообщить эти новости Дживсу, и меня это немного смущало.

Дело в том, что у нас была запланирована поездка в Нью-Йорк, и я знал, что Дживс предвкушает ее с нетерпением. Понятия не имею, чем его так прельщает Нью-Йорк, но, как бы то ни было, теперь эта затея отменяется, и я боялся, что он испытает горькое разочарование.

— Дживс, — сказал я, вернувшись в ставку Вустера, — у меня плохие новости.

— В самом деле, сэр? Печально слышать. — Одна его бровь дернулась вверх на восьмую часть дюйма, и я понял, как глубоко он взволнован, потому что бровь Дживса редко вздергивалась выше, чем на шестнадцатую дюйма. Наверное, он решил, что медицинский авторитет дал мне еще только два месяца жизни, а то и меньше. — Диагноз мистера Мергэтройда не благоприятен?

Я поспешил успокоить его.

— Благоприятен-то он благоприятен, и даже вполне. По его словам, пятнышки как таковые… Правильно я выражаюсь?

— Совершенно правильно, сэр.

— Согласно его заключению, эти пятнышки как таковые стоят выеденного яйца, и на них можно не обращать никакого внимания. Они что легкий ветер мимо пронесутся,[97] а я и не замечу.

— В высшей степени приятные известия, сэр.

— В высшей степени, как вы говорите. Но не торопитесь плясать на радостях, потому что это еще не все. Вот что я имел в виду, когда сказал, что у меня плохие новости: мне предписано удалиться в деревню и вести там размеренный образ жизни. В противном случае доктор не ручается за последствия, так он сказал. Боюсь, Нью-Йорк теперь отменяется.

Конечно, это был жестокий удар, но Дживс встретил его с невозмутимостью индейца, привязанного к столбу и ожидающего сожжения на костре. Ни единый крик не сорвался с его губ, только спокойное «В самом деле, сэр?», и я поспешил привлечь его внимание к положительной стороне дела.

— Вы разочарованы, но, может быть, это даже к лучшему, что мы не поедем в Нью-Йорк. Там теперь свирепствуют грабители, всякие молодчики стреляют на улицах, а что хорошего, если вас ограбят или пристрелят. Между тем в Мейден-Эгсфорде нам это не грозит.

— Как вы сказали, сэр?

— Деревня в Сомерсете. Тетя Далия едет туда к друзьям погостить и обещала мне снять там домик. Это недалеко от Бримута-он-Си. Вы когда-нибудь бывали в Бримуте?

— Часто, сэр, в детстве, и я хорошо знаю Мейден-Эгсфорд. Там живет моя тетя.

— А моя тетя направляется туда в гости. Удивительное совпадение.

Я обрадовался этому неожиданному обстоятельству, поскольку теперь все складывалось просто великолепно. Наверное, для Дживса заехать в деревенскую глушь — все равно, что удалиться в пустыню, он никак не ожидал, что увидит любимую тетушку, так что радости его не было предела.

Итак, все устроилось. Сообщив Дживсу плохие новости, я почувствовал себя вправе сменить тему и подумал, что ему будет интересно узнать о моей встрече с Планком.

— Дживс, я пережил у врача настоящее потрясение.

— В самом деле, сэр?

— Помните майора Планка?

— Имя кажется мне отдаленно знакомым, сэр, но только отдаленно.

— Напрягите свою память. Тот самый тип, путешественник, который обвинил меня в мошенничестве, будто я пытаюсь обманом выманить у него пять фунтов, и собирался вызвать полицию, но тут появились вы, представились инспектором Уидерспуном из Скотланд-Ярда и сказали, что я известный вор по кличке Альпийский Джо, которого давно разыскивают, а зовут меня так, потому что я всегда ношу альпийскую шляпу, и таким образом вам удалось меня увести.

— Да, сэр, теперь вспомнил.

— Я столкнулся с майором Планком сегодня утром. Он узнал меня в лицо, но больше ничего не смог вспомнить и только твердил, что мое имя начинается на «Ал».

— Весьма неприятное положение, сэр.

— Ну и натерпелся же я страху. Какое счастье знать, что больше никогда его не увижу.

— Вполне понимаю ваши чувства, сэр.

А вскоре позвонила тетя Далия и сообщила, что домик для меня снят, и пусть я назову дату моего приезда.

Так началась история, которую мои биографы, вероятно, назовут «Ужас в Мейден-Эгсфорде», или, может быть, «Курьезное происшествие с кошкой, которая имела обыкновение появляться в самый неожиданный

момент».

4

Спустя два дня я отбыл в Мейден-Эгсфорд в своем старом двухместном спортивном автомобиле. Дживс выехал ранее с багажом, чтобы должным образом встретить меня на месте, и я не сомневался, что увижу его окрепшим и посвежевшим после общения с тетушкой.

Я отправился в путь в приподнятом настроении. И хотя на дороге мне встречалось больше близоруких безумцев, чем хотелось бы, это не уменьшило моей эйфории, как, если не ошибаюсь, называется такое состояние духа. Благо, денек выдался исключительно погожим, повсюду, куда ни глянь, синь небес и солнечное сияние, и к довершению всех удач, Э. Джимпсон Мергэтройд оказался на сто процентов прав относительно пятнышек. Они полностью исчезли, не причинив ни малейшего вреда, и кожа на моей груди вновь стала бела, как алебастр.

Я достиг цели своего путешествия ко времени вечернего коктейля, и взору моему впервые предстала сельская обитель, назначенная стать приютом Вустеру неведомо на какой срок. Разумеется, я представлял себе, что между Мейден-Эгсфордом и такими курортами, как Париж и Монте-Карло, должны существовать, как говорится, тонкие, но четкие различия, и с первого же взгляда я убедился, что не ошибся. Это была обычная деревушка, где совершенно нечем заняться, кроме как прогуливаться по главной улице сначала в одну сторону до местной поилки для скота, сооруженной по случаю шестидесятилетия коронации королевы Виктории, и, обозрев ее с разных сторон, вернуться по другой стороне той же самой улицы. Так что Э. Джимпсон Мергэтройд наверняка остался бы доволен. «Превосходно, — будто слышал я его голос, — именно то, что нужно типичному представителю столичной золотой молодежи». Воздух, насколько я мог судить по первым вдохам, своей первозданной чистотой не обманул ожиданий, и я уже предвкушал, как деревенская жизнь укрепит мое здоровье и вольет в меня новые силы.

Единственно, что было не так, это то, что здесь, похоже, водились привидения. Выходя из машины, я совершенно явственно видел призрак майора Планка. Он появился из местной гостиницы «Гусь и кузнечик», я вытаращил на него глаза, а он исчез за углом, само собой, слегка меня обескуражив. Как я уже ранее упоминал, мне не свойственно впадать в панику по пустякам, но кому понравится, чтобы кругом разгуливали всякие

призраки? Словом, жизнерадостное настроение слегка омрачилось.

Впрочем, я тут же взял себя в руки. Это всего лишь мимолетное наваждение, сказал я себе. Даже если со времени нашей последней встречи Планк умудрился отправиться на тот свет и теперь работает привидением, рассуждал я, то с какой стати ему являться в Мейден-Эгсфорде, когда к его услугам вся Экваториальная Африка? Он получил бы гораздо больше удовольствия, наводя ужас на туземцев, ведь у него есть причины их недолюбливать— вспомним вдов и оставшихся в живых родственников покойного вождя племени мгомби.

Ободренный такими рассуждениями, я вошел под свой новый кров.

Огляделся — и остался доволен. Домик был не фермерский, его, похоже, строили для художника или, допустим философа, и здесь имелись все современные удобства, включая электричество и телефон.

Дживс уже ждал меня со стаканчиком подкрепляющего, — правда, из уважения к Э. Дж. Мергэтройду, всего лишь безалкогольного имбирного напитка. Пригубив его, я решил рассказать Дживсу о своем давешнем видении, потому что, как я себя ни успокаивал, у меня все же не было полной уверенности, что это был не призрак. Правда, данный выходец с того света выглядел вполне материальным, но ведь настоящим призракам и полагается так выглядеть.

— Странная вещь со мной случилась, — сказал ему я. — Я бы поклялся, что только что видел, как из местного кабачка вышел майор Планк.

— Ничего удивительного, сэр. Майор Планк вполне мог прийти в деревню. Он гостит у мистера Кука в Эгсфорд-Корте.

Я обомлел.

— Вы хотите сказать, что он здесь?

— Да, сэр.

Я был сражен. Когда Планк сказал мне, что уезжает в деревню, я, естественно, решил, что он возвращается к себе в Глостершир. Но, если вы живете в Глостершире, то что вам мешает съездить в гости в Сомерсет? Вот тетя Далия, например, живет в Вустершире, а гостит в Сомерсете. На такие вещи надо смотреть шире.

Тем не менее я встревожился.

— Не нравится мне это, Дживс.

— Нет, сэр?

— А вдруг он вспомнит, что случилось при нашей последней встрече?

— Не составит труда избегать его, сэр.

— Допустим. И все же то, что вы мне сообщили, на меня

подействовало крайне неприятно. Из всех людей на свете мне меньше всего хотелось бы иметь соседом Планка. Думаю, после такого нервного шока можно отставить имбирный напиток и заменить его сухим мартини.

— Очень хорошо, сэр.

— Мергэтройд не узнает.

— Безусловно, сэр.

Итак, приняв значительную дозу свежего воздуха и обозрев с разных сторон юбилейную поилку для скота, что, надо «мать, благотворно сказалось на моем здоровье, я рано отошел ко сну в полном соответствии с предписаниями Э. Джимпсона Мергэтройда.

Эффект был ошеломляющим. Можно что угодно говорить о бороде Мергэтройда и о его мрачной физиономии, будто человек только что с похорон близкого друга, но свое дело доктор знал. После десяти часов безмятежного сна я вскочил с постели, пронесся в ванную, оделся с песней на устах и устремился к завтраку, точно двухлетнее дитя. Я умял яичницу с беконом, жадно, как тигр в джунглях пожирает подвернувшегося на завтрак туземца, смел до последней крупицы гренки с джемом и под конец затянулся умиротворяющей сигаретой, когда зазвонил телефон, и в трубке загремел бас тети Далии.

— Привет, родоначальница, — сказал я таким добрым, ласковым тоном, самому приятно слышать. — От всего сердца с добрым утром, престарелая родственница.

— Уже явился?

— Собственной персоной.

— Значит, жив еще? Пятнышки оказались не смертельными?

— Они исчезли без следа, — сообщил я. — Унесены ветром.

— Это хорошо. Мне бы не хотелось представлять Брискоу пегого племянника, а тебя пригласили сегодня к обеду.

— Чрезвычайно любезно с их стороны.

— У тебя есть чистый воротничок?

— Даже несколько, и в придачу к ним безукоризненно белые рубашки.

— Только не надевай галстук клуба «Трутней».

— Разумеется, не надену, — пообещал я. Дело в том, что галстук члена клуба «Трутней», пожалуй, имеет один изъян, он слишком бросается в глаза, и в нем противопоказано появляться перед нервными людьми и инвалидами, а я не знал, относится ли миссис Брискоу к их числу. — В котором часу застолье?

— В половине второго.

— Явлюсь при полном параде.

Судя по приглашению, среди местного населения царил Дух добрососедства, что не могло не радовать, и я поделился своими наблюдениями с Дживсом.

— Похоже, эти Брискоу— славные ребята.

— Полагаю, они оставляют чувство должного удовлетворения, сэр.

— Тетя Далия не сказала, где они живут.

— В Эгсфорд-Холле, сэр.

— Как туда добраться?

— Сначала по главной деревенской улице до проезжей дороги, а там повернуть налево. Этот дом нельзя не заметить. Он большой и окружен обширным парком. Идти туда около полутора миль, если вы намереваетесь пройти пешком.

— Пожалуй, да. Так бы и Мергэтройд посоветовал. А вы в мое отсутствие, как я понимаю, пойдете общаться с тетей? Вы с ней еще не виделись?

— Нет, сэр. Я узнал от леди за стойкой в «Гусе и кузнечике», куда я заглянул вечером в день приезда, что она уехала в Ливерпуль на отдых.

В Ливерпуль, черт возьми! Порой складывается такое впечатление, что тетки живут только ради собственного удовольствия.

Я вышел заранее. Если эти Брискоу так жаждут моего общества, то я готов предоставить им его в изобилии.

Дойдя до проезжей дороги, откуда, по словам Дживса, следовало повернуть налево, я подумал, что не мешает проверить, правильно ли я иду. Дживс говорил уверенно, но всегда нелишне выслушать и другое мнение. И представьте себе, Дживс ошибся! Я обратился к встречному долгожителю — все обитатели Мейден-Эгсфорда казались полутора-столетними — несомненно, по причине чистого воздуха, — и спросил, в какую сторону поворачивать к Эгсфорд-Корту, и он сказал направо. Выходит, даже Дживс может дать маху.

В одном, однако, он оказался прав. По его словам, я должен был, пройдя полторы мили, увидеть большой дом, окруженный обширным парком, и, похоже, я прошел примерно такое расстояние, когда показался большой дом и вокруг него парк в полном соответствии с описанием Дживса. За воротами начиналась длинная подъездная аллея, и я было пошел по ней, но потом сообразил, что могу сократить себе путь, если пойду напрямик, потому что дом, видневшийся за деревьями, был на значительном отдалении к северо-северо-востоку. Подъездные аллеи не без умысла делают извилистыми, чтобы произвести впечатление на посетителей. Господи помилуй, подумает какой-нибудь гость, да эта

дорога тянется а целых три четверти мили, ну и богач здесь живет.

Не помню, напевал я или нет, — скорее всего, насвистывал, — но так или иначе, продвигался я быстро и только поравнялся с сооружением, похожим на конюшню, как вдруг неведомо откуда появилась кошка.

Окрас у нее был довольно своеобразный, туловище в целом черное, но на боках — белые разводы и белый кончик носа. Я пощелкал языком и покрутил пальцами, как всегда в таких случаях, и кошка, подняв хвост, подошла и потерлась мордочкой о мою ногу, давая понять, что признала в Бертраме Вустере родственную душу и свойского парня.

Кошачья интуиция ее не подвела. Еще в детстве я наизусть выучил один стишок, — не знаю, кто его автор, наверное, Шекспир, — он звучит следующим образом:

У моей любимой киски шерстка мягкая, как шелк.
Не тяни ее за хвост, не получишь лапой в нос.

И всю свою жизнь я следовал этому принципу. Спросите любую мою знакомую кошку, как я отношусь к кошачьему племени, и вам скажут, что я по-настоящему добрый малый и мне можно довериться без всякого опасения. А те, кто знает меня ближе, например кот тети Далии Огастус, еще добавляют, что я ловко умею почесать за ушком.

Эту кошку я тоже почесал за ушком, и такой знак внимания ей явно пришелся по нраву. Она замурлыкала, словно заворчал дальний гром. Когда таким образом между нами установились сердечные отношения, я перешел, так сказать, к следующему этапу, то есть взял кошку на руки, чтобы пощекотать ей брюшко, как вдруг небеса содрогнулись от зычного возгласа: «Эй!».

Сказать «Эй» можно по-разному. В Америке это любезная форма обращения, и она нередко заменяет такое приветствие, как «Доброе утро». Встречаются двое друзей. Один говорит: «Эй, Билл». И тот в ответ: «Эй, Джордж». Потом спрашивает: «Ну, как тебе эта жара?», Джордж отвечает, что плохо переносит не столько жару, сколько влажность, и после каждый идет своей дорогой.

Но этот оклик «Эй!» прозвучал совсем иначе. Нецивилизованные дикари, с которыми якшается майор Планк, бросаясь в бой, наверное, все-таки не кричат «Эй!», но если бы кричали, то, я думаю, это был бы такой же грубый рев, от которого у меня сейчас едва не лопнули барабанные перепонки. Оборачиваюсь и вижу краснолицего коротышку, угрожающе

помахивающего арапником, что мне вовсе не понравилось. Эти арапники я невзлюбил еще с тех пор, как мальчишкой был застигнут дядей за курением его дорогой сигары, и он с хлыстом в руке гнал меня добрых полторы мили по пересеченной местности. У меня до сих пор в холодную погоду ноют старые раны.

Однако в тот момент я не испытал особой тревоги. Я решил, что передо мной полковник Брискоу, который пригласил меня на обед, и хотя сейчас у него такой вид, будто он с радостью препарировал бы меня тупым ножом, все мгновенно изменится, как только я назову себя. Кто же приглашает человека к обеду, а едва тот появляется в назначенный час, подвергает гостя избиению?

И я поспешил представиться, дивясь про себя его малому росту, — я думал, что полковники бывают покрупнее. Впрочем, всякие, наверное, встречаются, как картофелины или, коли на то пошло, как девицы. Скажем, Ванесса Кук определенно относилась к особам крупного телосложения, хотя среди прочих особ, отвергнувших в свое время мое предложение руки и сердца, были настоящие карлицы.

— Вустер, Бертрам, — назвался я, ударяя себя в грудь.

Я ожидал, что его злые страсти тут же улягутся, раздастся радостный возглас «Как поживаете, дорогой друг, как поживаете?», и лицо моего хозяина расплывется в ласковой улыбке привета, но ничего подобного не произошло. Он по-прежнему весь кипел яростью, а лицо его просто-таки побагровело.

— Вы что это делаете с кошкой? — грубо спросил он.

Я сохранял исполненное достоинства спокойствие. Мне не понравился его тон, но, по правде говоря, приятный тон редко от кого услышишь.

— Ничего, просто общаюсь, — ответил я с учтивостью, которая так красит меня.

— Вы собрались с ней удрать.

— Как, удрать?

— Вы хотели ее выкрасть.

Я выпрямился в полный рост, и не исключено, что глаза мои засверкали. Какие только обвинения не обрушивались на меня, особенно со стороны тетки Агаты, но никто и никогда не обвинял меня в воровстве кошек, и поэтому стоит *ли* удивляться, что фамильная честь Вустера была глубоко задета. С моих уст рвались слова негодования, но я все же задержал их, как говорится, в положении status quo. В конце концов, я здесь в гостях.

Стремясь к миру, я произнес:

— Вы ошибаетесь, полковник. У меня и в мыслях не было ничего подобного.

— Нет, было, было, было. И не называйте меня полковником!

Хотя мои старания не увенчались успехом, я предпринял новую попытку:

— Славный денек.

— Черт бы его побрал!

— Хорошие виды на урожай?

— Да пропади он пропадом!

— Здорова ли моя тетушка?

— С какой стати, черт побери, мне знать, как здоровье вашей тетки?

Это уже показалось мне странным. Если у вас в доме остановилась чья-то тетка, уж будьте добры по первому требованию огласить бюллетень, хотя бы и краткий, о состоянии ее здоровья. Я уже начал сомневаться, в своем ли уме эта козявка. Во всяком случае, его реплики наверняка вызвали бы профессиональный интерес у любого ученого-психиатра.

Но я не сдавался. Такие уж мы, Вустеры. И попытался зайти с другого бока.

— Так любезно с вашей стороны пригласить меня на обед, — проговорил я.

Не стану утверждать, что у него пошла пена изо рта, но мои слова ему явно не понравились.

— Я пригласил вас на обед? Пригласил вас на обед? Да я бы вас так пригласил, что…

По-моему, он готов был произнести что-то уж совсем нелюбезное, но в этот момент из-за кулис донесся звонкий мужской тенор, распевающий нечто наподобие популярной арии из какой-нибудь экваториально-африканской оперетки, и на сцене появился майор Планк. Тут уж пелена спала с моих глаз. Наличие здесь Планка означало, что это вовсе не Дом Брискоу. Позволив себе усомниться в правоте Дживса и повернув направо, а не налево, как он мне сказал, я пришел совсем не к тому дому. На какое-то мгновение я готов был обвинить во всем того встречного долгожителя, но мы, Вустеры, умеем признавать свои ошибки, и я вспомнил, что спросил его, как пройти к Эгсфорд-Корту, где в итоге и оказался, а если вы говорите «Корт», имея в виду «Холл», то недоразумение неизбежно.

— Господи Боже мой, — пробормотал я, покраснев от смущения, — так вы не полковник Брискоу?

Он не снизошел до ответа, но тут в разговор вступил План к.

— Привет, Вустер, — воскликнул он. — Кто бы мог подумать, что мы

встретимся здесь? Я не знал, что вы знакомы с Куком.

— Вы что, знаете его? — проговорил багровый человечек, явно потрясенный открытием, что я могу водить знакомства с порядочными людьми.

— Конечно, знаю. Встречался с ним у себя дома в Глостершире, правда, не помню, при каких обстоятельствах. Скоро вспомню, но могу только сказать, что он сменил имя. Раньше оно начиналось на «Ал», а теперь его зовут Вустером. Наверное, его настоящее имя было настолько ужасным, что он больше не мог его терпеть. Я знавал одного в Обществе путешественников, его звали Клопп, и он сменил имя на Уэстмакоут-Тревельян, и, по-моему, поступил очень разумно. Но бедняге это не принесло счастья, едва он привык подписывать свои долговые расписки «Гилберт Уэстмакоут-Тревельян», как его разорвал на куски лев. Ничего не поделаешь, такова жизнь. Что сказал доктор, Вустер? Это бубонная чума?

Нет, не бубонная чума, ответил я, и он сказал, что рад это слышать, потому что с бубонной чумой шутки плохи, это каждый знает.

— Вы остановились здесь?

— Нет, я снял домик в деревне.

— Жаль. А то могли бы сюда переехать. Составили бы Ванессе компанию. Но вы пообедаете с нами? — спросил Планк, как будто гостю пристало раздавать приглашения в доме хозяина, а между тем любая авторитетная книга правил хорошего тона разъяснила бы ему, что этого делать не следует.

— Сожалею, но я обедаю у Брискоу в Эгсфорд-Холле, — ответил я.

При этих словах Кук, который все это время молчал, — возможно, сорвал голосовые связки, — прохрипел:

— Я знал это! Я был прав! Я знал, что он — наймит Брискоу!

— О чем вы, Кук? — удивился Планк.

— Неважно, о чем. Я знаю, что говорю. Этого человека нанял Брискоу, чтобы он явился сюда и украл мою кошку.

— Зачем ему красть вашу кошку?

— Вы прекрасно знаете, зачем. Вы не хуже моего знаете, что Брискоу ни перед чем не остановится. Посмотрите на этого человека. Посмотрите, какое у него лицо. На нем написано, что он преступник. Я поймал его на месте преступления, с кошкой в руках. Держите его, Планк, а я пойду позвоню в полицию.

С этими словами он повернулся и ушел.

Признаться, когда он велел Планку держать меня, мне стало не по себе, потому что я хорошо представлял себе, как Планк задерживает

людей. Кажется, я уже упоминал, что во время нашей предыдущей встречи в Глостершире он собирался задержать меня с помощью зулусской дубинки с шипами, и хотя сейчас в руках у него была всего лишь внушительная трость, она мало чем уступала зулусской дубинке.

К счастью, Планк был настроен благодушно.

— Не обращайте внимания на Кука, Вустер. Он расстроен. Небольшие семейные неприятности. Поэтому он пригласил меня пожить у него. Надеялся, я ему что-нибудь присоветую. Дело в том, что он отпустил свою дочь Ванессу в Лондон, изучать искусство в школе Слейда,[98] кажется, так это называется. Она же связалась с дурной компанией, попала в полицию, и так далее и тому подобное. Кук своей отцовской властью потребовал, чтобы дочь вернулась домой и сидела здесь, пока не поумнеет. Бедняжка, конечно же, не в восторге, но я ее успокаиваю, говорю, ей еще повезло, что она не в Экваториальной Африке. По тамошним порядкам, если дочь провинится, отец оттяпывает ей голову и закапывает труп в саду. Жаль, что вы Уходите, Вустер, но, наверное, сейчас это к лучшему. Я не утверждаю, что Кук вернется с ружьем, но как знать, что ему взбредет в голову. На вашем месте я бы ушел.

Совет показался мне разумным. И я ему последовал.

5

Я направился к своему коттеджу, где у меня стоял автомобиль. Когда я туда добрался, получалось, что в общей сложности я отшагал три мили и теперь надо дать передышку моим натруженным икроножным мышцам, а если это не понравилось бы Э. Джимпсону Мергэтройду, то пусть оставит свое неодобрение при себе.

Мне особенно не терпелось воссоединиться с Дживсом» услышать его мнение о приключившемся со мной странное происшествии, необъяснимее которого со мной в жизни ничего не случалось.

Почему Кук так на меня набросился? Версия Планка, объяснявшего грубость Кука тем, что Ванесса связалась в Лондоне с дурной компанией, показалась мне неубедительной. Даже если ваша дочь неразборчива в знакомствах и колотит полицейских, совсем не обязательно бросаться на первого встречного и обвинять его в том, что он ворует кс шек. Одно из другого не вытекает.

— Дживс, — сказал я, добравшись до финишной ленточки и рухнув в кресло, — ответьте откровенно на вопрос, который я вам задам. Вы давно

меня знаете?

— Да, сэр.

— У вас была полная возможность изучить мою психологию?

— Да, сэр.

— Как по-вашему, я похож на человека, который крадет кошек?

— Нет, сэр.

Его уверенный ответ меня весьма обрадовал. Ни секунды колебаний, никакого меканья и беканья, просто и ясно: «Нет, сэр».

— Именно это я и ожидал от вас услышать. Так сказал бы всякий в клубе «Трутней», да и где угодно. Тем не менее только что мне предъявили обвинение в воровстве кошки.

— В самом деле, сэр?

— И обвинил меня в этом краснорожий микроб по имени Кук. — И я тотчас же, как говорится, если не ошибаюсь, ничтоже сумняшеся поведал ему о давешнем происшествии, лишь вскользь коснувшись того, как я, выйдя на проезжую дорогу, усомнился в его указаниях. Дживс внимательно слушал, и когда я закончил свой рассказ, у него на лице мелькнуло некое подобие улыбки, — чуть дрогнул уголок рта, словно туда сел какой-то летающий объект вроде комара.

— Кажется, сэр, я могу дать объяснение.

Я ушам своим не поверил. Я ощутил себя доктором Ватсоном, которому Шерлок Холмс сейчас объяснит, чем различаются сто сорок семь видов табачного пепла, и за сколько времени петрушка осядет на дно масленки.

— Поразительно, Дживс, — проговорил я. — Профессор Мориарти и минуты бы против вас не продержался. Неужели и вправду все части головоломки сошлись в единую картину и каждая деталь заняла свое место?

— Да, сэр.

— И вам все известно?

— Да, сэр.

— Невероятно!

— Элементарно, сэр. Я обнаружил, что завсегдатаи «Гуся и кузнечика» могут служить ценным источником информации.

— Вы побеседовали с ребятами в задней комнате?

— Да, сэр.

— И что же они вам рассказали?

— Оказывается, между мистером Куком и полковником Брискоу глубокий антагонизм.

— То есть, они недолюбливают друг друга?

— Именно так, сэр.

— Думаю, для деревни это не редкость. Заняться-то нечем, только и думаешь, какая гнида твой сосед.

— Возможно, вы правы, сэр, но в данном случае для вражды имеется гораздо более серьезное основание, по крайней мере со стороны мистера Кука. Полковник Брискоу занимает пост председателя местного совета мировых судей, и в этом качестве недавно оштрафовал мистера Кука на солидную сумму за то, что он выпускал своих свиней пастись, не оформив на то разрешения.

Я понимающе кивнул. Действительно, есть от чего прийти в негодование. Сам я не держу свиней, но, будь у меня свиньи, я бы горячо возмущался, если бы мне запрещали без соответствующего разрешения менять им место и обстановку. Мы что, в России?

— Кроме того…

— Как, еще не все?

— Нет, сэр. Кроме того, они соперничают как хозяева скаковых лошадей, и это создает дополнительный источник трений.

— Почему?

— Сэр?

— Я не понимаю, почему. Большинство владельцев крупных конюшен поддерживают вполне дружеские отношения. Можно сказать, любят друг друга, как братья.

— Крупные владельцы — да, сэр. Но иначе обстоит дело с теми, чья сфера деятельности ограничена небольшими скачками местного масштаба. Здесь соперничество приобретает более личный и острый характер. По мнению моих осведомителей из «Гуся и кузнечика», на предстоящих скачках в Бридмуте-он-Си основная борьба разгорится между Симлой, лошадью Брискоу, и Потейто Чипом, лошадью мистера Кука. Все прочие участники не заслуживают внимания. Вот почему, по мере того как приближается дата соревнования, враждебность между этими двумя джентльменами только возрастает. Сейчас для них обоих самое главное — создать такие условия для лошадей, чтобы ничто не мешало готовиться к соревнованиям. Неукоснительное внимание к режиму тренировок имеет первостепенное значение.

Он мог бы этого и не говорить. Мне ли, старому опытному игроку, не знать, что успех на беговой дорожке зависит от строгости режима тренировок. Никогда не забуду, как однажды у тети Далии в Вустершире на деревенском спортивном празднике в забеге с яйцом в ложке для

девочек до пятнадцати лет я сделал крупную ставку на Марлин Купер, племянницу садовника, но накануне соревнования Марлин нарушила режим, наелась незрелого крыжовника до колик в животе и, естественно, не вышла на старт.

— Но, Дживс, — недоумевал я, — хотя все это необычайно увлекательно, я все же не понимаю, почему Кук пришел в такое бешенство из-за кошки. Видели бы вы, как подскочило его кровяное давление, оно взвилось вверх, точно ракета. Человек так разволновался, словно он ответственный сотрудник министерства иностранных дел, а я — таинственная незнакомка под густой вуалью, благоухающая экзотическими ароматами, которая похитила секретные морские карты, и он застукал ее на месте преступления.

— К счастью, я могу пролить свет на эту тайну, сэр. Один из завсегдатаев «Гуся и кузнечика», с которым у меня установились дружеские отношения, служит у мистера Кука, и он представил мне сведения на этот счет. Дело в том, что кошка приблудная, в одно прекрасное утро она появилась на конном дворе, и Потейто Чип внезапно преисполнился к ней симпатии. Насколько я понимаю, такое нередко случается с породистыми лошадьми, хотя чаще их расположение вызывают коза или овца.

Для меня это было полным откровением. Никогда не слышал ничего подобного.

— Коза? — переспросил я.

— Да, сэр.

— Или овца?

— Да, сэр.

— Вы хотите сказать, любовь с первого взгляда?

— Можно назвать и так, сэр.

— Какие же ослы эти лошади, Дживс.

— Бесспорно, сэр, уровень их умственного развития оставляет желать лучшего.

— Хотя, если изо дня вдень не видишь никого, кроме Кука и конюхов, то и кошке обрадуешься как приятному разнообразию. Стало быть, дружба крепла?

— Да, сэр. Теперь кошка спит ночью в лошадином стойле и там же встречает своего друга днем, когда он возвращается после тренировок.

— Желанный гость?

— В высшей степени желанный, сэр.

— Можно даже сказать, почетный. Чудеса, да и только. Я бы, скорее,

подумал, что такой вампир в образе человека, как Кук, одним пинком вышвырнет вон бродячую кошку.

— Как рассказывал мне мой осведомитель, нечто подобное произошло, и последствия были плачевны. Потейто Чип стал вялым, отказывался от еды. Но стоило кошке вернуться, как он сразу же обрел живость и аппетит.

— Надо же!

— Да, сэр., меня самого эта история удивила.

Я встал. Время шло, и я представил себе, как семейство Брискоу, прижав носы к окну в гостиной, высматривает меня, спрашивая друг у друга: «Где же он? Где наш Вустер? Куда запропастился?»

— Ну, что ж, Дживс, весьма благодарен вам, — сказал я. — Вы, как обычно, со своим — забыл, как это называется, — пролили свет на то, что осталось бы неразгаданной головоломкой. Если бы не вы, я проводил бы бессонные ночи, пытаясь понять, какую игру, черт возьми, затеял Кук. Ваше объяснение несколько примирило меня с ним. Конечно, я никогда бы не отправился с этим выродком в пеший поход, и если ему вздумается выдвинуть свою кандидатуру в клуб «Трутней», само собой, я проголосую против, но теперь мне хотя бы понятна его точка зрения. Он видит меня с кошкой в руках, узнает, что я в приятельских отношениях с полковником, его заклятым соперником, и делает естественный вывод, что дело тут нечисто. Вот он и завопил, точно грешник в аду, да еще замахнулся арапником. Спасибо хоть не пустил его в ход.

— Ваш широкий взгляд заслуживает восхищения, сэр.

— Всегда надо стараться поставить себя на место другого и помнить… помнить что?

— Tout comprendre c'est tout pardonner.[99]

— Благодарю вас, Дживс.

— Не стоит благодарности, сэр.

— А теперь скорее в Эгсфорд-Холл.

Если вы спросите, что думают обо мне в кругах, где я вращаюсь, то услышите в ответ, что я общительный человек, который всегда рад знакомству с новыми лицами, так что к воротам Эгсфорд-Холла я должен был бы подкатить в самом веселом расположении духа. Но какое там! И виноваты в этом были вовсе не лица, ждавшие меня там. Полковник Брискоу оказался радушным хозяином, миссис Брискоу — радушной хозяйкой. Помимо тети Далии, на обеде присутствовали преподобный Амброз Брискоу, брат полковника, и дочь последнего, Анжелика,

премиленькая юная особа, в которую я непременно бы влюбился, если бы не был так озабочен. Словом, общество собралось самое что ни на есть приятное.

Но в этом-то все дело. Я был поглощен заботами. Беспокоило меня не присутствие Ванессы Кук. В Англии трудно найти место, где не оказалось бы девушки, которая успела когда-то отвергнуть мое предложение руки и сердца. Я сталкивался с ними повсюду, в таких удаленных друг от друга местах, как Бьюд в графстве Корнуэлл и Седберг в Йоркшире. Нет, Вустера снедала мысль о папаше Куке и его арапнике Крайне неприятно сознавать, что у вас не заладились отношения с человеком, который того и гляди впадет в бешенство и тогда с большой долей вероятности можно ждать, что он набросится прямиком на Бертрама.

В итоге я не сверкал остроумием во время парадного застолья. Обед был превосходным, и поданный в завершение портвейн заслуживал высочайших похвал, я поглощал его с жадностью, чем вызвал бы у Э. Джимпсона Мергэтройда горестный стон осуждения, но вот что касается остроумной беседы, то тут я полностью провалился. Наверное, у моих хозяев довольно скоро возникло подозрение, что их гость — монах из ордена траппистов,[100] хотя и обладающий волчьим аппетитом.

Что тетя Далия задумалась на эту тему, мне стало очевидно по окончании трапезы, она повела меня прогуляться по тому, что Дживс назвал обширным парком. Тетя отчитала меня по своему обыкновению, не церемонясь с выбором слов. Сколько себя помню, она неизменно была моим лучшим другом и самым строгим критиком, и когда она ругает племянника, то уж от души.

Тетя обратилась ко мне с нижеследующей речью, в таком тоне и с таким нажимом, как армейский старшина, наставляющий новобранцев:

— Что на тебя нашло, жалкая ты рептилия? Я сказала Джимми и Эльзе, что мой племянник, может, и похож с виду на слабоумного палтуса, но подождите, пока он заговорит, сказала я, и вы животики надорвете. И что же? Где сарказмы? Остроумные реплики? Забавные анекдоты? Их нет и в помине, сэр. Ты сидишь и тупо жуешь — слышно только, как челюсти трещат. Я чувствовала себя в положении импресарио дрессированных блох, который разрекламировал свою главную звезду, а она на премьере забыла текст.

Я сокрушенно потупился, отлично сознавая справедливость ее упреков. В том, что называется пиром ума и излиянием духа, я принимал не больше участия, чем какой-нибудь Дюжий молчаливый англо-сакс с простуженным горлом.

— А как ты набросился на портвейн! Точно верблюд, достигший оазиса после долгого пути по пескам пустыни. Что, Джимми шепнул тебе на ушко, будто хочет поскорее опустошить свой винный погреб и устроить там игровую площадку? Если ты и в Лондоне ведешь себя подобным образом, то неудивительно, что весь пошел сыпью. Странно, как ты еще ноги таскаешь.

Ее правоту невозможно было не признать.

— Ты когда-нибудь видел пьесу под названием «Десять вечеров в баре»?

Это стало последней каплей. Я пролепетал в свое оправдание:

— Простите меня, престарелая родственница. Все так, как вы говорите. Но сегодня я не в своей тарелке.

— Выходит, нам повезло.

— Я, можно сказать, в смятении.

— Я бы назвала это разгильдяйством.

— Со мной сегодня утром приключилась удивительная история.

И без дальнейших колебаний— или правильнее сказать, сомнений? — я поведал ей про кошку и Кука.

Мой рассказ был обстоятельным, и когда я подошел к тому моменту, где Дживс проливает свет на тайну кошки во всей взаимосвязи событий, тетушка проявила явную заинтересованность.

— То есть, — возбужденно проговорила она, — если бы ты удрал с этой кошкой…

Тут мне пришлось сурово оборвать ее. Как ни старался я рассказать ясно и доходчиво, она, судя по всему, поняла все в неправильном свете

— Я вовсе не собирался, родоначальница, красть кошку. Просто, как вежливый человек, чесал ей брюшко.

— Но ведь на самом деле если бы кто-нибудь украл кошку, подготовка Потейто Чипа к скачкам пошла бы насмарку?

— Так утверждает Дживс, а он получил эти сведения из надежного источника в «Гусе и кузнечике».

— Г-м.

— Что значит «Г-м»?

— Ха.

— Что значит «Ха»?

— Ничего, не обращай внимания.

Но я все-таки обратил. Когда тетушка говорит «г-м» и «ха», это кое-что да значит, и, сам не зная почему, я похолодел от страха.

Но разбираться было некогда, поскольку к нам присоединился

преподобный Брискоу с дочерью. И вскоре я откланялся.

6

Дневная жара заметно усиливалась, и после плотного обеда и нескольких бокалов портвейна я чувствовал себя как питон по окончании полуденной трапезы. Меня стало неудержимо клонить ко сну, так что престарелой родственнице на протяжении нашей беседы пришлось дважды предупреждать меня, что если я не перестану зевать ей в лицо, она стукнет по моей дурацкой голове зонтиком, которым она загораживается от солнечных лучей.

Дремота никак не оставляла меня, и к тому времени, когда я выехал на дорогу, мои глаза уже слипались, и стало ясно, что если я не остановлюсь и не вздремну немного, то очень скоро буду представлять опасность для пешеходов и водителей. Менее всего мне хотелось предстать перед гостеприимным полковником Брискоу, когда он будет исправлять обязанности судьи, в качестве обвиняемого в наезде на прохожего, да еще под действием его портвейна, то есть портвейна, принадлежавшего полковнику Брискоу, а не прохожему. Получилась бы неловкость для нас обоих, хотя, с другой стороны, мое состояние свидетельствовало о превосходном качестве его винных запасов.

Дорога эта, как большинство сельских дорог, пролегала среди лугов, где с коровами, а где без коров, но поскольку день был жарким, просто бросить якорь у обочины означало зажариться до хрустящей корочки, какой покрылся бы майор Планк, если бы до него добрались вдовы и выжившие родичи покойного вождя племени мгомби. Нужна была тень, и по счастливой случайности мне подвернулась дорожка, уходящая вбок под сень леса, как раз то, что и требовалось. Я заехал поддеревья, заглушил мотор, и почти сразу же сон, как говорится, накрыл меня своей целительной волной. Сначала я спал без сновидений, но вскоре меня начали мучить кошмары. Мне снилось, что вместе с Э. Джимпсоном Мергэтройдом мы ловим рыбу где-то в тропиках, и ему попалась на крючок акула, я разглядываю ее, а она вдруг цап — и ухватила меня за руку. Я дернулся — и пробудился. Смотрю, слева по борту кто-то и вправду тянет меня за рукав, но это была не акула, а Орло Портер.

— Прошу прощения, сэр, что прерываю ваш сон, — бормотал он, — но я здесь наблюдаю за птицами в естественных природных условиях. Я следил за певуном Кларксона вон в тех зарослях, но опасаюсь, как бы ваш

храп не спугнул его так что прошу вас, не могли бы вы приглушить издаваемые вами звуки. Певуны Кларксона очень чутко реагируют на шум, а вас слышно на милю в округе.

В общем, что-то в этом духе.

Мне бы ответить: «А, это ты!» или «Привет, привет», но от неожиданности я просто онемел. Я и не подозревал, что Орло Портер способен на подобную вежливость, но, главное, я никак не думал, что он находится в этих местах. Я считал Мейден-Эгсфорд пустынным уголком, где укроюсь от толпы, среди глубокого покоя от всех домашних вдалеке, как поется в церковном гимне, а оказывается, в этой тихой деревеньке кого только не встретишь. Сначала Планк, потом Ванесса Кук, а теперь еще Орло Портер. При таком положении вещей я не удивлюсь, если сейчас из-за угла появится тетя Агата об руку с Э. Джимпсоном Мергэтройдом.

Тем временем Орло Портер, похоже, узнал меня, потому что он отшатнулся, точно туземец в Индии, едва не наступивший на скорпиона, и заговорил совсем по-другому:

— Вустер, проклятый мерзкий ползучий гнусный змей, мне следовало этого ожидать!

Ясно, что встреча со мной его нисколько не обрадовала, ни в его словах, ни в его тоне не слышалось и намека на дружескую сердечность, но, помимо этого, я просто не мог взять в толк, о чем он говорит. Я совершенно растерялся.

— Ожидать чего? — осведомился я в надежде получить разъяснения.

— А того, что ты последуешь за Ванессой сюда, чтобы увести ее у меня. Вот в чем состоит твоя цель.

Это высказывание настолько поразило меня своей нелепостью, что я негромко рассмеялся, и Орло попросил, чтобы я немедленно перестал кудахтать, как курица, чей супружеский союз благословило небо, — или, говоря его словами, как курица, которая снесла проклятое яйцо.

— Ни за кем я никуда не последовал, — сказал я, пытаясь пролить масло на разбушевавшиеся волны. Но после короткой борьбы с самим собой решил не добавлять «старина». Да эТо бы все равно не подействовало.

— Тогда почему ты здесь? — спросил он, возвысив голос до фортиссимо. Видно было, что на самом деле ему совершенно наплевать, если его услышит певун Кларксона и в панике даст стрекача.

Я миролюбиво продолжал:

— Все объясняется чрезвычайно просто. Помнишь мои пятнышки?

— Не пытайся увиливать.

— Я и не думал. Осмотрев их, доктор посоветовал мне удалиться в деревню.

— В провинции полно других мест, куда можно удалиться.

— Да, но моя тетя Далия гостит здесь у друзей, и мне хотелось находиться от нее поблизости и обмениваться с ней впечатлениями. Очень занятная женщина, моя тетя Далия, с ней ни на минуту не соскучишься.

Это, как я и предвидел, обескуражило Орло. Его воинственность пошла на убыль и по лицу было видно, что он спрашивает себя: «Неужели я был к Бертраму несправедлив?». Однако затем он вновь насупился.

— Хотя твои доводы и кажутся весьма правдоподобными, но все равно они не объясняют, почему сегодня утром ты околачивался около Эгсфорд-Корта.

Я опешил. Когда я был еще ребенком, няня говорила мне, что Некто неотступно присутствует подле меня и следит за каждым моим шагом, и если я не буду есть шпинат, мне это припомнится на Страшном суде. Но кто бы мог подумать, что она подразумевала Орло Портера?

— Откуда ты, черт побери, знаешь? — пробормотал я, или, точнее сказать, выдохнул, а может быть, даже прохрипел.

— Я наблюдал за домом в мой орнитологический бинокль, надеясь хотя бы мельком увидеть женщину, которую люблю.

Я ухватился за эту возможность перевести разговор на более спокойную тему.

— Я и забыл, что ты изучаешь птичьи повадки, хорошо, что ты мне сейчас напомнил. Действительно, ты увлекался этим в Оксфорде. Такое занятие не по мне. Нет, я вовсе не против наблюдения за птицами, — поспешил я добавить. — Должно быть, это страшно интересно, и к тому же отвлекает… — Я хотел сказать «от пивных», но решил, что «увлекает на свежий воздух» прозвучит лучше. — Каким образом это происходит? — продолжал я. — Ты прячешься в кустах и подкарауливаешь птицу, и когда она прилетит, выхватываешь из-за пояса бинокль и наблюдаешь?

Я хотел еще кое-что спросить, например, кто такой Кларксон и откуда у него, взялся певун, но Орло оборвал меня:

— Я скажу тебе, почему ты сегодня утром шнырял вокруг Эгсфорд-Корта. Надеялся увидеть Ванессу.

Я стал горячо это отрицать, но он остался глух к моим словам.

— Хочу довести до твоего сведения, Вустер, если я опять увижу, что ты пытаешься навязать Ванессе свое омерзительное общество, то, не моргнув глазом, выпущу тебе кишки.

Он пошел было прочь, но задержался и бросил через плечо: «Голыми

руками», — а уж затем удалился. Возобновил ли он наблюдение за певуном Кларксона после этого или нет, мне осталось неизвестным. По-моему, любая нормальная птица с чувствительным слухом улетучилась бы, услышав такие речи.

7

Как можно легко догадаться, слова О. Портера, сказанные на прощание, заставили меня всерьез задуматься. В тот момент поблизости не оказалось прохожих, но если бы какой-либо путник повстречался со мной, он бы заметил, что мой лоб нахмурен, а глаза слегка затуманены. Это верный признак того, что ваша мысль на чем-то сосредоточена, и это «что-то» вам явно не по душе. Такое выражение лица бывает у членов кабинета министров, когда им в парламенте задают каверзные вопросы.

Разумеется, мне не впервые приходится слышать от своих знакомых, что они намерены проникнуть в мой внутренний мир и извлечь его содержимое наружу. Родерик Спод, который теперь именуется лордом Сидкапом, нередко мне этим грозил, находясь во власти заблуждения, будто я хочу увести у него Мадлен Бассет. Он и не подозревал, что она сидит у меня в печенках, и я готов пробежать целую милю в тесных ботинках, лишь бы не попасться ей на глаза.

Однако никогда еще не возникало у меня такого ощущения близкой опасности, как в ту минуту. Спод мог сколько угодно молоть вздор — или, правильнее сказать, плести? — что он-де размажет меня по лужайке и спляшет на моих останках в подбитых гвоздями башмаках, я всегда оставался спокоен, памятуя о том, что брехливая собака лает, ноне кусает. Иными словами, такой тип, как Спод, вынужден заботиться о своем положении в обществе, и ему непозволительно делать все, что взбредет в голову. Если он начнет размазывать людей по лужайкам, его ждут неприятности. «Книга пэров Дебретта» погрозит пальцем, «Книга поместного дворянства Берка»[101] вздернет брови, и глядишь, с ним, чего доброго, перестанут знаться в обществе, и ему только и останется, что эмигрировать.

Между тем Орло Портера не сдерживают опасения подобного рода. Как коммунист он, наверное, на короткой ноге с важными шишками в Кремле, и чем больше представителей буржуазии он выпотрошит, тем больше там порадуются. «Товарищ Портер — молодчина. Мыслит в правильном направлении, — скажут они, читая в газетах о покойном

Вустере. — Надо будет не упускать его из виду и продвигать выше».

Итак, поскольку Портер откровенно признался, какие чувства испытывает к Ванессе Кук, самым благоразумным с моей стороны будет держаться от нее подальше. Я изложил свои соображения Дживсу, когда вернулся к себе, и он полностью разделил мою точку зрения.

— Как называют то, что бывает с обстоятельствами, Дживс? — спросил я.

— Сэр?

— Вы упоминали о чем-то таком в обстоятельствах, что ведет к чему-то там. Нечто похожее на свечение.

— Возможно, сэр, стечение — то слово, которое вы ищите?

— Точно. Оно и вертелось у меня на языке. Можно сказать— возникло стечение обстоятельств?

— Да, сэр.

— Так вот, возникло стечение обстоятельств. Факты заключаются в следующем. В Лондоне я познакомился с некоей мисс Кук, которая оказалась дочерью того самого типа, которому принадлежит лошадь, которая столь высокого мнения о той самой кошке. Эта девица попала в неприятную историю с полицией, и отец отозвал ее домой, чтобы она была на глазах и не влипла в новые неприятности. Поэтому она Живет теперь в Эгсфорт-Корте. Я внятно излагаю сюжет?

— Да, сэр.

— Ее жених, с которым она помолвлена, некий человек по имени Портер, последовал за своей любимой, чтобы поддерживать ее и утешать в несчастье. Это понятно?

— Да, сэр. Такое нередко случается, когда два юных сердца разлучены.

— Я встретил Портера сегодня утром, и мое присутствие в Мейден-Эгсфорде явилось для него полной неожиданностью.

— Охотно верю, сэр.

— Он не сомневается, что я приехал сюда ради мисс Кук.

— Подобно Лохинвару,[102] возвратившемуся из западных стран.

Имя было мне незнакомо, но я не стал задавать лишних вопросов. Я видел, что Дживс заинтересовался и слушает, а раз так, повествователю лучше не отвлекаться на побочные сюжеты.

— Он пригрозил, что, если я не оставлю мисс Кук в покое, он выпустит мне кишки голыми руками.

— В самом деле, сэр?

— Вы не знакомы с Портером?

— Нет, сэр.

— Зато вы знаете Спода. Портер — это Спод в квадрате. Вспыльчивый нрав. Страшно обидчив. А мускулы его натруженных рук крепки, как железные цепи, по выражению кого-то там. Упаси Бог задеть такого. Итак, ваши предложения?

— Я бы посоветовал избегать общества мисс Кук.

— Мне пришла в голову точно такая же мысль. Тут не предвидится затруднений. Шансы, что папаша Кук пригласит меня в гости, ничтожны. Итак, если я пойду верхней дорогой, а она нижней… Пожалуйста, Дживс, ответьте, — прервал я свои рассуждения, услышав, что в холле зазвонил телефон. — Наверное, это тетя Далия, но, может быть, и Портер. Меня для него нет дома.

Дживс вышел и через пять минут вернулся.

— Это была мисс Кук, сэр. Она звонила с почты и попросила меня сообщить вам, что сию минуту будет здесь.

Я не смог сдержаться и охнул: «Этого еще недоставало», а на Дживса взглянул с упреком.

— Вы не догадались сказать, что меня нет дома?

— Леди не оставила мне такой возможности, сэр. Она изложила свое сообщение и повесила трубку прежде, чем я успел ответить.

Мой лоб вновь избороздили морщины.

— Скверное дело, Дживс.

— Да, сэр.

— Заявиться ко мне домой ни с того ни с сего.

— Да, сэр.

— А что если Орло Портер со своим биноклем притаился где-нибудь поблизости? — предположил я.

Не успел я развить эту тему, как у двери зазвонил колокольчик, и в следующее мгновение передо мной предстала Ванесса Кук. Дживс, я мог бы об этом и не упоминать, испарился, точно семейное привидение при первых лучах зари. Он всегда исчезает, когда ко мне приходят. И в этот раз я не заметил, как он ретировался, да и моя гостья, наверное, тоже не заметила, но его и след простыл.

Взглянув на Ванессу, я почувствовал беспокойство, какое испытываешь, когда натыкаешься на что-то горячее и думаешь: что, если сейчас взорвется? Я не видел Ванессу больше года, если не считать того случая, когда наблюдал за ней издали перед тем, как ее загребла полиция, и должен признаться, от произошедшей в ее облике перемены слегка стыла кровь в жилах. По виду она осталась той же красоткой, каких провожают

свистом впечатлительные служащие американских вооруженных сил, но вместе с тем в ней появилось нечто жуткое, чего прежде не было, появились властность и дерзость, если я правильно выразил свою мысль. А все из-за образа жизни, который она вела. Если вы шагаете в первых рядах демонстрантов и кидаетесь с кулаками на полицейских, это не может не отразиться на вашей внешности.

Железная — вот самое подходящее для нее слово. Ванесса всегда была, что называется, гордой красавицей, а теперь в ней еще чувствовалось железо. Губы плотно сжаты, подбородок выпячен, всем своим видом она давала понять, что не потерпит никаких заигрываний. Если не считать того, что Ванесса была, как я уже отмечал, красоткой с обложки, переплюнула бы любую кинозвезду, но в остальном она напомнила мне мою детскую учительницу танцев, довольно страшную собой. Даже подумалось, что лет через тридцать она, глядишь, станет похожа на тетку Агату, под взглядом которой, как всем хорошо известно, сильные мужчины цепенеют, точно кролики.

Ее приветственные слова нисколько не рассеяли мою тревогу. Смерив меня взглядом, словно в ее шкале ценностей я помещался на одном из последних мест, она произнесла:

— Я очень сердита на вас, Берти.

Мне это совсем не понравилось. Всегда неприятно оказаться в немилости у девушки, обладающей таким боксерским ударом, как Ванесса, — от этого всякому станет не по себе. Я выразил сожаление и поинтересовался, в чем я перед ней виноват.

— Вы меня преследуете!

Ничто так не поднимает дух, как сознание, что можешь опровергнуть незаслуженное обвинение. Я весело рассмеялся, и ее реакция на мой смех была такой же, как и у Орло Портера, только он помянул курицу, снесшую яйцо, а Ванесса прибегла к сравнению с гиеной, у которой кость застряла в горле. Откуда мне было знать, настаивал я, что она находится в здешних краях? Тут уж засмеялась она, и это был металлический смех, который не сулит ничего доброго ни человеку, ни зверю.

— Да бросьте! — сказала она. — Хотя я и в бешенстве, но, как ни странно, не могу отчасти не восхищаться вами. Удивительно, вы оказались способны на такой натиск. Это отвратительно, но говорит о том, что у вас есть характер. Мне кажется, если бы я вышла за вас замуж, то сделала бы из вас человека.

Я содрогнулся от кончиков волос до стелек в ботинках и почувствовал еще более сильную, чем раньше, благодарность к ней за то, что она меня

отвергла. Знаю, что это значит— сделала бы из меня человека. Не пройдет и минуты после того, как епископ и его подручные завершат свое черное дело, а она уже начнет по-всякому мять и лепить меня, так и этак переиначивать мою душу, а мне нравится моя душа такой, как она есть. Возможно, она не годится для того, чтобы заставлять толпы людей на улицах орать, но она устраивает меня, и я не желаю, чтобы моя душа стала игрушкой в чьих-то руках.

— Но это невозможно, Берти. Я люблю Орло и не смогу полюбить никого другого.

— Вот и прекрасно. Ваше право. Я хочу только, чтобы вы поняли одну вещь. Я действительно не знал, что вы здесь.

— Вы пытаетесь убедить меня, что это простое совпадение…

— Нет, не совсем так. Я бы сказал, это некое стечение обстоятельств. Мой врач прописал мне спокойную жизнь на лоне природы в деревне, и я выбрал Мейден-Эгсфорд, поскольку здесь гостит у своих друзей моя тетя, и мне подумалось, что будет неплохо пожить вблизи ее. Тихая жизнь в деревне может стать слишком уж безмятежной, если вокруг нет ни одной знакомой души. Вот тетя и сняла мне этот домик.

Вы, наверное, ожидали, что мои слова все прояснили, и жизнь превратилась в одну величавую прекрасную песнь,[103] как выразился кто-то там такой, но ничего подобного не произошло, лицо Ванессы осталось надутым. Некоторым девицам ничем не угодишь.

— Значит, я ошиблась, подумав, что вы способны проявить настойчивость, — сказала она, и если ее губы не искривились в презрительной усмешке, то тогда я не знаю, что такое презрительная усмешка. — Вы всего-навсего жалкий безмозглый буржуа. Орло таких терпеть не может.

— Типичный представитель золотой молодежи, полагают некоторые знатоки.

— За всю свою жизнь вы вряд ли совершили хотя бы один стоящий поступок.

Если на то пошло, я мог бы поставить ее в довольно дурацкое положение, сообщив, что еще в школе получил награду за прекрасное знание Библии, великолепно переплетенный том какого-то благочестивого автора, его имя не сохранилось в моей памяти, а когда тетя Далия издавала свой журнал «Будуар светской дамы», я написал для него статью или, точнее говоря, эссе «Что носит хорошо одетый мужчина». Однако я промолчал, главным образом потому, что не смог вставить ни слова. Женщины проговаривают свой текст с такой чудовищной скоростью, что

мужчина не успевает вставить ни слова.

— Однако сейчас речь не о вашей впустую растрачиваемой жизни. Господь Бог, создавая вас, наверное, знал, что делал, поэтому не будем углубляться в эту тему. Вероятно, вы хотите услышать, что привело меня к вам.

— Милости просим в любое время, — отозвался я со свойственной мне учтивостью, но она оставила мои слова без внимания и продолжала:

— Друг моего отца, майор Планк, который гостит у нас упомянул за обедом какого-то Вустера, якобы он заходил сегодня утром. И когда отец весь побагровел и подавился бараньей котлетой, я поняла, что речь, должно быть, идет о вас. Вы относитесь к тому роду молодых людей, которых он просто не переваривает.

— А молодые люди отвечают ему взаимностью?

— Неизменно. Отец всю жизнь был помесью вождя гуннов Аттилы с каймановой черепахой. Узнав, что вы в Мейден-Эгсфорде, я пришла попросить вас кое-что для меня сделать.

— Все, что в моих силах.

— Сущий пустяк. Конечно же, я буду переписываться с Орло, но мне не хочется, чтобы его письма приходили в Корт, потому что отец, помимо сходства с каймановой черепахой, отличается еще низким коварством. Он без зазрения совести перехватит и уничтожит его письма. Отец спускается к завтраку раньше меня, что дает ему стратегическое преимущество. К тому времени, как я выйду к столу, сливки с моей корреспонденции уже будут лежать в кармане его брюк. Поэтому я собираюсь написать Орло, чтобы он присылал письма для меня на ваш адрес, а я буду каждый день забирать их.

Я в жизни не получал более неприятного предложения. При мысли, что Ванесса каждый день будет сюда являться, в то время как Орло Портер, уже доведенный до точки кипения, будет держать мой дом под постоянным наблюдением, у меня закипела кровь, и глаза, как звезды, рванулись из орбит,[104] — как говорит Дживс, если я верно запомнил. Но в следующий миг я испытал безграничное облегчение, осознав, что мои страхи беспочвенны, поскольку в переписке между обеими сторонами нет никакой нужды.

— Но Орло здесь, — сообщил я.

— Здесь? В Мейден-Эгсфорде?

— Именно здесь, в Мейден-Эгсфорде.

— Вы шутите, Берти.

— Вовсе нет. Если бы шутил, вы бы сразу же покатились со смеху.

Говорю вам, Орло здесь. Я встретил его сегодня днем. Он наблюдал за певуном Кларксона. Кстати, у вас, случайно, нет сведений об этом Кларксоне? Мне интересно, кто он такой и откуда у него певун.

Мой вопрос остался без ответа, чему я нисколько не удивился. Покажите мне девушку, честно говорю я, и я покажу вам ту, кто пропускает мимо ушей мои слова.

Бросив на Ванессу внимательный взгляд, я заметил, что выражение ее лица изменилось. Как я уже отмечал, под влиянием привычки лупцевать полицейских на улицах ее лицо огрубело, но в ту минуту оно так и лучилось нежностью. Глаза, хотя и не сорвались из орбит, стали большими, как мячи для гольфа, и мягкая улыбка озарила физиономию. Она промолвила: «Потрясающе!» или что-то в этом роде.

— Значит, он приехал! Он последовал за мной! — Судя по ее тону, поступок Орло вызвал у нее безграничный восторг. Выходит, она не возражала, чтобы ее преследовали, — зависит, кто преследователь. — Как рыцарь в сверкающих доспехах на белом коне.

Здесь было бы вполне уместно припомнить Дживсова приятеля, который приехал из западных стран, и сказать, что Орло на него похож, но мне пришлось пропустить свой ход, потому что у меня вылетело из головы, как звали того

парня.

— Не понимаю, как Орло удалось приехать, он же на службе, — выразил я недоумение.

— У него ежегодный двухнедельный отпуск. Поэтому он смог участвовать в демонстрации. Мы с ним шли в первом ряду.

— Знаю. Я смотрел издали.

— Мне до сих пор неизвестно, что с ним произошло в тот день. Он сбил с ног полицейского, а потом вдруг исчез.

— С ним произошло лучшее, что могло произойти, когда собьешь с ног полицейского. Он прыгнул в мою машину, и я отвез его в безопасное место.

— А, понятно.

Признаюсь, я ожидал изъявления более сильных чувств. Не то, чтобы я горел желанием получать благодарности за небольшие услуги, какие расточаешь на каждом шагу, но, как бы там ни было, по милости Орло я оказал противодействие полицейским, находящимся при исполнении служебных обязанностей, кажется, так гласит закон, и, следовательно, рисковал надолго угодить в кутузку, поэтому проявление некоторой взволнованности было бы нелишним. Мне ничего другого не оставалось,

как обратить на Ванессу укоризненный взгляд. Однако это не произвело на нее ровным счетом никакого впечатления, и она продолжала:

— Он поселился в «Гусе и кузнечике»?

— Понятия не имею, — произнес я в ответ, и если в моем голосе прозвучала нотка раздражения, вряд ли кто меня осудит за это. — Во время нашей встречи мы говорили главным образом о моих внутренних органах.

— А что стряслось с вашими внутренними органами?

— Пока ничего, но, по мнению Орло, вскоре кое-что может случиться.

— Удивительно отзывчивая душа.

— Да уж, это точно.

— Он дал вам какие-нибудь полезные советы?

— По правде говоря, дал.

— Как это на него похоже!

Ванесса ненадолго погрузилась в молчание, несомненно, размышляя о неведомых мне выдающихся достоинствах Орло. Затем снова заговорила:

— Должно быть, он живет в «Гусе и кузнечике». В округе это единственная приличная гостиница. Сходите туда и передайте ему, что я буду ждать его здесь завтра в три часа дня.

— Здесь?

— Да.

— То есть в этом самом доме?

— А почему бы и нет?

— Я думал, вы захотите увидеться с ним наедине.

— Вот именно. Вы пойдете прогуляться.

И вновь я мысленно возблагодарил своего ангела-хранителя, который постарался, чтобы эта гордая красавица не стала миссис Бертрам Вустер. Ее невозмутимая уверенность, что стоит лишь свистнуть, и все тут же кинутся исполнять ее прихоти, действовала на меня угнетающе. Гордость Вустера была глубоко задета бесцеремонностью, с какой меня выставляли из моего же дома, и не будет преувеличением сказать, что кровь закипела у меня в жилах. Меня подмывало произнести нечто язвительное, например: «Вот как?», — однако preux chevalier,[105] каким я всегда стремился быть, не должен попирать слабый пол железной пятой, как бы его ни провоцировали.

Вместо этого я просто ответил: «Уже иду» — и отправился в заведение «Гусь и кузнечик», передать Орло тайное послание.

Я нашел Орло Портера в баре, где он пил джин с газировкой. На его лице, и без того мало привлекательном, застыло угрюмое выражение, нисколько не радующее глаз. Он явно был в дурном настроении, что нередко случается, когда томящееся в разлуке сердце А понимает, что шансы преодолеть препятствия к воссоединению с томящимся в разлуке сердцем Б равны, в лучшем случае, восьми из ста.

Мрачность Орло могла объясняться и другими причинами. К примеру, до него дошло известие, что сегодня утром в Москве ликвидировали какого-нибудь его приятеля, а возможно, он сам укокошил капиталиста и теперь не знает, как избавиться от трупа. Но я все же был склонен приписать его унылый вид терзаниям любви и даже слегка пожалел его.

Орло встретил меня взглядом чернее тучи, и мне стало ясно, что мы никогда не будем обмениваться с ним рождественскими подарками, и еще я подумал, глядя на Орло, как же его много, и все — анти-вустеровской закваски. То же самое мне обычно приходило в голову при виде Спода. Наверное, есть во мне что-то, пробуждающее низменные страсти в мужчинах восьми футов роста и шести футов в плечах. Как-то я поделился своим наблюдением с Дживсом, и он согласился, что это просто удивительно. Чем ближе я к нему подходил, тем тусклее становился его взор. Что бы на самом деле его ни расстраивало, мое прибытие не послужило лучом света во мраке его души. Выражение его лица оставалось постным, как у зрителей бесплатных дневных спектаклей или как у снулой рыбы на прилавке. Не повеселел он даже тогда, когда я передал ему послание Ванессы. Последовало продолжительное молчание, нарушаемое лишь бульканьем стекавшей в его глотку газировки.

Наконец Орло заговорил, но голосом ожившего трупа из фильма ужасов, где герой поднимает надгробную плиту в склепе под разрушенной часовней, а покойник возьми да вступи с ним в беседу.

— Не понимаю.

— Что же тут непонятного? — удивился я, добавив «товарищ», поскольку вежливость еще никому не повредила. — Готов бескорыстно оказать любое доступное мне содействие в разрешении небольших затруднений, которые могут у тебя возникнуть. Я пришел помочь.

Я подмешал в свои слова столько тепла, что хватило бы расплавить медного истукана, но на Орло мои слова не произвели ни малейшего действия. Он продолжал сверлить меня взором тети Агаты.

— Странно, ты уверяешь, будто у вас всего лишь шапочное знакомство, а между тем она готова нелегально приходить в твой дом. Если еще вспомнить, как конспиративно ты вел себя в Эгсфорд-Корте, то все это

не может не навести на подозрения.

Когда ваш собеседник пускает в ход такие слова, как «нелегальный» и «конспиративный», да еще говорит про подозрения, тут всякий благоразумный человек будет действовать с оглядкой. Но, к счастью, я мог дать простое и ясное объяснение, что я и сделал с обезоруживающей откровенностью, полагая этим разрешить все недоразумения.

— В моем появлении в Эгсфорд-Корте не было ничего нелегального. Я оказался там по ошибке. А визит мисс Кук в мой дом был конспиративным поневоле, потому что отец не спускает с нее глаз. И ко мне она пришла потому, что никак иначе не могла связаться с тобой. Она не знала, что ты приехал в Мейден-Эгсфорд, и боялась, что, если ты ей напишешь, письмо попадет к папаше. Ему перехватить письмо, адресованное дочери, — раз плюнуть.

Мне казалось, что я объяснил все как нельзя более убедительно, но Орло продолжал сверлить меня глазами.

— И все-таки странно, почему именно тебя она сделала своим доверенным лицом, — гнул он свое. — Это предполагает близкие отношения.

— Ну что ты, какое там. Мне доверяют свои секреты девушки, с которыми я почти не знаком. Они видят во мне отца.

— Хорош отец. Если девушка видит в тебе отца, надо проверить, все лив порядке у нее с головой.

— Ну ладно, скажем, брата. Они знают, что добрый старый Берти никому не разболтает их маленькие тайны.

— Нашелся добрый старый Берти. Если хочешь знать, по-оему, ты змей, который шныряет вокруг и похищает наших любимых женщин.

— Ничего подобного, — возразил я. Вот, оказывается, чем на самом деле занимаются змеи!

— Мне все это кажется сомнительным, — продолжал Орло. И тут он, к моей радости, вдруг сменил тему: — Ты знаешь человека по имени Споффорт?

Я ответил, что нет, вроде бы не знаю.

— П.Б. Споффорт. Здоровенный детина с подстриженными усиками.

— Нет, я с ним не знаком.

— И не скоро познакомишься. Он в больнице.

— Прискорбно слышать. Как он туда попал?

— Я его отправил туда. Он поцеловал женщину, которую я люблю, на пикнике, который устраивает Клуб мероприятий и развлечений на свежем воздухе при школе искусств Слейда. А ты, Вустер, целовал когда-нибудь

женщину, которую я люблю?

— Что ты, Боже сохрани.

— Смотри, не вздумай. Долго она пробыла у тебя?

— Считанные секунды. Впорхнула на мгновение и тут же выпорхнула. Только и успела сказать, что ты похож на рыцаря в сверкающих доспехах на белом коне, и попросила передать, что будет ждать тебя завтра ровно в три часа в моем доме.

Похоже, это его успокоило. Он все еще хмурился, но уже не как Джек Потрошитель, замысливающий очередное убийство. Однако у него еще оставались некоторые сомнения.

— Мне не кажется удачной идея встречаться у тебя в доме.

— Почему?

— Ты будешь путаться под ногами.

— О, с этим все в порядке, не беспокойся, товарищ. Я пойду прогуляться.

— Ах, так, — обрадовался он. — Пойдешь прогуляться? Очень полезное дело, разомнешься хорошенько. Разрумянишься. Только не спеши. Не торопись с возвращением. Тут, говорят, есть красивые места, которые стоит осмотреть.

На этой добросердечной ноте мы расстались. Орло отправился к стойке за новой порцией джина с газировкой, а я к себе домой, чтобы сообщить Ванессе, что pourparlers[106] прошли успешно и Орло прибудет к стартовой отметке завтра ровно в три пополудни.

— Как он выглядел? — озабоченно спросила она. Ответить на этот вопрос было непросто, поскольку Орло выглядел как мелкий гангстер, который мается флюсом, но я сочинил несколько тактичных слов, и, как сказал бы Дживс, они были встречены с чувством удовлетворения. Ванесса ушла.

Сразу же после ее ухода в комнате снова возник Дживс. Вид у него был слегка смущенный.

— Мы не закончили наш разговор, сэр, нас прервали…

— Да, Дживс, нас прервали, но я рад сообщить вам, что мне больше не нужен ваш совет. Пока вы отсутствовали, ситуация прояснилась. Стороны договорились о встрече, и в скором времени она состоится, притом здесь, в этом самом доме, завтра в три часа дня. Чтобы не быть помехой, я отправлюсь на прогулку.

— Весьма отрадно слышать, сэр, — сказал Дживс, и, на мой взгляд, попал в самую точку.

9

На следующий день без пяти минут три я препоясал чресла и готовился исчезнуть, когда явилась Ванесса Кук. Мое присутствие неприятно удивило ее. Она поморщилась, словно от меня дурно пахло, и спросила:

— Вы еще не ушли?

Подобный вопрос показался мне довольно-таки бестактным даже для гордой красавицы, но, следуя своему правилу всегда оставаться preux,[107] я миролюбиво ответил:

— Уже ухожу.

— Ну так идите же, — приказала она, и я пошел.

На улице все было по-прежнему, не на чем взгляд остановить. Тут и там столетние старцы обменивались воспоминаниями об англо-бурской войне, какая-то собака с интересом изучала нечто, обнаруженное ею в сточной канаве, и больше ничего, совершеннейшая пустота. Я дошел до конца улицы, посмотрел на юбилейную поилку для скота, потом перешел другую сторону и двинулся в обратном направлении, размышляя о том, как был бы доволен Э. Дж. Мергэтройд, если бы видел меня сейчас. И тут мое внимание привлек магазин, совмещенный с почтой. Я вспомнил, как Дживс говорил, что здесь не только продаются марки, почтовые открытки с видами, носки, ботинки, рабочая одежда, розовые леденцы, желтые леденцы, бечевка, сигареты и канцелярские принадлежности, но есть еще и небольшая библиотека.

Я вошел. Отправляясь в дорогу, я не прихватил с собой никакой литературы для чтения, а, между тем, не хотелось пренебрегать своим интеллектуальным развитием.

Как все подобные сельские заведения, библиотека не стремилась идти в ногу со временем. Я колебался в выборе между романами — «По царскому велению» и «Тайна извозчика», — ничего лучше мне не удалось обнаружить, — когда дверь распахнулась, и в магазин вошла Анжелика Брискоу, миловидная барышня, с которой я познакомился за обедом в Эгсфорд-Холле. Дочь викария, если помните.

Увидев меня, Анжелика повела себя довольно странным образом. Она вдруг приняла таинственный вид, точно нигилистка на встрече с нигилистом из романа «По царскому велению». Хотя я еще не читал этого сочинения, но было ясно, что в нем нигилистов и нигилисток не счесть, и они постоянно друг с другом встречаются и строят страшные козни.

Анжелика схватила меня за руку и, понизив голос до зловещего шепота, спросила:

— Он уже принес?

Я совершенно не понял, о чем она. Мне хочется считать себя учтивым светским человеком, который не хуже всякого другого умеет перекинуться шуткой-другой с хорошенькой девушкой, но, признаюсь, на сей раз я не нашелся с ответом и уставился на нее в немом изумлении. Трудно представить, чтобы дочь викария состояла в тайном обществе, но никак иначе нельзя было объяснить ее слова. Они прозвучали как секретный пароль, некий условный знак, который понятен лишь тем, кто принадлежит к членам Грозной Семерки, у них там на хорошем счету и заплатил все положенные взносы.

Спустя мгновение ко мне вернулся дар речи, не вполне, но хотя бы отчасти.

— Э-э? — вымолвил я.

Судя по всему, Анжелика удовлетворилась таким ответом сразу перестала строить из себя героиню романа «По царскому велению» и снова стала милой девушкой, которая вполне вероятно, играет на органе в церкви у своего отца.

— Понимаю, еще не принес. Конечно, такое дело требует времени.

— Какое дело?

— Не могу вам объяснить. Вон идет отец.

В магазин забрел преподобный Брископ с целью, как стало очевидно, купить полфунта розовых и полфунта желтых леденцов для поощрения самых хороших мальчиков из церковного хора. Его появление прервало дальнейшие откровения миловидной барышни, и с этого момента наша беседа касалась лишь погоды, состояния церковной крыши и как-чудес-но-выглядит-ваша-тетя-так-приятно-было-снова-повидаться. Обменявшись с ними несколькими бессвязными фразами, я оставил своих собеседников и продолжил прогулку.

Очень непросто определить, сколько времени потребуется двум разлученным, а затем внезапно воссоединенным сердцам, чтобы связать воедино все разорванные нити. Для пущей уверенности я отвел на свидание Орло и Ванессы около полутора часов и не ошибся в своих расчетах. Когда я вернулся домой, оба уже убрались восвояси.

У меня из головы никак не выходил странный вопрос, заданный мне Анжеликой Брископ. Чем больше я над ним размышлял, тем более зашифрованным он мне казался. Я имею в виду ее фразу: «Он уже принес?». Кто он? И что должен был принести? Я позвал Дживса, чтобы

выяснить, что он думает по этому поводу.

— Дживс, — начал я, — предположим, вы заходите в магазин и берете в тамошней библиотеке роман «По царскому велению», и тут появляется дочь викария и без всяких вступлений, не сказав даже «Привет», обращается к вам с вопросом «Он уже принес?». Как бы вы истолковали ее слова?

Дживс задумался, его быстрый ум заработал сразу в нескольких направлениях, как он сам однажды выразился.

— «Он уже принес?», сэр?

— Именно так.

— Я бы пришел к заключению, что какой-то знакомый должен был прийти или еще придет вскоре и принесет юной леди некий неизвестный предмет.

— Именно так я и подумал. А что представляет собой этот неизвестный предмет, мы, по всей видимости, узнаем в свое время.

— Вне всякого сомнения, сэр.

— Будем терпеливо ждать, пока все не прояснится.

— Да, сэр.

— А пока отложим эту тему. Скажите мне, как прошла встреча мисс Кук и мистера Портера? Успешно?

— Да, сэр, некоторое время они беседовали.

— Тихими, прерывающимися голосами?

— Нет, сэр, леди и джентльмен разговаривали на повышенных тонах.

— Странно. По-моему, влюбленные обычно шепчутся.

— Но не в разгар ссоры, сэр.

— Господи, помилуй! Они ссорились?

— И весьма бурно, их было отчетливо слышно на кухне, где я читал том Спинозы, который вы столь любезно подарили мне на Рождество. Дверь оставалась приоткрытой.

— Таким образом, вы стали свидетелем по слуху?

— От начала и до конца, сэр.

— Расскажите мне все, Дживс.

— Очень хорошо, сэр. Я должен начать с того, что мистер Кук как опекун распоряжается деньгами, оставленными мистеру Портеру его дядей, который, оказывается, был коммерческим партнером мистера Кука.

— Да, знаю, Портер мне рассказывал.

— Пока мистер Кук не откажется от своего опекунства, мистер Портер не может позволить себе жениться. Насколько я понял, его нынешняя работа не очень щедро вознаграждается.

— Он продает страховые полисы. Я не говорил вам, что купил у него страховку от несчастного случая?

— Не припомню, сэр.

— А потом еще застраховал у него жизнь, и все это на суммы, превышающие самые алчные мечты. Поддался на уговоры. Но не буду прерывать вас. Продолжайте рассказывать мне все.

— Да, сэр. Мисс Кук уговаривала мистера Портера потребовать встречи с ее отцом.

— Чтобы заставить его выложить денежки?

— Вот именно, сэр. «Будь твердым, — говорила она. — Покажи характер. Посмотри ему в глаза и стукни кулаком по столу».

— Иными словами, она предложила конкретные меры?

— Да, сэр.

— И что же он на это ответил?

— Он сказал, что как только начнет стучать кулаком по столу в присутствии мистера Кука, тот освидетельствует его как психически невменяемого и упрячет в ближайший дом для умалишенных— или, как он выразился, в психушку.

— Странно.

— Сэр?

— Никогда бы не подумал, что Портер способен проявить такое, такое… как это называется?

— Быть может, малодушие— то слово, которое вы ищите сэр?

— Возможно. Помню, оно вроде бы начинается на «ма». Мне показалось это странным, потому что я полагал, что рыцари в блестящих доспехах ни перед чем не робеют.

— Они, очевидно, делают исключение для мистера Кука. Насколько я понял из вашего рассказа о посещении Эгсфорд-Корта, этот джентльмен отличается на редкость грозным нравом.

— Совершенно верно. Вы когда-нибудь слышали о капитане Блае с брига «Баунти»?

— Да, сэр. Я читал о нем книгу.

— Я смотрел кино. А слышали о Джеке Потрошителе?

— Да, сэр.

— Сложите их вместе и что получите? Кука. Все дело в арапнике. Можно встретить лицом к лицу человека злобного, как гремучая змея, изрыгающего черные ругательства, — и не дрогнуть. Но дайте ему охотничий хлыст, и вы пропали. Я чудом ушел из Эгсфорд-Корта, сохранив в неприкосновенности седалище своих брюк. Но продолжайте,

Дживс. Что случилось потом?

— Можно я приведу в порядок свои мысли, сэр?

— Разумеется, сколько угодно.

— Благодарю вас, сэр. Хотелось бы связно изложить произошедшее.

Упорядочивание мыслей заняло у него от двадцати до тридцати секунд. Затем он представил последовательный отчет о ссоре между Ванессой Кук и О. Дж. Портером, которая затмила бы знаменитый бой между Джином Танни и Джеком Демпси в Чикаго.[108]

— Сразу же после того, как мистер Портер отказался идти мистеру Куку и стучать кулаком по столу, мисс Кук завела разговор о кошке.

— Какой кошке?

— Той самой, которую вы встретили в Эгсфорд-Корте и у которой завязалась столь крепкая дружба с лошадью мистера Кука, Потейто Чипом. Мисс Кук подговаривала мистера Портера похитить кошку.

— Ничего себе!

— Да, сэр. Женские особи вида более ядовиты, чем мужские. «Метко сказано», — подумал я.

— Ваши слова? — спросил я.

— Нет, сэр. Цитата.

— Что ж, продолжайте, — сказал я, отметив про себя, сколько же всего замечательного наговорил когда-то Шекспир. «Женские особи вида более ядовиты, чем мужские». Достаточно вспомнить мою тетю Агату и ее мужа, чтобы понять всю истинность этих слов. — Я понял, Дживс. С кошкой в руках Портер получит сильную позицию против Кука в споре за капиталы, находящиеся у него под опекой.

— Именно так, сэр. Rem acu tetigisti.[109]

— И должно быть, как раз сейчас Орло находится в Эгсфорд-Корте и вонзает зубы в старого капитана Блая.

— Нет, сэр. Он категорически отказался выполнить просьбу мисс Кук. «Ни за что на свете», — отрезал он.

— Этот тип, О. Дж. Портер, не слишком склонен к сотрудничеству.

— Да, сэр.

— Отчасти напоминает Валаамову ослицу, — заметил я, имея в виду персонаж, который фигурировал в школьной экзаменационной работе, когда я получил награду за знание Библии. — Если помните, она тоже заупрямилась, и ни тпру ни ну.

— Да, сэр.

— А мисс Кук, наверное, взбеленилась?

— Действительно, из ее слов можно было понять, что она недовольна. Она назвала мистера Портера трусливым ничтожеством и заявила, что больше никогда не станет с ним разговаривать и просит не посылать ей писем, телеграмм или почтовых голубей.

— Похоже на разрыв.

— Да, сэр.

Я вздохнул, не то чтобы очень глубоко, а так, слегка.

Сострадательному человеку неизбежно взгрустнется при виде того, как юная любовь разбивается о скалы. Я не представлял себе, как можно по собственному горячему желанию вступить в брак с Орло Портером, и сам содрогнулся бы от макушки до носков от одной только ужасной мысли, чтобы мне жениться на Ванессе Кук. Однако эти двое были такой подходящей парой, обидно, что какие-то сказанные в сердцах слова преградили им путь к алтарю.

Вместе с тем в их разрыве была и положительная сторона — он послужит Ванессе хорошим уроком, наконец-то ей попался тот, кем она не может помыкать по своему капризу. Я сказал об этом Дживсу, и он согласился, что можно посмотреть на вещи и в таком разрезе.

— Может быть, перестанет воображать себя Клеопатрой или кем-то там еще.

— Совершенно верно, сэр.

Я с удовольствием продолжил бы нашу беседу, но Дживсу не терпелось вернуться к своему Спинозе. Наверное, я оторвал его от чтения в том месте, когда Спиноза приблизился к разгадке тайны обезглавленного трупа на полу в библиотеке.

— Хорошо, Дживс, — сказал я. — Пока это все.

— Благодарю вас, сэр.

— Если вам придет в голову какое-нибудь объяснение загадочной фразы «Он уже принес?», пришлите мне докладную записку.

Я говорил шутливо, но мне было совсем не весело. Непонятные слова Анжелики Брискоу лишили меня душевного равновесия. Весьма вероятно, что за моей спиной творятся вещи, которые не сулят мне ничего хорошего. В прошлом я немало пострадал от проделок девиц в возрасте Анжелики — одна Стиффи Бинг чего стоит, — и неудивительно, что я стал осторожным и подозрительным, как лиса, которую годами травят члены охотничьего общества «Пайтчли».

Говоря обиняками — кажется, есть такое выражение, — А. Брискоу навела меня на неприятную мысль, что здесь кроется какая-то тайна. Тайны хороши только в книгах, я люблю свернуться калачиком на диване с

последним романом Агаты Кристи в руках, но в обычной жизни они вовсе не нужны, от них одна головная боль.

У меня уже начинало стучать в висках, когда послышался какой-то шум. Дверь распахнулась, и ко мне вошла Ванесса Кук.

На лице еще остались следы недавнего столкновения. Щеки пылали, глаза сверкали, а при взгляде на ее зубы не оставалось сомнений, что еще совсем недавно ими свирепо скрежетали. Весь вид этой барышни свидетельствовал о том, что ее эмоциональная натура охвачена смятением.

— Берти, — проговорила она.

— Привет, — отозвался я.

— Берти, я согласна стать вашей женой.

10

Вы, естественно, ожидали, что в ответ на подобное заявление я произнесу что-то вроде: «Боже мой!» или «Кем, кем вы согласны стать?», — однако я остался sotto voce,[110] превратился в немое изваяние, лишь вытаращил глаза, как те ребята, о которых говорил Дживс, что в безумной догадке они молча застыли на вершине Дарьена.[111]

Слова Ванессы поразили меня, как гром среди ясного неба. Когда я в прошлом делал ей предложения, она отвечала таким категорическим отказом, что, казалось, с этого направления мне больше ничего не угрожает, мы даже не останемся просто друзьями. Она тактично, но недвусмысленно дала понять, что скорее умрет в канаве, чем станет моей женой, и вот вам, пожалуйста. Выходит, мужчина вообще никогда не может быть уверен в собственной безопасности? Неудивительно, что у меня, как говорится, язык прилип к гортани.

А Ванесса, наоборот, разговорилась. Облегчив душу признанием, она явно почувствовала себя лучше. Огонь в глазах погас, зубы больше не скрежетали. Не говорю, что теперь без опаски повстречал бы ее в темном переулке, но в ней, несомненно, произошли изменения к лучшему.

— Свадьба у нас будет очень-очень скромная, — рассуждала она. — Всего несколько моих лондонских знакомых. А может быть, даже более чем скромная. Все зависит от отца. Грубо говоря, он относится к вам, как полицейские к Врагу Общества Номер Один, заявившемуся к ним на ежегодный бал. Не знаю, что вы ему сделали, но только я в жизни не видела его таким пунцово-лиловым, как в тот момент, когда за обедом

назвали ваше имя. Если его отношение к вам не изменится, нам придется бежать. Меня это нисколько не смущает. Наверное, многие назовут мой поступок опрометчивым, но я готова пойти на риск. Я мало вас знаю, это правда, но человек, при одном упоминании имени которого у моего отца застревает кусок в горле, не может быть безнадежно плохим.

Наконец язык мой отлип от гортани, и я вновь обрел дар речи, как, надеюсь, и те ребята на вершине Дарьена.

— Но я не понимаю!

— Чего не понимаете?

— Я думал, вы собираетесь замуж за Орло Портера.

Она фыркнула и причмокнула — так хлюпает слон, вытягивая ногу из топкой грязи в чаще бирманского тикового леса. По всей видимости, я коснулся обнаженного нерва.

— Вы так думали? Вы заблуждались. Какая девушка, сохранившая хотя бы крупицу здравого смысла, выйдет замуж за человека, который отказывается выполнить ее пустячную, ничтожную просьбу, потому, видите ли, что боится ее отца? Если бы Орло Портер свалился с лестницы и сломал шею, я бы только порадовалась. С каким наслаждением я прочитала бы его имя в колонке некрологов в «Таймсе». Но выйти за него замуж? Что за мысль! Нет, меня вполне устраиваете вы, Берти. Кстати, это имя мне совершенно не нравится. Пожалуй, я буду называть вас Гарольд. Да, вы вполне мне подходите. Разумеется, у вас много недостатков. Как-нибудь на досуге я укажу вам на некоторые из них. Например, — продолжила она, не дожидаясь, пока окажется на досуге, — вы слишком много курите. Когда мы поженимся, вам придется это бросить. Курение — всего лишь дурная привычка. Толстой, — сослалась она на какого-то своего знакомца, которого я не имею чести знать, — утверждает, что такое же удовольствие можно получить, если просто вертеть пальцами.

Я чуть было не ответил ей гневной отповедью, что ее Толстой просто спятил, однако вовремя сдержался. Откуда мне знать, а вдруг это ее близкий друг, и она не потерпит ни малейшей критики в его адрес, даже самой справедливой. А что случается с теми, чьи критические замечания пришлись Ванессе не по вкусу, — например, с полицейскими, — хорошо известно.

— И еще этот ваш глупый смех, над ним надо будет поработать. Если вам смешно, вполне достаточно спокойно улыбнуться. Лорд Честерфилд пишет, что по достижении им совершеннолетия никто никогда не слышал, чтобы он смеялся. Но вы вряд ли читали «Письма лорда Честерфилда к сыну»?

Конечно, не читал. Бертрам Вустер не читает чужих писем. Если бы я служил на почте, то не читал бы даже почтовых открыток.

— Я составлю вам список необходимой литературы. Она, кажется, собралась перечислить несколько названий, но в этот момент в комнату ворвалась Анжелика Брискоу.

— Принес? — во весь голос осведомилась она.

Но, заметив Ванессу, охнула и ускользнула, как угорь в ил. Ванесса проводила ее снисходительным взглядом.

— Эксцентричная барышня, — заметила она.

Я согласился, что Анжелика Брискоу действительно перемещается в пространстве загадочным образом и чудеса творит. Ванесса ушла, а я рухнул в кресло и закрыл лицо руками.

Для этого у меня были веские основания, ведь я только что обручился с девушкой, которая намерена заставить меня бросить курить. В это время у входных дверей раздался шум, который ни с чем нельзя было спутать, — это тетя вытирала ноги о коврик. В следующее мгновение сестра моего покойного отца Далия с разгону влетела в комнату, покачнулась, повернулась, чертыхнулась и, наконец обретя равновесие, спросила:

— Принес?

11

По-моему, я человек не вспыльчивый, особенно в отношениях со слабым полом, но когда каждая из них при виде вас вопит «Принес?», это не может не задеть самолюбия. Я смерил тетю Далию свирепым взглядом, каким племянники не должны смотреть на теток, и проговорил довольно резким тоном:

— Если бы хоть одна из вас оставила эту манеру разговаривать, как героини романа «По царскому велению», мир стал бы лучше. Что принес?

— Кошку, разумеется, что же еще, несчастный ты болван, — ответила она с непосредственностью, снискавшей ей такую популярность среди любителей лисьей охоты в «Куорне» и «Пайтчли». — Кошку Кука. Я ее похищаю. Точнее говоря, от моего лица действует агент. И я велела ему принести ее сюда.

Я, как говорится, онемел. Если что-то может парализовать голосовые связки племянника, так это открытие, что любимая тетя имеет смутные понятия о разнице между добром и злом. За многие годы горький опыт должен был научить меня, что там, где в дело вступает тетя Далия, можно

ожидать чего угодно, для нее не существует пределов. И тем не менее я был… — есть какое-то подходящее тут слово… Да, вспомнил… Я был огорошен.

Как известно, любая женщина, когда хочет, чтобы ее слушали, старается огорошить аудиторию, и меня не удивило, что тетя Далия воспользовалась моим молчанием, чтобы захватить инициативу. Понимая, что от нее требуется хоть какое-то объяснение, она выступила с художественной декламацией, не опуская подробностей и не заботясь о сжатости изложения. Стартовав со скоростью 75 миль в час, она ринулась вперед:

— Для начала я должна объяснить одной дурьей башке — тебе, если взять первый попавшийся пример, — в каком сложном положении я оказалась, когда приехала к Брискоу. Приглашая меня в Эгсфорд-Холл, Джимми на все лады превозносил шансы его лошади Симлы на предстоящих скачках. Утверждал, что дело верное и что поставить на Симлу — все равно что найти кошелек на улице. Я, бедная слабая женщина, позволила себя уговорить, и в надежде на выигрыш пожертвовала всем, что имела, вплоть до самых интимных предметов туалета. И лишь после приезда, изучив общественное мнение, я узнала, что ставить на Симлу не такое уж надежное дело, а совсем даже наоборот. Лошадь Кука, Потейто Чип, нисколько не уступала ей в быстроте и выносливости. В сущности, велика была вероятность, что обе лошади одновременно придут к финишу, если только, следи внимательно, Берти, если только одна из них не сорвется на тренировках. И тут появляешься ты с конфиденциальной информацией, что Потейто Чип не сможет готовиться к соревнованиям, если лишится вдохновляющего общества той самой кошки. И на меня снизошло озарение. «Из уст младенцев и грудных детей! — сказала я себе. — Из уст младенцев и грудных детей!».[112]

Мне хотелось выразить пожелание, чтобы тетя Далия не прибегала к таким сильным выражениям, но разве ей скажешь? Когда моя престарелая родственница завладевает разговором, нечего и пытаться вставить хотя бы слово.

— Я упомянула, — продолжала она, — что поставила на Симлу все, что имела. Скажу точнее. Ставка значительно превышает все, чем я располагала. В случае проигрыша я не смогу заплатить и вынуждена буду обратиться к Тому за изрядной суммой. А у Тома, как тебе известно, когда приходится раскошеливаться, случается несварение желудка. Можешь вообразить, что со мной творилось. Если бы не Анжелика Брискоу, все кончилось бы неминуемым нервным срывом. Только усилием моей

железной воли я сдерживала себя, чтобы не лезть на стенки и не выть, как фея-плакальщица. Слишком чудовищным было напряжение.

Я все еще сидел огорошенный, но все-таки сумел переспросить: «Анжелика Брискоу?», — так как не понял, при чем тут она. Тетя продолжала:

— Только не говори, что не помнишь ее. И вообще не понятно, почему ты до сих пор не сделал ей предложение, обычно тебе на это требуется пять минут после знакомства с любой девушкой, кроме уж совсем безобразных. Вероятно, от того количества портвейна, которое ты в себя залил, у тебя в глазах помутилось. Анжелика — дочь преподобного Брискоу. После твоего ухода мы с ней разговаривали, и выяснилось, что она тоже поставила на Симлу, и немало, а теперь ума не приложит, как вывернуться, если Симла проиграет. Я рассказала ей про кошку, и она с восторгом поддержала мою идею выкрасть ее и, более того, разрешила трудность, которая меня смущала, а именно, как осуществить похищение. Видишь ли, такое дело не каждому по плечу. Например, я для него не гожусь. Тут нужен кто-то наподобие краснокожих индейцев, о которых я девочкой читала в книгах Фенимора Купера. У этой публики ни одна веточка под ногой не хрустнет, а у меня совсем другая комплекция.

Что правда, то правда. Возможно, что в юности моя престарелая родственница была грациозна, как сильфида, но с годами она приобрела известную солидность, и уж коли теперь, на закате своих дней, она наступит на какую-нибудь веточку, раздастся такой грохот, точно взорвался газопровод.

— Но Анжелика нашла выход. Что за прелесть эта девушка. Всего-навсего дочь священника, а какие организаторские способности — как у выдающегося государственного деятеля. Она не колебалась ни минуты. Лицо просветлело, глаза засияли. И она сказала: «Это дело для Билли Грэхема».[113]

Я с удивлением посмотрел на тетю Далию. Имя было мне знакомо, но я никогда не соотносил его с успехами в искусстве перемещения кошек, особенно чужих, из точки А в точку Б. По правде говоря, я даже думаю, что мистер Грэхем по роду своих занятий, скорее всего, не одобрил бы такой вид деятельности.

Я выразил недоумение, но тетя объяснила мне мою, вполне естественную, ошибку.

— Его настоящее имя Герберт Грэхем, но все называют его Билли.

— Почему?

— Деревенский юмор. Такого здесь сколько угодно. Здешний Билли

Грэхем — король местных браконьеров, у него под ногой тоже не хрустнет ни одна ветка. Все лесники на мили вокруг много лет пытаются поймать его с поличным, но это безнадежно. Подсчитано, что 76,8 процента пива, проданного в «Гусе и кузнечике», приобретено измученными лесниками, заливающими горе пивом после того, как Билли обвел их вокруг пальца. Я все это знаю со слов Анжелики, которая с ним в большой дружбе. Она рассказала ему о наших тревогах, и он выразил готовность немедленно взяться за дело. Он тем более годится для этой операции в Эгсфорд-Корте, что там служит судомойкой его племянница, Марлин. Если его заметят, ни у кого не возникнет никаких подозрений. Он всегда может сказать, что пришел проведать ее. Честно говоря, все складывается так, как будто нам помогает само Провидение.

Я ужаснулся. Меня особенно потрясло ее намерение обратиться к услугам наемного убийцы, который, вполне вероятно, всю последующую жизнь будет ее шантажировать. Что же касается Анжелики Брискоу, то оставалось только диву даваться, до чего докатились дочери священников. Я попробовал урезонить тетушку:

— Вы не сделаете этого, старая прародительница. Это же все равно что испортить лошадь перед скачками.

Если вы думаете, что после моих слов ее щеки покрылись краской стыда, то вы плохо знаете теток.

— Порча лошади считается обычной мерой предосторожности. К ней прибегает всякий, у кого появляется такая возможность, — возразила она.

Вустеры не привыкли сдаваться, и я предпринял новую попытку:

— А как же чистота скаковой дорожки?

— Ерунда. Мне больше нравится, когда там не все чисто. Так интереснее.

— Что сказали бы члены «Куорна» по этому поводу? Или, если на то пошло, «Пайтчли»?

— Они прислали бы мне телеграмму с пожеланиями удачи. Ты не понимаешь, что такое местные деревенские скачки. Это тебе не Эпсом и не Аскот. Здесь само собой разумеется, что вы прибегаете к разным маленьким хитростям. От вас этого просто-напросто ждут. Года два назад лошадь Джимми по кличке Пуна участвовала в скачках в Бридмуте, и накануне соревнований один наймит Кука подстерег жокея, заманил в кабак «Гусь и кузнечик» и напоил так, что на следующий день тот вышел на старт, жестоко страдая от похмелья, и хотел только одного: сидеть и плакать. Он пришел пятым, рыдая, и заснул прямо в седле. Разумеется, Джимми догадался, чьих рук дело, но промолчал. Никаких претензий и

обид ни с той, ни с другой стороны. И лишь после того, как Джимми оштрафовал Кука за выпас свиней без разрешения, отношения стали напряженными.

Я выдвинул еще одно деликатное соображение:

— А что, если этого вашего агента поймают? Он сразу же выдаст вас, и ваша репутация в Мейден-Эгсфорде будет испорчена навеки.

— Никогда его не поймают. Он местный неуловимый герой-разбойник. А мою репутацию в Мейден-Эгсфорде ничто не сможет замарать. Я здесь слишком популярная личность с тех пор, как в прошлом году исполнила на деревенском празднике песенку «Все хорошенькие девушки любят моряка». Они у меня в проходах катались. Три раза бисировала, а кланялась столько, что в спину вступило.

— Избавьте меня от рассказов о ваших бесчинствах, — холодно произнес я.

— Я была в матросском костюме.

— Прошу вас, — простонал я в отвращении.

— Ты бы видел, какие отзывы напечатала газета «Бридмутский Аргус», и к ее восторженным оценкам присоединились «Сомерсетский фермер» и «Вестник Южного края». Ну, да у меня нет времени сидеть тут целый день и слушать твою болтовню. Эльза пригласила к чаю каких-то зануд и хочет, чтобы я составила ей компанию. Не давай скучать кошке, когда она появится. Думаю, что у нее вкусы богемные и, скорее всего, она предпочитает виски, но попробуй предложить ей молока.

С этими словами тетя удалилась за кулисы через дверь слева в глубине сцены, кипя энергией, как ни одна тетка на всем свете.

Вошел Дживс. Его руки были заняты.

— У нас теперь есть кошка, сэр, — объявил он. Я поднял на него безнадежно потухший взор.

— Значит, он ее принес.

— Да, сэр. Несколько минут назад.

— К задней двери?

— Да, сэр. Проявил должную сообразительность.

— Он здесь?

— Нет, сэр. Отправился в пивную «Гусь и кузнечик».

Я сразу перешел к делу. Не было времени ходить вокруг да около. Мне нужен был его совет, и притом немедленно.

— Как я понимаю, Дживс, — начал я, — появление кошки по этому адресу позволило вам, как говорится, сложить два и два, и вы поняли, что на большой дороге свершилось черное дело?

— Да, сэр. Я имел честь слышать миссис Траверс. У этой леди весьма зычный голос.

— Очень точно сказано. Думаю, когда она охотилась в юности, ее было слышно в нескольких окрестных графствах.

— Я готов в это поверить, сэр.

— Что ж, если вам все известно, нет нужды объяснять ситуацию. Теперь перед нами стоит проблема, куда податься.

— Сэр?

— Вы знаете, что я имею в виду. Я не могу просто сидеть… как это сказать, Дживс?

— Сложа руки, сэр?

— Вот именно. Я не могу просто сидеть сложа руки и не остановить эту авантюру. На карту поставлена честь Вустеров.

— Вам не в чем винить себя, сэр. Не вы украли кошку.

— Да, но это сделал один из членов моей семьи. Кстати, тетю Далию могут посадить в тюрьму, если ее виновность будет доказана?

— Затрудняюсь ответить, тут требуется консультация компетентного и авторитетного юриста. Но можно не сомневаться, что неприятного скандала не избежать.

— Вы хотите сказать, что ее имя станет притчей во языцех?

— Скорее всего так, сэр.

— С бедственными последствиями для пищеварения дяди Тома. Скверно, Дживс. Этого нельзя допустить. Вам известно, что с ним бывает даже после крохотного кусочка омара. Кошку надо вернуть Куку.

— Весьма благоразумное решение, сэр.

— Вы не взяли бы на себя труд сделать это?

— Нет, сэр.

— Это вполне отвечало бы феодальному духу.

— Несомненно, сэр.

— В средние века вассал поспешил бы исполнить такое поручение.

— Весьма вероятно, сэр.

— Это займет у вас десять минут. Можете поехать на машине.

— Сожалею, но я вынужден заявить nolle prosequi, сэр.

— Тогда я должен подумать, что делать. Оставьте меня, Дживс. Мне надо сосредоточиться.

— Очень хорошо, сэр. Не принести ли вам для бодрости виски с содовой?

— Rem acu tetigisti, — откликнулся я.

Оставшись один, я направил всю мощь вустеровского интеллекта на

решение этой проблемы, но тщетно. Несмотря на все мои усилия, я не мог придумать, каким образом вернуть кошку на исходные позиции, избежав при этом встречи с папашей Куком и его арапником. Мне вовсе не хотелось услышать свист хлыста вокруг своих ног. Как ни храбры Вустеры, есть вещи, от которых они стараются держаться подальше.

Я все еще сидел, погруженный в размышления, когда снаружи раздался бодрый клич, и кровь застыла у меня в жилах — в комнату стремительно ворвался Планк.

12

Вряд ли надо объяснять, почему кровь застыла у меня в жилах. Даже слепому была бы очевидна вся щекотливость ситуации. С кошкой за стеной и лицом к лицу с Планком, я оказался в положении воришки, который стащил рубин магараджи и только-только припрятал краденное среди своих пожитков, как в дверях появляется ответственный сотрудник Скотланд-Ярда. И даже еще того хуже, потому что рубины, в отличие от кошек, не могут издавать звуки. Эта кошка во время нашего короткого знакомства произвела на меня впечатление существа молчаливого, ограничивающегося мурлыканьем, но разве можно поручиться, что в незнакомой обстановке, соскучившись по своему приятелю Потейто Чипу, она не замяукает? Одно-единственное «мяу», и я пропал.

Однажды по требованию тети Агаты мне пришлось повести ее отвратительного сына, юного Тоса, в «Олд-Вик» на пьесу под названием «Макбет». Тос все проспал, а мне понравилось. Особенно одна сцена, когда к Макбету на званый ужин является без приглашения окровавленный призрак одного парня по имени Банко, которого он недавно убил, и Макбет ужасно из-за этого расстроился. Вот и я при виде Планка ощутил такой же ужас, как Макбет в тот вечер. Я вытаращился на Планка, как вытаращился бы и сам Планк, если бы, ложась спать, обнаружил в складках своей пижамы скорпиона, тарантула или кто там еще у них водится в Африке.

Планк был оживлен и очень весел.

— Я пришел затем, чтобы сообщить вам, что ко мне возвращается память, — объявил он. — Очень скоро я вспомню нашу первую встречу во всех подробностях. Пока в голове еще туман, но сквозь него уже пробивается свет. Так часто бывает после малярии.

Новость совершенно не привела меня в восторг. Как я уже упоминал, встреча, о которой он говорил, была сопряжена с крайне неприятными для

меня обстоятельствами, и я предпочел бы, как говорится, предоставить прошлому хоронить своих мертвецов. Напомню только, что она завершилась предложением Планка огреть меня по голове зулусской дубиной, и вам станет ясно, что общение сторон не происходило в атмосфере полной сердечности.

— Кое-что я помню, — продолжал Планк. — Вы увлекались регби, и у меня тоже это самая большая страсть, я рассказывал вам, что местная команда в неплохой форме и подает большие надежды. По невероятно счастливой случайности, у меня появился новый викарий по фамилии Пинкер, он оказался поддерживающим форвардом международного класса. Четыре года играл за Оксфорд, завоевал целую кучу кубков Англии. Он сплачивает всю команду и к тому же читает отличные проповеди.

Ничто не могло бы обрадовать меня больше, чем известие, что мой старый приятель Растяпа Пинкер успешно служит благу ближних, и, если бы не нависшая над нами мрачная тень кошки, болтать с Планком было бы одно удовольствие. Как все ребята с дальних рубежей, он знал массу всего интересного и рассказал мне немало всякой всячины, о которой я и понятия не имел, о мухе цеце и о том, что делать, если на вас нападет бешеный носорог. Посреди самой увлекательной истории — Планк как раз дошел до места, когда решил заночевать у туземцев, ему показалось, что они настроены дружески, — он замолк, прислушался и спросил:

— Вы слышали?

Разумеется, я слышал, но и бровью не повел.

— А что?

— Вроде бы кошка мяукнула.

На моем лице не дрогнул ни один мускул. Я усмехнулся.

— О, это мяукает мой камердинер Дживс.

— Вот как?

— Он это занятие очень любит.

— Наверное, потешает так своих собутыльников в пивной, особенно перед закрытием, когда все уже нализались. У меня был туземец-носильщик, который умел подражать брачному зову самца пумы.

— Неужели?

— Да так искусно, что даже вводил в заблуждение самок. Они обступали лагерь со всех сторон и жутко злились, когда выяснялось, что это всего-навсего туземец-носильщик, я рассказывал вам о нем, это его пришлось закопать до захода солнца. Кстати, как ваши пятнышки?

— Исчезли без следа.

— Иногда это не очень хороший признак. Есть опасность, что они

проникнут внутрь и попадут в кровь.

— Доктор Мергэтройд уверял, что они пройдут навсегда.

— Ему виднее.

— Я полностью доверяю ему.

— Я тоже, хоть он и с бородой. — Планк немного помолчал, а потом весело рассмеялся. — Чудно, как быстро летит время.

— Да, действительно, — согласился я.

— Старина Джимпи Мергэтройд. Вы не поверите, глядя на него сегодня, но когда-то он был лучшим третьим нападающим в Хейлибери.[114] Носился как молния и никогда не мазал на обратной передаче. В игре с Бедфордом он дважды увеличивал счет на три очка, один раз с подачи нашего двадцать пятого, и в игре с Тонбриджем забил мяч.

Хотя мне было непонятно, о чем он толкует, я произнес: «В самом деле?», — и он сказал: «Чистая правда», — наверное, мы бы и дальше продолжили разговор о детских годах Э. Джимпсона Мергэтройда, но в этот момент кошка снова вышла в эфир, и Планк сменил тему:

— Послушайте, я готов поклясться, что это кошка. Ваш камердинер мяукает очень похоже, просто не отличить.

— У него к этому способности.

— Я бы сказал, талант. Хорошие звукоподражатели животных на дороге не валяются. Второго такого носильщика, как тот парень, что разговаривал с пумами, мне так и не удалось найти. Много всяких, кто более или менее сносно изобразит вам уханье совки, но это совсем другое дело. Ваше счастье, что здесь нет Кука.

— Почему?

— Он бы решил, что это его кошка, и потребовал, чтобы ему ее предъявили, весь дом перевернул бы вверх дном. Кук никогда бы не поверил, что это ваш камердинер упражняется в искусстве звукоподражания. Дело в том, что у него пропала очень ценная кошка, он убежден, что ее украли конкуренты, и хочет обратиться в Скотланд-Ярд. Однако мне пора. Я заглянул лишь для того, чтобы поделиться с вами замечательной новостью: ко мне возвращается память. И скоро я вспомню, почему мне казалось, что ваше имя начинается на «Ал». Может быть, это какое-нибудь прозвище?

— Вряд ли.

— Скажем, сокращение от Алка-Зельтцер[115] или что-нибудь такого? Ну, да незачем сейчас из-за этого беспокоиться. Память вернется. Обязательно вернется.

Непонятно, с чего он взял, будто мое имя начинается на «Ал», но в конце концов это неважно, и я не стал углубляться. Как только Планк удалился, я сразу же вызвал Дживса на переговоры.

Он вошел, рассыпаясь в извинениях. Судя по всему, он думал, что подвел своего молодого хозяина.

— Вы, вероятно, сочтете, что я пренебрег своими обязанностями, сэр, но полностью заглушить мяуканье кошки оказалось выше моих сил. Надеюсь, оно не донеслось до слуха вашего гостя.

— Еще как донеслось, и гостем был не кто иной, как майор Планк, из лап которого вы так находчиво спасли меня в Тотли-ин-Уолд. Он тесно связан с папашей Куком, и мне не стыдно признаться вам, что при его появлении я содрогнулся, как Макбет, если вы помните ту сцену, когда он садится ужинать, а тут входит призрак.

— Прекрасно помню, сэр. «Трясешь кровавыми кудрями ты напрасно».[116]

— И я не могу его осуждать. Планк слышал кошачье мяуканье.

— Весьма сожалею, сэр. Прошу меня простить.

— Вы не виноваты. Кошки есть кошки. Сначала я растерялся от неожиданности, как Макбет, но потом взял себя в руки. Я сказал Планку, что это вы увлекаетесь звукоподражанием, мяукаете по-кошачьи, и в данный момент упражняетесь в этом искусстве.

— Удачно придумано, сэр.

— Да, мне тоже показалось, что придумано недурно.

— Ваше объяснение удовлетворило джентльмена?

— Вроде бы. Но как быть с папашей Куком?

— Сэр?

— Боюсь, велика вероятность того, что Кук не поверит этой версии и заявится с обыском. Говоря «вероятность», я имею в виду «неизбежность». Посудите сами. Сначала Кук застает меня в Эгсфорд-Корте в тот момент, когда я, вроде бы, пытаюсь похитить его кошку. Затем он узнает, что я обедаю в Эгсфорд-Холле. «Ага! — говорит он себе. — Наверняка это кто-то из банды Брискоу. Я поймал его с поличным». Неужели вы полагаете, что, когда Планк вернется и расскажет, как у меня дома кто-то мяукает по-кошачьи, он поверит, что Планк слышал звукоподражателя. Сомневаюсь, Дживс. Ровно через десять секунд он окажется у дверей моего дома и, скорее всего, в сопровождении местной полиции.

Мои неопровержимые доводы возымели действие, о чем можно было судить по тому, что у него едва заметно дернулся кончик носа. Ничто на свете не могло заставить Дживса сказать: «Проклятие!», — но сейчас это

слово едва не сорвалось у него с языка, хоть он и удержал его на полпути. Его ответ на мое obiter dicta[117] был кратким и по существу.

— Необходимо действовать, сэр!

— И без промедления. Вы по-прежнему отказываетесь вернуть кошку в status quo?

— Да, сэр.

— Сэм Уэллер не раздумывая сделал бы это ради мистера Пиквика.

— В мои обязанности не входит возвращать кошек, сэр. Но, если позволите, я могу высказать предложение.

— Говорите, Дживс.

— Почему бы не предоставить это самому Грэхему?

— Ну конечно же! Мне не пришло в голову.

— У него солидная репутация браконьера, а компетентный браконьер — именно то, что нам нужно.

— Понимаю, о чем вы. Его навыки позволяют ему бесшумно перемещаться по местности, так что и ветка под ногой не хрустнет, а это — главное условие для успешного возвращения кошки.

— Именно так, сэр. С вашего позволения, я отправлюсь в пивную «Гусь и кузнечик» и скажу Грэхему, что вы хотите его видеть.

— Ступайте, Дживс, — ответил я, и уже через несколько минут оказался наедине с Гербертом (Билли) Грэхемом.

Окинув его быстрым оценивающим взглядом, я поразился, как респектабельно он выглядит. Мне всегда казалось, что браконьеры похожи на грубых неотесанных бандитов, одеты в обноски, позаимствованные у первого встречного пугала, и бреются не чаще одного раза в неделю.

Напротив, Герберт Грэхем был одет в опрятный, ладно скроенный костюм из твида и гладко выбрит. Голубые глаза смотрели открыто, волосы были тронуты сединой. Мне доводилось видеть членов кабинета министров с гораздо более неряшливой внешностью. Грэхем же вполне мог петь в церковном хоре у преподобного Брискоу, и как я впоследствии узнал, он действительно пел в хоре — у него был приятный тенор, который равно подходил и для гимнов, и для тех мест в воскресной литургии, где поминается «окаянный грешник».

Ростом и комплекцией он напоминал Фреда Астера,[118] и в его движениях чувствовалось проворство, качество, необходимое для избранной им профессии. Глядя на него, легко было вообразить, как он без единого звука, прихватив парочку зайцев, бежит в подлеске, всегда на два прыжка впереди лесничих, идущих по его следу. Моя почтенная

родственница сравнила его с легендарным неуловимым разбойником, и, вне всяких сомнений, столь лестный отзыв был вполне заслужен. Я оценил мудрость Дживса, предложившего, чтобы именно этому человеку я доверил осуществление задуманной деликатной миссии. Когда речь идет о том, чтобы вернуть украденных кошек на место их законного обитания, требуется специалист в этом деле. Я не сомневался, что Герберт Грэхем преуспеет там, где потерпели бы фиаско Ллойд Джордж и Уинстон Черчилль.

— Добрый день, — произнес он. — Вы хотели меня видеть? Я сразу же взял быка за рога. Какой смысл мычать или, точнее говоря, мямлить?

— Речь идет о кошке.

— Я доставил ее согласно инструкциям.

— А теперь я хочу, чтобы вы доставили ее назад. Он явно опешил.

— Назад, сэр?

— Туда, откуда вы ее взяли.

— Я не вполне понимаю, сэр.

— Сейчас объясню.

Я постарался обрисовать ситуацию с исчерпывающей ясностью и как можно более полно объяснил, что для Вустера немыслимо одобрить проступок, в сущности, равносильный — если я употребил правильное слово, — попытке испортить лошадь перед скачками. Я сказал в заключение, что упомянутая кошка должна быть незамедлительно и со всеми мерами предосторожности возвращена владельцу. Грэхем слушал меня внимательно, но, когда я замолчал, он покачал головой.

— Исключено, сэр.

— Исключено? Почему? Ведь вы же ее выкрали.

— Да, сэр.

— Значит, можете вернуть на место.

— Нет, сэр. Вы опускаете некоторые существенные детали.

— Какие именно?

— Кража, на которую вы ссылаетесь, носила характер личного одолжения мисс Брискоу, которую я знал еще ребенком, и, надо сказать, она была прелестной крошкой.

Я подумал было, а не попытаться ли мне растрогать его, сказав, что тоже был прелестной крошкой, но я знал, что это утверждение не соответствует действительности, о чем мне постоянно твердила тетя Агата, и потому промолчал. Вряд ли, конечно, он когда-нибудь встретится с моей тетей Агатой и станет обсуждать с ней эту тему, но лучше было не рисковать.

— Более того, — продолжал он, и меня вновь, как в самом начале, поразила чистота его выговора. Он явно получил хорошее образование, хотя сомневаюсь, чтобы он учился в Оксфорде. — Более того, я поставил пять фунтов на Потейто Чипа у хозяина «Гуся и кузнечика».

— «Ага!»— воскликнул я про себя, и я готов объяснить, почему сказал про себя «Ага!». Да потому, что пелена спала с моих глаз, и мне все стало ясно. Эти разговоры о личном одолжении прелестным крошкам не более чем пустая болтовня. Им двигали одни только корыстные мотивы. Когда Анжелика Брискоу обратилась к нему, он с сожалением произнес в ответ nolle prosequi на том основании, что поставил пять фунтов на Потейто Чипа и заинтересован в его победе. Тогда она спросила, украдет ли он кошку за десять фунтов, что даст ему неплохую прибыль. И он согласился. Затем Анжелика взяла деньги у тети Далии, и сделка состоялась. Мне часто приходило в голову, что из меня получился бы хороший детектив. Я умею рассуждать и делать выводы.

Теперь, когда все прояснилось, разговор можно было перевести на деловую основу. Оставалось лишь договориться об условиях. Платить придется наличными, поскольку он своего явно не упустит, а я, к счастью, захватил с собой пачку купюр, чтобы делать ставки на скачках в Бридмуте, так что никаких затруднений не предвиделось.

— Сколько вы хотите? — спросил я.

— Сэр?

— Чтобы произвести де-котизацию моего жилища и вернуть этого представителя семейства кошачьих в строй.

Его честные голубые глаза затуманились — как всегда, наверное, при денежных переговорах, но не при пении в церковном хоре. Ребята из клуба «Трутни» мне рассказывали, что нечто похожее происходило с глазами Уфи Проссера, клубного миллионера, когда кто-нибудь пробовал стрельнуть у него мелочь, чтобы перебиться до следующей среды.

— Сколько я хочу, сэр?

— Да, назовите мне сумму. Мы не будем торговаться. Он сжал губы, а затем, разжав их, произнес:

— Сожалею, но при всем желании не смогу сделать это за небольшое вознаграждение. Понимаете, вдруг пропажу уже обнаружили, поднимется шум, гам, все в доме мистера Кука будут начеку. Я окажусь в положении шпиона, который во время войны пытается перейти линию фронта с секретными донесениями, когда все только его и ищут. Думаю, это обойдется вам в двадцать фунтов.

У меня отлегло от сердца. Я ожидал, что сумма будет значительно

больше. Похоже, он понял, что прогадал, и тут же Добавил:

— Точнее, в тридцать.

— Тридцать!

— Тридцать, сэр.

— Давайте торговаться, — сказал я.

Когда я предложил двадцать пять, что смотрелось гораздо лучше, чем тридцать, он лишь сокрушенно покачал седеющей головой, и мы продолжили торг. Однако стоять на своем у него получалось лучше, чем у меня, в итоге мы сошлись на тридцати пяти.

Определенно, с торгами мне сегодня не повезло.

13

Когда я получил в школе награду за знание Библии, среди прочих заданных мне вопросов был и такой: «Что вы знаете о глухом аспиде?». Знакомство с текстом Священного Писания позволило мне правильно ответить, что этот аспид заткнул свои уши, дабы не слышать заклинателя, как бы искусно тот его ни заклинал.[119] Поторговавшись с Гербертом Грэхемом, я на себе испытал, что чувствовал этот заклинатель. Если бы мы с ним могли обменяться впечатлениями, то наверняка пришли бы к единому мнению: чем меньше будет в мире аспидов, тем более светлое будущее нас ожидает.

Никто не смог бы заклинать искуснее, чем я, когда старался убедить Герберта Грэхема снизить цену, и никто не заткнул бы себе уши крепче, чем этот аспид в человеческом обличье. Вот говорят, мол, кто-то там не хочет пройти нам навстречу половину пути, а он не сдвинулся ни на дюйм в направлении мирного урегулирования. Тридцать пять фунтов. Просто чудовищная сумма. Вот что значит оказаться в затруднительном положении, когда у оппонента все карты на руках.

Вести торг — дело крайне утомительное, и, проводив Грэхема с кошкой в обратный путь, обессиленный Бертрам Вустер раскрыл книгу и пробежал глазами первые страницы романа «По царскому велению». Этого вполне хватило, чтобы я пожалел, что не выбрал «Тайну извозчика». В этот момент затрещал телефон.

Как и следовало ожидать, звонила тетя Далия. Разумеется, я отдавал себе отчет, что раньше или позже, но объяснения с престарелой родственницей не избежать, мне хотелось лишь немного оттянуть время, чтобы собраться с силами. В моем нынешнем измочаленном состоянии я

был не способен общаться с тетками. Вряд ли кто останется на пике своей спортивной формы после того, как обручился с девушкой, от которой его просто тошнит, заплатил кровопийце тридцать пять фунтов и в придачу выложил два пенса в библиотеке за дрянную книжонку.

А старая родоначальница, наоборот, не подозревая, что ее ждет сокрушительный удар, который потрясет ее душу до самого корсета, была весьма беззаботна.

— Привет, олух, — сказала она. — Что новенького на Риальто?

— Что-что, где-где? — не понял я юмора.

— Я о кошке. Он ее принес?

— Да.

— И ты прижал ее к груди?

Я понял, что отступать некуда. Как ни страшно было признаваться, но ничего другого не оставалось. Я набрал полную грудь воздуха. Утешением, хотя и слабым, могла служить только мысль, что тетя Далия находится на другом конце провода, на расстоянии в полторы мили. Когда тетки поблизости, ждать от них можно чего угодно. За гораздо более невинную детскую шалость эта самая тетя некогда влепила мне звонкую оплеуху.

— Нет, — произнес я. — Ее здесь больше нет.

— Нет? Как это нет?

— Билли Грэхем отнес ее назад.

— Назад??

— В Эгсфорд-Корт. Я ему велел.

— Ты велел?

— Да. Видите ли…

На этой фразе мое участие в разговоре закончилось. Предчувствия меня не обманули, тетя Далия взвилась мгновенно. И произнесла следующий монолог:

— Черт побери! Всемогущие боги! Ангелы и архангелы, спасите нас! Тебе принесли кошку, а ты, недолго думая, выставляешь ее за дверь, хотя знаешь, чем это для меня чревато. Предать свою партию! Бросить меня в трудный час! Свести меня, с моими сединами, в могилу! И это после всего, что я Для тебя сделала, жалкий, неблагодарный червяк. Помнишь, я рассказывала тебе, что когда ты еще лежал в пеленках младенцем и сосунком, похожим, между прочим, на недоваренное яйцо-пашот, ты чуть не проглотил соску, и если бы я не подоспела вовремя и не выхватила ее у тебя, ты бы задохнулся. Имей в виду, если ты теперь подавишься соской, я и пальцем не пошевелю. А помнишь, как ты болел корью, и я, не жалея своего драгоценного времени, часами играла с тобой в блошки и

безропотно поддавалась?

Тут с ней можно было бы поспорить. Я одерживал победы исключительно благодаря своему искусству. Последнее время мне не часто случается играть в блошки, но в детстве я был довольно сильным игроком. Однако я счел за благо промолчать, потому что тетя говорила не умолкая, и лучше было не прерывать поток ее красноречия.

— Помнишь, когда ты учился в школе, я посылала тебе дорогие посылки с едой, потому что ты уверял, будто умираешь с голода? Помнишь, когда ты учился в Оксфорде…

— Довольно, престарелая родственница! — воскликнул я, глубоко взволнованный воспоминаниями о юности Вустера. — Вы разрываете мне сердце.

— Нет сердца у тебя. Иначе бы ты не выгнал бедную беззащитную кошку на мороз. Я просила тебя всего лишь приютить ее в свободной комнате на несколько дней и тем самым укрепить мое финансовое положение, но ты не захотел оказать мне эту ничтожную услугу, которая тебе ничего бы не стоила, разве что фунт-другой на молоко и рыбу. Что, спрашиваю я себя, случилось с моим старомодным племянником, для которого желания тетки были законом? Похоже, теперь таких не бывает.

Наконец-то природа взяла свое. Тете Далии пришлось сделать паузу, чтобы перевести дух, и я смог вставить слово.

— Старая моя сродница, — начал я, — вы находитесь в плену… как, как это говорится?

— Что, как?

— Как называется то, в плену чего бывают люди? Это слово вертится у меня на языке. Оно начинается на «пре». Вспомнил, в плену превратных представлений. Так говорит Дживс. Вы совершенно однобоко судите о моем обращении с упомянутой кошкой. Правда, я не одобрял вашего намерения похитить ее, потому что считал, что подобный поступок ляжет темным пятном на честном имени Вустеров, и тем не менее готов был предоставить ей и стол, и кров, хотя и против своей воли, если бы не Планк.

— Планк?

— Майор Планк, путешественник.

— Он тут при чем?

— При всем. Вы, верно, слышали о майоре Планке?

— Нет, не слышала.

— Он из тех парней, которые с туземцами, носильщиками и разным снаряжением путешествуют по дальним странам. Как звали кого-то там

такого, кто встретил в Африке еще кого-то и подумал, что это доктор, — как бишь его?[120] Вот и Планк занимается, вернее, занимался тем же.

В трубке послышалось фырканье, от которого едва не загорелся провод.

— Берти, — проговорила моя кровная родственница, приняв на борт достаточный запас воздуха, — меня сдерживает только то, что я нахожусь на другом конце телефонной линии, но если бы ты был в пределах досягаемости, я бы закатила тебе оплеуху, которую ты запомнил бы надолго. Объясни мне вразумительно, о чем ты, как тебе кажется, ведешь речь?

— Я веду речь о Планке и пытаюсь растолковать вам, что, хотя Планк и путешественник, но в настоящее время он не путешествует, а живет у Кука в Эгсфорд-Корте.

— Ну и что?

— А вот и то. Он пожаловал ко мне сразу же, как только Билли Грэхем принес кошку. Они с Дживсом находились на кухне, принимали напитки. И когда Планк тут сидел, она мяукнула, и, разумеется, Планк услышал. Надеюсь, вы понимаете, что это означает. Планк идет к Куку, говорит ему, что слышал, как в доме у Вустера мяукала кошка. Кук, и без того подозревающий меня после нашей злополучной встречи, идет сюда, как волк в овчарню, полки его сверкают багрецом и златом.[121] Я сказал Планку, что это Дживс упражняется в искусстве звукоподражания, и Планк этому вполне поверил, потому что путешественники — простофили и верят всему, что им говорят, но пройдет ли этот номер с Куком? Нечего и думать. Мне оставалось одно — попросить Билли Грэхема отнести кошку назад.

Допускаю, что какой-нибудь знаменитый адвокат изложил бы дело лучше, но и у меня получилось неплохо. Наступило молчание. Несомненно, тетя Далия обдумывала услышанное, взвешивая все «за» и «против». Наконец она проговорила:

— Понимаю.

— Вот и хорошо.

— Ты оказался не таким уж черствым извергом, как я подумала.

— Прекрасно.

— Прости, что я набросилась на тебя.

— Все в порядке, престарелая родственница. Tout comprendre c'est tout pardonner.

— Тебе действительно ничего больше не оставалось делать. Но не

жди, что я пропою тебе аллилуйя. Весь мой план кампании лопнул.

— Ну, не знаю. Может быть, все еще образуется. Вдруг Симла придет первой.

— Да, но хотелось бы знать наверняка. Не надо меня утешать. Я чувствую себя ужасно.

— Я тоже.

— С тобой-то что случилось?

— Я обручился с девушкой, от одного вида которой меня тошнит.

— Как? И кто же это на сей раз?

— Ванесса Кук.

— Родня старому Куку?

— Дочь.

— Как же это случилось?

— Я сделал ей предложение год назад, получил отказ, а теперь она снова возникла, говорит, что передумала и выйдет за меня замуж. Меня это буквально сразило.

— Ты бы ей сказал, чтобы она и думать об этом забыла.

— Я не смог.

— Почему?

— Это не по-рыцарски.

— Как?

— Не по-рыцарски. Вы знаете, что такое благородный рыцарь? Я стремлюсь им быть.

— Если хочешь вести себя по-рыцарски, приготовься к тому, что будешь нарываться на одни неприятности. Впрочем, я бы не стала беспокоиться. Ты непременно как-нибудь выпутаешься. Помнишь, ты мне сказал, что веришь в свою звезду. Если собрать всех девиц, с которыми ты был помолвлен и от которых сумел улизнуть, и выстроить их в ряд, то он протянется от Пиккадилли до Гайд-Парк-Корнер. Я поверю, что ты женишься, только тогда, когда увижу своими глазами, как епископ и его помощник утирают пот со лба и облегченно вздыхают: «Уфф! Наконец-то этот повеса попался».

С этими ободряющими словами она повесила трубку. Если вы думаете, что я с легким сердцем вернулся к чтению романа «По царскому велению», то вы заблуждаетесь. Действительно, я во всем чистосердечно признался ближайшей престарелой родственнице и сумел погасить ее гнев. Если бы он разгорелся, это грозило бы мне страшной карой — она отлучила бы меня на неопределенное время от своего стола, и я лишился бы возможности питаться шедеврами ее французского повара Анатоля,

столь благодатные для желудочного сока, однако счастье не бывает безоблачным. Я не мог не сострадать старой родственнице, пережившей крушение своих надежд и мечтаний, крушение, к которому я, если честно признаться, имел непосредственное отношение, хотя сам был всего лишь игрушкой в руках судьбы.

Я изложил это Дживсу, когда он пришел со всем необходимым для приготовления предобеденного коктейля.

— У меня тяжело на душе, Дживс, — признался я, поблагодарив его за своевременную заботу.

— В самом деле, сэр? Почему?

— Я только что пережил мучительную сцену с тетей Далией. Правда, «сцена» не вполне подходящее слово, наша беседа происходила по телефону. Грэхем благополучно отбыл?

— Да, сэр.

— В сопровождении кошки?

— Да, сэр.

— Вот это я ей и сказал, и от такой новости она несколько возбудилась. Вам никогда не приходилось охотиться с «Куорном» или «Пайтчли», Дживс? Такой жизненный опыт сказывается на выборе слов. Придает речи особую выразительность. Моя старая родственница даже не делала паузы, чтобы подыскать нужные слова, они вылетали из нее, как из пулемета. Слава Богу, наша беседа происходила заочно. Страшно подумать, чем бы все могло кончиться.

— Вам следовало бы изложить миссис Траверс факты, имеющие отношение к майору Планку, сэр.

— Именно это я и сделал, когда сумел вставить хотя бы слово, и мое объяснение подействовало на нее как… как что, Дживс?

— Как бальзам в Галааде,[122] сэр?

— Именно. Я хотел сказать, как манна в пустыне, но бальзам в Галааде подходит больше. Тетя Далия успокоилась и признала, что у меня не оставалось иного выхода, как только вернуть кошку.

— Весьма отрадно слышать, сэр.

— Да, это дело более или менее улажено. Но есть еще одно угнетающее меня обстоятельство. Я помолвлен и должен жениться.

14

Всякий раз, когда я сообщаю Дживсу, что помолвлен и должен

жениться, он, и глазом не моргнув, принимает вид чучела, набитого искусным таксидермистом, — мол, это его не касается, от него теперь требуется только исполнить необходимые формальности

— Вот как, сэр?

И на этом — все. В таких случаях я с ним свои неприятности не обсуждаю. Это было бы неуместно, — если я правильно выбрал слово, — и знаю, что он тоже счел бы это неуместным, а поскольку мы оба так считаем, то переводим разговор на другие темы.

Однако нынешний случай был особый. Мне еще не доводилось обручаться с девицей, которая требовала, чтобы я перестал курить и пить коктейли, и тут уж я рассудил, что требуется серьезный разговор. Когда над вами нависает беда, надо обратиться за помощью к выдающемуся уму, если он имеется под рукой, пусть это против всех правил хорошего тона.

Вот почему после дежурных слов Дживса: «Примите мои поздравления, сэр», — я ответил не по этикету:

— Нет, Дживс, не приму, какое там. Я — как полевая мышь, попавшая под борону. Плохи мои дела, Дживс.

— Весьма прискорбно это слышать, сэр.

— То ли еще будет, когда вы узнаете, что произошло. Вам когда-нибудь приходилось видеть, как орава дикарей с истошными воплями штурмует крепость, а у ее защитников остался последний ящик патронов, запасы воды кончились, и на горизонте не видно американских морских пехотинцев?

— Нет, сэр, не припоминаю.

— Грубо говоря, я оказался в положении такого осажденного гарнизона, с той лишь разницей, что, по сравнению со мной, они еще хорошо устроились.

— Вы пугаете меня, сэр.

— Еще бы! Но самого страшного вы еще не слышали. Начну с того, что мисс Кук, с которой я помолвлен и которую глубоко ценю и уважаю, на некоторые вещи… как это говорится?

— Смотрит другими глазами, сэр?

— Вот именно. И, к сожалению, эти вещи… — забыл, как это называется, — всего моего образа жизни. Что бывает в образе жизни?

— Возможно, сэр, вы имеете в виду краеугольный камень?

— Благодарю вас, Дживс. Она не одобряет многое из того, что составляет краеугольный камень моего образа жизни. Брак с ней неизбежно означает, что я должен буду отказаться от дорогих мне привычек, поскольку у нее железная воля, и она без труда заставит мужа

прыгать через обручи и ловить кусочек сахара, подкидывая его с кончика носа. Вы понимаете, что я хочу сказать?

— Да, сэр. Очень яркий образ.

— Коктейли, к примеру, будут под запретом. По ее словам, они вредны для печени. Кстати, вы заметили современное падение нравов? Во времена королевы Виктории барышня и помыслить не могла, чтобы произнести слово «печень» в присутствии мужчины.

— Истинно так, сэр. Tempora mutantur et nos mutamur in illis.[123]

— Однако это еще не самое страшное.

— Вы повергаете меня в ужас, сэр.

— На худой конец я мог бы обойтись и без коктейлей. Это обрекло бы меня на муки, но Вустеры умеют терпеть лишения. Мисс Кук потребовала, чтобы я бросил курить.

— Это действительно самый жестокий удар, сэр.

— Подумайте только, Дживс, бросить курить!

— Да, сэр. Вы могли бы заметить, что я содрогаюсь.

— Беда в том, что мисс Кук находится под большим влиянием какого-то своего приятеля по имени Толстой. Я с ним не знаком, но, судя по всему, у него весьма странные взгляды. Вы не поверите, Дживс, но он утверждает, что курить не надо потому, что точно такое же удовольствие можно получить, если просто крутить пальцами. Да этот человек просто осел. Вообразите праздничный банкет — из тех, когда на приглашении помечают «быть при регалиях». Уже произнесли тост за здоровье короля, сильные мужчины с нетерпением предвкушают момент, когда затянутся сигарами, и тут распорядитель стола произносит: «Джентльмены, можно крутить пальцами». Представляете, какое уныние и разочарование воцарится за столом? Вам что-нибудь известно об этом Толстом? Вы о нем слышали?

— Да, сэр. Это был знаменитый русский писатель.

— Русский? Вот оно что. Писатель? Это не он написал «По царскому велению»?

— Полагаю, нет, сэр.

— Мне подумалось, а вдруг он воспользовался псевдонимом. Вы сказали «был». Его уже больше нет с нами?

— Нет, сэр. Он скончался несколько лет назад.

— Тем лучше для него. Крутить пальцами! Какая нелепость. Я бы посмеялся, да мисс Кук говорит, что смеяться нехорошо, потому что другой ее приятель, его зовут Честерфилд, никогда не смеялся. Что ж, она может не волноваться. Судя по тому, как складываются мои дела, мне

будет не до смеха. Я еще не коснулся обстоятельства, которое является главным доводом против этого брака. И не торопитесь с выводом, что я имею в виду папашу Кука, который дается в качестве приложения к брачному контракту как тесть. Конечно, одного этого достаточно, чтобы мрачно смотреть в будущее, но я говорю про Орло Портера.

— Да, сэр.

Я бросил на него суровый взгляд.

— Дживс, если вам нечего сказать, кроме как «Да, сэр», то лучше не говорите ничего.

— Очень хорошо, сэр.

— Стало быть, Орло Портер. Мы уже отмечали его вспыльчивый нрав, крепкие, как цепи, мышцы натруженных рук и бешеную ревность. Одного лишь подозрения, будто я навязываю мисс Кук свое, как он выразился, омерзительное общество, было достаточно, чтобы он пригрозил голыми руками выпустить мне кишки. Что же он натворит, когда узнает, что мы помолвлены?

— Поскольку леди сама столь недвусмысленно отвергла его, едва ли он станет винить вас…

— За то, что я занял освободившееся место? Как бы не так. Он решит, что это я убедил ее дать ему от ворот поворот. И ничто его не разуверит в этом. В его глазах я — коварная змея, притаившаяся в траве, а всем известно, чего можно ждать от змей в траве. Нет, нам надо проявить поистине чудеса изобретательности и придумать, как вырвать у него клыки, g противном случае я не дам и ломаного гроша за мои кишки. Я собирался было спросить Дживса, при нем ли еще кистень, или, как говорят американцы, дубинка, которую он несколько месяцев назад изъял у сына тети Далии, Бонзо. Юнец приобрел ее с целью опробовать на своем однокласснике, к которому питал неприязнь, но нам показалось, что без дубинки ему будет лучше. Несомненно, мне нужно было именно такое средство защиты, чтобы добиться разрядки в деле с Орло Портером. Вооруженный дубинкой, я без страха мог бы выйти против О. Портера. Но не успел я сформулировать эту мысль, как в холле затрещал телефон. Я махнул рукой в его направлении.

— Пожалуйста, ответьте, Дживс. Скажите, что я пошел ненадолго прогуляться согласно рекомендациям моего медицинского консультанта. Должно быть, это тетя Далия, и, хотя к концу нашей недавней беседы ее душевное состояние пришло в равновесие, трудно сказать, надолго ли оно сохранится.

— Хорошо, сэр.

— Вам известно, что такое эти женщины.

— Действительно, сэр.

— Особенно тетки.

— Да, сэр. Моя тетя…

— О ней вы расскажете мне позднее.

— В любое время, сэр, когда пожелаете.

Помню, однажды мой приятель Китекэт Поттер-Перебрайт поставил на одну темную лошадку, и она пришла первой, опередив соперников на голову, но была дисквалифицирована, потому что жокей нарушил какие-то правила. Тогда Дживс сказал о сокрушенном Китекэте: «Меланхолия знаки свои на него положила».[124] Так вот, то же самое можно было сказать обо мне, когда я сидел, подводя итог ударам судьбы и размышляя про то, в какой компот я угодил.

В сравнении с прочими моими несчастьями очередной разговор по телефону со старушкой прародительницей представлялся не такой уж веской причиной для меланхолии, но все же одним поводом для уныния больше. Звонок тети Далии мог означать лишь одно: миролюбия ее надолго не хватило, и она придумала много новых язвительных замечаний на тему о моем несоответствии идеалу племянника, как она его себе представляет. А я был не готов опять выслушивать уничтожающую критику, особенно произносимую голосом, который так разработан за годы охотничьего гиканья и улюлюканья, что нервная система слушателя просто не выдерживает.

Когда Дживс вернулся, я сразу же спросил:

— Ну, что она сказала?

— Это звонил мистер Портер, сэр.

Слава Богу, что я поручил Дживсу подойти к телефону.

— И что же он сказал? — осведомился я, хотя приблизительно уже догадывался.

— Сожалею, сэр, но я не в состоянии воспроизвести дословно нашу беседу. Поначалу речь джентльмена показалась мне бессвязной. Видимо, он решил, что это вы сняли трубку, его захлестнули эмоции, и произношение было нечетким. Я объяснил, кто у телефона, и он снизил скорость словоизлияния. Таким образом мне удалось разобрать, что он говорит. Он просил передать вам несколько посланий.

— Посланий?

— Да, сэр, они касаются того, что он предполагает сделать с вами при личной встрече. Его высказывания в основном носили грубый хирургический характер, и ряд выраженных им намерений крайне трудно

осуществить на практике. Например, он угрожал оторвать вам голову, а потом заставить вас проглотить ее.

— Он так сказал?

— Да, сэр, и продолжал приблизительно в том же духе. Но вам не следует беспокоиться, сэр.

Я не смог даже небрежно рассмеяться в ответ— вот до чего довели меня пращи и стрелы яростной судьбы, не помню, кто это сказал. Я даже не произнес ироническим тоном: «О, да» или «Да что вы говорите». Я просто закрыл лицо руками, а Дживс продолжал:

— Перед тем как я вышел из комнаты, мы говорили о необходимости вырвать мистеру Портеру клыки, как вы удачно выразились. С огромным удовольствием могу сообщить вам, что это удалось осуществить.

Мне показалось, что я ослышался, и я попросил его повторить эту поразительную фразу. Он повторил, и я уставился на него в изумлении. Казалось бы, я уже давно должен был привыкнуть к тому, как Дживс, точно фокусник, одним поворотом кисти достает кроликов из шляпы и в один миг решает проблемы, над которыми напрасно бились самые блестящие умы, но для меня находчивость Дживса— всегда неожиданность, от которой перехватывает дыхание, а глаза вылезают из орбит.

Тут я догадался, что скрывается за его непринужденным и уверенным тоном.

— Значит, вы вспомнили про дубинку? — обрадовался я

— Сэр?

— Она при вас?

— Я не вполне понимаю, сэр.

— Я думал, вы хотите сказать, что при вас та дубинка, которую вы отняли у сына тети Далии, Бонзо, и теперь вы передадите ее мне, чтобы я во всеоружии встретил нападение Портера.

— О, нет, сэр. Орудие, о котором вы говорите, находится у меня в нашей лондонской квартире.

— Тогда каким же образом вы вырвали ему клыки?

— Я напомнил мистеру Портеру, что вы приобрели у него страховку от несчастного случая, и обратил его внимание на то, что он неизбежно вызовет неудовольствие своих работодателей, если из-за него они лишатся значительной денежной суммы. Мне не составило труда убедить джентльмена, что любые действия, носящие агрессивный характер, были бы с его стороны ошибкой.

Я вторично воззрился на него. Его изобретательность и

оригинальность мышления ошеломляли.

— Дживс, — наконец произнес я. — Ваша изобретательность и оригинальность мышления ошеломили меня. Портер посрамлен.

— Да, сэр.

— Или, по-вашему, лучше сказать «повержен».

— Мне кажется, «посрамлен» звучит гораздо выразительнее.

— Это вам не просто выдергивание клыков. Дантисту придется вставить Портеру целую челюсть.

— Да, сэр, однако не следует забывать, что устранение мистера Портера с его угрозами— это только полдела. Не знаю, смею ли я коснуться деликатной темы…

— Касайтесь, Дживс.

— Как я понял отчасти из ваших слов, отчасти по тону вашего голоса, когда вы рассказывали мне о планах мисс Кук относительно вашего будущего, мысль о женитьбе не слишком радует вас, и мне пришло в голову, что этого досадного недоразумения можно было бы избежать, если бы леди и мистер Портер помирились.

— Так-то оно так. Но…

— Вы хотите сказать, сэр, что ссора слишком серьезна, и нельзя надеяться на примирение?

— Разве не так?

— Думаю, нет.

— Ваш подробный отчет о столкновении сторон создал у меня впечатление, что между ними произошел полный и окончательный разрыв. Как же тогда иначе понимать слова «трусливое ничтожество»?

— Здесь вы затронули серьезную проблему, сэр. Мисс Кук назвала так мистера Портера потому, что он отказался обратиться к ее отцу и потребовать деньги, которые последний хранит у себя как опекун.

— И, по вашим словам, он ответил, что и через миллион лет не сунется к ее папаше.

— Ситуация изменилась после того, как вы обручились с девушкой, которую он любит. Чтобы вернуть себе расположение мисс Кук, он пойдет навстречу опасности, от которой ранее уклонялся.

Я понял мысль Дживса, но не мог с ним согласиться. На мой взгляд, Орло будет и дальше уклоняться.

— Более того, сэр, если вы пойдете к мистеру Портеру и скажете ему, что его попытка может увенчаться успехом, при условии, что для разговора с мистером Куком он выберет время сразу же после обеда, то уверяю вас, он согласится рискнуть. Джентльмен, ублаготворенный хорошим обедом,

всегда выслушает просьбы благосклоннее, чем тот, кто еще только ожидает пищи, а именно в таком положении находился мистер Кук, когда мистер Портер, насколько я понял из его слов, обратился к нему по своему вопросу в предыдущий раз.

Я заметно вздрогнул. По мне словно бы пробежал электрический ток.

— Дживс, — сказал я, — кажется, вы кое-что нащупали.

— Полагаю, да, сэр.

— Я сейчас же отправлюсь к Портеру. Скорее всего, он сидит в «Гусе и кузнечике» и заливает горе джином с газировкой. И позвольте мне еще раз сказать, Дживс, что вам нет равных. Вы спасли положение. Могу ли я что-либо сделать для вас в знак признательности?

— Да, сэр.

— Я готов, даже если это будет стоить мне полцарства. Скажите, что.

— Я был бы вам чрезвычайно благодарен, если бы вы позволили мне переночевать у моей тети.

— Как, вы хотите поехать в Ливерпуль? Далековато.

— Нет, сэр. Моя тетя вернулась сегодня утром и теперь находится у себя дома в деревне.

— Тогда отправляйтесь к ней, Дживс, и да возрадуются небеса вашей встрече.

— Большое спасибо, сэр. Если вдруг вам понадобятся мои услуги, я буду по адресу: Балморал, Мейфкинг-роуд, миссис П.Б. Пиготт.

— Так ее фамилия не Дживс?

— Нет, сэр.

Дживс выплыл из комнаты, но через минуту вернулся сообщить, что на кухне дожидается мистер Грэхем, который хотел бы переговорить со мной. От жизни в Мейден-Эгсфорде с ее треволнениями и стремительной сменой событий у меня вдруг отшибло память, и я не сразу понял, о ком он говорит. Но память тут же вернулась на место, и мне захотелось немедленно увидеть мистера Грэхема, который, со своей стороны, желал видеть меня. Моя вера в его умение возвращать кошек была так велика, что я не мог и мысли допустить, что ему не удалось выполнить задачу, но, естественно, мне нетерпелось узнать подробности.

— На кухне, говорите?

— Да, сэр.

— Тогда тащите его сюда. Дживс. Я от всей души рад дать ему аудиенцию.

На часах было почти шесть, когда в комнату вошел Герберт Грэхем.

Как и в прошлый раз, я был поражен его респектабельным внешним

видом. Глядя на него, вы никогда бы не подумали, что перед вами гроза кроликов и фазанов, а не первое лицо, на котором держится церковный хор, когда наступает очередь гимнов. Надо было слышать эту мягкую проникновенную интонацию, с какой он произнес: «Добрый вечер, сэр».

— Добрый вечер, — ответил я. — Ну что? Вы справились с задачей? Кошка на прежнем месте?

Его глаза потемнели, словно я затронул его тайную боль.

— И да, и нет, сэр.

— Как вас понимать? И да, и нет?

— На ваш первый вопрос ответ утвердительный, сэр. Да, я выполнил задачу. Но, к сожалению, кошка находится не на прежнем месте.

— Я не понимаю.

— Она здесь, сэр, у вас на кухне. Я отнес ее в Эгсфорд-Корт в соответствии с контрактом, отпустил около конюшни и направился домой, довольный, что вы так щедро заплатили за мои услуги. Вообразите мое удивление и растерянность, когда, придя в деревню, я обнаружил, что кошка всю дорогу шла за мной. Это очень ласковое животное, мы с ней подружились. Желаете ли вы, чтобы я снова отнес ее назад? Разумеется, я не чувствую себя вправе требовать полную плату, но, скажем, десять фунтов?

Если вы хотите знать, как я отнесся к его рассказу, могу ответить в двух словах: я видел его насквозь. Многих вводит в заблуждение мое простодушное, честное выражение лица, им кажется, что они имеют дело с простофилей, но я-то узнаю мошенника на расстоянии. И я сразу понял, что он — один из них.

Я не вытянулся в полный рост и не выставил его за дверь только потому, что понимал: этот тип загнал меня в угол. Если я не раскошелюсь, он прямым ходом отправится к папаше Куку и за солидное вознаграждение расскажет о том, как престарелая родственница наняла его, чтобы похитить кошку, и, что бы она там ни говорила о своей популярности в Мейден-Эгсфорде после исполнения в матросском костюме песенки «Все хорошенькие девушки любят моряка», ее имя неминуемо покроется позором. Я даже не был уверен, что ей не грозит тюрьма, а о том, какой страшный удар будет нанесен пищеварению дяди Тома, нечего было и говорить.

Я заплатил десятку. Скрепя сердце, но заплатил, и он покинул мой дом.

После его ухода я сидел, предаваясь тяжелым раздумьям, и только было собрался отправиться на поиски Орло, как вошла Ванесса Кук.

15

Ванесса явилась в сопровождении рыжего пса с большими стоячими ушами и размером с хорошего слоненка. Я был не прочь с ним пообщаться, но пес, восторженно обнюхав мои штанины, вдруг заметил что-то интересное за окном и умчался на улицу.

Между тем Ванесса открыла роман «По царскому велению», и я, услышав, как она фыркнула, понял, что сейчас она разнесет его в пух и прах. У нее была врожденная склонность к литературной критике.

— Барахло, — заявила она. — Вам пора бы уже приступить к более серьезному чтению. Я не надеюсь, что вы сразу же приметесь за Тургенева и Достоевского, — назвала она каких-то, видимо, знакомых ей по Лондону русских эмигрантов, которые между делом еще и пописывали романы. — Но есть много хороших книг, более легких для восприятия и в то же время познавательных. Одна как раз у меня с собой, — сообщила она, и я с ужасом увидел у нее в руках тощий томик в переплете из мягкой красной кожи, украшенный золотым тиснением. Для человека с таким жизненным опытом, как у меня, всегда есть нечто зловещее в книге с переплетом из мягкой красной кожи. — Это собрание причудливых эссе «Прозаическая болтовня рифмоплета». Автор — молодой поэт, Реджинальд Спрокетт, которому критики пророчат большое будущее. Всех особенно восхищает его стиль, но мне бы хотелось привлечь ваше внимание к глубоким мыслям, заключенным в этих маленьких шедеврах. Познакомьтесь с ними. А мне пора. Я заглянула лишь за тем, чтобы оставить книгу.

Я встретил этот удар спокойнее, чем можно было бы ожидать, поскольку мой быстрый ум сразу же сообразил, как обратить этот хлам в нечто полезное. Мерзостная книжонка могла бы стать превосходным рождественским подарком для тети Агаты, которой всегда трудно подобрать что-нибудь подходящее к случаю. Сообразив это, я утешился, но Ванесса продолжала:

— Смотрите, не потеряйте, берегите ее как зеницу ока. На ней автограф Реджинальда. — Взглянув на титульный лист, я обнаружил, что она говорит правду. Это тетя Агата, конечно, оценит. Но смотрю, чертов писака, оказывается, нацарапал на тощей книженции не только свое имя, но еще и имя Ванессы: «Ванессе, прекраснейшей из прекрасных, от верного поклонника». И эта надпись перечеркивала все мои планы. Я опять загрустил. Хотя Ванесса пока и помалкивала, но чутье подсказывало мне, что очень скоро будет устроен экзамен, насколько хорошо я усвоил этот

маленький опус, и провал грозил самыми тяжкими карами.

Заявив, что ей пора уходить, Ванесса, разумеется, проторчала у меня еще добрых полчаса, посвятив их критическому разбору прочих изъянов моего духовного облика, которые она припомнила за то время, пока мы не виделись. Как же силен дух миссионерства в женщинах, если Ванесса всерьез готовилась к тому, чтобы соединить свою жизнь с такой сомнительной личностью, как Б. Вустер. Ее ближайшие друзья должны бы отговорить ее: «Возьми, мол, его и брось во тьму внешнюю, там будет плач и скрежет зубов.[125] Бесполезно пытаться исправить его, он безнадежен».

На этот раз она избрала темой своей обличительной речи мое членство в клубе «Трутни». Ей не нравились «Трутни», и она объявила, что после медового месяца я переступлю порог этого заведения только через ее труп.

Итак, подводя окончательный итог, скажем, что Бертрам Вустер, подписав себе приговор в ризнице после брачной церемонии, окажется некурящим, непьющим (к этому явно тоже шло дело) и бывшим членом клуба «Трутни», иными словами, превратится лишь в жалкую тень своего прежнего «я». Ничего удивительного, что, слушая Ванессу, я почувствовал, что задыхаюсь, как тот туземец-носильщик у Планка, которого закопали до захода солнца.

Меня сковал смертный ужас, и пока я так сидел скованный, Ванесса направилась к выходу, наконец и вправду собравшись уходить. Она сама открыла дверь, поскольку Бертрам, жалкая тень своего прежнего «я», был не в состоянии сделать этого для нее, но внезапно она отпрянула назад, судорожно глотая воздух.

— Отец! — выдохнула она. — Идет по садовой дорожке.

— Идет по садовой дорожке? — переспросил я. Уму непостижимо, зачем папаша Кук пожаловал ко мне с визитом. Ведь мы с ним не такие уж добрые знакомые, чтобы ходить друг к другу в гости.

— Остановился завязать шнурок на ботинке, — выговорила она, по-прежнему ловя ртом воздух, и на этом ее текст в диалоге закончился. Ни слова больше не говоря, она бросилась в кухню, точно лиса, за которой гонятся одновременно «Куорн» и «Пайтчли», и захлопнула за собой дверь.

Я мог понять ее чувства. Ей было известно, какую неприязнь питал ее родитель к последнему из Вустеров, неприязнь столь сильную, что при одном упоминании моего имени он багровеет до синевы и кусок за обедом попадает ему не в то горло. Можно представить, как он обрадуется, встретив свою дочь под крышей моего дома. Когда Орло Портер узнал, что Ванесса *конспиративно*, по его словам, посещает Вустера, ему пришли в голову разные нехорошие мысли. Страшно подумать, какие мысли при тех

же условиях придут в голову папаше Куку. Хотя я белее снега, никакими силами нельзя будет убедить его, что я вовсе не современный Касса… как его?.. не Касабланка, этот парень стоял на горящей палубе. Казанова. Я знал, что вспомню.

Что же касается того, как именно расправится с Ванессой разъяренный папаша Кук, то здесь возможны варианты. Я уже отмечал, она была гордой красавицей, однако отец калибра Кука может заставить даже такую гордячку пожалеть, что она опозорила свое имя. Возможно, он не станет лупить ее тростью, как в старые добрые времена, но уж наверняка лишит карманных денег и отправит на жительство к бабушке в Танбридж-Уэллс, где она будет присматривать за семью кошками и по воскресеньям три раза на дню ходить к обедне. Стоит ли удивляться, что Ванессу охватила паника, когда она увидела, как ее папаша завязывает шнурок на ботинке перед крыльцом «Уютного уголка» — я забыл сказать, что так называлась моя временная резиденция (как я впоследствии узнал, этот домик построили для кузины миссис Брискоу, которая любила писать акварелью).

И уж коли Ванесса перепугалась до смерти, что тут говорить о моем душевном состоянии. С известным трепетом — а по правде говоря, весь трепеща от ужаса, я ждал своего гостя, и мои худшие опасения оправдались, когда я увидел арапник у него в руках.

При нашей первой встрече Кук не внушил мне особой симпатии, и я предчувствовал, что и на этот раз я вряд ли проникнусь к нему расположением. Тем временем Кук, надо отдать ему должное, не стал ходить вокруг да около. Он привык разговаривать кратко и решительно и, обходясь без пустых предварительных переговоров, сразу же обращаться к сути дела. Вероятно, иначе нельзя, если хочешь ворочать большими делами.

— Что ж, мистер Вустер, — кажется, так вы сейчас именуетесь, — вам, наверное, интересно будет узнать, что вчера вечером к майору Планку вернулась память, которая ненадолго изменила ему, и он рассказал мне о вас все.

Это был жестокий удар, и хотя я его ожидал, от этого было не легче. Как ни странно, но я не злился на Кука, поскольку считал, что в этой нелепой ситуации виноват один тупоголовый Планк. Скитаясь по Африке, по колено в ядовитых змеях всех видов и в окружении пум-людоедов, он вполне мог бы навсегда сгинуть с лица земли, и все бы его оплакивали. Вместо этого он выжил и отравляет жизнь безобидному типичному представителю столичной золотой молодежи, который хотел всего-навсего отдохнуть на лоне природы в тиши и покое и поправить свое слабое

здоровье.

Кук продолжал и с каждым словом становился все мрачнее:

— Вы известный мошенник, ваши сообщники называют вас Альпийский Джо. Последний раз вы пытались продать майору Планку дорогую статуэтку, которую украли у сэра Уоткина Бассета из Тотли-Тауэрс. К счастью, инспектор Уидерспун из Скотланд-Ярда арестовал вас, и вам не удалось осуществить свой гнусный замысел. Поскольку вы на свободе, то, значит, отсидели положенный срок, и теперь вас нанял полковник Брискоу, чтобы вы украли мою кошку. Имеете ли вы что-нибудь сказать?

— Да, — произнес я.

— Нет, не имеете, — возразил он.

— Я могу все объяснить, — сказал я.

— Нет, не можете, — отрезал он.

Боже мой, я вдруг понял, что и вправду не могу. Мне пришлось бы сначала детально обрисовать характер сэра Уоткина Бассета, потом столь же подробно описать характер моего дяди Тома, в-третьих, охарактеризовать Стефанию (Стиффи) Бинг, ныне миссис Пинкер, и в-четвертых, рассказать, кто такой Дживс. Мне потребовалось бы два часа с четвертью при условии, что он слушал бы внимательно и не прерывал меня, что, разумеется, было маловероятно.

Похоже, дело зашло, что называется, в тупик, и я начал думать, что наилучшим выходом из этого тупика будет покинуть общество Кука, обратиться в бегство и бежать без оглядки до северной оконечности Шотландии, когда звук, похожий на взрыв газопровода, прервал мои размышления. Я увидел, что Кук держит в руках тощий томик, который эта глупая ослица Ванесса не догадалась захватить с собой, удаляясь за кулисы.

— Эта книга! — завопил он.

Я призвал на помощь всю свою смекалку.

— А, да, — небрежно объяснил я. — Последний опус Реджи Спрокетта. Знаете ли, я слежу за его творчеством. Блистательный молодой поэт, критики прочат ему большое будущее. Если вам интересно, это сборник причудливо написанных эссе. Они превосходны. Не только стиль, но и мысль, заключенная в этих маленьких шедеврах…

Мой голос замер. Я уже собирался от души посоветовать ему приобрести эту книженцию, но увидел, что он вряд ли меня послушает. Кук, вытаращив глаза, уставился на титульный лист, где красовался автограф, и я понял, что мои слова останутся, как говорится, пустым

звуком.

Кук шевельнул арапником.

— Здесь была моя дочь.

— Да, она заглядывала ко мне.

— Ха!

Я понял, что означало это «Ха!»— это была сокращенная форма выражения: «Я сейчас тебя отделаю, будешь знать!». А следующим заходом он употребил также и эту, более развернутую версию, видимо, усомнился, правильно ли я его понял.

Если бы мне сказали: «Вустер, решай, что для тебя предпочтительнее — чтобы тебе выпустили кишки голыми руками или же отделают хлыстом?», — я бы затруднился с ответом. Уж если на то пошло, лучше, когда и то, и другое происходит с кем-нибудь другим. Но, думаю, я все же высказался бы в пользу последнего, при условии, что отделывать будут в тесном помещении, где осуществить это нелегко. Размеры гостиной в «Укромном уголке» не позволяли Куку замахиваться. Он был вынужден ограничиться тычками, от которых человеку подвижному, вроде меня, не составляло труда увернуться.

Я и увертывался без особого напряжения физических сил, но покривил бы душой перед своими читателями, если бы сказал, что получал от этого удовольствие. Чувство собственного достоинства страдает, когда скачешь, точно барашек на весеннем лугу, по воле старого идиота, которого невозможно урезонить. Кук в своем невменяемом состоянии был явно не способен воспринять никакие резоны, хоть бы их ему поднесли на тарелочке, гарнированные кресс-салатом.

А сойтись с ним в рукопашную мне не позволяло как раз то обстоятельство, что он старый и малорослый. Именно это сочетание в папаше Куке (преклонный возраст и карликовый рост) мешало мне проявить свою доблесть. Будь на его месте кто-нибудь мелкий, но молодой, или наоборот, пожилой, но приличных размеров, я бы, наверное, да нет, определенно врезал ему от души, но нельзя же поднять руку на вредного недомерка, который уже доживает шестой десяток. Благородство, присущее Бустерам, не позволяло мне даже допустить подобную мысль.

Раза два у меня мелькала мысль, не выбрать ли линию поведения, которая первоначально пришла мне в голову, — а именно, бежать до северных пределов Шотландии. Читая про то, как кого-то там отхлестали на пороге клуба, я часто недоумевал, почему жертва не поднялась на крыльцо и не вошла внутрь, ведь человек на другом конце хлыста — не член клуба, и швейцар его не пропустит ни за какие коврижки.

Однако загвоздка была в том, что, прежде чем пуститься бегом в Шотландию, я должен буду повернуться к Куку спиной, а это могло бы иметь роковые последствия. Вот почему мы продолжали наш ритмический танец, пока наконец мой ангел-хранитель, до сих пор дремавший в бездействии, не очнулся и решил вмешаться — давно бы так. В «Уютном уголке», как во всяком деревенском домике такого рода, у стены стояли старые напольные часы, и мой ангел-хранитель подстроил так, что Кук налетел на них и с разгону шлепнулся на пол. Он лежал на полу, а я действовал с подлинно вустерской предприимчивостью.

Я упоминал, что предыдущая хозяйка «Уютного уголка» занималась самовыражением главным образом в жанре акварели, но однажды она, похоже, изменила себе. Над камином висела большая картина маслом, на которой был изображен здоровенный детина в треуголке и бриджах для верховой езды, занятый беседой с девицей в шляпке и в платье, похожем на муслиновое. Когда взгляд мой упал на эту картину, я вдруг вспомнил Гасси Финк-Ноттла и старинный портрет у тети Далии в Вустерширском доме.

Гасси — прервите меня, если вы это уже раньше слышали, — убегал от Спода, ныне лорда Сидкапа, который мчался за ним по пятам, намереваясь, если мне не изменяет память, сломать ему шею. В поисках укрытия Гасси ворвался в мою комнату, и, когда Спод уже почти что добрался до его шеи, он сорвал со стены картину и с размаху шарахнул ею Спода по голове. Голова прошла сквозь полотно, и портрет одного из предков дяди Тома оказался у Спода на шее наподобие елизаветинского плоеного воротника, из-за чего Спод несколько растерялся, а я успел сдернуть с кровати простыню и замотать его в нее, превратив его, как выражаются по-научному, в пренебрежимую величину.

И вот теперь я повторил точно такой же номер, сначала воспользовавшись картиной, потом скатертью, а затем отправился в пивную «Гусь и кузнечик» на переговоры с Орло Портером.

16

Любой непосвященный человек, вероятно, ужаснулся бы тому, как неосмотрительно я подставлю свои внутренности на растерзание Портеру, этим искушаю судьбу и скоро, конечно, раскаюсь

Но я-то знаю, — и это придавало мне смелости, — что от былой силы Орло П. осталось лишь одно название, и потому я мчался к «Гусю и кузнечику» в самом разудалом расположении духа, почти что с песней на

устах.

Как я и предсказывал, Орло сидел в баре, потягивая джин с имбирной газировкой. При моем появлении он поставил стакан и посмотрел на меня исподлобья — так привередливый едок за завтраком изучает гусеницу у себя в салате.

— А, это ты, — буркнул он.

С этим трудно было не согласиться. Действительно, я — это я, и отрицать очевидное бессмысленно. Убедившись, что взгляд исподлобья не обманул его, Орло спросил:

— Что тебе надо?

— Поговорить.

— Пришел позлорадствовать?

— Вовсе нет, Портер, — поспешил я успокоить его, — когда ты услышишь, что я тебе скажу, ты запрыгаешь, как высокие холмы,[126] правда, я никогда не видел, чтобы холмы прыгали, ни высокие, ни даже низкие. Портер, что бы ты сказал, если бы узнал от меня, что все твои беды и горести, которые тебя сейчас так угнетают, исчезнут прежде, чем закатится солнце?

— Оно уже закатилось.

— Разве? Я и не заметил.

— Время идет к ужину. Так что, будь любезен, убирайся ко всем чертям, иначе…

— Сначала я выскажусь.

— А ты еще не все сказал?

— Нет, далеко не все. Давай спокойно и беспристрастно рассмотрим ситуацию, в которой мы с тобой оказались. Ванесса Кук сказала, что выйдет замуж за меня, и теперь ты, конечно же, считаешь меня змеей, притаившейся в траве. Позволь мне заметить, что какое бы то ни было сходство между мною и змеей в траве — это не более, чем случайное совпадение. Разве я мог сказать ей nolle prosequi, когда она объявила о своем решении? Ясно, нет. Но хотя я и молчал, меня не покидало чувство, что я веду себя, как гнида.

— Ты и есть гнида.

— Вот тут ты ошибаешься, Портер. Я — человек глубоко чувствующий, а тот, кто по-настоящему глубоко чувствует, никогда не женится на девушке, которая любит другого. Он от нее отказывается.

Орло как раз приканчивал свой джин с газировкой, и когда до него дошел смысл сказанного, он поперхнулся.

— Ты готов отказаться от нее ради меня?

— Окончательно и бесповоротно.
— Но, Вустер, это же благородно. Прости, что назвал тебя гнидой.
— Ничего страшного. Ошибка, которую может сделать всякий.
— Ты поступаешь, как Сирано де Бержерак.
— Соблюдаю кодекс чести.

Он весь расплылся в улыбке — или почти весь, — но вдруг меланхолия снова знаки свои на него положила. Он застонал, словно обнаружил дохлую мышь на дне пивной кружки.

— Твоя жертва бесполезна, Вустер. Ванесса никогда не выйдет за меня.

— Очень даже выйдет.

— Тебя там не было, когда она разорвала помолвку.

— Зато был мой представитель. Точнее сказать, он подслушивал за дверью.

— Тогда ты в общих чертах представляешь себе положение дела.

— Он дал мне полный отчет.

— И после этого ты утверждаешь, что она все еще любит меня?

— Еще как. Любовь не может угаснуть из-за пустячной размолвки влюбленных.

— Пустячной размолвки? Ничего себе! Она назвала меня трусливым ничтожеством. Скользкой, жалкой, дрожащей тварью. Невероятно, где только она набирается таких слов. И все из-за того, что я отказался пойти к старикашке Куку и потребовать у него деньги, причитающиеся мне по наследству. Я уже однажды ходил и очень вежливо просил его отдать, а теперь она хочет, чтобы я пошел снова, и стукнул бы кулаком по столу, и вообще показал характер.

— Придется, Орло. Ничего не поделаешь, придется. Чем кончилась ваша прошлая встреча?

— Он категорически отказал.

— Насколько категорически?

— Совершенно категорически. И все повторится, если я снова к нему заявлюсь.

Наконец-то Орло произнес нужную мне реплику. Я только и ждал удобного момента, чтобы изложить ему свой план. По моему лицу скользнула тонкая улыбка, и Орло спросил, чему я ухмыляюсь.

— Не повторится, если ты правильно выберешь время, — сказал я. — В котором часу ты тогда пытался к нему подкатиться?

— Около пяти.

— Я так и думал. Неудивительно, что он дал тебе пинка под зад. Пять

часов дня— это время, когда радость жизни в душе человека опускается до самой нижней отметки. Обед давным-давно закончился, коктейлей еще не видно, и человек не настроен удружить ближнему. Может быть, Кук и бесчувственный болван, но хорошая еда смягчает даже самые жестокие сердца. Поговори с ним, когда он полон под завязку, и увидишь, что из этого получится. Ребята в клубе «Трутни» мне рассказывали, что, когда они подольщались к Уфи Проссеру после плотного ужина, им удавалось выудить у него приличные суммы.

— Кто такой Уфи Проссер?

— Член клуба, миллионер. При свете дня он сторожит свой кошелек, как ястреб. Судя по всему, Кук на него похож. Держи хвост морковкой, Портер. Жми, наступай, будь смел и тверд, не бойся кровь пролить, — припомнил я слова из спектакля «Макбет», о котором упоминал выше.

Мои речи, само собой, произвели на Орло впечатление. Лицо его осветилось, словно кто-то щелкнул выключателем.

— Вустер, — сказал Орло, — ты прав. Ты указал мне путь. Направил на прямую стезю. Спасибо тебе, Вустер, старина.

— Не стоит благодарности, старина.

— Поразительная вещь. Ведь посмотришь на тебя, так вроде бы дурак дураком, и соображения не больше, чем у дохлого кролика.

— Спасибо, Портер, старина.

— Не стоит благодарности, Вустер, дружище. И вдруг такое поразительное проникновение в человеческую психологию.

— По-твоему, во мне есть скрытые глубины?

— Конечно, есть, Вустер, старая кляча.

Мгновение спустя он уже угощал меня джином с газировкой, словно мы были давними закадычными друзьями, и вопрос о моем нутре никогда между нами не стоял.

Возвращаясь в «Укромный уголок» минут через двадцать после нашего разговора, который оказался, в сущности, настоящим пиром братства, я был весь охвачен радостным чувством, таким редким в наши дни, и твердо верил, что жизнь замечательна, на небе Бог и в мире все в полном порядке, как написано где-то. Произведя подсчет ниспосланных благодатен, я нашел общий итог весьма удовлетворительным. На фронте Портера воцарилось спокойствие, Билли Грэхем в данный момент возвращает кошку ее ближним в Эгсфорд-Корт, Портер и Ванесса Кук скоро обручатся вновь, и, хотя мой престиж в глазах папаши Кука был ниже некуда, и мне не видеть от него подарка на ближайшее Рождество, это была небольшая ложка дегтя в бочке меда. Или муха в стакане

сметаны? Постоянно путаю. Словом, все было в лучшем виде, и счастливый Вустер, услышав телефонный звонок, снял трубку, можно сказать, с песней на устах. Звонила престарелая родственница, и даже глухой услышал бы, что с ней творится что-то неладное. Несколько мгновений на другом конце провода раздавались лишь судорожные хрипы и бульканье, — подобные звуки мог бы издавать тонущий пловец, который изо всех сил борется за жизнь.

— Привет, — произнес я. — Что-то случилось?

На протяжении этого повествования я несколько раз описывал хриплый, горький смех, каким смеялись разные люди, но смех единокровной старушенции в ответ на мой вопрос горечью и хрипотой превзошел все.

— Случилось? — прорвало ее наконец. — Ты еще спрашиваешь? Я с ума схожу. Кошку уже вернули?

— Билли Грэхем полностью контролирует ситуацию.

— Иными словами, еще и не приступал к делу.

— Он отнес кошку и вернулся. Но, к несчастью, она последовала за ним. Во всяком случае, так он утверждает. Как бы там ни было, он вернулся сюда в сопровождении кошки, но потом унес ее в обратном направлении. Вероятно, в этот самый момент он выпускает животное в заданной точке. Но из-за чего такой шум?

— Я скажу тебе, из-за чего шум. Если немедленно — или даже еще быстрее— кошку не вернуть на место, мне грозит неминуемая катастрофа, а Тому— самый тяжелый приступ несварения с тех пор, как он съел тогда целого омара в клубе. И во всем виновата я одна.

— Вы сказали, что виноваты?

— Да. А что?

— Просто хотел удостовериться, что не ослышался.

Я так привык, что во всех бедах винят меня, что слова тети Далии меня глубоко взволновали. Нечасто найдется тетя, готовая взять вину на себя, когда в ее распоряжении есть племянник, на которого можно все свалить. Племянники для того и существуют, таково всеобщее мнение. Дрогнувшим голосом я задал следующий вопрос:

— А что, собственно, стряслось?

Тетки как класс обычно не умеют слушать. Вот и тетя Далия не услышала моего вопроса, а принялась читать мне лекцию о положении в родной стране.

— Я скажу тебе, что неладно в современной Англии, Берти. Развелось слишком много людей, у которых имеется угрызения совести, высокие

принципы и всякая такая чепуха. Стоит пальцем шевельнуть, и они тут же вцепятся вам в загривок, потому что вы, видите ли, оскорбили их моральные принципы. Казалось бы, такой человек, как Джимми Брискоу, должен широко смотреть на вещи, но не тут-то было! Надулся, напыжился, ну прямо епископ Кентерберийский. Ты, наверное, думаешь, что во всем виноват его братец-викарий, но я с этим не согласна. Брата можно извинить, у него профессия такая, он обязан проявлять щепетильность. Но Джимми! Просто смешал меня с грязью, как будто я сделала что-то ужасное, застрелила лису в нарушение охотничьих правил[127] или еще что-нибудь в этом роде. Но ведь я не ради себя старалась. Мною двигала одна доброта, я же видела, как близко он принимает к сердцу интересы церковного органа и как его гнетет забота. Черт побери, святой Франциск Ассизский сделал бы то же самое на моем месте, и все бы пришли в восторг, какой он замечательный парень, и говорили бы, как жаль, что мало таких, как он, а Джимми, напротив, принялся…

Мне стало ясно, что если этот словесный поток не остановить твердой рукой, он будет извергаться бесконечно.

— Прошу меня простить, престарелая родственница, — сказал я. — Вам, наверное, покажется, что я чего-то недопонимаю, но, на мой взгляд, вы бредите. Ваши слова похожи на треск тернового хвороста под котлом,[128] по известному выражению. О чем, черт побери, вы толкуете?

— Ты что, не слушал меня?

— Слушал, но даже на милю с четвертью не приблизился к сути.

— О, Господи, я и забыла, что ты понимаешь только односложные слова… Если говорить простым языком, доступным даже тебе, случилось вот что. У меня был разговор с викарием, и он посетовал, каким тяжелым камнем лежит у него на душе забота о церковном органе, который уже при последнем издыхании, а заплатить ветеринару нечем. Он недавно получил от Джимми солидную сумму на починку церковной крыши, и если снова обратиться к нему с просьбой о деньгах, беды не оберешься, так он сказал. И что делать, черт побери, он ума не приложит.

Ты знаешь свою тетку, Берти. Сердце у меня мягкое, как масло, я всегда стараюсь рассыпать маленькие благодеяния на своем пути. Вот я и сказала викарию, что если он хочет без особых хлопот заработать немного денег, то пусть во время скачек поставит все до последнего гроша на лошадь Джимми по кличке Симла. И рассказала ему о кошке, чтобы он не сомневался, что дело — верняк.

— Но…

— Заткни глотку носком и слушай. Не можешь помолчать хотя бы полсекунды? Знаю, что ты хочешь сказать — ты отослал кошку назад. Но в тот момент я об этом еще не знала. Так вот, я все ему выложила, ничего не опасаясь, думая лишь о том, как он обрадуется своему счастью. Мне следовало бы знать, что священники по роду своей деятельности обязаны быть совестливыми, но тогда мне это не пришло в голову. Одним словом, он пошел к Джимми и все ему разболтал, и Джимми взбеленился. «Верните кошку хозяевам», — потребовал он и прибавил еще много всякой ерунды про то, как он изумлен и потрясен. Это бы еще ничего, пусть бы выложил все, что обо мне думает, и тем ограничился, так нет же. Он пригрозил, что, если кошку в течение ближайшего часа не возвратят Куку, он снимет Симлу с соревнований. Да, сэр, так и сказал, Симла не выйдет на старт, а, значит, прогорели все мои денежки, которые я поставила на эту лошадь.

— Но…

— Ну да, знаю, ты мне сказал, что отошлешь кошку назад, но я не была до конца уверена. А вдруг ты, взвесив все, сообразишь, от какого выгодного дела отказываешься, и передумаешь.

Я понял, о чем она толкует. Любой племянник, алчущий злата и не скованный, в противоположность Вустеру, честным, спортивным духом, именно так бы и поступил. Неудивительно, что она разволновалась. Я был рад ее успокоить.

— Все в полном порядке, родоначальница, — сказал я, — Билли Грэхем на пути к Кукляндии и, скорее всего, уже добрался до места.

— В комплекте с кошкой?

— С кошкой.

— И можно не беспокоиться?

— Во всяком случае, Симлу на старт выпустят.

— С моей души свалился груз, но невозможно без горечи думать о том, что я поставила не на верняк.

— Впредь послужит вам уроком, как портить лошадь перед скачками.

— Да, но это слабое утешение.

Наша беседа продолжалась еще некоторое время, так как тетки, завладев телефонной трубкой, неохотно с ней расстаются, но в конце концов трубка была положена, я перевел дух, открыл книгу «Дни нарциссов» и стал ее листать.

Содержимое ее оказалось еще менее пригодным для человеческого употребления, чем я ожидал. Чтобы сдержать подступившую тошноту, я отвернулся и увидел, как в этот момент в комнату из кухни входит Герберт Грэхем собственной персоной.

От неожиданности я прикусил язык. По моим представлениям, он должен был находиться в Эгсфорд-Корте, и его внезапное появление так ошеломило меня, что я не обратил внимания на боль.

— Боже праведный! — возгласил я, если это слово здесь уместно.

— Сэр?

— Вы что, еще не ушли? За это время вы давно должны были бы обернуться.

— Совершенно справедливо, сэр, но нечто помешало мне отправиться в путь немедля, как я предполагал.

— Что же это? Вам в банке слишком долго отсчитывали деньги?

Сказано зло, но, мой взгляд, справедливо. Однако мой сарказм пропал впустую, он и бровью не повел.

— Нет, сэр, — ответил он, — я держу деньги в банке Бридмута-он-Си, и он уже давно закрылся. А происшествие, задержавшее меня, случилось здесь, в этой самой комнате. Я зашел на кухню, чтобы взять кошку, я оставил ее там в корзинке, как вдруг слышу, из комнаты доносятся какие-то звуки. А поскольку вас не было дома, я решил войти и проверить, не забрался ли грабитель. Вижу, на полу лежит человеческое тело, завернутое в скатерть. Я развернул ее и внутри обнаружил мистера Кука с картиной на шее, бормотавшего нечто несусветное.

Он замолчал, но я решил не вводить его в курс дела. С такими людьми, как Грэхем, лучше не откровенничать.

— Завернутый в скатерть, вот как? — переспросил я небрежно. — Впрочем, думаю, субъектов вроде Кука рано или поздно обязательно завертывают в скатерть.

— Это зрелище произвело на меня глубокое впечатление.

— Не сомневаюсь. Подобные зрелища действительно могут привести в ужас. Но вы быстро оправились, не правда ли?

— Нет, сэр, не оправился, и объясню почему. Главным образом из-за выражений, которые использовал мистер Кук. Как я уже сказал, он изъяснялся в крайне несдержанной манере, и с моей стороны было бы безумием идти в Эгсфорд-Корт, рискуя попасться ему на глаза, когда он столь опасен. Я женатый человек, у меня семья. Так что если хотите, чтобы кошка вернулась на прежнее местожительство, вам придется искать другого исполнителя или же сбегать в Корт самому.

Я стоял в гостиной в Мейден-Эгсфорде, графство Сомерсет, и в совершенном недоумении молча смотрел на него. А он преспокойно удалился.

Я все еще не мог оторвать взгляда от того места, где минуту назад

стоял Герберт Грэхем, и проклинал себя за то, что отпустил Дживса на сторону, позволил ему попусту убивать время в веселом обществе теток, тогда как я должен был предвидеть, что мне в любой момент могут понадобиться его совет и моральная поддержка, и до меня не сразу дошло, что звонит телефон.

Как я и ожидал, звонила сестра моего покойного отца Далия. Она уже успела поговорить с Билли Грэхемом, и знала, что дела плохи. Она выразительно высказалась в его адрес, обозвав двурушником, который нагло отказался выполнять свои священные обязанности.

— Он наплел какую-то невероятную историю о том, будто нашел Кука в твоем доме с картиной на шее и завернутым в скатерть, и побоялся на него наткнуться. Бред какой-то.

— Нет, это истинная правда.

— Ты хочешь сказать, что у Кука и в самом деле была картина на шее, а сам он был завернут в скатерть?

— Да.

— И каким же образом он оказался в таком положении?

— Мы слегка повздорили, а потом все и произошло. Она нервно фыркнула.

— Иными словами, малодушное бегство Грэхема на твоей совести?

— В некотором роде, да. Позвольте мне вкратце описать произошедшее, — сказал я и приступил к рассказу. Когда, выслушав меня, тетя Далия заговорила, голос ее звучал почти спокойно.

— Мне следовало бы знать, что, если есть хотя бы малейшая возможность провалить деликатные переговоры, ты ею непременно воспользуешься. Что ж, раз по твоей милости Грэхем так подвел нас, тебе придется занять его место.

Я ожидал этого. Напомню, Грэхем и сам выдвинул такое предложение. Я был намерен пресечь в корне всякие поползновения подобного рода.

— Нет! — воскликнул я.

— Ты сказал «нет»?

— Да, тысячу раз нет.

— Трусишь?

— Мне не стыдно в этом признаться.

— Тебе вообще ни в чем не стыдно признаваться. Где твоя гордость? Ты забыл о своих славных предках? Во времена Крестовых походов жил Вустер, который один выиграл бы битву при Яффе, если бы не свалился с лошади.

— Позвольте заметить…

— Или Вустер времен войны на Пиренейском полуострове. Веллингтон всегда повторял, что у него не было лучшего шпиона.

— Вполне возможно. И тем не менее…

— Тебе не хочется быть достойным этих выдающихся людей?

— Нет, если для этого требуется снова повстречаться с Куком.

— Что ж, не хочешь— не надо. Бедный старина Том, какие страдания его ждут. Кстати, о Томе, сегодня утром я получила от него письмо. Оно полно восторгов по поводу восхитительного обеда, который им подал Анатоль накануне вечером. Он просто пел ему дифирамбы. Дам тебе почитать. Анатоль достиг той исключительной степени совершенства, до которой порой поднимаются французские повара. Том приписал в постскриптуме: «Какое удовольствие получил бы дорогой Берти от такого обеда».

Я проницателен, и от меня не ускользнула угроза, скрытая в ее словах. Она перешла от кнута к прянику или, скорее, наоборот, и вежливо давала понять, что, если я ослушаюсь, она применит ко мне санкции и отлучит меня от кулинарных шедевров Анатоля.

И я принял судьбоносное решение.

— Ни слова больше, моя старая плоть и кровь, — сказал я. — Я отнесу кошку в Эгсфорд-Корт. И если Кук выскочит из-за угла и разорвет меня на сотню клочков, что с того? Всего-навсего еще одна могила среди холмов. Что вы сказали?

— Ничего, просто «Мой герой», — проговорила престарелая родственница.

17

Поверьте, я заслуживал, скорее, сочувствия, а не осуждения, когда, дрогнув, покорился обстоятельствам. Если вас загоняют в угол, маленькая, жалкая, дрожащая тварь в конце концов даст себя знать. Помню, однажды мне предстояло наотрез отказать тете Агате, которая хотела, чтобы я поселил у себя в квартире на школьные каникулы ее сыночка Тоса и сводил его а) в Британский музей, б) в Национальную галерею и в) в театр «Олд Вик» на пьесу какого-то там Чехова. Я тогда признался Дживсу, что мысль о предстоящем испытании внушает мне страх, и он уверил меня, что это вполне естественно.

— «Меж выполненьем замыслов ужасных и первым побужденьем

промежуток похож на морок иль на страшный сон, — сказал он. — Наш разум и все члены тела спорят, собравшись на совет, и человек похож на маленькое государство, где вспыхнуло междоусобье».[129]

Я бы сам это лучше выразил, но смысл сказанного Дживсом был мне вполне ясен. В такие минуты у человека холодеют ноги, и с этим ничего не поделаешь.

Я, впрочем, не подал вида, что душа моя ушла в пятки. Я так часто получал удары и оплеухи от яростной судьбы, что лицо окаменело и превратилось в бесчувственную маску, и, когда, прихватив кошку, я отправился в Эгсфорд-Корт, никто не заподозрил бы, что я лишь с виду невозмутим, как устрица на блюде, поданная к столу. На самом же деле, под окаменевшими чертами моего лица скрывалось глубокое душевное волнение. А если уж совсем на чистоту, не будет преувеличением сказать, что я испытывал такое же беспокойство, в какое пришла бы эта самая кошка, окажись она на раскаленной крыше.

Всякий раз, приступая к повествованию, изобилующему опасностями и загадками, я не знаю, как быть: то ли прямо излагать все как было, то ли делать перерывы и подкидывать то, что называется атмосферой. Некоторые предпочитают первый способ, другим больше нравится второй. Для этих последних сообщаю, что вечер был прекрасный, струился мягкий ветерок, на небе мигали звезды, вся растительность благоухала и так далее и тому подобное, а теперь перехожу непосредственно к делу.

Когда я достиг владений Кука, уже стемнело, что было мне на руку, ведь дело-то мне предстояло темное. Немного не доезжая до Кукова жилища, я заглушил мотор, оставил машину на подъездной аллее и дальше пошел пешком напрямик через зеленые насаждения. Конечно, мои лучшие друзья предостерегли бы меня, что я рискую нарваться на неприятности, и были бы правы. При такой скверной видимости идти по буеракам, да еще с кошкой в руках, каковая кошка извивается и рвется на свободу, — было ясно, что рано или поздно я упаду. Я и упал, правда, уже на самых подступах к конюшне. Наступил на что-то мягкое и мокрое, поскользнулся, выпустил кошку, и ее поглотила тьма, а я шлепнулся лицом прямо в жидкую грязь, накопившуюся на этом месте за многие годы и содержавшую разные неприятные примеси. Помнится, поднимаясь на ноги, я еще подумал, что, слава Богу, мне тут не надо ни с кем встречаться. А то в теперешнем виде я на 80 % утратил светский лоск. В обратный путь к машине двинулся не светский Бертрам Вустер, а жалкий бродяга из самых отбросов общества, в костюме, позаимствованном у встречного огородного пугала, в котором он уже где-то проспал предыдущую ночь.

Я сказал «двинулся в обратный путь», но не прошел я и двух ярдов, как что-то плотное ткнулось мне в ногу, и я обнаружил рядом с собой огромную собаку — того самого пса, с которым мы обменивались любезностями в «Уютном уголке». Я узнал его по ушам.

При первом знакомстве, почуяв во мне родную душу, он на радостях зашелся оглушительным лаем. И теперь я стал было полушепотом уговаривать его хранить тактичное молчание, в ночи могли бродить клевреты папаши Кука, и мне будет трудно объяснить им, что я тут делаю в такой час, но пес не внял моим увещеваниям. В «Уютном уголке» запах Вустера показался ему упоительным, как «Шанель № 5», и сейчас он старался заверить меня, что он не из тех, кто отворачивается от друга только потому, что запах друга несколько испортился. Главное — это душа, должно быть, говорил он себе в паузах между раскатами лая.

Разумеется, я оценил комплимент, но я не был настроен на свой обычный общительный лад, так как опасался наихудшего. Я понимал, что такой громогласный лай нельзя не услышать, если только стража Кука не состоит сплошь из глухих, аспидов, и оказался прав. Где-то за сценой раздался окрик: «Эй!», — и стало ясно, что Бертрам, как уже не раз бывало, влип в скверную историю.

Я бросил на собаку укоризненный взгляд. Впрочем, в темноте она его не заметила. Я вспомнил историю, которую мне читали в детстве, о том, как один господин написал книгу, а его собака Даймонд съела рукопись, и мораль сводилась к тому, что этот господин был такой славный малый, что всего лишь вздохнул: «Ах, Даймонд, Даймонд, если бы ты знал, что наделал».[130]

Я припомнил здесь эту историю, поскольку сам проявил подобную же сдержанность. «Говорил я тебе, не бреши, старый осел», — только это я и сказал, а тут как раз подоспел тот, кто кричал «Эй!».

Он сразу же произвел на меня неблагоприятное впечатление, поскольку напомнил мне старшину, который два раза в неделю муштровал нас в школе, где я в свое время получил награду за знание Библии, о чем, кажется, уже не однажды упоминал. Голос старшины походил на дребезжание телеги, груженной пустыми металлическими банками и катящейся по гравию, и точно так же прозвучал голос парня, крикнувшего «Эй!». Не иначе, они доводились друг другу родственниками.

Было уже совсем темно, но я все же разглядел, что в руках у этого насельника ночи некий предмет, который мне тоже не понравился, — а именно, огромный дробовик, и он тыкал им мне под ребра. Так что, при таком положении вещей умиротворять его следовало, скорее, ласковыми

речами, чем кулаками. Я и попробовал воздействовать речью, стараясь, чтобы она звучала как можно ласковее, хотя зубы у меня стучали.

— Добрый вечер, — проговорил я, — не могли бы вы указать мне дорогу в деревню Мейден-Эгсфорд, — и только собрался пояснить, что, мол, заблудился, гуляя по окрестностям, как этот тип, не слушая меня, заорал: «Генри!», — по-видимому, призывая на помощь товарища. Второй голос, который вполне мог принадлежать родному сыну нашего старшины, ответил: «Ну?»

— Вали сюда.

— Куда?

— Сюда. Ты мне нужен.

— Я ужинаю.

— Бросай жевать и топай сюда. Я конокрада поймал.

Он нашел убедительный довод, видно, этот Генри относился к породе людей, для которых долг превыше всего. Оставив яичницу с беконом или что там он поглощал, он поспешил на зов, и через мгновение уже стоял рядом с нами. Пес к тому времени исчез. По-видимому, у него был широкий круг разнообразных интересов, и он мог уделять каждому из них лишь толику своего внимания. Обнюхав мои брюки и встав лапами мне на грудь, он решил, что пора искать новое поприще для деятельности.

У Генри был фонарь, и он осветил меня.

— Ух, ты, — поморщился он. — Это вот он — конокрад?

— Гы.

— Похож на жулика чумазого.

— Гы.

— Ну и вонь от него.

— Гы.

— Помнишь старую песенку «То были фиалки».

— Лаванда.

— Я всегда думал, фиалки.

— Нет, лаванда.

— Ладно, будь по-твоему. Что с ним делать-то?

— Отведем его к мистеру Куку.

Перспектива встречи с мистером Куком в подобной ситуации и после того, что между нами произошло, естественно, не привела меня в восторг, но, похоже, избежать ее было уже не в моей власти, так как Генри ухватил меня за воротник и повел, а его напарник сзади подталкивал ружьем.

Так мы дошли до дома, где нас неприветливо встретил дворецкий, раздосадованный тем, что его оторвали от любимой трубки в час отдыха.

Вдобавок он злился за то, что ему, как он выразился, приводят тут всяких бродяг, от которых запах, будто прорвало канализацию. Не знаю, во что меня угораздило вляпаться, но только становилось все более очевидно, что это было нечто специфическое, о чем свидетельствовала характерная реакция окружающих на мое присутствие в их обществе.

Дворецкий был настроен решительно. Нет, они не могут видеть мистера Кука. Неужели, возмутился он, они воображают, что мистер Кук ходит в противогазе? И все равно, добавил он, даже если бы я благоухал, как свежее сено, мистера Кука нельзя беспокоить, у него посетитель. Заприте парня в каком-нибудь стойле, посоветовал дворецкий, давно бы сами додумались, и мои пропонент с секундантом[131] не замедлили исполнить его указание.

Если кто-то из моих читателей подумывает, не побыть ли немного под замком в конюшне, я от души ему этого не советую — никчемное дело. Там душно, темно, и там негде сидеть, кроме как на полу. Время от времени слышишь странные попискивания и зловещие шорохи, наводящие на мысль, что крысы нагуливают аппетит перед тем, как начать обгладывать тебя до костей. После того как мой эскорт удалился, я стал расхаживать из угла в угол, размышляя о том, как бы мне выбраться из этой ловушки, давящей мне на психику. Но единственное, что приходило в голову, это поймать крысу и выдрессировать ее так, чтобы она прогрызла в двери Дыру. Однако на это потребовалось бы время, а мне ужасно хотелось поскорее добраться до дома и лечь в постель.

Занятый мыслями о крысе и о том, не может ли все же из этого что-нибудь выйти, я случайно нащупал дверь и рассеяно повернул ручку, просто так, от нечего делать, совершенно не рассчитывая на какой-нибудь результат — и будь я проклят, если дверь не открылась.

Сначала я подумал, что это мой ангел-хранитель, который вплоть до настоящей минуты пребывал в летаргическом сне, теперь глотнул сильнодействующего витамина и превратился в огненный шар, каким ему и полагалось быть, но потом, по здравом размышлении, я догадался, чтб на самом деле произошло. Между моими двумя конвоирами возникло непонимание по причине несогласованного планирования. Каждый полагал, что другой повернул ключ в замке, и в результате дверь осталась незапертой. Это лишний раз доказывает, что нельзя приступать к какому-либо 'предприятию, не обменявшись сначала мнениями за круглым столом в атмосфере полной сердечности. Трудно представить себе, кто из них двоих станет отчаяннее рвать на себе волосы, когда обнаружится, что они упустили своего Бертрама.

И хотя я был теперь свободен, как ветер, мне надлежало, — если я правильно выбрал слово, — соблюдать величайшую осторожность. Глупо было бы снова наткнуться на Генри с товарищем и вновь оказаться в узилище, или как там это называется. Надо избавиться от них раз и навсегда. Возможно, если познакомиться с ними поближе, они и неплохие ребята, но определенно не моего поля ягода.

Их сфера влияния, естественно, ограничивалась конным двором и окрестностями, поэтому безопаснее всего было бы вернуться тем же путем, каким пришел, но мне страшно было подумать, что я опять могу угодить в ту мерзкую грязь. Не оставалось ничего иного, как только брести наугад, пока не выйду на подъездную аллею, а затем по ней дойти до того места, где меня ждал автомобиль. Именно так я и поступил. Обогнув дом, я пошел через лужайку. Неожиданно впереди что-то блеснуло, и, не успев ничего сообразить, я плюхнулся в плавательный бассейн.

Всплыл я на поверхность, обуреваемый смешанными чувствами. Тут было и удивление, поскольку я не ожидал, что у такого субъекта, как Кук, есть плавательный бассейн. И досада: я не привык купаться в одежде. Хотя был один случай в клубе «Трутни», когда я на пари с Таппи Глоссопом взялся пересечь зал с бассейном, раскачиваясь на кольцах под потолком, и уже добрался до последнего кольца, но Таппи, как оказалось, подвязал его, и я в элегантном вечернем костюме бултыхнулся в воду.

Но, как ни странно, все прочие чувства меркли по сравнению с тем, как меня обрадовало неожиданное купание. По своей бы воле я сейчас не стал бы заниматься водным спортом, но, очутившись в бассейне, стал плескаться с упоением. Наконец-то я избавлюсь от исходившего от меня букета ароматов. Я нуждался в хорошей стирке, чтобы воссоединиться с людским стадом, не вызывая отвращения у себе подобных.

Вот почему я не спешил и плавал, как водяная лилия или, лучше сказать, как дохлая рыба. Но скоро в ночи послышался знакомый лай, и я понял, что мой знакомый встретил еще одну родную душу.

Я замер. Не нравилось мне это. Можно было предположить, что Генри и его напарник, человек с дробовиком, снова идут по следу. Что, если они обменялись сведениями насчет двери и ключа, бросились в конюшню и обнаружили там мое блистательное отсутствие? Я замер так, что меня уже совсем невозможно было отличить от дохлой рыбы, и затаил дыхание. Послышался приближающийся топот, а спустя мгновение поблизости от меня в воду плюхнулось человеческое тело.

Что оно ненамеренно бросилось в воду, стало ясно по его первой реплике, едва оно вынырнуло на поверхность. Раздался вопль:

«Помогите!», — и я без труда узнал голос Орло Портера.

— Помогите! — повторил он.

— Привет, Портер, — отозвался я. — Ты сказал «Помогите!»?

— Да.

— Ты что, не умеешь плавать?

— Нет.

— Тогда… — Я чуть было не заметил: «Тогда зачем полез купаться?», — но удержался, чувствуя, что это с моей стороны было бы нетактично. И просто спросил: — Тебе, наверное, нужна рука помощи?

Орло ответил утвердительно, я протянул ему руку и отбуксировал его на мелкий конец бассейна, где к нему сразу частично вернулась прежняя самоуверенность. Отплевываясь — а хлебнул он, наверное, пинты две воды, — Орло поблагодарил меня слегка прерывающимся голосом, и я в ответ сказал, что не стоит благодарности.

— Вот уж не ожидал встретить тебя здесь, — выразил я Удивление. — Что ты тут делаешь, Портер?

— Зови меня Орло.

— Что ты тут делаешь, Орло? Наблюдаешь за совами?

— Я пришел потолковать с этим гнусным Куком, Вустер.

— Зови меня Берти.

— Я пришел поговорить с этим чертовым Куком, Берти. Помнишь, что ты мне посоветовал? Воззвать к этому сыну невенчанных родителей после того, как он отобедал, и чем больше я об этом думал, тем более здравым казался мне твой совет. У тебя и вправду потрясающее чутье, Берти. Ты читаешь людей, как книгу.

— О, благодарю. Все дело в изучении психологии индивидуума.

— Но, к сожалению, не таких, как Кук. И знаешь, почему, Берти?

— Нет, Орло. Почему?

— Потому что он изверг, и его поведение непредсказуемо. Когда имеешь дело с извергами, строить стратегические планы бесполезно.

— Иными словами, все произошло не совсем так, как было задумано?

— Ты даже не представляешь, до какой степени ты прав, Берти. Полный провал. Если бы я просил денег у Скруджа и Скупого Гаспара вместе взятых, и тогда бы дело было не более безнадежно.

— Расскажи, Орло, как все было.

— Если у тебя есть свободная минутка, Берти.

— Сколько угодно, Орло.

— Ты никуда не торопишься?

— Нет, мне здесь хорошо.

— Мне тоже. Правда, приятная прохлада? Итак, я пришел и сказал дворецкому, что хочу видеть мистера Кука по важному делу, и он отвел меня в библиотеку, где Кук курил толстую сигару. Когда я это увидел, то жутко обрадовался, — значит, я правильно выбрал момент. Ведь ясно же, сигару курят после обеда, да он еще попивал бренди. Можно было не сомневаться, что он сыт под завязку. Ты следишь за ходом моих мыслей, Берти?

— Я улавливаю суть, Орло.

— Там был еще один человек. Насколько я понял, африканский путешественник.

— Майор Планк.

— Его присутствие мешало, он непременно желал описать во всех подробностях ритуалы плодородия у туземцев Бонго на берегу Конго. Ритуалы эти настолько непристойны, что нет слов, можешь мне поверить. Потом он все-таки ушел, и тогда я завел речь о своем деле. Но ничего хорошего из этого не получилось. Кук заявил, что не даст ни пенни.

Я задал Орло вопрос, который давно уже меня интересовал. Не то чтобы я так уж беспокоился о финансовом положении Орло, но мне казалось, что тут требуются разъяснения:

— На каких условиях находятся у Кука твои деньги? Неужели он может их держать у себя, сколько хочет?

— Может, пока мне не исполнится тридцать.

— А сколько тебе сейчас?

— Двадцать семь.

— То есть через каких-нибудь три года…

И тут я на миг увидел перед собой прежнего Орло Портера, который жаждал выпустить мне кишки голыми руками. Не скажу, что у него появилась пена на губах, но он явно был близок к этому.

— Да не желаю я ждать целых три года, черт побери! Знаешь сколько мне платят в страховой компании? Жалкие гроши. Едва хватает свести концы с концами. А я люблю красивые вещи. Хочу жить с размахом.

— И чтобы квартира в Мейфэр?[132]

— Да.

— И каждый день шампанское?

— Вот именно.

— И «Роллс-Ройс», да не один?

— Да, тоже хочу.

— Ну и, само собой, чтобы было что подкинуть бедному пролетариату. Отдадим другим, что не нужно нам самим.

— Мне нужно все.

Я просто не знал, что на это сказать. Мне еще никогда не случалось разговаривать с коммунистом, и я был очень удивлен, что он, оказывается, вовсе не так уж горячо сочувствует бедному пролетариату, как я думал. Хотел было я посоветовать ему, чтобы он был поосторожнее, а то как бы в Кремле не пронюхали про его крамольные речи. Но решил, что меня это не касается, и сменил тему.

— Кстати, Орло, — спросил я, — а как ты здесь оказался?

— Ты что, не слушал меня? Я пришел потолковать с Куком.

— Я спрашиваю, как случилось, что ты свалился в бассейн?

— Я не знал, что тут бассейн.

— Мне показалось, ты бежал со всех ног. Из-за чего была такая спешка?

— На меня напала собака, и я от нее убегал.

— Здоровый такой пес со стоячими ушами?

— Да. Ты его знаешь?

— Мы знакомы. Но он вовсе не собирался на тебя нападать.

— Он на меня прыгнул.

— Это чисто дружеский жест, он на всех прыгает. Такая манера выражать свое расположение.

Орло с облегчением глубоко вздохнул. Он бы вздохнул еще глубже, если бы не поскользнулся и не исчез под водой. Я пошарил в воде и вытащил его на поверхность. Он поблагодарил.

— Рад помочь, — откликнулся я.

— Берти, у меня отлегло от сердца. Я все думал, как мне невредимым добраться до гостиницы.

— Могу подвезти.

— Нет, спасибо, не надо. Теперь, когда ты раскрыл мне глаза на чистоту намерений этого пса, я, пожалуй, пойду пешком. А то еще простужусь. Кстати, Берти, объясни мне одну вещь. Что ты-то здесь делаешь?

— Так, бродил по окрестностям.

— Я страшно удивился, что ты плаваешь в бассейне.

— Ничего странного. Просто захотелось освежиться, Орло, всего-навсего.

— Ясно. Что ж, спокойной ночи, Берти.

— Спокойной ночи, Орло.

— Я могу быть уверенным, что у тебя точная информация относительно этого пса?

— Вполне, Орло. «Прекрасна жизнь его, и все стихии соединились в нем как надо», — припомнил я изречение Дживса.

Когда спустя несколько минут я вылез из бассейна и направился туда, где оставил автомобиль, с меня ручьями стекала вода, но сердце в груди радостно пело. Разумеется, ему бы еще следовало обливаться кровью из жалости к Орло, поскольку я понимал, как нескоро он обзаведется теми красивыми вещами, о которых мечтает. Но по случаю того, что я отделался от кошки, почти не оставляло места для сочувствия бедам ближних. Каюсь, я печалился об Орло не больше, чем он о бедном пролетариате.

На фронте Кука воцарилось спокойствие. Генри и его соратник не подавали признаков жизни. Пес, пообщавшись с Орло, где-то свернулся клубочком и заснул сладким сном.

Я ехал по дороге. Песня, звучавшая в моем сердце, достигла фортиссимо, когда я вылез из машины у дверей «Уютного уголка», и сразу же с хрипом оборвалась. Что-то мягкое и пушистое потерлось о мою ногу. Я посмотрел вниз и разглядел в темноте знакомое животное семейства кошачьих.

18

Спал я, что называется, урывками (правильное ли слово, надо будет уточнить у Дживса), крутился, переворачивался, будто балетный танцор, и ничего удивительного, ведь я был зажат «жестокими тисками обстоятельств»,[133] как говорит в таких случаях Дживс. На сей раз их хватка была особенно жестокой, нечего было и пробовать вырваться каким-нибудь простым способом, например отплыть в кругосветное путешествие и отсутствовать до тех пор, пока гроза не минует.

Разумеется, у меня был выбор, я мог выйти из игры, откреститься от всей этой кошачьей истории и от самого этого проклятого животного. Но каковы были бы последствия? Полковник Брискоу не выставил бы Симлу на бега, а значит, любимая тетя проиграла бы все, и ей пришлось бы для покрытия дефицита обратиться к дяде Тому, а значит, у того прекратилось бы выделение желудочных соков и, может быть, надолго, а значит, из вечера в вечер он отодвигал бы от себя тарелку нетронутой, а значит, Анатоль, вспыльчивый, как все гении, не стерпев оскорбления, подал бы в отставку. Одним словом, повсюду гибель, разорение и тоска.

Рыцарство, эта вторая натура Вустеров, разумеется, не могло этого допустить. Какими бы опасностями это ни грозило, но кошку так или иначе

необходимо было доставить в некий пункт, откуда она найдет дорогу в свою штаб-квартиру. Спрашивается, кто взял бы на себя эту миссию? Билли Грэхем ясно дал понять, что никакой кошелек с золотом, даже самый увесистый, не подвигнет его опять испытать ужасы зловещего Эгсфорд-Корта. Дживс официально заявил о своем неучастии. А тетя Далия, к сожалению, не годилась в виду неспособности передвигаться без хруста веток под стопой.

Значит, оставался один Бертрам. И для него была исключена любая возможность заявить nolle prosequi, поскольку в таком случае, вне всякого сомнения, он долго не сможет воздавать должное кулинарным шедеврам Анатоля.

Немудрено, что я пребывал в глубочайшем унынии, когда, перейдя улицу, направился в пивную «Гусь и кузнечик» с намерением позавтракать. Обыкновенно я завтракаю несколько позже, чем в половине седьмого, но я бодрствовал с четырех часов и был уже не в силах терпеть муки голода.

В одном я был твердо уверен: что завтракать буду в одиночестве. И каково же было мое удивление, когда я увидел за столиком Орло, уплетавшего яичницу с беконом. Уму непостижимо, зачем он выполз на белый свет в такую рань. Спору нет, наблюдатели за птицами иногда нарушают нормальный распорядок дня, но даже если у него была назначена встреча с певуном Кларксона, естественно было бы для этого выбрать время где-то ближе к обеду.

— Привет, Берти, — сказал он. — Рад тебя видеть.

— Ты рановато поднялся, Орло.

— Немного раньше обычного. Не хочется заставлять Ванессу ждать.

— Ты пригласил ее к завтраку?

— Нет, она позавтракает без меня. Мы договорились встретиться в половине восьмого. Конечно, она может опоздать. Все зависит оттого, как быстро она найдет ключи от гаража.

— А зачем ей ключи от гаража?

— Чтобы вывести «бентли».

— Для чего ей понадобился «бентли»?

— Дорогой мой Берти, нам же нужно какое-то средство передвижения, чтобы бежать.

— Бежать?

— Мне следовало раньше объяснить тебе. Да, мы решили бежать, и слава Богу, сегодня выдался прекрасный денек. А вот и твоя яичница. Ешь, тебе понравится. В «Гусе и кузнечике» их готовят превосходно. Видно,

яйца несут куры, довольные жизнью.

Садясь за столик, я заказал яичницу, и, как справедливо заметил Орло, она была превосходна. Но я ел без вдохновения. Новость так поразила меня, что я не мог уделить превосходной яичнице того внимания, какого она заслуживала.

— Ты хочешь сказать, — переспросил я, — что вы с Ванессой решили тайно бежать?

— По здравому размышлению, нам ничего иного не остается. Для тебя это неожиданность?

— Да у меня просто глаза на лоб полезли.

— Что тебя так удивило?

— Мне казалось, вы не разговариваете.

Орло разразился хохотом гиены. Он явно был до крайности возбужден, что, разумеется, можно понять, ведь Ванесса, как говорится, — древо, на котором зреет плод его жизни, припомнилось мне чье-то изречение. Поневоле задумаешься о том, как разительно могут не совпадать вкусы. Я уже говорил, ослепительная красота Ванессы увлекла меня на какой-то миг, но при мысли о том, чтобы связать с ней свою судьбу, я весь леденел от ужаса, между тем Орло всей душой к этому стремился. Точно так же мой дядя Том ходит кругами, стараясь заполучить за сумасшедшие деньги овальную серебряную шоколадницу эпохи королевы Анны, а я бы ни за что на свете не появился с ней в обществе. Все-таки странно устроена жизнь.

Орло все хохотал.

— Ты отстал от жизни, Берти. Все уже в прошлом. Действительно, некоторое время наши отношения были натянуты, и даже прозвучали резкие слова, но вчера вечером мы полностью помирились.

— Ты вчера вечером ее встретил?

— Да. После того, как мы с тобой расстались. Она прогуливалась, перед тем как лечь и оросить слезами подушку.

— Это еще почему?

— Она ведь думала, что выходит замуж за тебя.

— Вот оно что, иначе говоря, лучше смерть, чем под венец.

— Точно.

— Сожалею, что доставил ей такие огорчения.

— Все в порядке. Она быстро утешилась, когда я рассказал ей, что побывал у Кука, потребовал свои деньги и даже несколько раз стукнул кулаком по столу. Она так горько раскаивалась в том, что называла меня раньше жалкой дрожащей тварью, на нее больно было смотреть. Стала

сравнивать меня с героями греческих мифов, разумеется, не в их пользу. И, короче говоря, бросилась в мои объятия.

— Должно быть, сразу промокла?

— Конечно, промокла. Но это ее не испугало. Как всякую эмоциональную натуру.

— Да, наверное.

— И вот тогда мы решили бежать. Ты, конечно, спросишь, на какие средства мы собираемся жить, но с моим жалованьем и скромным наследством, доставшимся ей от тети, как-нибудь протянем. Мы договорились, что она рано позавтракает, пойдет в гараж, возьмет «бентли», остальные машины выведет из строя, оставив Куку для преследования только «форд» садовника.

— Это наверняка его парализует.

— И я так думаю. «Форд» — отличная рабочая машина, но она не пригодна для погони за дочерьми по пересеченной местности. Куку нипочем нас не догнать.

— А если и догонит, что он может сделать? Не понимаю.

— Не понимаешь? А как насчет его арапника?

— М-да.

Не знаю, хотел ли он развить эту тему дальше, но тут с улицы послышался гудок автомобиля.

— Это она, — обрадовался Орло и вышел.

Я тоже. Но так как у меня не было ни малейшего желания встречаться с Ванессой, я вышел через заднюю дверь и вернулся в «Уютный уголок». Там я открыл роман «По царскому велению», чтобы все-таки выяснить, что же такое он повелел. Наверняка все персонажи, чьи фамилии оканчиваются на «ский», оглянуться не успеют, как будут сосланы в Сибирь. Но тут в комнату быстрыми шагами вошел Орло.

В руках он держал конверт.

— А, ты здесь, Берти, — сказал он. — Я на минутку. Ванесса ждет в машине.

— Пригласи ее войти.

— Она не хочет. Говорит, что для тебя это будет слишком болезненно.

— Что будет болезненно?

— Встреча с ней, осел. Тебе больно будет смотреть на нее, зная, что она принадлежит другому.

— А-а, понятно.

— Незачем причинять тебе мучения, если этого можно избежать.

— Верно.

— Я бы не стал тебя беспокоить, но мне нужно отдать тебе вот этот конверт. В нем моя записка для Кука вместо той, которую Ванесса написала вчера вечером.

— Она оставила ему записку?

— Да.

— Приколола к подушечке для булавок?

— Хотела приколоть, но где-то обронила и не стала утруждать себя поисками. И я подумал, лучше мне черкнуть ему пару слов. Раз я увожу его дочь, то простая вежливость требует поставить его об этом в известность. И к тому же я могу более четко изложить факты, чем это сделала бы она. Девушки в письмах склонны вдаваться в ненужные подробности и многословные описания. Университетски образованный человек, который печатается в «Нью стейтсмен», свободен от таких недостатков. Он изъясняется кратко и ясно.

— Я не знал, что ты пишешь для «Нью стейтсмена».

— Посылаю время от времени письма редактору. И мне частенько удавалось участвовать в еженедельных конкурсах.

— Увлекательное занятие.

— Весьма.

— Я и сам вроде как писатель. Когда моя тетя Далия издавала журнал «Будуар светской дамы», я сочинил для него статью «Что носит хорошо одетый мужчина».

— В самом деле? В следующий раз ты мне об этом непременно расскажешь. Не могу больше задерживаться. Ванесса ждет, — и добавил, когда гудок автомобиля нарушил тишину утра: — Уже нервничает. Вот записка.

— Ты хочешь, чтобы я передал ее Куку?

— А ты как думаешь? Чтобы повесил в рамочке на стенку?

С этими словами он умчался, точно нимфа, потревоженная во время купания, и я снова принялся за роман «По царскому велению».

Но, читая, я с горечью думал о том, что хорошо бы широкая общественность перестала видеть во мне эдакого безотказного «мальчика на побегушках», на которого можно взвалить любое неприятное дело. А то чуть только возникнет какая-нибудь сложность и нужно срочно принимать меры, как тут же поднимается крик: «Пусть Вустер это сделает!». Я уже касался склонности тети Агаты навязывать мне своего омерзительного сынка Тоса во все времена года. Или вот тетя Далия, втянула меня в эту кошачью историю и омрачила мою жизнь. А теперь еще у Орло Портера хватило наглости поручить мне, чтобы я передал его записку Куку. Как

будто он не знает, что явиться перед Куком в его нынешнем растревоженном состоянии — это все равно что вместе с Седрахом, Мисахом и Авденаго отправиться к печи, раскаленной огнем, — помню, я читал об этом в школе, когда получил награду за знание Библии. Что же мне теперь делать? — спрашивал я себя.

На моем месте какой-нибудь ничтожный человечишка стал бы в тупик, но в том-то и дело, что мы, Вустеры, не ничтожные людишки. Через каких-нибудь три четверти часа я уже сообразил, что нужно просто надписать имя и адрес Кука на конверте, наклеить марку и отправить по почте. Я с облегчением перевел дух и вновь углубился в книгу.

Однако сегодня все словно сговорились отрывать меня от чтения романа «По царскому велению». Только я одолел полстраницы, дверь распахнулась, и я понял, что вижу перед собой Кука собственной персоной. Он возник на пороге, как князь тьмы в пантомиме.

Рядом с ним стоял майор Планк.

19

Я радушный хозяин, и тем горжусь. Я умею создавать для гостей непринужденную обстановку, встречая их веселыми улыбками и блистая светским остроумием. Но признаюсь, при виде этой парочки от моего гостеприимства не осталось и следа, а что до остроумных шуток, то я сумел выдавить из себя лишь хриплый взвизг, похожий налай больного ларингитом пекинеса. Вот почему начать беседу пришлось Планку.

— Нам повезло, Кук. Они еще не успели удрать. В противном случае, — рассудил он, — этого прохвоста здесь не было бы, не так ли?

— Вы правы, — согласился Кук и обратился ко мне: — Где моя дочь, негодяй?

— Да, крыса, где она? — подхватил Планк.

И тут на меня вдруг снизошло глубочайшее спокойствие. Из пекинеса с больным горлом я мгновенно превратился в одного из тех героев исторических романов, которые щелчком стряхивают пылинку с безупречных брабантских манжет, перед тем как задать жару отрицательным персонажам. Своим быстрым умом я сообразил, что вторая сторона в лице ее двух представителей все перепутала, и это дает мне явное преимущество, я могу посадить их в такую калошу, в какой никто из обоих представителей противоположной стороны еще никогда не сидел.

— Потрудитесь ответить мне на два вопроса, мистер Планк и мистер

Кук, — проговорил я, — а) почему вы занимаете место в моем доме, которое мне самому нужно для совсем иных целей, и б) что вы, черт побери, такое мелете? Что за шум и крики насчет каких-то дочерей?

— Вот, слышите, как он нагло врет, — взвился Планк. — Что я вам говорил? Он напоминает мне одного человека, я встречался с ним в Восточной Африке, тот тоже всегда все отрицал. Если его ловили за руку, когда он шарил в ящике с сигарами, он уверял, будто просто укладывал их в ящик поплотнее. Аберкромби-Смит была его фамилия, его в конце концов сожрал крокодил на Нижней Замбези. Но даже этот мошенник сдавался, когда его прижимали к стенке неопровержимыми уликами. Предъявите этому прохвосту неопровержимую улику, Кук.

— Сейчас, — сказал Кук и достал из кармана конверт. — Вот письмо от моей дочери. Оно подписано «Ванесса».

— Очень важная деталь, — ввернул Планк.

— Я вам его зачитаю. «Дорогой отец, я уезжаю с человеком, которого люблю».

— Посмотрим, как он теперь станет выкручиваться? — злорадствовал Планк.

— Да, — подхватил Кук. — Что вы на это скажете?

— Всего-навсего следующее, — парировал я. Выходит, Орло заблуждался, утверждая, что девушки не умеют писать кратко. В жизни не читал ничего короче и яснее, чем эта записка. Возможно, мелькнула у меня мысль, что Ванесса тоже сотрудничает в «Нью стейтсмене». — Кук, вы исходите из… как это говорится… из ложных предпосылок.

— Вот! — заорал Планк. — Я же говорил, что он будет отпираться!

— Эта записка не имеет никакого отношения ко мне.

— То есть вы отрицаете, что вы именно тот человек, которого любит моя дочь?

— Да, отрицаю.

— И это при том, что она по сто раз на дню прибегала в этот мерзкий дом и, наверное, в эту самую минуту прячется под кроватью в соседней комнате, — снова вмешался Планк, хотя его не спрашивали. У этих африканских путешественников нет никакого понятия о такте, никакой выдержки.

— Да будет вам известно, — продолжал я, — что тот, кого вы ищете, — это Орло Портер. Они полюбили друг друга, когда Ванесса жила в Лондоне, со временем их любовь достигла апогея — если слово «апогей» означает то, что я думаю, — и они почувствовали, что больше не могут жить в разлуке. Тогда Ванесса угнала вашу машину, и они вместе

отправились на ней в регистрационное бюро.

Однако мои слова их не убедили. Кук заявил, что я лгу, а Планк еще прибавил, что чем больше он на меня смотрит, тем больше видит сходства с Аберкромби-Смитом, который, как он полагает, получил бы длительный срок тюремного заключения, если бы крокодил не взял дело в свои руки.

Мне следовало бы отметить, что в продолжение нашего обмена мнениями лицо Кука все более темнело. И сейчас оно сравнялось по цвету с клубным галстуком «Трутней», то есть стало багрово-красным. Одно время в клубе раздавались предложения сделать галстук ярко-алым в белую крапинку, но сторонники такой реформы не получили поддержки большинства.

— Как вы смеете нагло предполагать, что я такой дурак, чтобы поверить, будто моя дочь влюблена в Орло Портера? — бушевал Кук. — Да разве девушка в здравом уме может влюбиться в Орло Портера?

— Смешно, — вставил Планк.

— Ванесса бежала бы от него в отвращении.

— Со всех ног, — ввернул Планк.

— Но что она нашла в *вас*, я не могу понять.

— И я тоже, — подхватил Планк. — У него же борода, как у викторианского романиста. Омерзительное зрелище.

Я действительно утром не побрился, но это уже было слишком. Я терпимо отношусь к критике, однако не намерен сносить грубые оскорбления.

— Фуй! — произнес я. Я нечасто прибегаю к этому выражению, а между тем Ниро Вольф[134] постоянно его использует и притом весьма успешно, и мне показалось, что в данной ситуации оно как раз подходит. — Хватит глупой болтовни. Вот прочтите. — Я протянул Куку письмо Орло.

Должен сказать, что эта, как выражается Планк, неопровержимая улика оказала на Кука желаемое воздействие. Челюсть у него отвалилась. Дыхание стало хриплым. Лицо смялось, как лист копирки.

— Боже милосердный! — просипел он.

— Что такое? — встревожился Планк. — Что случилось?

— Это от Портера. Он пишет, что убежал с Ванессой.

— Наверняка подделка.

— Нет, это несомненно рука Портера… — Кук поперхнулся. — Мистер Вустер…

— Не называйте его мистером, как добропорядочного члена общества, — возразил Планк. — Это отъявленный преступник, он когда-то

чуть было не надул меня на пять фунтов. Он известен полиции как Альпийский Джо. Так его и зовите. Вустер — это псевдоним.

Но Кук его не слушал, — и я не могу его за это упрекнуть.

— Мистер Вустер, я приношу вам свои извинения.

Я решил проявить милосердие. Зачем топтать беднягу железной пятой? Правда, он вел себя крайне недопустимо, но многое можно простить человеку, который на протяжении одного дня лишился и дочери, и кошки.

— Забудем об этом, дражайший, — сказал я. — Всем нам свойственно ошибаться. Я от души прощаю вас. Если это небольшое недоразумение научит вас не торопиться с выводами, пока не проверены факты, значит, время потрачено не зря.

Я замолчал, сомневаясь, не слишком ли я взял высокомерный тон, как вдруг кто-то тихо сказал «мяу», и, опустив глаза, я увидел, что в комнату вошла кошка. Еще ни одна кошка на свете не выбирала более неподходящий момент, чтобы выйти пообщаться с компанией. Я смотрел на нее онемев, в безумной догадке, как те матросы на вершине Дарьена. Сжав в ладонях голову, чтобы на ней, чего доброго, не выросли голубиные крылышки[135] и не вознесли меня к потолку, я спрашивал себя, что же теперь будет? Ответ не заставил себя ждать.

— Ха! — воскликнул Кук, схватив в охапку и прижав свое животное к груди. Интерес к сбежавшей дочери он, похоже, совершенно утратил.

— Я же говорил вам, что кошку наверняка похитил Альпийский Джо, — торжествуя, сказал Планк. — Вот зачем он в тот день рыскал около конюшни. Выбирал удобный случай.

— Ждал своего часа.

— И ему нечего сказать в свое оправдание.

Планк был прав. Я не мог произнести ни слова. Оправдывать себя означало выставить престарелую родственницу перед судом света. Да они бы и не поверили, что я собирался вернуть кошку. Вы могли бы сказать, что я запутался в тенетах рока, если бы додумались до такого выражения, но когда это случается лично с тобой, тут уж не до выражений. Можете спросить в Дартмуре или Пентонвилле,[136] там подтвердят. Одна надежда, что Кук на радостях смягчится и отпустит меня с миром.

Но не тут-то было.

— Я буду настаивать на показательном приговоре, — заявил Кук.

— А пока не огреть ли мне его по голове моей тростью, — предложил Планк со свойственной ему бесцеремонной навязчивостью. — Лучше бы,

конечно, зулусской дубинкой с шипами, но я оставил ее дома.

— Я бы попросил вас сходить за полицией.

— А что вы будете делать?

— Отнесу кошку Потейто Чипу.

— А если он тем временем удерет?

— Вы правы.

— Когда в Бонго на Конго ловят вора, его связывают и сажают в муравейник, а сами тем временем идут за уолла-уолла, что на местном диалекте означает «судья». И провинившемуся приходится несладко, если он не любит муравьев, а уолла-уолла уехал отдыхать на уик-энд, но в каждой жизни иногда идут дожди,[137] и надо было раньше думать, а потом уж воровать. Правда, у нас тут нет муравьев, но можно привязать его к дивану. Надо только вытянуть пару шнуров из штор.

— Давайте же скорее так и сделаем, как вы предлагаете.

— Хорошо бы еще сунуть ему кляп в рот. Не в наших интересах, чтобы он позвал на помощь.

— Мой дорогой Планк, вы все предусмотрели.

Я очень люблю приключенческие романы, и меня всегда интересовало, что ощущают их герои, когда злодей связывает их по рукам и ногам где-то ближе к середине книги. Теперь же я мог составить себе на сей счет представление, правда, только приблизительное, поскольку их обычно привязывали к бочке с порохом и сверху ставили горящую свечу, что, несомненно, придавало ситуации особую остроту.

От этого дополнительного развлечения я был избавлен, но все равно на душе у меня было не слишком легко. Особенно угнетал кляп— Планк вставил мне в рот свой кисет, втиснув его между верхними и нижними зубами, а от кисета так сильно отдавало африканским путешественником, что удовольствия мне это совсем не доставляло. У меня гора с плеч свалилась, когда раздались шаги, и я понял, что это Дживс вернулся после кутежа у миссис П. Б. Пиготт из Балморала, Мейфкинг-Роуд.

— Доброе утро, сэр, — приветствовал он меня. Увидев своего хозяина привязанным к дивану шнурами от штор, он не выразил никакого удивления, — он сохранил бы такую же невозмутимость, если бы обнаружил, что меня съел крокодил, как покойного Аберкромби-Смита, хотя в этом последнем случае у него, быть может, и вырвался бы вздох сожаления.

Дживс вынул кляп и освободил меня от пут, справедливо полагая, что свободу я предпочту плену.

— Вы завтракали, сэр? — спросил он.

— Да, — ответил я, — завтракал.

— Тогда, быть может, кофе, сэр?

— Прекрасная мысль. И сварите покрепче, — попросил я в надежде, что кофе отобьет вкус табака Планка у меня во Рту. — А когда вы вернетесь, я поведаю вам повесть, которая заставит вас подпрыгнуть, словно вы сели на разъяренного Дикобраза.

Разумеется, это было преувеличением. Дживс слегка приподнимет бровь, и не более того, даже если, войдя в буфетную, обнаружит в раковине одного из тех редких представителей фауны, о которых упоминается в Апокалипсисе. Но все равно, когда Дживс вернулся с дымящимся кофейником, я поведал ему свою повесть. Он внимательно слушал, ничем не давая понять, что считает мой рассказ сенсационной новостью с первой полосы. Лишь когда я упомянул, что примирение Орло и Ванессы освобождает меня от почетных обязательств перед последней, слабый проблеск интереса мелькнул в его каменных чертах. По-моему, он даже настолько оживился, что готов был принести мне подобающие случаю поздравления, но в этот момент в комнату ворвался Планк.

Он был один. Мне следовало бы загодя предупредить его, что в это время суток связаться с полицейскими силами Мейден-Эгсфорда невозможно: в местной полиции состоит один-единственный полицейский, и по утрам он на велосипеде патрулирует свой участок.

Увидев Дживса, Планк изумился.

— Инспектор Уидерспун! — воскликнул он. — Поразительно, как это вы, ребята из Скотланд-Ярда, выслеживаете того, кто вам нужен. Наверное, вы шли по следу Альпийского Джо много дней, как горностай за кроликом. А ему и невдомек, что за каждым его шагом следит инспектор Уидерспун, человек, который никогда не дремлет. Вы выбрали чрезвычайно удачный момент для ареста, поскольку, помимо прочих преступлений, из-за которых его разыскивает полиция, он еще украл ценную кошку, принадлежащую моему другу Куку. Мы поймали его с поличным, насколько это возможно, когда речь идет о краже кошки. Но странно, что вы отвязали его от дивана. Мне казалось, что полиция всегда следит за тем, чтобы на месте преступления все оставалось в неприкосновенности.

Признаюсь, я растерялся и не находил слов, зато, к счастью, у Дживса их нашлось достаточно.

— Я не понимаю вас, — произнес он таким ледяным тоном, что Планк, должно быть, пожалел, что не надел шерстяного белья. — Будьте любезны объяснить, почему вы называете меня инспектором

Уидерспуном? Я вовсе не инспектор Уидерспун.

Планк раздраженно поцокал языком.

— Конечно, вы Уидерспун! — заспорил он. — Я вас отлично помню. Вы еще станете уверять меня, что не арестовывали этого человека в моем доме в Глостершире, когда он жульническим способом пытался вытянуть у меня пять фунтов.

Дживс не носит безупречных брабантских манжет, а то бы он непременно смахнул с них пылинку. Однако его голос стал еще более ледяным.

— Вы ошибаетесь во всех отношениях, — проговорил он. — Мистер Вустер — состоятельный человек. И весьма маловероятно, что он пытался получить от вас какие-то пять фунтов. Это я могу утверждать авторитетно, так как являюсь поверенным мистера Вустера и ежегодно заполняю налоговую декларацию о его доходах.

— Вот так-то, Планк, — сказал я. — Любому мыслящему человеку ясно, что у вас галлюцинации, вероятно, вследствие солнечного удара, который вы перенесли, отравляя существование туземцам Экваториальной Африки. На вашем месте я бы прямиком направился к доктору Э. Дж. Мергэтройду и попросил бы у него какое-нибудь лекарство, пока болезнь не зашла слишком далеко. А то, чего доброго, она распространится по всему организму, и вы будете глупо выглядеть, если нам придется закопать вас еще до захода солнца.

Было видно, что Планк опешил. Он не мог побледнеть под загаром, так как загар у него был такой темный, под ним не побледнеешь. Не уверен, что четко выразил свою мысль. Я хочу сказать, что побледнеть-то он мог, но под загаром вы бы этого не заметили.

На лице у Планка появилось задумчивое выражение. Я знал, о чем он задумался: соображал, как он будет объясняться с Куком, которому из-за него придется платить крупный штраф за нанесение побоев, оскорбление действием и покушение на свободу личности.

Эти африканские путешественники быстро смекают, что к чему. Ему потребовалось ровно пять секунд, чтобы прийти к выводу: оставаться здесь для объяснения с Куком не надо. И он исчез из комнаты, по всей видимости, устремившись в направлении Бонго на Конго, где его не достигнет рука правосудия. Наверное, он не развивал такой скорости с того раза, когда, решив, что туземцы расположены дружески, остался у них ночевать, а они пришли по его душу с копьями.

Расставшись с Планком, я прежде всего поспешил выразить заслуженную благодарность Дживсу за его содействие и помощь. Затем мы

перешли на более неофициальный тон.

— Приятно провели время вчера вечером, Дживс?

— Чрезвычайно приятно, сэр, благодарю вас.

— Как поживает ваша тетушка?

— Поначалу она была несколько огорчена,

— Из-за чего?

— У нее пропала кошка, сэр. Уезжая отдыхать, она оставила ее на попечение своей приятельницы, но кошка пропала.

Я раскрыл рот. Внезапная догадка осенила меня. Такие уж мы, Вустеры. Нас постоянно осеняют внезапные догадки.

— Дживс! Не может быть, что?.. Не думаете ли вы, что, возможно, это?..

— Да, сэр. Она описала мне животное во всех подробностях, и у меня не осталось никаких сомнений, что это именно та кошка, которая в настоящее время находится на территории Эгсфорд-Корта.

От радости я даже заплясал. Я всегда наперед вижу счастливые концы.

— Значит, у нас есть средство нейтрализовать Кука!

— Похоже, что так, сэр.

— Мы пойдем к нему и скажем, что он может держать кошку до конца скачек, разумеется, за соответствующее вознаграждение вашей тете. Ленд-лиз, так это называется?

— Да, сэр.

— И вдобавок выдвинем одно условие… Условие, правильно?

— Да, сэр.

— По которому он обязан будет отдать Орло Портеру его деньги. Мне бы хотелось, чтобы Орло наконец обрел свое счастье. Кук не сможет отказаться, потому что ему нужна кошка, а если он попытается заявить nolle prosequi, мы предъявим ему обвинение в нападении и оскорблении действием. Я прав, Дживс?

— Несомненно, сэр.

— И еще одно. Последнее время меня не покидает мысль, что жизнь в Мейден-Эгсфорде с ее безумным темпом и вихрем событий едва ли соответствует тому, что имел в виду доктор Э. Джимпсон Мергэтройд, когда рекомендовал мне отдохнуть на лоне природы в деревенской глуши. Мне нужно перебраться в какое-нибудь тихое, мирное место, например в Нью-Йорк. Если меня там и ограбят, ничего страшного. Просто к этому надо привыкнуть, и все дела. Вы согласны, Дживс?

— Да, сэр.

— И вы поддерживаете мое предложение пойти в атаку на папашу

Кука?

— Да, сэр.

— Тогда вперед. Мой автомобиль ждет у дверей. Следующая остановка — Эгсфорд-Корт.

20

Неделю спустя после того, как мы устроились в Нью-Йорке, в одно прекрасное утро я вышел к завтраку, веселясь в юности своей,[138] — если я не спутал слова, — и обнаружил возле своего прибора письмо с английской маркой на конверте. Почерк был мне незнаком, и я отложил письмо в сторону, чтобы прочитать позднее, подкрепив силы плотным завтраком. Я всегда поступаю так с письмами, приходящими с утренней почтой. Дело в том, что если в них какая-нибудь гадость и вы узнали о ней на пустой желудок, то уже весь день будет испорчен. А в нынешние неспокойные времена люди только и делают, что пишут друг другу разные гадости.

Через полчаса, хорошо заправившись и ощутив прилив новых сил, я вскрыл конверт и понял, почему почерк показался мне незнакомым. Письмо было от дяди Тома, а он не писал мне с той поры, как я учился в школе, и он тогда, надо отдать ему должное, непременно еще вкладывал в конверт почтовый перевод на пять или десять фунтов.

Дядя Том, засучив рукава, написал так:

> Дорогой Берти!
>
> Ты, конечно, удивишься, получив мое письмо. Я пишу тебе по просьбе твоей тети, которая пострадала в результате несчастного случая и теперь вынуждена носит руку на перевязи. Несчастье постигло ее в последние дни пребывания в Сомерсете в гостях у неких ее друзей Брискоу. Если я правильно понял, на вечеринке, где праздновали победу лошади полковника Брискоу в важных состязаниях, пробка, вылетев из бутылки, с такой силой ударила твою тетю по носу, что она потеряла равновесие, упала и повредила запястье.

Следующие три страницы были посвящены погоде, налогам (они очень не нравились дяде Тому) и последним приобретениям, обогатившим его коллекцию старинного серебра. В конце стоял постскриптум:

P.S. Твоя тетя просила послать тебе эту газетную вырезку.

Я не обнаружил никакой газетной вырезки и уже было решил, что дядя Том забыл вложить ее в конверт, как увидел клочок газеты на полу.

Я поднял его. Это была заметка из «Бридмутского Аргуса», издания, с которым слились в единое целое «Сомерсетский фермер» и «Вестник Южного края». Если вы помните, театральный обозреватель «Вестника» некогда поместил восторженную рецензию на выступление старой родственницы, исполнявшей в матросском костюме песенку «Все хорошенькие девушки любят моряка» на деревенском празднике в Мейден-Эгсфорде.

В заметке говорилось:

СЕНСАЦИЯ НА ЮБИЛЕЙНЫХ СКАЧКАХ
РЕШЕНИЕ СУДЕЙ

Вчера судейская коллегия — майор Уэлш, адмирал Шарп и сэр Эверард Бут — после продолжительного обсуждения вынесла решение относительно инцидента, произошедшего на юбилейных скачках и вызвавшего жаркие споры в спортивных кругах Бридмута-он-Си. Победу присудили лошади Симле, принадлежащей полковнику Брискоу. Выплаты по ставкам будут производиться в соответствии с данным решением судейской коллегии. Ходят слухи, что крупные суммы перейдут из рук в руки.

На этом месте я прервал чтение, поскольку письмо и заметка в газете заставили меня о многом задуматься. Стоит ли говорить, я всей душой сострадал тете Далии, когда представил себе трагическую сцену между ней и пробкой от шампанского. Мне тоже пришлось пережить нечто подобное во время одной пирушки в клубе «Трутни», и я могу засвидетельствовать, что человеку в подобной ситуации требуется призвать на помощь всю свою выдержку. Однако тете Далии послужит утешением мысль, что она таки сорвала солидный куш, и ей, к счастью, не придется тревожить дядю Тома, чтобы сохранить баланс семейного бюджета.

Итак, эта сторона дела исчерпала для меня свой интерес. Однако в том, что произошло на скачках, скрывалась какая-то тайна, и хотелось бы в нее проникнуть. Судя по всему, лошадь Кука, Потейто Чип, пришла первой, но была дисквалифицирована. Из-за какого-то недозволенного приема?

Обычно дисквалифицируют по этой причине. Я стал читать дальше.

> События, конечно же, еще свежи в памяти наших читателей. Выйдя на финишную прямую, Симла и ее соперник шли вровень, далеко опережая всех остальных участников, и было ясно, что победителем станет один из них. Приближаясь к финишу, Симла вырвалась вперед на целый корпус, как вдруг на беговую дорожку выскочила черная с белыми разводами кошка, Симла шарахнулась и сбросила жокея.
>
> Впоследствии выяснилось, что кошка принадлежит мистеру Куку, ее привезли на скачки в контейнере для лошадей вместе с его лошадью. Судьи сочли это обстоятельство решающим и, как мы уже сообщали, присудили победу лошади, выставленной полковником Брискоу. Мистеру Куку было выражено сожаление.

Ну уж, от меня он не дождался бы слов сочувствия. По-моему, старый жмот получил по заслугам. Пусть знает, нельзя быть извергом рода человеческого, от которого никому нет житья, и не поплатиться за это рано или поздно. Вспомните, что некто сказал о мельницах богов.[139]

Закурив сигарету после завтрака, я настроился на философский лад. Вошел Дживс убрать со стола, и я рассказал ему новости:

— Симла взяла приз на скачках, Дживс.

— В самом деле, сэр? Рад слышать.

— А тетя Далия получила удар по носу пробкой от шампанского.

— Сэр?

— Когда в доме у Брискоу праздновали победу.

— А, понимаю, сэр. Мучительное испытание, но, несомненно, чувство удовлетворения от удачных финансовых приобретений позволит миссис Траверс мужественно пережить его. Тон ее сообщения был бодрым?

— Письмо написал дядя Том. И вот что он приложил к своему посланию.

Я протянул Дживсу газетную вырезку, и содержание заметки вызвало у него глубокий интерес. Его бровь поднялась по крайней мере на одну шестнадцатую дюйма.

— Драматичный поворот событий, Дживс.

— Чрезвычайно, сэр. Но я не уверен, что в полной мере согласен с вердиктом судей.

— Нет?

— Я бы квалифицировал этот эпизод как стихийное бедствие.

— Слава Богу, не вы принимали решение. Страшно подумать, что натворила бы тетя Далия, сложись все иначе. Представляю себе, как она подкладывает ежей в постель майору Уэлшу и выливает из окна ведро воды на адмирала Шарпа и сэра Эверарда Бута, а в итоге ее приговаривают к двухнедельному тюремному заключению без права замены штрафом. Я бы не выдержал этого и через два дня свалился с нервным истощением. В Мейден-Эгсфорде и без того трудно было избежать нервного истощения, — продолжал рассуждать я, так как на меня нашел философский стих. — Вы когда-нибудь размышляете о жизни, Дживс?

— Случается, сэр, на досуге.

— И что вы о ней думаете? Вам не кажется, что порой у нее бывают странные заскоки?

— Можно и так сказать, сэр.

— Вся эта путаница, когда то-то и то-то кажется вам тем-то и тем-то, хотя на самом деле это вовсе не так. Вы меня понимаете?

— Не вполне, сэр.

— Возьмем простой пример. На первый взгляд Мейден-Эгсфорд казался типичной тихой гаванью. Вы согласны со мной?

— Да, сэр.

— Тишь да гладь да Божья благодать, домики, увитые жимолостью, всюду, куда ни кинешь взгляд, розовощекие деревенские жители. Вдруг маски сорваны, и жизнь в нем оборачивается настоящим адом. За миром и покоем нам пришлось убежать в Нью-Йорк, и только тут мы их обрели. Здешняя жизнь течет размеренно и безмятежно. Ничего не происходит. Разве нас ограбили?

— Нет, сэр.

— В нас стреляли какие-нибудь молодчики?

— Нет, сэр.

— «Нет, сэр» — точнее не скажешь. Мы не ведаем тревог. И я объясню вам, почему. Здесь нет теток. И прежде всего, нет моей тетки миссис Далии Траверс из Бринкли-Мэнор, Маркет-Снодсбери, Вустершир, от которой нас теперь отделяют три тысячи миль. Поймите меня правильно, Дживс. Я люблю родную старушенцию. Можно сказать даже, глубоко ее чту. Никто не станет утверждать, что с ней скучно. Но у нее нет моральных устоев. Она не делает различия между тем, что можно и чего нельзя. Если ей взбредет что-то в голову, она не спрашивает себя: «А как посмотрела бы на это Эмили Пост»,[140] и просто-напросто делает, что ей вздумается, как, например, в этой истории с кошкой. Знаете, в чем беда теток как класса?

— Нет, сэр.

— Они не джентльмены, — мрачно заключил я.

---

notes

Примечания

1

Отправной пункт *(франц.)*.

2

Теллула Банкхед (1903–1968) — американская актриса, дочь известного политического деятеля Уильяма Брокмена Банкхеда.

З

Азенкур — Селение во Франции, близ которого во время Столетней войны (1337–1453) войска английского короля Генриха V разгромили французов.

4

Вторым браком *(франц.)*.

5

Дотбойз-холл — школа для мальчиков в романе Диккенса «Николас Никлби», где царит палочная дисциплина, отупляющая учеников.

6

Джоан Кроуфорд — известнейшая американская киноактриса (1908–1977).

7

Краткое изложение *(франц.)*.

8

Старый моряк — герой баллады Сэмюэля Т.Коддриджа (1772–1834).

9

Ванная комната *(франц.)*.

10

Смерть, где твое спасительное жало! — Цитата из Библии: «Смерть, где твое жало? Ад, где твоя победа?» (Первое послание к коринфянам, 15: 55. Книга пророка Осии, 13: 147).

11

Валтасаров пир. — Книга пророка Даниила, гл. 5, ст. 5-28.

12

Дьявольский остров. — Скалистый остров в Атлантическом океане у берегов французской Гаяны, куда до 1953 г. ссылали преступников и прокаженных.

13

…даже вошла в пословицу. — «…И хочется, и колется, как кошка в пословице» (У. Шекспир. «Макбет», акт I, сцена 7, перевод Б.Пастернака).

14

…*торжественным покоем воздух дышит*. — Т. Грей (1716–1771). «Элегия, написанная на деревенском кладбище» (1751).

15

Арлен Майкл (1895–1956) — английский писатель, родившийся в Болгарии.

16

…*влюбляются с первого взгляда?* — Кристофер Марло (1564–1593). Строка из поэмы «Геро и Леандр».

17

Боадицея — королева одного из племен, населяющих древнюю Англию.

18

Нервии — Одно из кельтско-германских племен (I век до н. э.), упоминается Тацитом и Цезарем («Записки о Галльской войне»).

19

Переговоры *(франц.)*.

20

Фрикасе из цыплят «Агнесса Сорель» *(франц.)*.

21

Блинчики а-ля Россини *(франц.).*

радость придет поутру. — «…вечером водворяется плач, а наутро радость» (Пс. 29:6).

23

Навязчивая идея *(франц.)*.

24

Nolle prosequi (лат.) — юридическая формула отказа от иска со стороны истца, букв. — «продолжать не буду».

25

Так! *(лат.)*.

26

Так везде *(лат.)*.

27

Смотри выше *(лат.)*.

28

…слинять из пещи огненной. — Праведные мужи Седрах, Мисах и Авденаго были брошены в огненную печь, но не сгорели. Книга Пророка Даниила, гл. 3.

29

…*всякая плоть — трава.* — «Всякая плоть — трава, и вся красота ее — как цвет полевой» (Книга пророка Исайи, глава 40, стих 6).

30

…*в бегущих ручьях — каменья*. — У. Шекспир. «Как вам это понравится», акт II, сцена 1.

31

сок Иппокрены. — В греческой мифологии — источник вдохновения, который возник от удара копыта крылатого коня Пегаса на горе муз Геликоне; в переносном смысле — вино.

32

Хеверову жену Иаиль. — Книга Судей израилевых, 4:21.

33

клянясь, что не уступит, уступает. — Д.Г. Байрон (1788–1824), «Дон Жуан».

34

В этом мире все так хорошо… — Р. Браунинг (1812–1889). «Проходит Пиппа…» (1841).

35

Горгулья — выступающая водосточная труба в виде фантастической фигуры (в готической архитектуре).

36

Мне плевать на этого мерзавца. Он вообразил, что он птица… Убирайтесь вон, сумасшедший *(франц.)*.

37

Черт побери! *(франц.)*.

38

…*застрелила лису*. — На традиционной английской охоте на лис их убивают исключительно ударами хлыста.

39

Жалкое ничтожество, хам, вертопрах *(франц.)*.

40

Озноб *(франц.)*.

41

К зубам прилипает теснее, чем брат. — Аллюзия на изречение из Библии: «Кто хочет иметь друзей, тот и сам должен быть дружелюбным; и бывает друг, более привязанный, нежели брат» (Притчи Соломона, 18: 24).

42

Мак — презрительная кличка шотландца.

43

Шноззл Дуранте. — Берти имеет в виду известного в 30—40-е годы американского эстрадного певца Джимми Дуранте по прозвищу Шноззл (Нос).

44

Здесь: напьются, как свиньи.

45

…как детки в лесу из баллады. — Имеется в виду старинная английская баллада о том, как злые люди завели в лес и оставили на погибель двух детей, а красногрудая птичка малиновка засыпала их прошлогодней листвой.

46

…добрую весть из Гента в Экс. — Имеется в виду стихотворение Р.Браунинга «Как везли добрую весть из Гента в Экс».

47

…гогот и гул — ночной разгул. — Строчки из пасторальной фантазии Дж. Милтона «Комус» (1634 г.).

48

…*чем женщина, которую презрели.* — Цитата из трагедии Уильяма Конгрива «Новобрачная вдова», акт 3, сц. 8 (1697 г.).

49

Лохинвар — герой известной баллады Вальтера Скотта, входящей в его поэму «Мармион» (1808 г.).

50

Трапписты — с 1664 года ветвь монашеского Цистерцианского ордена, члены которого, в частности, обязаны были всю жизнь хранить молчание.

51

«Гибель "Гесперуса"» (1841 г.) — баллада Генри Лонгфелло; в ней описывается кораблекрушение.

52

А что проку-то? *(франц.)*.

53

…лишая землю царственых щедрот. — Цитата из 33-го сонета У. Шекспира, пер. С.Маршака.

54

Лови день *(лат.)*.

55

Букв, «уже виденное» *(франц.)*.

56

Истинный рыцарь *(франц.)*.

57

Мимолетные замечания *(лат.)*.

58

…топтал траву родных полей. — Цитата из шотландской песни «Старая дружба» на стихи Р. Бернса.

59

…о если бы коснуться исчезнувшей руки. — Цитита из стихотворения А.Теннисона «У моря».

60

…какой-то Дарьенской вершине. — Аллюзия на сонет Дж. Китса «Впервые прочитав Гомера в переводе Чапмена», в котором говорится о том, как завоеватель Мексики Кортес и его солдаты впервые увидели Тихий океан.

61

…*«приди», и тот приходил.* — Евангелие от Матфея, 8, 9.

62

…*под колесом твоей повозки*. — Цитата из стихотворения Лоренс Хоуп (1865–1904) «Всего лишь пыль».

63

…*что в путь суда подвигла.* — К.Марло. «Трагическая история доктора Фауста» (акт V, сцена 1), пер. Е. Бируковой.

64

Болезнь печени *(франц.)*.

65

…предает нас нищете, не сделавшись богаче. — Шекспир. «Отелло» (акт III, сцена 3), пер. Б. Пастернака.

66

…«дама» из рождественской комедии. — Характерная роль, которую исполняет мужчина.

67

…*которая смеется над добычей*. — Шекспир. «Отелло» (акт III, сцена 3), пер. Б. Пастернака.

68

…люди, про которых в гимне сказано. — «Гимны старинные и современные» (1861) — сборник церковных гимнов, имеется в виду гимн «Христианин, видишь их».

69

Берк, Эдмунд (1729–1797) — английский публицист и философ.

70

Иаиль, жена Хеверова — см. примеч. к стр. 170.

71

…сей новый рай земной, второй Эдем. — Шекспир. «Ричард II» (акт II, сцена 1), пер. М. Донского.

72

…*пращами и стрелами яростной судьбы.* — Шекспир. «Гамлет» (акт III, сцена 1), пер. М. Лозинского.

73

…*недолго музыка играть могла*. — Цитата из поэмы А. Теннисона «Мерлин и Вивиана».

74

глухой аспид. — Псалом 57 (5,6). «Яд у них, как яд змеи, как глухого аспида, который затыкает уши свои и не слышит голоса заклинателя, самого искусного в заклинаниях».

75

…способен на грабеж, измену, хитрость — Шекспир. «Венецианский купец» (акт V, сцена 1), пер. Т. Щепкиной-Куперник.

76

Движется таинственно и чудеса творит. — Цитата из гимна Уильяма Купера (1731–1800) «Бог движется таинственно».

77

…все кончить могли б мы разом. — Шекспир. «Макбет» (акт I, сцена 7), пер. Ю. Корнеева.

78

Я разжег кровь и напряг мышцы. — Шекспир. «Генрих V» (акт III, сцена 1), пер. Е. Бируковой.

79

На положении воспитуемых *(лат.)*.

80

…*придя на берег Ди.* — Цитата из стихотворения Чарлза Кингсли (1819–1875) «Берег Ди».

81

Перри Мейсон. — Адвокат, герой детективных романов американского писателя Эрла Стэнли Гарднера (1889–1970).

82

Джек Демпси (1895–1983) — известный американский боксер-тяжеловес.

83

…стоял один на палубе горящей, когда бежали все. — Цитата из стихотворения английской поэтессы Фелиции Доротеи Хеманз (1793–1835) «Казабьянка».

84

…упал на землю, где — не знаю. — Цитата из стихотворения Генри Уодсуорта Лонгфелло «Стрела и песня».

85

…похож на трусливого серенького зверька. — Имеется в виду стихотворение Бернса «К полевой мыши, разоренной моим плугом».

86

Вот и все *(франц.)*.

87

…поднялся в высшие пределы. — Цитата из поэмы А. Теннисона «In Memoriam».

88

Довольство, благодушие *(франц.)*.

89

…*как иглы на взъяренном дикобразе.* — Шекспир. «Гамлет» (акт I, сцена 5), пер. М. Лозинского.

90

Благородство обязывает *(франц.)*.

91

Улитка в поднебесье, синичка на листе. — Цитата из драмы Р. Браунинга «Пиппа проходит».

92

Точное слово *(франц.)*.

93

…лань, которая страстно желает к прохладным потокам. — Псалом 41, ст. 2 «Как лань желает к потокам воды».

94

…чудовище, которое потешается над своей жертвой. — Аллюзия на слова Яго из трагедии У. Шекспира «Отелло».

95

Харли-стрит — улица в Лондоне, где находятся приемные ведущих частных врачей.

96

Радость жизни *(франц.)*.

97

Они что легкий ветер мимо пронесутся. — У. Шекспир. «Юлий Цезарь» (акт IV, сцена 3).

98

Школа Слейда — художественное училище при Лондонском Университете.

99

Понять — значит простить *(франц.)*.

100

Орден траппистов. — Католический монашеский орден, членам которого предписывается, в частности, полное молчание.

101

Книга поместного дворянства Берка. — Ежегодные справочники, названные по имени их первых издателей. Публикуются с начала XIX века.

102

Лохинвар — герой известной баллады Вальтера Скотта, входящей в его поэму «Мармион» (1808 г.).

103

…в одну величавую прекрасную песнь. — Строка из стихотворения «Прощание» английского поэта Чарльза Кингсли (1819–1875).

104

…*как звезды, рванулись из орбит*. — В. Шекспир. «Гамлет» (акт I, сцена 5).

105

Благородный рыцарь *(франц.)*.

106

Переговоры *(франц.)*.

107

Благородный *(франц.)*.

108

…бой между Джином Танни и Джеком Демпси в Чикаго. — Поединок за титул чемпиона мира между двумя самыми известными американскими боксерами, состоялся в 1927 году.

109

Ты коснулся сути дела» *(лат.)*.

110

Вполголоса *(шпал.)*. Неправильно использованный музыкальный термин.

111

…*застыли на вершине Дарьена* — имеется в виду сонет Дж. Китса «Впервые прочитав Гомера в переводе Чапмена», в котором говорится о том, как завоеватель Мексики Кортес и его солдаты впервые увидели Тихий океан.

112

Из уст младенцев и грудных детей! — Псалом 8, ст. 3.

113

Грэхем, Билли (р. 1918) — пользующийся мировой известностью американский проповедник и миссионер.

114

Хейлибери — мужская привилегированная частная школа в графстве Хартфордшир.

115

Алка-Зельтцер — фирменное название патентованного средства против изжоги, тошноты и похмельного синдрома.

116

Трясешь кровавыми кудрями ты напрасно. — «Макбет» (акт III, сц. 4).

117

Неофициальное замечание *(лат.)*.

118

Фред Астер (1899–1987) — знаменитый американский киноактер 30—40-х гг., блестящий танцор.

119

…как бы искусно тот его ни заклинал — см. примеч. к стр. 291.

120

…что это — как бишь его. — Имеется в виду популярный исторический анекдот про то, как путешественник по Африке Г.М. Стэнли, разыскав пропавшего коллегу Д. Ливингстона, приподнял шляпу и приветствовал его словами: «Доктор Ливингстон, я полагаю?»

121

…полки его сверкают багрецом и златом. — Цитата из стихотворения Дж. Байрона «Поражение Сеннахериба».

122

Как бальзам в Галааде. — Книга пророка Иеремии, гл. 8 (22): «Разве нет бальзама в Галааде? Разве нет там врача?»

123

Времена меняются, и мы меняемся с ними *(лат.)*.

124

…*знаки свои на него положила.* — Строка из стихотворения Т. Грея (1716–1771) «Сельское кладбище», пер. В. Жуковского.

125

…*там будет плач и скрежет зубов.* — Евангелие от Матфея, гл. 22 ст. 13.

126

…*как высокие холмы.* — Псалом 113, 4: «Горы прыгали, как овны, и холмы, как агнцы».

127

…*застрелила лису*. — На традиционной английской охоте на лис их убивают исключительно ударами хлыста.

128

…треск тернового хвороста под котлом. — Книга Екклисиаста, гл. 7, 6: «Потому что смех глупых то же, что треск тернового хвороста под котлом».

129

…государство, где вспыхнуло междуусобье. — У. Шекспир. «Юлий Цезарь» (акт II, сцена 1).

130

…*если бы ты знал, что наделал.* — Считается, что с такими словами по сходному поводу обратился к своей собаке Ньютон.

131

Пропонент — член избирательного комитета, предлагающий кандидата в Парламент; его предложение должно быть поддержано вторым лицом — *секундантом.*

132

Мейфэр — фешенебельный лондонский район.

133

…жестокими тисками обстоятельств. — Строка из стихотворения английского поэта У.Э. Хенли (1849–1903) «Onvictus».

134

Ниро Вольф — главный герой многотомной серии детективных романов американского писателя Р. Стаута.

135

…*выросли голубиные крылышки.* — Аллюзия на Псалом 54, ст. 7: Ия сказал: Кто дал бы мне крылья, как у голубя? Я улетел бы и успокоился бы.

136

Дартмур или Пентонвилль. — Британские тюрьмы.

137

…*в каждой жизни иногда идут дожди.* — Строка из стихотворения Г. Лонгфелло «Дождливый день».

138

…*веселясь в юности своей*. — Фраза из книги Екклесиаста, гл. 11, ст. 9.

139

…некто сказал о мельницах богов. — Фраза, приписываемая разным авторам, начиная с Еврипида: «Мельницы Божьи мелят медленно, но тонко».

140

Пост, Эмили (1872–1960) американская писательница, автор руководства по хорошим манерам.